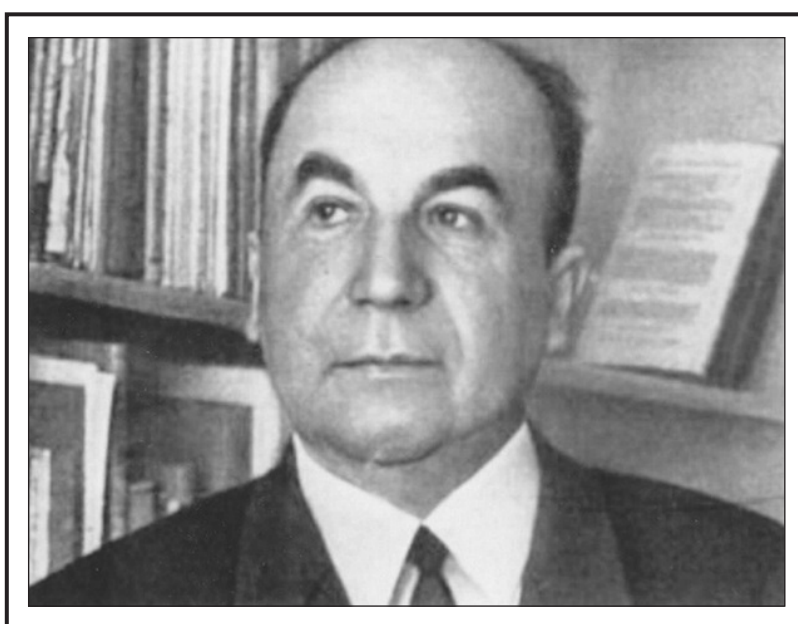

XXXIII КРУПНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ДОСТИЖЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ
ИЗУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИИ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
В XX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XXI ВЕКА

Евгений Игнатьевич
КРУПНОВ
1904–1970

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

ACHIEVEMENTS AND PROSPECTS
FOR STUDYING THE ARCHEOLOGY
OF THE NORTH CAUCASUS IN THE 20th – FIRST
QUARTER OF THE 21st CENTURY

Proceedings of the International Scientific Conference
«XXXIII Krupnov Readings»
devoted to the 120th anniversary of the birth of
Evgeny Ignatievich Krupnov

Moscow, April 22–26, 2024

Moscow, 2024

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ДОСТИЖЕНИЯ
И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ
АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
В XX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XXI ВЕКА

Материалы Международной научной конференции
по археологии Северного Кавказа
«XXXIII Крупновских чтений»,
посвященных 120-летию со дня рождения
Евгения Игнатьевича Крупнова

Москва, 22–26 апреля 2024 г.

Москва, 2024

УДК 902/904
ББК 63.4
Д70

Утверждено к печати Ученым советом ИА РАН

Рецензенты:

д.и.н. *М.В. Добровольская*
к.и.н. *Е.В. Суханов*

Ответственный редактор:

д.и.н. *Д.С. Коробов*

Редакционная коллегия:

к.и.н. *З.Х.-М. Албегова*, д.и.н. *Ш.Н. Амиров*, д.и.н. *М.С. Гаджиев*, д.и.н. *Э.Д. Зиливинская*,
д.и.н. *А.Р. Канторович*, к.и.н. *А.А. Клещенко*, к.и.н. *Е.В. Леонова*,
к.и.н. *В.Е. Маслов*, к.и.н. *С.Н. Савенко*, д.и.н. *В.Р. Эрлих*

Достижения и перспективы изучения археологии Северного Кавказа в XX – первой четверти XXI века. Материалы Международной научной конференции по археологии Северного Кавказа «XXXIII Крупновские чтения», посвященной 120-летию со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова. – М.: ИА РАН, 2024. – 376 с.

ISBN 978-5-94375-432-6

В издании публикуются материалы докладов, представленных на Международной научной конференции «Достижения и перспективы изучения археологии Северного Кавказа в XX – первой четверти XXI века» – XXXIII Крупновские чтения, посвященные 120-летию со дня рождения выдающегося ученого-кавказоведа, археолога, доктора исторических наук, профессора, лауреата Ленинской премии Евгения Игнатьевича Крупнова (1904–1970). Тематика докладов отражает широкий круг проводимых археологических исследований, охватывающих хронологический диапазон от каменного века до позднего средневековья.

Книга предназначена археологам, историкам, студентам исторических специальностей и всем интересующимся историей.

**УДК 902/904
ББК 63.4**

ISBN 978-5-94375-432-6

DOI: 10.25681/IARAS.2024.978-5-94375-432-6

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии Российской академии наук, 2024
© Авторы статей, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

Багаев М.Х.	
Древняя и средневековая Чечня в трудах Е.И. Крупнова и его учеников	17
Григорьева О.В., Володин С.А., Кудрявцев А.А., Кочкаров У.Ю.	
Материалы по изучению святилищ Северной Осетии в 1940 г. в архивных документах Е.И. Крупнова	21
Корневский С.Н.	
Е.И. Крупнов и культурология начала медно-бронзового века Предкавказья по его монографии 1957 года	24
Медведева М.В.	
«К своей автобиографии считаю необходимым добавить следующее...»: Материалы довоенного периода деятельности Е.И. Крупнова из архивного собрания ИИМК РАН	26

АРХЕОЛОГИЯ КАМЕННОГО ВЕКА И ЭПОХИ БРОНЗЫ

Алиева Ф.А.	
Хозяйственная жизнь племен Нахчывана в раннебронзовый период на основе образцов пластики	30
Амиров Ш.Н.	
Лейлатепинская и майкопская культуры. Сравнительный анализ	32
Амирханов Х.А., Магомедов Р.Г., Чечушкова Д.И.	
Неолитические стоянки на Данухском перевале в Дагестане	34
Будайчиев А.Л.	
Вазы-«фруктовницы» из памятников раннего бронзового века Приморского Дагестана	37
Бурков С.Б.	
К вопросу о выделении нижнего стратиграфического горизонта на поселениях Сержень-Юрт I II	40
Габелия А.Н., Сангулия Г.А., Сакания С.М.	
Новые исследования мегалитов в Абхазии (Куджба-иашта)	42
Геворкова Д.А.	
Бронзовые кованые полусферические бляхи северокавказской культуры: анализ орнаментальных мотивов	45
Голованова Л.В., Дороничев В.Б., Резепкин А.Д., Дороничева Е.В., Трегуб Т.В., Волков М.А.	
Хронология и климат неолита Приэльбрусья. Предварительные результаты	49
Голованова Л.В., Дороничева Е.В., Ревина Е.И., Поплевко Г.Н., Дороничев В.Б.	
Хозяйственная специализация эппалеолитических стоянок Приэльбрусья	51

Дмитриев А.В.	О погребальной функции кавказских дольменов	52
Дороницева Е.В.	Новые данные о среднем палеолите Приэльбрусья	56
Ильюков Л.С.	Погребения раннего бронзового века из Нижнего Подонья	59
Калинин П.И., Шишлина Н.И., Леонова Н.В.	Ресурсы ергенинских отложений в экономике населения Волго-Донского междуречья в эпоху бронзы	61
Кияшко А.В.	Естественно-научный анализ материалов из раннекатакомбных погребений кургана 1 могильника Веселый I у г. Новочеркаска	64
Клещенко А.А.	Северокавказская культура: современные источники, результаты и перспективы исследования	69
Ковалев А.А., Перцева М.А.	Статиграфическая колонка погребений раннего-среднего этапов среднего бронзового века в кургане на ул. Черняховского в Кисловодске	73
Корневский С.Н.	Престиж майкопских головных уборов из благородных металлов и их аналогии	77
Крутоголовова К.А., Левин Е.С.	Катакомбные погребения средней бронзы в кургане Журавка 7	79
Магомедов Р.Г.	Была ли протописьменность у «куро-араксинцев?»	83
Махмудова В.А.	Первые итоги полевых исследований на поселении Пашатепе	87
Мимоход Р.А.	Поясная гарнитура невинномысской культуры как несостоявшаяся центробежная сила	90
Муσειбли Н.А.	Колесный транспорт в древнем Азербайджане	94
Мустафаева Н.В.	Керамика из памятника Махта I и ее место в системе куро-араксинской культуры	97
Nahmatova I.A.	Ceramics of Northeastern Azerbaijan of the Early Bronze Age and their Caucasian parallels	100
Осипова Е.В.	Влияние кавказских традиций на строительство дольменов в Юго-Восточной Болгарии	103
Панасюк Н.А.	Особенности орнаментации курильниц восточно- и западноманычской катакомбных культур	106
Петрова Н.Ю., Сайнутдинов М.Ш., Карпова Е.В.	Неолитическая керамика поселения Чох в кругу керамических технологических традиций Кавказа	109

Резепкин А.Д.	Истоки формирования долинского варианта новосвободненской культуры ...	112
Рогудеев В.В.	Срубное погребение с соляной плитой на поселении Едуш II	116
Соболев В.Ю.	Сарыкамьшская статуэтка из Петербурга	120
Стеганцева В.Я.	Изображения, нанесенные краской, в погребениях ранней и средней бронзы степной части Восточной Европы	122
Таймазов А.И.	О типах стоянок конца раннего плейстоцена Центрального Дагестана	124
Шишлов А.В., Колпакова А.В., Федоренко Н.В.	Поселение Котлама 23 – новый памятник эпохи бронзы под Новороссийском	127
Щипанова А.Г., Климушина А.И., Тутаева И.Ж., Данильченко А.Ю.	Погребение эпохи ранней бронзы с богатым набором металлического инвентаря в низовьях Северского Донца	130

АРХЕОЛОГИЯ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА И САРМАТСКОГО ПЕРИОДА

Абдуллаева А.Г.	Грунтовые погребения Азербайджана эпохи поздней бронзы-раннего железа	135
Агаларзаде А.М.	Арванинские курганы эпохи раннего железа	137
Алексеев А.Н.	Бронзовые пирамидальные колокольчики из центральных районов Северного Кавказа в собрании ГИМ	139
Аникеева О.В., Рябкова Т.В.	К вопросу о происхождении стеклянных бус Келермеса	143
Ахба Д.В.	Материалы коллекции из села Анхуа	146
Балахванцев А.С.	Спорные вопросы истории и географии древней Колхиды	147
Баранюк А.В., Кондряков Н.В.	Археологический ансамбль «Балка Семиколенная» (предварительное сообщение)	149
Березина Н.Я., Абрамова А.Н.	Разные типы скальпирования в эпоху раннего железного века по материалам могильников Юга России	152
Вдовченков Е.В.	Происхождение фаллических амулетов эпохи Великого переселения народов	154
Гаджиев М.С., Бакушев М.А.	Находки бронзовых предметов из урочища АдмаГарда в Горном Дагестане	157

Глебов В.П.	Определение пола погребенных по инвентарю: за и против (на материалах раннесарматской культуры Нижнего Подонья)	161
Дударев С.Л., Керцева (Вольная) Г.Н.	Находки предметов скифского звериного стиля из горного Закубанья	163
Иванов А.В.	Ковши и кружки в раннемеотских поселениях Западного Закубанья	167
Кадиева А.А. Демиденко С.В.	Богатое погребение I–II вв. н.э. из могильника Заюково-3	171
Канторович А.Р., Маслов В.Е.	Погребение сарматского аристократа в курганном могильнике Новозаведенное-V на Ставрополье (раскопки 2023 г.)	174
Каримов С.К., Агаларзаде А.М.	Образ горного козла в искусстве конца эпохи поздней бронзы и раннего железа	177
Коробов Д.С., Булыгина Е.С., Слободова Н.В., Шарко Ф.С., Недолужко А.В.	Первые результаты полногеномного исследования древнего ДНК населения кобанской культуры Северного Кавказа	179
Котин М.А.	Ритуальные миски могильника Верхний Куркужин	182
Кривошеев М.В., Малашев В.Ю., Перерва Е.В., Моисеев В.И., Ахмаров А.У.	Новый памятник круга древностей Чегем-Манаскент в Чеченской Республике (комплексные исследования)	185
Кропотов В.В.	Лучковые подвязные фибулы из могильников «Октябрьский I» и «Братские 1-е курганы» (по материалам работ 2018–2019 гг.)	188
Кузнецова Т.М.	Киммерийцы – оседлое население Кавказа и воины-всадники «кобанской археологической культуры»	192
Малышев А.А., Новичихин А.М.	«Этнокультурные особенности населения южного и юго-восточного побережья полуострова Абрау в VII–II вв. до н.э.»	195
Марченко Ю.В.	Детские погребения в могильнике Верхний Куркужин	198
Мокрушин В.П., Нарожный Е.И.	Кобанские орнаментированные миски	201
Мустафаев Л.Х.	К вопросу об урбанизации Античной Габалы	204
Пелих А.Л.	Металлические топоры-тесла поздней бронзы – начала раннего железа с территории Северного Кавказа	207
Перевозчикова А.А., Березина Н.Я.	Могильник Заюково-3: вооруженные столкновения и бытовой травматизм у представителей различных археологических культур	209
Прокопенко Ю.А.	К вопросу о кольцевых святилищах раннего железного века Центрального Предкавказья	212

Саидов В.А.	
Колчаные (портупейные) крюки из памятников сарматской культуры с территории Дагестана (перв. пол. I тыс. н.э.)	215
Соков П.В., Павличенко Н.А., Цинько А.С.	
Итоги охранно-спасательных работ на поселении раннего железного века «Крымское-3» в Крымском районе Краснодарского края	218
Спаская Н.Н., Фризен О.И., Эрлих В.Р.	
Некоторые результаты исследования меотского могильника «Дукмасов-2» в Адыгее	220
Требелева Г.В., Сапрыкина И.А., Луньков В.Ю., Юрков Г.Ю.	
Анализ бронзовых изделий из раскопок Маркульского городища	224
Требелева Г.В., Шведчикова Т.Ю., Яворская Л.В., Юрков В.Г.	
Погребальные комплексы из раскопок на участке «Пифосы» Маркульского городища	227
Улитин В.В.	
Проблемы транспортировки товаров по реке Кубани в античную эпоху	231
Успенский П.С., Ахмаров А.У., Успенская О.И., Алейников С.В.	
Ахкин-Барзойское городище раннего этапа аланской культуры на Среднем Тереке	234
Фоменко В.А.	
Из истории изучения поселений рубежа и первых веков н.э. на территории предгорно-плоскостной части Кабардино-Балкарии	238
Хазамов Д.-А.А.	
Горнорудное дело и металлургия железа в бассейне реки Кара-Койсу	240
Шишлина Н.И., Рослякова Н.В., Бачура О.П.	
Комплексное изучение археозоологических материалов селища раннего железного века Балка Дибравина I в Краснодарском крае	243
Эрлих В.Р., Леонтьева А.С., Еременко К.Ю.	
Новые протомеотские погребения из предгорной Адыгеи	246
Яганова З.Э.	
Кувшин с зооморфной ручкой из могильника Заюково-3 как свидетельство преемственности традиций сарматской и аланской эпох ..	250

АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Албегова З.Х.-М.	
Тарная керамика и организация пространства Гочатлинского (Ортоколинского) 1 поселения (раскоп 2)	254
Аргун А.В.	
К вопросу о конструкциях воротных проемов на объектах Анакопийской крепости	257
Бабенко А.Н., Сергеев А.Ю., Коробов Д.С.	
Перспективы изучения зоогенных отложений на Северном Кавказе	260
Бабенко В.А.	
Кочевники в Маджаре и в его округе	263
Белецкий Д.В., Исаев С.Х.	
Христианская церковь комплекса Цой-Педе	265

Болдырева Е.М.	
Поливная керамика из раскопок в прибрежной части Дербента (по материалам исследований 2014 года)	267
Василиненко Д.Э.	
Церковь у родника Крион-Нерон (Адлерский район г-к. Сочи). Аналогии и исторический контекст	270
Виноградов А.Ю.	
О путях христианизации адыгских племен Северного Кавказа	273
Волков И.В.	
Локализация области Кремук на основании сведений Ибрахима Эфенди Печеви (XVI–XVII вв.)	275
Гаджиев М.С., Гаджиев Б.Х.	
К исторической топографии Дербента в позднеасанидский период	278
Гаджиев М.С., Шаушев К.Б., Абдулаев А.М., Будаичиев А.Л., Таймазов А.И., Леонтьева А.С., Бакушев М.А.	
Археологические раскопки вдоль северной городской оборонительной стены Дербента	281
Гаджиев М.С., Шаушев К.Б., Таймазов А.И., Абдулаев А.М., Будаичиев А.Л., Сайпудинов М.Ш.	
Охранно-спасательные исследования в шахристане Дербента	285
Гадиев У.Б.	
Итоги десятилетнего изучения памятников архитектуры горной Ингушетии методами естественно-научных дисциплин	289
Голубев Л.Э.	
Кремационные погребения из курганной группы «Гостагаевская-1»	291
Доброва О.П., Леонтьева А.С.	
Красно-розовый бисер по материалам Змейского могильника	294
Дорофей архимандрит (Дбар Д.З.), Сангулия Г.А.	
Средневековый храмовый комплекс Бжилюа в с. Анхуа (Абхазия): итоги археологических раскопок 2022–2023 гг.	296
Дружинина И.А.	
Мамлюки на Северном Кавказе в XIV–XVI вв.: археологический контекст ..	299
Ендольцева Е.Ю., Быстрицкий Н.И., Дрыга Д.О., Карнаушенко А.Д., Карнаушенко Э.Н., Казеннова Л.К.	
Алтарная преграда церкви Успения в селе Дранда (Республика Абхазия): опыт виртуальной реконструкции	302
Зиливинская Э.Д.	
Структура могильника XVII–XVIII вв. «Соленый 2» на Тамани.	305
Кадзаева З.П.	
Раннесредневековые пряжки типов D9 и D10 на Северном Кавказе	308
Коробов Д.С.	
Эволюция системы расселения алан Северного Кавказа II–XII вв.	311
Кривошеев М.В., Гаджиев М.С., Шаушев К.Б., Абдулаев А.М., Будаичиев А.Л., Моисеев В.И.	
Исследования жилищно-бытового комплекса XI – первой трети XIII в. в шахристане Дербента	315
Леонтьева А.С.	
Планиграфия Змейского могильника (предварительное сообщение)	318

Лопатин А.П., Лопатина Т.Е., Лопатина Н.А., Васильева О.А. Изваяние из коллекции Армавирского краеведческого музея (к вопросу атрибуции памятников монументального искусства)	320
Наро́жный Е.И. «Область Джулат» и одноименные городища на Тереке (проблема локализации – современные заблуждения и перспективы изучения проблемы)	322
Нечипорук А.А. Объект археологического наследия «Солдатский форштадт» в г. Ростов-на-Дону	324
Савенко С.Н. Раннесредневековые культовые комплексы и объекты Кисловодской котловины: вопросы анализа и интерпретации	327
Сакания С.М., Требелева Г.В. Драндский храм и его особенности	331
Сергеев А.Ю., Бабенко А.Н., Крутоголовенко К.А., Кулаков А.А. Археоботанические материалы из Нузальского могильника (РСО – Алания) ..	334
Сланов А.А. Пещерный монастырь Бетлем (Вифлеем) на г. Казбек – миф и реальность (к истории изучения)	337
Соломатина Н.В., Мамонова А.А. Детали кожаных предметов из могильника Камунта (собрание К. И. Ольшевского, вошедшее в собрание П. С. Уваровой)	339
Суханов Е.В. Новые данные о гончарстве раннесредневекового населения Северного Кавказа	342
Чхаидзе В.Н., Виноградов А.Ю., Белецкий Д.В. Итоги исследований внутреннего пространства Среднего Зеленчукского храма на городище Нижний Архыз	344
Чишев В.Т. Новый источник по истории Кавказа – раннесредневековый могильник в Мамисонском ущелье РСО – Алания	348
Шестопалова Э.Ю. Грунтовые погребения позднего средневековья в горных районах Северной Осетии	351
Яворская Л.В., Леонтьева А.С. Первые результаты археозоологических исследований на городище Верхний Джулат (Татартуп) в 2018–2021 гг.	355
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	359
СПИСОК АВТОРОВ СТАТЕЙ И ДОКЛАДОВ	362

СОСТАВ ПОСТОЯННОГО
КООРДИНАЦИОННОГО СОВЕТА
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
ПО АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
«КРУПНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»

Председатель:

ГАДЖИЕВ Муртазали Серажутдинович – доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом археологии Института истории, археологии и этнографии Дагестанского ФИЦ РАН, Республика Дагестан, г. Махачкала

Заместители председателя:

САВЕНКО Сергей Николаевич – кандидат исторических наук, заведующий сектором природы и археологии ГБУК СК «Пятигорской краеведческий музей», заслуженный работник культуры РФ, Ставропольский край, г. Пятигорск

КОРОБОВ Дмитрий Сергеевич – доктор исторических наук, профессор РАН, заведующий отделом теории и методики Института археологии РАН, г. Москва

Координатор:

БЕЛИНСКИЙ Андрей Борисович – кандидат исторических наук, научный руководитель ООО «Наследие», Ставропольский край, г. Ставрополь

Ответственный (ученый) секретарь:

КАШУБА Майя Тарасовна – кандидат исторических наук, заведующий отделом Центральной Азии и Кавказа Института истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург

Члены совета:

АЛБЕГОВА (ЦАРИКАЕВА) Зарина Хаджи-Муратовна – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела полевых исследований Института археологии РАН, г. Москва

АТАБИЕВ Биаслан Хакимович – директор Института археологии Кавказа, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик

ВЛАСКИН Михаил Васильевич – директор Государственного автономного учреждения культуры Ростовской области «Донское наследие», г. Ростов-на-Дону

ГАДИЕВ Умалат Бесланович – заместитель директора Археологического центра им. Е.И. Крупнова Республики Ингушетия, заслуженный деятель науки РИ, г. Назрань

ГАГЛОЙТИ Роберт Хазбиевич – кандидат исторических наук, директор Юго-Осетинского НИИ им. З.Н. Ванеева, г. Цхинвал

ДЖИГУНОВА Фатима Кадырбечевна – кандидат исторических наук, директор Национального музея Республики Адыгея, г. Майкоп

ЗИЛИВИНСКАЯ Эмма Давидовна – доктор исторических наук, старший научный сотрудник отдела физической антропологии Института этнологии и антропологии РАН, г. Москва

КОЧКАРОВ Умар Юсуфович – кандидат исторических наук, заведующий научно-отраслевым архивом Института археологии РАН, гг. Москва – Карачаевск

МАМАЕВ Хамид Магомедович – кандидат исторических наук, независимый исследователь, г. Грозный

ПИОТРОВСКИЙ Юрий Юрьевич – старший научный сотрудник Государственного Эрмитажа, заместитель заведующего отделом археологии Восточной Европы и Сибири, г. Санкт-Петербург

ПЬЯНКОВ Алексей Васильевич – ведущий научный сотрудник ООО «Западно-Кавказская археологическая экспедиция», г. Краснодар

САНГУЛИЯ Гарик Анатольевич – начальник Государственного управления охраны историко-культурного наследия Абхазии, г. Сухум

ТУАЛЛАГОВ Алан Ахсарович – доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом археологии Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева, г. Владикавказ

ШИШЛОВ Александр Владимирович – заведующий отделом археологии ГБУК КК «Новороссийский исторический музей-заповедник», г. Новороссийск

ЭРЛИХ Владимир Роальдович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела истории материальной культуры и древнего искусства Государственного музея Востока, заслуженный работник культуры РФ, г. Москва

Почетные члены совета:

БАГАЕВ Муса Харонович – доктор исторических наук, профессор Чеченского государственного университета Чеченской Республики, г. Грозный, ученик Е.И. Крупнова

КОЗЕНКОВА Валентина Ивановна (1931–2021) – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН, сотрудница экспедиции Е.И. Крупнова

КУЗНЕЦОВ Владимир Александрович – доктор исторических наук, профессор, ученик Е.И. Крупнова

МУНЧАЕВ Рауф Магомедович (1925–2021) – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, в 1990–2003 гг. директор Института археологии, ученик Е.И. Крупнова

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ
XXXIII КРУПНОВСКИХ ЧТЕНИЙ ПО АРХЕОЛОГИИ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

«ДОСТИЖЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ
АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
В XX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XXI ВЕКА»,
ПОСВЯЩЕННЫХ 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ЕВГЕНИЯ ИГНАТЬЕВИЧА КРУПНОВА
(МОСКВА, 22–26 АПРЕЛЯ 2024 Г.)

ГАЙДУКОВ Петр Григорьевич – сопредседатель Оргкомитета, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, заместитель директора Института археологии РАН, г. Москва

ГАДЖИЕВ Муртазали Серажутдинович – сопредседатель Оргкомитета, доктор исторических наук, профессор, заведующий Отделом археологии Института истории, археологии и этнографии Дагестанского ФИЦ РАН, Республика Дагестан, г. Махачкала

КОРОБОВ Дмитрий Сергеевич – заместитель председателя Оргкомитета, доктор исторических наук, профессор РАН, заведующий отделом теории и методики Института археологии РАН, г. Москва

АЛБЕГОВА (ЦАРИКАЕВА) Зарина Хаджи-Муратовна – секретарь Оргкомитета, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела полевых исследований Института археологии РАН, г. Москва

ЗИЛИВИНСКАЯ Эмма Давидовна – член Оргкомитета, доктор исторических наук, старший научный сотрудник отдела физической антропологии Института этнологии и антропологии РАН, г. Москва

КАНТОРОВИЧ Анатолий Робертович – член Оргкомитета, доктор исторических наук, заведующий кафедрой археологии исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, г. Москва

КОЧКАРОВ Умар Юсуфович – член Оргкомитета, кандидат исторических наук, заведующий научно-отраслевым архивом Института археологии РАН, г. Москва

САВЕНКО Сергей Николаевич – член Оргкомитета, кандидат исторических наук, заведующий сектором природы и археологии ГБУК СК «Пятигорской краеведческий музей», заслуженный работник культуры РФ, Ставропольский край, г. Пятигорск

ЭРЛИХ Владимир Роальдович – член Оргкомитета, доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела истории материальной культуры и древнего искусства Государственного музея Востока, заслуженный работник культуры РФ, г. Москва

ПЛЕНАРНЫЕ
ДОКЛАДЫ

ДРЕВНЯЯ И СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЧЕЧНЯ В ТРУДАХ Е.И. КРУПНОВА И ЕГО УЧЕНИКОВ

Багаев М.Х.

Академия наук Чеченской Республики, г. Грозный

Дорогие друзья, коллеги, гости, сердечно приветствую Вас с этой высокой трибуны XXXIII Крупновских чтений, посвященных 120-летию со дня рождения Е.И. Крупнова. Символично и отрадно, что эта конференция проходит в стенах легендарного центра Российской археологической науки – Институте археологии РАН, ибо именно здесь сложилась «Могучая кучка» археологов, в лице выдающихся археологов-кавказоведов Евгения Игнатьевича Крупнова (16.03.1904–29.09.1970) и его учеников: Владимира Ивановича Марковина (29.12.1922–23.02.2008), Рауфа Магомедовича Мунчаева (23.09.1928–04.07.2021), Валентины Ивановны Козенковой (17.11.1931–23.05.2021), оказавшая величайшую помощь чечено-ингушскому народу в деле изучения его древней и средневековой истории.

Парадоксально, но факт, что где-то сто лет назад в нашей стране еще не определилось подлинное место археологии, как таковой, особенно кавказской археологии, в системе исторической науки, хотя к этому времени уже в достаточной степени развивалось кавказоведение в Санкт-Петербурге во главе с Н.Я. Марром и И.А. Орбели. В Москве же традиций кавказоведения вообще не было. Создавать московскую школу археологического кавказоведения пришлось Е.И. Крупнову (Мунчаев, 2004. С. 126), пройдя азы полевой археологии в археолого-этнографических экспедициях профессора Северокавказского педагогического института во Владикавказе Л.П. Семенова, а затем окончив историко-археологическое отделение исторического факультета МГУ по специальности «Археология Кавказа» под непосредственным руководством выдающегося археолога Советского Союза, профессора МГУ В.А. Городцова, он вплотную занялся северокавказской археологией, проводя свои первые самостоятельные археологические раскопки, главным образом на территории Дагестана, Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. С привлечением материалов этих изысканий молодым ученым в 1929–1941 гг. было написано и издано около трех десятков статей, в том числе фундаментальная статья «Каякентский могильник – памятник древней Албании» (Крупнов, 1940; Чеченов, 2014. С. 12). Издание этой статьи было знаковым событием в археологии Северо-Восточного Кавказа, а именно культура этих регионов Кавказа (Дагестана и Чечни) эпохи поздней бронзы стала называться в науке каякентско-харачоевской. Кроме того, к началу 1940-х гг. Е.И. Крупновым была завершена и представлена к защите кандидатская диссертация «История Ингушетии с древнейших времен до XVIII века» (защищена 6 октября 1941 г. в МГУ).

Таким образом, уже к началу 1940-х гг., как подчеркивал Р.М. Мунчаев, Е.И. Крупнов стал признанным в стране археологом-кавказоведом (Мунчаев, 2004. С. 130), ему разрешают открыть аспирантуру при Институте истории материальной культуры АН СССР (ныне Институт археологии РАН), куда и был принят, в 1950 г., первый аспирант Е.И. Крупнова – Р.М. Мунчаев. С годами, вплоть до своей кончины, а точнее – с 1950 по 1970 год «он подготовил более двадцати аспирантов, создав свою «крупновскую» школу в отечественном кавказоведении (Мунчаев, 2004. С. 140). Автору этих строк посчастливилось влиться в число его учеников, став последним аспирантом (1967–1970 гг.) Великого Учителя. И к месту будет сказано – я беспредельно горд и рад тому, что являюсь не только выпускником знаменитой школы Е.И. Крупнова, но и одновременно считаю себя, так скажем, прошедшим курсы повышения квалификации у замечательных учеников Е.И. Крупнова – В.И. Марковина, Р.М. Мунчаева и В.И. Козенковой. По воле судьбы, на сегодняшний день, все они покинули сей мир –

царство им Небесное. Я с ними дружил, и верность этой дружбе сохранил до конца своей жизни, как это сделали они – мои учителя и друзья. Но самое главное – их знает, помнит и никогда не забудет страна вайнахов, страна, где на протяжении 20-ти сезонов (1957–1975 гг.) работала СКАЭ в составе пяти отрядов, которыми руководили: В.П. Любин (палеолитический); В.И. Марковин (горный); Е.И. Крупнов, Н.Я. Мерперт, В.И. Козенкова (предгорный); Е.И. Крупнов, Н.Я. Мерперт (степной); Р.М. Мунчаев (разведочный – Бамутский).

По инициативе Е.И. Крупнова (руководителя СКАЭ) все названные отряды сосредоточили свои работы на территории Чечни, как наиболее слабо изученной в историко-археологическом отношении области Кавказа, даже по сравнению с Ингушетией.

Экспедиция строго следовала специально намеченной широкой, долгосрочной и комплексной программе археологических исследований в Чечне как в предгорно-плоскостной, так и в равнинно-степной частях региона.

Благодаря беспримерным по масштабам, а также целенаправленно-стационарным разведочным работам СКАЭ, был осуществлен резкий научный рывок в археологическом изучении Чечни, что позволило более качественно и объемно исследовать главные вехи историко-культурного развития чеченского народа с древнейших времен до позднего средневековья включительно (Мунчаев, 2002. С. 26–28).

Столь значимые работы СКАЭ стимулировали выход в свет многих обобщающих монографий, сборников статей, отдельных публикаций по древней и средневековой истории вайнахов. Настольными книгами археологов и историков не только российских, но и зарубежных кавказоведов, стали «Древняя история Северного Кавказа» (1960 г.) и «О чем говорят памятники материальной культуры Чечено-Ингушской АССР» (1961 г.); сборник статей «Древности Чечено-Ингушетии» (1963 г.) Е.И. Крупнова; «Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тысячелетие до н.э.)» В.И. Марковина (1960 г.); «Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа» (1961 г.) и «Кавказ на заре бронзового века (неолит, энеолит, ранняя бронза)» (1975 г.) Р.М. Мунчаева; «Большой Кавказ в XIV–IV вв. до н. э. (кобанская культура: модель тысячелетия развития)» и ряд монографий (1975, 1982, 1989, 1990, 1995, 1998 гг.) В.И. Козенковой (Козенкова, 2017. С. 100–112).

В общей сложности, ученики Е.И. Крупнова, они же руководители отдельных отрядов СКАЭ, и сам Е.И. Крупнов, на базе добытых материалов СКАЭ написали и издали где-то 1600 научных работ (статьи и монографии). Из них значительная часть напрямую посвящена изучению древней истории чеченцев и ингушей. Например, из своих около 300 работ В.И. Марковин – 98 (в т.ч. пять книг) посвятил истории чеченцев и ингушей. И к слову будет сказано – на основе опубликованных (до 1967 г.) работ коллектива руководителей СКАЭ по древней и средневековой истории вайнахов в 1967 г. был издан первый том очерков истории Чечено-Ингушской АССР с древнейших времен до 1917 г. затем, поочередно, увидели свет: «Рассказы по истории родного края» (учебное пособие; Ахмадов и др., 1991), «История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века» (Пособие для изучающих историю родного края. Ахмадов, 2001) и академическое издание в двух томах – том первый: «История Чечни с древнейших времен до конца XIX века» (2006).

В настоящее время Академия наук Чеченской Республики готовит к изданию 1-й том 4-х томной истории Чечни. Он будет называться «История Чечни с древнейших времен до конца XV века».

Наконец, столь колоссальный материал, собранный СКАЭ послужил и основой кандидатских и докторских диссертаций как самих учеников Е.И. Крупнова, так и других археологов Кавказа, Москвы, Ленинграда, Ростов-на-Дону и т. д.

Таким образом, благодаря титаническому труду Е.И. Крупнова и его учеников, археология Северного Кавказа достигла колоссальных успехов, что выражается в следующих фактах:

1. Выявлена древнейшая общность населения Кавказа, в недрах которой сложилось и единство семьи иберийско-кавказских языков, что в свою очередь, дает основание утверждать автохтонность сегодняшних, так называемых, коренных народов Кавказа, в данном контексте – Северного Кавказа, и в частности дагестанских и нахских и их прямого отношения к

созданию здесь древних археологических культур (куро-аракская, майкопская, северокавказская, каякентско-харачоевская, гинчинская, кобанская) или их вариантов.

2. Установлены следы древних связей носителей северокавказских археологических культур с представителями цивилизаций и культур Древнего Востока и Юго-Восточной Европы.

3. Доказано очень раннее индустриальное развитие выделки бронзы и железа.

4. Сегодня мы имеем достаточно подробное представление об опыте в выборе мест для закладки новых поселений, а также об особенностях и формах домостроительства на этих поселениях носителями кобанской культуры в предгорных районах. В горных же зонах архитектура была, несомненно, каменной (Марковин, Мунчаев, 2003. С. 160). Последнее, особенно наглядно прослеживается по уникальным памятникам каменного зодчества страны вайнахов (башни, святилища, храмы, склепы) эпохи раннего средневековья (Марковин, Мунчаев, 2003. С. 160; Марковин, 1980. С. 184–270; 1994; 2002. С. 38–51; Багаев, 2006; 2008; 2012; 2012а; 2023).

Таковы, самые краткие, еще не до конца изученные и оцененные результаты археологических работ Е.И. Крупнова и его московских учеников в Чечне. При этом особо надо отметить и заслуги местных археологов, выросших на базе СКАЭ и имеющих прямое отношение к школе Е.И. Крупнова – В.Б. Виноградова, С.Ц. Умарова, М.Х. Ошаева, М.Б. Мужухоева, В.А. Петренко, Р.А. Даутовой, Х.М. Мамаева, С.Л. Дударева, Р.Д. Арсанукаева и других, многие из которых работали в составе Предгорно-плоскостной археологической экспедиции (ППАЭ), организованной в 1976 г. (после завершения работ СКАЭ в 1975 г.) В.Б. Виноградовым в рамках ЧИНИИСФ и ЧИГУ (Бурков, 2014. С. 223–225).

И последнее. Как известно, в истории русской классической музыки особый этап представляет вторая половина XIX в., когда творили композиторы группы «Могучая кучка» (А.П. Бородин, Н.А. Римский-Корсаков, М.П. Мусоргский). Подобно им «Могучая кучка» археологов – Е.И. Крупнов, В.И. Марковин, Р.М. Мунчаев, В.И. Козенкова – тоже во второй половине, но уже XX века оставили неизгладимый след в археологическом кавказоведении, увековечив тем самым память о себе.

Литература

- Ахмадов Я.З.* 2001. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века. – Учебное пособие для изучающих историю родного края. М.
- Ахмадов Ш.Б., Багаев М.Х., Ерещенко Г.А.* 1991. Рассказы по истории родного края. Учебное пособие для 6 класса. Грозный.
- Багаев М.Х.* 2006. Источники исторического краеведения Чечни. Учебное пособие для учителей общеобразовательных школ и студентов исторических факультетов вузов Чеченской Республики. Грозный.
- Багаев М.Х.* 2008. Культура горной Чечни и Дагестана в древности и средневековье. VI в. до н. э. – XII в. н. э. М.
- Багаев М.Х.* 2012. Древняя и средневековая Чечня в исследованиях археологов-кавказоведов. Хрестоматия. Грозный.
- Багаев М.Х.* 2012а. Страницы древней истории Чечни. Грозный.
- Багаев М.Х.* 2023. Чеченцы в прошлом и настоящем. Махачкала.
- Бурков С.Б.* 2014. Северокавказские и предгорно-плоскостная экспедиции: этапы в изучении памятников раннего железного века Чечни // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции (г. Москва, 21–25 апреля 2014 г.). М.
- Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963.
- История Чечни с древнейших времен до конца XIX века. Т. 1. Грозный, 2006.
- Козенкова В.И.* 2017. Специфика духовного мира кобанских племен. М.
- Крупнов Е.И.* 1940. Каякентский могильник – памятник древней Албании // Труды ГИМ. Вып. 9.
- Крупнов Е.И.* 1960. Древняя история Северного Кавказа. М.
- Крупнов Е.И.* 1961. О чем говорят памятники материальной культуры Чечено-Ингушской АССР. Грозный.

- Марковин В.И.* 1960. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тысячелетие до н. э.). М.
- Марковин В.И.* 1980. О некоторых вопросах интерпретации дольменных и других археологических памятниках Кавказа // КСИА. Вып. 161.
- Марковин В.И.* 1994. Северо-Восточный Кавказ в эпоху бронзы // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии: Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.
- Марковин В.И.* 2002. Башенная архитектура и ее декор – неопенимый источник изучения культуры чеченцев и ингушей // Культура Чечни: история и современные проблемы. М.
- Марковин В.И., Мунчаев Р.М.* 2003. Северный Кавказ. Очерки древней и средневековой истории и культуры. Тула.
- Мунчаев Р.М.* 1961. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. М.
- Мунчаев Р.М.* 1975. Кавказ на заре бронзового века (неолит, энеолит, ранняя бронза). М.
- Мунчаев Р.М.* 2002. К истории археологического изучения Чечни (из итогов работ Северокавказской экспедиции в 1957–1968 гг.) // Культуры Чечни: история современные проблемы. М.
- Мунчаев Р.М.* 2004. Евгений Игнатьевич Крупнов (1904–1970) // Портреты историков. Т. 3: Древний мир и Средние века. М.
- Чеченов И.М.* 2014. К 110-летию со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова (1904–1970): Крупнов и «Крупновские чтения» (1971–2012 гг.) // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа XXVIII Крупновские чтения. Материала Международной научной конференции (г. Москва, 21–25 апреля 2004 г.). М.

МАТЕРИАЛЫ ПО ИЗУЧЕНИЮ СВАТИЛИЩ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ В 1940 Г. В АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТАХ Е. И. КРУПНОВА

Григорьева О.В.¹, Володин С.А.², Кудряцев А.А.², Кочкаров У.Ю.²

¹*Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург*

²*Институт археологии РАН, г. Москва*

С середины 1930-х годов Е.И. Крупнов приступил к изучению древних памятников в высокогорных районах Северной Осетии. За пять полевых сезонов до начала войны ему удалось изучить целый ряд археологических памятников, позднее ставших эталонными (Мунчаев, 2004. С. 5–6). В своих исследованиях Е.И. Крупнов не ограничивался какой-либо одной небольшой территорией, стараясь охватить весь северокавказский регион; не акцентировал внимание на определенном хронологическом отрезке, пытаясь сформировать видение всей истории Кавказа; а также стремился не ограничивать себя лишь рамками археологии, скрупулезно фиксируя любые новые сведения, в том числе фольклорные и этнографические. Пожалуй, именно эти принципы позволили ему сделать настолько серьезный вклад в науку, а также воспитать плеяду прекрасных ученых, занимающихся самыми разными проблематиками и историческими периодами.

В 1940 г. перед Северо-Кавказской археологической экспедицией стояли широкие задачи: продолжение исследований Нестеровского могильника, некрополя Верхняя Рутха, а также детальная разведка в практически неизвестном для археологии того времени Стур-Дигорском ущелье (РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1940 г. Д. 148. Л. 5). И если памятники археологии, изученные в этом сезоне, прочно вошли в научную литературу, то результаты обследования Е.И. Крупновым святилищ верхнего течения р. Урух были освещены лишь парой абзацев (Крупнов, 1947. С. 101–102).

Подробная информация об этих исследованиях находится в полевых материалах экспедиции 1940 г., документация которой хранится в двух археологических архивах. В Научном архиве ИИМК РАН в Рукописном отделе сохранился полевой отчет Е.И. Крупнова – обязательный экземпляр для сдачи в Археологический комитет ИИМК АН СССР (РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1940 г. Д. 148); в Фотоотделе архива имеется альбом иллюстраций к этому отчету (ФО НА ИИМК РАН. Альбом О.1554). В Научно-отраслевом архиве ИА РАН в личном фонде Е.И. Крупнова также имеется текст отчета (Архив ИА РАН. Ф–13. Д. 6) и иллюстративные материалы к нему (Архив ИА РАН. Ф–13. Д. 19–21). Сравнение этих двух комплексов документов показало, что тексты отчетов совершенно идентичны, но среди иллюстраций дублируется только часть фотографий и планов, а остальные дополняют друг друга.

В своем отчете Е.И. Крупнов весьма подробно описал внешний облик, структуру склеповых сооружений и культовых мест, и, благодаря тесному общению с местными жителями, предназначение для каждого из святилищ, порядок обрядовых действий. Иллюстративные материалы к отчету также являются весьма представительным (для своего времени).

Всего Е.И. Крупновым в 1940 г. было обследовано восемь культовых мест. Из них первые два он зафиксировал в селе Ахсау и его окрестностях (РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1940 г. Д. 148. Л. 8–9; Архив ИА РАН. Ф–13. Д. 6. Л. 5–6). Одно из святилищ, заброшенное жителями, представляло собой каменный столб с навесом в центре села. Второе, действующее, – находилось на крутом утесе с четырьмя соснами, на суках и у корней которых размещены черепа домашних животных. Местные жители связывали святилище одновременно с верховным божеством и с именем покровителя Стур-Дигоры и окрестных сел «Идауага», совершая основные обряды здесь во время популярного праздника «Фацбаден».

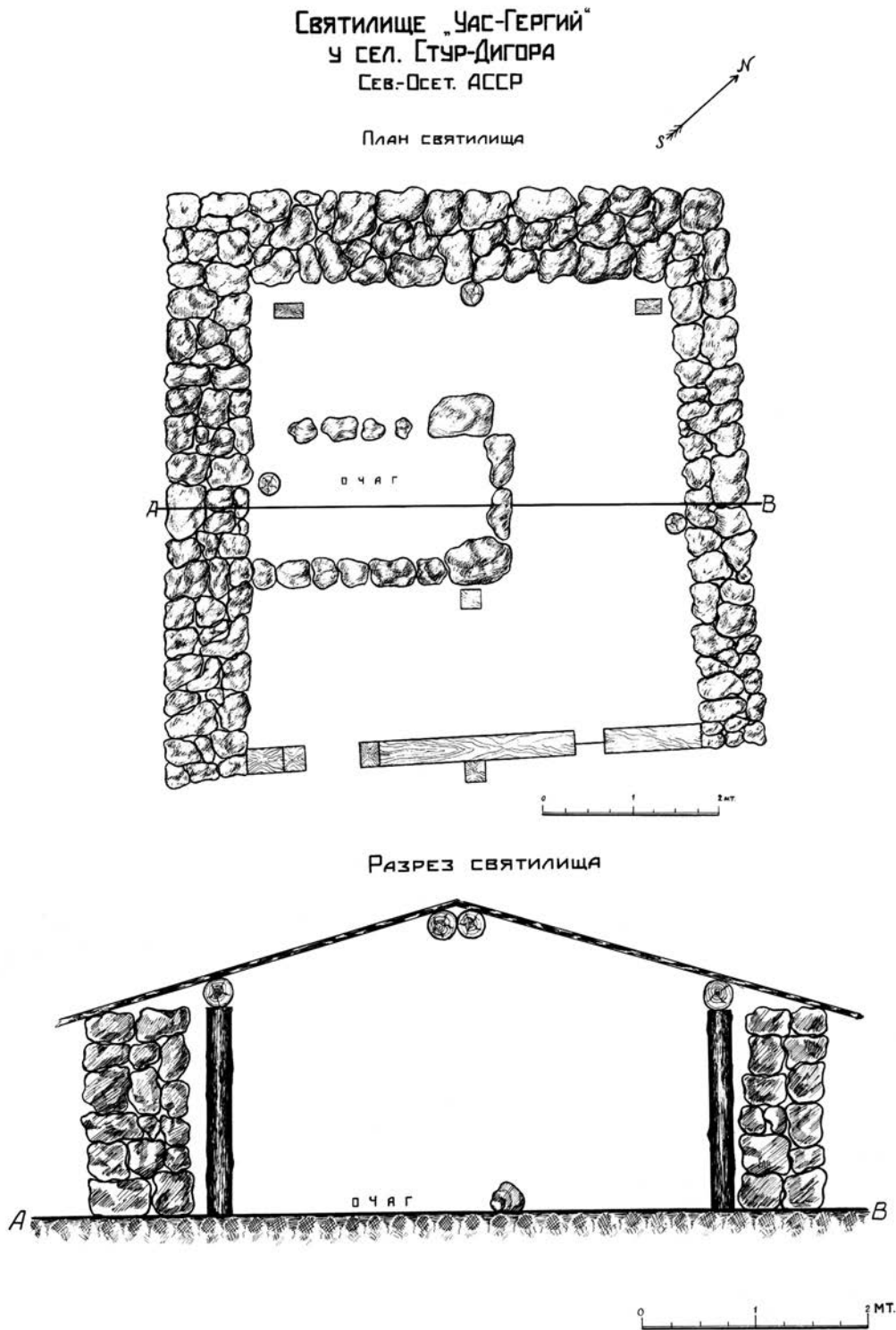

Рис. 1. План и разрез святилища Уас-Гергий (Уасгерги) у с. Стур-Дигора, выполненные Е.И. Крупновым. 1940 г.

Наибольшее число культовых мест экспедицией было описано у с. Стур-Дигора (РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1940 г. Д. 148. Л. 23–26; Архив ИА РАН. Ф–13. Д. 6. Л. 20–25). В стороне от селения находился комплекс священных кленов, окруженных каменными оградками, который носит название «Давагада» или «Ида-угада». Ежегодные обряды, проводимые здесь, были приурочены к началу сенокоса. Чуть западнее находился еще один отдельно сто-

ящий клен («Астулий баласа») с остатками деревянного креста, у корней которого набросаны черепа жертвенных домашних животных, приносимые мужчинами по случаю рождения сыновей.

На склоне горы у селения находилось святилище «Уас Георгий кован дона» (молитвенный дом святого Георгия), возведенное из камня и дерева. К западу от святилища в нескольких метрах располагался гигантский куст, среди веток которого клали бычьи черепа. В святилище совершались жертвоприношения в праздник святого Георгия, оно являлось наиболее древним в ущелье и популярным у местного населения; его посещали жители и других сел, например, с. Куссу, расположенного выше по течению реки (где располагалось священное место «галгугфт»). В своем отчете Е.И. Крупнов зафиксировал внутреннее обустройство этого святилища, сделал план и разрез сооружения (рис. 1). На основании обследования конструкций святилища и находок в нем исследователь датировал сооружение святилища «Уас Георгий» не ранее XVI–XVII вв. Еще одно культовое место, посвященное «Габону», располагалось на вершине горного хребта у селения Дзинага (РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1940 г. Д. 148. Л. 33; Архив ИА РАН. Ф–13. Д. 6. Л. 30).

Набольшее внимание Е. И. Крупнов уделил пещерному святилищу «Олисай-дон» или «Морги-лагат»¹ (РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1940 г. Д. 148. Л. 41–51; Архив ИА РАН. Ф–13. Д. 6. Л. 38–48). По его словам: «гигантские масштабы пещеры, содержимое святилища, обилие черепов разнообразных животных – все это производило впечатление чего-то сказочного, фантастического и представляло обстановку огромной впечатляющей силы». В 1940 г. Е.И. Крупнов подробно описал святилище, сделал глазомерный план пещеры, промеры сооружения, зафиксировал обстановку внутри святилища. Используя в качестве основы известное описание пещеры, сделанное в 1890 г. (Динник, 1890. С. 1–60), он уточнил, дополнил и в ряде случаев исправил старые сведения. Е.И. Крупнов предполагал осуществить также археологические раскопки внутри пещеры, оказавшиеся невозможными из-за скалистого пола и полного отсутствия культурного слоя. По найденным железным наконечникам стрел Е.И. Крупнов датировал возникновение святилища эпохой позднего Средневековья, хотя не исключал и более раннего его появления. Это предположение послужило поводом для В.П. Любина провести здесь поиски материалов каменного века. Но в процессе шурфовки никаких следов присутствия здесь палеолитического слоя не было зафиксировано; находки, которые удалось обнаружить, соотносились с теми, что обнаружил Е.И. Крупнов, и это еще раз подтвердило вывод о позднем освоении этого места (Любин, 1969. С. 13).

Как видим, наряду с выполнением задач по археологическому изучению северокавказского региона, Е.И. Крупнов стремился фиксировать все, что могло представлять интерес для историко-этнографического знания. И неопубликованные результаты работ его экспедиции 1940 г., представляющие безусловный интерес не только для археологов, важно ввести в научный оборот в полном объеме.

Литература

- Динник Н.Я.* 1890. Путешествие по Дигории // Записки Кавказского отдела Императорского Русского Географического Общества. Кн. XIV. Вып. 1.
- Крупнов Е.И.* 1947. Северокавказская археологическая экспедиция // КСИИМК. Вып. XVII.
- Любин В.П.* 1969. Палеолит Северной Осетии // Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Том II. Орджоникидзе.
- Мунчаев Р.М.* 2004. Е.И. Крупнов: к столетию со дня рождения // РА. № 1.
- Сабеев А.Г.* 2014. Горная Дигория: история и современность. Владикавказ.

¹ Устаревшие названия памятника, сейчас известно как Дигори изад (Сабеев, 2014. С. 427).

Е.И. КРУПНОВ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ
НАЧАЛА МЕДНО-БРОНЗОВОГО ВЕКА ПРЕДКАВКАЗЬЯ
ПО ЕГО МОНОГРАФИИ 1957 ГОДА

Корневский С.Н.
Институт археологии РАН, г. Москва

*Работа выполнена в рамках коллективной плановой темы ИА РАН
№ НИОКТР 122011200270-0.*

В 1957 году Е.И. Крупнов опубликовал монографию, посвященную археологии и истории современной Кабардино-Балкарии. В ней он обозначил раннюю фазу развития населения, оставившего Агубековское поселение и Нальчикский могильник, как фазу матриархата (власти женщин) (Крупнов, 1957. С. 39). Он датировал эту эпоху в общих чертах III тыс. до н.э. (Крупнов, 1957. С. 36). Следующий раздел монографии называется «медно-бронзовый век в истории Кабарды и Северного Кавказа». В этом разделе получили освещение памятники, которые, по мнению Е.И. Крупнова, означали стадию патриархата. Они включали древности, синхронные раннекубанской группе А.А. Иессена с их аналогиями в Центральном Предкавказье. Важным моментом в их трактовке в труде Е.И. Крупнова стало объединение их в рамках понятия археологическая культура, которая получила название майкопской (Крупнов, 1957. С. 49, 56). Далее при рассмотрении последующих этапов развития местного населения Е.И. Крупнов вводит такие понятия как, «северокавказская» и «кобанская» культуры.

Е.И. Крупнов считал, что изучение памятников III–II тыс. до н.э. позволяет проследить определенное единство между этими далеко отстоящими по времени древнейшими группами памятников. Такое единство прослеживается по формам вещей и в погребальном обряде, который уже является этнографическим признаком и характеризует только родственные племена. В это время начинает складываться общая культура родственных между собой племен на основе общей территории, экономического уклада и, по-видимому, языка (Крупнов, 1957. С. 48, 49).

Вслед за А.А. Иессеном, Е.И. Крупнов рассматривает Майкопский курган как более ранний памятник, по сравнению с гробницами у ст. Новосвободной. Более того, он пишет о них как о культурной общности, отраженной в погребальных обрядах и материальной культуре. Эта общность основалась на существовании близкородственных родоплеменных групп, которые отражали этническое родство, судя по керамике и формам погребального обряда (Крупнов, 1957. С. 67). Таким образом, в представлении Е.И. Крупнова понятие культурной общности и археологической культуры были очень близкими или однозначными.

В настоящей работе мы коснемся только начальных этапов распространения культур на заре медно-бронзового века. Так, на фоне современных исследований особого внимания заслуживают ряд тем, включая самые общие определения ступени развития обществ. Таковы вопросы о возможности определения матриархата и патриархата для памятников энеолита и бронзового века. Дело в том, что оба эти термина являются понятиями исторической этнологии и напрямую по археологическим источникам не определяются.

По нашему мнению, по данным погребальных обрядов культур Центрального Предкавказья в характеристике отношений в захоронениях мужчин и женщин возможно отметить эгалитарные традиции больших родовых бескурганых кладбищ, традиции индивидуальных захоронений в курганах, погребения с ординарными наборами вещей и с наборами элитных комплексов, традиции возведения кургана над группой родоплеменных могил.

В этой связи ранние жертвоприношения женщин отмечаются уже в эпоху энеолита в Комаровском кургане. Погребения женщин и детей сопровождают захоронения элиты разных вариантов майкопско-новосвободненской общности и в памятниках эпохи средней бронзы. По этим данным погребального обряда можно констатировать доминант мужского захоронения над женским, который начал проявляться с эпохи распространения древнейших курганных обрядов в Предкавказье и был принят элитой племен в последующих культурах IV – III тыс. до н.э. Однако эти показатели не имеют прямого отношения к устройству власти и управления в рассматриваемых общинах.

На основании традиций положения в погребения оружия ударного действия и сопутствующего инвентаря, возможно говорить о традициях символики военного эгалитаризма и традициях военного элитаризма, при котором выделяются отдельные погребения, насыщенные вещами – включая золотые украшения.

Эти характеристики могут существенно дополнить определения стадий энеолита и бронзового века, намеченные Е.И. Крупновым в монографии 1957 года.

Е.И. Крупнов считал, что северокавказская культура имела локальные варианты и была генетически связана с майкопской (Крупнов, 1957. С. 75).

Тема о генетической преемственности современных этносов кавказского населения требует специального исследования. На ранних фазах развития культур медно-бронзового века о таком явлении судить очень сложно. В эпоху энеолита, ранней и средней бронзы какой-либо единой культуры в Предкавказье не наблюдается и археологические источники отражают сосуществование носителей разных культур с аналогиями в Восточной Европе совместно с культурами, отражающими местное развитие населения в рамках Кавказского региона.

Судя по имеющимся данным, уже в эпоху энеолита (V тыс. до н.э.) в Предкавказье не существовало единой культуры. Здесь обитали племена местной оседлой культуры накольчатой жемчужной керамики и подвижные прото-ямные племена с сильной восточноевропейской ориентацией материальной культуры и погребальных традиций.

Сама майкопская культура IV тыс. до н.э. стала формироваться под влиянием миграции с юга населения, имеющего аналогии в керамическом контексте в культурах Северной Месопотамии времени Арслантепе VII и лейлатепинской культуре Южного Кавказа.

Сменившая майкопскую в начале III тыс. до н.э. северокавказская культура была не единой по своим вариантам и локальным особенностям (Кореневский, 2006) Ее вариант СИКО1, который характеризуется комплексами с вытянутыми на спине (реже – скорченными на спине) костяками с молоточковидными булавками, коваными и литыми медными бляхами более тяготеет к культурам Юго-Восточной Европы.

Однако другой вариант – СКИО2, локализованный в области Терека, со скорченными на боку костяками и с Т- и У-образными булавками выглядит как местное центральнокавказское явление. Его отношение к майкопской культуре еще не установлено, в связи с отсутствием данных о генетике представляющих этот вариант погребальных комплексов. Поэтому вывод о генетической преемственности северокавказской культуры от майкопской может быть не однозначен и сейчас требует дальнейшей проверки – с учетом определений генетиков и особенностей развития погребальной практики местного населения.

Литература

- Кореневский С.Н.* 1990. Памятники населения бронзового века центрального Предкавказья. М.
- Кореневский С.Н.* 2004. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья М.
- Кореневский С.Н.* 2006. К проблеме исследования памятников бронзового века // В.К. Воронин, В.Ю. Малашев. Погребальные памятники эпохи бронзы и раннего железного века равнинной зоны Республики Ингушетия. М.
- Крупнов Е.И.* 1957. Древняя история и культура Кабарды. М.

«К СВОЕЙ АВТОБИОГРАФИИ СЧИТАЮ
НЕОБХОДИМЫМ ДОБАВИТЬ СЛЕДУЮЩЕЕ...»:
МАТЕРИАЛЫ ДОВОЕННОГО ПЕРИОДА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
Е.И. КРУПНОВА ИЗ АРХИВНОГО СОБРАНИЯ ИИМК РАН

Медведева М. В.

Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург

*Работа выполнена по программе ФНИ ГАН,
тема государственной работы № FMZF-2022-0015.*

Биография и научное наследие Е.И. Крупнова всесторонне проанализированы в многочисленных публикациях (Бурков, 2014; Виноградов, 2004; Володин, Кудрявцев, 2020; Виноградов, 2004; Козенкова, 2004; Мунчаев, 2004). Обычно более подробно рассматривается зрелый период его деятельности, а ранним годам посвящается лишь небольшая вступительная часть. Собрание Научного архива ИИМК РАН позволяет несколько расширить представление о жизни выдающегося ученого в 1920–1930-е гг. Комплекс источников включает полевые материалы Л.П. Семенова, отчеты и фотографии самостоятельных работ Е.И. Крупнова в качестве сотрудника ГИМ и ИИМК АН СССР, а также личное дело исследователя (автобиография, листки по учету кадров, приказы) и рукописи.

В марте 1937 г. Е.И. Крупнова приняли на работу в МО ГАИМК, накануне преобразования учреждения в ИИМК АН СССР. В первой анкете, сохранившейся в личном деле, он указал крестьянское происхождение родителей и род занятий отца – крестьянин (РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 5. Д. 65. Л. 1). Через несколько месяцев, в феврале 1938 г., в листке по учету кадров ИИМК АН СССР зафиксировано, что отец Е.И. Крупнова до 1913 г. работал приказчиком, а с 1913 по 1918 гг. содержал большую бакалейную лавку в Моздоке. 11 февраля 1938 г. Евгений Игнатьевич составил записку с дополнительными сведениями к автобиографии. В ней он сообщал, что все годы ранее давал неверные сведения о своем социальном происхождении. Такое признание в непростые 1930-е гг. могло самым негативным образом повлиять на дальнейшую судьбу исследователя, и потому, без сомнения, требовало определенного мужества. Объясняя свои действия, Е.И. Крупнов отмечал: «Причина, побудившая меня не говорить о последней деятельности отца, одна – сильное желание учиться. В 1924 г. со справкой о крестьянском сословии отца был принят в ВУЗ в г. Орджоникидзе по сдаче экзаменов. Брат мой (ныне командир ДВКА) и сестра, не скрывавшие последнее прошлое отца, остались без высшего образования. По окончании же ВУЗа я не решался поправить и уточнить данные о себе, так как опасался «перестраховщиков», в лице моих руководителей.

Самый факт утаивания некоторых сведений о себе всегда тяготил меня. Себя я считаю вполне советским человеком, и заслуженное собственной работой доверие, которое оказывалось коллективом, общественностью, никогда не обманывал» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 5. Д. 65. Л. 9-9 об.). К счастью, записка не получила трагического развития, и Е.И. Крупнов продолжил свой плодотворный путь в науке, совершив в будущем немало важных археологических открытий.

Первые шаги в археологии Е.И. Крупнов сделал во время обучения в Горском Педагогическом институте во Владикавказе. Именно тогда начали формироваться его научные интересы, и большую роль в этом сыграло участие в полевых исследованиях под руководством одного из лучших знатоков культуры и быта народов Северного Кавказа профессора Л.П. Семенова. Вероятно, Е.И. Крупнов был участником студенческих образовательных экскурсий в 1924–1927 гг., составлявших обязательную часть учебного процесса в Горском Педагогическом институте, но впервые Л.П. Семенов указывает его в составе основных сотрудников в

отчетах археолого-этнографических экспедиций в нагорную часть Ингушской области 1929-1930 гг. (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1929. Д. 174; 1930. Д. 181).

Позднее в автобиографии 1937 г. Евгений Игнатьевич писал, что «за период учебы в ВУЗе и работы в ГИМе участвовал в 16 историко и этнографо-археологических экспедициях (организованных различными учреждениями), носящих характер краеведческой производственной практики и строго исследовательский, из которых 4 экспедиции провел самостоятельно. В ГИМе самостоятельно развернул 4 экспедиции на тему древней истории Кавказа» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 5. Д. 65. Л. 4).

С 1935 г. Е.И. Крупнов проводил собственные исследования на Кавказе и каждый раз предоставлял подробные отчеты в ГАИМК, а затем в ИИМК АН СССР. В настоящее время эти полевые материалы довоенного периода хранятся в Научном архиве ИИМК РАН:

1. РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1935. Д. 97. 40 л. Отчет Е.И. Крупнова о работах Северо-Кавказской экспедиции ГИМ, проводившей свои изыскательские работы в 1935 г. на территории Северо-Осетинской и Чечено-Ингушской автономных областей. Сведения об осмотре Нузальской часовни; обследовании, сборе подъемного материала, зачистках и пробных раскопках памятников у с. Камунта, с. Галиат и у сел. Верхняя Кобань; раскопках «Паметского холма» в Джейрахском ущелье; опись находок, сделанных в процессе работ фотографий и чертежей; фотографии планов и находок.

2. РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1937. Д. 212. 55 л. Отчет Е.И. Крупнова о работах Северо-Кавказской экспедиции ГИМ в 1937 г. Сведения о раскопках Галиатского могильника, могильников «Верхняя Рутха», Загли-Барзонд, курганов у ст. Нестеровская и памятников у сел. Алхасты, обследование местности у сел. Махческ, описание святилища Бахайте; два открытых листа; 21 фотоснимок; 3 чертежа; список негативов, переданных в фототеку ГИМ; справка о сданной в музей коллекции.

3. РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1938. Д. 210. 88 л. Отчет Е.И. Крупнова о работах Северо-Кавказской экспедиции ГИМ на территории Северо-Осетинской и Чечено-Ингушской в 1938 г. Сведения о раскопках могильников «Верхняя Рутха», Нестеровского и селища у сел. Алхасты; справка о передаче коллекции в ГИМ; расписка о сдаче 93 негативов в фототеку ГИМ.

РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1938. Д. 211. 27 л. Альбом иллюстраций к отчету 1938 г. Ок. 90 фотографий ландшафтов, рабочих моментов, планов памятников, находок; чертежи на кальке.

4. РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1939. Д. 174. 34 л. Отчет Е.И. Крупнова о работах Северо-Кавказской экспедиции ГИМ на территории Орджоникидзевского и Галашкинского районов Чечено-Ингушской АССР в 1939 г. Сведения о раскопках селища на правом берегу р. Ассы у сел. Алхасты и могильника у ст. Нестеровской; катакомбного кладбища у сел. Верхний Алкун, группы «Частые курганы»; данные об обследовании состояния сохранности храма Тхаба-Ерды; справка о передаче коллекции в ГИМ.

РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1939. Д. 175. 23 л. Альбом иллюстраций к отчету 1939 г. Маршрут экспедиции на кальке; 57 фотографий: общие виды памятников и их планов, снимки чертежей, процесса раскопок, находок; фотофиксация храма Тхаба-Ерды.

5. РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1940. Д. 148. 82 л. Отчет Е.И. Крупнова о работах Северо-Кавказской экспедиции ГИМ в 1940 г. по исследованию могильника у ст. Нестеровской Чечено-Ингушской АССР и Стур-Дигорского ущелья Махчесского района Северо-Осетинской АССР. Сведения о раскопках могильника Нестеровского и поселения вблизи, могильников «Верхняя Рутха» и в сел. Ахсау, склепов у сел. Стур-Дигора, у сел. Ногкау и в с. Дзинага; описание археологических памятников, склепов, святилищ в районе Стур-Дигорского ущелья; справка о передаче коллекции в ГИМ.

ФО НА ИИМК РАН. Альбом О.1554/1-53. Альбом иллюстраций к отчету 1940 г. Фотографии раскопок, планов, находок, склепов, видов селений.

Перечисленные документы позволяют проследить, как в деятельности крупнейшего исследователя Кавказа Е.И. Крупнова происходило сложение основных подходов и принципов к изучению древнего культурно-исторического наследия Северной Осетии и Ингушетии.

Результаты полевых исследований публиковались самим автором и специалистами-кавказоведами, но тем не менее архивные материалы до сих пор обладают высоким научным потенциалом для современных исследований в области археологии и этнографии Северного Кавказа. Отчеты содержат не только важные данные о раскопках, но фиксируют состояние памятников разных хронологических эпох на момент 1920–1930-х гг., дают ценную информацию о методике проводившихся работ, интересные сведения о культуре, быте, верованиях и погребальных традициях местного населения.

Литература

- Бурков С.Б.* 2014. Личность Е.И. Крупнова в научных, научно-популярных изданиях и СМИ (вопросы историографии) // Кавказоведение: традиции и современность. Сборник материалов межрегиональной конференции. Магас.
- Виноградов В.Б.* 2004. Выдающийся кавказовед Е.И. Крупнов – патриот науки, России и Кавказа // МИАСК. Вып. 3.
- Володин С.А., Кудрявцев А.А.* 2020. Обзор личного фонда Е.И. Крупнова в научно-отраслевом архиве ИА РАН // Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения. XXXI Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции, посвященной 50-летию Крупновских чтений и 50-летию Дербентской археологической экспедиции. Махачкала, 20–25 апреля 2020 г. Махачкала.
- Козенкова В.И.* 2004. Серебряный голос верности (к столетию Евгения Игнатьевича Крупнова) // РА. № 1.
- Мунчаев Р.М.* 2004. Евгений Игнатьевич Крупнов: к 100-летию рождения // РА. № 1.

АРХЕОЛОГИЯ
КАМЕННОГО ВЕКА
И ЭПОХИ БРОНЗЫ

МЕЛКАЯ ПЛАСТИКА КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ХОЗЯЙСТВА И БЫТА РЕГИОНА НАХЧЫВАНА В ЭПОХУ РАННЕЙ БРОНЗЫ

Алиева Ф.А.

Институт археологии и антропологии НАН Азербайджана, г. Баку

В период ранней бронзы в экономике населения, обитавшего на территории современного Азербайджана, и Нахчывана в частности, произошли существенные изменения, связанные с увеличением количества, качества и разнообразия металлических орудий труда (Нахчыванская энциклопедия, 2002. С. 381), следствием чего стал прогресс в области развития сельского хозяйства.

Помимо орудий труда, процессы развития и изменения хозяйственной жизни общества (Дадашев, 2000. С. 211) могут быть исследованы при изучении предметов мелкой пластики. К числу таких артефактов относятся зооморфные фигурки, очажные подставки и модели колес. Мелкая пластика является незаменимым источником в изучении этапов развития скотоводства, одного из важных отраслей производящего хозяйства. В большом количестве предметы мелкой пластики были обнаружены во время археологических раскопок в памятниках Кюльтепе I и II, Махта I, а также в Овчулартепеси.

Обширные сведения о жизни, занятиях, экономических и культурных связях региона Нахчывана эпохи первобытности были получены еще во время изучения материалов поселения Кюльтепе I (Ашуров, Алиев, 2010. С. 15). Информация о характере скотоводства в исследуемый период была получена не только на основе остеологических останков, но и на основании исследования зооморфных фигурок. В раннебронзовом слое памятника было обнаружено большое количество остеологических останков таких домашних животных, как овца, коза, крупный рогатый скот. Ближе к концу эпохи ранней бронзы в скотоводческом хозяйстве Нахчыванского края происходят определенные изменения, и ведущее место в стаде занимают овикаприды (Абибуллаев, 1982. С. 214–218), что может говорить о переходе от придомной формы скотоводства к яйлажной. В то же время, несмотря на превалирование среди археозоологических останков костей мелкого рогатого скота, среди 25 зооморфных фигурок, обнаруженных из памятника Кюльтепе I, изображающих особей КРС, МРС, а также собаки, преобладают изображения быка. Все изображения были изготовлены из мелкозернистой глины. За исключением нескольких фигурок, большинство из них не обожжены. Они все изготовлены достаточно реалистично. Некоторые фигурки переданы в динамике (Ашуров, 2002. С. 63). По мнению О.А. Абибуллаева, все образцы зооморфной пластики, обнаруженные в ходе раскопок на памятнике Кюльтепе I, имели культовое значение. Преобладание среди мелкой пластики бычьих фигурок может говорить о ведущей роли этого животного в хозяйственной жизни обитателей поселения Кюльтепе (Абибуллаев, 1982. С. 141). В эпоху ранней бронзы быки (волы) начинают использоваться в качестве ведущей тягловой силы (Исмаилов, 1969. С. 48).

Также зооморфные фигурки в большом количестве были обнаружены на поселении Махта I. В основном, они представлены изображениями быков и овец. Зооморфные фигурки из Махта I, изготовлены из мелкозернистой глины и обожжены. Зооморфную пластику из поселения Махта I отличает реализм изображений, особенно характерный при воспроизведении особей КРС (Алиев, Ашуров, 1988. С. 73).

Еще одним памятником на территории Нахчыванской АР, где были обнаружены зооморфные фигурки, является поселение Овчулартепеси. Здесь была найдена одна зооморфная статуэтка раннебронзового периода. Предположительно, фигурка изображала овцу. На

одном из закрытых сосудов отмечено рельефное изображение в виде головы барана. Этот сосуд был датирован эпохой позднего энеолита (Бахшалиев и др., 2013. С. 346).

Одним из важных образцов пластики раннебронзового периода являются очажные подставки, которые использовались как в бытовой, так и в культовой жизни. В эпоху ранней бронзы отмечено появление новых видов очажных подставок (Ашууров, 2002. С. 71). Впервые очажная подставка с роговидным выступом была обнаружена на территории Нахчывана А. Алекперовым при исследовании памятника Шортепе (Алекперов, 1937. С. 254). В дальнейшем аналогичные подставки были найдены в поселениях Кюльтепе I и II, Махта I и др.

Еще одним примером мелкой пластики являются модели колес. Факт обнаружения еще в энеолитическом слое памятника Кюльтепе I на территории Нахчывана моделей колес свидетельствует об использовании подвижных платформ не позднее начала эпохи ранней бронзы (Ашууров, 2002. С. 62). Модели колес были также обнаружены на других памятниках Нахчывана, таких как Махта I и Овчулартепеси. Модели колес являются распространенной категорией находок на поселениях куро-аракской культуры эпохи ранней бронзы (Исмаилов, 1969. С. 48).

Литература

- Абибуллаев О.А.* 1982. Энеолит и бронза на территории Нахичеванской АССР. Баку.
- Алекперов А.К.* 1937. Крашенная керамика Нахичеванского края и Ванское царство // СА. № 4.
- Алиев В., Ашууров С.* 1988. Зооморфные фигуры Махты // Доклады Национальной Академии Азерб. ССР. Том XLIV, № 10. Баку.
- Ашууров С.Г.* 2002. Керамика Нахчывана эпохи ранней бронзы. Баку.
- Ашууров С., Алиев О.* 2010. Культура ранних скотоводческих племен Нахчывана // Археология Азербайджана. Баку.
- Бахшалиев В.Б., Марро С., Ашууров С.Г.* 2013. Археологические исследования в Овчулартепе // Археологические исследования в Азербайджане 2012. Баку.
- Дадашев А.* 2000. Земледельческо-скотоводческая экономика обществ эпохи палеометалла на территории Азербайджана. Баку.
- Исмаилов Г.С.* 1969. Из истории древнейших земледельческо-скотоводческих племен на территории Азербайджана // История, общество, преподавание географии. № 6. Баку
- Нахчыванская энциклопедия, 2002. Баку.

ЛЕЙЛАТЕПИНСКАЯ И МАЙКОПСКАЯ КУЛЬТУРЫ. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Амиров Ш.Н.

Институт археологии РАН, г. Москва

1. С момента осмысления в 80 годы XX века факта существования в восточном Закавказье позднехалколитической лейлатепинской культуры, феномен северокавказской майкопской культуры, имеющей множество месопотамских рефлексий, стал значительно более понятным и логически объяснимым. С другой стороны, выявление северомесопотамского культурного эксклава в Закавказье, связанного множеством контактов с Предкавказьем, создало проблему другого рода. Очевидная близость части комплекса материальной культуры позднего халколита Восточного Закавказья и Северного Кавказа, может создавать иллюзию полной культурной идентичности популяций, обитавших по разные стороны Большого Кавказского хребта. В связи с этим, вопрос определения признаков, позволяющих выявить степень близости, различия и, как следствие этого, понимания природы контактов между лейлатепинской и майкопской археологическими культурами, в настоящее время приобретает значительную актуальность.

2. Большая часть признаков лейлатепинской культуры эпохи позднего халколита, свидетельствует об ее северомесопотамском происхождении, но, в тоже время, эта культура, существовавшая в Закавказье порядка 700 лет, не является гомогенной и имеет ряд признаков, характерных для различных периодов ее эволюции. Эти признаки также являются датирующими и для внешних контактов лейлатепинской культуры. Например, в майкопской культуре неизвестны предметы сопоставимые с наиболее ранним периодом бытования лейлатепинской культуры. С другой стороны, целый ряд находок, обнаруженных в памятниках новосвободненского времени, свидетельствует о том, что контакты Северной Месопотамии и Северного Кавказа сохранились и в начале III тыс. до н.э. после того, как лейлатепинская культура уже прекратила свое существование. В целом время активных контактов носителей лейлатепинской и майкопской культуры укладывается в интервал нескольких столетий близких ко второй половине IV тыс. до н.э.

3. Для поселений лейлатепинской культуры характерным является долговременный, оседлый образ жизни, основанный на земледельческом хозяйственном укладе. Домостроения, представленные прямоугольными конструкциями, построены преимущественно из формованного сырцового кирпича, что приводило к значительным аккумуляциям культурного слоя и формированию в Закавказье археологических памятников типа теллей. Планиграфически лейлатепинские поселения имеют компактное расположение домостроений, и их площадь составляет порядка 1–1,5 га. Бытовые памятники майкопской культуры, как правило, отличается относительно небольшая мощность культурного слоя, говорящая об их возможном сезонном функционировании. Хозяйственный уклад имеет комплексный характер, основанный как на земледелии, так и на разведении скота. Архитектурные сооружения представлены разноплановыми турлучными конструкциям. Планиграфически майкопские поселения, как правило, не имеют непрерывного культурного слоя и представлены жилыми и хозяйственными комплексами, отделенными друг от друга на расстояние 20–40 м., в связи с чем общая площадь майкопских поселений формально может достигать 10 га. и более.

4. Ординарные некрополи лейлатепинской культуры в настоящее время не известны. Детские погребения, в то же время, встречаются часто и представлены захоронениями в пифосах, совершенными непосредственно на территории поселений. Майкопские погребения,

напротив, являются одним из основных маркеров этой культуры. Обычные погребения представлены многочисленными подкурганными некрополями. Также известны экстраординарные погребения взрослых индивидуумов, совершенные в хозяйственных ямах непосредственно на площади поселений. Детские погребения в сосудах практически неизвестны.

5. Признаки, позволяющие оценивать организацию общества, свидетельствуют, что общины лейлатепинской культуры были эгалитарны. У нас практически нет свидетельств выделения в среде ее носителей каких бы то ни было элитных или сословных групп, возможно за исключением наиболее позднего периода ее бытования. Здесь имеется в виду выявленное в нижнем слое поселения Бериклдееби значительное общественное сооружение, возможной религиозной направленности. Напротив, характер погребальных памятников майкопской культуры свидетельствует не просто о выделении родовых элит, но судя по трудовым затратам, потраченным на возведение самых значительных погребальных памятников, этот уровень сопоставим с обществами уровня раннегосударственной консолидации.

6. Перечисленные признаки свидетельствуют, что лейлатепинская и майкопская культуры не являются родственными в своей основе, их материальная культура похожа лишь отчасти. В майкопской культуре представлена лишь престижная, технологически передовая часть комплекса лейлатепинской культуры и эксклюзивные импорты, иногда прямо связанные с восточной частью Северной Месопотамии и более широко, с Переднеазиатской культурой месопотамского круга.

7. Для объяснения природы контактов лейлатепинской и майкопской культур наиболее логичной выглядит модель торговых контактов, подобная той, что существовала между городами Шумера и рудоносными районами Анатолии и Загроса в позднеурукский период. Примеры импортов переднеазиатских эксклюзивных артефактов, отдельных элементов месопотамской верхней одежды, образа жизни и духовной культуры, обнаруженные в элитных погребениях на Северном Кавказе, свидетельствуют в пользу того, что небольшие группы носителей лейлатепинской культуры, физически присутствовали в среде «родоплеменных» объединений носителей майкопской культуры, обитавших вдоль течения Терека, Кубани и их притоков. Посредством активности этих «торговых агентов» - «культуртрегеров» функционировала торговая сеть, соединявшая столь удаленные регионы Предкавказья и Передней Азии.

8. В Закавказье известны довольно ранние курганы, имеющие облик сопоставимый с погребениями майкопской культуры Северного Кавказа. Время бытования поселений лейлатепинской культуры и ранних курганов частично совпадает, их движимая материальная культура является достаточно близкой. Можно утверждать, что между носителями курганного обряда и оседлым населением части лейлатепинских поселений имели место прямые контакты. Тем не менее, большинство признаков противоречат идее рассмотрения ранних курганов Закавказья и бытовых памятников лейлатепинской культуры как однокультурных. Прежде всего, следует отметить, что территория распространения ранних курганов в Закавказье не совпадает полностью с территорией распространения поселений лейлатепинской культуры, и охватывает значительно большие пространства. Объяснением частичному географическому пересечению лейлатепинской и ранней курганной культуры Закавказья является аридный цикл рубежа IV–III тыс. до н.э., отмеченный, как в Северной Месопотамии, так и на значительных пространствах Евразии в целом. С одной стороны, это климатическое событие завершило время существования ряда земледельческих культур, и лейлатепинской культуры, в частности, а с другой стороны, активизировало значительную миграционную активность. Именно эта миграционная волна приводит к первичному распространению части популяций скотоводов, носителей курганного погребального обряда майкопской культуры, из Предкавказья в Восточное Закавказье и далее за реку Аракс в сторону Иранского плато и вдоль течения Куры в сторону Анатолии.

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ СТОЯНКИ НА ДАЛУХСКОМ ПЕРЕВАЛЕ В ДАГЕСТАНЕ

Амирханов Х.А.¹, Магомедов Р.Г.², Чечушкова Д.И.¹

Институт археологии РАН, г. Москва

²Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, г. Махачкала

Работа выполнена в рамках госзадания ИА РАН «Развитие материальной культуры в каменном веке на территории Русской равнины и Кавказа: общие тенденции и локальные проявления», НИОКТР № 122011200271-7.

Источники по неолиту Дагестана и Северо-Восточного Кавказа до настоящего времени остаются весьма скудными. Существует острый дефицит качественных, прежде всего, стратифицированных памятников. Это отражается не только на степени изученности каких-то отдельных аспектов неолитической проблематики, но и в целом на состоянии изученности общих проблем первобытной культуры региона в указанную эпоху. На этом фоне заметным событием стало открытие в северной части Горного Дагестана двух неолитических стоянок с залеганием материала в геологическом контексте. Примечательной особенностью расположения этих памятников, получивших названия Данух 1 и Данух 2, является приуроченность их к перевалу – единственному из северной – равнинно-предгорной части Дагестана во внутривнутреннюю область региона.

Указанный перевал, называемый Данухским, имеет высоту 2447 м над у. м. Памятники отстоят от перегиба перевала в сторону Внутреннего Дагестана примерно, на 300 м. Расстояние между самими памятниками составляет около 200 м. Ближайшие к стоянкам современные села – Данух и Артлук. По административному делению территория расположена памятников относится к Гумбетовскому району Республики Дагестан.

Данухские неолитические памятники были открыты Г.Г. Магомедовым в 2006 г. в ходе новостроечных археологических исследований при газификации внутренних районов Дагестана (Гаджиев, 2007). Материалы памятников до настоящего времени остаются неопубликованными.

Одним из очевидных достоинств стоянок является их однослойность, что не создает проблемы смешения разновозрастного материала. Находки залегают компактно; они не сильно разведены по вертикали и представляют собой остатки местообитания, существовавшего в древности на протяжении относительно непродолжительного времени.

Несмотря на свою относительную немногочисленность, инвентарь каждого из двух памятников позволяет определить функциональный тип рассматриваемых памятников и отнести их к стоянкам-мастерским. Состав имеющихся в коллекциях технологических сколов указывает на то, что на здесь представлены все стадии обработки кремня, возможно, за исключением первичных операций по оформлению нуклеусов. В технологическом отношении главным показателем является наличие продвинутой отжимной техники получения микропластинчатых заготовок. О функциональном назначении стоянок говорит наличие в составе инвентаря скребков и элементов вкладышевых орудий в виде геометрических микролитов. С морфологической точки зрения диагностичным является присутствие трапеций низких форм.

Археологическим признаком, указывающим на место обоих памятников в схеме относительной датировки неолитических памятников рассматриваемого региона, является отсутствие изделий, определяемых обычно, как трапеции со струганой спинкой. Если этот признак связан не с малочисленностью данных коллекций и отражает реальную картину

Рис. 1. Стоянка Данух 1 (показано стрелкой) на фоне седловины Данухского перевала

типологического состава инвентаря, то данухские стоянки достаточно уверенно можно отнести к какому-то из этапов первой половины неолита, а не поздней стадии этой эпохи.

С точки зрения культурной географии инвентарь обеих стоянок относится не к чохской археологической культуре, а к кругу неолитических местонахождений Предгорного Дагестана и Приморской низменности. Для культурной идентификации значимо не только полное отсутствие здесь ведущих форм орудий в виде острий чохского типа, но существенные различия в геометрических изделиях, свойственных как чохской, так и данухским памятникам. Речь идет о таких репрезентативных формах, как трапеции. В неолитическом слое Чоха основной тип трапеции связан с высокой формой. Последние здесь варьируются от изделий с необработанным верхним основанием, до образцов в виде «рогатых» трапеций. Соотнесение разновидностей орудий данного типа с наконечниками стрел поперечнолезвийной формы не требует дополнительных обоснований. В случае с низкими трапециями инвентаря данухских стоянок такое же уверенное сопоставление низких трапеций с поперечнолезвийными наконечниками стрел вряд ли будет столь же очевидным, как в приведенном выше случае.

Данухские трапеции изготовлены на микропластинках, и ширина их заготовки находится в пределах 5 мм. Возможность приспособления предметов такой малозаметной ширины к концу древка стрелы в качестве наконечника представляется маловероятной. К тому же, несомненно широким было бы в этом случае и само поперечное лезвие наконечника стрелы – она бы составляла до 2,5 см. Для сравнения, в неолите Чоха ширина реальных поперечнолезвийных наконечников стрел почти в два раза меньше.

Таким образом, трапеции данухских стоянок использовались, скорее всего, для оснащения лезвий костяных вкладышевых орудий. Если последние представляли собой охотничьи орудия, то предназначались они явно не для охоты на мелких животных. Таких, например, как мелкие стадные копытные, как муфлонообразные бараны и безоаровые козлы, которые, судя по данным Чоха, были основным объектом охотничьего промысла неолитических обитателей горного Дагестана. Крупная же дичь в это же время была представлена, в основном, оленем. В неолитическом слое Чоха обнаружен и один обломок орудия для дистантной охоты

на зверя такого размера. Это обломок крупного плоского костяного наконечника с длинным пазом для вкладышей вдоль одного из краев.

В связи с приведенными выше подробными замечаниями особого внимания и объяснения требует вопрос об отсутствии (во всяком случае, в очевидной форме) в рассматриваемых коллекциях острий, т.е. орудий, которые могли бы служить наконечниками стрел. Нам представляется, что объяснение этому кроется в своеобразии формы охотничьего промысла, практиковавшегося обитателями данухских стоянок. Это же самое, может быть, в определенной степени гипотетическое, объяснение может служить ответом и на вопрос о том, почему сами стоянки расположены в столь мало притягательном в климатическом отношении, а большую часть года и просто непригодном для обитания месте.

Ряд наблюдений дают основания для выдвижения гипотезы о связи местоположения, рассматриваемых памятников и состава категорий их инвентаря со спецификой практиковавшегося здесь охотничьего промысла. Своеобразие последнего, на наш взгляд, состояло в использовании такого способа охоты, который предполагал разовый перехват стада целиком или большей его части в период сезонных миграций мелких копытных. Подтверждением этому могут являться остатки длинной каменной стены, протянувшееся на 40 метров поперек створа Данухского перевала и расположенные рядом с описанными выше неолитическими стоянками.

Литература

Магомедов Р.Г. 2007. Сохранение археологического наследия – дело чести каждого // Археологические исследования в зоне строительства газопровода – отвода к с. Ботлих Ботлихского района Республики Дагестан. Махачкала.

«ВАЗЫ-ФРУКТОВНИЦЫ» ИЗ ПАМЯТНИКОВ РАННЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА ПРИМОРСКОГО ДАГЕСТАНА

Будайчиев А.Л.

Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, г. Махачкала

Одной из редких категорий керамической посуды на памятниках раннего бронзового века Приморского Дагестана являются так называемые «вазы». В зарубежной археологической литературе этот тип сосудов на высоких полых поддонах условно именуется fruit-stands – «фруктовницы».

С памятников Приморского Дагестана эпохи ранней бронзы – поселение Торпах-кала, Великентский могильник I (катакомба № 8), Великентский могильник III (катакомба № 1), Каякентский могильник VI – происходят семь археологически целых керамических «ваз» (рис. 1), не считая обломков от их поддонов. Они представляют собой двухчастные сосуды в виде округлобоких или с прямостенных мисок на высоких полых поддонах, высота которых составляет не менее 1/3 высоты сосуда. Каждая из «ваз» имеет свои отличительные особенности, которые обуславливают их выделение в качестве отдельной разновидности форм (типы I–VI). Мы ограничиваемся классификацией «ваз», основанной на целых экземплярах, хотя по форме, размерам, характеру оформления найденных при раскопках обломков поддонов могут быть выделены отдельные подтипы.

Тип I представлен крупной вазой в форме миски с воротничковым бортиком на высоком трехсекционном воронкообразном поддоне (рис. 1, 1). Ваза снабжена горизонтально-трубчатой ручкой (с отходящими в стороны «усиками») у края венчика. У основания поддона имеется круглое отверстие. Внешняя поверхность сосуда – коричнево-охристая, хорошо заглаженная.

«Ваза» была найдена на глинобитном полу конструкции верхнего слоя поселения Торпах-кала, уничтоженного пожаром. С этого же уровня поселения Торпах-кала происходит еще свыше двух десятков керамических сосудов, а также многочисленные обломки от фрагментированных сосудов.

Тип II представлен «вазой» в форме округлобокой миски на высоком раструбовидном поддоне с бортиком у основания, украшенным опоясывающими двойными врезными зигзагообразными линиями (рис. 1, 2). Она происходит из разрушенного погребения Каякентского могильника VI (Магомедов, 2000. С. 13. Рис. 4, 3). Ваза снабжена петельчатой ручкой у края венчика, декорированного с внутренней стороны врезным двойным зигзагообразным пояском. С противоположной стороны напротив ручки имеются два конических налета. По середине поддона расположены друг против друга четыре круглых отверстия.

Следующие три типа «ваз» происходят из катакомбы №8 Великентского I могильника, в которой обнаружено около 500 керамических сосудов (миски, баночные сосуды, горшки, кружки, строенный сосуд и др.).

Тип III – «ваза» в форме глубокой, с почти прямыми стенками миски на раструбовидном поддоне. «Ваза» снабжена ленточными ручками у устья (рис. 1, 3) (Гаджиев, 1991. С. 135. Рис. 26, 17). В средней части поддона расположены три круглых отверстия. Внешняя поверхность сосуда – серо-коричневая, лощеная.

Тип IV – «ваза» в виде миски с почти прямыми стенками с внутренним утолщением у венчика на приземистом поддоне без отверстий (рис. 1, 4). На сосуде сохранилась одна ручка ленточной формы. Внешняя поверхность сосуда – коричневая, лощеная.

Тип V – «ваза» в виде миски с прямыми стенками с небольшим округлым внутренним бортиком, на высоком конусовидном поддоне с двумя круглыми отверстиями (рис. 1, 5).

Сосуд снабжен двумя, расположенными друг против друга миниатюрными полусферическими ручками. Внешняя поверхность сосуда – серо-коричневая, лощеная.

Тип VI представляет собой «вазы»-погремушки. Их обнаружено две: одна происходит из поселения Торпах-кала, вторая – из катакомбы № 1 Великентского могильника III. Они представляют миски на более высоких раструбовидных поддонах, имеющих внутри полую камеру, в которую помещены небольшие округлые камушки или керамические шарики.

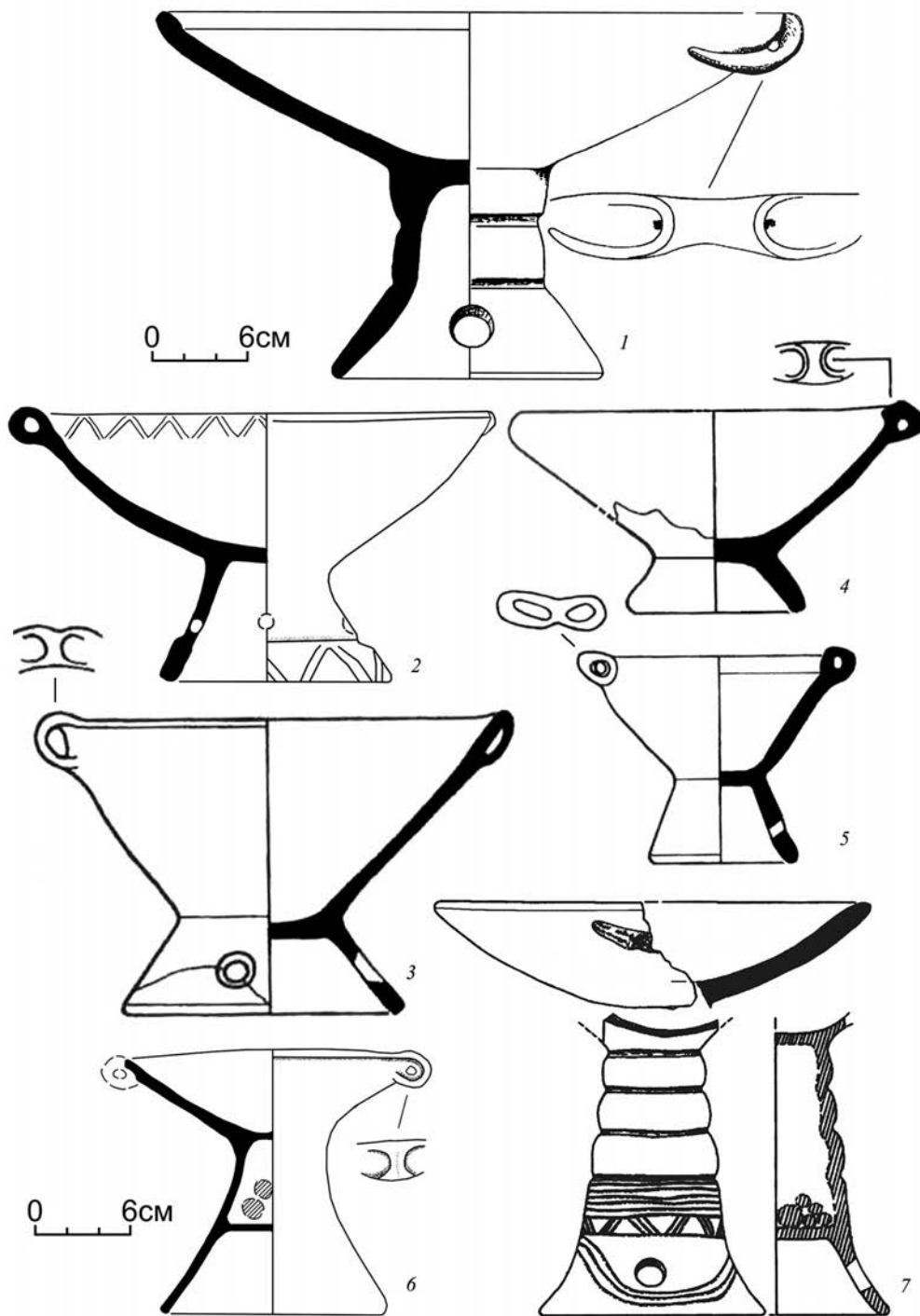

Рис. 1. Керамические «вазы-фруктовницы» из памятников раннего бронзового века Приморского Дагестана: 1, 7 – поселение Торпах-кала, 2 – Каякентский могильник VI (по: Магомедов, 2000); 3–5 – Великентский могильник I (по: Гаджиев М.Г., 1991; Магомедов, 2000); 6 – Великентский могильник III (по: Магомедов, 2006)

Великентская «ваза»-погремушка (рис. 1, б) имеет форму миски с прямыми стенками на поддоне без отверстий, с двумя противоположно расположенными ручками (сохранилась одна) (Magomedov, 2006. P. 147. Fig. 2, 9). Внешняя поверхность сосуда – коричневая, лощеная.

«Ваза»-погремушка из поселения Торпах-кала (рис. 1, 7) была обнаружена на глинобитном полу сгоревшего помещения, внутри круглого керамического переносного очага с гофрированным поддоном. Она имеет высокий поддон, на котором располагалась округлобокая миска с ручкой. Верхнюю часть поддона глубокие обводящие желобки разделяют на три секции; нижняя часть поддона имеет раструбовидную форму с двумя круглыми отверстиями и украшена врезными поясками из прямых и волнистых линий и зигзагов. Поверхность сосуда – красно-охристая, местами серая, слаболощенная.

Ближайшие аналоги керамическим «вазам» из Дагестана обнаруживаются на синхронных памятниках великентской культуры куро-аракской КИО в Северо-Восточном Азербайджане (поселение Серкер-тепе, могильник Гарачай и др.). Этот тип куро-аракских сосудов возможно формируется в Анатолии в интервале от конца среднего до переходного к позднему халколиту периода (Арслантепе VII, Чадыр Хююк, Бююк Гюллюджек, Аладжа Хююк, Алишар Хююк и др.). На памятниках позднего халколита и РБВ I (Арслантепе VIA, Коруджутепе, Муслимантепе, Норшунтепе, Тепеджик, Хаджинеби, Ашагы Салат, Бейджусултан и др.) обнаружено большое количество «фруктовниц» (Çalışkan Akgül, 2020. P. 85–97), которые обоснованно предложено атрибутировать как разновидность ритуально-культовых сосудов (D'Anna, 2010. P. 175; 2012. P. 112; D'Anna, Guarino, 2012. P. 71; Frangipane, 2018. P. 38; Çalışkan Akgül, 2020. P. 89). Возможно, что именно регион Юго-Восточной Анатолии стал проводником распространения этой разновидности, чрезвычайно распространенных в Месопотамии ритуальных сосудов, в направлении Иранского нагорья (Яник-тепе, Гиссар, Шах Тепе) и далее вплоть до Индостана (Хараппа, Зхоб, Джжукар). К началу III тыс. до н.э. сосуды этой разновидности и по-видимому, связанные с ними ритуально-культовые практики проникают на Восточный Кавказ в зону распространения великентской культуры (могильники Великент I и II, Каякент VI, Гарачай, поселения Серкер-тепе, Торпах-кала и др.), где этот яркий элемент материальной и духовной культуры приобретает значительное распространение и сохраняет свое бытование вплоть до сер. III тыс. до н.э.

Литература

- Гаджиев М.Г. 1991. Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа: эпоха энеолита и ранней бронзы. М.
- Магомедов Р.Г. 2000. Материалы к изучению эпохи бронзы в Приморском Дагестане. Махачкала.
- D'Anna M.B. 2010. The ceramic containers at Arslantepe VIA. Food control at the time of centralisation, in Economic Centralisation // In Formative States. The Archaeological Reconstruction of the Economic System in 4th Millennium Arslantepe. Studi di Preistoria Orientale 3. Roma.
- D'Anna M.B. 2012. Between Inclusion and Exclusion: Feasting and Redistribution of Meals at Late Chalcolithic Arslantepe (Malatya, Turkey) // Between Feasts and Daily Meals: Toward an Archaeology of Commensal Spaces. eTopoi. Journal for Ancient Studies. Special vol. 2. P. 97–123.
- D'Anna M.B., Guarino P. 2012. Pottery production and use at Arslantepe between periods VII and VIA. Evidence for social and economic change Origini // Preistoria e protostoria delle civiltà antiche. Vol. XXXIV.
- Çalışkan Akgül H. 2020. Late Chalcolithic Anatolian fruit-stands: significance, function and cultural interactions // Pathways through Arslantepe. Essays in Honour of Marcella Frangipane. Roma.
- Frangipane M. 2018. Different Trajectories in State Formation in Greater Mesopotamia: A View from Arslantepe (Turkey) // Journal of Archaeological Research. Vol. 26 (1).
- Magomedov R. 2006. The Kura-Araxes «Culture» in the North-Eastern Caucasus. Problems in its identification and chronology // Beyond the Steppe and the sown. Proceedings of the 2002 University of Chicago Conference on Eurasian Archaeology. Leiden.

К ВОПРОСУ О ВЫДЕЛЕНИИ НИЖНЕГО СТРАТИГРАФИЧЕСКОГО ГОРИЗОНТА НА ПОСЕЛЕНИЯХ СЕРЖЕНЬ-ЮРТ-I и II

Бурков С.Б.

Институт истории и археологии РСО – Алания, г. Владикавказ

Комплекс памятников в районе с. Сержень-Юрт, в состав которого входит грунтовый могильник и два поселения, названные в полевом отчете СКАЭ 1958 г. «городищем» и селищем, был открыт М.П. Севостяновым в 1954 г. Памятники становятся объектом изучения СКАЭ с 1957 г. Разведочный шурф, заложенный в 1958 г. на одном из холмов, положил начало стационарным раскопкам этих поселений. В 1959 г. начались широкомасштабные исследования, завершившиеся в 1966 г. На поселении Сержень-Юрт I была вскрыта площадь в 3564 кв. м., на поселении Сержень-Юрт II – 315 кв. м. Нижний слой поселений относится к финалу эпохи ранней бронзы, верхний – к эпохе раннего железа. Полноценно изданы лишь материалы верхнего слоя (Козенкова, 2001). В.И. Козенкова сочла вполне достаточным уровень издания материалов нижнего слоя, осуществленный Р.М. Мунчаевым в его монографии 1975 г. (Мунчаев, 1975). Однако, по нашему мнению, в ней присутствует лишь обобщенная информация по ряду керамических форм, а также общие сведения по стратиграфии памятников. Культурный слой эпохи ранней бронзы на поселении Сержень Юрт I мощностью 30–40 см почти полностью разрушен. На поселении Сержень Юрт II нижний слой фиксировался от отметки 0,75 м до 1,0 м. В культурном слое этого времени выделены два горизонта глиняной обмазки. По мнению Р.М. Мунчаева, постройка в виде пятиугольника была связана с нижним слоем. Однако последовательной системы доказательств о времени возникновения строения № 1 на поселении Сержень Юрт I не приведено. В последующем исследователь обращался к материалам этого памятника, но дополнительных сведений о его стратиграфии не приводил. Определенное внимание стратиграфии поселения уделит Н.Я. Мерперт (Мерперт, 1962. С. 33–44). Также выделенные культурные слои в общих чертах описаны в ряде публикаций Е.И. Крупнова, В.И. Козенковой, А.А. Иерусалимской (Иерусалимская и др., 1963. С. 42–53; Козенкова, Крупнов, 1964. С. 73–80; 1966. С. 81–87; Козенкова, 1965. С. 67–74), а также в монографии Е.И. Козенковой (Козенкова, 2001. С. 8, 12–14, 18, 24). Полноценной характеристики нижнего слоя в них не содержится. При сопоставлении опубликованных материалов по поселению Сержень Юрт I были выявлены разночтения: культурный слой обозначается как «слой», «горизонт», «пласт». Выделяются два горизонта, но что было положено в основу такого деления, неясно. Всеми авторами отмечено отсутствие стерильной прослойки между слоями на поселении Сержень Юрт I. Полная мощность отложений культурного слоя этого поселения определена в 0,8 м, на финал эпохи ранней бронзы приходится от 0,2 м и до 0,3–0,4 м. Но есть и иные данные: верхний основной слой этого поселения имеет мощность от 0,3 до 0,8 м. В этом случае отложения всего культурного слоя должны иметь мощность, как минимум, в 1,0 м. Согласно Н.Я. Мерперту, пласты на глубинах 0,4–0,8 м отличаются от первых двух верхних и составляют нижний слой. Культурный слой поселения по цвету, структуре и насыщенности находками делится на 2 горизонта, между ними стерильной прослойки нет. Характер материала по всей толщине культурного слоя одинаков, но он был сильно перемешан при сооружении многочисленных хозяйственных ям, которые были заглублены в суглинистый материковый слой (Р.М. Мунчаев). Тем не менее, Н.Я. Мерперт отмечал, что с глубины 0,2–0,4 м измельченность находок минимальна, здесь помимо крупных фрагментов были встречены также почти полностью сохранившиеся сосуды.

Стены помещения № 1 поселения Сержень Юрт I были повреждены четырьмя наиболее поздними ямами группы № 3, чьи устья залегали выше отметки в 0,45 м. В.И. Козенковой

отмечено, что стратиграфически часть ям относилась к нижнему горизонту, но в её монографии они не освещаются, и с какой глубины они были впущены, данные не приводятся. Ни в одной из публикаций нет сведений об уровне залегания глиняных блоков, из которых были сложены стены помещения № 1. Об этом можно судить лишь по двум фотографиям, согласно которым соотношение верхнего уровня стен конструкции и борта раскопа составляет не более 30 см. Размеры блоков – 40 × 30 × 8 см. В этом случае пол помещения должен находиться не глубже 60 см, т.к. сами глиняные блоки размещены не строго вертикально. Если принять за основу данные В.И. Козенковой, то мнение о глубине залегания пола в 80 см реалистичнее. Для помещения № 3 на поселении Сержень Юрт I В.И. Козенковой отмечено использование блоков из обожженной глины, таких же, как и в основании стен помещения № 1. Но описания их не приводится. Для последнего есть радиоуглеродная дата: 2890 ± 75 г. до н.э. (лет назад????)

Согласно Н.Я. Мерперту, фрагменты сосудов с «пачкающей поверхностью» были найдены непосредственно «вблизи очагов». Р.М. Мунчаев также отмечает, что среди завалов керамики рядом с очагами было «много обломков хорошо обожженных красноглиняных сосудов с пачкающей поверхностью». В то же время В.И. Козенкова указывает, что такая керамика была представлена только восемью черепками среди 400 керамических фрагментов из сильно перемешанного верхнего слоя (1–2 штык), тогда как среди 600 фрагментов, собранных непосредственно на полу (4 штык), не было обнаружено ни одного. Здесь же отмечается, что слой, перекрывающий уровень пола, был непоколебленным. Этот слой прослежен с глубины 4 штыка, то есть – 0,8 м (В.И. Козенкова), и был сооружен не в материковом слое – суглинке (глубина 0,5–0,6 м), а в материковой глине (Н.Я. Мерперт), что ниже этих отметок. Возможно, что выходы материковых слоев на разных участках были различны, но это нигде не оговаривается. Относительно прочих находок, связанных с этим сооружением, укажем на обнаружение «на территории здания, в нижних пластах» (Н.Я. Мерперт) красноглиняных остродонных мисок с налепами. Данный тип посуды не описан, его изображений не приведено. Нет ясности и с тем, в каком слое были сделаны находки грубой керамики неровного обжига, красноватого или желтоватого цветов, обладающей заглаженной поверхностью и орнаментированной полым круглым или гребенчатым штампом, точками и прочерченными треугольниками.

Краткие сведения о стратиграфии поселения Сержень Юрт II приведены лишь в публикации 1963 г. (Иерусалимская и др., 1963). Нижний слой начинается на отметке 0,5 м от поверхности и имеет мощность 0,6–0,7 м. Общая мощность культурных отложений составляет порядка 1,1–1,2 м. В этих отложениях выделено два горизонта, маркированных плотной обожженной обмазкой. Их толщина не указана, но отмечается, что они разделены прослойкой в 0,1–0,2 м. Данных о стратиграфическом положении ям не приводится, но нужно учитывать сведения о планиграфии, которые в монографии Р.М. Мунчаева 1975 г. в ряде случаев соотношены с определенными находками.

Таким образом, приходится признать, что уровень представления древностей финала эпохи ранней бронзы из описываемых поселений не может быть признан «вполне достаточным». В этой связи, полномасштабный доступ к материалам Сержень-Юрта I и II всех исследователей, занятых изучением эпохи ранней бронзы Северного Кавказа, является крайне актуальным.

Литература

- Иерусалимская А.А., Козенкова В.И., Крупнов Е.И.* 1963. Древние поселения у с. Сержень-Юрт в Чечено-Ингушетии (по материалам Северо-Кавказской экспедиции 1961 г.) // КСИА. Вып. 94.
- Козенкова В.И.* 1965. Исследования Сержень-Юртовского поселения в 1963 г. // КСИА. Вып. 103.
- Козенкова В.И.* 2001. Поселок-убежище кобанской культуры у аула Сержень-Юрт в Чечне как исторический источник (Северный Кавказ). М.
- Козенкова В.И., Крупнов Е.И.* 1964. Исследование Сержень-Юртовского поселения в 1962 г. // КСИА. Вып. 98.
- Козенкова В.И., Крупнов Е.И.* 1966. Исследования Сержень-Юртовского поселения (по раскопкам 1964 г.) // КСИА. Вып. 106.
- Мерперт Н.Я.* 1962. Раскопки Сержень-Юртовского поселения в 1960 году // КСИА. Вып. 88.
- Мунчаев Р.М.* 1975. Кавказ на заре бронзового века. Неолит, энеолит, ранняя бронза. М.

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕГАЛИТОВ В АБХАЗИИ (КУДЖБА-ИАШТА)

Габелия А.Н., Сангулия Г.А., Сакания С.М.

Абхазский государственный университет, г. Сухум, Республика Абхазия

Дольменная (мегалитическая) культура Абхазии представляет собой значительное историко-культурное явление в истории региона и отражает общие процессы развития западно-кавказских обществ абхазо-адыгской группы северокавказской семьи языков. Прерванные ранее исследования дольменной группы на территории Рицинского заповедника были продолжены летом 2023 г. открытием и началом исследования еще одного дольмена (дольмен № 2, обнаружен С.М. Сакания). Кроме того, было начато исследование дольмена № 1 (исследован экспедицией под руководством В.В. Бжания), в ходе которого были получены дополнительные результаты. В результате разведочных работ Г.А. Сангулия рядом с дольменом № 1 был также обнаружен «длинный курган» с каменным перекрытием, что может внести ряд корректив в изучении мегалитических комплексов. Активную поддержку в работе оказывала Дирекция Рицинского национального парка (Адамыр Багателия) и Отдел науки и экологического просвещения (Инга Тания).

Дольмен № 1 корытообразный, цельнообработанный изнутри, со стороны фасада и просматривающихся боковых стен. Внутренние углы стен скруглены, заужены кверху и слегка прогнуты в подкровной завершающей части. Покровная плита снята и в настоящее время отсутствует, за исключением ее крупного фрагмента, который был обнаружен в ходе исследования примыкающей территории, спереди. Отверстие дольмена смещено от осевой линии в левый нижний угол. Сохранность оставшейся части дольмена удовлетворительная. Находок и сопроводительного инвентаря внутри камеры обнаружить не удалось. Возможно, их исчезновение связано с несанкционированными работами действовавшего здесь в советское время автомеханического пункта по обслуживанию лесовозов.

Сплошное обследование примыкающей территории по наложенной археологической сетке квадратов дало интересный керамический и каменный материал. Керамическая серия (рис. 1, 6, 8, 9) характеризуется единой технологией изготовления древней посуды с обжигом красного и темного цветов, с мелкими порами от выгоревших частиц отошителя, слегка шероховатым, но хорошим обжигом и плотностью, круговой формовкой, что видно по профильным обломкам. Керамика отражает определенные этапы эволюции гончарного искусства и ее развитие от неорнаментированных групп к нарядному украшению, выполненное в технике нарезки и штампа. Как и прежде, здесь не встречается крупногабаритная посуда, а найденные экземпляры лишены инородных форм, нет фрагментов шаровидной посуды, все имеют плоское основание, но иногда появляются тщательно проработанные выступающие донца. В северо-западном углу в культурном слое наряду с керамикой был обнаружен каменный топор (рис. 1, 12), а также фрагменты каменных орудий и сколы. Здесь же обнаружено «вторичное» погребение с неполным составом костей, что уже было зафиксировано в ряде дольменных памятников Абхазии. Дальнейшие исследования примыкающей территории, которая использовалась в ходе погребальных обрядов, могут быть весьма интересными.

Дольмен № 2 (рис. 1, 10) расположен западнее и характеризуется цельноплиточным составом конструкции и слабовыраженной трапециевидной формой. Он также лишен покровной плиты, а разбитые ее фрагменты лежат у фасадной части. Задняя плита длиной 127 см отчасти вышла из пазов (под давлением боковых плит) и стоит под наклоном. Длина боковых плит – 180 см. Пазы просматриваются хорошо, они проработаны для подгонки,

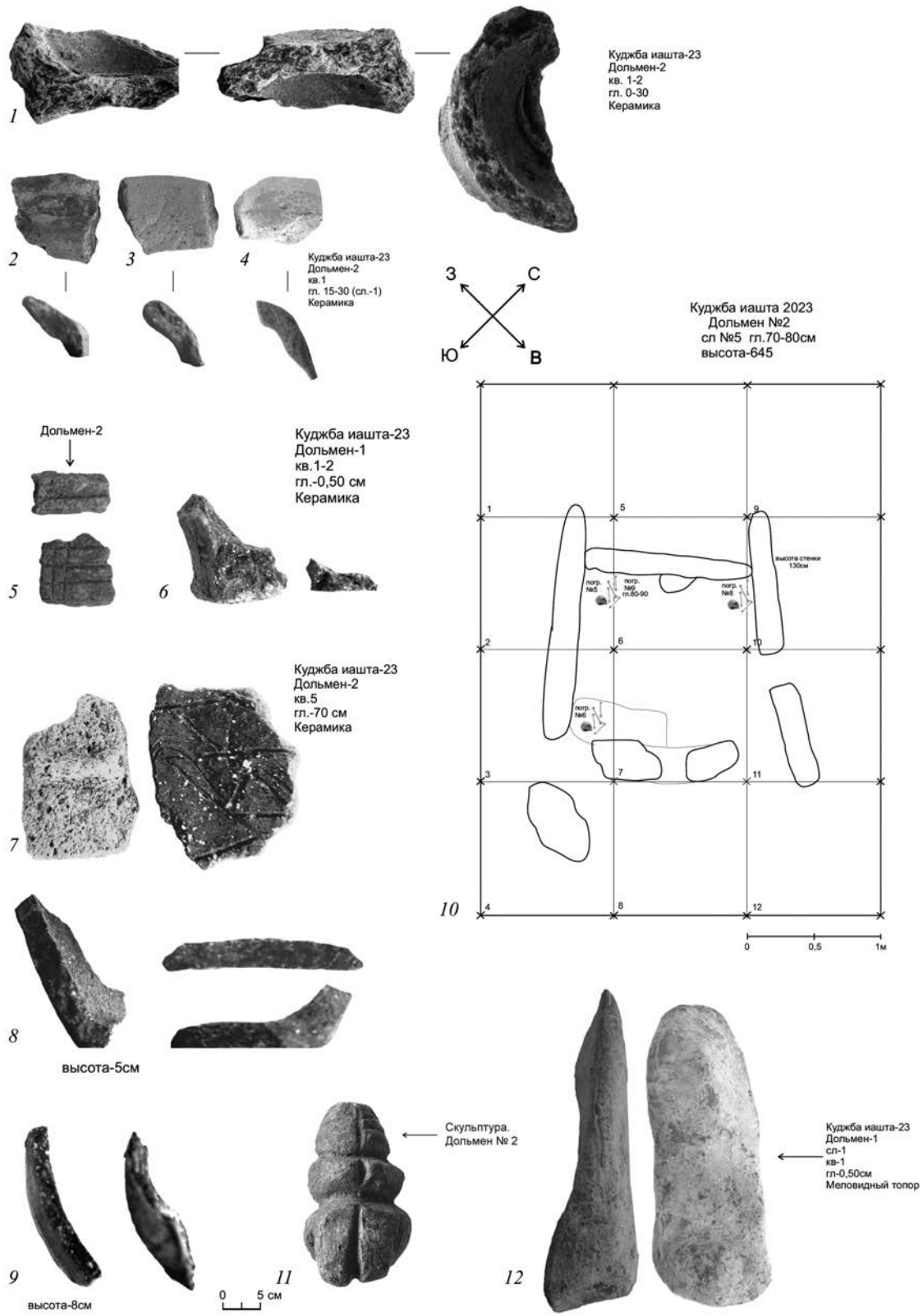

Рис. 1. Материалы дольменной группы на территории Рицинского заповедника.
1–5, 7, 11, 12 – фрагменты керамики и каменные изделия из дольмена № 2; 6, 8, 9 – фрагменты керамики из дольмена № 1; 10 – чертеж дольмена № 2

прошлифованы чисто, без выступов, и в целом стены дольмена осажены окончательно. Длинный шлифовальный камень со следами сработанности, совпадающий с профилем пазов, был найден во время очистки Отхарского дольмена в 2014 г. (работы Г.А. Сангулия). Других погребений, выходящих за пределы сооружения, не было обнаружено, за исключением одного северо-западного «вторичного» погребения с вариантом обряда частичного захоронения костей. В ходе исследований заполнения погребального помещения были выявлены шесть погребальных культурных слоев с посудой и костями погребенных с применением вышеотмеченного обряда «вторичных» погребений. Как правило, участки концентрации костей зафиксированы преимущественно по углам – как и в Эшерских дольменах, хотя, как исключение, иногда встречено рассеивание мелких костей, что не меняет преобладающей тенденции обрядовой практики. Это касается и находки женской антропоморфной скульптуры (рис. 1, 11), которая стояла в северном углу, на плите основания дольмена, рядом с костями погребенных, очевидно, в качестве хранильницы «потусторонних» душ людей. Скульптура правильной формы, проработка выполнена нарезками, как и орнаменты на керамике – редкое явление в таких памятниках. Остальные все находки были распределены равномерно, а сами слои и концентрации отдельных погребений (числом до 20) являются результатом постепенного захоронения на протяжении десятков лет.

Среди находок встречены фрагменты керамических сосудов (рис. 1, 1–5), идентичные первой группе, и каменные орудия, в числе которых – жернова и куранты. Часть из них, возможно, были шлифовальными орудиями, использованными во время сооружения и обработки плит погребального памятника.

К западу от дольмена № 2 был найден новый составной дольмен с цельной фасадной плитой и стенами, сконструированными из крупных булыжных камней, и заполнением из такого же материала, представляющий интерес для будущих исследований.

Таким образом, Ричинский мегалитический комплекс, носящий имя абхазского рода Куджба, представляет собой яркий пример древней архитектуры Абхазии и Западного Кавказа, сопровождающийся новыми интересными артефактами. А женская статуэтка является второй в своем роде – после «Отхарской мадонны». При этом она была обнаружена в непотревоженном слое и датируется более ранним временем. Исследуемая группа археологических объектов, согласно имеющимся стратиграфическим данным, укладывается во 2-й этап I хронологической группы (2200–2000 гг. до н.э.) и относится к ранним образцам погребальной архитектуры, хотя не исключено наличие в этом районе и более поздних материалов (2000–1800 гг. до н.э.).

БРОНЗОВЫЕ КОВАННЫЕ ПОЛУСФЕРИЧЕСКИЕ БЛЯХИ СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ КУЛЬТУРЫ: АНАЛИЗ ОРНАМЕНТАЛЬНЫХ МОТИВОВ

Геворкова Д.А.

Государственный академический университет гуманитарных наук, г. Москва

Бронзовые бляхи северокавказской культуры (далее – СКК), наряду с роговыми и металлическими булавками, являлись одним из основных компонентов так называемых булавочных (Клещенко, 2017. С. 85) или поясных (Кореневский, 1986а. С. 39) наборов. По своим внешним характеристикам бляхи различаются как по форме (слабовыпуклые, полусферические), так и по технике изготовления (кованые, литые).

Этой категории погребального инвентаря в разное время уделялось внимание при анализе материалов эпохи средней бронзы с территории Кабардино-Балкарии (Бетрозов, Нагоев, 1984. С. 77), района Кавминвод (Кореневский, 1990. С. 54, 59, 81–82) и Егорлык-Калаусского междуречья (Гак, Калмыков, 2013. С. 143–145). Однако, не смотря на значительное количество находок, обобщающего исследования по бронзовым бляхам пока нет.

Данная работа посвящена анализу орнаментальных элементов и мотивов кованых полусферических блях с пуансонным орнаментом, хронологически относящимся к позднему этапу СКК (вторая четверть – середина III тыс. до н.э.). В выборку включено 27 орнаментированных экземпляров¹. За рамками работы остались бляхи неорнаментированные и с нечитаемым орнаментом.

Рассматриваемые изделия могут быть разделены на три группы – в соответствии со способом расположения орнамента на поверхности блях. Группа 1 – поверхность разделена на ярусы, один из которых заполнен сплошным орнаментом, другой разделен на секторы; группа 2 – поверхность разделена на секторы радиально расположенными поясками; группа 3 – поверхность разделена на ярусы, заполненные сплошным орнаментом, без деления на секторы.

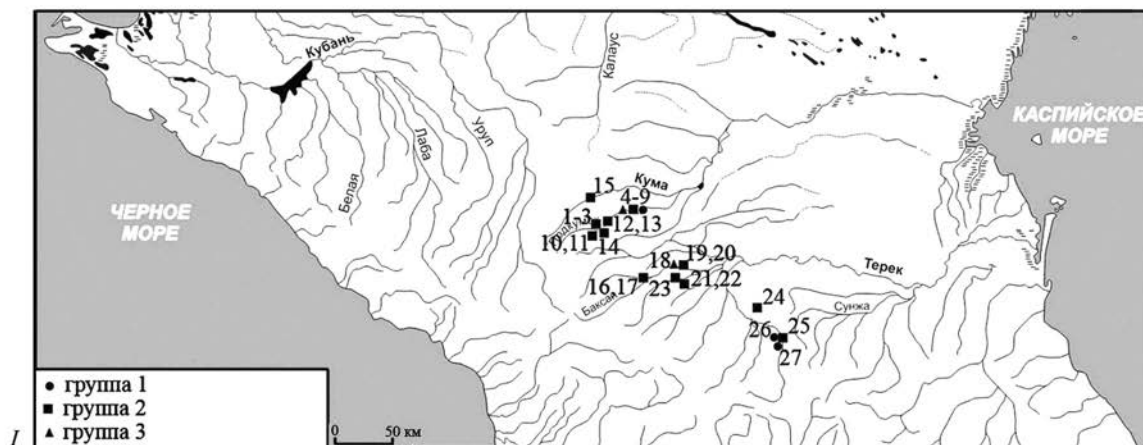
Картографирование исследуемого материала позволило выделить три района их концентрации: бассейн р. Подкумок, Баксано-Чегемское междуречье, бассейн Верхнего течения р. Терек (рис. 1, I).

Подкумская серия представлена пятнадцатью экземплярами. К группе 1 принадлежат парные бляхи № 4 и № 5 (Марковин, 1999. Рис. 8, I, 2) (рис. 1, I)²: нижний ярус заполнен перевернутыми треугольниками; верхний разделен прямыми линиями на три сектора, в которых размещены концентрические круги под дугой.

К группе 2 (12 экз.) относятся бляхи, разделенные на четыре сектора ломаными: № 1 (Деген, 1941. Табл. XV, 2), № 8 (Марковин, 1999. Рис. 19, I), №№ 10, 11 (Кореневский, 1986б. Рис. 214, 3) и прямыми линиями: № 2, 3 (Деген, 1941. Табл. XV, 2), № 6 (Марковин, 1999. Рис. 11, II), № 9 (Там же. Рис. 19, 2), № 14 (Кореневский, 1990. Рис. 8, 2), № 12, 13 (Там же. 1990. Рис. 10, 8, 9), № 15 (Нечитайло, 1979. Рис. 4, 7). В секторах размещены изображения концентрических кругов (№ 6, 10), конусовидных фигур с вписанными в них кругами (№ 1, 2,) и «якоревидными» элементами (№ 11), напоминающими по форме якоревидные подвески, обнаруженные, например, в северокавказском комплексе Нежинская II 5/16 (Кореневский, 1986. Рис. 203), а также в Великенских катакомбах (Гаджиев, Кореневский, 1984. С. 13–14. Рис. 5; Магомедов, 2000. С. 58. Рис. 20, 4). В заполнении секторов бляхи № 14 использован

¹ Автор выражает благодарность А.А. Клещенко за предоставленную информацию по комплексам с полусферическими бляхами.

² Номера изделий в тексте соответствуют номерам комплексов на рис. 1, II.

№	Комплексы	Орнаментальные элементы													
1	Кисловодский курган №1														
2	Кисловодский курган №2														
3	Кисловодский курган №3														
4	Константиновское плато 2/5														
5	Константиновское плато 2/5														
6	Константиновское плато 2(4)/3(6)														
7	Константиновское плато 2(4)/3(6)														
8	Константиновское плато 1(5)/4														
9	Константиновское плато 1(5)/4														
10	Нежинская II 5/17														
11	Нежинская II 5/17														
12	Подкумок (случ. находка)														
13	Подкумок (случ. находка)														
14	Ракитная гора 1/5														
15	Суворовский 1/1														
16	Кенделенская I 425/18														
17	Кенделенская I 425/18														
18	Кызбурун III 1/3														
19	Кызбурун III 1/18														
20	Кызбурун III 1/18														
21	Чегем I 21/2														
22	Чегем I 21/2														
23	Чегем II 1-я группа 35/1														
24	Заманкул 3/2														
25	Ногирская курганная группа 3/9														
26	Ногир I 1/4														
27	Пригородный-77 1/11														

Рис. 1. Кованные полусферические бляхи северокавказской культуры
 I – карта распространения находок; II – таблица встречаемости орнаментальных элементов

мотив «якоревидного» элемента, ориентированного к вершине конуса, с расположенными по сторонам кругами.

Третья группа представлена бляхой № 7 (Марковин, 1999. Рис. 11, 10): верхний ярус – перевернутые треугольники, образующие звездчатый орнамент, нижний – чередование перевернутых треугольников и полых кругов.

Для междуречья Баксана и Чегема было проанализировано 8 блях, 7 из которых относятся ко второй группе. Из всех экземпляров парные бляхи № 21, 22 (Мизиев, Бетрозов, 1972. Рис. 40, 1, 2) и бляха № 23 (Бетрозов, Нагоев, 1984. Рис. 29, 27) разделены на три сектора ломаными линиями. В случае с бляхой № 23 помимо ломаной линии используются другие элементы: короткие полоски, расположенные в шахматном порядке и концентрические круги. В секторах размещены «якоревидные» элементы, вписанные в конусы с раздвоенными концами (№ 21, 22). Парные бляхи №№ 19, 20 (Мизиев, 1984. Рис. 14, 4) и № 16, 17 (Клещенко, 2014. Рис. 1201, 1202) разделены на четыре сектора прямыми линиями (№ 16, 17) и сочетанием простых линейных перегородок с составными: круги, пересеченные прямой (№ 19), прямые с раздвоенными концами и прямые между двумя ломаными линиями (№ 20). В заполнении секторов использован мотив «якоревидного» элемента (№ 20), ориентированного к вершине конуса с кругами по сторонам (№ 20). К группе 3 относится бляха из комплекса № 18 (Мизиев, 1984. Рис. 9, 3): нижний ярус заполнен перевернутыми треугольниками, верхний – не орнаментирован.

Из района верхнего течения р. Терек происходят четыре орнаментированные бляхи. К группе 1 отнесены бляхи № 26 (Клещенко, 2021. Рис. 128) и № 27 (Николаева, Сафронов, 1977. Рис. 70). Нижний ярус заполнен перевернутыми треугольниками, разделенными прямыми (№ 27) и дугообразными (№ 26) линиями на четыре части. Верхний ярус бляхи № 27 образован четырьмя фестонами, в каждом из которых размещено по кружку. Верхний ярус бляхи № 26 разделен на четыре сектора «якоревидными» элементами с ромбовидным расширением в верхней части стержня. В секторах помещены дугообразные элементы с расположенными друг над другом кругами. Вторая группа представлена двумя бляхами, разделенными полосой концентрических кругов (№ 25; Санакоев, 2014. Рис. 150) и простыми линиями (№ 24; Ростунов, 1995. Рис. 12, 4) на четыре сектора. В заполнении использован мотив «якоревидного» элемента, ориентированного к вершине конуса с кругами по сторонам (№ 25).

Таким образом, результаты картографирования и сравнительного анализа орнаментации позволяют говорить о существовании двух орнаментальных традиций: северной (бассейн р. Подкумок) и южной (Баксано-Чегемское междуречье и Верхний Терек). Бляхи северной зоны характеризуются большим разнообразием элементов, включенных в композицию. В то же время для изделий южной зоны можно проследить доминирующую роль «якоревидного» элемента в композиции (рис. 1, II). Объяснение подобной дихотомии видится в контактах населения южного ареала с носителями куро-араксской культуры.

Перспективным направлением дальнейших исследований представляется сопоставление мотивов декора на кованых полусферических бляхах с орнаментацией керамического комплекса СКК, а также с куро-аракскими традициями.

Литература

- Бетрозов Р.Ж., Нагоев А.Х. 1984. Курганы эпохи бронзы у селений Чегем I, Чегем II и Кишпек (1-я и 3-я группы) // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Т. 1. Нальчик.
- Гаджиев М.Г., Корневский С.Н. 1984. Металл великентской катакомбы // Древние промыслы, ремесло и торговля. Махачкала.
- Гак Е.И., Калмыков А.А. 2013. Металлический инвентарь курганных погребений позднеямного – раннекатакомбного времени Егорлык-Калаусского междуречья // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. XI. М.
- Деген Б.Е. 1941. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика // МИА. № 3. М.; Л.
- Клещенко А.А. 2014. Отчет за 2014 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 51131–50136.

- Клещенко А.А.* 2017. Большие булавочные наборы из погребения курганной группы Кенделенская I и «поясные наборы» эпохи средней бронзы Центрального Предкавказья // КСИА. 249. Ч. I. М.
- Клещенко А.А.* 2021. Отчет за 2021 г. // Архив ИА РАН. Р-1. Б/н.
- Корневский С.Н.* 1986а. О поясных наборах периода средней болнзы из центрального Предкавказья // КСИА. Вып. 185.
- Корневский С.Н.* 1986б. Отчет за 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 10926.
- Корневский С.Н.* 1990. Памятники населения бронзового века Центрального Предкавказья. М.
- Магомедов Р.Г.* 2000. Материалы к изучению культуры эпохи бронзы в Приморском Дагестане. Махачкала.
- Марковин В.И.* 1999. Константиновская группа курганов эпохи бронзы у г. Пятигорска // Древности Северного Кавказа. М.
- Мизиев И.М.* 1984. Два кургана у селений Кишпек и Кызбурун III // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Т. 1. Нальчик.
- Нечитайло А.Л.* 1979. Суворовский курганный могильник. Киев.
- Санакоев В.С.* 2014. Отчет за 2014 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 54634.

ХРОНОЛОГИЯ И КЛИМАТ НЕОЛИТА ПРИЭЛЬБРУСЬЯ. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

**Голованова Л. В.¹, Дороничев В.Б.¹, Резепкин А.Д.²,
Дороничева Е.В.¹, Трезуб Т.В.³, Волков М.А.³**

¹АНО «Лаборатория доистории», г. Санкт-Петербург

²Институт истории материально культуры РАН, г. Санкт-Петербург

³Воронежский государственный университет, г. Воронеж

Работа выполнена при поддержке РНФ, проект № 22-78-10120.

Новые исследования стоянки керамического неолита в навесе «У Алебастрового завода» в Приэльбрусье показали, что она существовала достаточно продолжительное время: от ок. 8,2 тыс. л. н. (слой 6/7) до 7,5–6,7 тыс. л. н. (слой 6В). Стоянка расположена в ущелье р. Баксан (бассейн р. Терек), на абсолютной высоте 880 м, на северо-западной окраине селения Бедык Эльбрусского района Кабардино-Балкарской Республики.

Предварительные результаты палинологического анализа позволяют восстановить растительность начального этапа обитания неолитического населения. Палиноспектры нижней части слоя 6/7 характеризуются преобладанием пыльцы покрытосеменных древесных растений. Здесь отмечена в большом количестве пыльца мелколиственных пород: *Betula sect. Fruticosa* (кустарничковая береза), *Alnus* (ольха), *Salix* (ива), *Fraxinus* (ясень), а из теплолюбивых пород – *Quercus* (дуб), *Ulmus* (вяз), единично отмечена пыльца *Juglans* (грецкий орех). Пыльца хвойных пород встречена в виде единичных зерен: это *Pinus* (сосна) и *Juniperus* (можжевельник).

Палиноспектры верхней части слоя 6/7 слабо насыщены спорами и пылью. В общем составе преобладает пыльца голосеменных пород. Из пыльцы древесных покрытосеменных отмечено два зерна *Alnus* (ольха) и *Salix* (ива). Травы в основном представлены пылью семейства *Rosaceae*, экология которого может говорить о развитии на прилегающей территории альпийской или субальпийской зоны, что свидетельствует о продвижении горного ледника вниз по долине. Климат данного этапа характеризовался холодными и влажными условиями обитания.

Климат времени образования отложений слоя 6В был прохладным и достаточно сухим. В общем составе спектра доминирует пыльца древесных покрытосеменных пород. Пыльца хвойных пород играет второстепенную роль. Разнообразно представлена пыльца травянистых растений.

В навесе «У Алебастрового завода» прослеживается не только наиболее раннее появление керамического неолита на Северном Кавказе, но также имеется возможность изучения трансформации неолитической культуры на протяжении времени.

В слое 6/7 керамика представлена преимущественно мелкими фрагментами, только на нескольких фрагментах прослеживается орнамент. Характерен гребенчатый штамп и прочерченные линии. В составе каменной индустрии представлены сегменты, в т. ч. гелуанские, асимметричные треугольники, характерны микроскрёбки на отщепках. Найдены пластины и пластинки с зубчатой ретушью и выемками, ППК и сколы с ретушью. Обнаружены бусины из раковин наземных моллюсков, плоская каменная подвеска с отверстием и овальная подвеска из морской раковины семейства *Cardiidae* (рис. 1).

В слое 6В больше количество фрагментов керамики с орнаментом, многие из них орнаментированы в накольчато-гребенчатой технике. Среди орудий - гелуанские сегменты, асимметричные треугольники, трапеция и дистальный фрагмент острия, преобладают скрёбки на маленьких массивных отщепках. Многочисленны пластинки и отщепы с ретушью, в том числе ППК. Зубчато-выемчатые орудия единичны. Характерны бифасиальные поперечно

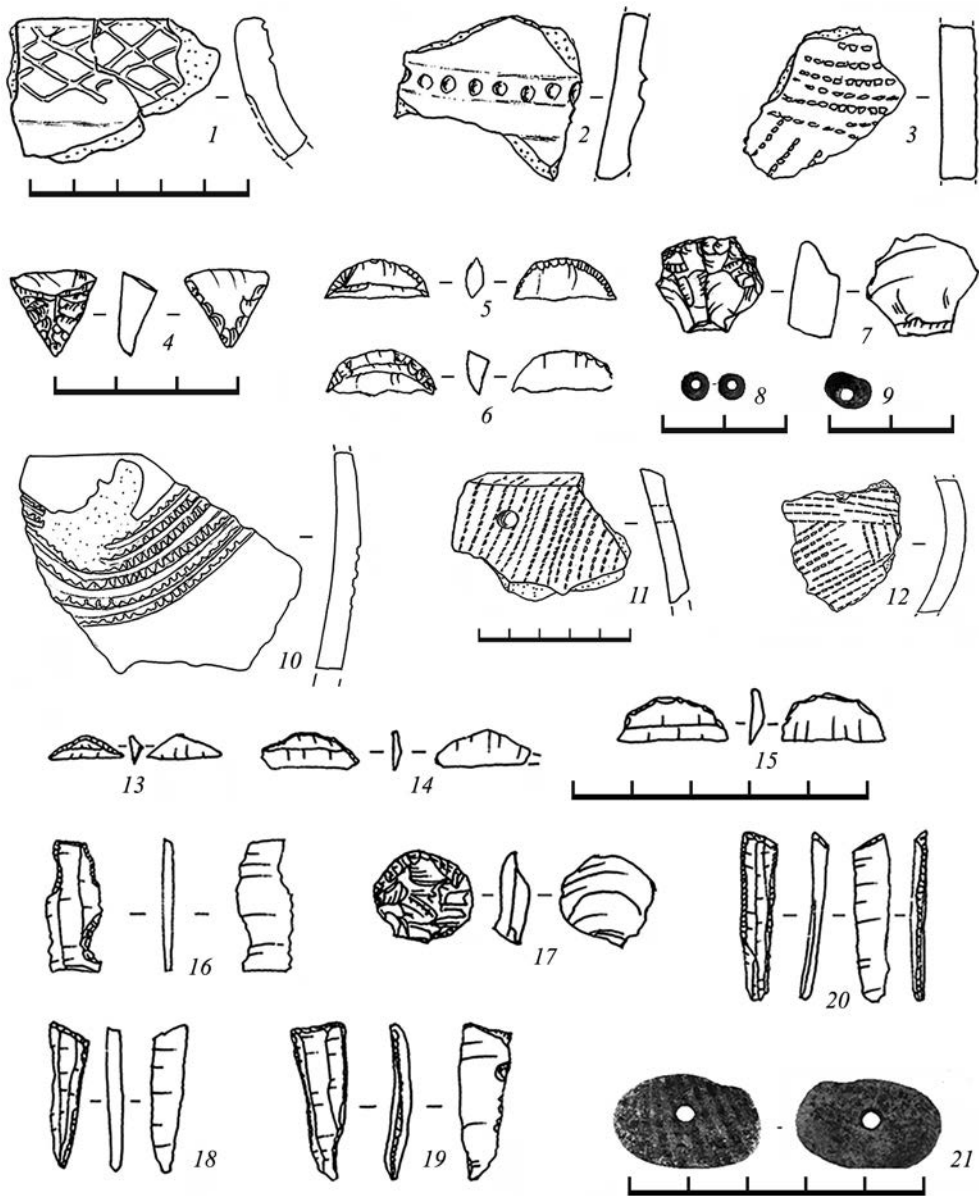

Рис. 1. Находки из неолитических слоев 6В (1–9) и 6/7 (10–21) навеса «У Алебастрового завода»

лезвийные наконечники стрел. В слое обнаружены каменные бусины и бусина из раковины наземного моллюска.

Материалы неолитических слоев в навесе «У Алебастрового завода» находят аналогии в синхронных неолитических памятниках, как на Южном Кавказе, так и в северном направлении – на юге Русской равнины.

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ ЭПИПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ СТОЯНОК ПРИЭЛЬБРУСЬЯ

Голованова Л.В.¹, Дороничева Е.В.¹, Ревина Е.И.¹, Поплевко Г.Н.², Дороничев В.Б.¹

¹АНО «Лаборатория доистории», г. Санкт-Петербург

²Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург

Работа выполнена при поддержке РНФ, проект № 22-78-10120.

Авторы сообщают результаты комплексных исследований хозяйственной вариабельности стоянок эппалеолита в Приэльбрусье, Центральный Кавказ (Дороничева и др., 2022). В последние годы, благодаря междисциплинарным исследованиям Северо-Кавказской палеолитической экспедиции АНО «Лаборатория доистории» на открытых в 1950-е гг. стоянках в навесах Сосруко и Алебастровый завод и открытой стоянке в навесе Псытуаже получены принципиально новые данные по палеогеографии и хронологии стоянок финала плейстоцена и начала голоцена, сырьевых и охотничьих стратегиях, и особенностях культурного развития населения этого региона в период эппалеолита, от 17 до 9,5 тыс. л. н. Одним из направлений является изучение особенностей хозяйственной деятельности эппалеолитического населения на стоянках, расположенных в древности в разных топографических условиях и функционировавших на разных этапах этого периода.

Изучение хозяйственной вариабельности стоянок проводилось с использованием комплексной методики, которая включала анализ вариабельности состава каменных индустрий, поиск и петрографический анализ источников поступления сырья и вариантов его транспортировки и использования на стоянках, и трасологические определения функций различных типологически определимых категорий изделий. В результате установлено, что стоянки различаются, прежде всего, по активности обитания, показателем которой является индекс активности обитания (ИАО, см. Дороничева и др., 2022). На стоянках разного времени в навесе Сосруко и в слое 2 навеса Псытуаже этот индекс варьирует от 71,1 до 4216,7. Стоянки с низким ИАО характеризуются небольшим количеством артефактов, хотя процентное содержание орудий варьирует от 4,7 % до 20,7 %. На стоянках с высоким ИАО (от 216,3 до 4216,7) состав индустрий изменялся в зависимости от количества отходов расщепления (нуклеусы, технические сколы, чешуйки, осколки и обломки) и процентного содержания орудий, и соотношения пластинчатых сколов-заготовок (пластин, пластинок и микропластинок) и отщепов.

На основании статистической обработки данных при помощи метода главных компонент (РСА) были определены три хозяйственные группы стоянок, которые характеризуются, прежде всего, разной интенсивностью расщепления каменного сырья и изготовления каменных орудий, а также другой деятельностью, прежде всего связанной с охотой и разделкой охотничьей добычи. Проведен сравнительный анализ данных из навесов Сосруко и Псытуаже с эппалеолитическими индустриями навеса Бадыноко (Селецкий и др., 2020). Трасологические исследования на эппалеолитических стоянках Приэльбрусья показали преимущественное использование каменных орудий для охоты и разделки продуктов охоты.

Литература

- Дороничева Е.В., Голованова Л.В., Дороничев В.Б. и др. 2022. Эппалеолит Приэльбрусья (результаты междисциплинарных исследований 2017–2022 гг.). СПб.
- Селецкий М.В., Федорченко А.Ю., Зенин В.Н. 2020. Эппалеолитические комплексы навеса Бадыноко (Кабардино-Балкария): результаты функционального анализа каменной индустрии // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. Том 3. Самара.

О ПОГРЕБАЛЬНОЙ ФУНКЦИИ КАВКАЗСКИХ ДОЛЬМЕНОВ

Дмитриев А.В.

Независимый исследователь, г. Новороссийск

Начиная с А.С. Уварова, все российские исследователи не сомневались в погребальной функции дольменов.

Е.Д. Фелицын и В.И. Марковин, раскапывая разрушенные, а иногда и перестроенные камеры дольменов, находили в большинстве из них человеческие кости. Существовало общее убеждение, что обнаруженные останки принадлежат именно строителям дольменов, а датировка найденных предметов и радиоуглеродные датировки костных останков якобы датируют время строительства дольменов.

Основным доказательством погребальной функции дольменов являлось наличие круглого отверстия в передней стене дольмена. В.А. Трифонов считал размер отверстия в передней плите равный 35–45 см достаточным, чтобы через него мог пролезть человек средней комплекции (Трифонов, 2001. С. 31).

Однако существует большое количество отверстий диаметром меньше 35 см, через которое проникнуть в дольмен невозможно (рис. 1, 1–3). Г.И. Сорохтин в районе Геленджика отметил 13 отверстий (40% от общего числа осмотренных) размером от 29 до 33 см. В двух дольменных комплексах на р. Озерейке у Новороссийска количество отверстий размером 22–32 см составляет 83%. В районе Сочи 43% замеренных Н.В. Кондряковым отверстий имели размеры от 23 до 34 см. Большое количество малых отверстий в дольменах Геленджика показано А.В. Дмитриевым (Дмитриев, 2022. С. 22).

«Проникновение» в дольмен – это не основная цель строительства дольменов. Так, Л.И. Лавров писал: «Покойники просовывались через отверстие в стенах и другого назначения отверстия не имели» (Лавров, 1960. С. 104). Однако минимальная ширина бедер человека в возрасте 45–54 лет, равная 35,6–37,3 см, не позволит «просунуть» умершего через основную группу отверстий с размерами 35–37 см (Дмитриев, 2022. С. 23).

В таблицах Л.И. Лаврова из 1139 дольменов только 29 имеют размер отверстия, достаточный для «просовывания» тела умершего (Лавров, 1960. С. 166–171). У В.И. Марковина эта цифра увеличилась только до 50 дольменов (Марковин, 1978. С. 123–125).

Большое количество передних плит дольменов с отверстиями, размеры которых не позволяют поместить через них труп в камеру, полностью исключает возможность захоронения через отверстие.

Допускают, что захоронения производились путем подъема крышки, которая глубоко не погружалась.

В.А. Трифонов считал, что дольмен (т.е. погребальная камера), какого бы типа он ни был, является только частью погребально-культового памятника, состоящего из насыпи, полностью или частично покрывающей камеру и двора перед ее фасадом. (Трифонов, 2001. С. 31). Под насыпью В.А. Трифонов подразумевал башнеобразное сооружение параболической в плане формы с параболическим фасадом, в которой находилась камера.

Такие сооружения являются исходными для «дольменов», поэтому они были названы «палеодольменами» (Дмитриев, 2020. С. 46, 47; 2022. С. 25–27). Наличие над крышкой камеры палеодольмена завершения башни (или «насыпи» по В.А. Трифонову) полностью исключало захоронение в камере путем подъема крышки (рис. 1, 3-б).

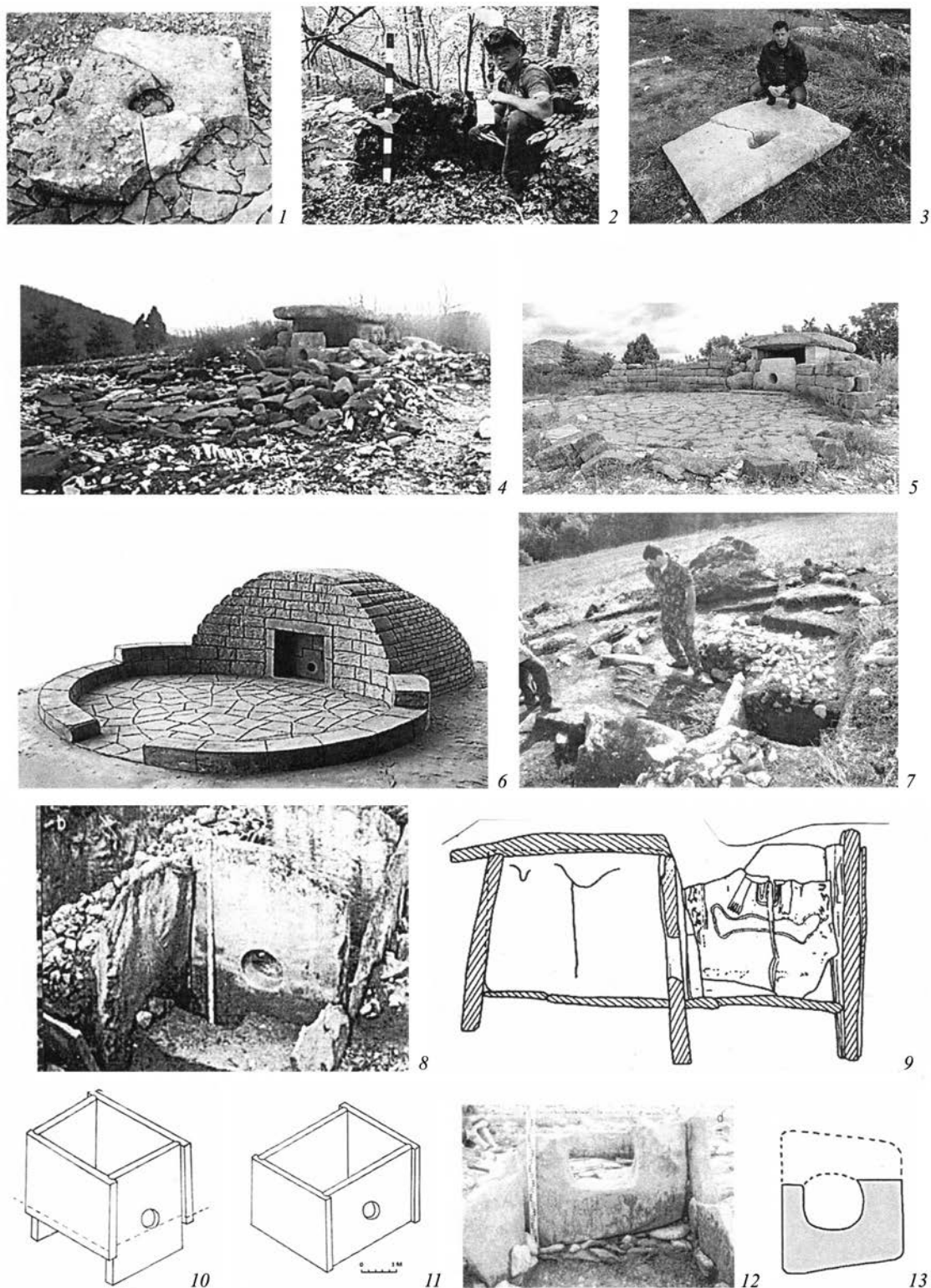

Рис. 1. Дольмены Северного Кавказа. Примеры отверстий малого диаметра.
 1 – Озерейка; 2 – у ст. Нижнебаканской (фото И. Кузина); 3 – могильник Шушук; 4–6 – палеодольмен на г. Нексис: 4 – в процессе раскопок, 5 – частичная реконструкция, 6 – макет реконструкции;
 7 – могильник Шушук, погребения под плитой; 8 – могильник Клады, курган 27 (фото В. Трифонова); 9 – могильник Клады, курган 28, разрез камеры; 10, 11 – схемы сборки камеры из плит палеодольмена и исходного палеодольмена; 12, 13 – гробница Шепси: 12 – вид спереди (фото В. Трифонова), 13 – реконструкция передней плиты

В результате исследования погребений Шушукского дольменного комплекса периода средней и поздней бронзы был сделан вывод: «Под термином «постдольменные памятники» мы понимаем теперь все разнообразие погребальных конструкций СБВ и ПБВ в предгорьях Северо-Западного Кавказа с начала **вторичного использования дольменов и их фрагментов**, т.е. памятники, которое оставили не строители дольменов» (Эрлих и др., 2022. С. 8).

Постдольменность объектов Шушукского могильника определяется отсутствием следов башни палеодольмена, захоронение путем подъема крышки (рис. 1, 8), применение при строительстве камер деталей разрушенных палеодольменов.

Применение при строительстве мегалитических сооружений могильника Клады деталей разрушенных камер палеодольменов, их некачественная сборка, установка передних и задних плит не на основание, а на боковую грань с закапыванием их на разницу ширины и высоты (рис. 1, 8–11), применение плит от разных исходных типов камер, установка стен пристроек с неиспользуемыми пазами, мощение полов обломками дольменных плит с пазами (Резепкин, 2012. С. 24, 29, 32, 36, 44, 47–49) говорят не о первых неумелых попытках мегалитостроения, а о массовом «постдольменном» применении для строительства гробниц деталей разрушенных палеодольменов

«Постдольменность» на раннем этапе сооружения каменных гробниц подтверждает исследование гробницы Шепси, у которой передняя стенка сделана из обломка обычной трапециевидной плиты разрушенного дольмена (рис. 1, 12, 13), установленной не как обычно на нижнюю грань, а на боковую (как в могильнике Клады (Trifonov, 2022. С. 848. Рис. 10, д)).

Датировка постдольменных мегалитических памятников Северного Кавказа:

- Могильник Клады (гробница 5 кургана 31 – XXXVII–XXXIV вв. до н.э., гробница кургана 1 1898 г. – XXXIV–XXXI вв. до н.э. (Корневский, Резепкин, 2008. С. 114).
- Гробница Шепси – XXXIV–XXXI вв. до н.э.
- Археологический комплекс Шушук – с XXVIII–XXIV вв. до н.э. до второй половины II тыс. до н.э.
- Дольменный могильник Шушук – XIX–XVII вв. до н.э.
- Геленджикские дольмены – VII–IV вв. до н.э.

Вышесказанное свидетельствует, что говорить о «дольменном» обряде погребения от середины IV тыс. до н.э. до античности нет оснований. Культуру, использовавшую дольмены, построенные другим народом в других целях, в более древние времена, называть «дольменной» неправильно. «Дольменная культура» в современном понятии не существовала. Это «заставляет снова ставить вопросы о культурной принадлежности этих памятников и хронологических рамках «дольменостроительства» (Эрлих и др., 2022. С. 18).

Палеодольмены были не погребальными, а культовыми сооружениями – вероятно, для хранения душ умерших предков и общения с ними, строились в энеолите и были разрушены еще до начала IV тыс. до н.э. (Дмитриев, 2022. С. 26, 27).

Литература

- Дмитриев А.В.* 2020. Архитектура дольменов Западного Кавказа (размышления на тему) // МИАСК. Вып. 18. Армавир-Краснодар.
- Дмитриев А.В.* 2022. Дольмены. Заблуждения исследователей и выход из тупика (логический анализ выводов) // МИАСК. Вып. 20. Армавир-Карачаевск.
- Корневский С.Н., Резепкин А.Д.* 2008. Радиоуглеродная хронология памятников круга Майкопского кургана и Новосвободненских гробниц // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XXII.
- Лавров Л.И.* 1960. Дольмены Северо-Западного Кавказа // Труды Абхазского института языка, литературы и истории. Вып. XXXI. Сухуми.
- Марковин В.И.* 1978. Дольмены Западного Кавказа. М.

- Резепкин А.Д.* 2012. Новосвободненская культура (на основе материалов могильника «Клады»). СПб.
- Трифонов В.А.* 2001. Что мы знаем о дольменах Западного Кавказа и чему учит история их изучения? // Дольмены свидетели древних цивилизаций. Краснодар.
- Эрлих В.Р., Клеценко А.А., Гак Е.И., Годизов Г.Л.* 2022. Археологический комплекс Шушук – эталонный постдольменный памятник предгорий Северо-Западного Кавказа эпохи средней – поздней бронзы // РА. № 1.
- Trifonov V.* 2022. The Bronze Age megaliths in the Caucasus: development trajectory of the architecture and the funeral practice // Megaliths of the World. Vol. I. Oxford.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О СРЕДНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ ПРИЭЛЬБРУСЬЯ

Дороничева Е.В.

АНО «Лаборатория доистории», г. Санкт-Петербург

Работа выполнена при поддержке РНФ, проект № 22-78-10120.

На территории Приэльбрусья, около с. Заюково находится единственное на Северном Кавказе месторождение обсидиана – вулканического сырья, которое очень ценилось в древности и транспортировалось человеком на десятки и сотни километров уже в среднем палеолите (Doronicheva et al., 2019), в том числе – на стоянки Северо-Западного Кавказа (Мезмайская и Монашеская пещеры (Голованова и др., 2022)).

На сегодняшний день грот Сарадж-Чуко – это единственный стратифицированный памятник среднего палеолита около заюковского источника. Грот расположен по левому борту р. Фандуко, на северном склоне Центрального Кавказа. Он был открыт отрядом Северо-Кавказской палеолитической экспедиции АНО «Лаборатория доистории» под руководством Е.В. Дороничевой в 2016 г., с 2017 г. на памятнике проводятся междисциплинарные исследования (например, Дороничева и др., 2020).

Площадь грота более 300 кв. м. Он ориентирован на юго-восточную сторону. В 2017–2019, 2021 гг. при поддержке Российского Научного Фонда проведено междисциплинарное исследование этого памятника, результаты которого были опубликованы в коллективной монографии (Дороничева и др., 2020) и серии статей (например, Голованова и др., 2019; Doronicheva et al., 2019; 2022; 2023).

В стратиграфической колонке отложений изучено 11 слоев, к среднему палеолиту относятся слои 6В, 6А и 3 (снизу вверх). В слое 6В на площади ок. 40 кв. м. изучена первая на Северном Кавказе мустьерская обсидиановая индустрия возрастом ок. 90 тыс. л. н. (Doronicheva et al., 2023). Здесь сохранилась стоянка со следами активного обитания. Из слоя происходит коллекция артефактов, включающая 13978 экз., преимущественно из обсидиана, и фаунистическая коллекция, которая в общей сложности состоит из 23809 костей и их обломков (рис. 1, 1–2, 5–9). На изученном участке исследовано три кострища (рис. 1, 3). Технико-типологический анализ позволяет сближать индустрии грота Сарадж-Чуко с индустриями мустьерских стоянок восточной части Малого Кавказа и с загросским мустье в Иране (Дороничева и др., 2020).

Проведенные исследования указывают на многообразие хозяйственной деятельности древнего человека на стоянке в период образования слоя 6В. Рядом с кострищами, на прилегающих к ним участках, древние люди занимались активным расщеплением обсидианового сырья и использованием орудий для разделывания охотничьей добычи. Среди охотничьих трофеев многочисленны фрагменты костей кавказского тура и бизона.

В коллекции мустьерских слоев грота Сарадж-Чуко были определены (Поплевко, Дороничева, 2022) ножи для мяса, скребла/скобели по кости/рогу, скобели по дереву, ретушеры, которые позволяют разделить изученные предметы на ряд групп в соответствии с функциональным назначением: охотничье вооружение, скобление/строгание кости/рога, обработка дерева, обработка мяса/шкур/сухожилий, обработка других орудий.

Впервые в среднем палеолите Кавказа в гроте Сарадж-Чуко были определены наконечники копий, сделанные из обсидиана (рис. 1, 4) и доказано их использование в качестве оружия. На поверхности серии наконечников был определен битум, использовавшийся древним

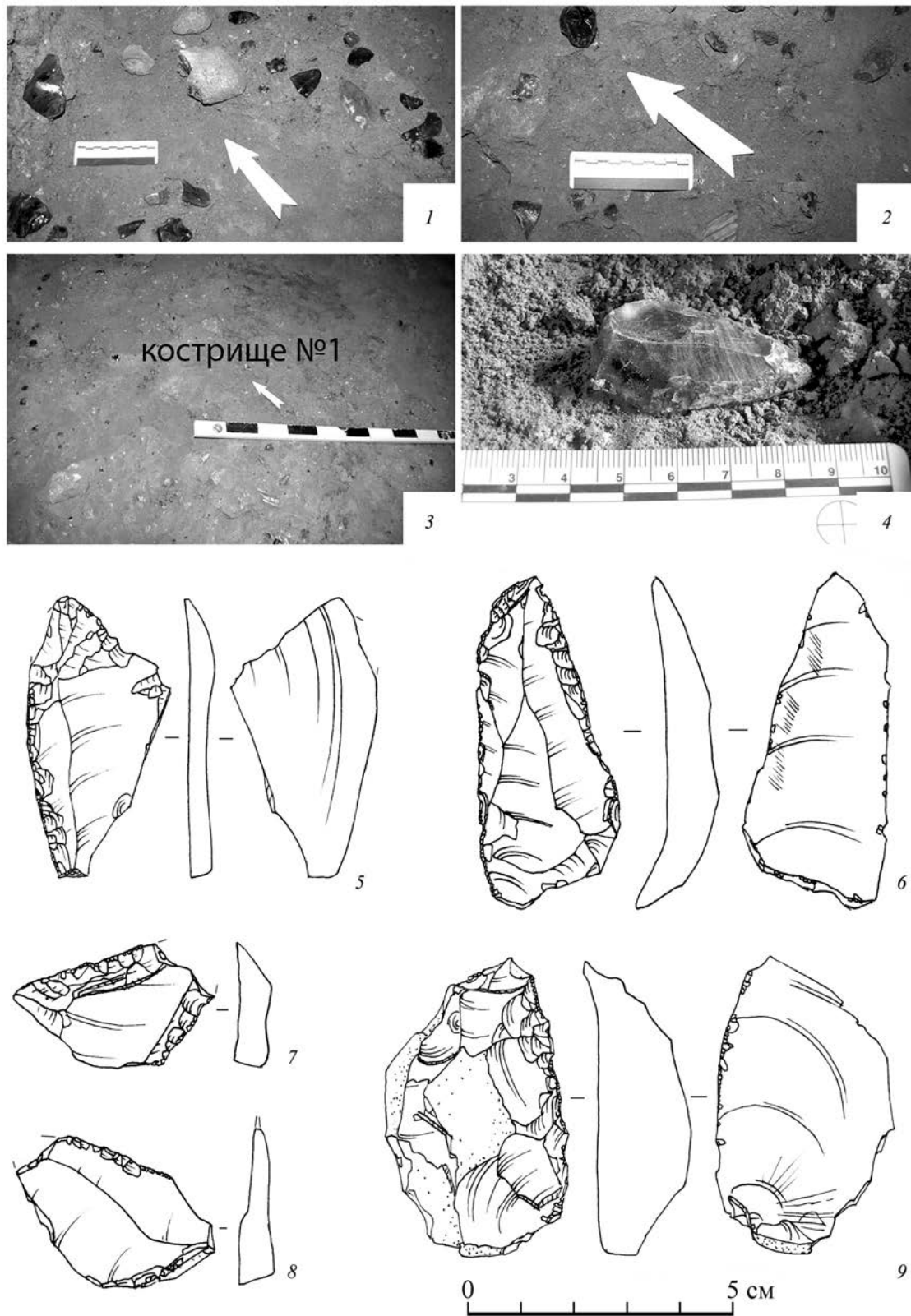

Рис. 1. Грот Сарадж-Чуко. Средний палеолит. Слой 6В. 1, 2 – условия залегания артефактов в слое 6В; 3 – участок кострища №1; 4 – обсидиановый наконечник копья; 5–9 – орудия

человеком для закрепления орудий в древки. Причем, как показали исследования битума, обнаруженного на поверхности серии изделий из грота Сарадж-Чуко (северный склон Центрального Кавказа) и Мезмайской пещеры (Северо-Западный Кавказ) обитатели этих стоянок использовали разные источники битума, а также разные примеси. В битуме, сохранившемся на поверхностях орудий из грота Сарадж-Чуко, удалось определить частицы графена и высокие концентрации алюминия, натрия и азота (Doronicheva et al., 2022).

Проведенные исследования сырьевых стратегий указывают, что преимущественно использовался обсидиан, который транспортировался из заюковского источника (ок. 5–7 км). В небольшом количестве использовался кремнь нескольких разных месторождений, расположенных на расстоянии до 15 км от грота Сарадж-Чуко.

Полученные данные указывают на то, что территория Приэльбрусья, вероятно, могла служить контактной зоной неандертальцев разных культурных традиций (Doronicheva et al., 2023), одни из которых имели связи с территорией Армянского нагорья и Малого Кавказа, а также гор Загрос, а другие – с территорией Восточной и Центральной Европы.

Проведенные исследования указывают на то, что изменения климата и вулканизм влияли на заселение региона древним человеком. Так, формирование слоя 6В происходило в целом в комфортных условиях и преобладания теплого и влажного климата. Однако со временем экологические условия ухудшаются. В вышележащих слоях 6А и 4 зафиксированы следы вулканического пепла (Цельмович и др., 2019). Интенсивность обитания в слое 6А по сравнению с нижележащим слоем падает более чем в 10 раз. Анализ функции орудий указывает, что в период образования слоев 6А и 3 уменьшается и спектр хозяйственной деятельности, которой занимался древний человек на стоянке. Самый поздний этап обитания человека в среднем палеолите в гроте Сарадж-Чуко зафиксирован в слое 3, когда грот находился на границе лесного и высокогорного, относительно сухого, лугового или степного пояса (Дороничева и др., 2020). В этот период человек редко заходил в грот.

Литература

- Голованова Л.В., Дороничев В.Б., Дороничева Е.В. 2019. Новые данные по палеолиту Приэльбрусья // РА. № 2.
- Голованова Л.В., Дороничев В.Б., Дороничева Е.В., Несмеянов С.А. и др. 2022. Динамика климата и модели адаптаций в среднем и верхнем палеолите Северо-Западного Кавказа. М.
- Дороничева Е.В., Голованова Л.В., Дороничев В.Б., Недомолкин А.Г. и др. 2020. Грот Сарадж-Чуко в Приэльбрусье (результаты междисциплинарных исследований 2017–2019 гг.). СПб.
- Поплевко Г.Н., Дороничева Е.В. 2022. Хозяйственная деятельность древнего человека среднего палеолита в гроте Сарадж-Чуко: новые данные трасологических исследований // Материалы международной научной конференции по археологии Северного Кавказа, посвященной 125-летию раскопок Майкопского кургана. Майкоп.
- Цельмович В.А., Корзинова А.С., Дороничева Е.В., Голованова Л.В., Дороничев В.Б. 2019. Вулканизм и заселение северного склона Центрального Кавказа в среднем палеолите: новые данные из грота Сарадж-Чуко. // Геофизические процессы и биосфера. Т. 18 (№ 4). М.
- Doronicheva E.V., Golovanova L.V., Doronichev V.B., Shackley S.M., Nedomolkin A.G. 2019. New data about exploitation of the Zayukovo (Baksan) obsidian source in Northern Caucasus during the Paleolithic // Journal of Archaeological Science: Reports. Vol. 23.
- Doronicheva E.V., Golovanova L.V., Kostina J.V., Legkov S.A., Poplevko G.N., Revina E.I., Rusakova O.Y., Doronichev V.B. 2022. Functional characterization of Mousterian tools from the Caucasus using comprehensive use-wear and residue analysis // Nature: Scientific Reports. Vol. 12.
- Doronicheva E.V., Golovanova L.V., Doronichev V.B., Kurbanov R.N. 2023. Archaeological evidence for two culture diverse Neanderthal populations in the North Caucasus and contacts between them // PLOS ONE. Vol. 18 (4).

ПОГРЕБЕНИЯ РАННЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА ИЗ НИЖНЕГО ПОДОНЬЯ

Ильюков Л.С.

Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону

Большой вклад в изучение подкурганых захоронений раннего бронзового века на территории Нижнего Дона во второй половине XX в. внесли Г.А. Иноземцев, Н.Я. Мерперт, В.Я. Кияшко. Погребальные памятники этой эпохи связывают с древнеямной культурой. Среди выделенных ранних подкурганых захоронений к VII-й обрядовой группе В.Я. Кияшко отнес основные подкурганые захоронения в глубоких прямоугольных ямах со скорченными костяками на правом боку, ориентированные в западном направлении. В могилах присутствовала красная краска и древесный уголь. Небogatый инвентарь состоял из редких спиралевидных височных колец, кремневых изделий и целых или фрагментированных горшков (Кияшко, 1974. С. 117). Стены могильных ям были наклонены внутрь, по их углам располагались столбовые ямки. На стенках ям сохранились следы от камышового тлена. В погребении 11 кургана 4 могильника Высочино VIII на поверхности стен прослежен тлен от тростниковой циновки. В четырех углах могилы располагались ямки от деревянных стоек, которые имели небольшой наклон и не являлись опорами для перекрытия. Стены были обтянуты циновками, которую поддерживали угловые стойки. Вероятно, этот «ящик» с тростниковыми стенами, перекрытый деревянными плахами и тростником, являлся «кузовом символической повозки». Однако в этих погребениях самих деревянных колес не было. В нем находились останки человека и его погребальный инвентарь (Ильюков, 2009. С. 45). «Погребальная повозка» являлась символической моделью транспортного средства, предназначенного, вероятно, по мнению древних людей, для путешествия в Страну Мертвых. В Нижнем Подонье и низовьях Маныча выделено более 50 погребальных комплексов с аналогичными погребальными конструкциями. По-видимому, их можно выделить в самостоятельную доно-манычскую археологическую культуру степных скотоводов первой половины III тыс. до н.э. (Ильюков, 2023). Эти детали погребальных конструкций не всегда фиксировались, потому данную выборку в дальнейшем можно будет расширить.

В этой группе особое место занимают погребальные сооружения, у которых в центральной части дна было расположено небольшое углубление. В нем находились останки человека, которые сопровождал древесный тлен – возможно, от деревянного ящика.

В Северо-Восточном Приазовье в Покровском могильнике, расположенном около с. Покровское, в 2014 г. И.В. Толочко исследован курган с двумя сросшимися насыпями (курган 15–16). Он был возведен над погребением 14, выкид из которого лежал на древнем горизонте. Высота первоначальной насыпи – 2,2 м, диаметр – 20 м. В эту насыпь была впущена широкая прямоугольная яма погребения 1.

Погребение 14 – основное в кургане. Прежде сооружения могильной ямы небольшой участок дневной поверхности был подрезан на глубину до 0,4 м. В центре этого углубления была вырыта прямоугольная могильная яма глубиной 1,15 м, ориентированная по длинной оси северо-восток – юго-запад и перекрытая деревянными плахами. Западная стенка слегка наклонена внутрь ямы. В заполнении могилы найдены остатки деревянного перекрытия, отдельные мелкие камни, следы золы и охры. Размеры ямы по дну – 2,1 × 1,35 м. На дне могилы, в ее центральной части имеется слабое углубление размерами 1,0 × 1,4 м и глубиной около 0,1 м, ориентированное длинной осью по линии восток – запад. По дну его на подстилке из органики со следами охры обнаружена большая берцовая кость мужчины старше 30 лет,

остальной скелет разрушен землеройными животными. Судя по положению берцовой кости, погребенный был скорчен на правом боку, головой ориентирован в западном направлении. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 1 – впускное. Оно прорезало первоначальную насыпь и материковый выкид из центрального погребения 14. На уровне погребенной почвы были устроены заплечики на ширину 0,32–0,82 м. На них опиралось перекрытие из двух слоев досок, положенных поперек и вдоль ямы. Поверх досок лежал слой тростника. Ниже заплечиков углы ямы были четкими, в сечении вид полуовала. Ниже заплечиков стенки отвесные, глубина ее 1,7 м. На этой глубине яма имела подквадратные очертания и была ориентирована стенками по сторонам света. Ее размеры по дну 2,30 × 2,25 м. На северном заплечике обнаружена челюсть овцы. Отступив от стен ямы, в ней вырыто корытообразное углубление глубиной около 0,2 м, которое имело подпрямоугольную форму, ориентированную длинной осью по линии восток – запад. Его размеры около 1,5 × 1,3 м. В нем прослежен толстый слой органики и останки погребенного, покрытые слоем органики. На дне корытообразного углубления на толстом слое подстилки лежал скелет женщины (?), похороненной скорченно на правом боку, ориентированной головой на ЗЮЗ. По дну могилы отмечены следы охры, около спины погребенного и у ног зафиксированы кусочки этой краски. Подстилка по дну была травяной с использованием злаков полыни и марьевых.

За спиной погребенной, около ног обнаружен крупный фрагмент толстостенного серо-коричневого горшка с заузненным устьем. Венчик скруглен. Верхняя половина сосуда покрыта рядами оттисков отступающей лопаточки, образующих елочную композицию. Под венчиком расположен ряд из глубоких вдавлений круглого конца палочки, нанесенных на поверхность сосуда на заключительном этапе орнаментации. Тесто с примесью шамота. Диаметр устья – 22 см, наибольший диаметр тулова 30 см. По-видимому, этим черепком был накрыт предмет, сделанный из органики. Рядом с ним обнаружен комок красной краски. Грудь умершей украшало ожерелье из двух длинных пронизей, сделанных из продольно свернутых бронзовых пластин, одна из них имеет гофрированную поверхность. Под черепом обнаружено серебряное кольцо в 1,5 оборота из круглой в сечении проволоки. Диаметр кольца – 1 см. Перед грудью погребенной находились бронзовые нож и шило. Листовидный клинок ножа плавно переходит в узкий и длинный черенок. Сам клинок был в футляре. Длина ножа – 14,3 см. Параллельно рукояти ножа лежало шило длиной 5,5 см с четырехгранным сечением, насаженное на деревянную рукоять.

Оба погребения относятся к одной культурной группе, несмотря на отсутствие у них таких диагностических признаков как угловые ямки и тростниковая облицовка стен. Для погребенных характерно скорченное положение умерших на боку и западная ориентировка.

Литература

- Илюков Л.С.* 2009. Погребения эпохи ранней бронзы Лысянского могильника // Археологические записки. Вып. 6. Ростов-на-Дону.
- Илюков Л.С.* 2023. К вопросу о выделении доно-маньчской ямной археологической культуры раннего бронзового века // Сборник материалов VII Всероссийской Нижневолжской археологической конференции. (Астрахань, 2–4 октября 2023 г.). Астрахань.
- Кияшко В.Я.* 1974. Нижнее Подонье в эпоху энеолита и ранней бронзы // Дис... канд. ист. наук. М.

РЕСУРСЫ ЕРГЕНИНСКИХ ОТЛОЖЕНИЙ В ЭКОНОМИКЕ НАСЕЛЕНИЯ ВОЛГО–ДОНСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ В ЭПОХУ БРОНЗЫ

Калинин П.И.¹, Шишлина Н.И.^{2,3}, Леонова Н.В.²

¹Институт физико–химических и биологических проблем почвоведения РАН, г. Пушкино

²Государственный исторический музей, г. Москва

³Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого РАН, г. Санкт–Петербург

Работа подготовлена при содействии РФФ, проект № 21–18–00026.

Определение происхождения природных материалов, из которых сделаны археологические предметы, имеет решающее значение для реконструкции динамики развития человеческих популяций и влияния окружающей среды на социально–экономические модели древних обществ. Анализ археологических артефактов, происходящих из разных памятников Волго–Донского междуречья, и природных материалов позволяет оценить характер использования населением эпохи бронзы местных ресурсов. Горные породы и минералы, залегающие в отложениях ергенинской серии неогена, как раз и могли стать такой сырьевой базой, доступность которой определила широкое распространение в культурной среде первобытных эпох каменных орудий и оружия.

Целью данной работы является обобщенный анализ археологических предметов из памятников эпохи бронзы Нижнего Подонья и Калмыкии, которые можно соотнести с минеральными ресурсами локального географического региона – ергенинскими отложениями. Объектами исследования были горные породы, минералы и археологические артефакты из памятников эпохи бронзы, раскопанных в южной части Ергенинской возвышенности (Ростовская область, Республика Калмыкия).

Основным минеральным ресурсом ергенинских отложений является песчаник. Это наиболее прочная горная порода, которую местное население могло обнаружить в степи. Поэтому неудивительно, что ремесленники эпохи бронзы активно использовали его как сырьевой и строительный материал. Для памятников ямной культуры Средних Ергеней характерны сложные мегалитические конструкции, представляющие собой комплекс из многоуровневых каменных колец и антропоморфных скульптур (Шишлина и др., 2020). Ергенинский песчаник шел на производство и других изделий. Так, из похожего мелкозернистого известковистого песчаника сделаны навершие булавы и выпрямитель для древков, найденные в погребениях катакомбной и северокавказской культур эпохи бронзы в Республике Калмыкия (рис. 1) (Синицын, 1987; Калинин, 2022).

Другим важным ресурсом Ергенинских отложений является кремень – тонкозернистая кремнистая порода, состоящая из микрокристаллического кварца и халцедона. Кремень обычно встречается в виде слоев, конкреций и линз в карбонатных породах и содержит примеси гётита, гематита, пирита, придающие ему всевозможные расцветки. На юге Ергенинской возвышенности обломки кремня можно найти в оврагах и террасах мелких рек, которые скрывают разновозрастные слои ергенинских песков. Обломки кремней, опок и известняков сносились Ергень–рекой с Доно–Медведицких дислокаций, сложенных более древними меловыми морскими осадками (Застрожнов и др., 2009). Так же, как и песчаник, кремень является нетипичным для региона минеральным образованием, который приурочен только к аллювиальным ергенинским отложениям.

На фоне скудных ресурсов степи аллохтонные для региона аллювиальные отложения ергенинской серии играли важнейшую роль в развитии экономических стратегий не только населения эпохи бронзы Волго–Донского междуречья, но и последующих эпох, включая средневековье. Они являлись незаменимым источником прочной горной породы, пригодной

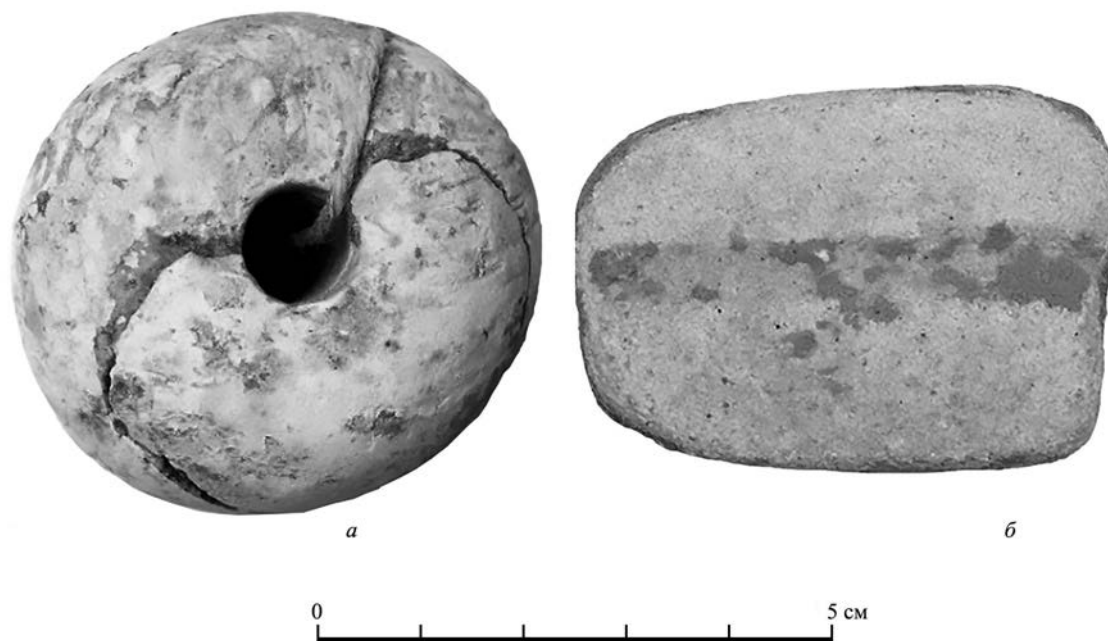

Рис. 1. Каменные изделия эпохи бронзы: *а* – навершие булавы из курганов Восточного Маныча–III, 1966, курган 23, погребение 4, катакомбная культура, раскопки И.В. Сеницына; *б* – выпрямитель для древков стрел из курганов Восточного Маныча–I, 1965, курган 21, погребение 2, северокавказская культура

для использования в хозяйстве в качестве сырья для изготовления орудий труда и оружия, и используемой как строительный материал для создания ритуальных каменных конструкций и скульптур. Ергень–река переносила в регион нехарактерные для данной территории минералы – в первую очередь, кремнь, служивший материалом для создания таких важных элементов культуры, как наконечники стрел и ножевидные пластины. Ергенинские отложения определяли изотопную подпись местного населения и животного мира – вариации изотопных отношений стронция. Геоморфологические особенности и ландшафт Ергенинской возвышенности оказывали влияние на развитие скотоводческой экономики местного населения и пути сезонной миграции, начиная с эпохи бронзы. И, наконец, от ергенинских отложений зависело выживание древнего населения, так как они являлись основным водоносным горизонтом для большей части территории сухой степи на всем протяжении истории. Домашние животные, сезонная продуктивность пастбищ и ежедневная доступность воды определили эффективность новой экономической модели, основанной на сезонных перемещениях самостоятельных групп пастухов со стадами животных. Без этого представить быстрое освоение ранее пустующих открытых степных пространств невозможно. Таким образом, доступность таких жизненно важных ресурсов, как горные породы и вода сделало степи привлекательными для новопоселенцев, определив и дальнейший исторический путь этой территории, куда стремились впоследствии многие кочевые племена и народы.

Литература

- Застрожных С.И., Застрожная О.И., Застрожных А.С., Гагин А.М., Шкатова В.К., Савин В.В., Писаренко Ю.А., Журавлева О.Ю., Фоменко А.К., Рогачев В.Н., Тихонов В.И., Ключев Н.К., Валиева А.И., Чуйко М.А.* 2009. Государственная геологическая карта Российской Федерации. Масштаб 1: 1 000 000 (третье поколение). Серия Восточно–Европейская. Лист М–38. Волгоград. Объяснительная записка. СПб.

Калинин П.И., Шишлина Н.И., Лобода А.Ю., Трунькин И.Н., Куликова Е.С., Светогоров Р.Д., Исмагулов А.М., Терещенко Е.Ю., Яцишина Е.Б. 2022. Каменные изделия эпохи Бронзы: анализ минерального состава и определение ресурсных ареалов // Российские нанотехнологии. Т. 17. № 5.

Синицын И.В., Эрдниев У.Э. 1987. Древности Восточного Маныча. Элиста.

Шишлина Н.И., Леонова Н.В., Калинин П.И., Лобода А.Ю., Трунькин И.Н. 2020. Ямное святилище могильника Песчаный IV Нижнего Подонья // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. Т. I. Самара.

ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫЙ АНАЛИЗ МАТЕРИАЛОВ ИЗ РАННЕКАТАКОМБНЫХ ПОГРЕБЕНИЙ КУРГАНА 1 МОГИЛЬНИКА ВЕСЕЛЫЙ I У г. НОВОЧЕРКАССКА

Кияшко А.В.

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

*Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН
«Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации
Северной Евразии в энеолите – позднем железном веке
(источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014).*

В 2018 г. отряд археологической экспедиции ООО «Инженерно-технический центр специальных работ» (г. Санкт-Петербург), под руководством и при участии автора статьи и держателя Открытого листа Ю.К. Гугуева¹, осуществил раскопки кургана 1 могильника Веселый I у г. Новочеркасска Ростовской области.

Курган имел крупные размеры: высота 4,2 м и диаметр 80 м. В результате работ выяснилось, что он перекрыл существовавший здесь в эпоху энеолита грунтовый мегалитический могильник (Кияшко, 2019). Первая насыпь под курганом оказалась конструктивной деталью – опорной подсыпкой кромлеха основного погребения 18. Вторая, собственно курганная, насыпь эпохи ранней бронзы, перекрыла большинство наземных мегалитических конструкций. Она была насыпана над погребением 17 майкопского времени. В эту насыпь были впушены позднеямная могила 4 и, предположительно, новотитаровское погребение 11. Также в самый край восточной насыпи второй насыпи было впущено раннекатакомбное захоронение 26, над которым соорудили третью насыпь. На краю уже третьей насыпи, в 11 м к северу от катакомбы 26, была сделана катакомба 42, в которой был найден инвентарь, включающий бронзовый топор.

Погребение № 42 (рис. 1, 2) совершено в катакомбе Т-видной планировки (рис. 1, 1). Входная яма имела прямоугольную в плане форму с четкими углами и вертикальными стенками, на которых были зафиксированы вертикальные следы обработки узким тесловидным орудием. Дно входной ямы сначала резко понижалось по направлению к погребальной камере, ближе к ней был устроен вырез-лаз, дно которого плавно переходило в дно камеры.

На дне камеры лежали два погребенных (рис. 1, 1; 2, 1). Костяк 1 принадлежал новорожденному младенцу, а костяк 2 – женщине 25–35 лет. Младенец лежал ближе ко входу в камеру в слабоскорченной на правом боку позе и был ориентирован на юго-восток. Женщина располагалась за спиной младенца так же в слабоскорченной на правом боку позе в общем направлении на юго-восток, её череп был смещен на правую плечевую кость. На дне камеры под скелетами и возле них прослеживался тлен тёмно-коричневого цвета с обильными вкраплениями охры. У входа в камеру, а также в нижней части лаза из входной ямы фиксировались скопления углей. В северо-северо-западном углу камеры обнаружена прослойка золы.

Инвентарь погребения включал следующие предметы.

Серебряные височные кольца в 1,5 оборота из округлой в сечении проволоки с расплюснутыми концами: два экземпляра были найдены на черепе младенца и под ним (рис. 1, 4 б, в; 2, 1: б), одно – в черепе женщины (рис. 1, 4 а; 2, 1: в). Под взрослым костяком, обнаружена массивная, удобная для захвата рукой каменная плитка со следами использования (или шлифовки) на торцевой стороне (рис. 1, 11; 2, 1: 13).

¹ Благодарю Юрия Константиновича Гугуева за любезно предоставленный материал для публикации.

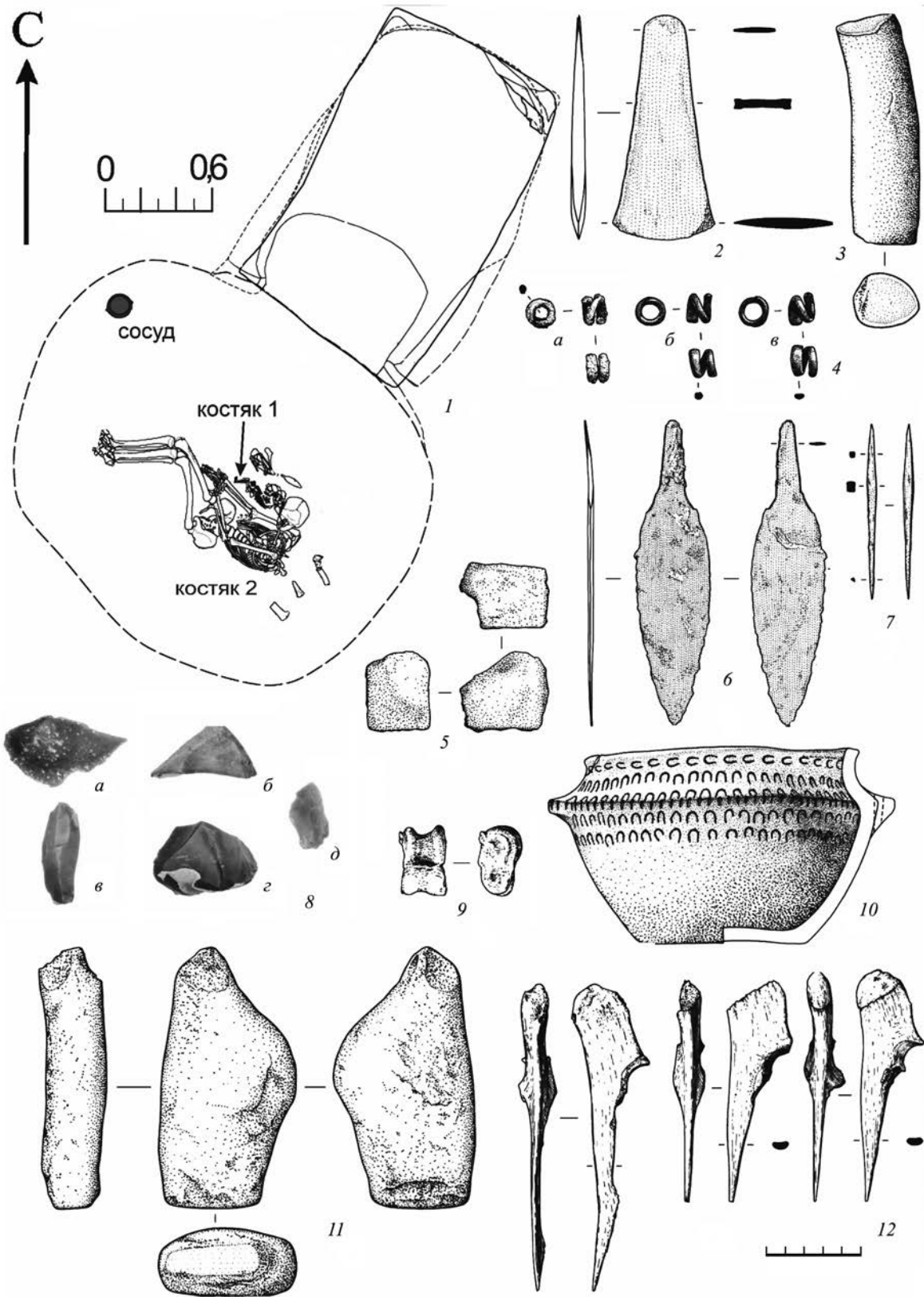

Рис. 1. Курган Веселый I, погребение 42.

1 – план-схема погребения; 2 – тесло; 3 – желвак; 4 – височные кольца; 5 – предмет кубической формы; 6 – нож; 7 – шило; 8 – отщепы; 9 – астрагал; 10 – сосуд; 11 – плитка; 12 – острия;
2, 6, 7 – бронза; 3, 8 – кремь; 4 – серебро; 5, 11 – камень; 9, 12 – кость; 10 – глина

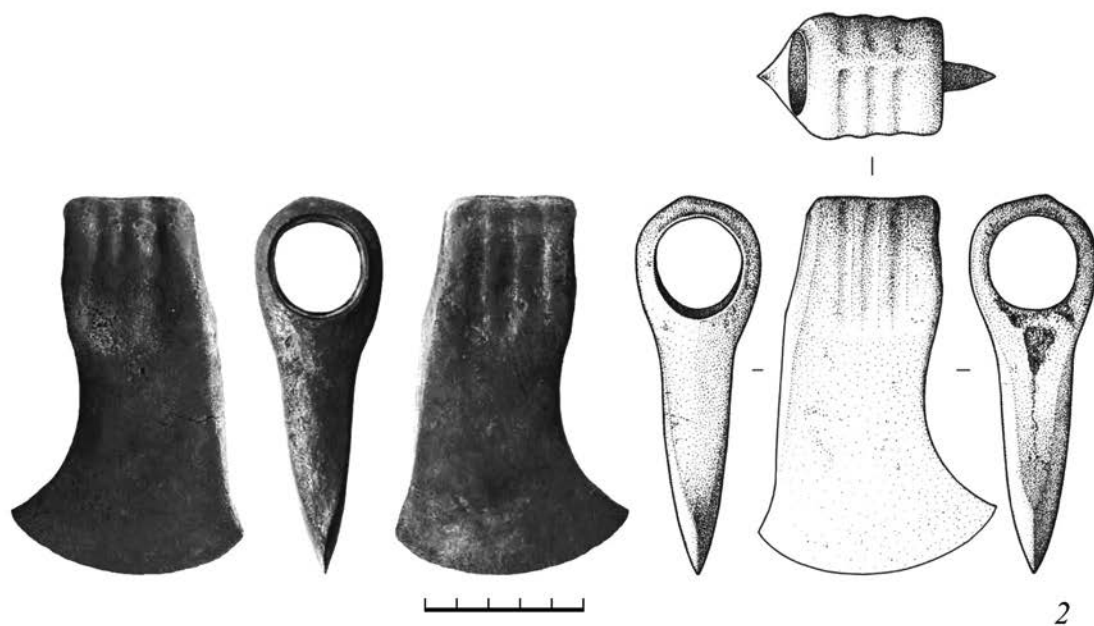
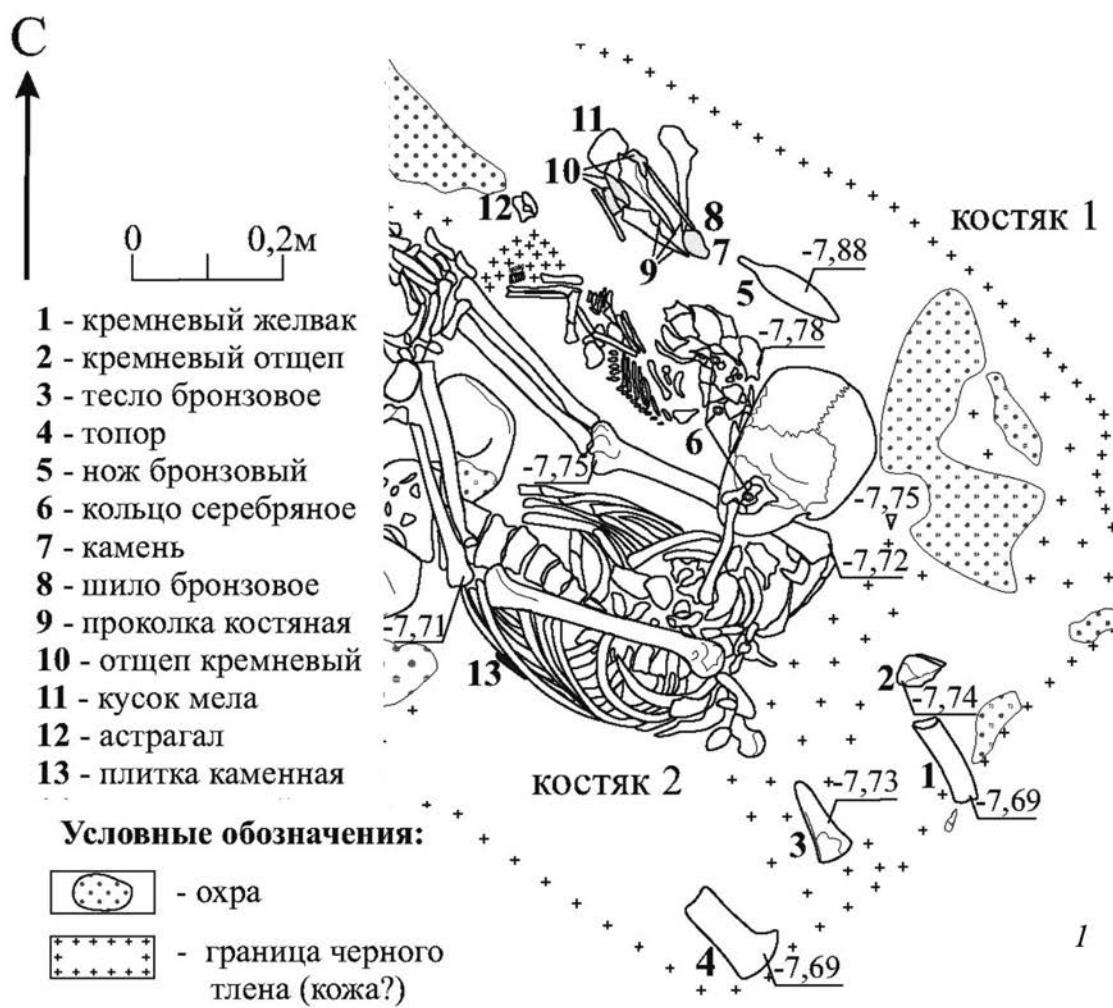

Рис. 2. Курган Веселый I, погребение 42.
 1 – фрагмент плана погребения; 2 – медный (?) топор

Также в камере катакомбы были встречены еще два скопления предметов и отдельно стоящий в её северном углу глиняный сосуд. Особый интерес представляют вещи, выложенные в ряд, с промежутками около 15 см, находившиеся под местом анатомического положения черепа женщины (рис. 2, 1: 1–4). Слева располагался металлический проушной топор (рис. 2, 1: 4, 2). Правее, по центру ряда – бронзовое тесло вытянуто-продолговатой формы, с расширяющимися гранями от округлого обушка к секировидному лезвию (примесь мышьяка – 1–3%). Лезвийная и обушковая части подвергались заточке (рис. 1, 2; 2, 1: 3). Крайним правым предметом в ряду был кремневый желвак из девонских отложений цилиндрической формы, в сечении округло-овальный (рис. 1, 3; 2, 1: 1). В комплекте с желваком, у его северного торца находился кремневый отщеп темно-коричневого цвета с желвачной коркой серого цвета (рис. 1, 8 а; 2, 1: 2).

Еще одно скопление предметов обнаружено перед костяком младенца. Вполне вероятно, что первоначально они находились в пенале из органики, который не сохранился (рис. 2, 1: 5, 7–12). Ближе к черепу младенца найден бронзовый нож, лежавший в юго-восточной части скопления, острием от него. Нож изготовлен способом литья и последующей проковки (примесь мышьяка составляет 1–2%) и имеет удлиненный, конической формы черенок, покатые плечики и лезвие лавролистной очертания со сплошной заточкой (рис. 1, 6; 2, 1: 5). К северо-западу от ножа располагался камень – небольшой кусок песчаника кубической формы (рис. 1, 5; 2, 1: 7). Далее в этом ряду было находилось компактное скопление вещей: бронзового шила, костяных и каменных предметов. Шило представляло собой обоюдоострое четырехгранное орудие (примесь мышьяка составляет 1–2%). Одна треть шила отделена от остальной части утолщением-перехватом (рис. 1, 7; 2, 1: 8). На уровне шила находились три проколки из локтевой кости овцы/козы, направленные, как и острие ножа, к юго-востоку. Нижние (рабочие) части орудий (острия) зашлифованы от использования (рис. 1, 12; 2, 1: 9). Здесь же, у пяточной стороны проколки найдены 4 отщепы кремня разных оттенков серого цвета: от темного до светлого. Два из них имели участки желвачной корки (рис. 1, 8 б–д; 2, 1: 10). Завершал ряд кусок мела размерами 3,2 x 2,8 см, лежавший с торцевой, северо-западной стороны скопления (рис. 2, 1: 11).

В 0,1 м к юго-западу от этой группы вещей был найден астрагал овцы/козы (Рис. 1, 9; 2, 1: 12).

Наконец, в северном углу стоял лепной сосуд (рис. 1, 1, 10). Он имел слегка отогнутый венчик, невысокую шейку, плечико, подчеркнутое острым ребром, широкое тулово и слегка вогнутое дно. На плечике симметрично располагались два выступа-упора со сквозными вертикальными отверстиями. Внешняя поверхность тщательно сглажена и подлощена. Снаружи сосуд имеет красновато-коричневый, охристый цвет. Внутренняя поверхность черная. Тесто хорошо отмученное, черное, без заметной примеси. На ребре сосуда нанесены короткие вертикальные насечки гладким штампом. Верхняя половина тулова покрыта пятью горизонтальными рядами веревочных петлевидных отпечатков (т.н. овы).

Особый интерес представляет находка в катакомбе 42 металлического топора. По химическому составу металла его, по всей вероятности, следует считать медным (примесь мышьяка составила менее 0,8%). Проушной топор имел обушковую часть, украшенную тремя рядами горизонтальных нервюров и секировидную, расширяющуюся к рабочему краю лезвийную часть. На брюшке топора имеется полость – след литника (рис. 2, 2). А.И. Климушина, рассматривая данный топор, уверенно отнесла его к группе топоров раннекатакомбного времени типа московский/келермесский, тяготеющей по распространению к территории Северо-Западного Кавказа (Климушина, 2023. С. 116–117).

Таким образом, погребение 42 по признакам ритуала и инвентаря можно отнести к раннекатакомбному времени, его т.н. раннедонецкому этапу. Об этом свидетельствует форма металлических предметов: топора, тесла, ножа, серебряных подвесок из утолщенной

² Здесь и далее химический анализ металла осуществлен методом рентгено-флуоресцентного анализа (μXRF-спектрометр AgTAX (RONTEC, Bruker)); оптическая микроскопия (Leica M60 Zeiss, Stemi 508). Автор исследования — ст. науч. сотр. Госэрмитажа С.В. Хаврин.

проволоки. Типична для этого этапа и орнаментация сосуда: петлевидные верёвочные «овы». Важно отметить, что стратиграфически более древнее в этом кургане (так же парное), катакомбное погребение 26 по признакам обряда и инвентаря (в частности, архаичная форма медного ножа (0% мышьяка) и серебряные подвески из тонкой проволоки) принадлежит к предшествующему, преддонецкому этапу раннекатакомбного времени. Абсолютные радиоуглеродные даты для этих катакомб получены по костям погребенных в них умерших³. Отрезок пересечения дат (OxCal sum_probabilty), полученных по костям из стратиграфически более ранней катакомбы 26 с вероятностью в одну сигму соответствует интервалу 2909–2898 CalBC. Для рассматриваемой нами катакомбы 42 с находкой топора этот интервал составляет 2870–2704 CalBC.

Литература

- Кияшко А.В.* 2019. Новые данные о формировании курганного обряда в эпоху энеолита – ранней бронзы на Нижнем Дону // Феномены культур раннего бронзового века степной и лесостепной полосы Евразии: пути культурного взаимодействия в V–III тыс. до н.э. Оренбург.
- Климушина А.И.* 2023. Находки металлических топоров и их литейных форм в погребениях степных культур эпохи средней бронзы Восточной Европы // Археологические записки. Вып. 11. Ростов-на-Дону.

³ Даты получены в 14CHRONO Centre (Queen's University, Belfast). Координатор – С.В. Святко.

СЕВЕРОКАВКАЗСКАЯ КУЛЬТУРА: СОВРЕМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ, РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Клещенко А.А.

Институт археологии РАН, г. Москва

*Работа выполнена в рамках коллективной плановой темы ИА РАН
№ НИОКТР 122011200270-0.*

Термин «северокавказская культура» (далее – СКК) в качестве определения группы погребальных памятников эпохи средней бронзы Предкавказья был впервые введен Е.И. Крупновым в 1957 году (Крупнов, 1957. С. 75–90. Рис. 9) и поддержан в дальнейших исследованиях его учеников, в первую очередь – в работах В.И. Марковина.

Первая характеристика памятников СКК была основана на анализе относительно небольшого числа погребальных комплексов – 271 (Марковин, 1960. С. 149). Неуклонный рост корпуса источников в 1960–80-х гг. позволил, с одной стороны, дать более развернутую оценку локальных групп СКК, а с другой – пересмотреть характеристику и ареал самой культуры, и даже ее название (Николаева, 1980; Марковин, 1994).

Тем не менее, спустя почти 70 лет после появления названия «СКК» большинство исследователей все-таки продолжают придерживаться именно этого термина.

В настоящее время источниковая база по памятникам СКК насчитывает около 2900 погребений в почти 1000 курганах (порядка 350 могильников) и продолжает постоянно пополняться. Основой для соотнесения отдельных захоронений с СКК является анализ курганной планиграфии, стратиграфии, погребального обряда и инвентаря. Доминирующим для СКК обрядом является вытянутая ингумация в яме, однако доля скорченных погребений так же велика. Причины этой полиритуальности для отдельных субареалов и этапов эволюции культуры могут быть объяснены контактами с носителями синхронных культурных традиций на территории Предкавказья (ямной, новотиторской, а также поздней куро-араксской).

Погребальный инвентарь СКК разнообразен. К наиболее массовым его категориям относятся керамические сосуды, предметы из бронзы (орудия, культовые предметы, украшения «северокавказского стиля»), каменные топоры и орудия, роговые, костяные и фаянсовые изделия. Эти материалы, наряду с выдающимися примерами курганной архитектуры (особенно в центральной части ареала) и немногочисленными поселенческими данными позволяют получить достаточно объемное представление об уровне социального и хозяйственного развития населения, оставившего памятники СКК.

Ареал культуры занимает всю южную часть Предкавказья – от Таманского полуострова до Прикаспийской низменности, а также Ставропольскую и Ергенинскую возвышенности (рис. 1, 1). Исследования последних лет показали наличие одиночных, но довольно ярких памятников СКК на территории Дагестана, а также в Приэльбрусье – на высоте до 2200 м над уровнем моря.

Наибольшая концентрация изученных комплексов СКК приходится на Центральное Предкавказье (район Кавминвод и бассейн Верхнего Терека – более 55% погребений) и Закубанье (20 % погребений). Необходимо отметить, что неодинаковая степень изученности отдельных районов Предкавказья, а также их различная площадь не дают возможности объективно оценить плотность памятников СКК на той или иной территории. Для прояснения этого вопроса был предпринят опыт подсчета удельного количества погребений СКК на курган по разным районам Предкавказья. Наибольший показатель при этом закономерно пришелся

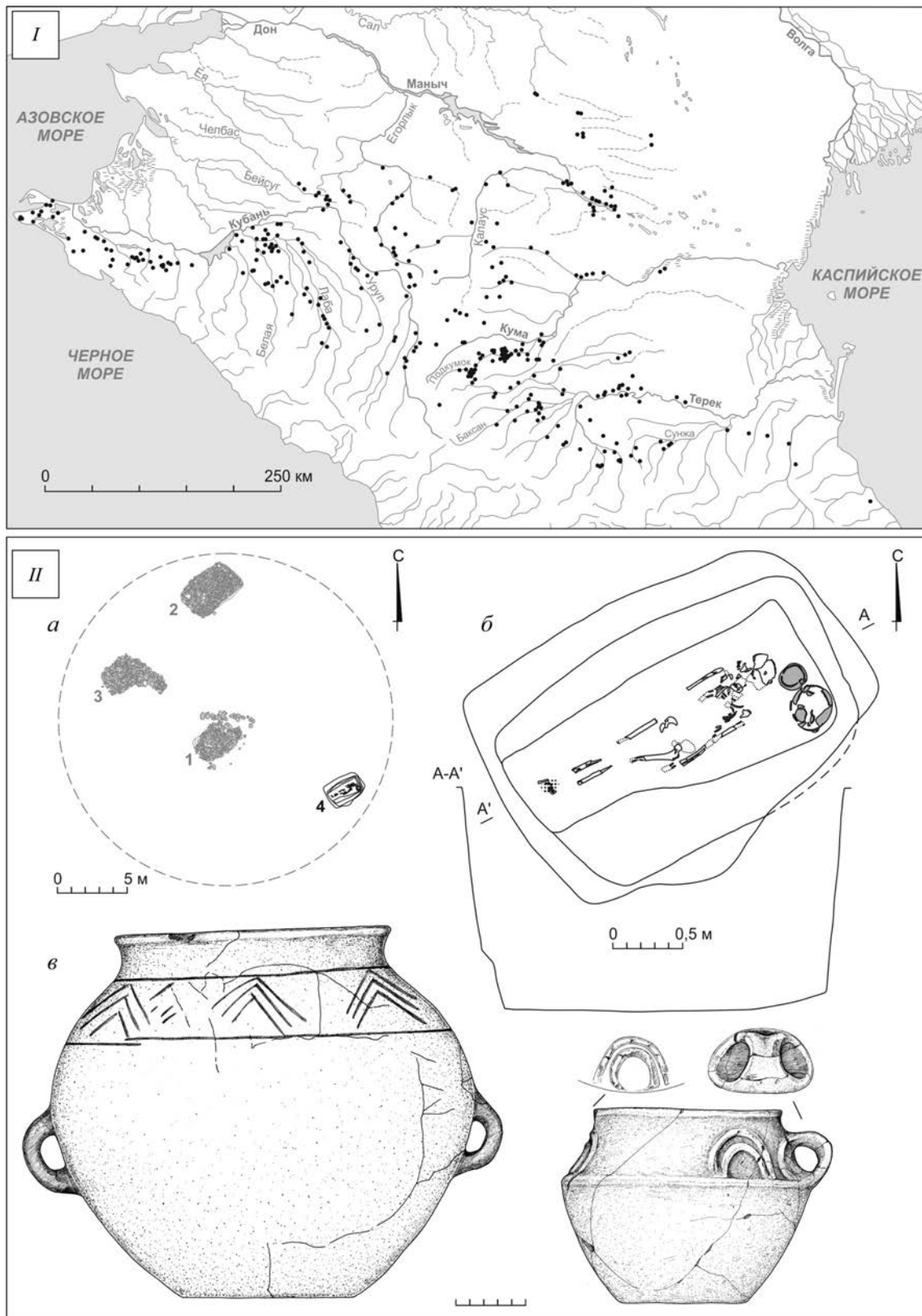

Рис. 1. Памятники северокавказской культуры
 I – карта общего ареала памятников СКК; II – курган 2 курганной группы Ногир I: а – план кургана (1–3 – погребения архонской культурной группы, 4 – погребение северокавказской традиции); б – чертёж погребения 4; в – керамические сосуды из погребения 4

на Кавминводский регион – 5–6 погребений на курган, а также на Осетинскую наклонную равнину – порядка 4 погребений на курган. В Закубанье, на левобережье Верхнего Потере-чья (территория Кабардино-Балкарии), в среднем течении Терека и на Сунже этот показатель составляет 2–3 захоронения на курган. На Тамани и в Центральной части Ставропольской возвышенности на один курган приходится в среднем 2 погребения. Наконец, на северной периферии ареала СКК (север Ставрополя и Ергени) этот показатель стремится к 1. Следует учитывать при этом, что последний регион в период существования СКК была ареалом еще двух самостоятельных феноменов – поздней и раннекатакомбной культур, носители которых, исходя из данных статистики, здесь количественно доминировали.

В последнее время историография СКК пополнилась несколькими работами, касающимися вопросов ее происхождения, связей с синхронными ямной и новотиторской культурами (Клещенко, 2014а; 2014б; 2020), характеристикой отдельных категорий погребального инвентаря (Клещенко, 2011; 2013; 2017; 2018; Клещенко и др., 2021), а также публикациями материалов раскопок.

Кроме того, получена значительная серия радиоуглеродных определений материалов из погребений СКК (не менее 30 дат). Исходя из них, а также на основании других данных (см., например: Гей, Клещенко, 2018. С. 103–108, 112, 113) можно говорить о выделении трех основных этапов развития традиций СКК: раннего (XXX–XXVIII вв. до н.э.), развитого (XXVIII–XXVII вв. до н.э.) и позднего (XXVI–XXV вв. до н.э.), а также двух переходных этапов (Гак, Клещенко, 2016).

Во второй половине III тыс. до н.э. традиции СКК на большей части ареала затухают, уступая место позднекатакомбным суворовской и восточноманьчской культурам. Однако, судя по небольшой, но весьма диагностичной серии комплексов, в Центральном Предкавказье северокавказский обряд продолжает существовать и в позднекатакомбное время (третья четверть III тыс. до н.э.) – так называемый 4 этап СКК. В частности, в 2021 г. экспедицией Института археологии РАН в кургане у с. Ногир (Республика Северная Осетия – Алания) был открыт комплекс с вытянутым на спине погребенным, достоверно впущенный в курган раннего этапа существования архонской культурной группы (рис. 2, II), синхронной, в свою очередь, позднекатакомбному горизонту.

Подводя итог данному обзору, следует отметить, что, несмотря на определенные успехи в аналитических исследованиях, сделанные за последние полвека, потенциал обозначенной выше источниковой базы по памятникам СКК, с учетом ее постоянного количественного и качественного расширения, огромен. В этой связи наиболее перспективными выглядят темы изучения керамического комплекса СКК, особенностей производства металла, каменных и фаянсовых изделий, анализ орнаментации украшений и культовых предметов. Наконец, одним из наиболее актуальных вопросов в изучении СКК является поиск и исследование ее поселенческих памятников, практически не известных в настоящее время.

Решение этих источниковедческих задач позволит более полно охарактеризовать изучаемый культурный феномен, ответить на вопросы, связанные не только с внутренней динамикой развития СКК, но и предметно обратиться к изучению ее связей с соседними культурами по обе стороны от Кавказского хребта.

Литература

- Гак Е.И., Клещенко А.А. 2016. Металл северокавказской культуры Закубанья (химико-технологическая оценка) // КСИА. Вып. 243.
- Гей А.Н., Клещенко А.А. 2018. Большой Петропавловский могильник: публикация и интерпретация материалов раскопок // Труды Северо-Кавказской (Донской) археологической экспедиции. Том 1. М.
- Клещенко А.А. 2011. Бронзовые ножи и шилья раннего этапа эпохи средней бронзы Закубанья // КСИА. Вып. 225.
- Клещенко А.А. 2013. Керамический комплекс закубанского варианта северокавказской культуры // РА. № 2.

- Клещенко А.А.* 2014а. Ямный компонент в сложении погребальной обрядности северокавказской культуры эпохи средней бронзы // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 11. Оренбург.
- Клещенко А.А.* 2014б. Северокавказско-новотиторовский культурный симбиоз в Предкавказье // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. 1. Казань. С. 448-452.
- Клещенко А.А.* 2017. Большие булавочные наборы из погребений курганной группы «Кёнденская I» и «поясные наборы» эпохи средней бронзы Центрального Предкавказья // КСИА. Вып. 249-1.
- Клещенко А.А.* 2018. Каменные втульчатые топоры эпохи средней бронзы Предкавказья: классификация и хронология // Археологические памятники и межкультурные феномены энеолита и бронзового века. М.
- Клещенко А.А.* 2020. Миграционная гипотеза происхождения северокавказской культуры // Stratum Plus. № 2.
- Клещенко А.А., Березин Я.Б., Бабенко В.А., Канторович А.Р., Маслов В.Е.* 2021. Новые находки антропоморфных статуэток северокавказской культуры в Центральном Предкавказье // КСИА. Вып. 262.
- Крупнов Е.И.* 1957. Древняя история и культура Кабарды. М.
- Марковин В.И.* 1960. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н.э.) // МИА. Вып. 93. М.
- Марковин В.И.* 1994. Северокавказская культурно-историческая общность // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.
- Николаева Н.А.* 1980. Выделение кубано-терской культуры ранне- и среднебронзового века на Северном Кавказе // Проблемы археологии Северной Осетии. Орджоникидзе.

СТРАТИГРАФИЧЕСКАЯ КОЛОНКА ПОГРЕБЕНИЙ РАННЕГО-СРЕДНЕГО ЭТАПОВ СРЕДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА В КУРГАНЕ НА УЛ. ЧЕРНЯХОВСКОГО В КИСЛОВОДСКЕ

Ковалев А.А.¹, Перцева М.А.²

¹*Институт археологии РАН, г. Москва*

²*Независимый исследователь, г. Санкт-Петербург*

В 1996 г. в городе Кисловодске экспедицией Санкт-Петербургского филиала РосНИИ культурного и природного наследия под руководством А.А. Ковалева было проведено исследование остатков насыпи кургана, находящегося на участках 11–13 по ул. Черняховского и на неразмежеванной территории между этими участками и проезжей частью улицы. Находки были тогда же сданы в Кисловодский историко-краеведческий музей «Крепость»¹. Предположительно, памятник входил в группу курганов, исследовавшихся Д.Я. Самоквасовым в 1881 г. в урочище «Три камня» (Афанасьев и др., 2004. С. 106). В 1959 г. несколько врезок в насыпь совершили В.В. Бобин и Е.Е. Ивашнев². В феврале 1988 г. два погребения средне-бронзового века в каменных ящиках были исследованы Я.Б. Березиным (справка о раскопках и инвентарь хранятся в Кисловодском историко-краеведческом музее)³. Фрагменты одного из этих ящиков (погребение № 1 по Я.Б. Березину) сохранились *in situ* в срезе насыпи кургана к началу раскопок 1996 г.

При раскопках удалось установить, что первоначальным сооружением в кургане был каменный ящик на горизонте, обложенный каменной наброской, а затем перекрытый земляной насыпью, окруженной «ступенчатым» кромлехом из вертикальных плит, что находит аналогию в конструкции энеолитических курганов 6–8 у с. Грушенское на Ставрополье (Мишина, 1989), а также Карагаево-Сады, к. 1, Хапры (1979), к. 2, к. 3 в Ростовской области (Файферт, 2014). Более поздние насыпи и досыпки срезаны с краев при застройке. В сохранившийся останец центральной части кургана на границе участков 11 и 13 был вкопан столб уличного освещения, а также основания конструкции деревянного сарая. Тем не менее в этом останце на площади 6 × 6 м удалось проследить последовательность сооружения пяти погребений с инвентарем, относящихся к раннему-среднему этапам периода средней бронзы.

В западную полу первоначальной земляной насыпи периода энеолита была впущена яма с заплечиками, на которых было устроено многослойное перекрытие из каменных плит (п. 8). Могильная яма ориентирована по линии северо-запад – юго-восток, расширяется к юго-востоку, где на дне был зачищен череп погребенного взрослого человека плохой сохранности. Под и между камнями перекрытия на заплечиках найдены кости черепа и посткраниального скелета еще одного человека, что указывает на многократность захоронений. У северо-западной стенки ямы на дне были уложены бронзовые молоточковидная булавка и три «каплевидные» подвесочки (рис. 1, 1–2). В земляную насыпь, перекрывающую материковый выкид из этого погребения, была впущена яма подпрямоугольной формы, на дне которой было устроено погребение взрослого человека головой на юг (положение скелета не восстанавливается), окруженное деревянной рамой (п. 6). Пространство между рамой и стенками ямы было забутовано булыжниками, булыжная наброска заподлицо верха ямы была устроена и на органическом перекрытии, которое, очевидно, опиралось на раму. У северной стенки рамы

¹ Благодарим сотрудников КИКМ и лично директора С.С. Лузина за содействие в подготовке настоящей публикации, а также заместителя директора Пятигорского краеведческого музея С.Н. Савенко за поддержку в экспедиционных и камеральных работах.

² Записка Н.М. Егорова 1959 г. из коллекции Пятигорского краеведческого музея; альбом, хранящийся в кабинете-музее В.В. Бобина Медицинского института им. С.И. Георгиевского, г. Симферополь

³ Благодарим Я.Б. Березина за любезное согласие использовать эти материалы в публикациях.

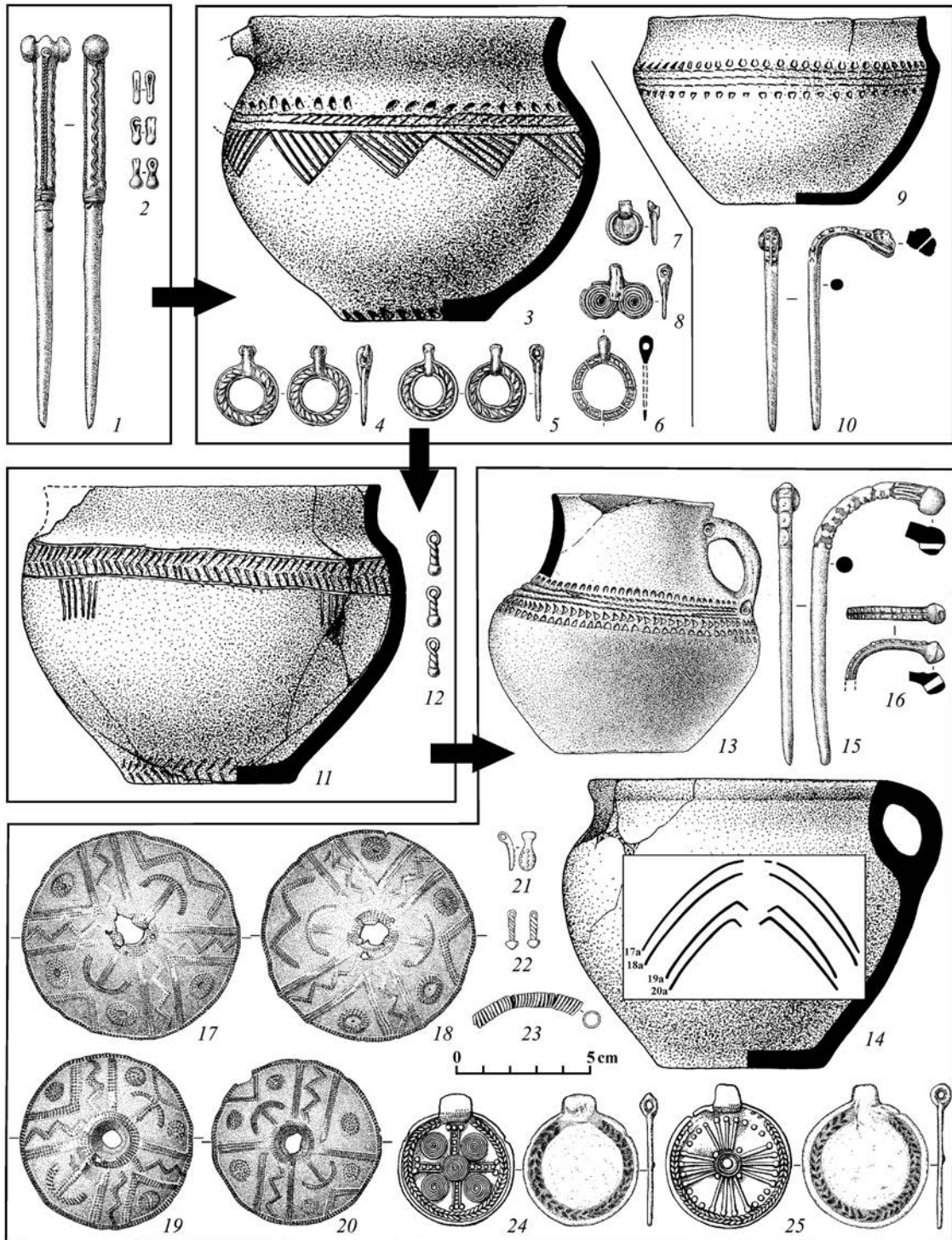

Рис. 1. Артефакты из погребений кургана на ул. Черняховского в г. Кисловодске:

1, 2 – п. 8; 3–8 – п. 6; 9, 10 – п. 5; 11, 12 – п. 4; 13–25 – п. 1 (1988).

Прорисовки лицевой стороны медальонов (24, 25)

по (Корневский, 1990. Обложка).

3, 9, 11, 13, 14 – керамика, остальное – бронза

найден глиняный сосуд с утраченной при использовании ручкой (рис. 1, 3). Орнамент на сосуде выполнен прочерчиванием, отпечатками ногтей и палочки. На шее погребенного было «ожерелье» из подвесок-медальонов разных типов (рис. 1, 4–7). В бульжное заполнение ямы было впущено погребение ребенка (п. 5), просевшее вместе с органическим перекрытием п. 6 (собраны разрозненные фрагменты костей). Это погребение сопровождалось глиняным сосудом с намеченным уступом, ниже уступа украшенным полоской орнамента из ногтевых вдавлений и отпечатков палочки (рис. 1, 9), бронзовой посоховидной булавкой (рис. 1, 10), а также двумя сборными моделями двухколесных повозок, от которых сохранились глиняные колесики и каменные брусочки, заменяющие кузова. В земляную насыпь, перекрывающую эти погребения и материковый выкид из п. 6, была впущена широкая подпрямоугольная яма с заплечиками (п. 4), ориентированная длиной осью по линии запад-восток. На заплечиках было устроено перекрытие из органических материалов (зачищены глен и фрагменты продольных и поперечных слег). Погребенный был уложен на спине, вытянуто, головой на запад. За его головой у западной стенки стоял «кубковидный» глиняный сосуд (рис. 1, 11), украшенный по плечикам полоской, образованной оттисками гладкого штампа «в елочку», от которой вниз спускаются шесть групп вертикальных прочерченных линий. Полоска «елочных» оттисков штампа нанесена и на придонную часть сосуда. У кисти левой руки погребенного зачищены три «шнуровые» подвески (рис. 1, 12). Судя по стратиграфии зачищенного нами среза насыпи со стороны улицы, в гумусированный слой, перекрывающий выкид из этого погребения, было впущено погребение № 1, доследованное Я.Б. Березиным в 1988 г. (п. 1 (1988)). Погребение устроено в яме с заплечиками (ориентация длинной оси – юго-запад – северо-восток), в нижнем отсеке которой был устроен каменный ящик из вертикальных плит. Каменное перекрытие ящика опиралось на его стенки и заплечики (и ящик, и фрагменты перекрытия сохранились только в северо-западной части). К этому погребению относятся два глиняных сосуда с округлыми ручками, один из которых – кувшиновидный с раздутым туловом – на плечиках украшен пояском из оттисков шнура, округлых, полукруглых и подтреугольных вдавлений (рис. 1, 13), а второй – без орнамента (рис. 1, 14). В ящике были найдены две посоховидные булавки (рис. 1, 15, 16) и входившие, видимо, с ними в наборы две пары пуансонных блях с богатым орнаментом (рис. 1, 17–20). Также обнаружены два крупных бронзовых медальона (рис. 1, 24–25). На дне собраны каменные, пастовые (?), литые бронзовые бусы, семь ложечковидных подвесок с зернью (рис. 1, 21), две подвески «с имитацией проволоочной обмотки» (рис. 1, 22), а также пронизки из свернутой «пружинкой» бронзовой проволоки (рис. 1, 23).

Полученная стратиграфическая колонка соответствует данным С.Н. Корневского об относительной хронологии наборов бронзовых украшений в курганах Центрального Предкавказья (Корневский, 1990. С. 94), а также выводам Е.И. Гака, А.Н. Гея, А.А. Калмыкова, А.А. Клещенко, сделанным на материалах курганов степного Ставрополя и Закубанья (Клещенко, 2011; Гак, Калмыков, 2013; Гей, Клещенко, 2018. С. 103–122). Однако данные исследований кургана на ул. Черняховского, как и других аналогичных памятников Пятигорья с богатым инвентарем и уникальной стратиграфией, дают возможность более детальной периодизации среднего бронзового века. Об этом подробно говорилось уже двадцать шесть лет назад в статье, где была наглядно представлена стратиграфическая колонка трех погребений с богатым набором бронзовых украшений из кургана Нежинская Ш/1 (Ковалев, 1997). К сожалению, этот опубликованный материал (тем более доступный все эти годы в коллекции Кисловодского музея), остался не востребован исследователями. Необходимо отметить, что кувшиновидный сосуд из п. 1 (1988) с веревочным пояском и раздутым туловом представляет позднейшую фазу развития посуды такого типа, и на территории Северной Осетии сосуды с этими признаками входят в комплексы с литыми бляхами и дуговидными булавками (см. напр. Газдапустай, 1969). Кроме того, п. 4 в кургане на ул. Черняховского фиксирует время проникновения в Центральное Предкавказье степного населения Волго-Донского региона, для которого характерна находимая в комплексах Центрального Предкавказья керамика с чужеродной «елочной» орнаментацией, нанесенной различными видами штампа.

Литература

- Афанасьев Г.Е., Савенко С.Н., Коробов Д.С.* 2004. Древности Кисловодской котловины. М.
- Газдапустай Д.* 1969. Могила эпохи средней бронзы в Северной Осетии // СА. № 2.
- Гак Е.И., Калмыков А.А.* 2013. Металлический инвентарь курганных погребений позднеямного – катакомбного времени Егорлык-Калаусского междуречья // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. XI. М.
- Гей А.Н., Клещенко А.А.* 2018. Большой Петропавловский могильник: публикация и интерпретация материалов раскопок // Труды Северо-Кавказской (Донской) археологической экспедиции. Т. 1. М.
- Клещенко А.А.* 2011. Северокавказская культура Закубанья. Дисс. ... канд. ист. наук. М. // Архив ИА РАН. Р-2. № 2801.
- Ковалев А.А.* 1997. Курганы Центрального Предкавказья как опора хронологии среднебронзового века евразийских степей // Новые исследования археологов России и СНГ. Материалы пленума ИИМК РАН 28-30 апреля 1997 г. СПб.
- Корневский С.Н.* 1990. Памятники населения бронзового века Центрального Предкавказья. М.
- Мишина Т.Н.* 1989. Курганы эпохи ранней бронзы Центрального Ставрополя // Древности Ставрополя. М..
- Файферт А.В.* 2014. Курганные погребения раннего бронзового века Нижнего Подонья (свод археологических источников). Ростов-на-Дону.

ПРЕСТИЖ МАЙКОПСКИХ ГОЛОВНЫХ УБОРОВ ИЗ БЛАГОРОДНЫХ МЕТАЛЛОВ И ИХ АНАЛОГИИ

Кореневский С.Н.

Институт археологии РАН, г. Москва

Работа выполнена в рамках коллективной плановой темы ИА РАН

№ НИОКТР 122011200270-0

Слово «престиж» в переводе с французского означает понятия авторитета и уважения. В древности такое социальное явление, как престиж, играло огромную роль в жизни человека и его общества. Возможно выделить несколько областей престижа. В этнологии одно из них будет связано с престижем человека в обществе, в его статусе, в стремлении к власти. Вторая область престижа охватывает показатели половозрастных страт людей разного возраста и пола. Особая область престижа связана с погребальным обрядом. Она отражает культы и верования древних племен, их представления об особой мифологии смерти и загробного мира, нередко похожего на мир земной.

В археологии мы имеем дело, прежде всего, с престижем погребальных обрядов, с которыми сталкиваемся при анализе традиций заупокойной практики.

В данном сообщении темой обзора являются головные уборы носителей майкопско-новосвободненской общности (далее – МНО) IV тыс. до н.э.

Наша выборка майкопских захоронений начитывает около 240–250 погребений, которые имеют показатели, позволяющие соотнести их с выделяемыми в МНО типологическими вариантами. В ста и более комплексах найдены предметы вооружения и труда. Соответственно, более 140–150 комплексов имеют в составе погребальной утвари только керамику.

В Майкопском кургане имеются две ленты, найденные под головой главного покойного в южном отсеке захоронения. Длина лент – 43 и 39 см. В каждой ленте проделаны по 9 отверстий для прикрепления к какой-то основе – скорее всего, к ткани. Диаметр лент слишком мал, чтобы охватить голову взрослого человека на уровне лба (он должен равняться примерно 52 см и более). Так что золотые ленты не охватывали голову покойного человека целиком. Они могли крепиться к ткани. Такая накидка оставляла бы лицо открытым, возможно, закрывая голову по бокам и сзади.

Б.В. Фармаковский (1914) реконструировал головной убор Майкопского кургана как ленты с крепящимися к ним золотыми розетками. Ю.Ю. Пиотровский считает, что подобная реконструкция не верна. Золотые цветы были найдены области груди покойного человека. Если бы они были прикреплены к лентам, то их зафиксировали бы тоже в области головы или под головой. Я разделяю точку зрения Ю.Ю. Пиотровского. Кроме того, полагаю, что золотые цветы в Майкопском кургане были связаны с идеей погребального набора украшений. Эта идея была частью символики плодов Древа Жизни.

Основную серию в находках головных уборов майкопцев составляют височные подвески. Они найдены, по нашим подсчетам, в 48 погребениях и в 50 случаях при костяках. Погребения с височными подвесками – в основном индивидуальные. В редких случаях отмечались два человека с такими украшениями (Майкопский курган, Андреевский курган).

Типология майкопских височных подвесок представлена кольцами в один оборот тонкого сечения до 2 мм с разомкнутыми концами – тип 1, кольцами такого же вида с нанизанным на них полудрагоценным камешком (в основном сердоликовым) – тип 2, редко встречаются кольца в полтора оборота – тип 3, кольца из толстого стержня в один оборот – тип 4.

В единичном случае известно медное кольцо с раскованными в лопаточку окончанием – тип 5.

Из 48 захоронений золотые кольца фиксируются в 43 погребениях, кольца из серебра – в 4 могилах, кольцо из меди – в одном захоронении.

В основном золотые кольца найдены при погребенных с оружием. Кольца из серебра найдены в 4 погребениях без оружия, в двух случаях – это были могилы женщин.

Кольца с нанизанным камешком найдены в ранних и поздних комплексах разных вариантов МНО. Вне майкопских погребений они неизвестны. Это лишний раз доказывает факт собственной золотообработки у племен МНО на ее раннем и позднем этапах.

Находки золотых колец в могилах с оружием составляют большинство комплексов самых насыщенных вещами захоронений устроителей трапез и военных бигменов (а-группы 1 и 2).

Аналогии кольцевидным подвескам МНО широки, но в тоже время они и довольно расплывчаты из-за простоты форм самих подвесок.

Майкопские височные золотые подвески были распространены, прежде всего, в воинской среде собственно майкопских племен. При этом надо отметить, что подвеску с полудрагоценным камешком (тип 2) создали сами майкопцы.

Подвески из золота и серебра у майкопцев могли маркировать захоронения как мужчин, так и женщин в их совместных захоронениях или особых женских погребениях.

Информация о погребениях с золотыми височными кольцевидными подвесками времени первой половины IV тыс до н.э. на Ближнем Востоке отсутствует.

Данные о височных подвесках лейлатепинской культуры Южного Кавказа очень ограничены и связаны только с находками подвесок из серебра. Золотых подвесок во время ранней куро-араксской культуры так же не отмечено. В комплексах куро-араксской культуры известны лишь спиральные серебряные подвески (погребение 2 могильника Квацхелеби времени периода Квацхелеби С).

Золотые височные подвески в полтора оборота распространяются на Южном Кавказе только в конце куро-араксской культуры в погребениях Сачхерской группы, а позже – в погребениях группы Марткопи–Бедени. Их типы никак не могли влиять на формирование традиций золотых височных подвесок МНО, появившихся в более раннее время.

В Подунавье традиция золотых височных подвесок в один оборот хорошо прослеживается в культуре Варна во время середины, конца V тыс. до н.э. Здесь такие подвески могут быть восприняты как украшения богини плодородия. Затем эпизодически височные спиральные и кольцевидные подвески отмечаются в погребениях энеолита новоданиловской группы (Джурджулешти). В хвалынской культуре они представлены кольцами из меди.

В целом сама по себе традиция украшать головной убор височными подвесками может рассматриваться как конвергентное надкультурное явление. В среде племен МНО она сформировалась вместе с традициями выделения в погребальных обрядах представителей военно-производственной и культовой элиты уже на раннем этапе МНО. Особая знаковая роль отводилась также украшениям с нанизанными на подвески полудрагоценными камешками. Менее прослеживается традиция женских захоронений с серебряными височными кольцевидными подвесками.

Можно поддержать идею С.В. Ивановой (2007) объяснения связи золотых и серебряных височных колец с различными культовыми оценками металла, из которого они изготовлялись.

Для комплексов МНО имеет смысл оценивать захоронения с золотыми и серебряными височными кольцевидными подвесками как захоронения с намеренным выделением представителей местной элиты, с подчеркиванием этим знаком их особого статуса, вероятно, связанного с привилегированным положением рода

Литература

- Иванова С.В.* 2007. Серебряный век северо-западного Причерноморья // Матеріали та дослідження з археології Східної України. № 7. Луганськ.
- Фармаковский Б.А.* 1914. Архаический период в России. СПб.

КАТАКОМБНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ В КУРГАНЕ ЖУРАВКА 7

Крутоголовенко К.А., Левин Е.С.

Краснодарское краевое отделение ВООПИиК, ООО ЗКАЭ, г. Краснодар

Курган Журавка 7 располагался в Кореновском районе Краснодарского края, на правом берегу р. Журавка, правом притоке р. Бейсужек Левый (рис. 1, 1). Курган раскопан в 2012 г. отрядом ООО «Западно-Кубанская археологическая экспедиция». Высота кургана – 2,9 м, диаметр – 76 м, сооружен в два приема, первая насыпь была сделана над ямными погребениями, вторая – над новотитаровскими. Во вторую насыпь впущены три катакомбы (Левин, 2014. С. 70).

Погребение 2 (рис. 1, 2) обнаружено в 8 м к северо-востоку от центрального репера в Т-образной катакомбе, направленной к центру насыпи торцевой стороной шахты.

Входная шахта прямоугольная в плане, короткая (в 3 раза меньше камеры) прослеженная глубина – 182 см. Размеры по верху – 84 × 64 см, по дну – 89 × 55 см. Переход в камеру оформлен ступенькой. Погребальная камера не обрушена, подпрямоугольная в плане, вытянута по линии северо-запад – юго-восток. Размеры по дну – 170 × 97 см. Останки человека находились вдоль стенки противоположной входу и представляли собой компактное (90 × 15–35 см) скопление тлена костей взрослого человека, лежащих сплошным слоем. Обломки черепа найдены у юго-восточного края тлена, вдоль северо-западного края лежала большая берцовая кость.

По центру тлена рассыпаны литые бронзовые биконические бусы – 72 целых и 31 фрагмент (рис. 1, 3). У края тлена с севера стоял крупный реповидный горшок с Т-образным венчиком и горизонтальным валиком на плечике. Высота – 27 см, диаметр тулова – 36 см, дна и венчика – 20 см (рис. 1, 4). В южном углу камеры, справа от входа, лежала жаровня с угольками – чернолощенная стенка сосуда с частью дна (рис. 1, 5). Под костями прослежены остатки подстилки и пятна охры, среди костного тлена отмечены угольки.

Погребение 16 (рис. 1, 6) обнаружено в юго-западной части кургана на расстоянии 14 м от центрального репера. Совершено в Т-образной катакомбе, направленной камерой к центру насыпи. Входная шахта трапециевидной формы, расширяется к камере, длинная ось направлена по линии запад-юго-запад – восток-северо-восток. Дно ровное, в камеру ведет ступенька. Погребальная камера подпрямоугольная в плане. Размеры – 145 × 87 см. В центре камеры скорчено на правом боку лежал скелет ребенка (6–9 месяцев) черепом на север, лицевыми костями на запад. Кости рук находились вдоль тела. Кости ног согнуты, наклонены вправо.

У шейных позвонков найдены бронзовые кольца-серьги (рис. 1, 7) овальные в сечении, с заходящими друг за друга концами, один – заострѐн, другой – расплющен. Диаметр – 0,9 см, сечение проволоки – 0,15 см. Под черепом лежал сферосидерит (рис. 1, 8). В углу камеры лежали 29 овечьих альчиков, из них 24 – с отверстиями (рис. 1, 9). Там же найдена галька с двусторонним воронковидным отверстием (рис. 1, 10). У входа слева лежал череп и фрагменты конечностей овцы.

Погребение 19 (рис. 1, 11) обнаружено у края насыпи № 2, в 19 м к юго-западу от центрального репера в Т-образной катакомбе, направленной камерой к центру насыпи. Шахта подпрямоугольной формы, вытянута по оси юго-запад – северо-восток. Размеры шахты – 130 × 62 см, прослеженная глубина – около 45 см, дно резко понижалось к камере. Справа от лаза лежали череп и обломки костей овцы. Погребальная камера в плане овальной формы со сводчатым потолком. Внутри расчищен скелет ребенка (около 4 лет), лежащий скорчено на

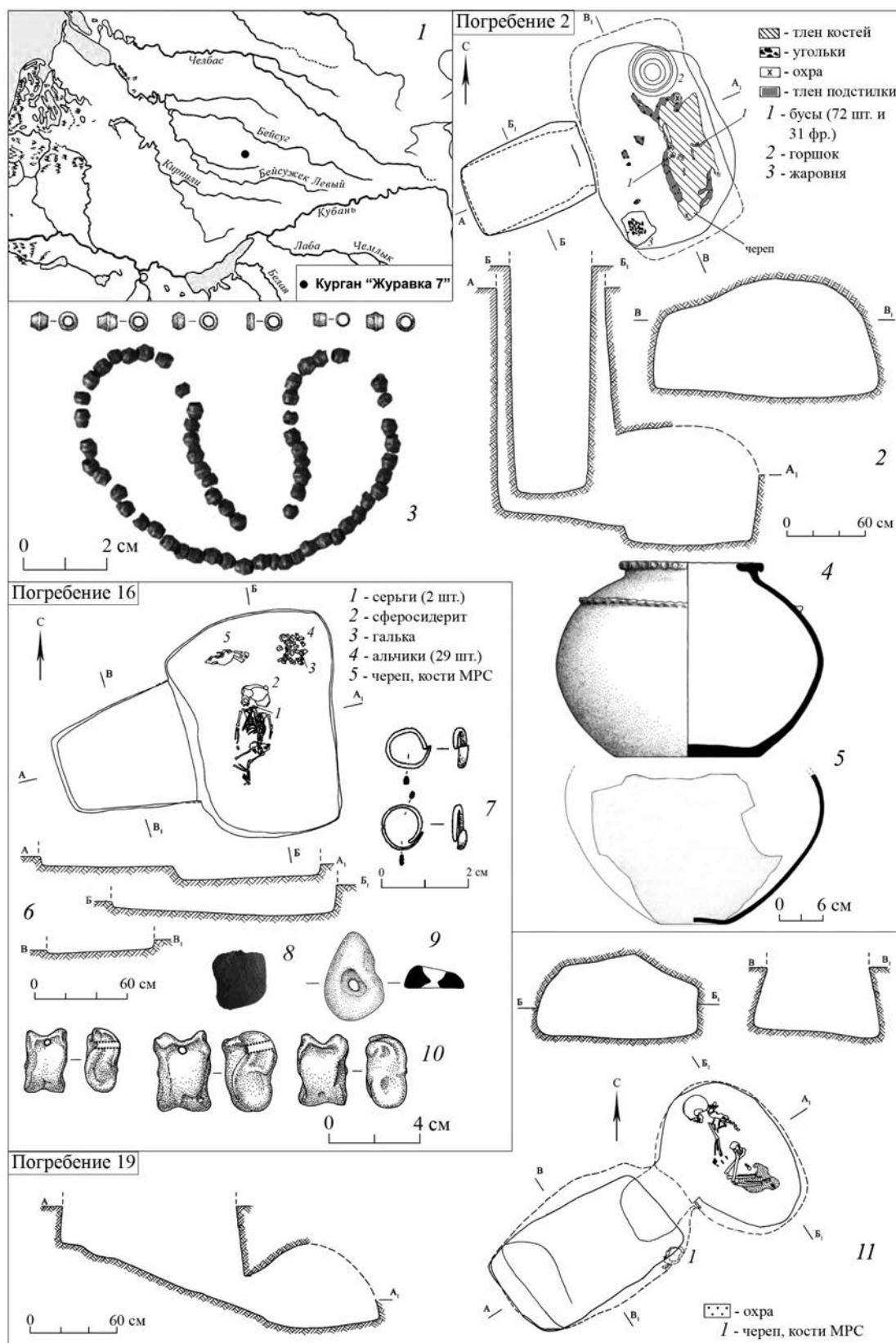

Рис. 1. Катакомбные погребения из кургана Журавка 7.

1 – местоположение кургана на карте Прикубанья; 2, 6, 11 – чертежи погребений; 3–5, 7–10 – находки из погребений. 3, 7 – бронза; 4, 5 – глина; 8, 9 – камень; 10 – кость

правом боку, черепом на северо-запад, лицом ко входу. Кости рук вытянуты, кисти у колен. Кости ног согнуты в тазобедренном суставе под углом близким к 90°. Ниже колен кости и дно камеры покрыты охрой. Инвентарь отсутствовал.

Погребения 16 и 19 по устройству катакомб относятся к раннему периоду восточно-приазовской катакомбной культуры (Мельник, 2016. С. 43–44). Однако ровное дно шахты, возможно, сближает погребение 16 с более поздними видами катакомб (Трифонов, 1991а. С. 145–153. Рис. 21).

Находки свойственны, в большей степени, для ранних катакомб Прикубанья. Кольца-серьги из погребения 16 известны в погребениях ранней и средней бронзы Предкавказья, близки к типу 1 по А.Н. Гею, (2000. С. 159, 161. Рис. 48, 4; Клещенко, 2011. С. 143). Череп и конечности овцы часто встречаются в степных катакомбах (Гей, 2009. С. 307–308; Братченко, 2001. С. 56). Альчики, очевидно, представляли собой амулет (Усачук, Панасюк, 2014).

Обе катакомбы могут быть датированы XXVIII–XXV вв. до н.э. (Мельник, 2020. С. 144).

Найденные в погребении 2 бронзовые биконические бусы известны как в батуринских катакомбах (Гей, 1995. С. 9. Рис. 3, 3), так и в более ранних памятниках (Клещенко, 2011. С. 135; Братченко, 2001. Рис. 63, 3). Реповидные сосуды связаны с влиянием «маньчских» керамических традиций в Прикубанье, являются маркером позднекатакомбного времени и чаще встречаются в долинах Бейсугов – контактной зоне с западноманьчской культурой (Гей, 1995. С. 13). Погребение 2 относится к батуринской культуре (Трифонов, 1991б), датируется XXV–XXIII вв. до н.э. (Андреева, 2014. С. 13).

Судя по маленькой площади занятой сплошным слоем тлена и отдельным костям в нём – погребение было вторичным¹, что характерно для «батуринцев» (Гей, 1995; Мельник, 2019).

Интересны следы гари на обломках костей, схожей с прахом из кремаций. Что, однако, не находит подтверждения в заключении антрополога (А.А. Казарницкий). Кремации в катакомбах Предкавказья не распространены, за редким исключением (Смирнов, Узянов, 1978). Более часто они встречаются позже, в период поздней бронзы и раннего железного века.

Обнаружение человеческих останков в порошкообразном состоянии и мелкими фрагментами, указывает на внешние факторы, повлиявшие на распад костной ткани. Как выразилось и каким именно было это воздействие, случайным или преднамеренным – не ясно. Если второе, то уместно предположить, что оно было связано с еще одним способом освобождения костей от мягких тканей для вторичных погребений.

Литература

- Андреева М.В. 2014. Восточноманьчская катакомбная культура. М.
- Братченко С.Н. 2001. Донецка катакомбна культура раннього етапу. Луганськ.
- Гей А.Н. 1995. Батуринская катакомбная культура и финал эпохи средней бронзы в степном Прикубанье // Историко-археологический альманах, Вып. 1. Армавир-Москва.
- Гей А.Н. 2000. Новотитаровская культура. М.
- Гей А.Н. 2009. Катакомбная культура // Большая Российская энциклопедия. Т. 13. М.
- Клещенко А.А. 2011. Северокавказская культура Закубанья. Дис. ... канд. ист. наук. М.
- Левин Е.С. 2014. Детские погребения катакомбной культуры в степном Прикубанье (новые материалы) // Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения: материалы Международной научной конференции. М.
- Мельник В.И. 1991. Особые виды погребений катакомбной общности. М.
- Мельник В.И. 2016. Особенности наиболее ранних катакомбных погребений степного Прикубанья // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения: материалы Междунар. науч. конф. Грозный.
- Мельник В.И. 2019. Вторичные погребения Азово-Кубанской равнины эпохи средней бронзы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. № 5.

¹ В связи с чем, интересно погребение 13, представленное «пакетом-куклой» (Мельник, 1991) в яме, обнаруженное у западного края кургана Журавка 7.

- Мельник В.И.* 2020. К проблеме ранних фаз формирования катакомбных культур // КСИА. Вып. 258.
- Смирнов Ю.А., Узянов А.А.* 1978. Нижнесальские курганы. АО 1977 г. М.
- Трифонов В.А.* 1991а. Степное Прикубанье в эпоху энеолита – средней бронзы // Древние культуры Прикубанья. Л.
- Трифонов В.А.* 1991б. Батуринский вариант предкавказской катакомбной культуры. Киев.
- Усачук А.Н., Панасюк Н.В.* 2014. Некоторые аспекты использования астрагалов в погребальном обряде эпохи ранней и средней бронзы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. Вып. № 4. М.

БЫЛА ЛИ «ПРОТОПИСЬМЕННОСТЬ» У НОСИТЕЛЕЙ КУРО-АРАКСКОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ?¹

Магомедов Р.Г.

Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, г. Махачкала

В истории изучения ряда археологических культур энеолита и бронзы, развивавшихся за пределами территорий классических цивилизаций Древнего Востока, были дискуссии по поискам протописьменных традиций. Как примеры укажем на трипольскую, майкопскую, катакомбную или срубную культуры. Такие эпизоды были и в историографии куро-аракской КИО (Куфтин, 1948; Гобеджишвили, 1952; Burney, 1962; Чубинишвили, 1970 и др.). Особо следует отметить серию публикаций Н. Шаншашвили (Шаншашвили, 1999; 2000а; 2000б), в которых она последовательно рассматривала знаковые композиции на сосудах из Грузии (Озни, Амиранис-гора, Цихиа-гора, Бешташени и Самшвилде) в качестве архаических пиктограммных «надписей». По мнению автора, «они не представляли собой систему, не переросли в письменность, не употреблялись в хозяйстве. Они изображались в основном на посуде, на подставках и очагах, обнаружены ... в основном в святилищах или погребениях. Можно предположить, что они использовались в основном в магических, в сакрально-ритуальных целях» (Шаншашвили, 1999. С. 41). К сожалению, автор обошла вниманием сосуда с пиктограммами из куро-аракских памятников Дагестана, более показательные для характеристики зачатков архаического «письма» по сравнению с «грузинскими» образцами. Настоящая работа призвана восполнить этот источниковедческий пробел.

Речь идет о серии относительно крупных (высотой – 40-60 см) тарных одноручных сосудах с невысокой раструбной горловиной, яйцевидным туловом, узким плоским дном, лощеной поверхностью и, главное, с лицевыми фризами в виде пиктограммных композиций (рис. 1). Такие сосуды известны на ряде памятников великентской культуры куро-аракской КИО, расположенных в Приморском Дагестане (поселения Махачкалинское, Геме-Тюбе I, Башлыкент II, Великентское I (Замогар Тепе), Торпах-Кала; Великентские гончарные печи; Великентский могильник I). «Орнаментальные» фризы, размещенные на уровне одинарных ручек, выполнены рельефными валиками и шишечками. В настоящее время зафиксировано 18 целых или реконструируемых трехчастных композиций: в центре – центральная фигура (чаще всего – это решетчатый знак, заканчивающийся двойной спиралью), а по бокам – последовательные комбинации главных (доминантных) и второстепенных (рецессивных) знаков в относительной зеркальной симметрии. Как правило, всем композициям свойственна преднамеренная частичная асимметрия. С учетом указанных 18 сосудов (почти все – из Великента) и многочисленных фрагментов подобных тарных сосудов с элементами рельефных «узоров», найденных в Великенте и на других памятниках Приморского Дагестана, общее количество выделенных знаков превышает 50. Превалирующую часть этих знаков можно отнести к спиральям и концентрическим кругам разных начертаний, из-за чего рельефные фризы часто называют «спирально-концентрическими».

Прямых аналогий великентским знаковым фризам за пределами СВ Кавказа нет, но отметим, что на всей территории распространения куро-аракских (варианты – «транскавказских», «хирбет-керакских» и т.п.) памятников (от СВ Кавказа до Южного Кавказа и далее на юг – до Восточной Анатолии, СЗ Ирана и Леванта), на глиняной посуде встречаются одиночные

¹ Доклад продолжает тему, озвученную нами в 2020 г. на XXXI Крупновских чтениях в Махачкале.

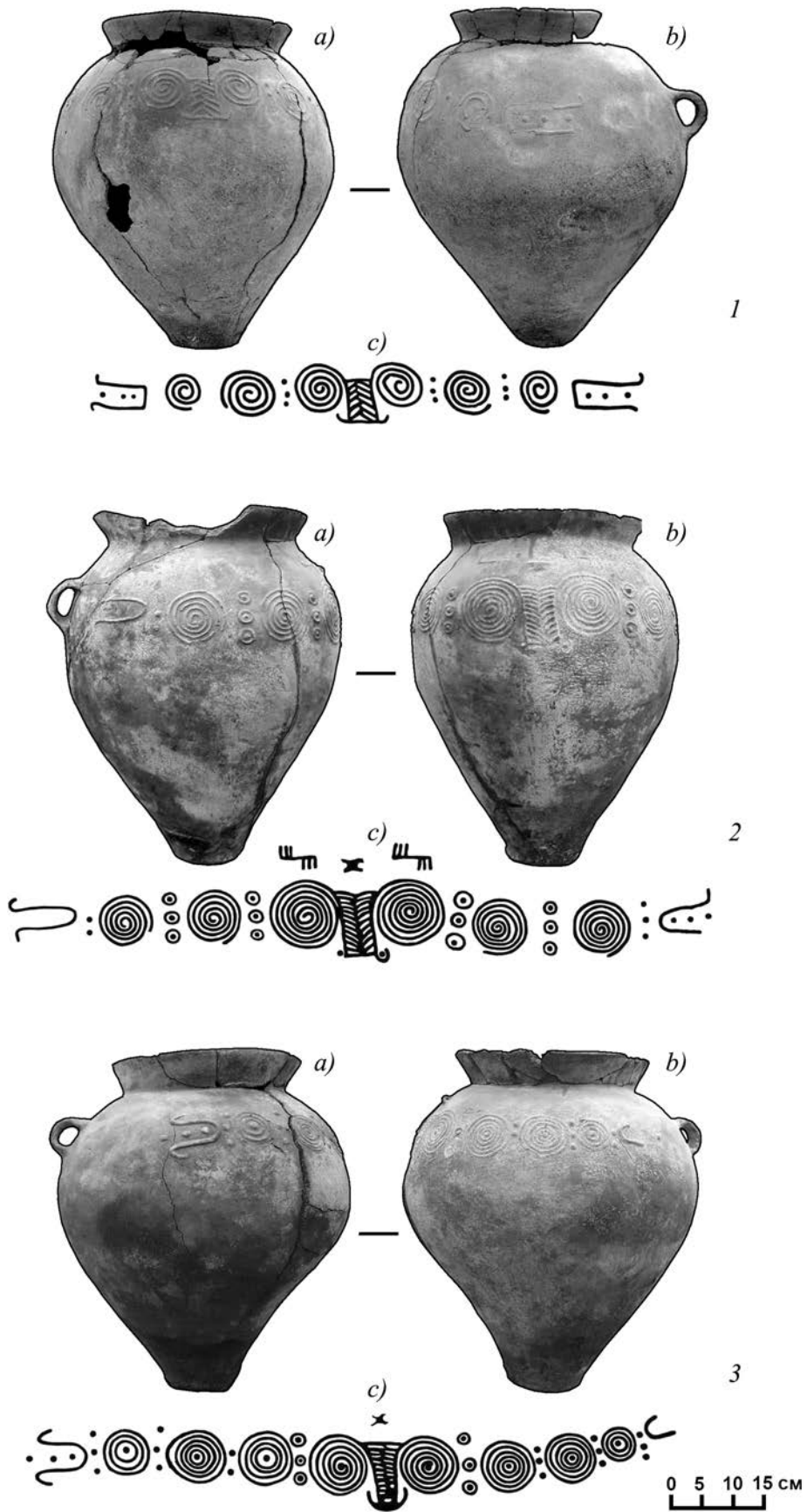

Рис. 1. Сосуды со знаковыми фризами из Великентского поселения I (Земовар Тепе), раскопки 2005 г.

или в составе композиций знаки, похожие на великентские. По своему начертанию – это разные варианты концентрических кругов и фигуры в виде двойной спирали, сходной с центральным знаком в «дагестанских» композициях. Типологически «дагестанские» сосуды со знаками близки к кувшинам с рельефным орнаментом из Грузии, которых Н. Шаншашвили (2017. С. 45. Табл. VII–XI) отнесла «к поздней фазе развития (XXV–XXIV вв. до н.э. – *P.M.*) трехруких кувшинов», посчитав, что «они предназначались для погребальных ритуалов или являлись сакральными хранилищами в святилищах».

«Дагестанские» сосуды с рельефными знаками встречены только в поздних комплексах великентских памятников, относимых к СБ (конец III – нач. II тыс. до н.э.). Это финальный этап развития великентской «куро-аракской» культуры, когда ее ареал распространения практически сузился до узкой полосы Приморской равнины. Отдельные знаки композиций изредка встречаются на керамических сосудах предшествующих этапов развития великентской культуры, датируемых РБ (сер. IV – сер. III тыс. до н.э.).

По вопросу семантической трактовки великентских рельефных фризов есть разные мнения. Обычно их воспринимают как разновидность керамического орнамента. А.П. Круглов первым обратил внимание на то, что рельефная решетчатая двойная спираль на фрагменте керамики из Каякента скорее имеет «смысловое изображение» нежели просто орнаментальное (Круглов, 1959). Аналогичную фигуру в составе наклепного лицевого фриза на тарном сосуде из гончарной печи в Великенте В.Г. Котович посчитал как изображение барана (Котович, 1959). Есть также мнения о синкретическом характере фигуры двойной спирали («древо жизни» / антропо-зооморфный образ или «богиня плодородия») в композициях на куро-аракской керамике из Дагестана (Гаджиев, 1990; Дебилов, 1990). Отметим также точку зрения С.О. Хан-Магомедова (Хан-Магомедов, 2000), который наряду со сюжетом «древо жизни», в то же время видел в ней разновидность негативного лабиринта. Впервые центральные фигуры в виде двойной спирали в контексте соответствующих рельефных композиций рассмотрел М.Г. Гаджиев, предположив, что последние могли служить в качестве идеограмм, оберегов.

В целом мы поддерживаем точку зрения Н. Шаншашвили о трактовке знаков на глиняных сосудах (реже – на глиняных подставках, очагах и антропоморфных фигурках) эпохи РБ из Грузии как свидетельства бытования сакрального пиктограммного «письма». Но в отличие от нее, отрицающей системность подобных знаков, мы считаем, что великентские рельефные знаковые фризы выступают как образцы особо структурированной сакральной знаковой системы с непонятной до конца семантикой. Рискнем все же предположить, что подобные крупные тарные сосуды использовались как емкости для хранения, в первую очередь, алкогольных напитков типа пива (браги, бузы и т.п.). В этом плане интересны многочисленные разработки ученых об использовании первобытными людьми в процессе вхождения в транс (состояние измененного сознания) препаратов алкогольного (пиво, вино, кумыс...) и/или наркотического (опиум, конопля, мандрагора, грибы и т.п.) характеров (см.: Sherratt, 1997; Sagona, Sagona, 2001; 2009; Yakar, 2016). В русле сказанного, вряд ли можно считать случайными многочисленными близости и совпадения «орнаментальных» мотивов на куро-аракской глиняной посуде с геометрическими фигурами и линейно-точечными объектами, зафиксированными в ходе 3-й ступени экспериментального вхождения волонтеров в состояние транса (измененного состояния сознания).

Опыты применения сакральной знаковой системы на финальном этапе «Куро-Аракса» в Дагестане не исчезли бесследно; их явные следы мы находим позднее в материальной и духовной культуре местного населения. Мотивы «Древа жизни», спиралей, разных солярных изображений наблюдаются на керамике вплоть до этнографической реальности, а также на средневековых петроглифах, надмогильных камнях, на стенах и в интерьере жилищ (штукатурка стен, камин, центральные столбы, лари, поставцы, деревянная посуда и т.п.).

Литература

- Гаджиев М.Г.* 1990. К изучению искусства ранних земледельцев Дагестана // Памятники древнего искусства Дагестана. Махачкала.
- Гобеджишвили Г.* 1952. Археологические раскопки в Советской Грузии. Тбилиси. С. 45. (Груз. яз.).
- Дебилов П.М.* 1990. Семантика мотива трехчастной композиции в рельефном орнаменте некоторых сосудов эпохи бронзы Дагестана // Памятники древнего искусства Дагестана. Махачкала.
- Котович В.Г.* 1959. Новые археологические памятники Южного Дагестана // МАД. Т. I. Махачкала.
- Круглов А.П.* 1958. Северо-Восточный Кавказ во II–I тыс. до н.э. // Древние племена и народности Кавказа / МИА. Вып. 68.
- Куфтин Б.А.* 1948. Археологические раскопки 1947 года в Цалкинском районе. Тбилиси.
- Хан-Магомедов С.О.* 2000. Дагестанские лабиринты. М.
- Чубинишвили Т.Н.* 1971. К древней истории Южного Кавказа. I. Мецниереба.
- Шаншашвили Н.О.* 1999. Знаки и символы на керамике куро-араксской культуры. Тбилиси.
- Шаншашвили Н.О.* 2000а. Архетип Великой Богини и его символические изображения в куро-араксской культуре // Дзиебани. №1 Тбилиси. – (На груз. яз.; рез. на нем. яз.).
- Шаншашвили Н.О.* 2000б. «Трехчастные композиции» в орнаменте куро-араксской культуры // Дзиебани. №5. Тбилиси. – (На груз. яз.; рез. на англ. яз.).
- Шаншашвили Н.О.* 2017. К вопросу о распространении одного типа керамики эпохи ранней бронзы из Грузии // «Мецаморские чтения» I. Ереван.
- Burney Ch.* 1962. Excavation of Janik-Tepe, 1948–1949 // Iraq. Vol. XXIV.
- Sagona C., Sagona A.* 2009. Encounters with the Divine in Late Prehistoric Eastern Anatolia and Southern Caucasus // Studies in Honour of Altan Çilingirođlu. A Life dedicated to Urartu. On the Shores of the Upper Sea / Arkeoloji ve Sanat Yayinlari. – Istanbul.
- Sagona C., Sagona A.* 2011. The Mushroom, the Magi and the Keen-Sighted Seers // The Black Sea, Greece, Anatolia and Europe in the First Millenium BC // Colloquia Antiqua. I. – Leuven; Paris; Walpole, MA: Peeters.
- Sherratt A.* 1997. Econom and Sosiety in Prehistoric Euripe: Changing Perspectives. – Prinston; New Jersey: Prinston University Press.
- Yakar J.* 2016. Symbols and Abstract Motifs in Neolithic Art: More than just Fanciful Aesthetic Designs? // Anatolian Metal VII: Anatolia and neighbours 10.000 years ago. – Bochum.

ПЕРВЫЕ ИТОГИ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ПОСЕЛЕНИИ ПАШАТЕПЕ

Махмудова Вафа Азбар кызы

Национальная академия наук Азербайджана, г. Баку

В истекшем полевом сезоне Муганская неолит-энеолитическая экспедиция продолжила изучение поселения Пашатепе, начатые в 2022 г. Поселение находится на южном правом берегу р. Инджачай на западной окраине села Джафарханлы Джалилабадского района Республики Азербайджан. Памятник сохранился в виде округлого холма высотой 70 м и площадью около 0,8 га. В прошлый сезон предварительные раскопочные работы, начатые на южной окраине поселения на площади $7,5 \times 6$ м, были доведены до глубины 2,95 м. В истекшем сезоне с юго-западной стороны к нему была сделана прирезка площадью $4 \times 4,5$ м.

Культурный слой состоит из желтоватого суглинка с золистой примесью. Верхние горизонты отложений, в меру насыщенные остатками различных артефактов, главным образом остатками керамической посуды эпохи неолита, нарушены поздними средневековыми погребениями.

Керамика формована из глиняной массы с растительной примесью, что характерно для всей неолитической керамики Муганской равнины. Тут представлены остатки сосудов различной формы, размеров и назначения. Это в первую очередь фрагменты крупных широкогорлых кувшинов, чаш и казанов. Последние обычно снабжены кулачками-прихватками, что характерно для муганского неолита. При этом нередко кулачки моделированы в виде головы животного, стилизованных мужских и женских половых органов. Все это позволяет предполагать, что помимо функционального назначения они имели и сакральный смысл.

Сосуды плоскодонные, формованы от руки ленточным и лоскутным методом. Достаточно ровно и качественно обожжены. Поверхности их в подавляющем большинстве покрыты ангобом светлых тонов, в зависимости от формы и назначения сосуда с одной или двух поверхностей. Встречаются и остатки образцов, покрытых геометрической росписью, нанесенной в большинстве случаев бурым цветом, полученным из битума.

Помимо керамики, безусловно представляющей большинство находок, были найдены предметы из кости и камня. Костяные изделия главным образом представлены проколками из трубчатых костей мелких животных, обработанных в зависимости от предназначения различным образом. Помимо проколов, но в меньшем количестве, найдены ложила из трубчатой кости мелкого скота. Они сделаны с сохранением второго эпифиза, путем косога среза одного из концов, используемых как рабочая часть, приобретшего от этого выраженный блеск. Аналогичные проколки и ложила характерны для памятников муганского неолита. Вместе с тем найден предмет из клыка кабана, представленный в единственном экземпляре, аналогичному которому мы знаем из поселения Аликемяктепе, где он также представлен в единственном экземпляре. На памятниках муганского неолита нередко находки изделий из клыка кабана, но подобных предметов, помимо указанных, не найдено. Предварительное знакомство с этими предметами позволяет допускать, что они применялись в косметике. К тому же, наша находка сделана при костяке в женском погребении.

Каменные находки на поселении Пашатепе изготовлены из песчаника, кремня и обсидиана. Песчаник использовался для изготовления зернотерок, курантов, ступок и пестов, которых на исследуемом участке пока найдено немного. Чаще попадает кремень и обсидиан. Это и орудия, и различные отщепы, функциональное определение которых пока ждет своего исследователя.

Рис. 1. Остатки гончарной печи в раскопе на поселении Пашатепе

Конечно, для изготовления довольно большого количества керамических изделий требовались гончарные печи. Наши исследования пока выявили две печи. Одна сильно разрушена. Вторая сохранилась частично, но достаточно хорошо. На памятниках эпохи неолита гончарные печи не редкость. Много их и на исследованных памятниках муганского неолита – поселениях Аликемектепе и Полутепе. Для выявленной нами печи (рис. 1) мы имеем всего две аналогии, которые относятся к поселению Полутепе. На всех памятниках печи представлены двухъярусными конструкциями. Однако, в отличие от нашей находки и указанных печей на Полутепе, другие известные печи на муганских поселениях имеют иную конструкцию. У них нижний ярус представлен вытянутым желобом, с отходящими от него в обе стороны жарораспределительными продухами, выходящими в верхний ярус. Наша печь и две печи на Полутепе имеют одну емкость в нижнем ярусе, от которой по кругу в разные стороны отходят жарораспределительные продухи. К сожалению, о конструкции, перекрывающей верхний ярус, мы пока говорить не можем.

Характерной чертой неолитических памятников Муганской, Мильской и Гарабахской равнин являются погребения покойников на территории поселения под полами и между строениями. Хотя хорошо выраженной архитектуры мы пока не выявили, но положение найденных на Пашатепе погребений показывает, что оно не исключение из этого правила. За прошедшие два полевых сезона нами раскопано 12 погребений обитателей поселения Пашатепе в эпоху неолита.

Все они представлены труположениями. Тут и одиночные, и парные погребения, включающие взрослых и подростков, различного пола. Все погребенные уложены скорчено на боку, с различной степенью скорченности. Выраженных погребальных ям не наблюдается, хотя слабовыраженные впадины прослеживаются. Погребения часто сопровождалось частями жертвенных животных.

Интересной находкой наших исследований оказалась глиняная фигурка женщины. Подобные фигурки характерны для неолитических памятников, они выявлены и на поселениях Аликемяктепе и Полутепе.

Таковы на сегодняшний день наши данные о поселении Пашатепе. Первичный анализ полученных материалов и сопоставление их с другими известными поселениями Муганской равнины, в первую очередь со стационарно исследованными поселениями Аликемяктепе и Полутепе, позволяет определить место поселения Пашатепе в этой системе. На основании наших сопоставлений мы можем уверенно отнести поселение Пашатепе к памятникам племен носителей традиции муганского неолита, занимающих узкую полосу, ограниченную с востока Каспийским морем, а с запада – подножием восточного склона Вураварского хребта, расчлененного небольшими реками и суходолами, спускающимися в сторону моря. Поселение Пашатепе, как и многие другие памятники этой традиции, приурочено к берегам данных водных артерий. Вместе с поселениями Инджачай, Аликемяктепе и Полутепе, оно входит в единую систему поселений, приуроченных к правому берегу р. Инджачай.

По мнению Т. Ахундова, эти памятники представляют относительно поздний этап в системе неолитических традиций Кавказа, что связано в первую очередь с поздним установлением геоклиматических условий, необходимых для расселения и хозяйства племен, обосновавшихся на этой равнине и выработавших и развивших традицию муганского неолита.

ПОЯСНАЯ ГАРНИТУРА НЕВИННОМЫССКОЙ КУЛЬТУРЫ КАК НЕСОСТОЯВШАЯСЯ ЦЕНТРОБЕЖНАЯ СИЛА

Мимоход Р.А.

Институт археологии РАН, г. Москва

Работа подготовлена в рамках НИР, № НИОКТР 122011200270-0

Невинномысская культура сформировалась в Западном и Южном Предкавказье на фазе становления блока посткатакомбных культурных образований (2200/2100 CalBC) (Мимоход, 2023). Ее территория вытянута вдоль кавказского хребта с юго-востока на северо-запад (рис. 1). В историографии эти древности прошли путь от кубанской культурной группы (Мимоход, 2006) до полноценной культуры (Мимоход, 2023). Время ее существования охватывает почти всю посткатакомбную эпоху, которая насчитывает три фазы: ПКБ (посткатакомбный блок) I, ПКБ II и ПКБ III в рамках 2200–1800 CalBC (Мимоход, 2022; Мимоход и др., 2022).

Культура обладает признаками определенной эклектичности, и это было подчеркнуто сразу при аргументации ее выделения (Мимоход, 2023). Черты синкретизма, которые в купированном виде проявляются как в обрядовом, так и инвентарном комплексе, придают невинномысской культуре в известном смысле неповторимый характер, выделяющий ее этим во всем посткатакомбном мире. И это хочется актуализировать на примере поясной гарнитуры из кости и рога, которая в посткатакомбную эпоху выступает четким культурно-хронологическим маркером.

Поясные пряжки и подвески являются одной из основ культурной идентификации и периодизаций как культурного круга Бабино (Литвиненко, 2020), так и культурного круга Лола (Мимоход, 2013).

Сразу следует обратить внимание на то, что в невинномысской культуре отсутствуют роговые антропоморфные фигурные пряжки кавказской и европейской традиций (Мимоход, 2018), которые маркируют самое начало фазы ПКБ I и являются прямыми свидетельствами миграционных процессов, охвативших в период «4.2 ka BP climatic event» (Wiess, 2016), в том числе и Восточную Европу (Мимоход, 2018a; Мимоход и др., 2022). Фазы ПКБ II и ПКБ III прекрасно отражены в поясных деталях рассматриваемой культуры. Их можно разделить на хорошо опознаваемые типы.

Тип 1 – круглая костяная пряжка прямая в сечении с одним отверстием и бортиком вокруг него (рис. 2, 8), тип ПА по классификации Р.А. Литвиненко для культурного круга Бабино (Литвиненко, 2020. Рис. 1). Эта категория изделий надежно маркирует начало фазы ПКБ II.

Тип 2 – круглая костяная пряжка прямая в сечении с двумя разновеликими отверстиями и бортиком вокруг центрального (рис. 2, 5–7), тип ПБ по классификации Р.А. Литвиненко для культурного круга Бабино (Литвиненко, 2020. Рис. 1).

Тип 3 – овальная костяная пряжка, изогнутая в сечении, с двумя разновеликими отверстиями и бортиком вокруг центрального (рис. 2, 1, 2), тип П по классификации Р.А. Литвиненко для культурного круга Бабино (Литвиненко, 2020. Рис. 1). Эти изделия надежно датируют фазу ПКБ III.

Тип 4 – костяная поясная подвеска округлой формы с одним маленьким отверстием в центре, тип Элиста-Калиновский (Калмыков, Мимоход, 2005). Это тоже позднейший вид поясной гарнитуры, маркирующий фазу ПКБ III.

Тип 5 – овальная костяная пряжка, изогнутая в сечении с двумя разновеликими отверстиями и бортиком вокруг центрального (рис. 2, 3). Специфика этого изделия заключается

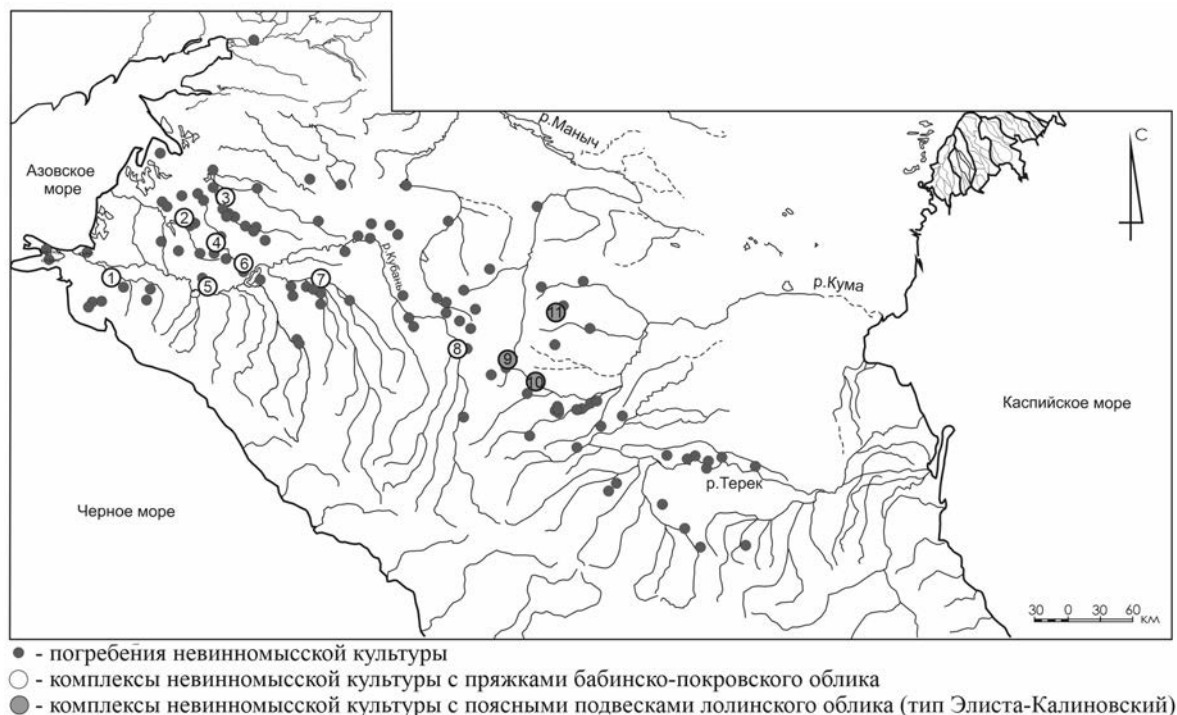

Рис. 1. Территория невинномысской культуры и памятники с поясной гарнитурой.

1 – Адагум 1 7/3; 2 – Олений I 2/8; 3 – Багуриная I 5/2; 4 – Красносельский 9 6/12, 10 2/2;
5 – Колос 2 1/17; 6 – Праздничный к. 1; 7 – Садовый 4/10; 8 – Невинномысский 1 13/6, Невинномысский 3 7/19; 9 – Николаевский 3 2/6; 10 – Ульяновский 1 3/5; 11 – Калиновский 2/2

в том, что малое отверстие входит в канал большого. Этот довольно редкий тип крепления встречается только в покровских комплексах начального этапа поздней бронзы (фаза ПКБ III) (Литвиненко, 2001. Рис. 2, 9, 10, 22; Мимоход, 2012. Рис. 2, 3, 5).

Тип 6 – можно назвать в известном смысле уникальным. Это обычное костяное кольцо (рис. 2, 4). Всего известно два комплекса: погребение днепро-донской бабинской культуры Кирпичный Бугор п. 3 (Отрощенко, 2001. Мал. 22, 10) и захоронение невинномысской культуры Невинномысский 1 13/6 (Илюков, Мячин, 2015). То, что это именно поясная гарнитура, а не кольца для пальцев, подтверждается их нахождением в обоих случаях на поясе при иной позиции рук. Стратиграфические данные уверенно свидетельствуют, что эти комплексы датируются фазой ПКБ III.

Несложно заметить, что все выше охарактеризованные типы демонстрируют вполне конкретную культурную специфику. Типы 1–3 – это изделия, характерные для культурного круга Бабино (рис. 2, 1–9). Тип 4 является одной из визитных карточек культурного круга Лола. Он представлен в материалах долинской и невинномысской культур (рис. 2, 10–12). Тип 5 происходит не из посткатакомбного, а другого («колесничного») мира. И только тип 6 пока не проявляет пока культурной специфики (рис. 2, 4).

Картографирование поясной гарнитуры невинномысской культуры выявляет интересные закономерности. Так, подавляющее большинство пряжек бабинских типов обнаружено в северо-западной части ее ареала (рис. 1). Здесь же найдена и поясная деталь покровского облика. Поясные подвески типа Элиста-Калиновский, наоборот, сосредоточены на юго-востоке невинномысской территории (рис. 1). Такое распределение не случайно. Поясная гарнитура культуры является одним из значимых маркеров выделения внутри нее двух локальных вариантов: юго-восточного (ЮВВ) и северо-западного (СЗВ) (Мимоход, 2023). Наличие этих вариантов, с одной стороны, обусловлено разной генетической подосновой их сложения, а с другой, контактами с соседними культурами. В случае с СЗВ речь идет о днепро-донской бабинской культуре и носителях покровских традиций, памятники которых соседствуют с

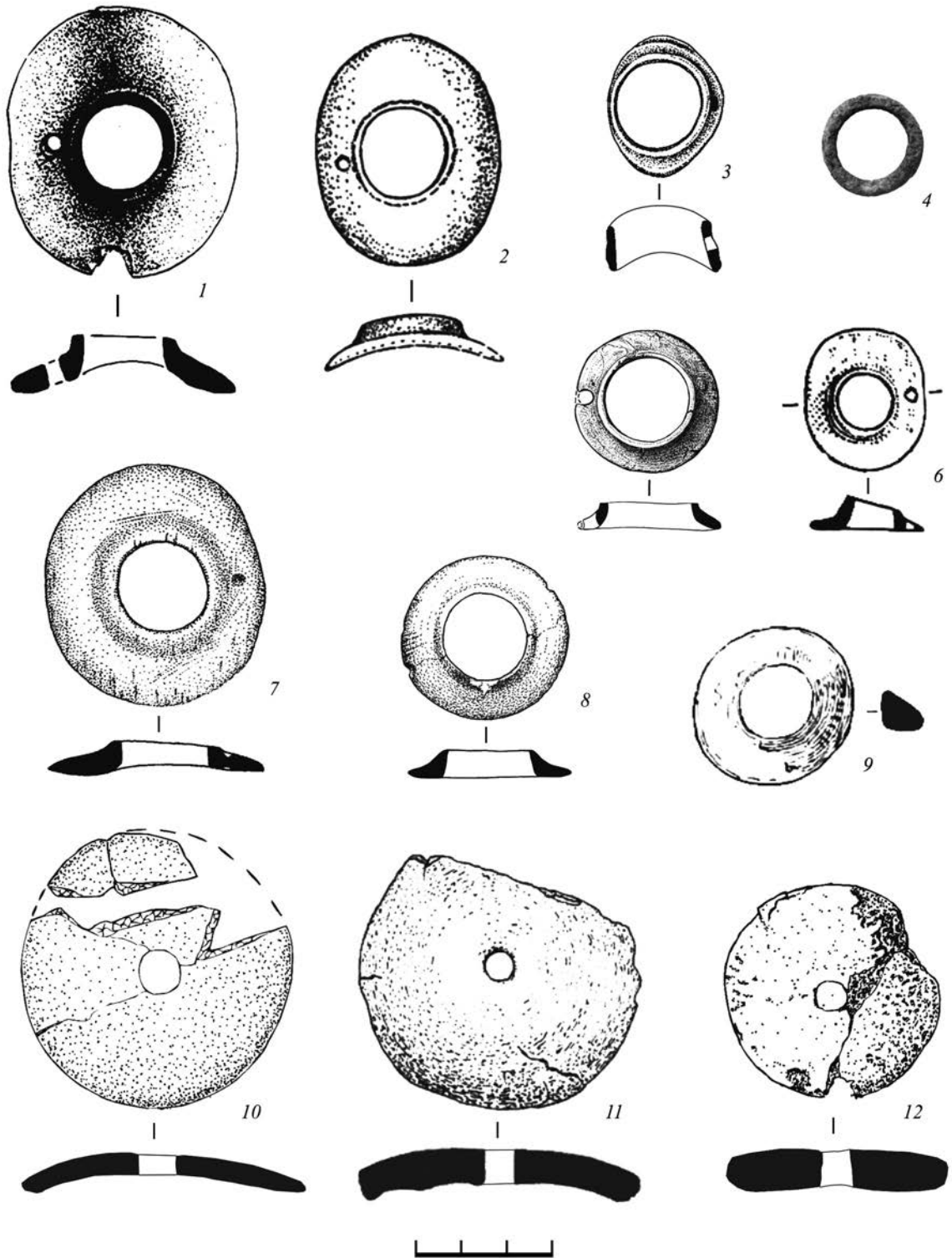

Рис. 2. Костяные поясные пряжки и подвески невинномысской культуры.

1 – Батуриная I 5/2; 2 – Садовый 4/10; 3 – Адагум I 7/3; 4 – Невинномысский 3 7/19;
 5 – Красносельский 10 2/2; 6 – Олений I 2/8; 7 – Колос 2 1/17; 8 – Невинномысский 1 13/6;
 9 – Праздничный к. 1; 10 – Ульяновский 1 3/5; 11 – Калиновский 2/2; 12 – Николаевский 3 2/6

невинномысской культурой с севера и запада, а в случае с ЮВВ мы говорим о лолинской культуре, ареал которой примыкает к нему с востока. Таким образом, с уверенностью можно констатировать, что наличие пряжек бабинско-покровских типов в северо-западной части ареала культуры – это результат контактов носителей невинномысских традиций с северными и западными соседями, а в юго-восточной части присутствие поясных подвесок типа Элиста-Калиновский обусловлено соответствующими контактами с восточным соседом. Впрочем, в последнем случае картина немного сложнее.

Казалось бы, столь подробный разбор проблемы должен привести читателя к вполне закономерному вопросу: а может быть вовсе и нет никаких локальных вариантов, и на северо-западе – это территория бабинской культуры, а на юго-востоке – лолинской. Но вот тут-то как раз и кроется своеобразие невинномысских памятников. Наличие инокультурной поясной гарнитуры зафиксировано в погребениях с классической невинномысской обрядностью, которая очень сильно отличается от бабинской и далеко не тождественна лолинской. Кроме того, в единое целое невинномысскую культуру консолидирует еще целый ряд магистральных признаков в керамическом комплексе, орудийном наборе и гарнитуре украшений (Мимоход, 2023). Будучи открытой для всесторонних связей с соседями, она не потеряла своего культурного своеобразия и даже, наоборот, одним из признаков специфичности невинномысских древностей как раз и стала восприимчивость к разнообразным новациям в синхронном плане, и поясная гарнитура яркое тому подтверждение.

Что не позволило ей раствориться в инокультурном окружении, вопрос отдельный. Так как мы сейчас говорим о бронзовом веке, то здесь решающую роль могли играть природно-территориальный аспект, который обуславливал культурно-хозяйственную модель. Если на это обратить внимание, то сразу станет заметно, что лолинская культура в аридных степях Северо-западного Прикаспия эксплуатировала овцеводческую модель хозяйства (Мимоход, 2013; Борисов, Мимоход, 2017), а в днепро-донской бабинской культуре уже существенную роль играл крупный рогатый скот (КРС). При оценке распределения костей крупного и мелкого (МРС) скота в невинномысских погребениях мы наблюдаем структуру созвучную тому, что демонстрирует картографирование поясной гарнитуры. Захоронения с костями МРС равномерно распределены по ареалу, а вот комплексы с останками КРС сосредоточены преимущественно на территории СЗВ, в то время как на территории ЮВВ мы наблюдаем полное доминирование МРС по этому признаку. Какой можно сделать из этого вывод? Бабинские и лолинские социумы привлекали только те территории, которые хоть как-то были пригодны для их хозяйственной модели, но не больше, и именно здесь формировались контактные зоны. Однако их попадание на эти территории показывало, что в полной мере они им не подходят ни в том, ни в другом случае, в то время как носители невинномысской культуры смогли создать эклектичную модель, которая органично учитывала существующие природные условия, а скотоводство уже начинало носить явные следы комплексности, причем, которые были еще далеки от бабинских, но уже явно превосходили лолинские, где однородность стада, фиксируемая по археологическим источникам, была налицо.

КОЛЕСНЫЙ ТРАНСПОРТ В ДРЕВНЕМ АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Музейбли Н.А.

Институт археологии и антропологии НАН Азербайджана, г. Баку

Начиная с периода халколита, демографический рост на Ближнем Востоке и Южном Кавказе, бурное развитие земледельческо-скотоводческого хозяйства, расширение связей между регионами привели к интенсивному перемещению и смещению обществ. Природные условия, экономический рост способствовали массовым миграциям, что обусловили появлению колесного транспорта, который являлся незаменимым средством передвижения в процессе миграции.

Эти события, начавшиеся еще с середины V тыс. до н.э., охватили и древние территории Азербайджана. В тот период расширялись межплеменные и межрегиональные связи, стал интенсивным обмен культурно-экономическими достижениями с Ближним Востоком. Фрагмент модели глиняного колеса того периода был найден на поселении Полутепе на Муганской равнине на юге Азербайджана (Ахундов, 2011. Рис. 4, 17), что является свидетельством использования колесного транспорта. Окружность колеса плоская, а центральная часть имеет выступы с обеих сторон. Эта модель является древнейшей подобной находкой на территории Азербайджана (рис. 1, 1).

Халколитический период ознаменовался интенсивными перемещениями в регионе Ближнего Востока и Южного Кавказа. В результате массовых миграций из Восточной Анатолии-Северной Месопотамии, начавшихся с конца V – нач. IV тыс. до н.э., на Южном Кавказе распространились совершенно новые традиции производства и погребальные обряды. Несомненно, использование колесного транспорта – повозок было необходимо при таких переселениях. В результате миграций на Южном Кавказе появилась лейлатепинская культура. Памятники этой культуры изучались преимущественно на территории Азербайджана. В лейлатепинской культуре, где в производстве керамики применялся гончарный круг, и была развита металлургия, также использовался колесный транспорт. Обнаруженные на памятниках этой культуры глиняные модели колес дают основание для такого вывода.

Носители культуры Лейлатепе использовали колесный транспорт, в процессе расселения на слабо освоенных оседлым населением равнинных территориях Южного Закавказья, и в хозяйственной деятельности, связанной с поисками новых источников сырья (металлов).

Модели колес найдены на поселениях Лейлатепе, Беюк Кесик и Пойлу II. Модель колеса, обнаруженная на Лейлатепе, была сделана из чистой глины, но не обожжена (Алиев, Нариманов, 2001. С. 47). Модель колеса из Беюк Кесик розового цвета была аккуратно изготовлена из глины с растительной примесью. Модель колеса, обнаруженная в Пойлу II (рис. 1, 2) изготовлена из глины с примесью песка (Müseyibli, 2020. S. 160).

В отличие от более раннего образца из Полутепе, обода моделей колес лейлатепинской культуры более тонкие. Их центральные части, изображающие «ступицы» выражены слабо, поэтому обе поверхности слегка плоские.

На следующем этапе, в период куро-араксской КИО (сер. IV тыс. – вторая пол. III тыс. до н.э.), скотоводство наряду с земледелием стало второй ведущей отраслью экономики. Расселение носителей этой общности на обширной территории от Кавказа до Ближнего Востока создало необходимость дальнейшего расширения межплеменных связей и использования колесного транспорта при перемещении на короткие и особенно дальние расстояния. Кроме того, быстрый рост поголовья мелкого рогатого скота в эпоху ранней бронзы обусловил возникновение отгонного скотоводства и освоение высокогорных территорий скотоводческими

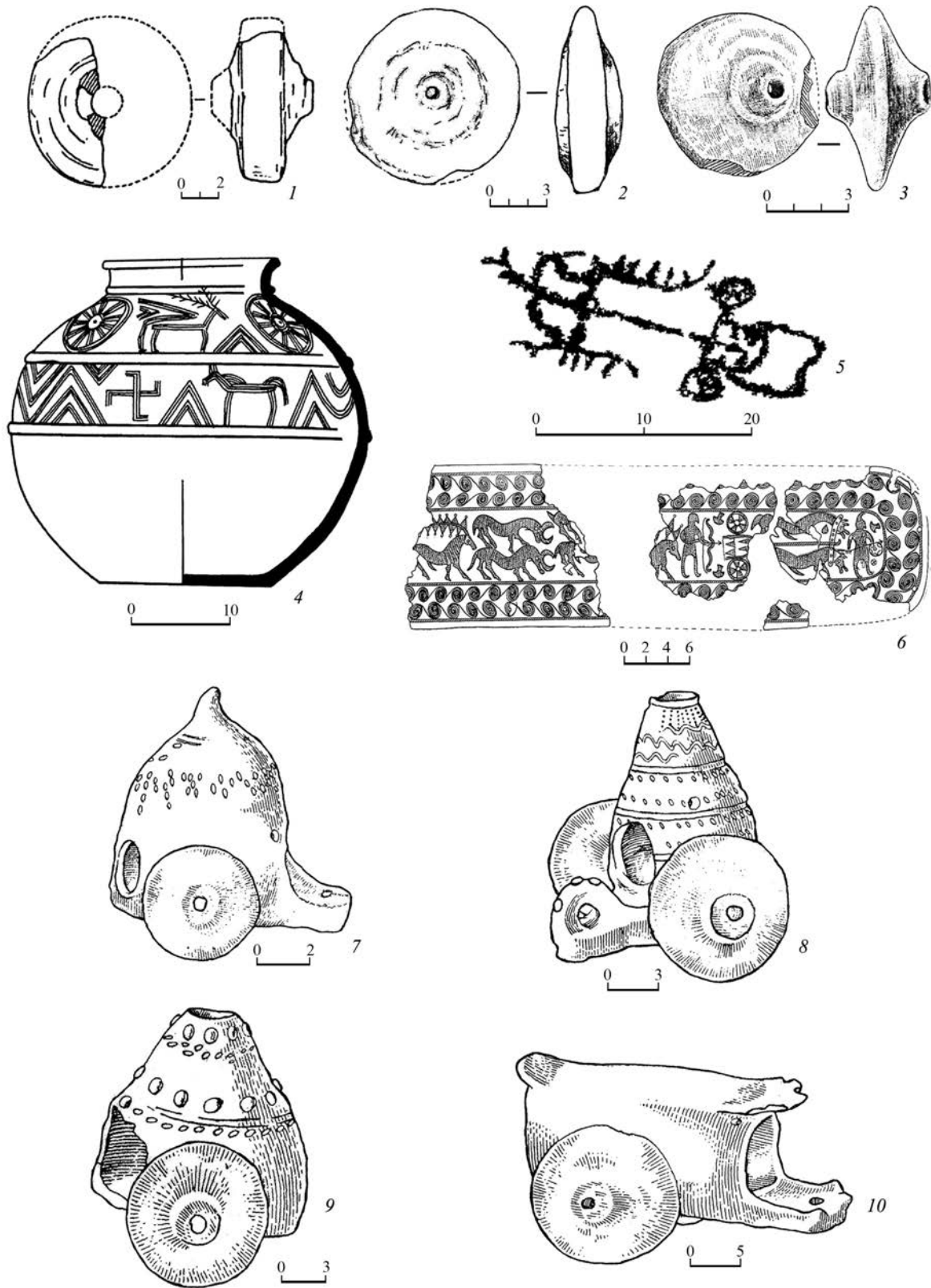

Рис. 1. Модели и изображения колесного транспорта. 1 – Полутепе; 2 – Пойлу II; 3 – Серкертепе; 4 – Гараджамирли; 5 – Г'ямияга; 6 – Хачбулаг; 7–10 – Мингячевир

племенами. Процессы перекочевки в горы и обратно, в свою очередь, еще больше стимулировали использование колесного транспорта – повозок. Модели колес из глины обнаружены на большинстве поселений этого периода (Кюльтепе I, Серкертете, Гаракептепе и др.) (Абибуллаев, 1982; Мусаев, 2006; Исмаилзаде, 2008).

Формы колес раннего бронзового века (рис. 1, 3) отличаются от более ранних моделей культуры Лейлатепе тем, что они выполнены более реалистично. В их центральной части отчетливо выделены «ступицы». С этой точки зрения они напоминают образец колеса из поселения Полутепе. Однако, эти модели колес имеют сужение к ободу колес, что отмечалось для моделей культуры Лейлатепе.

В эпоху средней бронзы – в конце III тыс. – середине II тыс. до н.э. с развитием всех сфер экономики, культурно-экономические связи еще больше усилилось использование колесного транспорта. Модели глиняных колес, найденные на поселениях средней бронзы, имеют биконическую форму и изготовлены более грубо, чем модели колес эпохи ранней бронзы. В течение этого периода использовались четырехколесные повозки, запряженные волами. В конце эпохи средней бронзы появляются двухколесные повозки, запряженные лошадьми. Интересные находки в этом отношении были выявлены в курганах Гараджамирли, раскопанных на западе Азербайджана (Гусейнова, 2011). В этих курганах, наряду с деталями таких повозок и остатками конских скелетов, был обнаружен керамический сосуд с изображениями, имитирующими повозки, а также лошади и оленя в качестве тягловой силы (рис. 1, 4).

В эпоху поздней бронзы-раннего железа в регионе Южного Кавказа в целом наблюдается высокий демографический рост, лидирующие позиции заняло скотоводство. Экономические и культурные связи с другими странами еще больше расширились, являющее скотоводство стало интенсивным за счет роста поголовья мелкого рогатого скота. В связи с этими связями и миграциями особенно расширилось применение колесного транспорта. При этом эти средства перемещения дополнительно совершенствовались. Хотя основной тягловой силой были быки, участились случаи использования и лошадей, особенно в двухколесных колесницах. Изображения таких боевых колесниц с лошадьми обнаружены в петроглифах Гямигая (рис. 1, 5) в Ордубадском районе (Əliyev, 1993) и на бронзовом поясе (рис. 1, 6), обнаруженном в каменном ящике № 4 Хачбулагского некрополя в Дашкесанском районе (Кесаманлы, 1966).

В грунтовых погребениях Мингячевира XI–IX вв. до н.э., со скорченными захоронениями на боку, найдены четыре глиняные модели повозок, изображающие передвижные жилища (кибитки), которые использовались в период кочевья (Sadıxzadə, 1962). Каждая из этих моделей повозок имеет по два колеса. Поверхности моделей орнаментированы насечками, врезными волнистыми линиями и точечными налечами (рис. 1, 7–10). Эти модели, выполненные в реалистичном стиле, создают наглядное представление о колесном транспорте того времени.

Таким образом, начиная с эпохи халколита и вплоть до позднего бронзово-раннего железного века, колесный транспорт, в Закавказье прошел длительный эволюционный путь, обусловленный развитием хозяйства и культурно-экономических связей.

Литература

- Абибуллаев О.А. 1982. Энеолит и бронза на территории Нахичеванской АССР. Баку.
- Алиев Н., Нариманов И. 2001. Культура Северного Азербайджана в эпоху позднего энеолита. Баку.
- Ахундов Т.И. 2011. Памятники Муганской степи и предпосылки расселения ранних земледельцев на Южном Кавказе в эпоху неолита-энеолита // *Stratum plus*. № 2.
- Гусейнова М. 2011. Из истории Южного Кавказа. Ходжалы-гедабекская культура Азербайджана (XVI–IX вв до н.э.). Баку.
- Исмаилзаде Г. 2008. Азербайджан в системе раннебронзово-железного века. Баку.
- Кесаманлы Г.П. 1966. Погребения с бронзовым поясом из Хачбулага // *СА*. № 3.
- Мусаев Д. 2006. Серкертете – поселение эпохи ранней бронзы. Баку.
- Əliyev V. 1993. Gəmiqaya abidələri. Bakı.
- Müseyyibli N. 2020. Leylatəpə mədəniyyəti. Bakı.
- Sadıxzadə Ş. 1962. Azərbaycanın qədim nəqliyyat vasitələrinə dair // *Azərbaycan tarixinə dair materiallar*. Bakı.

КЕРАМИКА ИЗ ПОСЕЛЕНИЯ МАХТА I И ЕЕ МЕСТО В СИСТЕМЕ КУРО-АРАКСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ОБЩНОСТИ

Мустафаева Н.В.

Институт археологии и антропологии НАН Азербайджана, г. Баку

Поселение Махта I находится на территории Шарурского района Нахчыванской АР, на высоте 803 м над уровнем моря. Данный археологический объект по расположению и характеру обнаруженного здесь материала является типичным памятником эпохи ранней бронзы. На основе радиоуглеродного анализа определено, что поселение Махта I возникло в интервале 3316–2931 гг. до н.э.

Первые археологические исследования данного памятника были проведены в 1988–1989 годах. Последовательно проведенные в 2008–2015 гг. раскопочные работы позволили изучить особенности культурного слоя памятника более тщательно. В результате археологических раскопок на памятнике Махта I были выявлены строительные остатки, керамические изделия, каменные и костяные орудия (Aşurov et al., 2020. S. 5–6).

Керамический материал из памятника Махта I, отражающий особенности керамики эпохи ранней бронзы, весьма разнообразен (рис. 1). Сюда относятся кувшины, кувшинчики, маслобойки, крышки, сковородки, светильники, очажные подставки, глиняные фигурки, токены и другие изделия. Как и в других памятниках куро-аракской культуры, на поселении Махта I большая часть обнаруженной керамики представлена сосудами черного, бурого, серого и коричневого цветов. Внешняя поверхность большей части сосудов обработана лощением (Aşurov et al., 2015. S. 10). Для большинства памятников куро-аракской культуры свойственны керамические сосуды, имеющие черное лощение внешней поверхности. Для внутренней поверхности сосудов отмечается отсутствие лощения и серый, либо розовый цвет черепка (Aşurov, 2002. S. 21–23). Чернолощенные сосуды отмечены на памятниках Карабаха раннебронзового периода (İsmayılov, 1981. S. 15–16), аналогичная керамика была обнаружена на поселении Кюльтепе I (Абибуллаев, 1982. С. 125–126), Баба-Дервиш (Исмаилов, 1977. С. 22–25), в памятниках Гобустана раннебронзового периода (Muradova, 2011. S. 42–45), в поселении Чаггалыгтепе (Aşurov et al., 2018. S. 12–17). За пределами современного Азербайджана близкая керамика была обнаружена на поселении Амиранис-гора (Чубинишвили, 1963). Восточно-анатолийская ветвь куро-аракской культуры характеризуется керамическими сосудами с черной, красной или же коричневой поверхностью, которые имеют более бледный цвет черепка с внутренней стороны сосудов (İşikli, 2011. S. 69).

Большинство сосудов куро-аракской культуры изготовлено методом ручной лепки, с применением ленточной техники и с использованием грубой ткани и циновок (Aşurov, 2002. S. 27–28). Только на позднем этапе данной культуры может быть отмечено использование гончарного круга. Керамические сосуды из памятников Гобустана эпохи ранней бронзы также, в основном, изготовлены ленточным методом и с применением гончарного круга (Muradova, 2011. S. 42). Керамическое тесто сосудов содержит примесь песка и мелко раздробленного камня. Лишь у незначительной части сосудов отмечено наличие растительной примеси. Керамика с добавками соломы в тесте отмечена на поселении Овчулартепеси (Вахşəliyev et al., 2010. S. 16), Кюльтепе II Нахчывана (Абибуллаев, 1963. С. 162–163), Арабьенгидже (Вахşəliyev, 2008. S. 37). Фрагменты керамики с примесью соломы в тесте обнаружены также на поселении Чаггалыгтепе (Aşurov et al., 2019. S. 144).

Одним из важных атрибутов керамических сосудов куро-аракской культуры являются полусферические ручки. Можно предположить, что предшественниками данной формы ручек

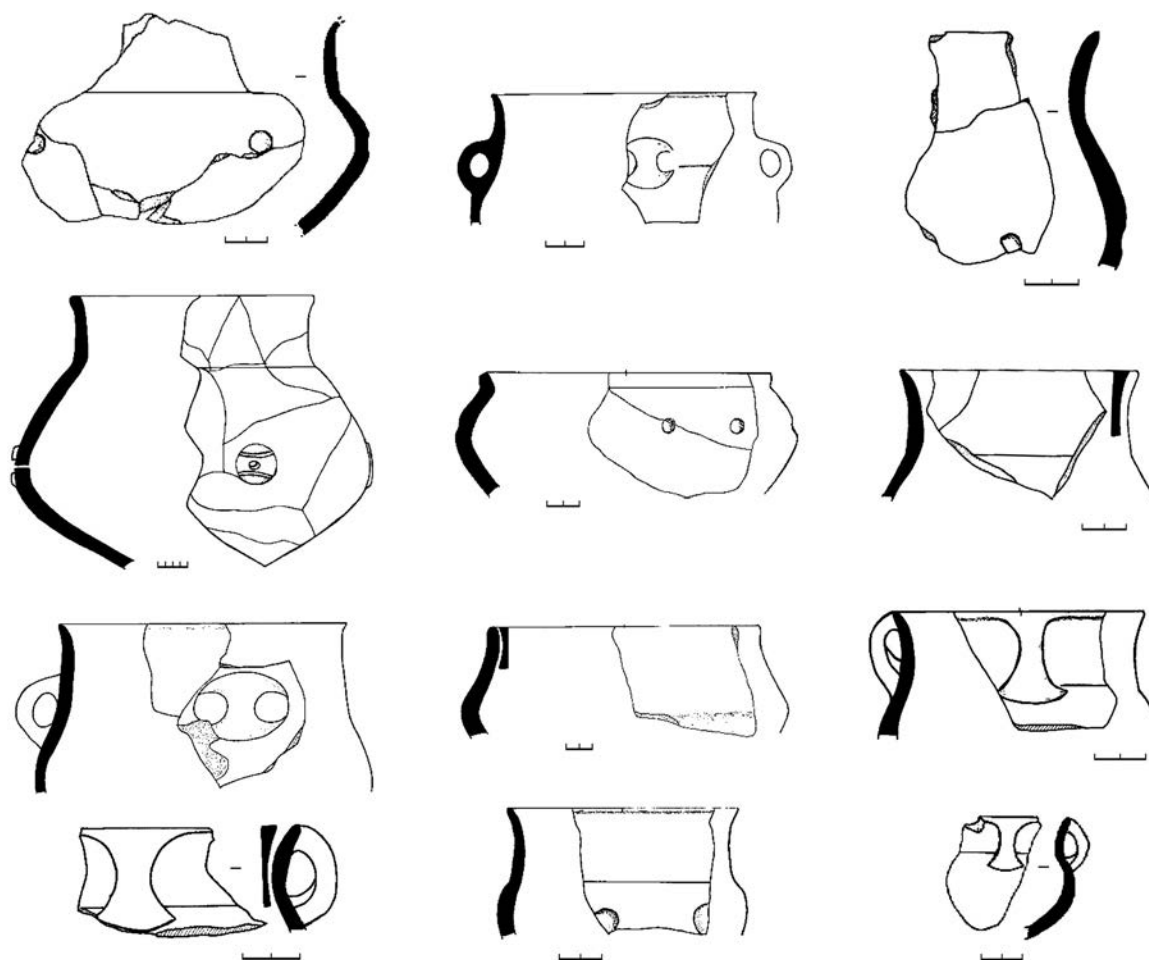

Рис. 1. Образцы керамики из поселения Махта I

являются шишкообразные налепы, которые встречаются на сосудах эпохи энеолита (Aşurov, 2002. S. 25–26). Г. Исмаилзаде указывает на нахождение ручек такой формы в памятниках эпохи ранней бронзы Гуручайской и Кенделенчайской долин, но при этом он отрицает связь этих сосудов с энеолитической керамикой и отмечает появление их в эпоху ранней бронзы (Исмаилзаде, 2008. С. 93). В дальнейшем встречаются овальные, полусферические, а на позднем этапе и рудиментарные формы ручек. Также ручки известны на памятнике Баба-Дервиш (Исмаилов, 1977. С. 39) и на ряде поселений Восточной Анатолии, таких как Караз (Kosay, Turfan, 1959), и ряда других поселений из района Карса, Эрзурума, Вана (İşikli, Yardımcıel, 2017. S. 6).

Особую группу керамического материала эпохи ранней бронзы из памятника Махта I составляет орнаментированная керамика. Сосуды имеют гребенчатый, врезной, вдавленный, налипной, а иногда гравированный декор. Для памятников раннего этапа характерны налепы, которые можно трактовать как продолжение традиции шишкообразных налепов, известных еще на керамике эпохи энеолита. Среди орнаментальных мотивов исследуемой культуры наиболее часто встречается изображение спирали (Aşurov et al., 2020. S. 33–34).

На поселении Махта I также были обнаружены зооморфные фигурки, составляющие важную часть керамических изделий этого памятника. Зооморфная пластика воспроизводит изображения овикапридов, эквидов и КРС. Аналоги этим зооморфным изображениям выявлены на карабахских памятниках Гаракепектепе, Гюнештепе, Узунтепе, Мейнетепе и др. (Исмаилзаде, 2008. С. 106–107).

Также, важнейшей находкой из этого поселения могут считаться обнаруженные здесь мелкие глиняные предметы округлой и конусообразной формы. Предполагается, что эти

предметы могут быть интерпретированы как токены, которые использовались при процессе обмена (Aşurov et al., 2020. S. 22).

Комплексное изучение материалов из Махта I позволяет получить представление о роли этого бытового памятника в системе поселений куро-аракской культурной общности.

Литература

- Абибуллаев О.А.* 1963. Некоторые итоги изучения холма Кюль-тепе в Азербайджане // СА. № 3.
- Абибуллаев О.А.* 1982. Энеолит и бронза на территории Нахичеванской АССР. Баку.
- Исмаилзаде Г.С.* 2008. Азербайджан в системе раннебронзовой культурной общности Кавказа. Баку.
- Исмаилов Г.С.* 1977. Археологические исследования древнего поселения Баба-Дервиш. Баку.
- Чубинишвили Т.Н.* 1963. Амиранис-гора. Тбилиси.
- Аşurov S.H.* 2002. Naхçivanın ilk tunc dövrü keramikası. Bakı.
- Aşurov S.H., Hüseynova S.A., Əliyev F.A., Əliyev E. H., Əzizov K.Ş., Qasımlı V.A., Abdullayeva A.Q.* 2015. Şəhur arxeoloji ekspedisiyasının 2014-cü il tədqiqatları. Bakı.
- Aşurov S.H., Hüseynova S.A., Əliyeva F.A., Nəhmətova İ.A., Məmmədova N.V.* 2018. Şabran arxeoloji ekspedisiyasının 2017 – ci il tədqiqatlarının hesabatı. Bakı.
- Aşurov S.H., Hüseynova S.A., Əliyeva F.A., Nəhmətova İ.A., Məmmədova N.V.* 2019. Şabran arxeoloji ekspedisiyasının 2018 – ci il tədqiqatlarının hesabatı. Bakı.
- Aşurov S.H., Hüseynova S.A., Əliyeva F.A.* 2020. Maхта ilk tunc dövrü abidəsi. I kitab. Bakı.
- Baxşəliyev V.B.* 2008. Naхçivanın arxeoloji abidələri. Bakı.
- Baxşəliyev V.B., Marro C., Aşurov S.H.* 2010. Ovçulartəpəsi. Bakı.
- Muradova F.M.* 2011. Qobustan tunc dövründə. Bakı.
- İsmayılov Q.S.* 1981. Quruçay və Köndələnçay vadisində qədim mədəniyyət izləri. Bakı.
- İşıklı M.* 2011. Doğu Anadolu Erken Transkafkasya kültürü. Çok bileşenli gelişkin bir kültürün analizi. İstanbul.
- İşıklı M., Yardımcıel A.* 2017. Kura-Araxes pottery from Kars museum: a corpus study // Studies in Caucasian archaeology. Vol. 3.
- Kosay H., Turfan K.* 1959. Erzurum Karaz kazisi raporu // TTK Belleten. C. 23. Sy. 91.

CERAMICS OF NORTHEASTERN AZERBAIJAN OF THE EARLY BRONZE AGE AND THEIR CAUCASIAN PARALLELS

Nahmatova I.A.

Institute of Archaeology and Anthropology of ANAS, Baku

The features that distinguish the archaeological cultures from each other are manifested in the building material and structure, as well as in the ceramic products. Differences in ceramics are measured by the colour of the clay, the technique of preparation, the shape and pattern of the vessels, and the level of polishing. These features distinguish cultures from each other, but at the same time, they can also show differences in different areas where an archaeological culture exists.

The ware of the Kura-Araxes culture, characteristic of the Early Bronze Age, was gray, brown, black, and red, sometimes polished to a shine. In some of them, the gray lining layer is clearly visible from the inside. In general, black and red glazed vessels are considered typical for the studied period (Aşurov, 2002. S. 21) One of the characteristic features of Early Bronze Age pottery is that it has hemispherical handles. Despite the fact that they underwent certain changes in form at different stages of culture, the handles kept their content. In the later stages of the period, the base of the handles is oval. In the third stage, the handles take a full hemispherical shape (Aşurov, 2002. S. 24).

However, these features are different in the Early Bronze Age monuments recorded in the northeastern region of Azerbaijan. Five settlements included in the Chaggallitepe monument complex, Serkertepe (Mycaev, 2006. C. 6), Mollaburkhantepe (Mycaev, 2013. C. 109.), Gaflatepe I, II, Govdishantepe II, Boyuktepe I, II (Mycaev, 2006. C. 16–17) and etc. belong to this series.

Black-burnished vessels, characteristic to the Kura-Araxes culture, are rarely found in the Chaggallitepe settlement. Most of the pottery are brown, gray and glazed. However, pottery in Chaggallitepe II differs from Chaggali I in terms of form and quality. According to their colour, they are mostly black, well polished, like Nakhchivan materials. The colours of the pots found in Serkertepe are also different. Yellowish-brown, red, light and dark-gray, sometimes pink-lined pottery pieces are found here (Mycaev, 2006. C. 34).

The vessels of the Chaggallitepe settlement were made by hand, and there are no traces of the using of a potter's wheel. Some of the vessels were made by the "sack" method. Later, the pots were plastered and polished from the inside. These signs show that weaving is highly developed in Early Bronze Age. Traces of fine woven fabric are clearly visible on pots with broken linings. There are also samples made by tape method from the monument. In the Novo-Gaptsakh monument, sequential slabs were used for making pots (Kohl, Magomedov, 2014. P. 106). Some of the boilers were covered with plaster. This typed were also found in the Serkertepe monument (Mycaev, 2006. C. 36). Plastered vessels were found in the North Caucasus from the middle of the III millennium BC (Магомедов, 2008. C. 690). In contrast to the northeastern Azerbaijan, signs of the using of the potter's wheel are found in the North Caucasus during this period. Black-polished, well-baked "clinky" vessels, with incised decoration and evidently made on a wheel, are known from the Kura-Araxes culture layer of Karasutepe. Such vessels are called Velikent 2 Ware. (Kohl, Magomedov, 2014. P. 103)

Along with hemispherical handles, which are considered important elements of Kura-Araxes culture, loop-shaped handles on the middle parts of vessels were fixed for the Early Bronze Age monuments of northeastern Azerbaijan. This type of handles were also recorded in the Serkertepe settlement (Mycaev, 2006. C. 38, 40). Handles with troughs in the middle and butterfly-shaped rudimentary handles are mostly found on bowl and vase type vessels. Slightly different forms of butterfly-shaped, hemispherical handles were also found in Kabaz-Kutan and Velikent III sites (Gadzhiiev

et al., 2000. P. 54, 102, 104. Fig. 7, 58, 60). Some of the vessels discovered from Chaggallitepe have wide, flat swelling protrusions that serve as handles on the neck parts or on the edges of the mouth. Horizontal holes are found on some of these types of protrusions. This typed handles are also found in Mollaburkhantepe (Мусаев, 2017. С. 114–115).

The ceramic dishes obtained from the monuments of Chaggallitepe were mainly patterned by the method of sticking, incising and pressing. The same situation have been observed in the

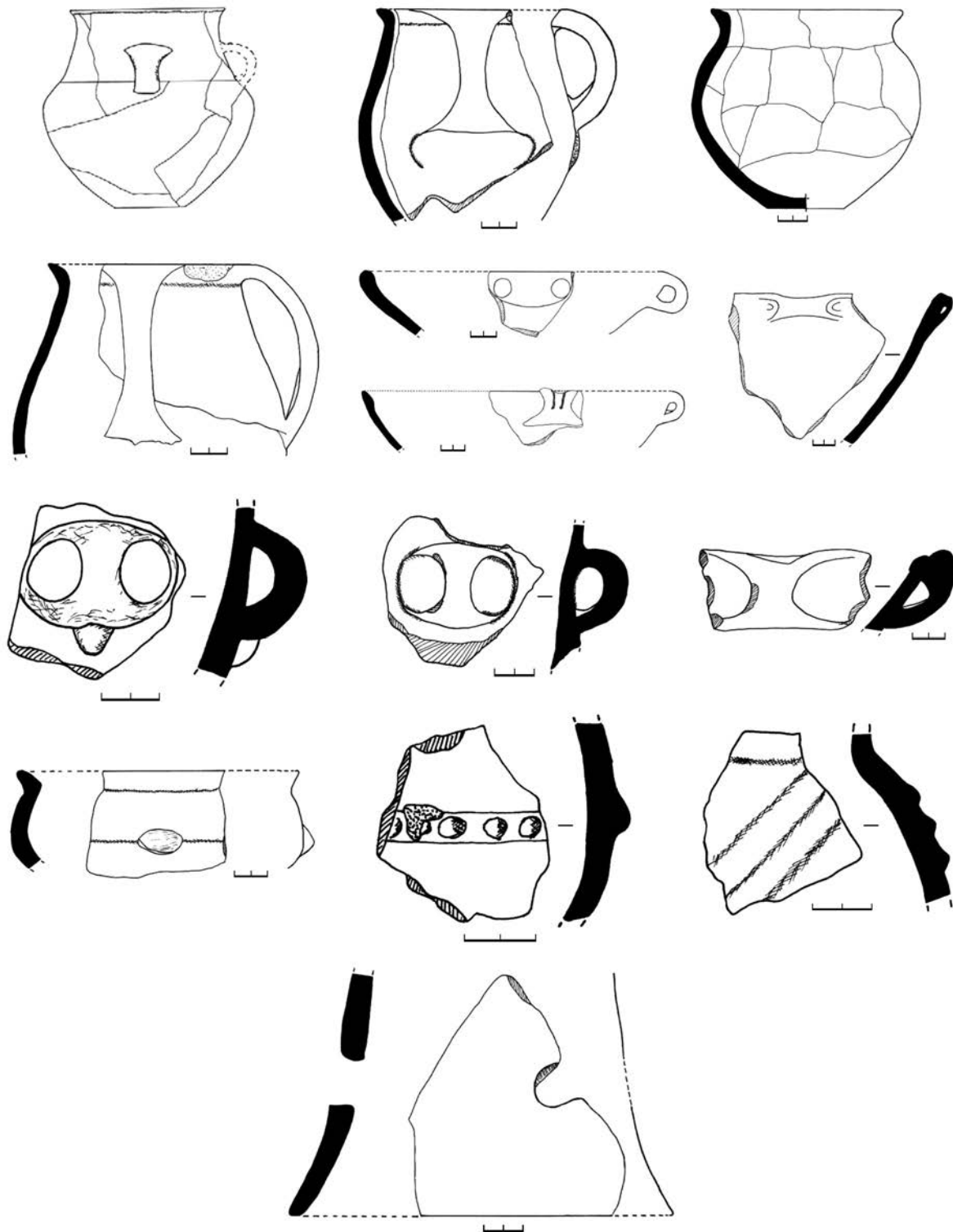

Fig. 1. Ceramic samples from Chaggallitepe I (Shabran district, Azerbaijan)

Serkertepe monument (Мусаев, 2006. С. 34). Sticking patterns are mainly found in large-sized jars in Mollaburkhantepe (Мусаев, 2017. С. 115).

Clay objects – tokens, used as units of number and measurement in Western Asia during the exchange until the end of the 4th millennium (Aşurov, Əlimirzəyev, 2013. S. 35–36), were found only in Chaggallitepe I from the monuments of the Kura-Araxes culture of the Early Bronze Age in northeastern Azerbaijan.

According to the analysis of C 14 from Chaggallitepe I, it is known that the settlement functioned from 2886 to 2476 BC. The monuments of the Velikent-typed Kura-Araxes culture date back to 3500–1900 B.C. This historical framework is divided into 4 stages (Магомедов, 2008. С. 694)

Taking into account the mentioned above, it can be said that the materials of the Early Bronze Age monuments in the northeastern regions of Azerbaijan differ from other regions, especially from Nakhchivan and Karabakh regions. The materials of these monuments are more similar to Dagestan, which can be explained by geographical vicinity. In such a case, we can say the existence of a local version of the Kura-Araxes culture, which includes northeastern Azerbaijan.

Bibliography

- Магомедов Р.Г.* 2008. Куро-аракская культура на Северо-Восточном Кавказе: проблемы идентификации и хронологии // Горизонты современного гуманитарного знания (К 80-летию академика Г.Г. Гамзатова). М.
- Мусаев Д.Л.* 2006. Серкертпе – поселение эпохи ранней бронзы. Баку.
- Мусаев Д.Л.* 2013. Результаты археологических раскопок на поселении Моллабурхантепе // *Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar 2012*. Bakı.
- Мусаев Д.Л.* 2017. Результаты археологических раскопок 2015–2016 годов на поселении Моллабурхантепе // *Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar 2015–2016*. Bakı.
- Aşurov S.H.* 2002. Naxçıvanın ilk tunc dövrü keramikası. Bakı.
- Aşurov S.H., Əlimirzəyev A.H.* 2013. Kür-Araz mədəniyyəti cəmiyyətlərinin inzibati idarəetməsinə dair yeni tapıntılar // *Azərbaycan arxeologiyası və etnoqrafiyası*. № 1.
- Gadzhiev M.G., Kohl P.L., Magomedov R.G., Stronach D., Gadzhiev Sh.M.* 2000. Dagestan-American archaeological investigations in Dagestan, Russia 1997–99 // *Eurasia Antiqua*. Bd. 6. Berlin.
- Kohl P.L., Magomedov R.G.* 2014. Ealy Bronze devolepments on the west Caspian costal plain // *Paleorient*. Vol. 40 (2).

ВЛИЯНИЕ КАВКАЗСКИХ ТРАДИЦИЙ НА СТРОИТЕЛЬСТВО ДОЛЬМЕНОВ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ БОЛГАРИИ

Осинова Е.В.

*Институт востоковедения РАН, г. Москва
Центр палеоэтнологических исследований, г. Москва*

На сегодняшний день среди исследователей не сложилось единого мнения о происхождении традиции возведения дольменов на Западном Кавказе. Кроме этого, научное сообщество не ответило на вопросы о преемственности данной традиции и её последующем распространении. Ответить на них отчасти возможно с привлечением публикаций и исследований зарубежных регионов.

В среде отечественных исследователей было высказано несколько теорий о происхождении традиции строительства дольменов. Такие исследователи как Л.И. Лавров (Лавров, 1960. С. 104), В.И. Марковин (Марковин, 1980. С. 38), В.И. Трифонов (Трифонов, 2001. С. 40) придерживались мнения, что практика строить столь массивные памятники пришла на Западный Кавказ с регионов Средиземноморского побережья. По мнению А.Д. Резепкина, традиция сооружения мегалитических погребальных памятников берет начало со времен воронковидных кубков (Резепкин, 1991. С. 191). Теория автохтонного происхождения нашла поддержку у абхазских археологов. Её сторонниками были Ю.Н. Воронов (Воронов, 1979. С. 56), И.И. Цвинария (Цвинария, 1990. С. 66) и др.

Среди подобных примеров нам интересна работа В.И. Марковина, где автор критикует теорию Л.Н. Соловьева о происхождении мегалитов на Кавказе (Марковин, 1980. С. 38). По мнению Л.Н. Соловьева, дольменное строительство Кавказа испытывало влияние со стороны региона Малой Азии (Соловьев, 1958. С. 150, 151, 158). Однако В.И. Марковин отрицает наличие мегалитов на данной территории. В качестве аргументации исследователь приводит карту распространения дольменов на территории исторической Фракии болгарского археолога В. Микова. Карта демонстрирует отсутствие дольменных памятников на территории Малой Азии (Марковин, 1980. С. 39). Также можно заметить общую черту в предгорном расположении памятников обоих регионов. Большая часть дольменов Болгарии встречается в юго-восточной части страны: Родопские горы, горы Сакар и Странджа (Марковин, 1974. С. 32; Венедиктов, Аладжо, 1976. С. 37, 54).

В отечественной литературе, относящейся к нашей теме, уделено мало внимания дискуссиям о сходстве дольменных памятников Кавказа и дольменов с территории современной Болгарии. Одно из немногих подобных исследований – это работа В.И. Марковина. Автор утверждает, что существует сходство между плиточными конструкциями и «отдельными элементами купольных гробниц» памятников Кавказа и Юго-Восточной Болгарии (Марковин, 1974. С. 32), однако «полной аналогии» между ними нет (Марковин, 1974. С. 29–30; Марковин, 2011. С. 50).

Первые исследования дольменов в Болгарии начинаются в конце XIX – нач. XX вв. такими учеными как К. Шкоропил, Г. Бончев, С. Бончев. В 40–50-е гг. В. Миков составляет обобщённую карту распространения дольменов на территории Болгарии. В 70–80-е гг. XX вв. выходит фундаментальный труд болгарских археологов И. Венедиктова, А. Фола, П. Делева и др. «Фракийские памятники в 3-х томах», где особое внимание уделяется мегалитам Восточных Родопов, гор Сакар и Странджа. На сегодняшний день изучением мегалитов занимаются Г. Нехризов, Д. Агре и др. (Цонев, 2009. С. 16).

В научных работах болгарских авторов принято разделять дольмены на два типа: «стол» и «камера». По их мнению, первый тип преобладает в Европе, а второй – на территории Восточной Европы и на Кавказе (Цонев, 2009. С. 11). Отдельно исследователями рассматривается

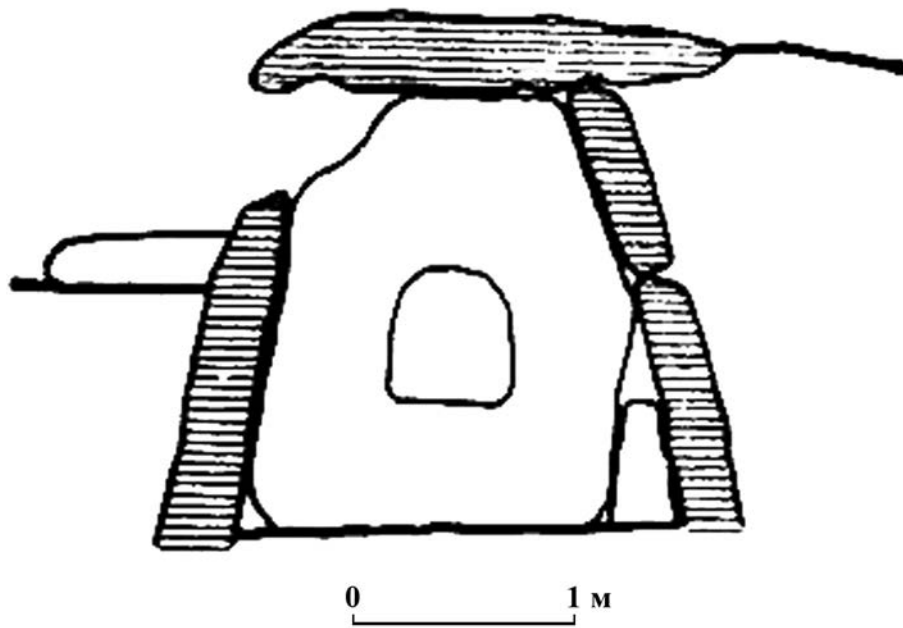

Рис. 1. Дольмен № 2 (по И. Венедиктову и Д. Аладжо, 1976)

категория дольменов, высеченных в скале. Они относят их не к дольменам-монолитам, как принято в нашей отечественной литературе, а к скальным гробницам (Венедиктов, Аладжо, 1976. С. 107).

Количество дольменов в Болгарии достигает 750 памятников (Делев, 1982. С. 399). Найденные в дольменах материалы позволяют болгарским археологам датировать памятники II–I тыс. до н.э. Само строительство дольменов, по мнению исследователей, прекращается в VI в. до н.э. (Делев, 1982. С. 526). Столь широкая датировка свидетельствует об активном использовании памятников на протяжении всего периода (Цонев, 2009. С. 8). Нам известно, что кавказские дольмены датируются III–II тыс. до н.э. Учитывая разницу в хронологии, смело можно предположить о наличии влияния кавказских традиций на строительство дольменов юго-восточной части Болгарии.

Болгарские авторы отмечают, что ближайшие аналогии местным памятникам следует искать на Кавказе и в районе Восточного Средиземноморья. Об этом свидетельствуют общие признаки в конструкциях дольменов обоих регионов. Большая часть мегалитических памятников Болгарии представлена однокамерными и двухкамерными дольменами. Последние на Кавказе встречаются значительно реже (Венедиктов, Аладжо, 1976. С. 76). Примером подобного памятника служит дольмен из ст. Новосвободной (Веселовский, 1901. С. 33; Марковин, 1974. С. 31).

Еще один возможный пример памятника – многогранный дольмен (№ 13 по Марковину) из ст. Новосвободная (Марковин, 1978. С. 21, 134. Рис. 5) и мегалитический памятник (№ 2 по Цоневу) в местности «Пропада» возле г. Малко Тырново (Tsonev, 2015. P. 93–94). По мнению Л. Цонева, данный дольмен встречается только в рассматриваемых нами регионах (Tsonev, 2015. P. 127).

Таким образом, В.И. Марковин один из первых в отечественной науке обратил внимание на сходство дольменных памятников Кавказа и Юго-Восточной Болгарии. Более подробное ознакомление с публикациями болгарских исследователей позволяет предположить о возможном влиянии традиции строительства дольменов Кавказского региона на юго-восточную часть Балканского полуострова. Дольмены двух регионов могут быть сходного типа и иметь общие элементы в конструкциях памятников. Об этом свидетельствуют приведенные нами примеры мегалитических сооружений.

Литература

- Венедиктов И., Аладжо Д.* 1976. Долмените като паметници на тракийската култура // Тракийские паметници. Т. 1. София.
- Веселовский Н.И.* 1901. Раскопки Н.И. Веселовского // Отчет ИАК за 1898 год. СПб.
- Воронов Ю.Н.* 1979. Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар.
- Делев П.* 1982. Проблемы Фракийских мегалитических памятников // Тракийские паметници. Т. 3: Мегалитите в Тракия. Ч 2. Тракия Понтика. София.
- Лавров Л.И.* 1960. Дольмены Северо-Западного Кавказа // Труды Абхазского института языка, литературы и истории им. Д.И. Гулиа. Сухуми.
- Марковин В.И.* 1974. Дольменная культура и вопросы раннего этногенеза абхазо-адыгов. Нальчик.
- Марковин В.И.* 1978. Дольмены Западного Кавказа. М.
- Марковин В.И.* 1980. О некоторых вопросах интерпретации дольменных и других археологических памятников Кавказа // КСИА. Вып. 161.
- Трифонов В.А.* 2001. Происхождение дольменов Западного Кавказа // Дольмены, свидетели древних цивилизаций. Краснодар.
- Резепкин А.Д.* 1991. Курган 31 могильника Клады. Проблема генезиса и хронологии майкопской культуры // Древние культуры Прикубанья. Л.
- Соловьев Л.Н.* 1958. Новый памятник культурных связей кавказского Причерноморья в эпоху неолита и бронзы – стоянки Воронцовской пещеры // Труды Абхазского ИЯЛИ. Вып. XXIX. Сухуми.
- Цвинария И.И.* 1990. Новые памятники дольменной культуры Абхазии. Тбилиси.
- Цонев Л.* 2009. Мегалитические памятники Балканского полуострова // Доклады I симпозиума «Мегалиты Балкан». София.
- Tsonev L.* 2015. Technological Comparison Between Three Specific Megalithic Monuments on the Balkans and in Caucasus. Vol. 3 (1). Sofia.

ОСОБЕННОСТИ ОРНАМЕНТАЦИИ КУРИЛЬНИЦ ВОСТОЧНО- И ЗАПАДНОМАНЫЧСКОЙ КАТАКОМБНЫХ КУЛЬТУР

Панасюк Н.В.

Российский университет дружбы народов, г. Москва

Орнамент на посуде, как один из жанров декоративно-прикладного искусства, представляет собой важнейший источник изучения различных сфер древнего общества. Ведь «в произведениях первобытного человека воплощена не только техническая мысль, но и эстетический идеал ... совершенные – и в техническом, и в эстетическом отношении – бытовые изделия утверждают авторитет и общественное положение мастеров, благодаря своему совершенству приобретают магические свойства и, подобно многим другим произведениям творческой мысли первобытного человека, играют важную роль в религиозной жизни общества...» (Кабо, 2007. С. 27). В наиболее полной мере это может быть отнесено к ритуальной посуде, обнаруживаемой в погребальных памятниках.

Погребальный обряд является одной из важнейших характеристик археологической культуры. Инвентарь, входящий в погребальный комплекс, служит надежным основанием для выявления наиболее характерных черт и особенностей, хронологических рамок и территориальных границ той или иной культуры, а также дает возможность проследить ее возможные истоки и связи, наметить их пути. Пожалуй, самой яркой вещественной находкой в погребениях катакомбных культур являются курильницы. Именно этот вид ритуальной посуды позволил обосновать выделение новых катакомбных культур, в частности, восточно- и западноманьчской (Кияшко, 2002). Курильницы играли важную роль в погребальном обряде этих культур, свидетельством чего, в частности, является их обнаружение практически в половине изученных захоронений (Панасюк, 2007. С. 32–35) и многовариантность их размещения в могиле (Панасюк, 2004. С. 80–86).

Выделение черт, образующих комплекс родственных культур, а особенно выявление существенных различий является актуальной задачей. Типология курильниц, сравнение сосудов из погребений родственных культур особенно востребованы при анализе регионов, где памятники соседствующих культурных образований пересекаются.

Общий сравнительный анализ типов курильниц из памятников родственных культур приводит к выводу об их сходстве (Панасюк, 2015. С. 16–17). Очевидно, что типы I и II в обеих маньчских культурах являются самыми распространенными, и соотношение их подтипов практически одинаково. В типе III, достаточно специфичном и малочисленном, однако фиксируются некоторые отличия. Во-первых, число курильниц этого типа в обеих культурах одинаково, но процентное соотношение отличается. Во-вторых, не совпадают зональность и насыщенность орнамента: восточноманьчские экземпляры либо богато украшены, либо не имеют декора, а на западноманьчских сосудах, в основном, украшена только чаша.

Все другие типы в гораздо меньшей степени представлены в маньчских катакомбных культурах, хотя некоторые из них являются своеобразными маркерами одной из них. Так, курильницы типа IV распространены почти исключительно в пределах западноманьчской катакомбной культуры, отдельные экземпляры фиксируются в пограничной с ней зоне – на территории среднедонской катакомбной культуры, одна чаша известна из материалов суворовской катакомбной культуры (Терская, курган 10, погребение 21). Среди восточноманьчских находок сосуда данного типа пока не встречены. В то время как чаши типа VIII, имеющие богатый декор, представлены только в восточноманьчской катакомбной культуре. Известны две курильницы этого типа в западноманьчских погребениях могильника Золотаревка 6

(Бабенко, 2001). Однако сам могильник располагается в пограничной зоне – здесь есть захоронения обеих культур, что позволяет допустить возможность непосредственного контакта их носителей. Интересно, что в этом же могильнике обнаружена курильница типа VIII в погребении восточноманычской катакомбной культуры.

Курильницы типов V и VI в двух культурах отличаются незначительно: западноманычские чаши украшены более плотно и разнообразно. Различия курильниц типа X фиксируются на уровне подтипов: в восточноманычских погребениях сосуды более разнообразны, хотя характерная для этого типа тенденция к упрощению орнамента заметна на курильницах обеих культур. Тип XI в памятниках двух культур представлен единичными экземплярами только на восточноманычской территории (известны две случайные находки в западноманычском ареале, но для них нет удовлетворительного описания и иллюстраций).

Итак, очевидно, что курильницы родственных культур изготавливались по сходным канонам, но имеют некоторые отличия. Эти детали особенно важно учитывать при анализе памятников пограничных зон между двумя культурами. Таким регионом, в частности, является Ремонтненский район Ростовской области, где в близких, и даже в одном и том же могильнике обнаружены захоронения обеих манычских культур. В этом регионе за десятилетия исследований найдена серия курильниц, типологический анализ которых позволяет использовать их в качестве определяющего фактора при недостатке других сведений для культурной атрибуции погребального комплекса.

В погребении 4 кургана 1 могильника Темрта V (западноманычской катакомбной культуры) была обнаружена курильница самого распространенного типа I (Панасюк, 2010. С. 680–689). В ней ярко выражены черты, отличающие курильницы западно- и восточноманычской культур: большая приземистость чаши (за счет невысокой ножки), особые приемы орнаментации – небольшая канавка на дне чаши по абрису четырехлепестковой ножки, иная форма орнаментальных мотивов (Панасюк, 2010. Рис. 2б). Такие же особенности фиксируются и на ритуальных чашах из могильника Улан-IV: погребения 14 и 17 кургана 4 (Шишлина, 2011). Здесь чаши довольно низкие, одна из них (из погребения 17) – не орнаментирована.

Курильница восточноманычской катакомбной культуры, которая найдена в том же могильнике Улан-IV (курган 3 погребение 22), имеет наиболее распространенные характеристики: чаша на четырехлепестковой ножке, украшенная шнуровым орнаментом с точками. Самое разительное отличие этого сосуда от западоманычской курильницы – большой диаметр (19,5 см) и высота (8 см). Сходная чаша была исследована в могильнике Песчаный V (Шишлина и др., 2009. С. 260–270). Она представляла собой глубокую округлую чашу с несохранившимся отделением, на цельной крестовидной ножке с расширением каждого «лепестка» в нижней плоскости. Внешняя поверхность орнаментирована отпечатками шнура и крупного спирального штампа. Курильницы такого типа имеют широкое распространение в восточноманычской культуре, сохраняя свои основные морфологические характеристики во все время бытования этой культуры.

Сопоставление курильниц родственных – западно- и восточноманычской катакомбных культур, найденных в Ремонтненском районе Ростовской области, позволяет выявить характерные черты для соседствующих образований, что может служить критерием для идентификации погребальных памятников, располагающихся в пограничной зоне. Кроме того, становится очевидным, что носители этих культур находились в постоянном контакте, так как их погребальные памятники находятся рядом, иногда даже в рамках одного могильника или даже одной курганный насыпи.

Литература

- Бабенко В.А. 2001. Отчет о раскопках курганного могильника «Айгурский-2» и «Золотаревка-6» в Ипатовском районе Ставропольского края в 2001 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №№ 26577–26579.
- Кабо В.Р. 2007. Круг и крест. Размышления этнолога о первобытной духовности. М.
- Кияшко А.В. 2002. Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград.

- Панасюк Н.В.* 2004. Местоположение курильниц в погребальных комплексах ВМКК // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Волгоград.
- Панасюк Н.В.* 2007. Роль катакомбных курильниц в погребальном обряде (планиграфический аспект) // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Волгоград.
- Панасюк Н.В.* 2010. Курильницы и реповидные сосуды восточно- и западноманычской катакомбных культур // На пути открытия цивилизации. Труды Маргианской археологической экспедиции. Сборник статей к 80-летию В.И. Сарияниди. Спб.
- Панасюк Н.В.* 2015. Курильницы катакомбных культур Предкавказья. Автореф. дис. ... к.и.н. М.
- Шишлина Н.И.* 2011. Отчет о проведении археологических раскопок в Ремонтненском районе Ростовской области в 2011 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №№ 30855, 30856.
- Шишлина Н.И., Панасюк Н.В., Пахомов М.М., Бобров А.А.* 2009. Степная археологическая экспедиция ГИМ: результаты этноботанических исследований // КСИА. Вып. 223.

НЕОЛИТИЧЕСКАЯ КЕРАМИКА ПОСЕЛЕНИЯ ЧОХ В КРУГУ КЕРАМИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ КАВКАЗА

Петрова Н.Ю.¹, Сайпудинов М.Ш.², Карпова Е.В.³

¹Институт археологии РАН, г. Москва

²Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, г. Махачкала

³Московский государственный университет, г. Москва

Работа подготовлена в рамках темы НИР ИА РАН «Междисциплинарный подход в изучении становления и развития древних и средневековых антропогенных экосистем» (№ НИОКТР 122011200264-9).

Поселение Чох, расположенное в Гунибском районе Республики Дагестан, трижды подвергалось раскопкам: в 1955–1957 гг. В.Г. Котовичем (Котович, 1964), в 1981–1982 гг. и в 2021–2022 гг. Х.А. Амирхановым (Амирханов, 1987; 2021; 2022). По определению Х.А. Амирханова, на поселении присутствовали слои, относящиеся к мезолиту, неолиту и бронзовому веку (Амирханов, 1987). Керамику содержали неолитический слой, датированный автором рубежом VII–VI тыс. до н.э., и слой бронзового века (Амирханов, 2021; 2022).

Основным объектом изучения стала керамика из неолитического слоя. Для сравнения были отобраны образцы керамики, которые можно отнести к раннему и среднему бронзовому веку, найденные на поселении и в раскопках Р.М. Мунчаева на могильнике среднего бронзового века Нахола-ад, расположенного рядом с Чохским поселением (Мунчаев, 1958); образцы керамики из других наиболее ранних памятников Горного Дагестана – Гинчи и ругуджинской стоянки Малинкарат, относимых к периоду энеолита (Гаджиев, 1991). Для сравнительного изучения была доступна неолитическая керамика Закавказья, происходящая из многослойных поселений Геой-тепе (Азербайджан) и Акнашен (Армения), где керамический материал относится к различным периодам VI тыс. до н.э. и делится на группы, обладающие различными технологическими характеристиками, которые изменяются во времени (Алекперов, 2018; Narutyunyan, 2022).

Технологическое исследование керамики проводилось по методике А.А. Бобринского, которая предполагает трасологический и микроскопический анализы изломов и поверхности изучаемых объектов, а также экспериментальное моделирование отдельных ступеней гончарного производства (Бобринский, 1978). В рамках исследования были проведены эксперименты с использованием глинистого сланца, добытого недалеко от поселения Чох. Он является характерной примесью керамики среднего бронзового века региона и имеет хорошо различимую под микроскопом слоистую структуру. Кроме того, для керамики эпохи средней бронзы также характерна смесь глины с шамотом и органикой (навоз, органический раствор) (Сайпудинов, 2020).

Необходимо отметить, что большинство фрагментов очень мелкие и полноценно сравнить различную керамику удалось только на ступени составления формовочной массы.

В результате проведенного анализа можно отметить, что неолитическая керамика поселения Чох была изготовлена из слабозапесоченного глинистого сырья с искусственной примесью шамота, что также ранее отмечалось Х.А. Амирхановым (Амирханов, 1987). По некоторым образцам удалось установить, что конструирование проводилось с помощью лоскутного налепа. При обработке поверхности использовалось простое заглаживание. Керамика обожжена преимущественно в восстановительной среде, однако встречаются фрагменты, побывавшие в окислительной атмосфере.

Дополнительно проводилось предварительное петрографическое изучение двух образцов неолитической керамики поселения Чох, которое показало, что основная масса керамики сложена однородным материалом преимущественно пелитовой размерности с преобладанием минералов иллитовой группы. Тонкопесчано-алевритовая природная примесь хорошо сортирована, имеет угловатые и угловато-окатанные формы и составляет 30–35%. Состав обломочной части преимущественно кварцевый, реже встречаются обломки полевых шпатов и тонкий углефицированный растительный детрит. Искусственная примесь (15–20%) органо-минеральной природы отличается крупностью обломков (от 0,05 мм до 3 мм) по сравнению с компонентами вмещающей массы, отсутствием сортировки обломков, вариациями форм по степени окатанности и составов. Выделяется литокластическая примесь (обломки пород известняка, а также единичные обломки песчаника) и шамот, который имеет две разновидности: соответствующий составу основной массы керамики («свой», интракластовый); несоответствующий составу основной массы керамики (чужеродный). Последний подразделяется на:

1) обломки керамики, состоящие из однородного полимиктового глинистого вещества пелитовой структуры, в составе которого преобладают минералы группы иллита, насыщенного тонкодисперсным углистым детритом, по которому развиваются окислы железа, придающие обломкам темный цвет. Природных кристаллокластических примесей здесь не наблюдается;

2) обломки керамики, состоящие из глинистого полимиктового вещества пелитовой структуры с небольшой примесью алевритового кварцевого материала. В свою очередь внутри они содержат шамот.

По результатам технологического анализа, изученная керамика бронзового века имеет примесь дресвы предположительно глинистого сланца и органического раствора, содержащего растительные остатки, предположительно связанные с навозом. Поверхность фрагментов как просто заглаженная, так и лощеная. Преимущественно обожжена в окислительном обжиге. В керамике стоянки Малинкарат был отмечен шамот с лощеной поверхностью. В керамике поселения Гинчи была обнаружена значительная примесь неидентифицированной крупной дресвы.

Неолитическая керамика Закавказья, как уже отмечалось выше, обладает различными характеристиками, в том числе множеством вариантов примесей. Однако, по всей видимости, примесь шамота появляется здесь примерно в середине VI тыс. до н.э., что само по себе интересно, т.к. происхождение в целом керамической традиции связывается с Ближним Востоком, где примесь шамота для VII - VI тыс. до н.э. пока не известна (Петрова, 2019).

На основании проведенного предварительного сравнительного анализа можно сделать заключение, что на уровне изучения формовочных масс керамика из неолитического и бронзового слоя поселения Чох имеет отличия. Для неолитической керамики характерна примесь шамота двух видов, в том числе «чужого», в то время как для керамики среднего бронзового века – глинистого сланца и органического раствора, связанного с навозом. Неолитическая чохская керамика, исходя из технологических характеристик, соотносится с материалами памятников Закавказья середины VI тыс. до н.э. В Дагестане по составу формовочных масс наиболее близка ей керамика ругуджинской стоянки Малинкарат, однако шамот там имеет лощеную поверхность, что не отмечено для керамики поселения Чох.

Литература

- Алекперов В.А.* 2018. Развитие технологии изготовления неолитической керамики в Гейтепе (Западный Азербайджан) // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 46 (3).
- Амирханов Х.А.* 1987. Чохское поселение. Человек и его культура в мезолите и неолите Горного Дагестана. М.
- Амирханов Х.А.* 2021. Формирование, тафономия и проблема датировки неолитического слоя Чохского поселения: взгляд полвека спустя // История, археология, этнография Кавказа. № 3.
- Амирханов Х.А.* 2022. Хронология культурных отложений Чохского многослойного поселения (по данным на 2022 год) // История, археология, этнография Кавказа. № 3.

- Бобринский А.А.* 1978. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.
- Гаджиев М.Г.* 1991. Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа (эпоха неолита и ранней бронзы). М.
- Котович В.Г.* 1964. Каменный век Дагестана. Махачкала.
- Мунчаев Р.М.* 1958. Археологические исследования в нагорном Дагестане в 1954 г. // КСИИМК. Вып. 71.
- Петрова Н.Ю.* 2019. О становлении керамического производства в Передней Азии // Горы Кавказа и месопотамская степь на заре Бронзового века. Сборник к 90-летию Р.М. Мунчаева. М.
- Сайпудинов М.Ш.* 2020. Керамика Ирганайского I поселения эпохи средней бронзы: анализ исходного сырья и составов формовочных масс // КСИА. Вып. 258.
- Narutyunyan A.* 2022. The pottery of Aknashen // The Neolithic settlement of Aknashen (Ararat valley, Armenia). Excavation seasons 2004–2015. Oxford.

ИСТОКИ ФОРМИРОВАНИЯ ДОЛИНСКОГО ВАРИАНТА НОВОСВОБОДНЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Резепкин А.Д.

Институт истории материальной культуры, г. Санкт-Петербург

Попытаемся выяснить, что явилось причиной формирования и развития долинского варианта новосвободненской культуры, технологически самого развитого. Нужно понимать, что почти все достижения металлургии, типологически развитых категорий изделий из металла, которые мы привыкли относить к достижениям майкопской культуры, на самом деле принадлежат именно долинскому варианту новосвободненской культуры. Встает закономерный вопрос, что явилось причиной столь бурного и достаточно внезапного появления на Северном Кавказе чрезвычайно развитой бронзовой металлургии?

Для псекупского варианта, локализующегося на Северо-Западном Кавказе, характерен зигзагообразный орнамент на шейке сосудов, выполненный в пролощенной технике (Резепкин, 2003. С. 45–54). В Центральном Предкавказье пролощенный орнамент практически всегда расположен на верхней трети, иногда до середины сосуда. Орнамент почти весь состоит из косых пересекающихся линий, либо «елочно-паркетный», в то время как зигзаг на шейке отсутствует. Возможно, это связано с тем, что в период урукской экспансии влияние месопотамской культуры на Северный Кавказ распространялось посредством нескольких источников. Так, к примеру, пролощенный зигзагообразный орнамент на шейке сосудов известен из поселения Tell Rubeidheh (Cuylar Young T. at al., 1988), расположенного в районе Джебель Хамрин в бассейне реки Дияла к северо-востоку от Багдада. С другой стороны, сосуд (фонды Лувра, инв. № А01579) из Tello (исторический Гирсу), который расположен в Нижней Месопотамии, к югу от Багдада, имеет орнамент в виде косой сетки, выполненной в пролощенной технике (рис. 1, 1). На Северо-Западном Кавказе к западу от реки Белой, притока Кубани, такой орнамент встречается в единичных случаях, а в Центральном Предкавказье мы имеем целый ряд погребений с «амфорами» урукского типа, подобных находке из Tello. К ним примыкает и целый ряд других погребений с сосудами с орнаментом в виде косой сетки либо «паркетного стиля» на тулове.

Наиболее ранние новосвободненские погребения, на мой взгляд, это погребения долинского варианта, с керамикой вытянуто-реповидных, точнее грушевидных форм с пролощенным орнаментом, и упомянутые погребения с «амфорами» с аналогичным орнаментом. Истоки таких форм с пролощенным орнаментом, к примеру, можно видеть на Арслан-Тепе в горизонте VI-A, Temple B (рис. 1, 8, 9) (Frangipane, 1997. P. 56, 60. Fig. 9, 5–8). Здесь следует отметить, что первым, кто указал на сходство пролощенного орнамента из Арслан-Тепе с аналогичным орнаментом на некоторых сосудах из памятников эпохи ранней бронзы Северного Кавказа, был Р.М. Мунчаев (Мунчаев, 1994. С. 217). Отложения горизонта VI-A Арслан-Тепе документируют активное проникновение урукской материальной культуры на север Месопотамии в начале позднеурукской фазы (Frangipane, 2000. P. 444–447). Серия радиоуглеродных дат, полученных для горизонта VI-A (а их 31), и особенно для Temple B укладывается в период 3500–3350 гг. до н.э. (Frangipane, 2000. P. 446). Эти даты, на мой взгляд, дают достаточно прочную, хотя и довольно широкую хронологическую точку отсчета появления сосудов этого облика на Северном Кавказе.

Наиболее яркими примерами погребений с сосудами грушевидной формы, орнаментированными пролощенным орнаментом, служит ряд комплексов из Центрального Предкавказья и восточной части Северо-Западного Кавказа. К таким можно отнести погр. № 1 из

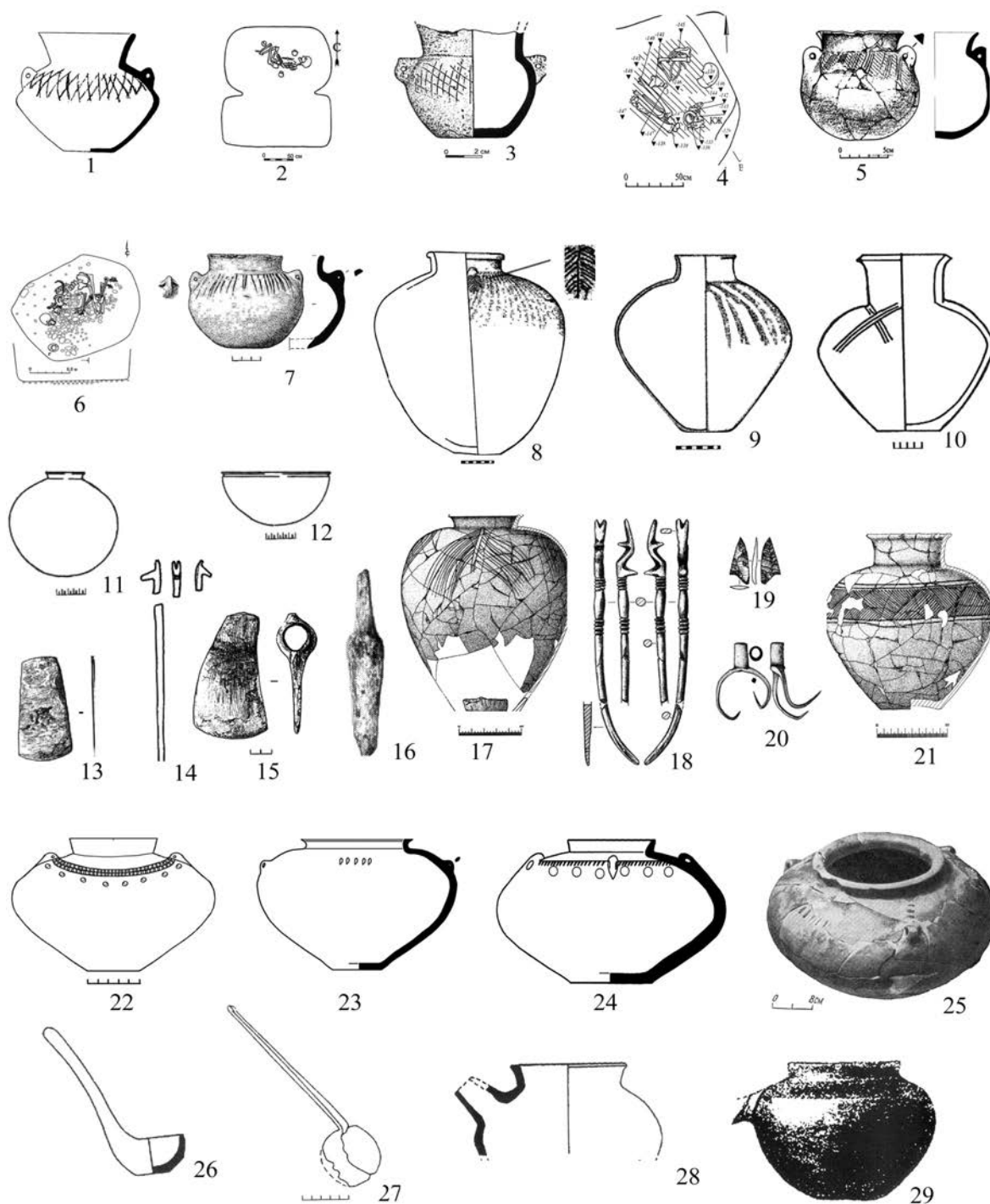

Рис. 1. 1 – амфорка из Tell Tello, Лувр, фонды, инв. № А 01579; 2 – кург. мог. ВМЛБ III, к. 17, п. 11. Погребение с амфоркой; 3 – амфорка из погр. (Шишлина 2007); 4 – мог. Курсавский-3, к. 1, п. 1; 5 – амфорка из погр. (Кореневский и др., 2009); 6 – кург. гр. Кенделенская I, к. 422, п. 10; 7 – амфорка из погр. (Клещенко, 2019); 8, 9 – Арслантепе. Сосуды из помещения А 450 храма Б (Frangirane, 2000); 10 – сосуд из п. 1 кур. мог. Чернышевский II (Бианки, Днепровский, 1988); 11, 12 – сосуд, миска; 13 – бр. тесло; 14 – кост. булавка; 15 – топор; 16 – кинжал – Темрюк, кур. 1 п. 3 (Кореневский, 2004); 17, 21 – сосуды; 18 – кост. булавка; 19 – кремн. наконечники стрел; 20 – бронз. вилка (Кореневский, Прокофьев, 2020); 22 – Tell Tello 1 Шурф. инв. № А014304 (Лувр, рис. автора); 23 – кург. мог. Бамут, к. 6 п. 9 (Мунчаев, 1975); 24, 26, 28 – сосуд, глиняный черпак, сосуд с носиком из Tell Rubeidheh (Guylar Young T. at al., 1988); 25 – кург. мог. Бамут, к. 10 п. 12 (Мунчаев, 1975); 27 – бронз. черпак (Попова, 1963); 29 – сосуд с носиком из Клады, к. 2 (Попова, 1963)

курганного могильника Андреевский 1 (рис. 1, 17, 21). Здесь отчетливо представлены сосуды грушевидной формы с довольно высокой шейкой, правда не с пролощенным, а с гравированным орнаментом (Кореневский, Прокофьев, 2020. С. 83–101). На одном сосуде орнамент представляет собой довольно широкую, идущую от шейки сосуда, линию, по обе стороны которой под сильным углом, параллельно друг другу, расположен целый ряд линий, возможно имитирующий «древо жизни» (рис. 1, 17). Аналогичный рисунок, только гораздо меньшего размера, наблюдается на одном из сосудов из Арслан-Тепе (рис. 1, 8). Помимо керамики, в погребении были обнаружены типично новосвободненские предметы: бронзовые кинжалы с черешковой рукоятью и двузубая вилка (рис. 1, 20). Но вместе с этим, найдены также и кремневые наконечники стрел флажковидной формы (рис. 1, 19). Но одной из самых интересных находок явилась костяная булава с резным верхом (рис. 1, 18). Единственную и достаточно близкую ей аналогию удалось найти в смешанном раннедолинско-псекупском погребении у г. Темрюк, к. 1 п. 3 (раскопки В.А. Сафронова в 1978 г.). Помимо булавки (рис. 1, 14), комплекс содержал и типично майкопскую керамику (рис. 1, 11, 12), а также кинжал с черешком, тесла с плоским обушком новосвободненского типа, что типично для долинских погребений (рис. 1, 13, 16). В комплексе также содержался бронзовый топор с сильно расширяющимся к рабочему краю клином и сильно выступающей торцевой частью. Учитывая в комплексе наличие майкопской керамики, данный факт позволяет предположить, что топоры этого (раннедолинского) облика (рис. 1, 15) более ранние, чем классические новосвободненские. Аналогичную картину мы наблюдаем и в другом погребальном комплексе – в кургане близ Иноземцево. Здесь, помимо топора и сосудов грушевидной формы с пролощенным орнаментом, также встречены вещи и собственно майкопского облика: к примеру, это миска (тип 12), которая характерна только для усть-джегутинского варианта майкопской культуры, а также еще одна майкопская миска – тип 1 (Кореневский, Петренко, 1982. С. 96–112). Погребение из к. 1 п. 18 курганного могильника Марьинская 3 также содержало сосуды грушевидной формы, на одном отмечен прочерченный орнамент. Комплекс содержал тесло майкопского облика с овальным обушком, флажковидные стрелы, каменный молот-клевец и бронзовый кинжал с черешком (Канторович, Маслов, 2009. С. 83–116). Таких погребений насчитывается 14. Как уже упоминалось, помимо этих погребений с грушевидными сосудами и пролощенным орнаментом, в Центральном Предкавказье мы имеем целый ряд погребений с «амфорами» урукского типа и аналогичным орнаментом, подобных находке из Tello (рис. 1, 1). Эти погребения располагались как на окраине ареала долинского варианта – север Ставрополя, Кумо-Манычская впадина (рис. 1, 2, 3), так и в центре его распространения (рис. 1, 4–7). Помимо сосудов с пролощенным орнаментом, как уже упоминалось, при раскопках поселений Сержень-Юрт I и II были найдены фрагменты сосудов, которые Р.М. Мунчаев отнес к иным типам, отличным от описанных им куро-аракских и майкопских форм. Отмечено, что они украшены необычным зубчато-гребенчатым орнаментом (Мунчаев, 1975. С. 340, 359. Рис. 1, 76; 9–11.). Аналогичные фрагменты керамики с таким же орнаментом были обнаружены при раскопках энеолитического поселения Великент II (Карасу-Тепе) (Gadzhiev at al., 1997. P. 198–199), откуда была получена калиброванная дата – 3693–3380 гг. до н.э. (Gadzhiev at al., 2000. P. 67). Аналогии столь необычным для Северного Кавказа типам орнамента были обнаружены на поселении Tell Rubeidheh (Cuylar Young at al., 1988. P. 63–64. Fig. 29, 34; 32, 69–71; 33, 88; 35, 107). Этот же тип орнамента также встречен на сосудах из VI слоя на участке Eanna в Уруке (Cuylar Young at al., 1988. P. 45), что по времени соответствует концу среднего Урука. Авторы упомянутой статьи считают такой орнамент характерным для периода среднего Урука, соответственно, материалы поселения Tell Rubeidheh, учитывая находки там некоторого количества позднеурукской керамики, предложено датировать концом среднего Урука (Cuylar Young at al., 1988. P. 51–52). На поселении Tell Rubeidheh этот орнамент встречен на сосудах различных типов. Как представляется, именно с этим хронологическим горизонтом и нужно связывать погребения с «амфорами» и грушевидными сосудами с пролощенным орнаментом и появление новосвободненского металла, как и становление долинского варианта новосвободненской культуры в целом.

Самым массовым типом керамики, который собственно и составляет подавляющее большинство во всех остальных долиньских погребениях, являются так называемые реповидные сосуды. Из 97 выделенных мной погребений 43 содержат керамику этого типа. Свое начало, так же, как и предыдущие две формы, они ведут от Урука. В фондах Лувра мне удалось, как и в предыдущем случае с «амфорой», зарисовать типичный урукский сосуд «реповидной» формы из раскопок телля Tello (рис. 1, 22). Аналогичные сосуды происходят также из отложений других памятников периода конца среднего Урука (рис. 1, 24). В долиньском варианте – это сосуды с прямым, либо слегка отогнутым краем венчика, крутыми плечиками, имеющие две или четыре маленькие ложные ручки-ушки и относительно небольшое плоское дно (рис. 1, 23, 25). Иногда на верхней половине тулова имеется довольно разнообразный орнамент, который, скорее всего, является рудиментарным остатком пролощенного. Помимо общего типа керамики реповидной формы, для новосвободненской культуры и памятников конца среднего Урука очень похожими являются и некоторые другие, специфические формы посуды, такие как сосуды с носиком (рис. 1, 28, 29) и черпаки с длинными ручками, хотя месопотамские черпаки сделаны из глины (рис. 1, 26), а черпаки новосвободненской культуры – из бронзы (рис. 1, 27).

Литература

- Канторович А.Р., Маслов В.Е.* 2009. Раскопки погребения майкопского вождя в кургане близ станции Мариинской (предварительная публикация) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. IX. Археология и краеведение. Ставрополь.
- Корневский С.Н.* 2004. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. М.
- Корневский С.Н., Петренко В.Г.* 1982. Курган майкопской культуры у поселка Иноземцево // СА. № 2. М.
- Корневский С.Н., Прокофьев Р.В.* 2020. Майкопские погребения Андреевского кургана // Stratum plus. № 2.
- Мунчаев Р.М.* 1975. Кавказ на заре бронзового века. М.
- Мунчаев Р.М.* 1994. Майкопская культура // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.
- Резепкин А.Д.* 2003. Керамика майкопской культуры с лощеным орнаментом // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар.
- Frangipane M.* 1997. A 4 millennium temple/palace complex at Arslantepe-Malatya. North-South relations and the formation of early state societies in the Northern regions of Greater Mesopotamia // Paleorient. Vol. 23 (1).
- Frangipane M.* 2000. The Late Chalcolithic EB I Sequence at Arslantepe. Chronological and cultural remarks from a frontier cite // Chronologies des pays du Caucase et de L'Euphrate aux IV–III millenaires. Paris.
- Gadzhiev M.G., Kohl P.L., Magomedov R.G., Stronach D., Morales A., Arnanz A.M.* 1997. The 1995 Dagestan – American Velikent Expedition // Eurasia Antiqua. Bd. 3. Berlin.
- Gadzhiev M.G., Kohl P.L., Magomedov R.G., Stronach D., Gadzhiev Sh.M.* 2000. Dagestan – American Archaeological Investigations in Dagestan, Russia 1997-99 // Eurasia Antiqua. Bd. 6. Mainz am Rhein.
- Cuyler Young T., Killick R.G., Watson P.J. et al.* 1988. Tell Rubeidheh. An Uruk village in the Jebel Hamrin // Iraq Archaeological Reports 2. Baghdad.

СРУБНОЕ ПОГРЕБЕНИЕ ИЗ ПОСЕЛЕНИЯ ЕДУШ II, С ПЛИТОЙ, СОДЕРЖАЩЕЙ СОЛЯРНЫЕ ЗНАКИ

Розудеев В.В.

ГАУК РО «Донское Наследие», г. Ростов-на-Дону

В 2023 г. при раскопках поселения Едуш II было исследовано погребение срубной культуры эпохи поздней бронзы с плитой, декорированной выбитыми изображениями. Раскопки проведены по открытому листу Н.М. Власкина. Поселение находится на правом берегу р. Миус, в 12 км к северу от г. Таганрог, на восточной окраине х. Едуш. Поселение двухслойное. Верхний слой – кочевье с хозяйственными ямами золотоордынского времени (XIV в.). Нижний относится к срубной культуре. В восточной части, ближе к реке, открыты каменные постройки без стационарных очагов; вероятно, поселение было сезонным. Материал представлен как раннесрубным, так и позднесрубным, сабакиновским временем.

Всего было исследовано пять погребений: 1 средневековое и 4 срубных. Срубные погребения – умершие лежали скорченно на правом боку, руки согнуты, кистями к лицу. Ориентировки разные: на Ю – 2, на В – 1, на З – 1 (парное).

Погребение 1 (рис. 1, 1–6) вскрытое на поселении в квадрате 45, к западу от построек, было совершено в грунтовой яме с каменным перекрытием. Основу перекрытия составляла плита, размерами 1,35 × 0,75–1,05 м и толщиной до 0,2 м. Плита лежала поперек ямы. На верхней поверхности плиты выявлены изображения. Над северной половиной плиты была наброска из камней (рис. 1, 1), являвшихся микронасыпью над могилой. Явно плита была положена первоначально горизонтально, но под своим весом и тяжестью каменной наброски ее северный край просел в могилу.

Могильная яма имела размеры 1,43 × 1,0 м и глубину 1,7 м от современной поверхности. На дне лежал костяк человека, в положении скорчено на правом боку, черепом на В.

Инвентарь:

1. Плоскодонный груболепный сосуд с коротким слегка отогнутым венчиком, высотой 10,5 см, орнаментирован заштрихованными треугольниками вершинами вниз. Орнамент нанесен оттисками шнура. Сосуд частично разрушен (рис. 1, 5).

2. Над каменной плитой, среди камней найдена продолговатая односторонняя каменная литейная форма для изготовления мерных (весовых) слитков (рис. 1, 4). Размеры: длина 7,3 см, ширина 2,5–3,0 см, высота 1,7–2,0 см. Углубление-негатив вытянутой овальной формы: 5,9 × 1,1 – 1,4 × 1,0 см. Верхняя часть литейной формы, включая углубление, покрыта двумя слоями известковой обмазки. На дне и боковине литейной формы отмечены следы проточек, которые свидетельствуют, что данный предмет использовали еще и как точильный брусок. Судя по объему негатива, вес получаемого слитка был около 21 гр.

Вероятно, умерший был кузнецом и своим огненным ремеслом был связан с культом солнца.

Подобные литейные формы известны в комплексах эпохи средней бронзы. Для нас интересно погребение литейщика (Малая Терновка, к. 2 п. 7) с набором льячек и похожих литейных глиняных форм разных размеров (Кубышев, Черняков, 1985. С. 39–54). Литейные формы также были покрыты известковой обмазкой. Интересны указанные параллели с Ближним Востоком. Авторы отметили пять весовых категорий для льячек и литейных форм. Самые мелкие формы соответствовали слиткам весом 42 гр., ровно в два раза больше нашей формы. То есть двухкратное соотношение вписывает нашу форму в эту систему весовых категорий.

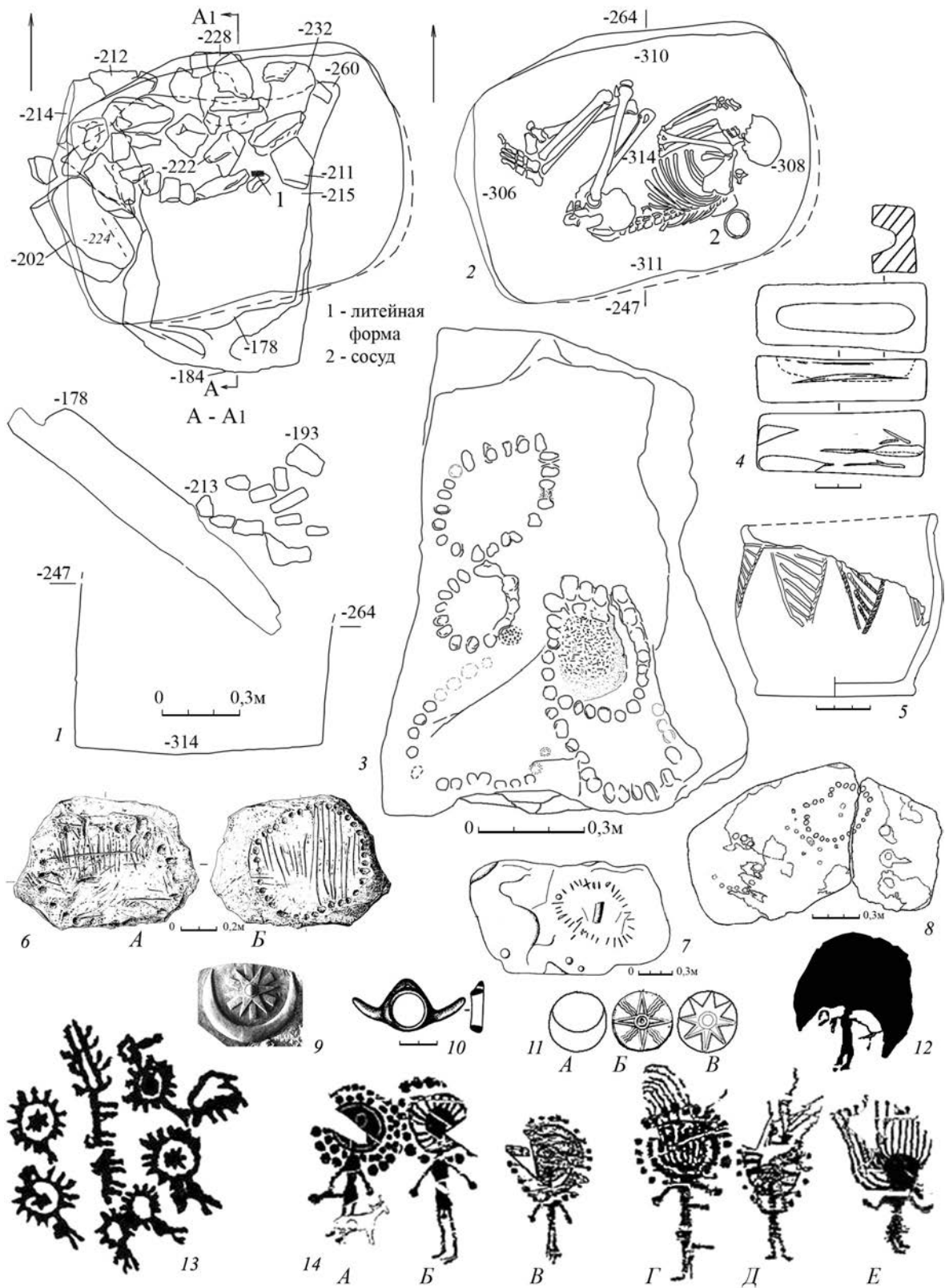

Рис. 1. 1-5 – пос. Едуш II, кв. 45 погр. 1; 6 – Попов Яр, к. 3 п. 7; 7 – Русинов Яр, к. 1 п. 1; 8 – Таврия-I, к. 1 п. 2; 9 – деталь стелы Ур Намму, г. Ур (XXII в. до н.э.); 10 – Алексеевский-I, п. 66; 11 – деталь рельефа из Абу Хабба; 12-13 – Саймалы Таш; 14 – Тамгалы Тас

На поселении Кременчук на Южном Буге, время КМК, встречена каменная форма (Кубышев, Черняков, 1985. С. 39–54. Рис. 8, 4).

Изображения на плите. Поверхность плиты неровная, «ступенчатая» в нижней части. Все изображения нанесены точками-лунками (рис. 1, 3). На плите отмечены следующие изображения:

1. Верхний овал выполнен 21 лункой и имел миндалевидную форму, размеры: 40 × 30 см. С правой стороны несколько точек почти слились в сплошную линию, с левой стороны 2 лунки мелкие и плохо видны.

2. Ниже, впритык, почти правильная окружность, выполнена 13 лунками, размеры: 25 × 20 см. Лунки выбиты слабо и плохо видны. С правой стороны лунки слились в сплошную линию.

3. Ниже этого рисунка справа выбит двухчастный овал, самый интересный. Сперва был выбит верхний овал (36 лунок), а затем была добавлена нижняя дуга (15 лунок). Размеры верхней части – 40 × 30 см, нижней – 25 × 30 см. Общие размеры 65 × 30 см. Внутри верхнего овала поверхность выбита и углублена, только справа оставлена нетронутой узкая полоска полумесяцем. Лунки верхней части справа слились в сплошную линию. Все лунки четкие. В нижней дуге справа 3 лунки мелкие и плохо видны.

4. В левом нижнем углу выбита дуга (не меньше 16 лунок), верхние и средние лунки мелкие и видны плохо. Не понятно, это дуга или часть какой-то фигуры.

Для понимания изображений на плите рассмотрим некоторые аналогии. Известны 3 срубных погребения с «солярными» плитами.

Два на Донбассе в бассейне р. Полтавка.

1) Русинов Яр, к. 1 п. 1 – богатое погребение в каменном ящике. На южной плите стены ящика отмечено солярное изображение в виде овала, выполненного гравированными черточками (рис. 1, 7) (Polidovych, Usachuk, 2013. Fig. 2, 1).

2) Попов Яр, к. 3 п. 7. Погребение подростка в простой яме. На плите перекрытия с двух сторон нанесены солярные изображения в виде овалов. Техника нанесения изображений представлена выбитыми лунками и штриховкой вертикальными линиями (рис. 1, 6) (Polidovych, Usachuk, 2013. Fig. 4–5). Третий комплекс находился на западном берегу Миусского лимана: Таврия-I, к. 1 п. 2. Погребение принадлежало мужчине лет 50 и было совершено в простой яме, перекрытой каменной плитой. На плите перекрытия выявлены солярные изображения, выбитые лунками (рис. 1, 8). Впритык к плите была выявлена кольцевая оградка (Ларенок, 1998. С. 61–62. Табл. LI). В левой части плиты частично сохранился круг, в правой половине «сердцевидная» фигура. Между ними выявлены несколько лунок, возможно, это остатки изображения третьей фигуры (рис. 1, 8). Количеством нанесенных изображений эта плита ближе всего нашей.

Итак, представлены плиты с разными изображениями: 1) простой круг (овал); 2) круг, заштрихованный вертикальными линиями; 3) «сердцевидная» фигура; 4) двухчастный «овал» – углубленный круг и малозаметный полумесяц с краю, при этом добавочная нижняя дуга как бы повторяет полумесяц; 5) простая дуга.

Аналогии мы находим в Центральной Азии и на Ближнем Востоке.

В Центральной Азии это изображения «солнцеголовых» божеств (рис. 1, 13, 14) и изредка «месяцеголовых» (рис. 1, 12). Есть сцены поклонения людей таким божествам. Интересны два самых ярких комплекса: Тамгалы Тас (Рогожинский, 1994. С. 1–27) и Самайлы Таш (Бернштам, 1952. С. 50–68). Помимо одиночных фигур, здесь представлены и многофигурные композиции, по шесть фигур (рис. 1, 13, 14). Саймалы Таш – круги с лучиками и звездочками внутри. Тамгалы Тас – углубленные круги, окружности из точек-лунок вокруг кругов или внутри них; окружности, заштрихованные вертикальными линиями, круги с лучами вверх и т.д.

На Ближнем Востоке изображения божеств имели антропоморфный облик, но каждое божество пантеона имело свой собственный символ. Например, Шамаш – солнце, изображенное в виде диска с четырехконечной звездой; Син – луна, представленная в виде полумесяца

или круга с вписанным в него полумесяцем; Иштар – Венера, в виде восьмиконечной звезды; Мардук – копьё и т.д. Нас интересуют солярные символы. На раннем этапе, шумерском, это луна и солнце (рис. 1, 9). Позже, во II тыс. до н.э., уже три символа – луна (месяц), солнце и Венера (рис. 1, 11). На плите из Едуша также три символа. Интересно изображение луны – круг с вписанным в него полумесяцем. Это изображение совпадает с нижним двухчастным овалом на нашей плите. Можно предположить, что верхний овал изображает солнце, а средний Венеру. Четвертая фигура остается непонятной, но можно сделать одно предположение. Линия дуги идет по краю плиты до угла, затем поворачивает к центру. На Ближнем Востоке (Вавилон) на некоторых межевых камнях – кудурру – так показан змей – символ Млечного Пути.

Возможно, что добавочная нижняя дуга на нижнем овале говорит о совмещении двух символов – солнца и луны. Тем более, что в срубной культуре есть медальон (подвеска) похожей формы (рис. 1, 10) (Рогудеев, 2015. Рис. 9, 25). Вероятно, парное изображение солнце – луна также представлено на плите из Попова Яра, к. 3 п. 7. На плите из комплекса Таврия-I, к. 1 п. 2 правый рисунок имеет сердцевидные очертания, напоминающие подвески-лунницы. Подвески в форме лунницы встречаются в женских погребениях эпохи бронзы (Рогудеев, 2015. С. 72–74. Рис. 9, 19, 20, 25).

Уникальным является случай нахождения в одном комплексе «солярной» плиты и литейной формы.

Литература

- Бернштам А.Н.* 1952. Наскальные изображения Саймалы Таш // СЭ. № 2.
- Кубышев А.И., Черняков И.Т.* 1985. К проблеме существования весовой системы у племен бронзового века степей Восточной Европы (на материалах погребения литейщика катакомбной культуры) // СА. № 1.
- Ларенок П.А.* 1998. Курганные могильники Таврия 1-3 // Курганы Северо-Восточного Приазовья. Каталог (Неклиновский и Матвеево-Курганский районы Ростовской области). Материалы и исследования Таганрогской археологической экспедиции. Вып. III. Ростов на Дону.
- Рогожинский А.Е.* 1994. Археологический комплекс эпохи бронзы урочища Тамгалы. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Алматы.
- Рогудеев В.В.* 2015. Медальоны среднего и позднего бронзового века (к атрибуции солярных медальонов «Чакра») // Археология восточно-европейской степи. Выпуск 11. Саратов.
- Polidovych Yu.B., Usachuk A.N.* 2013. Stone slabs with Images of the Late Bronze Age from the kurgan complexes in Eastern Ukraine // *Archaeoastronomy and Ancient Technologies*. Vol. 1 (1).

САРЫКАМЫШСКАЯ СТАТУЭТКА ИЗ ПЕТЕРБУРГА

Соболев В.Ю.

Институт истории СПбГУ, г. Санкт-Петербург

В начале 2000-х годов в руки одного из моих учителей, крупнейшего специалиста по североевропейскому железному веку, эпохе викингов и русско-скандинавским связям, Глеба Сергеевича Лебедева попала занятная бронзовая статуэтка. Она представляет собой довольно грубую бронзовую объемную антропоморфную фигуру с четко заметными литейными швами и не убранным облоем (рис. 1).

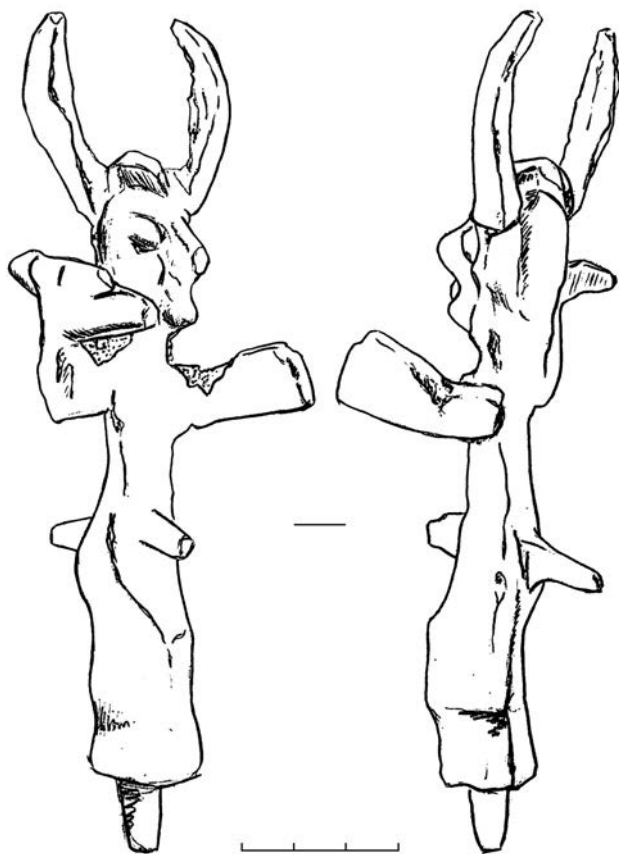

Рис. 1. Бронзовая фигурка, найденная близ станции Ручьи (СПб). Рисунок Е.Р. Михайловой

Фигура, по всей видимости, мужская, черты лица – нос, глаза – крупные, четко профилированные. На голове, гребнем с отходящими в верх и немного в стороны изогнутыми рогами, показан шлем. Руки подняты на уровне груди, в правой кисти зажат обломок круглого в сечении предмета – дротика или копья, которым персонаж собрался поразить противника, левая же от локтя показана утолщением, возможно, представляющим собой остатки утраченного щита. В районе поясницы со стороны лица и со спины находятся два округлых

выступа, нижняя часть фигуры (ноги) плохо проработаны. Внизу фигура завершается черешком-стержнем. Артефакт был найден в начале 1960-х гг. мальчишками на северо-восточной окраине Ленинграда, в районе железнодорожной станции Ручьи, и долгие годы как некий курьезный предмет хранился в доме знакомых Г.С. Лебедева¹.

Г.С. Лебедев, связывая находку с кругом североевропейских древностей, отмечал, что в петроглифах Южной Скандинавии рогатые фигуры не редки. Несколько лет назад фигурка была опубликована Е.Р. Михайловой (Михайлова, 2016. С. 49–51), вслед за Г.С. Лебедевым высказавшей предположение о связи статуэтки с североевропейскими культурно-историческими общностями бронзового века, занимавшими территории вплоть до правобережья р. Охта (Сорокин и др., 2009. С. 205–211; Сорокин и др., 2011. С. 368–382).

Аналогии охтинской находке нашлись, но не на западе, а на юге, среди предметов, происходящих с территории Северного Кавказа и Закавказья. Аналогичные статуэтки были найдены в 1917 г. в крепости Сарыкамыш (Мадуров, 2022. С. 157. Рис. 1, 1). В каталоге О.А. Брилевой может быть выделена целая группа схожих и практически идентичных антропоморфных изображений, найденных в различные годы в Армении, Кабардино-Балкарии, Дагестане (наиболее близкие: Брилева, 2012. Кат. №№ 507, 510-512, 517, 521, 522, 525, 530, 535, 536, 546, 551-553). Таким образом петербургская находка может восприниматься как предмет, территориально оторванный от основной серии, но безусловно принадлежащий кругу приведенных аналогий. Важная деталь, сохранившаяся на петербургском артефакте – черешок, которым он мог крепиться в некоей основе (деревянному стержню, посоху, любой плоской поверхности с предварительно подготовленным отверстием).

Уместно привести осторожные соображения относительно рассматриваемой находки. Несмотря на высказывавшееся еще в XIX в. предположение о поддельном характере сарыкамышских фигурок, петербургская статуэтка вряд ли может быть признана копией с копии. Скорее следует предположить, что это оригинальный предмет, например, из числа не попавших в руки С.В. Безсонова (Брилева, 2012. С. 64), каким-то образом попавший в столицу и здесь утерянный.

Литература

- Брилева О.А. 2012. Древняя бронзовая антропоморфная пластика Кавказа (XV в. до н.э.— X в. н.э.) М.
- Мадуров Д.Ф. 2022. Атрибуция бронзовых статуэток, сарыкамышских и «smiting gods» // Древние и средневековые культуры Кавказа: открытия, гипотезы, интерпретации. XXXII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции по археологии Северного Кавказа, посвященной 125-летию раскопок Майкопского кургана. Майкоп, 18-23 апреля 2022 г. Майкоп.
- Михайлова Е.Р. 2016. «Идолище» со станции Ручьи // Археологические Вести. Вып. 22 (2016). СПб.
- Сорокин П.Е., Гусенцова Т.М., Глухов В.О., Екимов А.А., Кулькова М.Н., Мокрушин В.П. 2009. Некоторые результаты изучения населения Охта-1 в Санкт-Петербурге: Эпоха неолита – раннего металла // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. Вып. 3. СПб.
- Сорокин П.Е., Короткевич Б.С., Гукин В.Д. 2011. Находки эпохи бронзы – раннего средневековья на Охтенском мысу // Европейская Сарматия. Сборник, посв. Марку Борисовичу Щукину. По материалам конференции, проведенной в рамках XIV чтений памяти Анны Мачинской. СПб.

¹ С 2003 г. воткнутая в свечку, фигурка стояла на рабочем столе Г.С. Лебедева, а в разговорах именовалась «идолищем». В 2005 г. предмет был передан в Музей истории СПбГУ.

ИЗОБРАЖЕНИЯ, НАНЕСЕННЫЕ КРАСКОЙ, В ПОГРЕБЕНИЯХ РАННЕЙ И СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ СТЕПНОЙ ЧАСТИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Стеганцева В.Я.

Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург

Культуры ранней и средней бронзы степной части Восточной Европы известны, в основном, по погребальным памятникам. В них изредка встречаются изображения, нанесенные различными красками. Эти изображения по месту расположения в погребении могут быть разделены на три группы: изображения на заплечиках или на краях могил, изображения на дне могил, знаки на костях погребенных.

Известны два случая изображений на краях могил. Одно из них было нанесено на остатки ковра, расположенного на западном краю могильной ямы и укрытого сверху камышовой циновкой (погребение 8 кургана 9 могильника Три брата). Геометрический узор состоял из «параллельных полос, зигзагообразных линий и линий, образующих узор в виде ромба» (Синицын, 1948. С. 151, 152. Рис. 16). Поверх ковра и циновки были уложены жерди перекрытия и камни, удерживающие их.

В восточной части заплечиков погребения 11 кургана 3 Батуринского II могильника на темном органическом покрытии была обнаружена роспись красной киноварью, состоявшая из четырех силуэтных схематических фигур: предположительно, рала, быка, человека и птицы. Автор публикации предположил, что это был отпечаток ткани (Шарафутдинова, 1983. С. 17–20. Рис. 2, 1; 3).

Изображения на дне могил представлены схематическими изображениями стоп человека и различными геометрическими, включая криволинейные, знаками и элементами орнамента, выполненные разноцветными красками.

Схематические изображения стоп в количестве от одного до четырех находились на дне камер катакомбных захоронений: погребение 1 кургана 2 могильника Новониколаевка 2 (Санжаров, 1989. С. 97–100. Рис. 1, 1; 8), погребения 4 и 7 кургана 3 могильника Кондратьевка (Кульбака, Качур, 1998. С. 30, 36. Рис. 14, 1; 16, 4) и др.

В погребении 10 кургана 5 могильника Белояровка была обнаружена роспись охрой, состоящая из нескольких мотивов – в том числе скругленных зигзагов, спиралей, петель. На костях погребенных сохранились полоски охры, в связи с чем автор публикации предполагает, что они были покрыты полосатым саваном (Санжаров, 1989. С. 100–102. Рис. 4).

В пог. 1 кург. 2 могильника Новониколаевка 2 кроме изображений стоп было обнаружено схематическое изображение, выполненное полосами яркой охры, интерпретировать которое не удалось (Санжаров, 1989. С. 100. Рис. 1, 1, 11; 2, 1).

В погребении 2 кургана 1 могильника Берестовое, погребениях 4 и 10 кургана 3 могильника Кондратьевка (Кульбака, Качур, 1998. С. 26, 30, 36–38. Рис. 10, 2, 4; 15, 7; 17, 4) были обнаружены фрагменты «кожаного изделия с орнаментом». Геометрический орнамент состоял из концентрических кругов ярко-красного цвета, между которыми находились небольшие треугольники черного цвета, вершинами от центра изделия. Промежутки между кругами были желтыми. Кожаная основа имела темно-коричневый цвет. По краю одного из фрагментов сохранились дырочки с остатками ниток. В целом орнамент имел красочный и яркий вид. В одном случае, кожаное изделие с орнаментом находилось под черепом погребенного. Возможно, это была подушка.

Авторы интерпретируют росписи как нанесенные на погребальный саван, отмечая структуру ткани на охре, считают, что изображения стоп имеют культовый характер, а орнаменты – утилитарный, выполняя функцию украшения вещей.

Изображения на костях погребенных вначале считали орнаментом, нанесенным на одежду или обувь. В 1962 г. при раскопках курганов на территории Новочеркасской ГРЭС в ямном погребении 7 кургана 7 на правой берцовой кости погребенного был обнаружен «слабый отпечаток орнамента. Вероятно, на кости отложилась краска, которой были расписаны сапоги, надетые на покойном. Геометрический орнамент – узор в виде диагонально разделенных ромбов – образован пересекающимися полосами, состоящими из четырех параллельных линий» (Мелентьев, 1966. С. 96, 97).

При раскопках могильника Останний в погребении 140 кургана 1 на черепе покойного была зафиксирована яркая «узорчатая полоса» «флюоресцентной» охры. «Рисунок был выполнен в виде узкой полосы, от которой под углом в обе стороны отходят поперечные отростки, напоминающие листья». Поперек фаланг пальцев рук и ног погребенного находились тонкие полоски такой же охры. Автор раскопок считает, что это были орнаментальные полосы на головном уборе, на обуви и на рукавах одежды (Гей, 2000. С. 73, 74. Рис. 24, 2, 3).

В погребении 10 кургана 1 могильника Приморский на пястных и запястных костях погребенного зафиксированы прерывистые короткие полосы и точки черного цвета – «возможно, остатки краски татуировки» (Прокофьев, Прокофьева, 2009. С. 90–92. Рис. 30, 1, 2)

В погребении 1 кургана 2 могильника Темрта III на берцовых костях правой ноги погребенного находилась татуировка в виде волнистых линий и линий с уступами (Shishlina, 2013. S. 70. Fig. 3)

В погребении 16 кургана 2/3 могильника III у Аксайского поворота на фалангах кистей, запястьях обеих рук и локтевых костях погребенной в катакомбе женщины «прослежен отпечатавшийся на костях узор татуировки в виде темно-коричневых узких продольных полос и волнистых линий между ними» (Глебов, Гугуев, 2019. С. 47–49, 67. Рис. 17, 1, 4).

Н.И. Шишлина выдвинула гипотезу о том, что татуировки не только украшали тело, но использовались как лечебное средство и как орудие симпатической магии (Shishlina, 2013).

Необходимо отметить, что в описанных выше цветных изображениях использовались те же мотивы и элементы орнамента, что и в орнаментации керамики культур ранней и средней бронзы степной части Восточной Европы.

Можно с уверенностью предполагать, что бытовая жизнь в эпоху ранней и средней бронзы была насыщена красивыми, приятными глазу вещами, украшенными, в том числе, яркими росписями и узорами.

Литература

- Гей А.Н. 2000. Новотиторская культура. М.
- Глебов В.П., Гугуев Ю.К. 2019. III курганный могильник у Аксайского поворота // Труды археологического научно-исследовательского бюро. Т. V. Ростов-на-Дону.
- Кульбака В.К., Качур В. 1998. Соматичні культури бронзового віку півдня Східної Європи. Маріуполь.
- Мелентьев А.Н. 1966. Раскопки курганов эпохи бронзы под Новочеркасском в 1962 г. // КСИА. Вып. 106.
- Прокофьев Р.В., Прокофьева Т.Е. 2009. Раскопки курганов на побережье Таганрогского залива // Археологические записки. Т. 6. Ростов-на-Дону.
- Санжаров С.Н. 1989. Охра в изобразительной деятельности племен эпохи средней бронзы Донетчины // СА. № 2.
- Синицын И.В. 1948. Памятники предскифской эпохи в степях Нижнего Поволжья // СА. Вып. X. М.–Л.
- Шарафутдинова Э.С. 1983. Новые материалы по эпохе энеолита и бронзы в Степном Прикубанье // КСИА. Вып. 176.
- Shishlina N. 2013. Bronze Age Tattoos: Sympathetic Magic or Decoration? // Tattoos and Body Modifications in Antiquity / Zurich studies in archaeology. Vol. 9.

О ТИПАХ СТОЯНОК КОНЦА РАННЕГО ПЛЕЙСТОЦЕНА ЦЕНТРАЛЬНОГО ДАГЕСТАНА

Таймазов А.И.

Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, г. Махачкала

Многолетние комплексные исследования памятников раннего плейстоцена на территории Центрального Дагестана предоставили разносторонние источники для рассмотрения различных проблем древнейшего палеолита. Одним из важнейших вопросов изучения памятников является определение их функционального назначения. Многочисленные культурные слои, выявленные в разрезах памятников Айникаб 1, Мухкай 1, Мухкай 2 и др., довольно резко отличаются друг от друга по тафономическим характеристикам, составу и насыщенности археологическим материалом. Попытки систематизировать и классифицировать их по функциональному признаку предпринимались неоднократно (Амирханов, 2016; Ожерельев, 2021). Были выделены стоянки по добыче и разделке туш животных (*butchering or kill sites*). Таковыми, например, являются стоянки Мухкай 2, слой 80 и Мухкай 2а (Амирханов, 2016; Ожерельев, 2021). Редкие для эпохи олдована стоянки с объектами бытового характера, сохранившими контекст горизонта обитания, по всей вероятности, зафиксированы на памятнике Айникаб 1 в основании слоя 13 (по новой нумерации соответствует нижней части слоя 24). На это указывает обнаруженные здесь остатки кострища, залежавшего на уровне распространения каменных артефактов, включающих орудия, отщепы, обломки и желваки со сколами (Амирханов и др., 2013). Высказывались также предположения о существовании объектов других функциональных разновидностей (стоянок типа мастерских, мест кратковременного посещения, пунктов, где складировалось кремневое сырье и др.).

Раскопки на широких площадях, проведенные в 2018–2019 гг. в верхней части отложенных памятников Мухкай 1 и Мухкай 2, позволили конкретизировать тафономические характеристики памятников и выявить новые типы объектов. Только на памятнике Мухкай 1 было зафиксировано несколько разновидностей стоянок, соответствующих классификации древнейших памятников (Leakey, 1971; Isaac, 1969; 1978). В верхней части толщи памятника были изучены 17 слоев с археологическим материалом. Датируются эти слои концом раннего плейстоцена (Амирханов, 2016). Каждый из них, по сути, представляет собой отдельную стоянку. Общий количественный и качественный состав находок в этих слоях не одинаковый. Различаются также и условия в которых обнаруживается археологический материал. В слоях 1д, 1л, 4, 5, 5б, 6, 7б/1 и 8 кремневые изделия залегают в галечно-гравийно-валунных отложениях пролювиального генезиса. Эти слои содержат большое количество каменных изделий при полном отсутствии фаунистических остатков. Археологические находки в них рассредоточены по всей толщине слоя (*sites with diffused material*) и, вероятно, переотложены из мест своего первоначального залегания. Однако, расстояние переноса каменных изделий, по-видимому, не была дальней. На это указывает отсутствие видимых признаков окатанности на обработанных гранях каменных артефактов. Состав находок таких слоев включает разнообразное орудия, нуклеусы, нуклеидные обломки, многочисленные отщепы, и, в целом, соответствует набору изделий базовых стоянок или долговременных стоянок-мастерских.

Фиксация стоянок *in situ* с сохранением древних поверхностей обитания в слоях обломочника при отсутствии скоплений каменных изделий и костей или других объектов бытового характера задача довольно сложная. Одним из признаков, указывающих на их существование, может служить обнаружение в слоях гигантских орудий весом 5–6 кг. Последние, как считает Х.А. Амирханов, использовались на месте и служили «для раскалывания черепов и

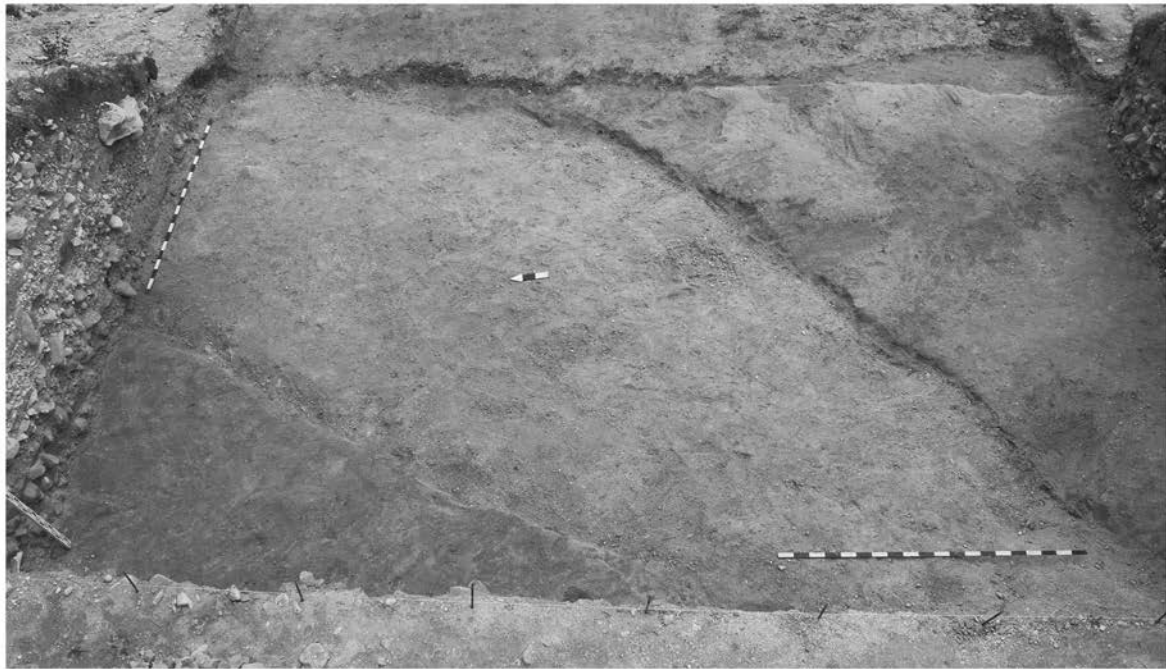

Рис. 1. Стоянка Мухкай 1. Вскрытый раскопками участок палеореки:
А – вид до выборки заполнения русла; Б – вид после выборки заполнения русла

дробления трубчатых костей с целью добывания костного мозга» (Амирханов, 2016. С. 28). По его мнению, культурные слои, содержащие орудия-гигантолиты в виде пиков и чопперов, «являлись остатками базовых стоянок или стоянок-убежищ, куда «добытчики» пищи приносили свои трофеи» (Амирханов, 2016. С. 29).

Среди культурных слоев, где археологический материал залегает в обломочной толще, выделяются памятники, связанные с участками русел древних рек (*river or stream channel*

sites). Кремневые изделия на этих памятниках залегают в древних речных отложениях. Археологические находки в древних водотоках переотложены. При этом они представительны в количественном отношении и отличаются большим типологическим разнообразием. К памятникам указанного типа, например, относятся археологические остатки, выявленные в слое 5б стоянки Мухкай 1. Палеорусл (рис. 1) было ориентировано по направлению ЮЗ-СВ. Максимальная ширина его составляла около 4 м, глубина – 1 м. Участок, по-видимому, этого же русла был выявлен также на одном гипсометрическом уровне на соседней стоянке Мухкай 2 (слой 6).

Ряд изученных культурных слоев памятника связаны со слоями мелкозема (слои 7а, 7б, 7в, 11). Кремневые изделия в этих слоях имеют лучшую сохранность по сравнению с находками из обломочника. Здесь выделяются стоянки с сохранившимися уровнями обитания. Фрагменты такой стоянки, например, выявлены в слое 7в стоянки Мухкай 1. Последний раскопан на площади 35 кв. м. Коллекция включает в себя 186 изделий, разнотипных в морфологическом отношении и разнородных в технологическом смысле. Археологические находки в культурном слое залегают не во «взвеси», а предстают в виде гомогенного, сохранившегося *in situ* комплекса, что доказываются общестратиграфическими и микростратиграфическими наблюдениями, залеганием материала в виде литологически единого тонкого горизонта и на одном уровне, а также наличием многочисленных «связей» между кремневыми изделиями, залегающими в слое (Амирханов, Таймазов, 2020).

Планиграфически в структуре слоя 7в установлено наличие трех пятен концентрации археологического материала. Состав культурных остатков, обнаруженных в пределах этих трех скоплений, указывают на то, что два из них (скопления 1 и 2) представляют собой участки, где осуществлялось использование готовых орудий. Третья структура (скопление 3) было местом, где древние люди использовали и активно изготавливали орудия.

Результаты исследования стоянки Мухкай 1, слой 7в позволяют сделать заключение о существовании на северо-востоке Кавказа в конце раннего плейстоцена функционального типа памятников, относящихся к базовым стоянкам (*home base, base camp*). По данным рассматриваемых материалов культурные остатки таких памятников представляют собой не хаотичное распространение в слое продуктов расщепления каменного сырья (в данном случае кремня), а органичные группы инвентаря, которые фиксируют наличие различных функциональных участков стоянки. Остатки базовой стоянки в слое 7в характеризуют собой место, где осуществлялась не эпизодическая, а относительно долговременная (на протяжении сезона?) активная деятельность ее обитателей, как производственная, так и бытовая (Амирханов, Таймазов, 2020).

Литература

- Амирханов Х.А. 2016. Северный Кавказ: начало преистории. Махачкала.
- Амирханов Х.А., Бронникова М.А., Таймазов А.И. 2013. О следах огня на стоянке олдована Айникаб 1 в Центральном Дагестане // Древнейший Кавказ: перекресток Европы и Азии. СПб.
- Амирханов Х.А., Таймазов А.И. 2020. Раннеплейстоценовая стоянка Мухкай 1 (слой 7в) в Дагестане: структура функциональных элементов // КСИА. Вып. 259.
- Ожерельев Д.В. 2021. Мухкай II, слой 80. Стоянка эпохи олдована на Северо-Восточном Кавказе. М.
- Isaac G.L. 1969. Studies of early culture in East Africa // World Archaeology. Vol. 1 (1).
- Isaac G. 1978. The Food-sharing Behavior of Protohuman Hominids // Scientific American. Vol. 238 (4).
- Leakey M.D. 1971. Olduvai Gorge. Excavations in Bed I and II, 1960–1963. Vol. 3. Cambridge.

ПОСЕЛЕНИЕ КОТЛАМА-23 – НОВЫЙ ПАМЯТНИК ЭПОХИ БРОНЗЫ ПОД НОВОРОССИЙСКОМ

Шишлов А.В., Колпакова А.В., Федоренко Н.В.

Новороссийский исторический музей-заповедник, г. Новороссийск

В 2016 г. экспедицией Новороссийского исторического музея-заповедника при проведении археологической разведки в Раевском сельском округе г. Новороссийска было выявлено поселение Котлама-23 (Шишлов, 2019. Т. 1. С. 193–214; Т. 7. С. 14–94). Памятник расположен в 2,4 км к западу от х. Победа, в нижней части северного пологого склона горы Маскага, в 60 м к югу от русла р. Котлама. Территория поселения вытянута с юго-востока на северо-запад и занимает возвышенное место относительно прилегающих западной и восточной частей склона. Эта возвышенность, вероятно, образовалась благодаря длительному проживанию людей в XIX–XX вв. Первоначально здесь был хутор, а перед Великой Отечественной войной – колхоз. Подъемный материал был представлен керамикой, мусором недавнего времени и строительными остатками в виде крупных камней в северной части, время использования и происхождение которых определить без раскопок невозможно. В то же время, на поселении был зафиксирован подъемный материал эпохи бронзы: каменная зернотерка овальной в плане формы, ладьевидной в сечении (рис. 1, 31), фрагмент стенки майкопского красноглиняного сосуда, с серым закалом в центре (1 класса, по С.Н. Корневскому), фрагмент каменного топора с округлым обухом и отверстием для насада, диаметром около 2,0 см (рис. 1, 29), аналогичный топорам с поселения Чекон (Корневский, Юдин, 2023. Рис. 138, 1, 3, 6, 7), керамический диск из стенки лепного сосуда (рис. 1, 30).

Согласно проведенным исследованиям, площадь поселения составляет 21230 кв. м. В заложённых шурфах толщина непо потревоженного культурного слоя составляет около 40 см. В центральной части северо-восточной половины поселения в шурфе № 259 зафиксирован культурный слой толщиной до 180 см. Культурный слой поселения перекрыт позднейшими напластованиями, строительными остатками хутора, колхоза и смытым грунтом с более высоких участков склона после их распашки (толщиной от 40 до 70 см).

Керамическая составляющая культурного слоя характеризуется фрагментами лепной плоскодонной керамики. Черепок темно-серого, серо-коричневого, красно-коричневого цветов, иногда с серым закалом в центре, тесто с примесью кальцита или кальцита и органики. Венчики сосудов закрытого типа отогнуты растробом, край завален, заострен или скошен (рис. 1, 1–12). Миска представлена одним фрагментом венчика, скошенным внутрь, уплощенным в сечении (рис. 1, 13).

Донья сосудов плоские, переход от дна к стенке плавный (рис. 1, 21–23) или выделенный (рис. 1, 24–26). В трех случаях зафиксированы ручки сосудов: две ручки петлевидные, профилированные широкой продольной бороздкой, образующей в верхней части выступы-ушки (рис. 1, 18, 19), аналогичные ручкам из Серегинского поселения (Корневский, 2004. Рис. 14, 17, 18); и одна ручка-налеп, украшенная вертикальными бороздками, нанесенными по сырой глине (рис. 1, 20).

Зафиксирована орнаментация сосудов. Выделим крупный лепной сосуд (во фрагментах). Черепок темно-серый, тесто с примесью кальцита. Место перехода тулова в шейку украшено горизонтальным и отходящим от него вниз вертикальным валиками, треугольными в сечении, орнаментированными одним рядом треугольного штампа и рядом косых насечек (рис. 1, 1). На фрагментах других сосудов так же встречается орнамент в виде оттисков треугольного, прямоугольного и кольчатого штампов (рис. 1, 2, 3, 14–16), аналогичные орнаментам

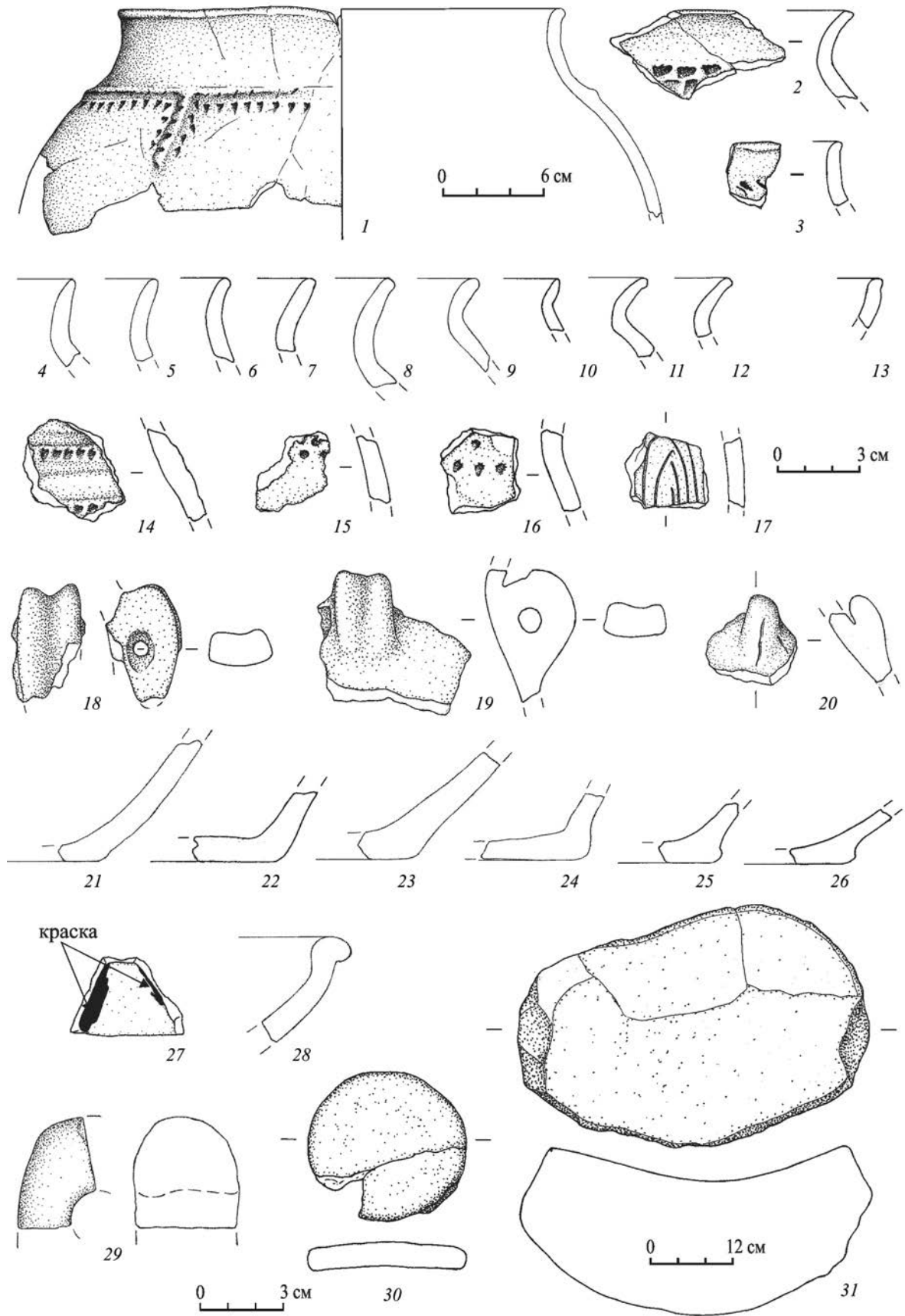

Рис. 1. Поселение Котлама-23.
 1–28 – фрагменты керамики; 29, 31 – орудия каменные; 30 – диск керамический

на керамике Серегинского поселения (Корневский, 2004. Рис. 15, 1, 22, 23). Кроме этого, в одном случае встречен орнамент, процарапанный по сырой глине, в виде трех арок, расположенных друг над другом (рис. 1, 17).

На поселении зафиксировано 23 фрагмента майкопских сосудов из качественной глины без минеральных примесей (1 класса, по: Корневский, 2004. С. 22), они найдены в подъемном материале, в пахотном и культурном слоях. Большинство фрагментов керамики 1 класса обнаружено в шурфе № 259. Среди них – фрагмент стенки красноглиняной миски со следами краски (рис. 1, 27) и, обнаруженный в нижней части шурфа, единственный профильный фрагмент – венчик миски с оттянутым наружу краем (форма 3 по: Резепкин, 2009. Таб. 1) (рис. 1, 28).

Ситуация, зафиксированная в шурфе № 259, выбивается из всей стратиграфии памятника. Шурф выбран на глубину до 266 см, в то время как в остальных шурфах, расположенных по периметру от шурфа № 259 на расстоянии от 15 до 20 м, глубина от уровня современной поверхности составляет от 100 до 120 см. Глубина культурного слоя в шурфе № 259 не объясняется особенностью рельефа. На наш взгляд, шурф «попал» в карьер по добыче глины. Так, в окружающих его шурфах материк представлен суглинком красновато-коричневого цвета, а в шурфе № 259 – светло-коричневым суглинком. В подтверждении нашего предположения надо отметить, что культурный слой поселения довольно беден и представлен мелкими, за незначительными исключениями, фрагментами керамики. В отличие от других шурфов, шурф № 259 более насыщен фрагментами керамических сосудов (235 единицы), глиняной обмазки (42) и другими артефактами: костяными ложилами (20) и каменными орудиями (зернотерками, отбойниками, терочниками) (9), а также большим количеством камней без обработки (121).

Таким образом, поселение Котлама-23, предположительно, является хозяйственным комплексом эпохи бронзы по добыче глины и ее дальнейшей переработки, при помощи каменных орудий, до получения нужной глиняной массы, из которой делались керамические сосуды. Вполне вероятно, где-то рядом могли располагаться печи для обжига керамики. Это предположение косвенно подтверждают находки глиняной обмазки и обнаружение в шурфе № 286 обожженных кусочков глины, сформованных в ладони человека.

Исходя из керамического материала, который содержит незначительное количество фрагментов майкопской керамики 1 класса и фрагментов плоскодонных лепных сосудов, часть которых украшена незамысловатым орнаментом в виде различных штампов, культурный слой памятника может быть датирован позднемайкопским и постмайкопским периодами (началом III тыс. до н.э.).

Литература

- Корневский С.Н. 2004. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. М.
Корневский С.Н., Юдин А.И. 2023. Чекон – поселение раннего бронзового века Западного Предкавказья (по раскопкам 2018 г.). М.; Саратов.
Резепкин А.Д. 2009. Миски из поселений Майкопской культуры. Классификация // Пятая Кубанская археологическая конференция. Тезисы и доклады. Краснодар.
Шишлов А.В. 2019. Отчет об археологических разведках на территории г. Новороссийска Краснодарского края в 2016 г. Т. 1, 7. Новороссийск // Архив НИМЗ. НА-10211/1, 7.

ПОГРЕБЕНИЕ ЭПОХИ РАННЕЙ БРОНЗЫ С БОГАТЫМ НАБОРОМ МЕТАЛЛИЧЕСКОГО ИНВЕНТАРЯ В НИЗОВЬЯХ СЕВЕРСКОГО ДОНЦА¹

Щипанова А.Г.¹, Климушина А.И.², Тутеева И.Ж.³, Данильченко А.Ю.⁴

¹ООО «Ростовское археологическое научно-исследовательское общество»,
г. Ростов-на-Дону

²Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург

³Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург

⁴Каменский музей декоративно-прикладного искусства и народного творчества,
г. Каменск-Шахтинский

Осенью 2022 г. экспедицией ООО «Ростовское археологическое научно-исследовательское общество» в 8 км к западу от г. Каменска-Шахтинского, в границах х. Малая Каменка, на правом берегу Северского Донца был исследован курган № 1 могильника «Малая Каменка VI». Высота кургана – 2 м, диаметр 60 м. В кургане открыто 22 погребения, 18 из которых относятся к эпохе бронзы и 4 – к более поздним периодам (Щипанова, 2023. С. 2–3)

Особый интерес представляет погребение № 13 – центральное в кургане 1. Оно совершено в глубокой подквадратной яме, размерами 3,10 × 4,30 м и глубиной 2,78 м от верхней границы погребенной почвы. Вероятно, яма имела бревенчатое перекрытие. Древесный тлен цилиндрической формы фиксировался в южной и северной стенках конструкции, на прослеженных неглубоких ступенях-«заплевиках».

На дне ямы зафиксирован костяк плохой сохранности. Судя по расположению отдельных костей скелета, погребенный лежал на спине, с согнутыми в коленях ногами, головой ориентирован на запад. Был установлен пол и примерный возраст погребенного – мужчина 25–30 лет².

Под костяком прослежено пятно коричневатого-красного и белесоватого тлена (циновка органического происхождения), обильно окрашенное охрой ярко-красного и бордового цвета. В северо-западном углу, в изголовье погребенного, находился инвентарь, компактно уложенный в один ряд.

Погребение отличается удивительно богатым и разнообразным инвентарем. Это комплекс из семи металлических изделий, а также каменное орудие из песчаника со следами шлифовки.

Описание предметов инвентаря:

Топор (рис. 1, 1). Относится к разряду проушных прямообушных орудий. Имеет круглую втулку. Спинка прямая, брюшко слегка изогнуто. Лезвие немного расширено. Общая длина топора – 11, 24 см. Вес 534 г. Литник располагался со стороны брюшка, о чем свидетельствует наличие усадочной раковины. Во втулке орудия сохранилась часть высохшего деревянного топорища (рис. 1, 2).

Плоское тесло (рис. 1, 3). Имеет трапециевидную форму и короткие пропорции. В профиле симметричное. На пятке тесла имеется глубокая треугольная выемка. Лезвие слегка закруглено. Длина изделия – 8, 52 см. Вес – 118 г.

Долото (рис. 1, 4). Имеет узкую криволезвийную рабочую часть, удлиненный желоб вдоль изделия и короткий подквадратный в сечении насад. Общая длина – 13, 7 см. Вес – 68 г.

¹ Авторы выражают глубокую благодарность В.С. Бочкареву и А.В. Кияшко за оказанную методическую помощь и консультации при подготовке данной работы.

² Определение костных останков подготовлено к.б.н., с.н.с. ГБУК РО «Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник» Батиевой Е.Ф.

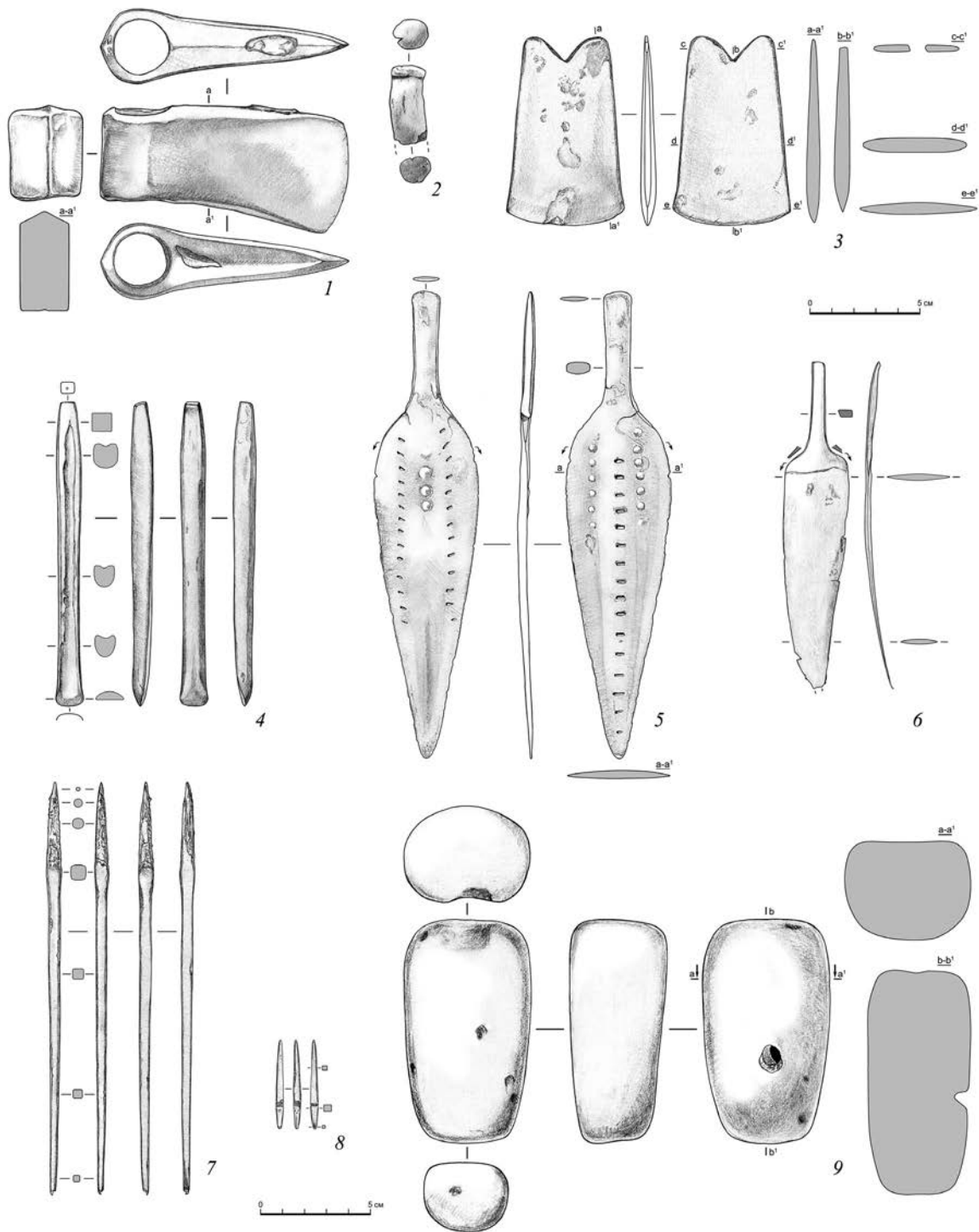

Рис. 1. Сопроводительный инвентарь п. 13, к. 1. курганного могильника «Малая Каменка VI»

Нож (рис. 1, 6). Относится к разряду черенковых двулезвийных орудий. Имеет остролиственную форму клинка, кончик которого слегка загнут вверх. В продольном сечении клинок изогнут, в профиле - тонкий. Длина ножа – 14, 5 см. Длина клинка – 9, 3 см. Вес орудия – 29 г. Лезвие клинка имеет следы активного использования.

Кинжал (рис. 1, 5). Относится к разряду черенковых кинжалов с клинком остролистной формы и покатыми плечиками. Сечение черенка прямоугольное, клинка – линзовидное. Общая длина кинжала – 21, 1 см. Вес – 80 г. Особенностью кинжала является декоративное

оформление клинка. По его оси на одной из сторон выбиты прямоугольные углубления, обрамленные в верхней части двумя рядами полусферических “шишечек”. На противоположной стороне по центральной оси расположен ряд из нескольких “шишечек”, а по бокам идут два ряда прямоугольных насечек. Таким образом, на клинке с двух сторон изображен один и тот же орнамент, но в зеркальной проекции.

Острие (рис. 1, 7). Бронзовое острие с упором для рукоятки. В поперечном сечении – квадратное. Общая длина – 18, 8 см. Вес – 22 г.

Шило (рис. 1, 8). Маленькое шило длиной 4 см, квадратное в сечении. Вес – около 2 г.

Все металлические изделия были прокованы, заточены и готовы к употреблению. Результат рентгенофлуоресцентного анализа показал, что они изготовлены из мышьяковистой бронзы (Табл. 1).

Таблица 1. Результаты РФА бронзовых изделий к 1, п. 13
могильника Малая Каменка VI³

№	Предмет	Cu	As	Sn	Pb	Sb	Ag	Ni	Fe
1	Шило	Осн.	1–2	–	–	–	–	–	<0,3
2	Топор	Осн.	4–5	–	–	–	–	–	<0,3
3	Нож	Осн.	6–8	–	–	–	–	–	Сл.
4	Острие	Осн.	1–2	–	–	–	–	–	<0,2
5	Долото	Осн.	5–6	–	–	–	–	Сл.	<0,2
6	Тесло	Осн.	2–4	–	–	–	–	–	–
7	Кинжал	Осн.	4–6	–	–	–	–	–	Сл.

Вместе с металлическими изделиями находился округлый каменный предмет с зашлифованной поверхностью (рис. 1, 9). Его точная функция не определена. Возможно, он использовался в качестве абразива.

Судя по положению костяка и другим особенностям погребального обряда, данное погребение может быть отнесено к ямной культуре и соответственно датировано эпохой ранней бронзы. Это определение подтверждается данными типологического анализа изделий.

Топор по всем основным признакам (абрис, круглая проушина, литник со стороны брюшка и т.д.) относится к типу Подлесье, названному по характерной находке в погребении ямной культуры из Среднего Поднепровья (Братченко и др., 2000. С. 8–14). Топоры этого типа получили широкое распространение на юге Восточной Европы в ямное и раннекатакомбное время (Климушина, 2023. С. 114–123).

Топор-тесло по своим пропорциям соответствует группе тесел из позднеэнеолитических и раннебронзовых (ямных) комплексов (Братченко, Санжаров, 2001. С. 63. Рис. 35). Примечательной чертой тесла из Малой Каменки является треугольной вырез на пятке. Тесла с подобным оформлением известны в памятниках ямной и раннекатакомбных культур, как в бассейне Северского Донца, так и прилегающих территориях. Согласно нашим наблюдениям, тесла с такими треугольными вырезами на пятке встречаются только в ямных и раннекатакомбных памятниках.

Нож из погребения, в целом, имеет стандартные форму и пропорции черенковых двулезвийных ножей эпохи ранней и средней бронзы. Его отличает криволезвийный клинок со слегка загнутым кончиком и тонкий профиль. Такие ножи выделяются рядом исследователей в отдельный тип (Братченко, 1996. С. 40. Рис. 2, 6; Гак, Калмыков, 2009. С. 109. Рис. 1, 50–53; Клещенко, 2011. С. 94. Рис. 2, 60–63), который был распространен в комплексах ямного и раннекатакомбного времени Закубанья, Нижнего Подонья и Северского Донца. Самая

³ Рентгенофлуоресцентный анализ (РФА) проводился в декабре 2022 г. Анализатор: спектрометр ArtTAX, BRUKER. Специалист: Сергей Владимирович Хаврин, ОНТЭ ГЭ (Отдел научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа).

отдаленная находка этого типа зафиксирована в погребении полтавкинской культуры в Южном Приуралье (Моргунова, 2014. С. 298. Рис. 30, 3).

Самой интересной находкой комплекса является бронзовый кинжал. По своей форме и пропорциям он относится к числу стандартных черенковых двулезвийных ножей эпохи ранней и средней бронзы юга Восточной Европы. Его выделяют размеры и орнаментация клинка, благодаря чему он входит в небольшую серию степных ножей крупных размеров эпохи ранней бронзы, интерпретируемых в литературе как кинжалы (Моргунова, 2014. С. 299). Чаще всего они встречаются в Волго-Уральском регионе. Единичные экземпляры известны в комплексах Предкавказья (Гак, Калмыков, 2009. Рис. 1, 37, 38). Что касается орнаментации клинка кинжала, в настоящее время аналогии ей неизвестны.

Долото с насадом, острое и шило являются достаточно характерными изделиями для погребений раннего и начала среднего бронзового века степной зоны Восточной Европы.

Благодаря многочисленному и разнообразному инвентарю описанное погребение представляет значительный интерес. Для ямной культуры Нижнего Подонья и бассейна Северского Донца столь богатый комплекс является редкостью. До его открытия подобные богатые погребения этой культуры были известны только в Волго-Уральском регионе. Возможно, их появление в Нижнем Подонье и Северском Донце связано с интенсивным развитием местной металлообработки.

Литература

- Братченко С.Н.* 1996. До проблеми ранньобронзової індустрії Східної Європи // Древние культуры Восточной Украины. Луганск.
- Братченко С.Н., Клочко В.И., Солтис О.Б.* 2000. Металеві сокири ямної культури Середньої Наддніпрянщини // Археологічний літопис Лівобережної України. Ч. 1–2.
- Братченко С.Н., Санжаров С.М.* 2001. Рідкісні бронзові снаряди з катакомб Сіверськодонеччини та Донщини (III тис. до н. е.). Луганськ.
- Гак Е.И., Калмыков А.А.* 2009. Ямно-новотиторовское наследие в металлопроизводстве катакомбных культур центральной и восточной части степного Предкавказья // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы. Оренбург.
- Клеценко А.А.* 2011. Бронзовые ножи и шилья раннего этапа эпохи средней бронзы Закубанья // КСИА. Вып. 225.
- Климушина А.И.* 2023. Находки металлических топоров и их литейных форм в погребениях степных культур эпохи средней бронзы Восточной Европы // Археологические записки. Вып. 11.
- Моргунова Н.Л.* 2014. Приуральская группа памятников в системе волжско-уральского варианта ямной культурно-исторической области. Оренбург.
- Щипанова А.Г.* 2023. Отчет об археологических работах (раскопках) на территории кургана № 1, № 12, № 13 курганного могильника «Малая Каменка VI» в Каменском районе Ростовской области в 2022 году. Т. 1 // Архив ИА РАН. Р-1. Б/н.

АРХЕОЛОГИЯ
РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА
И САРМАТСКОГО ПЕРИОДА

ГРУНТОВЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ АЗЕРБАЙДЖАНА ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ-РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

Абдуллаева А.Г.

Институт археологии и антропологии НАН Азербайджана, г. Баку

В период поздней бронзы-раннего железа на территории Азербайджана существовали три типа погребальных памятников – грунтовые погребения, каменные ящики и курганы. Эти памятники являются отражением трех археологических культур, существовавших на территории Азербайджана (Ходжалы-Кедабекской, Нахчыванской, Талыш-Муганской) и охватывающих широкий хронологический диапазон с XIV по VII вв. до н.э.

Грунтовые погребения на территории Азербайджана, в основном, встречаются на равнинных и предгорных местностях. Так, например, они исследованы в Мингечевире на правом берегу р. Куры (более 200 могил) (Асланов и др., 1959), в некрополе Палыдлы в Агдамском районе (41 могила – XII–XI вв. до н.э.) (Сәфərov et al., 2017. S. 117–128), в некрополе Мунджуглутепе в Геранбойском районе (более 30 могил – VIII–VI вв. до н.э.) (Hüseynov, 2010. S. 130–137), в Заямчайском некрополе в Шамкирском районе (из 130 исследованных погребений 44 – грунтовые могилы, 82 – с каменным покрытием) (Müseyibli, Nəcəfov, 2019. S. 14, 27–40), в I Товузчайском некрополе в Товузском районе (из 109 погребений 60 – грунтовые могилы, 42 – могилы с каменным покрытием – XIV–IX вв. до н.э.), во II Товузчайском некрополе (26 грунтовых могил, 94 погребения с каменным покрытием) (Müseyibli et al., 2021), в некрополе Газыгулу (из 18 могил всего 2 грунтовые могилы, 16 могил с каменным покрытием – X–VII вв. до н.э.) и в некрополе Ашаги Мюлькюлю в Товузском районе (3 могилы) (Nəcəfov et al., 2017. S. 15, 17, 45–47, 81), в Гяндже, Гейгеле (XIV–XIII вв. до н.э.) (Гусейнова, 1989. С. 13), в Гарабагларском некрополе XIV–IX вв. до н.э. в Нахчыване (Агаев, 2002. С. 56–57; Алиев, Сеидов, 1973. С. 8), на Апшеронском п-ове в с. Бинагади (1 могила – XIII–VI вв. до н.э.) (Sadiqzadə, 1964. S. 81–84), в некрополе Тезе Алвады в Масаллинском районе (1 могила) (Ələkbərov et al., 2010) и др.

В зависимости от природно-географических условий местности, религиозных представлений племен-носителей различных культур грунтовые погребения порой отличаются своеобразными особенностями. Но в большинстве своем они представляют собой обычные ямы, вырытые в земле прямоугольной формы, иногда с округленными углами, а также квадратной, круглой или овальной формы.

Наземных признаков (перекрытий, бугорков, холмиков и т.д.) у грунтовых могил порой не бывает, что затрудняет их нахождение. В отличие от этих могилы некрополя Мунджуглутепе имеют настил из речных камней, а некоторые – каменный настил (напр., могилы № 1, 8) (Hüseynov, 2010. S. 130–137).

Общей закономерности в плотности размещения, размерах могил, в глубине их расположения, ориентировке, обряде захоронения и погребальном инвентаре, характерной для грунтовых могил всего Азербайджана не наблюдается. Такую закономерность даже сложно уловить в конкретных некрополях. Причиной тому служат вышеперечисленные факторы. Но порой, и чаще всего в локальных некрополях определенные специфические особенности не ускользают от глаз. Почти все грунтовые могилы и покойники Мингечевира, Мунджуглутепе, Палыдлы ориентированы СЗ – ЮВ, З – В (Асланов и др., 1959; Hüseynov, 2010. S. 130–137).

Грунтовые могилы Мингечевира выявляются на глубине – от 0,6–2,65 м; густота размещения могил от 3 до 5 на 100 кв. м; иногда могилы перерывали друг друга (№ 106 и

107; 110 и 111; 9, 10, 32, 33), и это говорит о том, что захоронения здесь производились в течение нескольких веков (Асланов и др., 1959. С. 7–8, 48, 50, 51, 54).

Почва на территории Заямчайского, Товузчайского и Газыгулинского некрополей песчано-глинистая, засоленная, местами сплошь состоит из щебня. Соответственно, погребения выявляются на разных глубинах до 2,0–2,5 м. На поверхности могил имеются бессистемные, а иногда аккуратно сложенные в форме круга, скопления из речного бульжника (Заямчайский и Товузчайский некрополи), а в Товузчайском некрополе – еще и земля и слой мелкого песка (Müseyibli, Nəcəfov, 2019. S. 17–18, 20; Müseyibli et al., 2021. S. 20–21; Nəcəfov et al., 2017. S. 17).

Среди грунтовых могил встречаются как бедные, так и богатые погребения. Могилы отличаются и по размерам. Если самой большой могилой Заямчайского некрополя является могила № 31 с каменным покрытием (2,45 × 3,10 м на глубине 30 см), то самыми маленькими являются грунтовые могилы № 13 (40 × 40 см) и № 53 (30 × 40 см) (Müseyibli, Nəcəfov, 2019. S. 20, 30, 33, 50).

Один из самых больших грунтовых могил Товузчайского некрополя № 69 размером 2,5 × 1 м. Здесь были найдены два костяка и останки особи мелкого рогатого скота (Müseyibli et al., 2021. S. 52–53).

Маленькие по размеру могилы Товузчайского некрополя обычно принадлежали детям (могилы № 36, 49, 50, 51, 52, 61) (Müseyibli, Nəcəfov, 2019. S. 31, 39, 40, 48).

Самая большая могила № 6 некрополя Мунджуглутепе размером 3,80 × 1,20 м.

Количество предметов, найденных в погребениях, различно. В бедных погребениях весь могильный инвентарь состоял из одного или же двух сосудов, а в богатых погребениях обнаруживалось более 20 сосудов, не считая прочих предметов, а также останков животных. Это являлось как отражением религиозных представлений древних людей, проявляющихся в погребальных ритуалах и обрядах, так и показателем имущественной и социальной дифференциации, которая в исследуемый период еще более углублялась. Так, например, большую часть исследованных грунтовых могил Мингечевира исследователи считают могилами, принадлежащими представителям низшего сословия общества, т.к. неподалеку от них находились синхронные по времени курганы, отличающиеся особой помпезностью, как погребального обряда, так и инвентаря.

Обычно в грунтовых могилах Азербайджана исследуемого периода прослеживается обряд ингумации, встречаются также обряды расчленения покойного, бесскелетные могилы – кенотафы, редко обряд кремации, а точнее следы огня в могиле (напр., могила № 142 Мингечевира) (Асланов и др., 1959. С. 51).

Литература

- Агаев Г. 2002. Шахтахты в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Баку; Москва.
- Алиев В.Г., Сеидов М.Г. 1973. Памятники Карабаглара эпохи бронзы и раннего железа // Итоги полевых археологических и этнографических исследований за 1972 г. в Азербайджанской ССР (тезисы). Баку.
- Асланов Г.М., Ваидов Р.М., Ионе Г.И. 1959. Древний Мингечаур (эпоха энеолита и бронзы). Баку.
- Гусейнова М.А. 1989. Керамика Восточного Закавказья эпохи поздней бронзы и раннего железа (XIV–IX вв. до н.э.). Баку.
- Сəfərov H.F., Сəfərova D.H., Həsənova C.V. 2017. Qarabağ arxeoloji ekspedisiyasının 2015-2016-cı illərdəki araşdırmaları (Ağdam rayonu) // Azərbaycanca arxeoloji tədqiqatlar 2015-2016. Bakı.
- Ələkbərov A.İ., Mirabdullayev A.M., Əzizov T.H. 2010. Cəlilabadda arxeoloji tədqiqatlar (Cəlilabad rayonu) // Azərbaycanca arxeoloji tədqiqatlar 2009. Bakı.
- Hüseynov M. 2010. Goranboy Muncuqlutəpə nekropolu (Goranboy rayonu) // Azərbaycanca arxeoloji tədqiqatlar 2009, Bakı.
- Müseyibli N.Ə., Nəcəfov Ş.N. 2019. Zəyəmçay nekropolu. Bakı.
- Müseyibli N.Ə., Nəcəfov Ş.N., Hüseynov M.M. 2021. Tovuzçay nekropolu. Bakı.
- Nəcəfov Ş.N., Ağalarzadə A.M., Əsədov V.A. 2017. Qazıqulu abidələri. Bakı.
- Sadıqzadə Ş.H. 1964. Abşeronda tapılmış yeni arxeoloji materiallar // Azərbaycan SSR Elmlər Akademiyasının Məruzələri XX cild № 4. Bakı.

АРВАНИНСКИЕ КУРГАНЫ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

Агаларзаде А.М.

Институт археологии и антропологии НАН Азербайджана, г. Баку

Причиной широкой распространенности памятников эпохи позднего бронзового – раннего железного века на высокогорных территориях юго-востока Азербайджана является историческое проживание здесь племен, занятых полукочевым, яйлажным скотоводством. Большинство этих памятников представлено курганами.

Полевыми исследованиями 2019–2020 гг. были охвачены два кургана в селе Арвана Ярдымлинского района. Курган № 1 выявлен в 200 м южнее села, в местности Гарятан. Этот погребальный памятник находится на высоте 1885 м над уровнем моря. Кромлех кургана диаметром 5×5 м представлен крупными скальными камнями (рис. 1). Погребальная камера кургана находится на глубине 1 м. Ее длина 1,8 м, ширина – 1,1 м. Могильная яма имеет удлиненно-овальную форму, раскопана в направлениях северо-восток – юго-запад. Погребальный инвентарь состоял из восьми керамических сосудов, бронзового кольца, бронзового кинжала, бронзового меча и небольшого количества мелких пастовых бус. Керамические сосуды разнофункциональны. Под ними находился человеческий костяк, лицо которого направлено на север. Погребенный уложен на левый бок с согнутыми коленями. Перед скелетом лежал рапировидный меч (рис. 1). Согласно древним верованиям, вытянутое положение костяка и уложенные вдоль тела руки указывали на его смиренное поклонение богу (Müseyibli et al., 2021. S. 123).

Гипердолихокранный череп человека из кургана не поврежден; согласно палеоантропологическим исследованиям, он принадлежит мужчине 55–60 лет. Антропологический тип европеоидный (Кириченко, 2020. С. 40–41).

Курган № 2, размерами $7 \times 7,5$ м, находится на высоте 1957 м от уровня моря и является погребальным памятником, имеющим аккуратную кромлехную выкладку из крупных скальных камней. При раскопках была выявлена в центре каменная выкладка по форме погребальной камеры. Размеры этого покрытия – $4,8 \times 3,5$ м. Под каменным покрытием в нижних слоях не удалось проследить погребальную камеру. На глубине в 60 см была выявлена лишь твердая земля материкового слоя. Вероятно, курган № 2 был поминальным погребением – кенотафом, сооруженном для погребенного вдали человека. Таким образом, арванинский курган № 2 представляет собой курган без захоронения.

В высокогорьях и яйлагах Ярдымлы также имеются захоронения в каменных ящиках с курганным каменным кромлехом. Однако их погребальный инвентарь очень невыразителен в сравнении с предгорными курганами (Ağalarzadə, 2018. S. 8).

Среди погребального инвентаря арванинского кургана № 1 выявлены археологические материалы, типичные для ходжалы-кедабекской культуры. Исследователи объясняют эту особенность генетической связью между некоторыми этапами эпохи позднего бронзового – раннего железного века (Müseyibli, Nəcəfov, 2019. S. 97).

Сооружение погребальных памятников данной эпохи осуществлялось в соответствии с бытовавшими погребальными традициями и религиозными представлениями. Погребальный обряд был тесно связан с этнической принадлежностью и социальным статусом усопших. Таким образом, структура погребения, трупоположение, так же, как и сопроводительный инвентарь, являются показателем общественно-экономического и культурного уровня

обитателей данной эпохи и ценным источником для изучения религиозных представлений общества (Müseyibli et al., 2021. S. 121).

Исходя из сравнительного анализа, Арванинские курганы относятся к XI–X вв. до н.э.

Литература

- Кириченко Д.А.* 2020. Клеймение и декапитация у древних племен юга Азербайджана // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. Вып. X. Пермь.
Ağalarzadə A.M. 2018. Sarıbulaq kurqanları // Azərbaycan arxeologiyası və etnoqrafiyası. № 2.
Müseyibli N.Ə., Nəcəfov Ş.N. 2019. Zəyəmçay nekropolu. Bakı.
Müseyibli N.Ə., Nəcəfov Ş.N., Hüseyinov M.M. 2021. Tovuzçay nekropolu. Bakı.

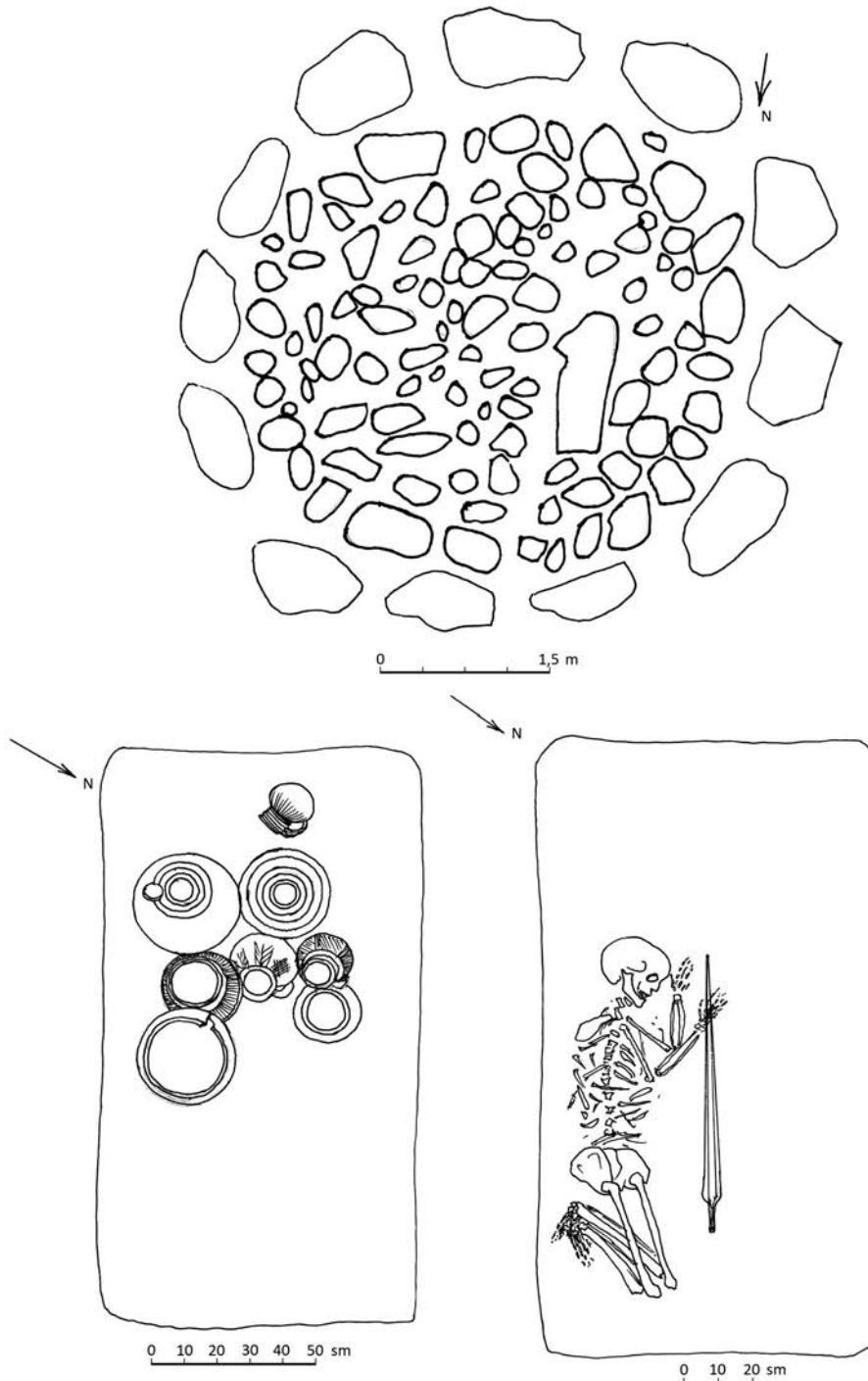

Рис. 1. Арванинский курган № 1

БРОНЗОВЫЕ ПИРАМИДАЛЬНЫЕ КОЛОКОЛЬЧИКИ ИЗ ЦЕНТРАЛЬНЫХ РАЙОНОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В СОБРАНИИ ГИМ

Алексеевко А.Н.

Кабардино-Балкарский научный центр Российской Академии наук, г. Нальчик

Среди погребального инвентаря могильников Северного Кавказа небольшую, но заметную часть составляют бронзовые колокольчики.

Долгое время в отечественной литературе их находки сопровождались лишь краткими замечаниями без специального анализа этой категории украшений (Труфанов, 2009. С. 225). На сегодняшний день бронзовые пирамидальные колокольчики центральных районов Северного Кавказа упоминаются только в статье Т.В. Морозовской (Морозовская, 1985. С. 70–78)

Исследовательница в своей работе перечисляет всего три пирамидальных колокольчика из горных районов Северного Кавказа. Однако при более детальном изучении фондов ГИМ было выяснено, что серия этих изделий состоит из семи экземпляров.

Целью предлагаемой вниманию читателя работы является публикация всех известных на сегодняшний день пирамидальных колокольчиков из центральных районов Северного Кавказа в собрании ГИМ.

Картографирование могильников, где были обнаружены привески, дает нам представление о распространении этой категории украшений в регионе. Эти памятники расположены близ сел Донифарс, Кумбулта, Камунта, Галиат и Чми (рис. 1, IV).

Бронзовые колокольчики имеют форму пирамиды: четыре полной, а четыре усеченной формы. В четырех случаях по углам основания пирамид имеются выступы. А.А. Труфанов предполагает, что изначально эти выступы служили для того, чтобы поставленные на горизонтальную поверхность колокольчики могли стоять устойчиво и «не повредить мебель, на которой их нужно было разместить» (Труфанов, 2009. С. 252). Грани у колокольчиков бывают как плоскими, так и выпуклыми. Железный язычок (в тех случаях, где он прослежен) крепится с помощью проволоки. Ушко для подвешивания гладкое.

Э.А. Сымонович относил все эти изделия к группе конических колокольчиков (Сымонович, 1983. С. 98).

Т.В. Морозовская и В. Новаковский пришли к выводам, что в Восточной Европе подобные бронзовые изделия представляют собой подражания римским колокольчикам для отпугивания злых духов (Обломский, 2018. С. 128; Сымонович, 1983. С. 98. Табл. XLIV, 1–35).

В. Новаковский высказывал свое мнение, что колокольчики являются либо римскими *tintinnabula*, которые были импортом из Империи, либо их местными варварскими подражаниями (Nowakowski, 1988. S. 69).

Бронзовые колокольчики *tintinnabula* выполняли ритуальные и апотропеические функции, ими часто украшались статуэтки лесных божеств и произведения фаллической миниатюрной пластики (Симоненко, 2011. С. 113).

Пирамидальные колокольчики были распространены практически по всей территории Римской империи. Появление этих привесок относят к I в. н.э. (Труфанов, 2009. С. 252; Veen, 2020. P. 99. Fig. 71, 12–18; 72, 1–10), в провинциях Римской империи этот тип распространяется в I–II вв. н.э. (Морозовская, 1985. С. 75). В горные районы Северного Кавказа пирамидальные колокольчики могли проникать как из римских провинций, так и из Египта или Северного Причерноморья (Морозовская, 1985. С. 76).

Поскольку пирамидальные колокольчики имеют римское происхождение, можно с уверенностью видеть в них хроноиндикатор финала среднего и позднего сарматского времени (I–III вв. н.э.).

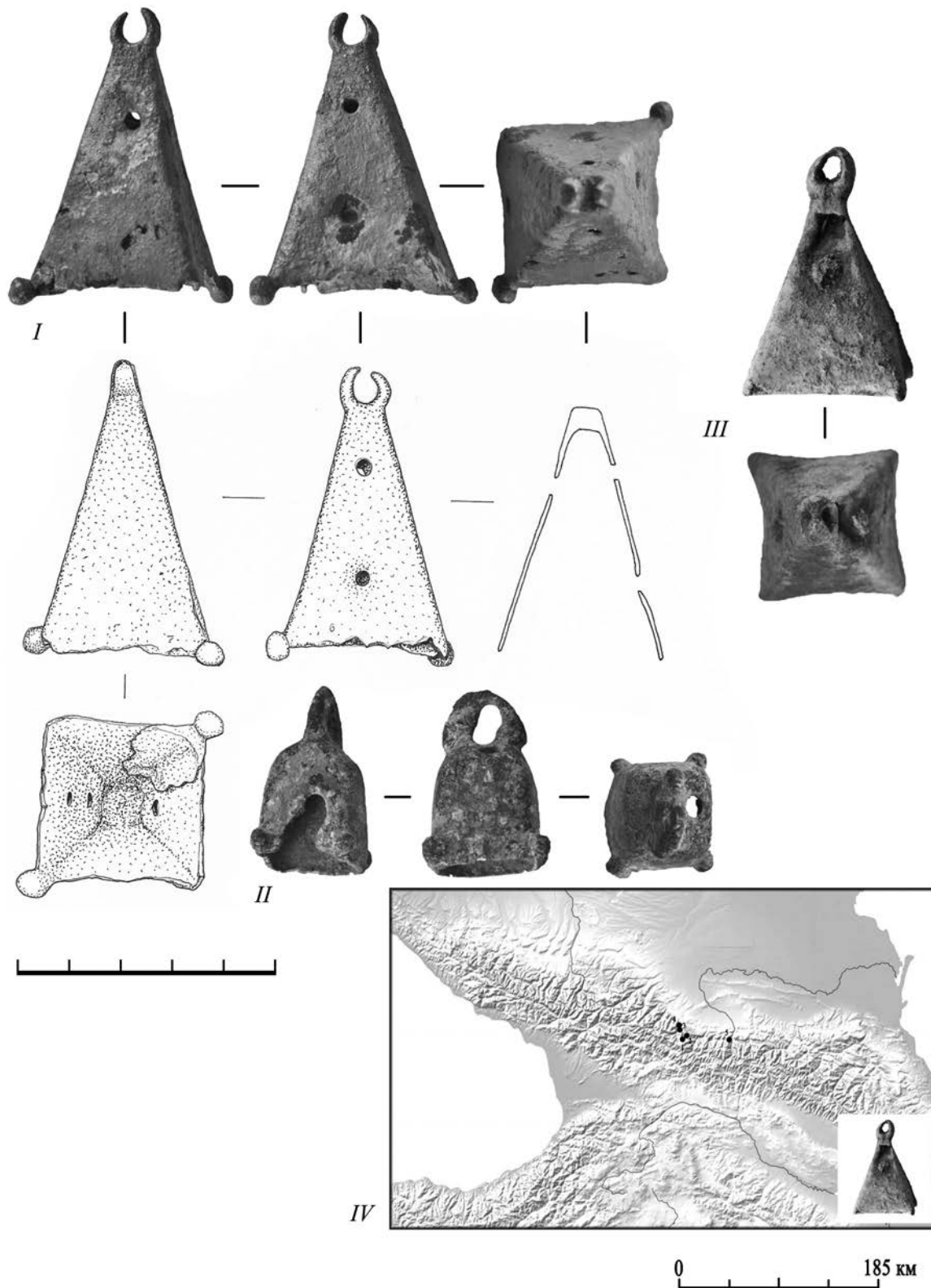

Рис. 1. Бронзовые пирамидальные колокольчики:
 I – Галиат; II – Камунта; III – Кумбулта; IV – распространение пирамидальных бронзовых колокольчиков в центральных районах Северного Кавказа:
 1 – Камунта; 2 – Галиат; 3 – Кумбулта; 4 – Донифарс; 5 – Чми

Часть пирамидальных колокольчиков могла быть изготовлена в местной среде, на что указывают экземпляры с признаками производственного брака в виде непреднамеренных сквозных отверстий в стенках или незамкнутой петли для подвешивания (рис. 1, I, II, III).

По наблюдениям Т.В. Морозовской, в Северном Причерноморье могилы с пирамидальными колокольчиками принадлежали женщинам и детям зажиточной части населения региона (Морозовская, 1985. С. 76). Однако А.А. Труфанов, проанализировав материалы крымских некрополей, пришел к заключению, что подавляющее большинство погребений, содержащих колокольчики, «откровенно бедны и не могут принадлежать зажиточным людям». Исследователь утверждает, что в подлинно богатых захоронениях Усть-Альминского некрополя колокольчики вообще встречаются нечасто, а если и присутствуют, то обычно в виде простейших тонкостенных изделий (Труфанов, 2009. С. 259–260).

На Северном Кавказе на сегодняшний день неизвестно ни одного пирамидального колокольчика, встреченного в археологическом комплексе. Они происходят из материалов раскопок и собраний исследователей XIX века в Дигорском и Тагаурском ущельях на территории современной Северной Осетии.

Все предметы этой категории относятся к типу Тип 10 по А.А. Труфанову, все они датируются в рамках I–III вв. н.э.

Бронзовые колокольчики из фондов ГИМ:

Тагаурское ущелье. Могильник Чми. Раскопки Г.Д. Филимонова:

Оп. Б 466/185 Колокольчик пирамидальный, толстостенный, цельнолитой. Ушко – петля для подвешивания. Язычка нет. Колокольчик корродирован. Бронза. Высота: 4,90 см.

Дигорское ущелье. с. Донифарс. Раскопки В.И. Долбежева, 1886 г.:

Оп. Б. 1307/99 Колокольчик пирамидальный, в форме усеченной пирамиды. Сверху ушко – петелька для подвешивания. Язычок. Колокольчик корродирован. Бронза. Высота: 3,30 см.

с. Галиат. Собрание К.И. Ольшевского:

Оп. Б 1456/8 Колокольчик пирамидальный, толстостенный, цельнолитой, с выступами в углах основания «пирамиды» и петель для подвешивания. Колокольчик корродирован. Бронза. Высота: 5,07 см.

с. Камунта. Собрание К.И. Ольшевского:

Оп. Б 1709/350 Колокольчик пирамидальный, толстостенный, цельнолитой, с выступами в углах основания «пирамиды» и петель для подвешивания. Колокольчик корродирован. Бронза. Высота: 5,74 см.

Оп. Б 1709/353 Колокольчик в форме четырехгранной усеченной пирамиды. Цельнолитой, толстостенный с выступами в углах основания «пирамиды». Сверху ушко – петелька для подвешивания. Язычок отсутствует. Колокольчик корродирован. Бронза. Высота: 3,55 см.

с. Кумбулта. Собрание П.С. Уваровой:

Оп. Б 489 доп/608 Колокольчик пирамидальный, толстостенный, цельнолитой. Ушко – петля для подвешивания. Язычка нет. Колокольчик корродирован. Бронза. Высота: 5,05 см.

могильник Алдар – Резен. Раскопки К.И. Ольшевского:

Оп. Б 1570/158 Колокольчик в форме четырехгранной усеченной пирамиды. Цельнолитой, толстостенный. Ушко – петелька для подвешивания наполовину обломано. Язычок отсутствует. Колокольчик корродирован и деформирован. Бронза. Высота: 4,36 см.

Оп. Б 1570/74 Колокольчик в форме четырехгранной усеченной пирамиды. Цельнолитой, толстостенный. Ушко – петелька для подвешивания. Язычок отсутствует. Колокольчик корродирован. Бронза. Высота: 4,2 см.

Последние два колокольчика происходят из могильника Алдар-Резен близ селения Кумбулта, раскопки которого были произведены еще в 70-е гг. XIX века К.И. Ольшевским. Исследователь раскопал шесть погребений, представляющих собой ямы с каменной обкладкой. Дневник его раскопок был включен в монографию П.С. Уваровой (Уварова, 1900. С. 210–213).

Несмотря на то, что восстановить состав комплексов достоверно не представляется возможным из-за схематичного описания материала, ряд категорий инвентаря позволяет датировать памятник в рамках I–IV вв. н.э. (Кадиева, 2015. С. 39; 2016. С. 292) Автор раскопок упоминает о находке бронзового колокольчика в погребальном инвентаре могилы 3 (Уварова, 1900. С. 211).

Таким образом, по аналогиям из Северного Причерноморья и находкам из могильника Алдан-Резен можно говорить о бытовании пирамидальных колокольчиков в горной зоне центральных районов Северного Кавказа в I–III вв. н.э. Их появление в местных некрополях свидетельствует о проникновении античной культуры в религиозные практики населения региона.

Литература

- Кадиева А.А.* 2015. Могильник Алдар-Резен близ селения Кумбулта – элитный некрополь позднеримской эпохи (по материалам раскопок К.И. Ольшевского) // Социальная стратификация населения Кавказа в конце античности и начале средневековья: археологические данные: материалы междунар. науч. конф. М.
- Кадиева А.А.* 2016. Пряжки и фибулы из могильника Алдар-Резен близ селения Кумбулта из раскопок К.И. Ольшевского по материалам собрания Государственного исторического музея // КСИА. Вып. 244.
- Морозовская Т.В.* 1985. Бронзовые пирамидальные колокольчики римского времени в археологических памятниках Северного Причерноморья // Памятники древней истории Северо-Западного Причерноморья. Киев.
- Обломский А.М.* 2018. Прочие украшения, хронология комплекса // Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н.э.). М.; Вологда.
- Симоненко А.В.* 2011. Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья. СПб.
- Сымонович Э.А.* 1983. Население столицы позднескифского царства (по материалам Восточного могильника Неаполя Скифского). Киев.
- Труфанов А.А.* 2009. Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н. э. – III в. н.э. // Stratum plus. № 4.
- Уварова П.С.* 1900. Могильники Северного Кавказа. М.
- Nowakowski W.* 1988. Metallglocken aus der römischen Kaiserzeit im europäischen Barbaricum // Archaeologia Polona. T. XXVII.
- Veen V. van der.* 2020. Roman military equipment and horse gear from the Hunerberg at Nijmegen: Finds from the Augustan military base and Flavio-Trajanic castra and canabae legionis. Nijmegen.

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ СТЕКЛЯННЫХ БУС КЕЛЕРМЕСА

Аникеева О.В.¹, Рябкова Т.В.²

¹*Государственный научно-исследовательский институт реставрации, г. Москва,*

²*Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург*

Материалы Келермесского курганного могильника продолжают сохранять важнейшее значение для изучения эпохи появления скифской культуры на Северном Кавказе, несмотря на рост корпуса источников по раннескифской археологии. Непростая история исследования памятника включает и грабительские раскопки Д. Шульца 1903 г., и масштабные работы Н.И. Веселовского в 1904 г., а также повторное исследование памятника в 1980–1995 гг. Келермесской археологической экспедицией Государственного Эрмитажа¹.

Распространено мнение о недостаточно высоком уровне методики дореволюционных раскопок, что иногда приводит к заключению о невозможности использовать материалы Келермеса как эталонные. В противовес этой точке зрения важно отметить, что раскопки Н.И. Веселовского подробно документированы и снабжены полевыми описями предметов (Веселовский, 1904), не говоря уже о работах Келермесской экспедиции, которые полностью соответствуют современным требованиям. Значение материалов Келермесского могильника переоценить невозможно. Вряд ли следует надеяться на появление новых, сопоставимых по масштабу памятников. Многообразие и сложность материалов Келермеса, несмотря на тщательную систематизацию и публикацию Л.К. Галаниной (1997), требует продолжения исследований, в том числе и с использованием естественнонаучных методов.

Материалы кургана 1, раскопанного Н.И. Веселовским в 1904 г., свидетельствуют о разнообразных контактах и усилении мощи скифского объединения (Рябкова, 2019. С. 325). В ограбленной могиле среди сохранившихся украшений наряду с бисером из разноцветной фритты и сердоликовыми бусами разных форм присутствуют «стеклянные непрозрачные синего цвета бусы, с инкрустацией в виде узких косых полосок числом 4 и 6» (Веселовский, 1904. Л. 92). В коллекции Эрмитажа хранится 19 бусин (инв. № 2737/99). Аналогичная по технике изготовления бусина (инв. № 2740/7) обнаружена в западной части погребения 5 кургана 19 рядом с наконечником копья (Галанина, Алексеев, 1990. С. 43. Рис. 9, 10).

Стеклянные бусы (рис. 1) отличает изящество исполнения, что говорит о развитом производстве ремесленного центра, где они были изготовлены. При визуальном обследовании установлено, что узор получен перекручиванием цветных волокон стекла, образуя 2 рисунка:

- жгуты синего и желтого цвета;
- тонкие нити синего, голубого и желтого цвета.

Для определения деталей технологии изготовления использовался оптический бинокулярный микроскоп (увеличения $\times 2$, $\times 7$). Наблюдения показали, что дисковидная форма получается при обвивании скрученной полосы вокруг сердечника из синего стекла. На торцевых гранях вокруг сквозного отверстия отчетливо виден круг из тёмно-синего стекла, маркирующий толщину стенок цилиндра-сердечника.

Появляются такие бусы в Восточном Средиземноморье в конце II тыс. до н.э.: аналоги им по технике изготовления, но иного цвета и меньшего размера найдены при раскопках корабля, затонувшего у северо-восточного побережья Средиземного моря (южное побережье Турции, памятник Улубурун, XII в. до н.э. (Ingram. 2005. P. 59–60. Fig. 2, 23, 24), а также в

¹ На протяжении 1989–1990 гг. работы велись совместно с Гиагинской археологической экспедицией ИА АН СССР.

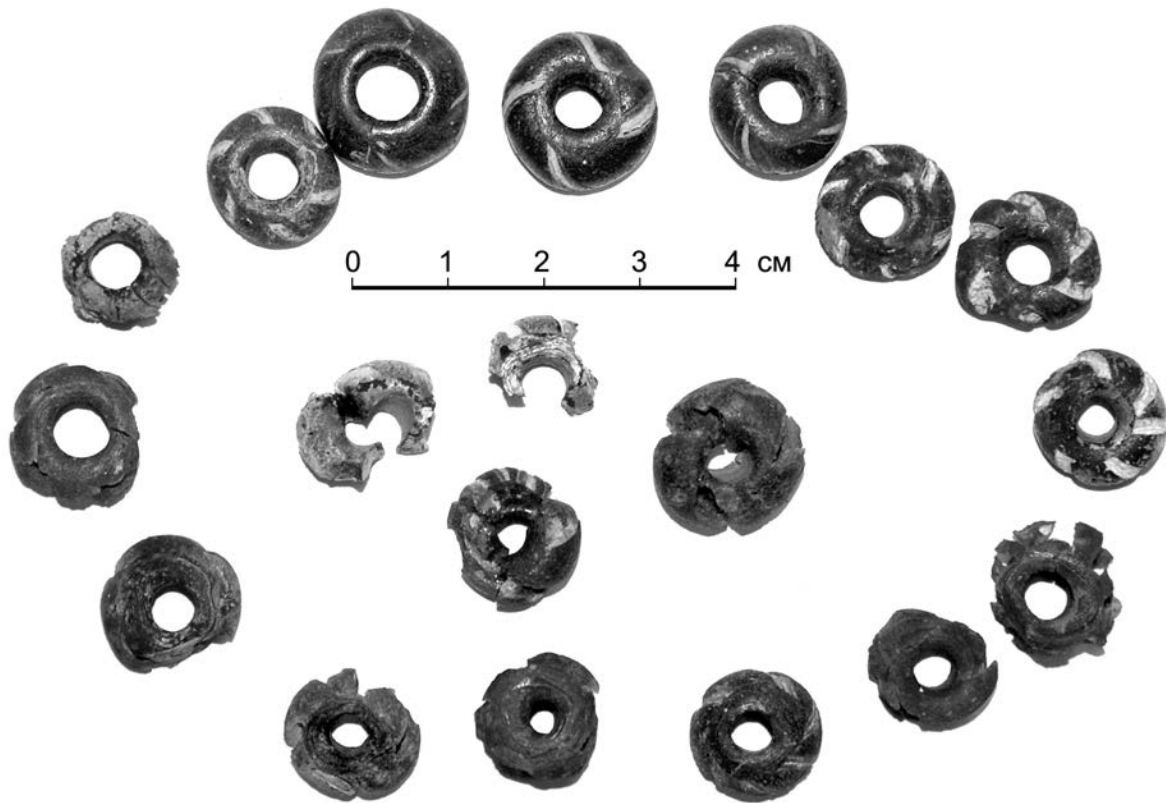

Рис. 1. Бусы из Келермесского кургана 1 В

Израиле в слоях XI–X вв. до н.э. при исследовании памятника Тель Дора (Basat, 2011. P. 91, Pl. 12, 7–14). В публикациях в первом случае предполагается их египетское происхождение, во втором случае – финикийское.

Полные аналогии бусинам найдены в погребениях Гальштатта С-D на территории юго-западной Польши (Purowski et al., 2012. P. 146. Fig. 1, 56, 57, 64). Вероятно, с открытием Египта разнообразные технологии изготовления стеклянных бус появляются в ремесленных центрах Восточного Средиземноморья и в I тыс. до н.э. начинают производиться ремесленными центрами гальштаттской культуры. Кроме того, нельзя исключать и изготовление подобных бус в Финикии: Г. Бек установил такую бусину в погребениях рубежа VIII–VII вв. до н.э. в Сирии, полагая, что подобные крупные бусы производятся в финикийских городах (Beck, 1928. P. 46–47. Fig. 35, A.2c)

Таким образом, бусы из комплексов Келермесских курганов 1 В и 19 – еще одно доказательство активного взаимодействия скифского объединения в Закубанье с населением Передней Азии.

Литература

- Галанина Л.К. 1990. Новые материалы к истории Закубанья // АСГЭ. Вып. 30.
 Галанина Л.К. 1997. Келермесские курганы. М.
 Галанина Л.К., Алексеев А.Ю. 1990. Новые материалы к истории Закубанья в раннескифское время // АСГЭ. Вып. 30.
 Веселовский Н.И. 1904. О раскопках профессора Н.И. Веселовского в Кубанской области // НА ИИМК РАН. Фонд 1. Дело 85 за 1904 г.
 Рябкова Т.В. 2019. Формирование раннескифского культурного комплекса Келермесского могильника в Закубанье // Stratum plus. № 3.

- Basat H.B.* 2011. Early Iron Age beads at Tel Dor: a comparative study. Thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the Master Degree. University of Haifa.
- Beck H.C.* 1928. Classification and Nomenclature of Beads and Pendants // *Archaeologia*. Vol. 77.
- Ingram R.S.* 2005. Faience and glass beads from the Late Bronze Age shipwreck at Uluburun. Thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the Master Degree. Texas A&M University.
- Purowski T., Dzierżanowski P., Bulska E., Wagner B., Nowak A.* 2012. A study of glass beads from the Hallstatt C–D from southwestern Poland // *Archaeometry*. Vol. 54 (1).

МАТЕРИАЛЫ КОЛЛЕКЦИЙ ИЗ СЕЛА АНХУА В ФОНДАХ АБГОСМУЗЕЯ

Ахба Д.В.

Абхазский Государственный музей, г. Сухум

В предлагаемом докладе рассматриваются материалы археологических комплексов и случайные находки, относящиеся к эпохе камня и бронзы из села Анхуа и города Новый Афон (Абхазия).

В 1938 году в селе Анхуа местным жителем случайно был найден и передан в музей предположительно клад бронзовых предметов. В его составе имелись две бронзовые гривны, покрытые зеленой патиной: одна – массивная гривна из толстого, круглого сечения прута с закрученными концами, вторая – гривна круглопроволочная, гладкая с расплюснутыми расширяющимися концами. С ними была найдена бронзовая пряжка с пятью сквозными отверстиями для прикрепления ремня (орнамент покрыт патиной) и бронзовый фрагментированный пинцет, половинка которого обломана (Фонды Абгосмузея, 1938 год, Археология, Археология. АБМ 4811/1 – 4).

В 1988 г. заведующий заповедником Иверской горы Г.Ш. Смыр в пещере Аныхамца (*абх.* «у подножья святого места») обнаружил и передал в музей комплекс археологических предметов. К ним относятся: кремневые наконечники стрел (один с выемчатым основанием, другой – с обломанным основанием), а также три вида кремневых ножевидных пластин: кремневая ножевидная пластина, двулезвийная пластина из обсидиана, миниатюрная пластина.

Находчиком также было передано шлифованное пряслице из мягкой гальки округлой формы. В этой же пещере было найдено каменное шлифованное грузило и каменное ложило. В период каменного века ложило использовали для шлифовки различных материалов.

Кроме этого, Г.Ш. Смыр в 1988 г. передал в музей ряд предметов, происходящих их с. Анхуа и окрестностей Нового Афона.

К ним относится бронзовый колхидский топор изящной работы, боевой и парадный. Он покрыт темной патиной, нижняя часть лезвия обломана, проушина овальная. С каждой стороны топора имеется по пять ребер. Похожие топоры были найдены в Сухумской горе археологом М.М. Трапшем (Трапш, 1970. С. 121). В эту же коллекцию также входят: бронзовая привеска, завиток, серьга, буса из стекла, бронзовый размкнутый браслет с окончаниями в виде змеиных головок ромбической формы (Фонды Абгосмузея, 1988 год, Археология, № 4813/ 1–17).

В 2007 г. в музей поступили археологические случайные находки от жителя Нового Афона, начальника милиции города – краеведа Ахба Темура Владимировича. Среди них три грузила с двумя сквозными отверстиями, просверленными с одной стороны, пряслице круглой формы и бусина из темной полированной гальки. Все предметы были найдены на территории Нового Афона случайно (Фонды Абгосмузея. 2007, Археология, № 4825/1 – 5).

Таким образом, поступившие в Абгосмузей предметы из села Анхуа и города Новый Афон относятся к различным периодам древней истории Абхазии. Самые ранние могут быть отнесены к эпохе камня (неолиту), остальные – к колхидской культуре эпохе поздней бронзы-раннего железного века.

Литература

Трапш М.М. 1970. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Абхазии // Трапш М.М. Труды. Т. 1. Сухум.

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И ГЕОГРАФИИ ДРЕВНЕЙ КОЛХИДЫ

Балахванцев А.С.

Институт востоковедения РАН, г. Москва

С историей и географией древней Колхиды связано много спорных вопросов, существование которых обусловлено как состоянием наших источников, так и уровнем работы с ними самих исследователей. В своей статье я намереваюсь рассмотреть лишь две таких проблемы, одна из которых касается локализации самой Колхиды, а другая напрямую связана с историей «неуловимого» в археологическом плане полиса Фасис.

В науке существуют две основные точки зрения на то, где располагалась Колхида в доколониционный период. Одни исследователи размещают эту страну в бассейне р. Чорохи, в то время как их антагонисты полагают, что Колхида или, во всяком случае, ее центры изначально находились в долине р. Риони (Балахванцев, 2016. С. 16 (с предшествующей литературой)). Был сформулирован и своеобразный компромиссный взгляд, сводящийся к тому, что Колхида простиралась от Риони (Фасиса) на севере до нижнего Чорохи на юге (Diakonoff, Kashkai, 1981. P. 69). Однако уже в XXI веке по рассматриваемому вопросу было высказано новое мнение, сильно отличающееся от традиционных. Оно сводится к тому, что первоначально Колхида и река Фасис совпадали с Прикубаньем и только в конце архаической эпохи переместились в Закавказье, возможно, в связи с реальной миграцией местных племен (Мусбахова, 2013. С. 302, 303).

Что можно заметить по этому поводу? К сожалению, В.Т. Мусбахова ограничилась анализом только античной нарративной традиции, оставив без внимания урартские источники. Между тем, в науке уже давно было сформулировано мнение, что топоним *Κολχίς* является греческой передачей названия страны *Qulḫa / Qulḫa*, подвергнувшейся нападению урартского царя Сардури II ок. середины VIII в. до н.э. (Diakonoff, Kashkai, 1981. P. 68, 69; Иванчик, 2005. С. 63). Представляется совершенно невероятным, чтобы цари Урарту, северо-восточные границы которого не доходили даже до Ардагана (Köroğlu, 2005. P. 104), могли совершать походы в Прикубанье.

На этом рассмотрение гипотезы В.Т. Мусбаховой следовало бы завершить, если бы еще за несколько лет до того, как ее статья была опубликована, К. Кёроглу не предпринял попытку поставить тождество *Κολχίς* и *Qulḫa / Qulḫa* под сомнение. Турецкий исследователь пришел к выводу, что Колхида, находившаяся в бассейне Риони и на нижнем Чорохи, не тождественна стране Кулха, которая локализуется им в районе современного турецкого города Гёлек к западу от Карса (Köroğlu, 2005. P. 104, 105). Какие же аргументы выдвинуты в поддержку этой точки зрения? К. Кёроглу обратил внимание на то, что в урартских надписях по-разному описывается состав добычи, захваченной в Диаухи и Кулха: если в первом случае урартским царям Менуа и Аргишти достались золото, серебро и медь, то во втором Сардури не мог похвастаться ничем подобным (Köroğlu, 2005. P. 104–105).

Мне представляется, что подход турецкого исследователя к письменным источникам страдает излишней прямолинейностью и весьма уязвим для критики. Во-первых, Колхида никогда не охватывала всю территорию Диаухи. После того как ок. середины VIII в. до н.э. страна Диаухи исчезла из урартских надписей, лишь ее северные области перешли в руки Колхиды, а южные достались Урарту (Меликишвили, 1959. С. 216; Дьяконов, 1968. С. 159, прим. 224; Лордкипанидзе, 1989. С. 219).

Во-вторых, а это – самое главное, автор не учел, что вторжения урартов в Диаухи и Кулха разворачивались по разным сценариям. Менуа и Аргишти дважды разбили царя Диаухи Утупуршини, который был вынужден признать свое поражение и заплатить дань (Меликишвили, 1959. С. 204–207). В случае с походами против Кулха Сардури дело обстояло иначе: урарты захватили зависимую от Кулха область Хушалхи и царский город Илдамуша, но с самим царем Кулха даже не сразились (Меликишвили, 1959. С. 217–219). По сути, походы Сардури носили характер грабительских набегов. Стоит ли после этого удивляться, что доставшаяся Менуа и Аргишти добыча и в количественном, и в качественном отношении сильно отличалась от захваченного Сардури?

Поэтому можно прийти к выводу, что тождество топонимов *Κολχίς* и *Qulḥa / Qulḥa* остается нерушимым, а сама Колхида находилась отнюдь не в Прикубанье, а в долине Чорохи. На юге ее граница с Урарту с середины VIII в. до н.э., скорее всего, проходила по водоразделу Чорохи и Карасу (Западного Евфрата).

Теперь обратимся к истории одного из важнейших городов Колхиды – Фасиса, который, судя по данным письменных источников, должен был находиться в устье Риони. В так называемой «Политии фасисцев» Гераклида содержится утверждение, что до прибытия колонистов из Милета это место было заселено гениохами. Н.Ю. Ломоури поставил эти данные под сомнение, так как, по его мнению, гениохи никогда не жили в Центральной Колхиде. Одну их часть античные авторы помещали к северо-западу от Диоскурии и Питиунта, а другую локализовали значительно южнее Фасиса (Ломоури, 1988. С. 124, 129–133).

Но хотя, действительно, кроме этого эксцерпта, гениохи среди населения Центральной Колхиды более никем не упоминаются, гиперкритицизм грузинского исследователя вряд ли является оправданным. Зададимся вопросом: каким образом гениохи, известные урартам еще в VIII в. до н.э. под именем иганихов к югу от озера Чилдыр (Меликишвили, 1959. С. 210; ср. *Plin.* NH. VI. 26: исток Куры находится в Гениохских горах), а также упоминаемые античными авторами вблизи устья Чорохи (*Plin.* NH. VI. 12; *Arr.* PPE. 15; *Dio Cass.* LXVIII.19.2, LXXII.14.2), могли там оказаться?

Представляется наиболее вероятным, что задолго до начала Великой греческой колонизации часть гениохов переселилась из областей к северо-западу от Колхиды на юг. В процессе этого переселения они должны были достичь реки Фасис и вполне могли занять область вокруг его устья. Таким образом, сохранный Гераклидом отрывок, независимо от того, восходит ли он к Аристотелю или нет, содержит ценные сведения о населении Колхиды в доколониционный период.

Литература

- Балахванцев А.С.* 2016. Абсолютная хронология архаической Скифии: восточные реперы // Кавказ и степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа: материалы международной научной конференции, посвященной памяти Марии Николаевны Погребовой. М.
- Дьяконов И.М.* 1968. Предыстория армянского народа. Ереван.
- Иванчик А.И.* 2005. Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н.э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. М.
- Ломоури Н.Ю.* 1988. О «Политии фасисцев» Гераклида // ВДИ. № 3.
- Лордкипанидзе О.Д.* 1989. Наследие древней Грузии. Тбилиси.
- Меликишвили Г.А.* 1959. К истории древней Грузии. Тбилиси.
- Мусбахова В.Т.* 2013. Комплекс античных свидетельств о локализации царства Ээта в Прикубанье // Шестая Международная Кубанская археологическая конференция. Краснодар.
- Diakonoff I.M., Kashkai S.M.* 1981. Geographical Names According to Urartian Texts. Wiesbaden.
- Köroğlu K.* 2005. The Northern Border of the Urartian Kingdom // Anatolian Iron Ages 5. Proceedings of the Fifth Anatolian Iron Ages Colloquium held at Van, 6–10 August 2001. Ankara.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АНСАМБЛЬ «БАЛКА СЕМИКОЛЕННАЯ» (ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ)

Баранюк А.В.¹, Кондряков Н.В.²

¹Краснодарское краевое отделение ВООПИиК, г. Краснодар

²Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований, г. Майкоп

В мае 2023 г. поступило сообщение, что на пахотном поле близ ст-цы Зассовской Лабинского района Краснодарского края имеется обкопанная каменная стела (менгир), которую, по всей видимости, подготовили для вывоза. Затем эта информация была передана специалисту-археологу Н.В. Кондрякову, который осмотрел данный артефакт и территорию вокруг. Им был выявлен подъемный материал и осмотрена территория леса рядом с полем, где находился менгир. В лесу были выявлены многочисленные грабительские ямы, в том числе и относительно свежие. Для скорейшей постановки вновь выявленного памятника археологии на учет в октябре 2023 г. экспедицией ККО ВООПИиК под руководством А.В. Баранюка были проведены разведки без локальных земляных работ.

Памятник расположен на одном из восточных отрогов балки Семиколенной восточнее ст-цы Зассовской. Территория ОАН находится на западной окраине плато, имеющем абсолютные высотные отметки от 550 до 570 м над уровнем моря и возвышающемся относительно ближайшего уреза воды р. Лаба на 180 м. Центральная и восточная часть распахивается под сельхоугоды. Западная и южная часть территории памятника залесена.

В состав выявленного ансамбля входят 13 курганных насыпей, грунтовый могильник и, возможно, поселение.

В восточном секторе территории памятника на вершине гребня на пахотном поле между курганами 4 и 5 был выявлен уникальный для территории Краснодарского края артефакт – каменная стела (менгир) (рис. 1, 1). Материал – доломитизированный известняк. Менгир лежал длиной частью по линии ЗСЗ-ВЮВ в пахотном слое. На момент первичного выявления был обкопан с трех сторон местными жителями. Менгир расколот на две части еще в древности, по всей видимости от падения. Верхушка скрыта под землей. Общая видимая длина 5 м (нижняя часть – 3 м, верхняя – 2 м). Сечение в нижней части подпрямоугольное (0,5 × 0,7 м), в средней подовальное, в верхней – округлое (диаметр ~0,35–0,4 м).

Значительная часть территории ансамбля занята грабительскими ямами различного срока давности, в том числе и свежими. Наиболее крупные скопления грабительских ям сосредоточены на западном и южном отроге у южных границ ОАН. В отвалах грабительских ям и в виде подъемного материала рядом с ямами собрана коллекция предметов, включающая в себя фрагменты лепной и кружалной керамики (в том числе и лощеной сероглиняной), предметы вооружения, конской упряжи, раковины каури, пастовые бусины. Встречались фрагменты человеческих костей и зубы лошадей. На пахотном поле, особенно на южном склоне, также был собран подъемный материал: фрагменты керамики, фрагменты каменных (кремневых) орудий. Также на территории ансамбля были выявлены фрагменты керамики с характерным для эпохи средневековья орнаментом в виде расчесов.

Находки конского снаряжения представлены железными удилами со строгими насадками (рис. 1, б), стержневидными двудырчатыми псалями, а также фрагментами бронзовых фигурных пластин парадного убора – трёх налобников и трёх нащёчников (рис. 1, 2, 3, 5). Они украшены чеканным и гравированным геометрическим орнаментом – выпуклыми «жемчужинами» и окружностями из врезных линий. Конский парадный убор Западного Кавказа наиболее обстоятельно проанализирован в работах Е. А. Бегловой (Беглова, 2016), аналогичные находки Ставропольской возвышенности рассматриваются в публикациях Ю.А. Прокопенко (Прокопенко,

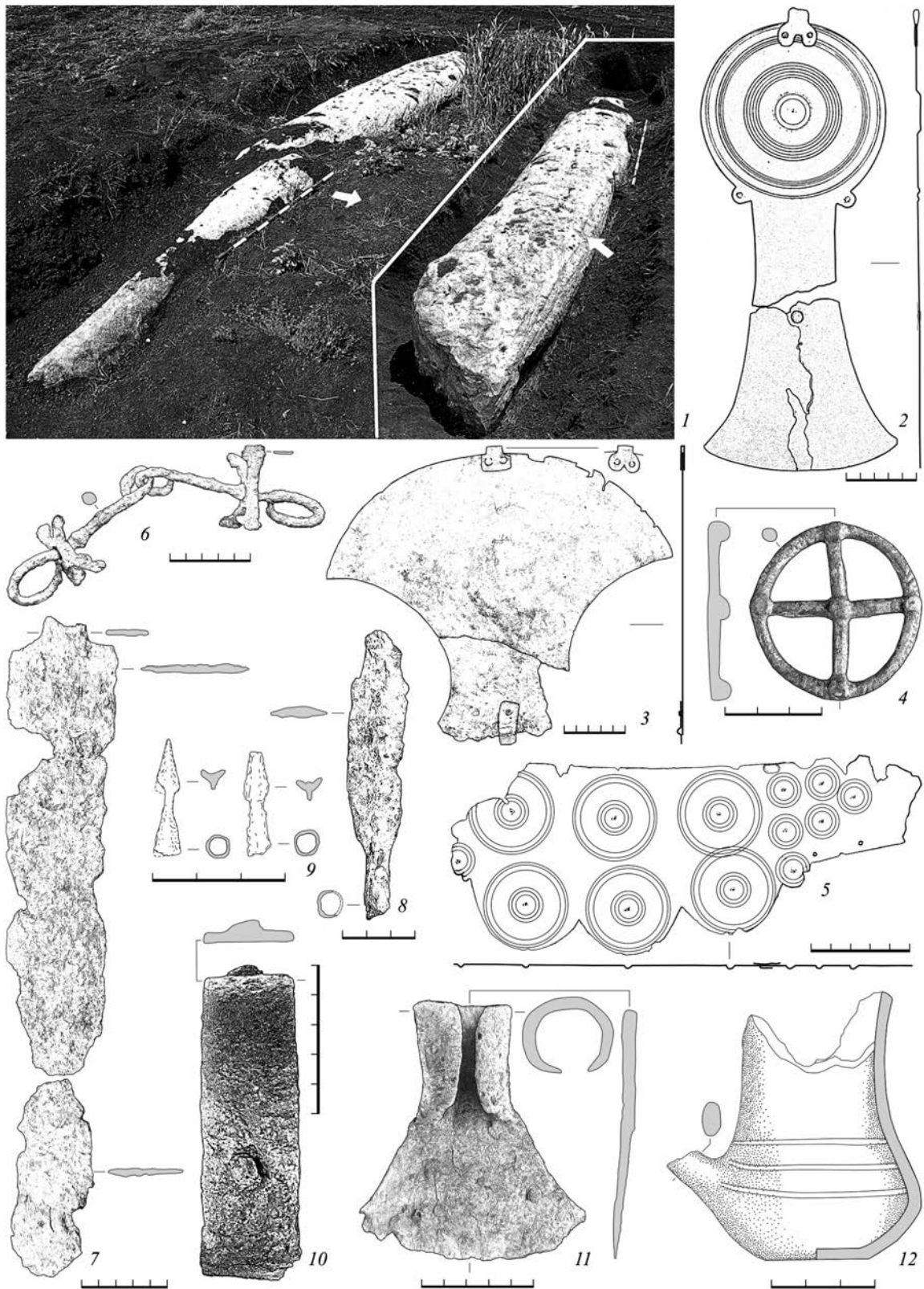

Рис. 1. Археологический ансамбль «Балка Семиколенная»: 1 – менгир (фото); 2–12 – подъемный материал (2–5 – бронза; 6–11 – железо; 12 – керамика)

2021). По классификации пластинчатых конских налобников, предложенной И.И. Марченко (Марченко, Лимберис, 2009. С. 69), один налобник с круглой верхней частью и трапециевидной нижней относится к типу I (рис. 1, 2). Два налобника с симметричными, веерообразными краями, относятся к типу II (рис. 1, 3). Налобники типа II по классификации И.И. Марченко появляются в третьей четверти IV в. до н.э., судя по находке в кургане 30 у аула Нечерзий (Беглова, 2016. С. 45). И.И. Марченко и Н.Ю. Лимберис датировали налобники типа I второй половиной IV – началом III в. до н.э. Три налобника типа I были найдены в насыпи кургана могильника № 2 Татарского городища, откуда происходит и ручка родосской амфоры с клеймом фабриканта Аристарха (Прокопенко, 2021. С. 472), поэтому нельзя исключать возможность датировки налобников типа I в пределах III – начала II вв. до н.э. Конское снаряжение из балки Семиколенной можно широко датировать второй половиной IV – началом II в. до н.э.

Сильно поврежденные коррозией фрагменты клинка меча, наконечников копья и дротика (рис. 1, 7, 8) датируются тем же временем, что и конский убор. Меч относится к т.н. синдо-меотскому, а по классификации В.Р. Эрлиха – меотскому, типу (Эрлих, 1991). Меотские мечи появляются не ранее последней четверти V – начала IV в. до н.э. (Дедюлькин, 2012. С. 179–180). Конический железный подток копья датируется IV – III вв. до н.э. (Беглова, Эрлих, 2019. С. 153).

Трехлопастные втульчатые железные наконечники стрел (рис. 1, 9) в IV в. до н.э. практически полностью вытесняют бронзовые в колчаных наборах населения Прикубанья (Эрлих, 2007. С. 349).

Железная оковка ступицы деревянного колеса (Мелюкова, 1981. С. 24–28) повозки может датироваться как этим же временем, так и более поздним. Железное тесло (рис. 1, 11) широко датируется в рамках раннего железного века – Средневековья.

Раковины каури со срезанной спинкой находят аналогии как в инвентаре варварских погребений в широком ареале степи и лесостепи Северного Причерноморья, так и в некрополях на хоре городов Европейского Боспора V–IV вв. до н.э. (Трейстер, 2008. С. 116). Бронзовое литое украшение в виде кольца с крестовидной перемычкой внутри (рис. 1, 4), вероятно, датируется ранним железным веком.

Вновь выявленный археологический ансамбль «Балка Семиколенная» дополняет меотские древности правобережья р. Лабы в контактной зоне предгорий Западного Кавказа. Наличие уникального объекта (менгира) и массовые грабежи грунтового могильника требуют незамедлительного принятия мер по его сохранению.

Литература

- Беглова Е.А. 2016. Парадный конский убор IV–II вв. до н.э. в памятниках Юга России // Археологическая наука: практика, теория, история. Сборник научных трудов памяти И.С. Каменецкого. М.
- Беглова Е.А., Эрлих В.Р. 2019. Меоты Закубанья в сарматское время (по материалам Тенгинского грунтового могильника). М.-СПб.
- Дедюлькин А.В. 2012. Меотские мечи дельты Дона // XXVII Крупновские чтения. Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. Материалы международной научной конференции. Махачкала.
- Марченко И.И., Лимберис Н.Ю. 2009. Пластинчатые конские налобники из Прикубанья // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 3 (39).
- Мелюкова А.И. 1981. Краснокутский курган. М.
- Прокопенко Ю.А. 2021. Налобные и нащечные пластины конского убора IV – начала II вв. до н.э. из памятников Ставропольской возвышенности // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. Вып. 13.
- Трейстер М.Ю. 2008. Изделия из бронзы, кости и украшения // Трехбратные курганы. Курганная группа второй половины IV – III вв. до н. э. в Восточном Крыму. Ред. М.Ю. Трейстер. Симферополь; Бонн.
- Эрлих В.Р. 1991. Меотские мечи // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М.
- Эрлих В.Р. 2007. Железные наконечники стрел Прикубанья: проблемы типологии и технологии. // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. М.

РАЗНЫЕ ТИПЫ СКАЛЬПИРОВАНИЯ В ЭПОХУ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКОВ ЮГА РОССИИ

Березина Н.Я.¹, Абрамова А.Н.²

¹*НИИ и Музей антропологии МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва;*

²*Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник
им. Е.Д. Фелицына, г. Краснодар*

Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФ, проект № 22-18-00108.

Традиция скальпирования широко известна в этнографических и исторических источниках Нового и Старого Света. Фактические находки, подтверждающие бытование этого обряда в Старом Свете датируются неолитом и локализуются в Скандинавии (Медникова, 2000), а затем в период эпохи бронзы и раннего железного века периодически обнаруживаются в разных географических локациях по всей Евразии (Бородовский, Табарев, 2001; Murphy et al., 2002; Murphy, 2003), нередко ассоциируясь с массовыми погребениями жертв военных конфликтов (Абрамова, 2021; Ильина и др., 2023).

В Новом Свете наибольшую известность и распространение обряд скальпирования получил во время европейской колонизации, что отражено в обширном корпусе исторических и даже этнографических свидетельств. Но существует ряд находок, подтверждающий доколониальное распространение скальпирования среди различных племен американских индейцев (Chacon, Dye, 2007; Kendall, 2011). Известно, что форма скальпа имела значение для представителей разных племен. Нередко размер скальпа зависел и от прически его носителя. Так, в союзе племен, известном под названием конфедерация ирокезов, для мужчин-воинов была характерна бритая голова с так называемой «скальповой прядью». Исследователи, изучающие черепа со следами скальпирования с территории обитания племен этой группы, нередко находят следы частичного скальпирования, которые они связывают именно с прической. Похожая традиция отмечается и на территории Евразии в среднем Приобье и Прииртышье, в эпоху средневековья, где на антропологическом материале фиксируются однотипные травмы черепа, которые ассоциируются исследователями с ритуалом «срубания кос», известным в этнографии по угорскому эпосу (Ражев, Пошехонова, 2009).

Нартский эпос, описывая традицию скальпирования, переносит нас на территорию южной части современной России, горы Северного Кавказа и Предкавказье. Степные регионы этих мест упоминали как древнегреческие, так и римские историки, рассказывая об обычаях скифских и аланских воинов скальпировать своих врагов (см. обзор авторов: Перерва, 2005. С. 41–42).

С накоплением материалов становится возможным анализировать детали ритуала скальпирования. Так, для одиночных захоронений чаще всего характерен мужской пол погребенных, а в коллективных захоронениях встречаются женские и детские скальпированные черепа.

На материалах трех памятников нами было выделено четыре черепа с двумя разными типами скальпирования: полный – с захватом кожи за мочкой уха и частичный, ограничивающийся примерно верхним краем ушной раковины по бокам головы (Березина и др., 2023). Два черепа со следами частичного скальпирования происходят с территории могильника Старокорсунского городища № 2 (г.о. Краснодар, Краснодарский край). Полное скальпирование нами было зафиксировано на черепе из хозяйственной ямы, обнаруженной при раскопках античного поселения близ ст. Старотитаровская (Краснодарский край, Темрюкский район). Четвертый череп происходит из могильника Гастон-Уота, расположенного в горной Дигории, также несет на себе следы скальпирования с захватом большей части волосистой кожи головы.

По опубликованным данным подобные реконструкции проводить сложнее, но часть исследователей дает достаточно подробное описание материалов. Так, в сарматских погребениях из могильника Новый, расположенного на левом берегу р. Сал в Ростовской области (Перерва, 2005) для всех скальпированных индивидов было отмечено частичное снятие скальпа с высоким расположением насечек. Тогда как у погребенных на городище Гермонасса, насечки встречаются не только в области сосцевидных отростков, но даже на скуловой кости (Ильина и др., 2023. С. 420). Массовое захоронение на поселении Чекупс-2 (Краснодарский край, Темрюкский район), так же, как и на городище Гермонасса, носит санитарный характер. Скелеты представлены исключительно черепами, без нижних челюстей и шейных позвонков. При повторном изучении черепов было выяснено, что следы скальпирования присутствуют на 16 черепах, как взрослых, так и детей. Процедура скальпирования, судя по разнообразию следов на костях, не была единой, но в ряде случаев складывается впечатление, что площадь снимаемого скальпа имела значение: на лобной кости нескольких черепов скальпирование начинали от области бровей, а на боковых поверхностях черепов некоторых индивидов насечки или резко опускались вниз, вероятно за ушной раковиной к сосцевидному отростку, или фиксировались над наружным слуховым проходом, перерезая наружное ухо поперек.

Несмотря на то, что объем информации, посвященной обряду скальпирования растет, на сегодняшний день ее недостаточно, чтобы уловить тенденции возникновения той или иной формы скальпирования. На первый взгляд, ни хронологически, ни географически эти две группы не выделяются. Совершенно не исключен сценарий, при котором решение о площади скальпирования принималось воином-победителем стохастически, исходя из времени, которое он мог на это затратить или же было обусловлено опытом победителя. Для ответа на эти вопросы необходимо накопление материала и внимательное изучение всех костных останков.

Литература

- Абрамова А.Н. 2021. Предварительное сообщение о черепах с поселения Чекупс-2 // Археология Евразийских степей. № 5.
- Березина Н.Я., Абрамова А.Н. 2023. Манипуляции с головой человека в эпоху раннего железного века по материалам могильников Центрального Кавказа и Предкавказья // Западный Кавказ в контексте контактов культур, народов и цивилизаций. Материалы научно-практической конференции XI Анфимовские чтения, Анапа, 25–28 сентября 2023 г. Краснодар; М.
- Березина Н.Я., Абрамова А.Н., Зиганшин Р.Х., Иванов А.В. 2023. Новые случаи скальпирования из могильников Предкавказья и Северного Кавказа в эпоху раннего железного века // Археология Евразийских степей. № 6.
- Бородовский А.П., Табарев А.В. 2001. Корреляция обычая скальпирования в Северной Америке и Западной Сибири // Интеграция археологических и этнографических исследований. Нальчик; Омск.
- Ильина Т.А., Свиркина Н.Г., Веселкова Д.В. 2023. Об обстоятельствах захоронения человеческих останков на территории Гермонассы // МАИАСП. № 15.
- Медникова М.Б. 2000. Скальпирование на Евразийском континенте // РА. № 3.
- Перерва Е.В. 2005. О скальпировании у сарматов (по материалам могильника Новый) // РА. № 3.
- Ражсев Д.И., Пошехонова О.Е. 2009. Обычай срубания кос у средневековых воинов Западной Сибири // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 10.
- Chacon R.J., Dye D.H. 2007. The Taking and Displaying of Human Body Parts as Trophies by Amerindians. Springer Science & Business Media.
- Kendall A. 2011. The Crow Creek massacre: the role of sex in native American scalping practices, California State University. Chico.
- Murphy E.M., Gokhman I., Barkova L. 2002. Prehistoric Old World Scalping: New Cases from Cemetery of Aymyrlyg, Sought Siberia // American Journal of Archaeology. No. 106.
- Murphy E.M. 2003. Iron Age Archaeology and Trauma from Aymyrlyg, South Siberia // BAR International Series. No. 1152. Oxford.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ФАЛЛИЧЕСКИХ АМУЛЕТОВ ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

Вдовченко Е.В.

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

Значительный и тщательный разбор амулетов, проведенный коллективом авторов при публикации ремесленно-торгового комплекса Стаево, позволил заметно продвинуться в решении проблем, связанных с анализом этой категории находок, хорошо известной для эпохи Великого переселения народов (Гавритухин и др., 2022). Но вопрос о происхождении амулетов еще не решен. При анализе феномена фаллических амулетов и их происхождения важно обратить внимание на самые ранние амулеты, а также на необработанные предметы (Гавритухин и др., 2022. С. 212). К числу необработанных амулетов можно добавить еще один амулет, найденный в 1987 г. на Зилгинском городище (рис. 1) (Аржанцева, 1987. Рис. 473), тип 2, подтип 2Б (Гавритухин и др., 2022. С. 183). Необработанные края изделия свидетельствуют о том, что этот амулет был произведен на месте и попал в слой до того, как заготовка была доделана.

Однако такие изделия могли изготавливаться повсеместно. Для изучения истоков этих амулетов и места их появления важно понять совокупность условий, обусловивших их возникновение.

I. Это должен быть мощный металлургический центр. Фаллический образ имеет несколько вариантов распространения – на керамике, металлические амулеты, каменные стела, вышиты на сумке, но самый распространенный – это металлическая пластика. Для общества, создавшего и распространившего этот образ, цветная металлургия является развитым и удобным способом реализации идей в предметном мире. Просто металлургические центры без мощной культурной и устоявшейся традиции вряд ли могли дать сильный импульс к широкому распространению этих амулетов. В дальнейшем эта традиция получила широкое распространение среди разных обществ этого времени в силу несложных требований к производству мелкой металлической пластики.

II. Другое условие для поиска истоков этой традиции — разнообразие форм. Именно там, где эта идея зародилась, она апробируется разными способами и на разных материалах.

III. Третье условие – развитие этой традиции, ее продолжение в дальнейшем. Конечно, можно сказать, что фаллические амулеты дали импульс развитию металлической пластики и получили распространение, например, в славянском мире и тюркском мире раннего средневековья. Но являясь частью культуры, они должны были получить дальнейшее развитие в рамках этой традиции.

IV. Необходимо объяснить широчайшую географию амулетов и логику их распространения.

V. Необходимо объяснить время появления традиции.

VI. И, наконец, такой важнейший признак, как соответствие изобразительному ряду начальной культуры. Технология, способ изображения, система образов и эстетическое решение – все это имеют свою почву и традицию. Такие особенности фигурок, как определенный примитивизм, геометризм и прямоугольная фактура, должны иметь параллели в искусстве.

При том, что больше находок связано с Боспором (Гавритухин и др., 2022. С. 216, 217), есть аргументы, свидетельствующие в пользу Кавказской Алании как источника традиции. Вывод о том, что северокавказские центры, с которыми связаны интересующие нас и близкие им амулеты, вторичны, исходит из анализа погребальной традиции (Гавритухин и др., 2022.

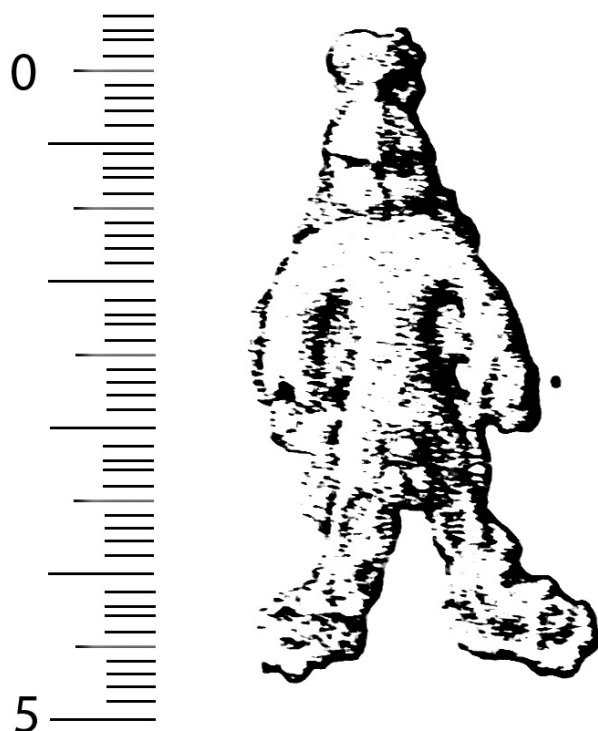

Рис. 1. Амулет с Зилгинского городища
(Аржанцева, 1987. Рис. 473)

С. 214). Но находки этих предметов связаны не только с погребальной традицией, но и с поселениями, которые для раннего этапа аланской культуры исследованы значительно хуже некрополей.

Большее разнообразие традиций можно увидеть в рамках аланской культуры Кавказа. Узнаваемый образ воспроизводился в металлической пластике, на керамике (клеймо на дне, насечки), кожаных мешочках.

По поводу того, где эта традиция получила прямое продолжение, то речь тоже идет о Кавказской Алании. Фаллические амулеты получили свое развитие в солярных амулетах, фигурах всадников (Ковалевская, 1983).

География находок связана с такими разными регионами как Боспор, степной Крым, Предкавказье, степь, лесостепь. Из всех версий наибольшей популярностью пользуются версии боспорских торговцев и иранцев. Это не феномен сарматских культур, как совершенно резонно отметили авторы (Гавритухин и др., 2022. С. 214). Фигурки появляются уже после заката сарматских культур степной зоны, когда мы видим только существование некоторых элементов этих культур. Но ситуация уже в корне изменилась, и осколки сарматского мира вряд ли могли выйти в качестве такого источника инноваций для Барбарикума и периферии античного мира. Но такими иранцами могли быть кавказские аланы. Их экспансия III в. на северо-запад и восток была продолжена. Роль кавказских аланов еще в полной мере не выявлена в мире катастроф и изменений эпохи Великого переселения народов.

Кавказские аланы подходят и под хронологический критерий. Их движение началось только в III в. Активное включение в события IV-V вв., активное расселение, опустошившее поселения Центрального Предкавказья, определило их влияние на события не только Западной и Южной Европы («кавказорожденные аланы» Сидония – Sidon. Ep. 4, 1, 4), но и Восточной Европы.

И, наконец, искусство. Истоки иконографического образа и его содержание — отдельная проблема. Образы фаллических амулетов далеки от эстетики античного мира, даже позднеантичной эпохи. Фаллические амулеты выбиваются из изобразительного ряда как античного искусства, так и варварского искусства Крыма.

Если посмотреть на искусство Кавказской Алании, то есть некоторые признаки, которые можно сопоставить с амулетами. Геометризм и прямоугольная фактура встречаются среди произведений искусства Алании. В своем изобразительном решении фигура человека напоминает распластанную фигуру медведя с конечностями под прямым углом (Малашев, 2016. С. 192. Рис. 12, 2). Голову со схематическим изображением волос, довольно часто встречающуюся на амулетах, можно встретить на предметах аланской культуры (Малашев, 2016. С. 187. Рис. 7,1).

Каковы истоки этой иконографической традиции, не совсем ясно. С одной стороны, в рамках кобанской культуры есть обилие свастических элементов, фигур в форме меандра и геометричных решений (Reinhold, 2007. Taf. 200, 6; 243, 4; 258, 18; 262, 11; 382, 1, 2 и др.). С другой, подобные образы есть в степной зоне, как, например, тамгообразный знак на ручке металлического сосуда I в. (Гущина, Засецкая, 1994. С. 32, 135. Таб. 36, 337). На настоящем этапе проблема происхождения фаллических амулетов не может быть решена, но предложенные соображения могут помочь продвинуться в осмыслении этой проблемы.

Литература

- Аржанцева И.А.* 1987. Отчет Аржанцевой И.А. о работах на Зилгинском городище в 1987 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 13142.
- Гавритухин И.О., Обломский А.М., Торгоев А.И.* 2022. Антропоморфные амулеты-фигурки из Стаево на фоне находок из Евразии // Торгово-ремесленный комплекс у с. Стаево в верховьях р. Воронеж (конец V — VII в.) и некоторые проблемы археологии Верхнего Подонья эпохи раннего Средневековья. М.; СПб.
- Ковалевская В.Б.* 1983. Антропоморфные амулеты VI–IX вв. на Северном Кавказе // КСИА. Вып. 176.
- Малашев В.Ю.* 2016. Памятники среднесарматской культуры северокавказских степей и их традиции в курганных могильниках Северо-Восточного Кавказа второй половины II – середины V вв. н.э. М.
- Гущина И.И., Засецкая И.П.* 1994. «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. СПб.
- Reinhold S.* 2007. Die Spätbronze- und frühe Eisenzeit im Kaukasus. Bonn.

НАХОДКИ БРОНЗОВЫХ ПРЕДМЕТОВ В УРОЧИЩЕ АДМАГІАРДА В ГОРНОМ ДАГЕСТАНЕ

Гаджиев М.С.¹, Бакушев М.А.²

¹*Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, г. Махачкала*

²*ООО «Археологическое общество Кубани» г. Ростов-на-Дону*

В 2021–2022 гг. при посещениях древнего культового места на вершине горы Зуберха от местных жителей была получена информация о находках нескольких бронзовых предметов на территории урочища АдмагІарда (в пер. с авар., диалект. – «На верхней горе»), которое располагается в 5,5 км к северу от с. Гергебиль, на высоте около 1450 м над ур. м., на плато размерами 1,2 × 1,5 км, на южном склоне, с севера ограничивающимся отвесными скалами хребта между горами Кудитль и Зуберха. Здесь располагаются остатки поселения с руинами жилых и хозяйственных строений, сохранившихся на высоту до 2 м. Строения примыкают и поднимаются по скальному подтреугольному выступу, почти лишенному растительности. Остальная территория плато террасирована и являлась ближайшей сельскохозяйственной округой поселения. В настоящее время нет данных о датировке поселения: у местных жителей не сохранилось никаких преданий об этом населенном пункте – оно лишь связывается с доисламскими временами. На карте Стрельбицкого 1871 г. на месте поселения указаны развалины; упоминания о нем и урочище в описании штурма Гергебиля царскими войсками в 1843 г. отсутствуют, т.е. к тому времени поселение уже не существовало. Судя по единичным фрагментам подъемного керамического материала и по сохранности сооружений, можно полагать, что оно было заброшено в позднее средневековье, в XVII–XVIII вв.

Первая находка была передана жителями с. Гергебиль М.А. Бакушеву в ходе разведок на культовом месте на горе Зуберха в 2021 г. Она была найдена в поверхностном слое с внешней стороны угла одного из сооружений поселения АдмагІарда. Статуэтка имеет размеры 4,5 × 1,8 × 0,8 см и представляет собой литую бронзовую зоо-антропоморфную фигурку в виде непропорциональной человеческой фигуры с крупной головой животного (рис. 1, 1), вероятно, быка, с короткими, обозначенными прорезью ножками, без признаков половой принадлежности; от рук сохранились основания, переходящие в широкие плечи и высокую шею; глаза обозначены короткими горизонтальными полосками, показан сильно выступающий «орлиный» нос. На макушке расположены загнутые друг к другу небольшие рога, концы которых обломаны; между двумя рогами по лбу проходит валик. Именно характерная манера изображения рогов позволяет распознать образ быка.

Обозначенные признаки вкуче дают возможность рассматривать представленную статуэтку как синкретический образ человеко-быка (ср.: др.-греч. Минотавр, авест. Гайомард, Гопат-шах). Находки небольших бронзовых антропоморфных статуэток с рогами и согнутыми в локтях расставленными руками на территории Кавказа нередки: они известны в Армении, Дагестане, Кабардино-Балкарии; в коллекции Эрмитажа имеются схожие статуэтки, имеющее неопределенное кавказское происхождение. Они широко датируются О.А. Брилевой VI–I вв. до н.э., которая интерпретирует рога как элемент шлема (Брилева, 2012. С. 228). Однако, у данной статуэтки имеется ряд отличий от схожих статуэток: у нее отсутствуют постамент, половые признаки, черенок для крепления, что является обязательным для упомянутых фигурок. Помимо этого, у статуэтки из АдмагІарда нет узнаваемых черт человеческого лица.

Учитывая сказанное, позволительно проводить параллель с этнографическими данными Дагестана: в традиционных календарных праздниках народов Дагестана и на свадьбах широко использовался рудиментарный образ ряженого в маске, изображавшего козла, волка, быка

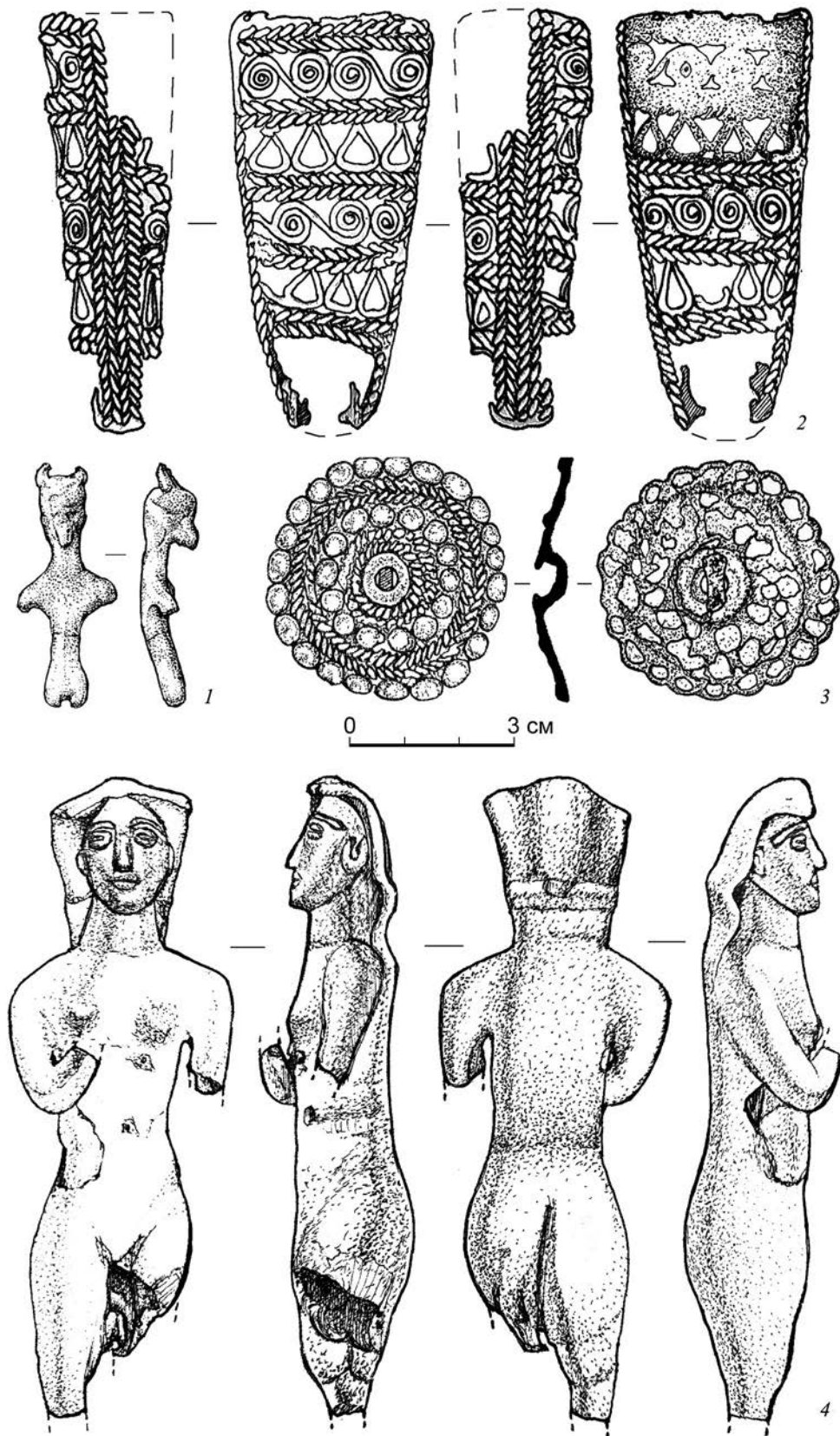

Рис. 1. Находки из урочища Адмагарда (Горный Дагестан)

и др. – этот персонаж занимал одно из центральных мест в народных празднествах и обрядах, связанных с аграрным культом, культом плодородия.

В 2022 г. во время посещения горы Зуберха М.С. Гаджиеву были показаны три бронзовых предмета, которые были зарисованы и сфотографированы: бронзовые антропоморфная статуэтка, ажурные бляха и бутероль (рис. 1, 2–4). По информации местных жителей, они были найдены в одном месте, на вершине возвышенности над поселением АдмаГарда. Осмотр места находки показал, что предметы были закопаны в светло-коричневом суглинке с зольными прослойками, что, возможно, по аналогии с известными культовыми местами, указывает на совершение здесь определенных ритуально-обрядовых действий и позволяет рассматривать данное место как культовое.

Антропоморфная статуэтка литая, объемная, имеет сохранившиеся размеры $11,7 \times 4,2 \times 2,6$ см (рис. 1, 4). Она изображает женщину с детально прорисованными чертами лица; голову покрывает накидка, свисающая на спину («поперечная пластина» по: Брилева О.А. 2012. С. 222). Ноги и руки фигурки частично обломаны. Судя по аналогиям, в правой руке фигурки должен был быть рог или же она держала обеими руками сосуд.

Круглая орнаментированная ажурная бляха имеет диаметр 4,4 см, высоту 0,7 см (рис. 1, 3). Она имеет выпуклую форму с крепежной петлей на тыльной стороне. В центре бляхи круглое отверстие, на лицевой стороне обхваченное веревочным шнурком, и затем окруженное двумя рядами выпуклого жемчужного орнамента, между которыми помещен елочный кант.

Найденная здесь же бутероль имеет сохранившиеся размеры $7,6 \times 3,8 \times 2,6$ см (рис. 1, 2). Она орнаментирована по обеим сторонам четырьмя рядами чередующихся двойных спиралей и подтреугольной формы петелек, разделенных елочным орнаментом. Торцевые стороны также декорированы кантом из двух рядов веревочного орнамента.

К описанной женской статуэтке ближе всего стоят бронзовые фигурки из Тинди, Кубачи, Хурцы-Гаал (Горный Дагестан), на которых изображен аналогичный головной убор и которые держат перед грудью в руках сосуд (Давудов, 1974. С. 85, 89; Брилева, 2012. С. 206). О.А. Брилева датировала их I–II вв. н.э. (Брилева, 2012. С. 351).

Датировка рассматриваемой статуэтки определяется сопутствующими находками. Ажурная бляха имеет аналоги в Шаракунском, Урцекском, Черкезкутанском могильниках последних веков до н.э., а орнаментальные мотивы, присутствующие как на бляхе, так и на бутероли, такие как двойные спирали, «елочка», «шнур», «петли» представлены на умбоновидной бляхе из погр. 15 Шаракунского могильника (Гаджиев, 2002. С. 142. Рис. 66, 16) и на бронзовом ритоне в форме коня из Шаракунского клада, датированного монетами Птолемея V Эпифана началом – сер. II в. до н.э. (Гаджиев, 1990. С. 53–58; Балахванцев, Гаджиев, 2022. С. 232–233). Также веревочный орнамент, образованный тремя рядами косых насечек представлен на уздечной бляхе с культового места на горе Зуберха, датированного рубежом VII–VI – III–I вв. до н.э. (Бакушев и др., 2022. С. 158).

Культовое место на вершине горы Зуберха располагается в 2,5 км к востоку на 750 м выше от вероятного культового места в урочище АдмаГарда. Несмотря на то, что хронологически они частично пересекаются, между ними наблюдаются существенные различия. Обращает внимание, прежде всего, что культовое место на горе Зуберха расположено на наиболее возвышенной вершине данного микрорегиона и оно использовалось многократно (Бакушев и др., 2022. С. 159), что может отражать былую определенную различную статусность этих мест. Культовое место в АдмаГарде, как представляется, стоит ближе к культовым площадкам типа Гигатлинского жертвенного места, где проводились ритуальные акции меньшего масштаба, вероятно, приуроченные к существовавшему неподалеку поселению, тогда как культовое место на горе Зуберха использовалось для совершения обрядовых действий, охватывающих население значительно большей территории, вероятно, несколько поселений, и предполагающих выход на наиболее почитаемое место вдалеке от поселений.

Урочище АдмаГарда археологически не изучено и, несомненно, его комплексное исследование позволит понять различные аспекты культуры, верований, жизни древнего населения Северо-Восточного Кавказа.

Литература

- Балахванцев А.С., Гаджиев М.С.* 2022. Находки селевкидских и птолемеевских монет в Дагестане и проблема Каспийского водного пути // Восток (Oriens). № 4.
- Бакушев М.А., Афонин А.С., Салова Ю.А., Борисов А.В.* 2022. Культовые места центрального Дагестана на вершинах гор Зуберха и Берак // РА. № 4.
- Брилева О.А.* 2012. Древняя бронзовая антропоморфная пластика Кавказа (XV в. до н.э. - X в. н.э.). М.
- Гаджиев М.С.* 1990. Бронзовый зооморфный сосуд из Шаракунского клада // Памятники древнего искусства Дагестана. Махачкала.
- Гаджиев М.С.* 2002. Древний город Дагестана. Опыт историко-топографического и социально-экономического анализа. М.
- Давудов О.М.* 1974. Культуры Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОЛА ПОГРЕБЕННЫХ ПО ИНВЕНТАРЮ – ЗА И ПРОТИВ (НА МАТЕРИАЛАХ РАННЕСАРМАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ НИЖНЕГО ПОДОНЬЯ)

Глебов В.П.

Археологическое научно-исследовательское бюро, г. Ростов-на-Дону

При изучении погребальной обрядности раннесарматской культуры (Глебов, 2011) автор столкнулся с тем, что антропологические определения имеют менее половины нижнедонских раннесарматских комплексов, вследствие чего для статистических исследований пришлось применить корреляционный метод определения половой принадлежности погребенных по сопровождающему инвентарю. На базе погребений с антропологическими определениями были выявлены наборы инвентаря, характерные для мужских и женских захоронений. Далее, исходя из преобладания в погребальном инвентаре вещей, более характерных для мужчин / женщин, была сделана попытка половой дифференциации остальных погребений, не имеющих антропологических определений.

Маркерами мужских погребений в раннесарматской культуре II–I вв. до н.э. являются прежде всего предметы вооружения, пряжки, оселки, а также, с некоторыми оговорками, конская упряжь и котлы. Разумеется, эти вещи встречаются и в женских погребениях, но в подавляющем большинстве тяготеют к мужским. Преимущественно женскими категориям инвентаря можно считать зеркала, курильницы, костяные ложечки (в отличие от савроматского времени, когда ложечки тяготеют к погребениям вооруженных мужчин), пряслица, различные украшения (перстни, браслеты, височные кольца и др.), бусы в больших наборах. Прочие предметы инвентаря гендерно нейтральны, в равной степени характерны как для мужских, так и для женских захоронений. Половая принадлежность детей и подростков, как правило, антропологами не определяется, маркерами пола здесь может служить лишь сопутствующий инвентарь. Примечательно, что в детских захоронениях изредка встречаются «взрослые» вещи, возможно указывающие на нерядовой социальный статус погребенных детей – оружие, предметы упряжи, бронзовая посуда.

Методика определения пола по сопутствующему инвентарю практиковалась и раньше (Бунятян, 1985. С. 64–71; Очир-Горяева, 1987. С. 45–47), и в целом этот подход считается корректным, хотя встречаются и негативные отзывы (Богаченко, 2017. С. 181–182). Собственно, при статистической обработке больших групп памятников альтернативы такой методике не существует, поскольку масштабные археологические раскопки 50–80-х гг. XX в., давшие огромный, для некоторых культур преобладающий объем материала, в большинстве не сопровождались антропологическими определениями.

Нетрудно заметить, что выявленные нами на раннесарматском материале «мужской» и «женский» наборы инвентаря во многом близки вещевым комплексам, выделенным М.А. Балабановой, В.М. Клепиковым, Е.А. Коробковой, М.В. Кривошеевым, Е.В. Перервой, А.С. Скрипкиным для сарматских культур (Балабанова и др., 2015), М.А. Очир-Горяевой, В.Н. Мышкиным и Р.С. Багаутдиновым, М.С. Стрижак – для «савроматской» культуры (Очир-Горяева, 1987. С. 45–47; Мышкин, 2001. С. 144–149; Стрижак, 2006; Багаутдинов, Мышкин, 2013), Л.Н. Коряковой, Н.А. Берсеновой – для саргатской культуры (Корякова, 1988. С. 55–57; Берсенева, 2011. С. 85–91), Е.П. Бунятян – для скифской культуры Степного Поднепровья (Бунятян, 1985. С. 65–71), И.Н. Храпуновым и А.А. Стояновой – для позднескифской культуры Крыма (Храпунов, Стоянова, 2023).

Однако необходимо признать, что определение пола погребенного по инвентарю достаточно условно хотя бы потому, что «мужские» и «женские» вещи нередко сочетаются в одном захоронении. Погребения с преобладанием «мужских» вещей тем не менее могут оказаться

женскими по определениям антропологов, и наоборот (Берсенева, 2011. С. 97; Богаченко, 2017. С. 181–182). Таким образом, сопутствующий инвентарь не дает полной уверенности в правильности определения половой принадлежности погребенных. Выделяемые методом корреляционной статистики «мужские» и «женские» вещи в нашем случае маркеры скорее гендера, а не пола. Проблема соотношения гендера и биологического пола в древних обществах достаточно сложна для изучения на базе только археологических источников (Берсенева, 2011. С. 97–98). Примечательно, что наличие антропологических определений далеко не всегда проясняет ситуацию – так, по итогам изучения женских погребений с оружием исследователи приходят к совершенно различным, иногда диаметрально противоположным выводам (Глебов, Толочко, 2016; Берсенева, 2022; Фиалко, 2015; Синика и др., 2020. С. 78–86). Впрочем, следует оговориться, что ошибочными могут быть и антропологические определения (Ражев, 2009. С. 46–48). Гарантированного результата, таким образом, не дает ни один из методов определения половой принадлежности погребенных.

Вероятно, следует согласиться с исследователями, полагающими, что при отсутствии антропологических определений, методы определения пола погребенных по сопутствующему инвентарю допустимы, во всяком случае для статистических исследований общего порядка. Однако в отношении конкретных комплексов необходимо проведение антропологических измерений или анализа ДНК (Стрижак, 2006. С. 41–42; Берсенева, 2011. С. 86).

Литература

- Багаутдинов Р.С., Мышкин В.Н.* 2013. Мужской и женский наборы вещей у кочевников Самаро-Уральского региона в VI–IV вв. до н.э. // Вестник СамГУ. № 2 (103).
- Балабанова М.А., Клепиков В.М., Коробкова Е.А., Кривошеев М.В., Перерва Е.В., Скрипкин А.С.* 2015. Половозрастная структура сарматского населения Нижнего Поволжья: погребальная обрядность и антропология. Волгоград.
- Берсенева Н.А.* 2011. Социальная археология: возраст, гендер и статус в погребениях саргатской культуры. Екатеринбург.
- Берсенева Н.А.* 2022. Женские погребения с предметами вооружения на памятниках ранних кочевников Южного Урала (конец V – II в. до н.э.) // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 50. № 1.
- Богаченко Т.В.* 2017. Исторические основы сказаний о женщинах-воительницах южнорусских степей. Ростов-на-Дону, Таганрог.
- Бунятян Е.П.* 1985. Методика социальных реконструкций в археологии: На материале скифских могильников IV–III вв. до н. э. Киев.
- Глебов В.П.* 2011. Погребальная обрядность раннесарматской культуры Нижнего Подонья II–I вв. до н.э. // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Ростов-на-Дону.
- Глебов В.П., Толочко И.В.* 2016. Женские погребения с оружием на Нижнем Дону в эпоху позднего эллинизма. Танаис и сарматы // Античная цивилизация и варварский мир Понто-Каспийского региона. Ростов-на-Дону.
- Корякова Л.Н.* 1988. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири. Свердловск.
- Мышкин В.Н.* 2001. Военный инвентарь в «савроматских» погребениях Самаро-Уральского региона // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 1. Волгоград.
- Очир-Горяева М.А.* 1987. Погребальный обряд населения Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в VI–IV вв. до н.э. // Археологические исследования Калмыкии. Элиста.
- Ражев Д.И.* 2009. Биоантропология населения саргатской общности. Екатеринбург.
- Синика В.С., Лысенко С.Д., Разумов С.Н., Тельнов Н.П., Лукасик С.* 2020. Курган 11 группы «Сад» в Нижнем Поднестровье и современное «мифотворчество» о скифских «амазонках» // Нижневолжский археологический вестник. Т. 19. № 1.
- Стрижак М.С.* 2006. К вопросу о дифференцировании женских и мужских комплексов в «савроматской» культуре на территории Южного Приуралья и Нижнего Поволжья // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 8.
- Фиалко Е.Е.* 2015. Амазонки во времени и пространстве // Археологія і давня історія України. Вип. 4 (17).
- Храпунов И.Н., Стоянова А.А.* 2023. Гендерные маркеры погребений римского времени из могильника Опушки // Stratum plus. № 4.

НАХОДКИ ПРЕДМЕТОВ СКИФСКОГО ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ ИЗ ГОРНОГО ЗАКУБАНЬЯ

Дударев С.Л.¹, Керцева (Вольная) Г.Н.²

¹*Русское географическое общество, г. Армавир,*

²*Институт истории и археологии РСО – Алания, г. Владикавказ*

Из пос. Мезмай Апшеронского района Краснодарского края происходят 2 бронзовых конских налобника, оформленных в скифском зверином стиле. Предметы хранятся в музее местной детской школы искусств традиционных ремесел Кубани¹.

1. S-видный пластинчатый налобник (рис. 1, 1) размерами 12,7 × 5,0 см, толщиной 0,2 см, представляет собой профильное изображение фигуры хищника с вывернутой задней частью туловища. Фрагментированная задняя лапа закинута на спину, передняя лапа под нижней челюстью. Пасть широко оскалена и оканчивается гипертрофированными клыками, слитыми вместе и загнутыми внутрь. Зубы выделены вертикальными насечками и подчеркнуты линией и выведены на заднюю поверхность клыков. Глаз – прорезанный овальный контур. На торчащем трапециевидном ухе – продольные насечки. Контур лап, туловища, верхней части морды дублируются углубленной линией с рифлением. Голову от туловища отделяет аналогичный пояс. Лопатка изображена углубленной контурной линией, переходящей на верхнюю часть передней лапы. На крупе – ушастый грифон с сильно закрученным клювом. Изображен маленький хвостик. На оборотной стороне петля трапециевидной формы.

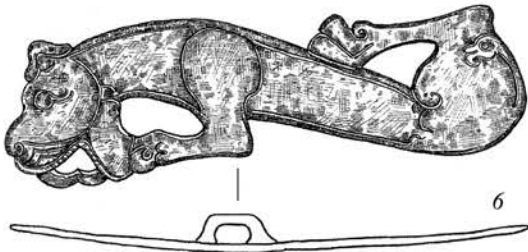
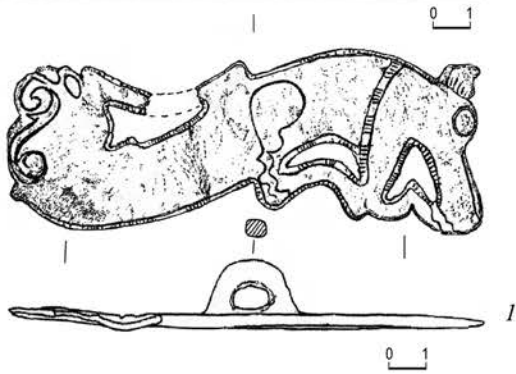
В.Р. Эрлих опубликовал рисунок и упомянул налобник из Мезмая как аналогию налобникам из ритуального комплекса Уляпского кургана–святилища № 2 (рис. 1, 6), кург. 2 некрополя II Тенгинского городища: кони 5 и 7а (рис. 1, 7–8) (Эрлих, 2011. С. 58. Рис. 103, 6), конь 6 (Канторович, Эрлих, 2006. С. 140, 222. Кат. 117) и из набора коня 1 (1985) Гюэносского святилища (Шамба, 1988. Табл. XX, 1; Эрлих, 2011. С. 57–58. Рис. 103, 3) (рис. 1, 5), но не подверг его детальному описанию и анализу. Близкими по стилистике являются два двухдырчатых псаля в виде фигур кошачьих хищников в кургане 1 могильника Псенафа, датируемых 2-й пол. IV – нач. III вв. до н.э. (рис. 1, 3–4).

А.Р. Канторович относит данные наносники к Уляпско-тенгинскому типу изображений хищников (Канторович, 2022. Т. 1. С. 46–47. Т. 2. С. 13, 155–156) и датирует этот тип в пределах IV – начала III в. до н.э. Изображение хищника в такой же позе встречаются на более ранних предметах: налобнике из Ялхой-Мохкского могильника 2-й пол. VI – 1 пол. V в. до н.э. и на рукояти ножа из Урус-Мартановского могильника середины VI – середины V в. до н.э. (рис. 1, 9–10).

На конских налобниках в такой позе с перевернутым туловищем и закинутой за спину ногой изображаются, как правило, хищные животные. Хищники в такой позе встречаются в искусстве кочевников Алтая: могильнике Ак-Алаха 3 (V–III вв. до н.э.), Казахстана: кургане Иссык, 11 Берельском кургане (2 пол. V–IV вв. до н.э.), Южного Урала: Филипповском могильнике (рубеж V–IV – нач. IV вв. до н.э.) (Яблонский, 2008. С. 262), Сибирской коллекции Петра I (V–IV вв. до н.э.), а также в Северном Китае (могильник Алгоу и др.). Животные в такой позе часто встречаются в восточных регионах скифо-сибирского звериного стиля, скорее всего, они могли появиться под влиянием китайского искусства, для которого характерны изображения драконов в подобной позе.

Изображение хищника в такой позе в V в. до н.э. появляются в Сибири, Центральной Азии и на Северо-Восточном Кавказе (в Чечне), а в IV в. до н.э. в памятниках Закубанья.

¹ Авторы благодарны директору школы М.И. Скворцову за возможность ознакомиться с данными находками и опубликовать их.

11

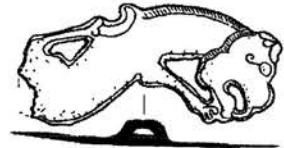
2

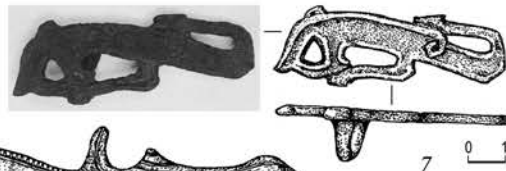
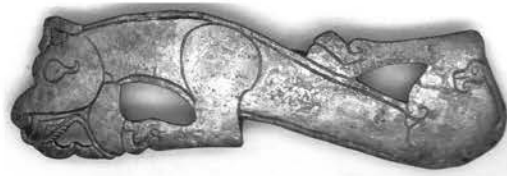
3

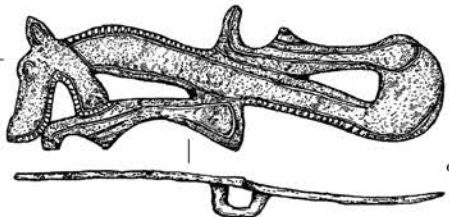
4

5

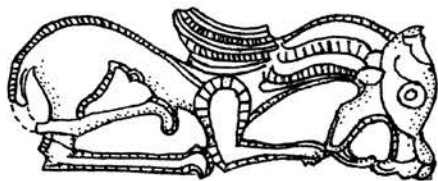
7

8

10

12

В такой же позе встречаются копытные и зайцы в скифо-сибирском зверином стиле Центральной Азии и Северного Кавказа.

2. Пластинчатый налобник размерами $12,7 \times 5,5$ см, толщина 2,0 мм представляет собой изображение крылатого хищника (рис. 1, 11) на согнутых тонких лапах в позе «скребущегося хищника»), с оскаленной пастью с большими сведенными клыками и длинным узким хвостом под его животом, лапа прижата к нижней челюсти. Черепная коробка отделена от челюсти прорезной полосой. Глаз в виде концентрических полуокружностей, завершающихся скобой. По шее идут продольные пояски с насечками и без них. Серповидное крыло покрыто такими же поясками. Туловище, лапы, хвост и лопатку оконтуривают аналогичные пояски с насечками. Задняя лапа протянута к передней и прижата к ней. Корпус животного по контуру от уха до кончиков передней лапы покрыт полоской с вертикальной насечкой. Описанный налобник находит весьма точное соответствие в лице предмета из Краснодарского музея (рис. 1, 12), как по своей моделировке, так и орнаментации поверхности. Скорее всего, они выполнены в одной мастерской по одной модели. В налобнике из Мезмая передняя часть головы животного обрезана.

Изображения крылатых хищников (львов) известны с XII–XI вв. до н.э. в Ассирии, затем в Эламе, в Южной Туркмении во второй половине II – начале I тыс. до н.э. Во 2 пол. VI – IV вв. до н.э. этот образ распространяется на территориях Ахеменидской державы – в Нисе, Оксусе, Топраккале, Зивие, Калер-дашт (Мазадаране) и др. В VI–V вв. до н.э. из Ахеменидского Ирана образ крылатого хищника проникает и в искусство Восточного Казахстана, Средней Азии, Алтая, Сибири. В этот же период изображения крылатого хищника появляются в Степной Скифии (Нимфейский некрополь V в. до н.э.), Лесостепной Скифии (Защита, курган 1) и др. На Кавказе фигура крылатого хищника встречается в композициях «шестивия зверей» на бронзовых парадных поясах из погр. 407 и 419 Глийского могильника, погребения Гантиадского могильника, урартийском поясе (Берлинский Пергамон музей).

Изображение хищников в позе «скребущегося» довольно часто встречается в VII–IV вв. до н.э. на территории Центрального и Северо-Восточного Кавказа. Скорее всего такая поза животного попадет сюда под влиянием Ирана (Луристана) и Урарту, где такие изображения встречаются в VII–VI вв. до н.э.

Стилистика изображений на этом налобнике близка другому рассмотренному налобнику из Мезмая и также может датироваться 2 пол. IV в. до н.э.

Поза животных на налобниках из пос. Мезмай по своим особенностям соответствует произведениям прикладного искусства скифо-сибирского звериного стиля V–IV в. до н.э. Об этом также свидетельствует изображение головы ушастого грифона на крупе животного. Однако стилистика изображений, выполненных способом гравировки на плоской пластине более характерна для искусства меотской культуры. Есть детали, которые сближают искусство звериного стиля меотской культуры с кобанским искусством – это изображение туловища хищника полосой изогнутой в виде буквы S, либо ее зеркального изображения; декоративность и орнаментальность в трактовке зубов и шерсти животных, которые изображаются с помощью рифления; в оформлении фигур животных используются линии, параллельные их контурам. Такая декоративная трактовка характерна и для луристанского искусства.

Исследованные налобники представляют единый феномен скифо-сибирского звериного стиля, но представляют северокавказские особенности этого стиля.

Рис. 1. Предметы скифского звериного стиля из горного Закубанья: 1, 11 – пос. Мезмай, Музей детской школы искусств традиционных ремесел Кубани; 2 – Северное Причерноморье, американская частная коллекция; 3, 4 – могильник Псенафа, кур. 1, ск. 13; 5 – Гюзнос, ритуальные погребения коней (Шамба, 1988. Табл. XXII; Эрлих, 2011. Рис. 103, 3); 6 – Уляп, кур. 2 (Эрлих, 2011. Рис. 103, 4); 7, 8 – некрополь II Тенгинского городища, кур. 2, конь 5 и 7а (Эрлих, 2011. Рис. 103, 4; 12.1, 1, 2); 9 – Ялхой-Мохкский могильник; 10 – Урус-Мартановский могильник; 12 – Прикубанье, Краснодарский краеведческий музей

Литература

- Канторович А.Р.* 2022. Искусство скифского звериного стиля Восточной Европы. Классификация. Типология, хронология, эволюция. Т. 1; Т. 2. М.
- Канторович А.Р., Эрлих В.Р.* 2006. Бронзолитейное искусство из курганов Адыгеи. М.
- Переводчикова Е.В.* 1994. Язык звериных образов: Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. М.
- Эрлих В.Р.* 2011. Святилища некрополя Тенгинского городища II. IV в. до н.э. М.
- Шамба С.М.* 1988. Гюэнос-1. Тбилиси.

КОВШИ И КРУЖКИ В РАННЕМЕОТСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ ЗАПАДНОГО ЗАКУБАНЬЯ

Иванов А.В.

Южный региональный центр археологических исследований, г. Краснодар

Становление в археологии дефиниции «раннемеотское время» или «раннемеотский период» прошло длительный путь (Лимберис, Марченко, 2012. С. 5–7). В настоящее время термин применяется для памятников второй половины VII–V вв. до н.э., расположенных вдоль Кубани и ее притоков и причисляемых к меотской культуре. Если ранее интерес исследователей был сосредоточен вокруг раннемеотских погребальных комплексов, которые во многом и определили этот период, то в последнее время внимание смещается в сторону поселенческих памятников. Особенно на этом фоне выделяется куст раннемеотских поселений, расположенных в Западном Закубанье, в Крымском районе Краснодарского края. На данный момент имеются сведения о 10 однотипных поселениях, исследованных здесь за последние десятилетия. Раскопки этих поселений получили информационный источник, который практически отсутствует на остальной части раннемеотских памятников – это фрагменты амфор. Их находки в слоях и объектах позволяют синхронизировать и датировать меотскую посуду (рис. 1).

На всех памятниках, начиная с нижних, наиболее древних отложений, были массово выявлены фрагменты амфор группы Теос/Клазомены. Сейчас продукция Клазомен датируется в хронологическом диапазоне середины VII–VI в. до н.э., а самые поздние типы заходят и в первые два десятилетия V в. до н.э. (Sezgin, 2012. Р. 20, 70). Недавно из массива клазоменской тары были выделены амфоры Теоса, они датируются поздним VII – серединой VI в. до н.э. (Sezgin, 2017. Р. 15). Эти даты находят подтверждение в материалах Березани (Чистов и др. 2019. С. 14). На Кубани фрагменты амфор группы Теос/Клазомены известны в поселенческих материалах конца VII–VI в. до н.э. (Рябкова, 2015. С. 370. Рис. 7; Иванов и др. 2020а. С. 81. Рис. 2; Иванов и др. 2020б. Рис. 4, 1–20). В погребальных комплексах они зафиксированы в кургане №11 могильника Лебеди V (Пьянков и др. 2019. С. 219, 221. Рис. 5, 8) и в могильнике Циплиевский Кут (Пьянков, 2006. Рис. 3, 1). К наиболее ранним экземплярам тары, найденной в нижних горизонтах Закубанских поселений, следует отнести фрагменты ключевидных венчиков клазоменских амфор. По классификации, предложенной Ю. Сизгиным, профилировка этих венцов совпадает с клазоменскими амфорами Kla.4, производство которых осуществлялось в хронологических рамках 630–580 гг. до н.э. (Sezgin, 2012. Р. 61, 76). В основном амфоры Kla.4 встречены в Средиземноморье: в некрополе Клазомен, в египетском Мигдоле, в Коммосе, в Тоскане. Наиболее близкие этим экземплярам фрагменты амфор происходят из Таганрогского поселения и датируются 630–590 гг. до н.э., а также из Истрии, из слоя 600–570 гг. до н.э. (Копылов, Ларенок, 1994. Рис. 10, 1; Sezgin, 2012. Р. 61). Еще один фрагмент клазоменской амфоры, по профилировке венчика и низко посаженным ручкам, можно сопоставить с амфорами Kla.3 630–600 гг. до н.э. (Sezgin, 2012. Р. 59, 75. Kla.3.03).

Помимо этих амфор в ранних горизонтах поселений иногда встречаются фрагменты красноглиняного Лесбоса и «протофасосских» амфор, или по другой терминологии – амфор на сложнопрофилированной ножке. Ножки таких амфор относятся к ранним сериям «протофасоса», и им находят аналогии среди материалов полуземлянки второй четверти – середины VI в. до н.э. Березанского поселения (Чистов и др. 2019. С. 12–13, рис. 2. 5, 11), а также среди находок из ямы поселения Марьянское 1, где подобная амфора встречена в одном комплексе вместе с клазоменскими амфорами второй четверти – середины VI в. до н.э. (Иванов и др. 2020б. С. 105).

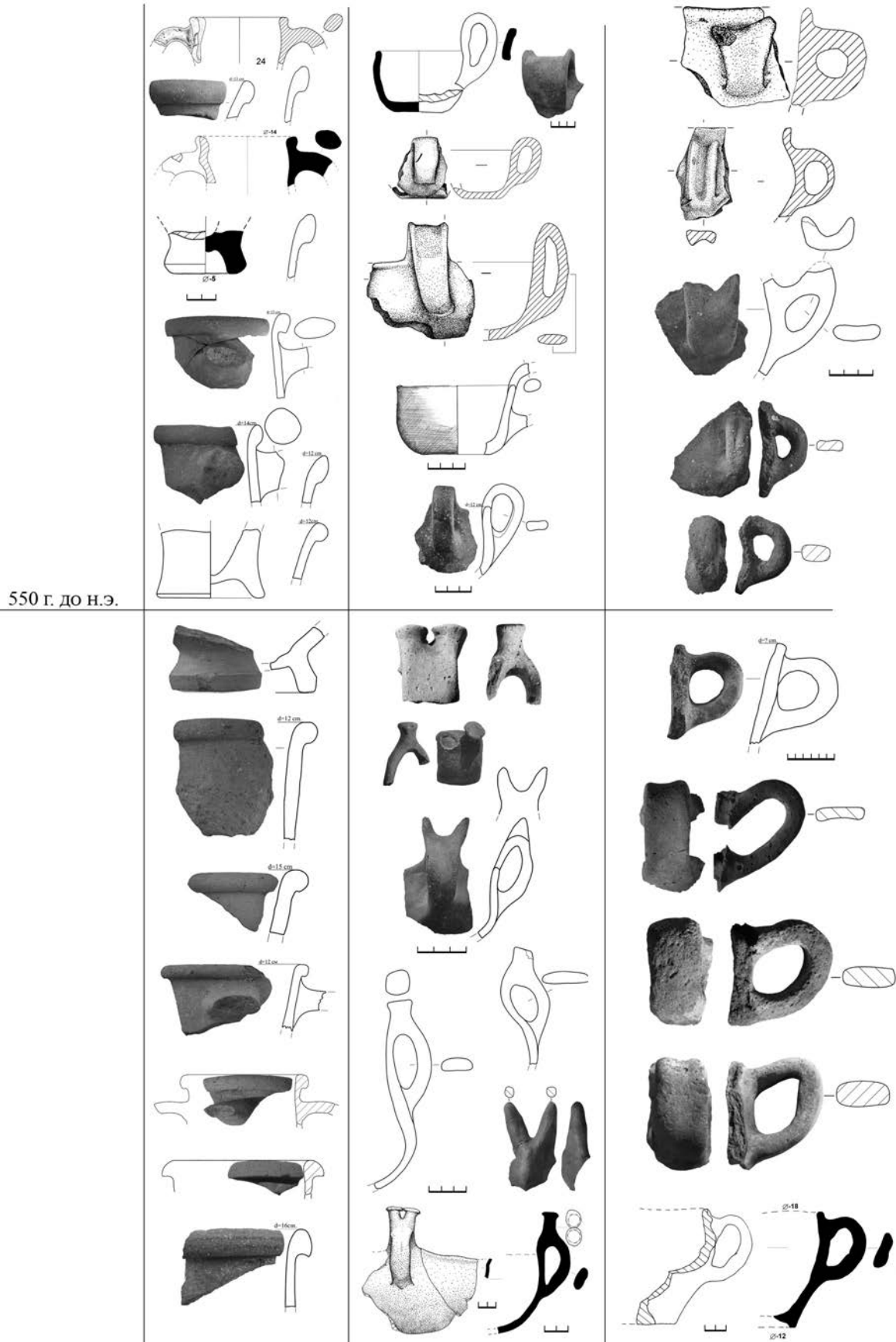

Рис. 1. Хронологическая таблица амфор, ковшей и кружек из раннемеотских поселений Западного Закубанья

Сопутствуют этим амфорам ковши с налечами на ручках. Чаше ручки украшались гвоздевидными налечами, реже имели рогатые выступы. Традиция декорирования ковшей гвоздевидными налечами генетически связана с черпаками Приморско-Абинской группы протомеотской памятников. Подобным образом был декорирован черпак последней четверти VIII в. до н.э. из могильника Железнодорожный-2 (Лимберис, Марченко, 2014. С. 180. Рис. 5, 14). Гвоздевидными налечами украшались и черпаки конца VIII – первой половине VII вв. до н.э. из Геленджикских дольменов (Эрлих, 2007. Рис. 18, 27, 27). В одном горизонте вместе с ковшами с налечами на ручках встречены фрагменты кружек с петлевидными приподнятыми ручками. Форма их также связана с протомеотскими кружками, известными по таким памятникам как Ахтырский Лиман I и могильник Железнодорожный-2 (Беглова и др. 1997. С. 71–77; Эрлих, 2007. С. 40. Рис. 24, 3; Лимберис, Марченко, 2014. Рис. 5, 6–11).

Около середины VI до н.э. на поселениях происходят изменения в амфорной таре. Увеличивается количество «протофасоса» и лесбосских амфор, которые, чуть позже, с последней трети столетия, наряду с распространением раннепухлогорлого Хиоса, начинают доминировать. Тары Теос/Клазомены, наоборот, становится меньше. Момент этих изменений согласуется с переменной формы черпаков, они уменьшаются в размерах, происходит постепенный отказ от налечей. Лишь редкие экземпляры продолжают украшать небольшими налечами, иногда ручки оформляются бортиками-выступами, имитирующими раздвоенные «рожки». В отличие от черпаков, ручки кружек продолжают оформлять рогатыми выступами. Наблюдение за материалами поселений показывают, что ближе к концу VI в. до н.э. черпаки полностью исчезают. Уже в слоях и объектах с амфорной тарой рубежа VI–V вв. до н.э. их нет. Одновременно с черпаками фактически исчезают и кружки с петлевидными ручками. На поселениях с материалами у V в. до н.э. лепные кружки уже не известны.

Раннемеотские поселения в Западном Закубанье по наличию в них ковшей с гвоздевидными налечами, распространенными на этой территории в предшествующее время, генетически связаны с протомеотскими памятниками. Исследователями отмечалось, что гвоздевидные выступы на черпаках имели право на существование уже в новочеркасском горизонте (Лимберис, Марченко, 2014. С. 180). Новые данные свидетельствуют о сохранении этой традиции и в последующее время, вплоть до первой половины VI в. до н.э. Около середины столетия происходит отказ от налечей, а ближе к концу VI в. до н.э. и сами черпаки исчезают. Все это демонстрирует довольно оригинальную линию развития, отличную в целом от той, что можно наблюдать на большей части памятников Кубани, где в раннемеотское время в ходу были черпаки с устойчивыми признаками, такими как вогнутое дно и рогатые налечи. Также, к особенностям сосудов Западного Закубанья следует добавить и то, что помимо ковшей налечами декорировались и ручки кружек.

До настоящего времени не существовало обоснованных данных о том, когда меоты перестали использовать ковши. Так, Н.В. Анфимов после исследования Усть-Лабинского могильника считал, что ковши не выходят за пределы VI в. до н.э. (Анфимов, 1951. С. 162). Н.Ю. Лимберис и И.И. Марченко после анализа раннемеотских погребальных комплексов, отмечая отсутствие ковшей в погребениях конца VI – начала V вв. до н.э., вынуждены были признать, что ковши остаются главным хроноиндикатором VI в. до н.э. При этом было высказано предположение, что ковши с рогатыми налечами в погребальном обряде меотов, возможно, ограничиваются серединой VI в. до н.э. (Лимберис, Марченко, 2012. С. 17). Материалы поселений в Западном Закубанье подтверждают это предположение. Время отказа от налечей согласуется с исчезновением ковшей с рогатой ручкой в погребениях. Тем не менее, как показали раскопки поселений, ковшами в быту продолжили пользоваться вплоть до конца VI в. до н.э.

Литература

- Анфимов Н.В.* 1951. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской // МИА. № 23. М.; Л.
- Беглова Е.А., Орловская Л.Б., Сорокина И.А.* 1997. Протомеотские древности в Закубанье // Памятники предскифского и скифского времени на Юге Восточной Европы. М.
- Иванов А.В., Кононов В.Ю., Ларенок П.А., Подорожный А.А.* 2020а. Поселение «Марьянское I» в Нижнем Прикубанье. Обзор // Боспорский Феномен. СПб.
- Иванов А.В., Ларенок П.А., Подорожный А.А.* 2020б. О горизонте второй – третьей четверти VI в. до н. э. поселения Марьянское I в Нижнем Прикубанье // Археологические вести. Вып. 30.
- Копылов В.П., Ларенок П.А.* 1994. Таганрогское поселение. Каталог случайных находок у Каменной лестницы, г. Таганрог, сборы 1988-1994 гг. Ростов-на-Дону.
- Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* 2012. Меотские древности VI–V вв. до н.э. (по материалам грунтовых могильников правобережья Кубани). Краснодар.
- Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* 2014. Новые протомеотские комплексы Закубанья (могильник Железнодорожный-2) // Археологические вести. Вып. 20.
- Пьянков А.В.* 2006. Комплекс кургана 7 могильника Циплиевский Кут как новое свидетельство этнокультурных связей населения Северо-Западного Кавказа в раннескифскую эпоху // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное время. Ростов-на-Дону.
- Пьянков А.В., Рябкова Т.В., Зеленский Ю.В.* 2019. Комплекс раннескифского времени кургана № 11 могильника Лебеди V в Прикубанье // Археологические Вести. Вып. 25.
- Рябкова Т.В.* 2015. Поселение Тарасова Балка – памятник раннего железного века в Закубанье (предварительная публикация) // Археология без границ: коллекции, проблемы, исследования, гипотезы. Труды Государственного Эрмитажа. Т. 77. СПб.
- Чистов Д.Е., Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В.* 2019. Амфоры первой половины – середины VI в. до н.э. из раскопок Березани // Проблемы истории, филологии, культуры. № 1.
- Эрлих В.Р.* 2007. Северо-Западный Кавказ в начале железного века: протомеотская группа памятников. М.
- Sezgin Y.* 2012. Arkaik Dönem Ionia Uretim Tigarı Amphoralar. Ege Yayınları.
- Sezgin, Y.* 2017. Arkaik Dönemde Teos'ta ticari amphora üretimi: sorunlar ve gözlemler // Anatolia. Vol. 43. Ankara.

БОГАТОЕ ПОГРЕБЕНИЕ I–II ВВ. Н.Э. ИЗ МОГИЛЬНИКА ЗАЮКОВО-3

Кадиева А.А.¹, Демиденко С.В.²

¹Государственный исторический музей, г. Москва

²Институт археологии РАН, г. Москва

Во время раскопок Объединенной Северокавказской археологической экспедиции ГИМ, КБНЦ и ИА РАН на могильнике Заюково-3 было обнаружено богатое захоронение 174. Погребение представляло собой выдолбленную в скале катакомбу квадратной формы, содержащую останки шести человек. Костяки расположены ярусами. Верхний – один погребенный (мужчина), средний и нижний – трое погребенных. Все погребенные лежали на циновках вытянуто на спине, головами в юго-западном или юго-восточном направлении. Возможно, нижний ярус камеры представлял собой более раннее погребение, частично уничтоженное более новой катакомбой. В юго-западной части в полу камеры наблюдается углубление подпрямоугольной формы, ориентированное по линии север-юг.

Погребальный инвентарь весьма представительен. Он включает в себя предметы вооружения (кинжалы и наконечники стрел) (рис. 1, 1, 2) и конского снаряжения (удила с колесовидными псалиями, инкрустированные серебром, а также фрагмент удила с восьмерковидным кольцом) (рис. 1, 3). Ременная гарнитура включает в себя позолоченные серебряные пряжки со щитком в виде «узла Геракла» (рис. 1, 4). Обувные пряжки этой категории также снабжены золотыми обоймами (рис. 1, 5). Кроме того, присутствуют бронзовые пряжки округлой и восьмерковидной формы. Обувная гарнитура включает подвижные пятиугольные и U-образные ременные наконечники.

В погребении обнаружено одиннадцать фибул: сильнопрофилированные с кнопкой на конце сплошного пластинчатого приемника, фибулы с треугольной спинкой и аналогичным приемником, фибула со скорлупообразной спинкой, а также фибула типа «AVCISSA» (рис. 1, б) (Алексеев, Кадиева, 2024).

Зеркала из погребения относились к двум типам: зеркало с центральным умбоном и боковой петлей (обнаружено в верхнем ярусе) и зеркало с центральной петлей (а также фрагмент зеркала этого же типа), встреченные в нижних ярусах.

К женскому инвентарю относятся два стеклянных перстня желтого стекла с витой белой нитью внутри и вставками красного и голубого цвета (Кадиева, Демиденко, Алексеев, 2023) (рис. 1, 7), золотой медальон с аметистовым кабошоном и бронзовая петлевидная застежка. Весьма многочисленны бусы из стекла, агата, халцедона, сердолика, горного хрусталя и коралла. Бусы использовались в качестве украшения головного убора, нагрудного украшения, а также расшивки низа штанов. В последнем случае удалось проследить рядность: в каждом ряду нашивались бусины одной расцветки.

Особенное внимание привлекает бронзовая литая подвеска в виде головы барана (рис. 1, 8), обнаруженная в засыпе катакомбы и относящаяся к кавказской зооморфной пластике сарматского времени – раннего средневековья.

Керамические сосуды представлены двумя кружками (рис. 1, 10), одним толстостенным кувшином без ручки и миниатюрной мисочкой (рис. 1, 9). Все сосуды, кроме мисочки, располагались в головах погребенных.

По совокупности хроноиндикаторов погребение 174 могильника Заюково-3 было совершено в рамках второй половины I – первой половины II в. н.э. На эту дату указывают фибула-авцисса, сильнопрофилированные фибулы, серебряные проволочные пряжки со щитками в виде «узлов Геракла», удила с колесовидными псалиями, стеклянные перстни и наконечники

Рис. 1. Могильник Заюково-3. Погребение 174. Инвентарь. 1 – кинжал; 2 – наконечник стрелы; 3 – фрагмент удила; 4, 5 – пряжка; 6 – фибула; 7 – перстень; 8 – подвеска; 9 – мисочка; 10 – кружка.
1–3 – железо; 4 – серебро; 5 – серебро, золото; 6, 8 – бронза; 7 – стекло; 9, 10 – керамика

стрел. Все эти предметы находят аналогии в погребениях Золотого кладбища в Прикубанье (Гущина, Засецкая, 1994. Таб. 44, 391; Таб. 10, 91; Ждановский, 1984. С. 76. 73. Рис. 1, 7) и могильника у хутора Городского на территории современной Республики Адыгея (Сазонов и др., 1995. С. 134, 135. Рис. 6, 6; 7, 11, 20).

Близость погребения 174 могильника Заюково-3 с могильниками бассейна Кубани в большей степени указывает на сходство материальной культуры воинской верхушки предкавказских племен, чем на культурное родство. Об этом свидетельствует значительное количество римских импортов из драгоценных металлов, статус которых свидетельствует скорее о дарах, чем о торговых связях с Империей. Керамический набор, обнаруженный в погребении 174, характерен для памятников типа Подкумок-Хумара I–III вв., выделенного В.Ю. Малашевым (Малашев, 2021. С. 134–135. Рис. 5, 1). Исследователь выводит происхождение носителей этой группы от сарматизированного коренного населения предгорной зоны Северного Кавказа. Ареал этой группы В.Ю. Малашев очерчивает в рамках бассейна Верхней Кубани и Пятигорья, однако считает возможным расширение территории в юго-восточном направлении до бассейна Баксана.

Пока погребение 174 является единственным комплексом могильника Заюково-3, достоверно датированным второй половиной I – первой половиной II в. н.э., потому делать заключение о распространенности связей населения Левобережья реки Баксан пока преждевременно. Однако среди грабительских находок на этом же могильнике имеются еще две фибулы-авциссы, что говорит о том, что ношение римских воинских плащей в местной среде не было единичным случаем.

Литература

- Алексеев А.Н., Кадиева А.А.* 2024. Фибулы типа «AVCISSA» в центральных районах Северного Кавказа // Открытия и успехи Кавказской археологии. Вып. 1. В печати.
- Гущина И.И., Засецкая И.П.* 1994. «Золотое кладбище» Римской эпохи в Прикубанье. СПб.
- Ждановский А.М.* 1984. Подкурганые катакомбы Среднего Прикубанья первых веков нашей эры // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар.
- Кадиева А.А., Демиденко С.В., Алексеев А.Н.* 2024. Два стеклянных перстня I–II вв. н.э. из могильника Заюково-3. // Донецкие чтения. Том 7 (2): Исторические и политические науки. Донецк.
- Малашев В.Ю.* 2021. Памятники типа «Подкумок-Хумара» // Эпоха всадников на Северном Кавказе: к 90-летию Веры Борисовны Ковалевской. М.
- Сазонов А.А., Спасовский Ю.Н., Сахтарьек З.Н., Тов А.А.* 1995. Новые материалы могильника первых веков нашей эры близ хутора Городского // Археология Адыгеи. Майкоп.

ПОГРЕБЕНИЕ САРМАТСКОГО АРИСТОКРАТА В КУРГАННОМ МОГИЛЬНИКЕ НОВОЗАВЕДЕННОЕ-V НА СТАВРОПОЛЬЕ (РАСКОПКИ 2023 Г.)

Канторович А.Р.¹, Маслов В.Е.²

¹МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва

²Институт археологии РАН, г. Москва

*Исследования и публикация выполнены при поддержке гранта РНФ № 22-18-00108
«Северный Кавказ в эпоху поздней бронзы и раннего железа: люди, кони, металл».*

В 2022 и 2023 гг. Ставропольская экспедиция кафедры археологии Исторического факультета МГУ под руководством заведующего кафедрой – д.и.н. А.Р. Канторовича, при участии н.с. ИА РАН к.и.н. В.Е. Маслова, исследовала в Георгиевском городском округе Ставропольского края крупнейшую насыпь могильника «Новозаведенное-V» – курган № 1. В ходе этих работ было открыто 30 погребений, относившихся к различным эпохам – от средней бронзы до нового времени.

Значительную группу составляют захоронения, совершенные в раннесарматскую эпоху во II–I вв. до н.э. Погребения №№ 7, 14, 15, 16, 17, 22, 30, которые были впущены в центр насыпи и в материк под её восточной полый.

Наиболее яркими из этих погребений были расположенные рядом захоронения сарматских воинов-аристократов, – погр. № 7, изученное в 2022 г. и погр. № 30, открытое в 2023 г.

Погребение № 30 было совершено в северо-восточном секторе кургана в обширной Т-образной катакомбе. Катакомба была вырыта у подножья кургана эпохи бронзы, её выброс лег на поверхность первичной насыпи.

Входная яма представляла собой вертикальную шахту глубиной 4 м. На её стенах имелись многочисленные следы тесловидных орудий. Через пологий пандус и две ступени она переходила в просторную погребальную камеру, дно которой находилось на глубине более 5 м от современной дневной поверхности. Устье камеры было закрыто вертикальным древесным закладом, от которого в проходе сохранились следы оснований бревен.

На дне камеры близ устья было найдено несколько костей животных –заупокойная пища.

Погребенный был уложен под западной стеной камеры ближе к юго-западному углу (рис. 1). Тело умершего было помещено вместе с богатым инвентарем в прямоугольный дощатый ящик-гробовину. Погребенный, молодой мужчина лежал головой на юг на спине с широко раскинутыми руками и ногами – «в позе всадника». Череп лицевыми костями был обращен на северо-восток.

Захоронение содержало богатые заупокойные дары. На шею покойного была надета витая золотая гривна с заведенными под шею окончаниями, оформленными в «зверином стиле». На обе голени над стопами, очевидно, поверх обуви, были надеты золотые гривны, свернутые из разломанного надвое трубчатого дрота. При расчистке скелета встречались остатки меха (?) и кожи.

У левого бока лежал колчан или горит (?), прошитый золотыми лентами и покрытый золотыми пластинами-накладками с зооморфными и растительными изображениями. В нем сохранились стрелы с раскрашенными древками и железными наконечниками. К северу от горита, очевидно соприкасаясь с ним, находился колчан со скипевшимися железными втульчатыми наконечниками.

Поверх горита было уложено бронзовое зеркало, а поверх колчана – длинный меч с прямым перекрестием и волютообразным навершием. Ножны меча были украшены золотыми накладками. Судя по положению рукояти, клинок был выдвинут из ножен.

Рис. 1. Захоронение сарматского аристократа (погр. № 30)
в кургане № 1 могильника «Новозаведенное-V»

Вместе с мечом и горитом были найдены два бронзовых колчанных крюка с зооморфными изображениями и две бронзовых подвески. Образы и стилистика подвесок позволяет считать, что они были сделаны кавказскими мастерами, потомками носителей кобанской культуры.

У правого бедра располагался кинжал прохоровского типа, лежавший золотыми накладками вниз, а рядом – воронковидный золотой кубок с напаянной фигурной ручкой. Португейные ремни ножен были расшиты различными бусами: каменными, полихромными стеклянными, золотостеклянными.

У левого плеча были найдены накладные бляшки из золотой фольги. В области головы обнаружена золотая ромбовидная фибула-брошь с завитками на углах и одной бронзовой иглой пружинной застежки – продукция боспорских мастерских (Мордвинцева, 2010. С. 309, 310. Рис. 3, 5–8). Тут же были обнаружены миниатюрные крестообразные нашивные бляшки из золотой фольги.

Близ левой голени была расчищена лепная курильница, возможно, установленная на гроб устьем вниз. Внутри неё находились угли и обожжённые гальки. Рядом обнаружены ритон из рога полорогого животного и стакан из алебастра, лежавший на боку.

За левой ногой было компактно уложено конское снаряжение: трое удила с крестовидными псалиями, ворворки, комплект С-видных псалиев с зооморфными окончаниями, плакированные золотой фольгой, более десятка бронзовых фаларов, плакированных золотой фольгой и два крупных дисковидных нагрудных уплощенных серебряных фалара диаметром около 30 см.

Близ костей голени правой ноги был найден оселок и небольшой бронзовый браслет или кольцо с выступами латенского типа.

Под западной стеной катакомбы были уложены наконечники копий: напротив черепа – не менее трех наконечников остриями на юг, в ногах один наконечник острием на север. Во втулках копий сохранилось остатки древков. За северным наконечником также у стены могильной камеры был установлен бронзовый литой котел с парными вертикальными полуовальными ручками, рядом с ним – крупный чернолощенный керамический кувшин северокавказского производства. За ними, в северо-западном углу погребальной камеры, был двумя частями разложен железный доспех из крупных пластин со следами кожи изнутри, а сверху

на него уложен перевернутый железный шлем со скругленной тульей и козырьком/назатыльником (предположительно кельтского типа). Общий вес доспеха, очевидно, был сопоставим с весом доспеха средневекового рыцаря.

T-образная катакомба, характерная для северокавказских курганов-кладбищ (Малашев, Маслов, 2021), колчаные крюки и подвески, кувшин и курильница с галькой указывают на связь сарматской элиты с местными племенами. При этом немногочисленные вещи латенского круга и золотые украшения демонстрируют вероятную связь с Боспорским царством. Доспех, очевидно, имеет восточное происхождение и имеет параллели в древностях Средней Азии, – доспех из Чирик-Рабата и др. (Хазанов, 1971. Табл. XXIX, 1–3), а также с доспехами из элитарных комплексов саргатской культуры Западной Сибири (Погодин, 1998. С. 53–56. Рис. 7) и из Калиновского могильника в Поволжье (Хазанов, 1971. С.61. Табл. XXX, 12). Вероятно, эти доспехи восходят к китайским прототипам (Горелик, 1993. С. 113, 125. Табл. LIII, 20–216). На территории Боспорского царства подобные доспехи не известны.

Комплекс погребения № 30 можно предварительно датировать концом II – началом I в. до н.э. В пользу этого свидетельствует отсутствие римских импортов, которые присутствуют в соседнем погребении № 7. Таким образом, можно сделать вывод, что в богатых погребениях № 7 и 30 были с неким интервалом захоронены знатные родственники, о чем свидетельствует определенное сходство в погребальном обряде.

Отметим, что находки из элитарных сарматских погребений №№ 7 и 30 значительно расширили наши представления о вещевом комплексе последних веков до н.э. Наряду с предметами кочевнической сарматской культуры в них обнаружены изделия прикубанских, центральнокавказских и боспорских ремесленных центров, а также западноевропейские импорты и предметы круга «ордосских бронз», выполненные в традициях Китая и его окружения. Такая культурная амальгама, ранее не известная в этом регионе, открывает широкую перспективу для новых исследований.

Литература

- Горелик М.В.* 1993. Оружие древнего Востока (IV тысячелетие – IV в. до н.э.). М.
- Малашев В.Ю., Маслов В.Е.* 2021. Курганы-кладбища центральных и восточных районов Северного Кавказа III в. до н.э. – начала (первой половины) II в. н.э. (памятники типа Чегем-Манаскент) // Нижневолжский археологический вестник. Т. 2. № 2.
- Мордвинцева В.И.* 2010. Прикубанские броши (по материалам Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника) // Боспорские исследования. Вып. XXIII. Симферополь—Керчь.
- Погодин Л.И.* 1998. Вооружение населения Западной Сибири раннего железного века. Омск.
- Хазанов А.М.* 1971. Очерки военного дела сарматов. М.

ОБРАЗ ГОРНОГО КОЗЛА В ИСКУССТВЕ КОНЦА ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ – РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

Каримов С.К.¹, Агаларзаде А.М.²

¹Ленкоранский региональный научный центр НАН Азербайджана, г. Ленкорань

²Институт археологии и антропологии НАН Азербайджана, г. Баку

Одним из древних центров металлургии Южного Кавказа в эпоху поздней бронзы – раннего железа был юго-восток Азербайджана. Основанием этого являются материалы археологических раскопок – выявленные, в частности, многочисленные металлические предметы с данной территории. Некоторые из этих находок известны из каменных ящиков некрополя Баллабур в селе Баллабур Ленкоранского района.

Первичные археологические исследования на некрополе Баллабур были осуществлены в 1967 г. Ф. Махмудовым, который взял на учет около 200 погребений. Исследователь одновременно раскопал здесь несколько погребений типа каменных ящиков. При раскопках было выявлено множество бронзовых предметов вооружения и украшений (Махмудов, 2008. С. 77–78).

К сожалению, хозяйственные работы, проведенные на территории некрополя с 90-х гг. XX в., стали причиной разрушения могильника. Материалы из разрушенных погребений попали в руки случайных людей. Одним из таких археологических материалов является навершие бронзового скипетра с изображением горного козла.

Высота навершия скипетра с рисунком козла – 12,5 см. Длина спины козла – 5 см, головы – 1 см, длина уцелевшей части скипетра, нанизанной на рукоятку – 4,5 см. Фигура изготовлена способом литья. Рога горного козла завитые и украшены насечками. Козел изображен стоя, как будто готовым к движению; уши его повернуты назад. Под челюстью заметна короткая борода. Шея фигуры длиной 4 см, хвост – 0,5 см; хвост украшен елочным орнаментом.

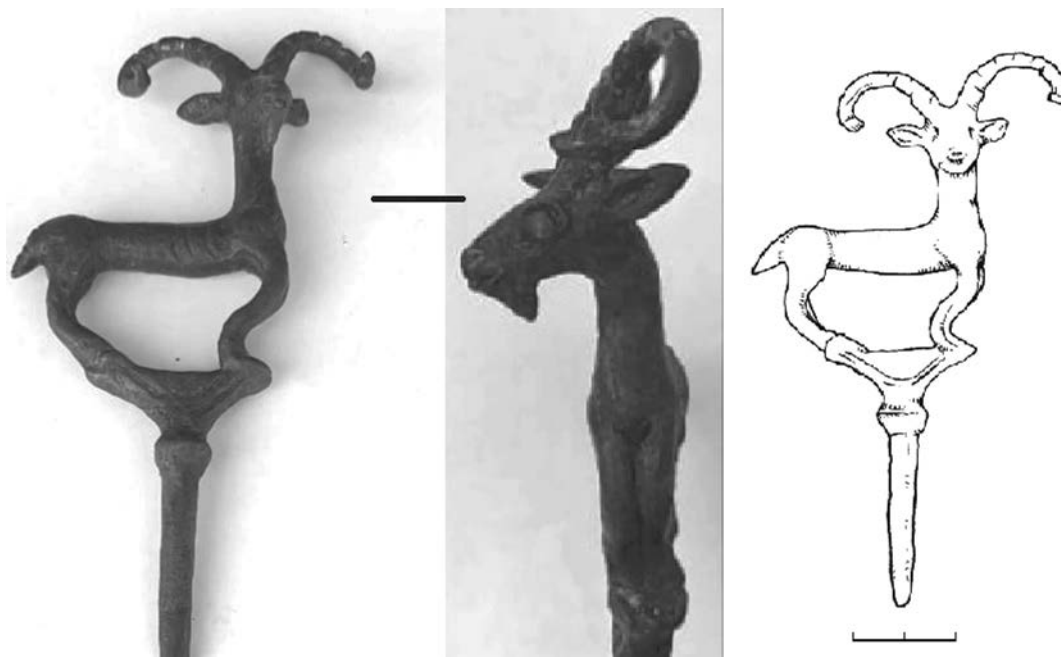

Рис. 1. Бронзовый скипетр с образом горного козла

Спина прорисована тремя глубокими насечками. Передние ноги козла соединены. С первого взгляда заметно, что автор рисунка реалистично изобразил козла на скале.

Следует отметить, что в эпоху поздней бронзы – раннего железа ремесленники в результате применения способа литья производили предметы высокого качества, требующие большого внимания и умения.

Образ горного козла является одним из значительных мотивов древнего искусства Азербайджана. На наскальных изображениях эпохи бронзы в Гобустане (Rüstəmov, 1994. S. 68–69), в Гямигае (Müseyibli, 2004. S. 65) и Астаре (Ağalarzadə, Kərimov, 2022. S. 142) часто встречаются изображения козлов. Кроме этого, на крашеной посуде эпохи средней бронзы образ козла был особым элементом орнаментации (Əfəndi, 2007. S. 13). Изображение горного козла на металлических изделиях эпохи поздней бронзы – раннего железа было не случайным; оно являлось продолжением многовековых древних традиций.

Навершие скипетра с изображением горного козла, найденного на некрополе Баллабур, представляет символ власти, поскольку образ козла был связан не только со скотоводческим хозяйством, но и отражал религиозные верования древних племен. Образ козла трактуется как символ резвости и смелости. В контексте металлических изделий эпохи подобные изображения были широко распространены. Образ горного козла также являлся широко распространенным мотивом в искусстве Древнего Востока, что прослеживается в искусстве Манны и Ахеменидов.

Идентичные и схожие фигуры известны из памятников ходжалы-кедабекской культуры (Avşarova, 2007. S. 33), Луристанского некрополя (Sabzi et al., 2020. P. 85).

На основе сравнительного анализа аналогичных материалов, выявленных на указанных памятниках, данное навершие можно датировать IX–VIII вв. до н.э.

Литература

- Махмудов Ф.Р. 2008. Культура юго-восточного Азербайджана в эпоху бронзы и раннего железа. Баку.
- Avşarova İ. 2007. Xocalı-Gədəbəy mədəniyyəti tayfalarının bədii tunc məmulatı (e.ə. XIV–VII əsrlər). Bakı.
- Ağalarzadə A.M., Kərimov S.K. 2022. Astaranın tunc dövrü qayaüstü təsvirləri // AMEA Sosial Elmlər № 1.
- Əfəndi R. 2007. Azərbaycan incəsənəti. Bakı.
- Müseyibli N.Ə. 2004. Gəmiqaya. Bakı.
- Rüstəmov C. 1994. Qobustan dünyası. Bakı.
- Sabzi M., Nobari A., Azandaryani E. 2020. Introduction and analysis of Luristan Bronze pins in the National Museum of Iran// Archaeology of Iran in the historical period. Teheran.

ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЛНОГЕНОМНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ДРЕВНЕГО ДНК НАСЕЛЕНИЯ КОБАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Коробов Д.С.¹, Булыгина Е.С.², Слободова Н.В.², Шарко Ф.С.², Недолужко А.В.³

¹Институт археологии РАН, г. Москва

²НИЦ “Курчатовский институт”, г. Москва

³Европейский Университет в Санкт-Петербурге, г. Санкт-Петербург

Работа подготовлена при содействии РФФИ, проекты №№ 18-00-00398 и 18-00-00399.

Кавказ, обширный регион между Черным и Каспийским морями, считается важным мостом для миграции древних людей в Европу и Азию, начиная с верхнего палеолита. Уникальные климатические и географические условия сделали этот регион подходящим для возникновения и развития древних археологических культур. Несмотря на внешнее влияние, многие местные древние общества сохраняли культурную преемственность на протяжении веков. Данное утверждение справедливо и для кобанской археологической культуры.

Более ранние исследования уже продемонстрировали генетическую преемственность между носителями культур, населявших Кавказ в бронзовом и железном веках (Wang et al., 2019; Damgaard et al., 2018). Кобанская культура позднего бронзового и раннего железного веков (конец II - середина I тыс. до н.э.), согласно современным научным представлениям, играла роль своеобразного «моста» между культурами бронзового века и современными этническими группами Северного Кавказа. В то же время, в период своего существования носители кобанской культуры тесно взаимодействовали с государствами и народами Закавказья и Ближнего Востока, а также с киммерийцами и скифами, культурное влияние которых прослеживается в кобанской культуре (Козенкова, 1996).

На сегодняшний день опубликовано лишь несколько исследований генетической характеристики носителей кобанской культуры. Различные митохондриальные гаплогруппы – H1, J1c, H1e, H20a, HV1, N, R6, T1a, W5a – были обнаружены у 11 человек из археологических памятников Клин-Яр III (раскопки А.Б. Белинского и Г. Харке) и Заюково-3 (раскопки А.А. Кадиевой и С.В. Демиденко) (Boulygina et al., 2020). Двое из них также имели гаплогруппу Y-хромосомы R1b, которая широко встречается по всей Евразии, в том числе у древних киммерийских, скифских и сарматских кочевников. Гаплогруппа Y-хромосомы G2a, отмеченная в ближневосточных и европейских неолитических культурах и распространенная в современных кавказских этнических группах, также была отмечена среди проанализированных кобанских индивидов. В другом исследовании, посвященном изменчивости гипервариабельной области 1 мтДНК 71 древнего индивида (носителей кобанской, среднесарматской и аланской культур, а также кавказского населения сарматского времени), описано высокое митохондриальное разнообразие в этом регионе с преобладанием западноевразийских митохондриальных гаплогрупп (Коробов и др., 2023).

В данном исследовании (Sharko et al., 2024) представлен первый полногеномный анализ пяти индивидов доисторической кобанской культуры, погребенных в могильниках Заюково-3 и Клин-Яр III (ранее описанных на уровне мтДНК и Y-хромосомы в работе (Boulygina et al., 2020)), и одного индивида ранней аланской культуры из курганного некрополя «Братские 1-е курганы» (раскопки В.Ю. Малашева). Профили аутосомной ДНК кобанских индивидов показывают их тесные генетические связи с представителями кавказских археологических культур эпохи бронзы (куро-аракской и майкопской), с одной стороны, и железного века (аланская культура), с другой. Этот результат свидетельствует о роли носителей кобанской культуры как древнего генетического «моста» между бронзовым и железным веками на Северном Кавказе (рис. 1).

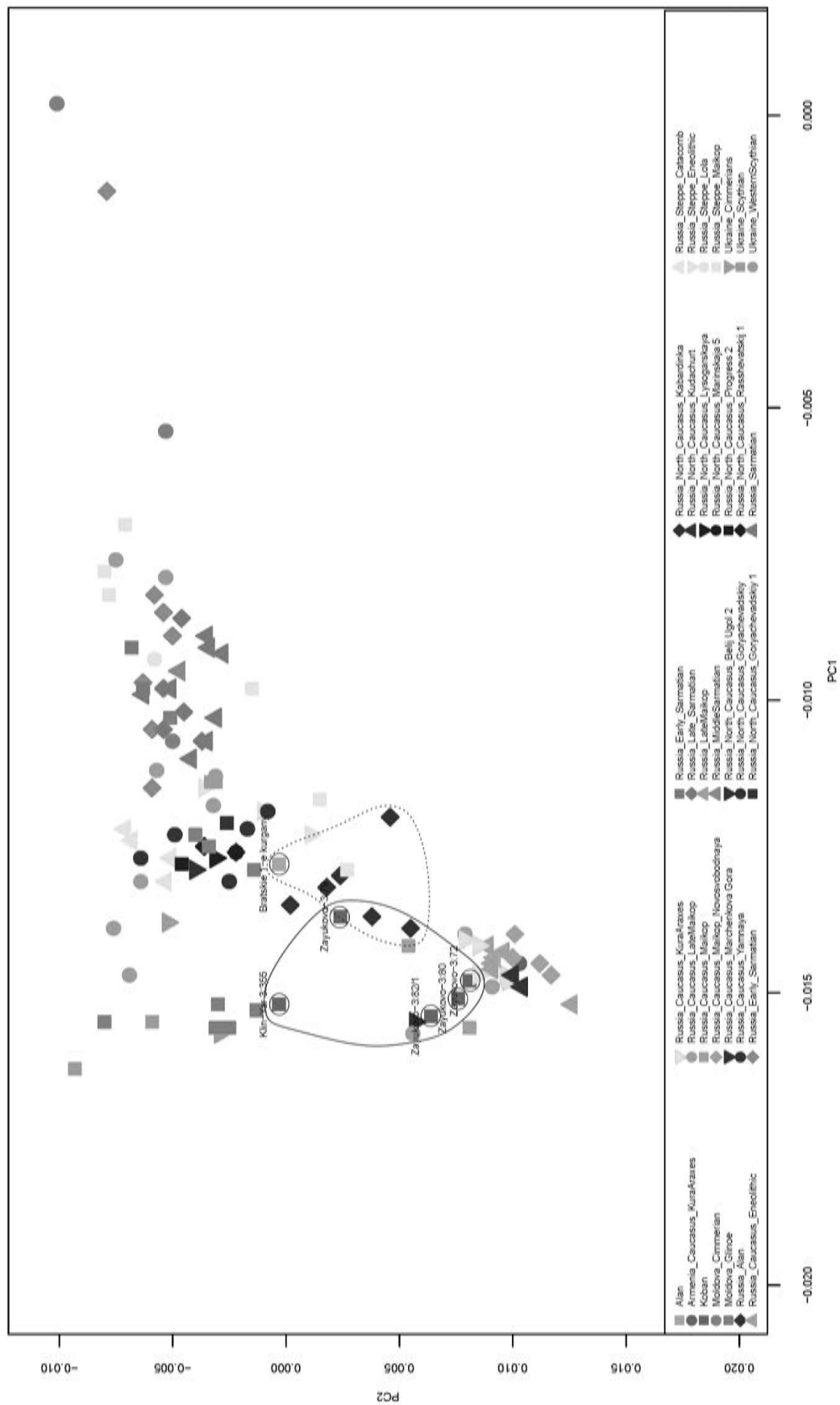

Рис. 1. Анализ главных компонент (РСА) индивидов кобанской культуры. Генетическая структура носителей кобанской культуры (темно-серые квадраты, обведены сплошной линией) в сравнении с носителями аланской культуры (черные ромбы и серый квадрат, обведены пунктиром) и представителей других археологических культур Северного Кавказа. Культуры горных районов эпохи энеолита, раннего и среднего бронзового века занимают в основном нижнюю часть графика, степные культуры от энеолита до раннего железного века – верхнюю. Образцы, проанализированные в данном исследовании, обведены окружностями

Кроме того, результаты анализа ADMIXTURE у носителей кобанской культуры показывают, что степные кочевники (скифы) входили в состав населения Кавказа не только культурно, но и генетически. Более того, индивид из Клин-Яра III (погр. 355), захоронение которого отличается рядом необычных для кобанской культуры признаков, по-видимому, имеет тесную культурную и генетическую связь с причерноморскими скифами (рис. 1).

Генетические прообразы анализируемой выборки погребенных кобанской культуры и аланских индивидов в основном совпадают по соотношению генетических вкладов. В целом они состоят из генетического прообраза местного населения Кавказа, восходящего к бронзовому веку, со значительным генетическим вкладом представителей степных кочевников (например, скифов и сарматов). Этот результат полностью соответствует современным археологическим представлениям о происхождении северокавказских алан (Коробов и др., 2023).

С помощью палеогенетического анализа был уточнен пол индивида из погр. 355 могильника Клин-Яра III. Ранее он был идентифицирован как мужчина на основании антропологических данных, несмотря на ограниченное присутствие животного белка в его рационе и обнаружение в захоронении женских погребальных принадлежностей. Нами, благодаря использованию геномных данных, было установлено, что данное погребение на самом деле принадлежало женщине.

Геномные данные, полученные от носителей кобанской культуры, наряду с ранее опубликованными массивами данных по геному древнего человека на Северном Кавказе (Wang et al., 2019; Damgaard et al., 2018), демонстрируют генетическую преемственность древних популяций в этом регионе, где археологические культуры сменяли друг друга, а культурные и генетические вторжения происходили из соседней степи. Мы предполагаем, что будущие геномные исследования, наряду с другими современными методами естественных наук, доступными для изучения археологических памятников, прольют свет на генетическое разнообразие популяций, стоящих за этими древними археологическими культурами, на степень родства между ними, а также на ранее неизвестные исторические и популяционные события на Северном Кавказе.

Литература

- Козенкова В.И. 1996. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху бронзы и в раннем железном веке (узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М.
- Коробов Д.С., Булыгина Е.С., Слободова Н.В., Шарко Ф.С., Недолужко А.В. 2023. Генетическое разнообразие жителей Центрального Предкавказья в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. по данным митохондриальной ДНК // РА. № 1.
- Boulygina E., Tsygankova S., Sharko F., Slobodova N., Gruzdeva N., Rastorguev S. et al. 2020. Mitochondrial and Y-chromosome diversity of the prehistoric Koban culture of the North Caucasus // Journal of Archaeological Science: Reports. Vol. 31:102357.
- Damgaard P.B., Marchi N., Rasmussen S., Peyrot M., Renaud G., Korneliussen T. et al. 2018. 137 ancient human genomes from across the Eurasian steppes // Nature. Vol. 557.
- Sharko F.S., Boulygina E.S., Tsygankova S.V. et al. 2024. Koban culture genome-wide and archeological data open the bridge between Bronze and Iron Ages in the North Caucasus // European Journal of Human Genetics. DOI: 10.1038/s41431-023-01524-4.
- Wang C.C., Reinhold S., Kalmykov A., Wissgott A., Brandt G., Jeong C. et al. 2019. Ancient human genome-wide data from a 3000-year interval in the Caucasus corresponds with eco-geographic regions // Nature Communications. Vol. 10:590.

РИТУАЛЬНЫЕ МИСКИ МОГИЛЬНИКА ВЕРХНИЙ КУРКУЖИН

Котин М.А.

Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург

В результате работ Северо-Кавказской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа по исследованию грунтового могильника Верхний Куркужин с 2016 по 2022 гг. было изучено 104 погребения. Из погребений, относящихся к скифскому времени, происходит серия керамических сосудов, категория которых, в научной литературе так и не получила четкого наименования. Сосуды рассматриваемой категории представляют собой миски высотой до 4 см, диаметром венчика до 9 см, и наибольшим диаметром тулова в 11 см. Поверхность чаще всего чернолощенная, хотя встречается серолощенная и без лощения, с хорошо заглаженной поверхностью. По форме миски усеченно-биконические с четко выделенным/слабо выделенным ребром посередине и вертикальным прямым или загнутым внутрь венчиком. В большинстве случаев на бортике располагается прочерченный тонкими линиями орнамент, в ряде случаев заполненный белой пастой.

В литературе данная категория посуды известна под разными названиями: чашки (Питровский, Иессен, 1940. С. 9), чашечки туалетного типа (Егоров, 1955. С. 55), миниатюрные мисочки (Абрамова, 1974. С. 200), плошки-светильники (Козенкова, 1982. С. 81), миниатюрные миски (Батчаев, 1985. С. 31), сосуды-плошки (Козенкова, 1998. С. 105), мисочки (Петренко, 2006. С. 89), чаши (Маслов, 2006. С. 82. Рис. 4, 4, 5). Такое разнообразие названий, по всей видимости, связано с отсутствием ясности о назначении данных мисок, какую функцию они выполняли, а также малочисленностью (так, например, в сводах археологических источников, посвященных западному и восточному вариантам, у В.И. Козенковой их учтено до 10 экз.). Несмотря на это, данную категорию сосудов, которую мы будем условно именовать – ритуальная миска (далее миски), мы, как нам кажется, должны (вслед за В.И. Козенковой, которая относила их к группе ритуальной посуды) отнести к группе изделий специфического назначения.

Рассматриваемые нами миски из могильника Верхний Куркужин, представлены 19 целыми и двумя фрагментированными экземплярами. Почти все они происходят из погребений, исключение составляют фрагмент венчика и археологически целая миска, обнаруженные в слое на уровне древней дневной поверхности. Данные находки происходят из разрушенных и сползших в результате оползня погребений.

В качестве погребального инвентаря миски были нами найдены как в детских, так и во взрослых погребениях.

Эти сосуды встречаются в погребениях детей начиная с 7–8 лет и старше. Из данных погребений происходит три миски (из трех комплексов), которые во всех случаях располагались не *in situ* (погребения были ограблены), предположительно в районе пояса.

В мужских погребениях обнаружено шесть мисок (из шести комплексов). Расположение мисок *in situ* в мужских погребениях почти всегда у пояса, и лишь один раз миска р. была обнаружена в ногах у корчаги.

Из женских погребений происходит четыре миски (из четырех комплексов). В отличие от расположения в мужских погребениях, в женских миски расположены в ногах, у корчаги, или

¹ Доклад продолжает тему, озвученную нами в 2020 г. на XXXI Крупновских чтениях в Махачкале.

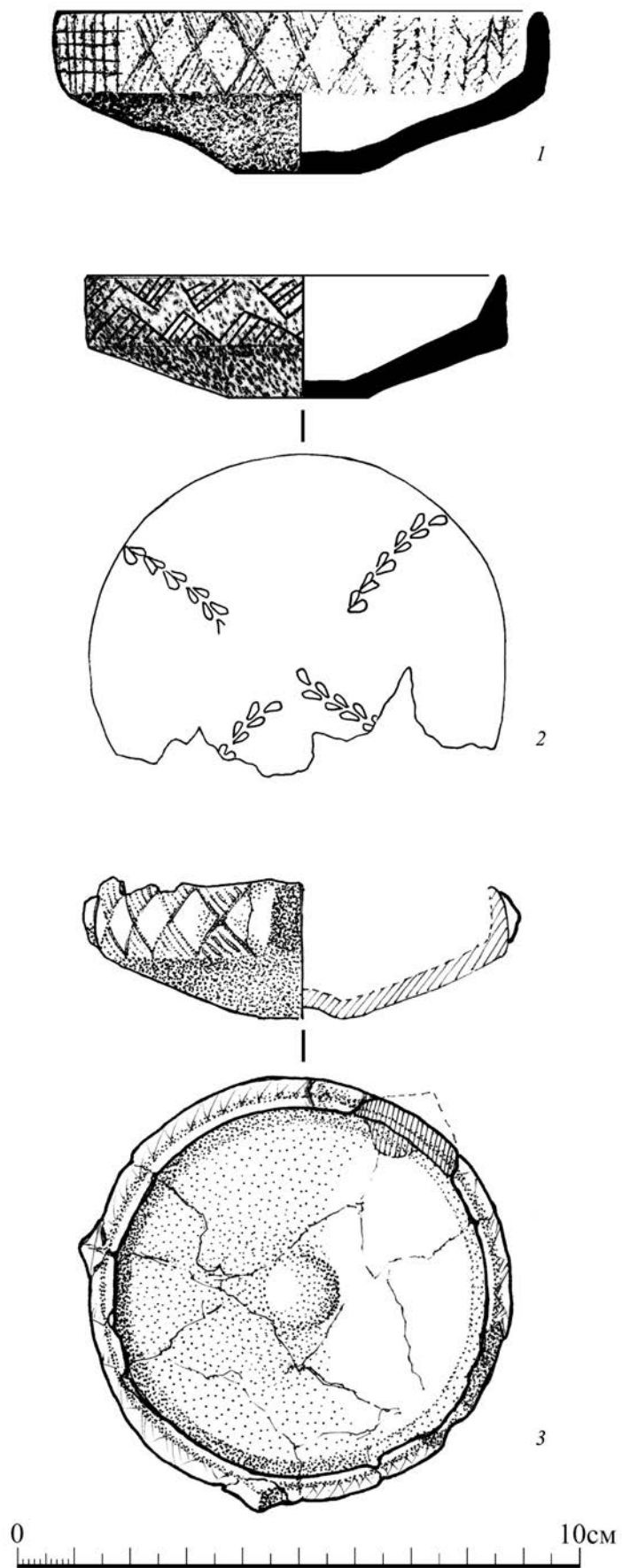

Рис. 1. Ритуальные миски могильника Верхний Куркужин

на самих ногах (исключение составляет одно погребение, где миска располагается в районе пояса).

В погребениях с плохой сохранностью антропологических останков – неопределимых, было выявлено шесть мисок (из четырех комплексов). Почти все погребения были ограблены, судя по всему, еще в древности. В двух погребениях находились по две миски, которые были расположены предположительно в районе предполагаемого пояса. Еще в двух погребениях находилось по одной миске, которые возможно располагались в районе ног.

Почти все миски, за исключением двух, имеют орнамент на верхней части. Одна из мисок имеет еще и орнамент на внешней стороне придонной части, который представляет собой расходящиеся от дна четыре линии «растительного» орнамента (рис. 1, 2).

На остальных мисках представлен геометрические орнаменты, состоящие из треугольников (заштрихованных и не заштрихованных), прямых и косых линий, которые в сочетании образуют различные композиции. Чаще всего основной мотив повторяется по кругу. Исключением является миска с декором, сочетающим различные элементы: заштрихованные треугольники, обращенные друг к другу вершинами, которые сменяются штриховкой из вертикальных и горизонтальных линий, за которыми помещены «елочки», располагающиеся вершинами вверх и вниз (рис. 1, 1).

Отдельно следует выделить миску, орнаментированную заштрихованными треугольниками, обращенными вершинами друг к другу и имеющую вертикальные налепы – ребра (рис. 1, 3). Подобные миски встречаются в курганах Нартанского (Батчаев, 1985. Табл. 27, 11; 35, 5; 39, 38) и Новозаведенского-II могильников (Петренко и др., 2000. Рис. 2-А).

Подводя итог, следует сказать, что, несмотря на малочисленность данной категории в могильниках скифского времени Северного Кавказа, можно отметить, что аналогии мискам из могильника Верхний Куркужин можно найти в материалах конца VII–VI вв. до н.э. таких курганных могильников как Новозаведенное-II (Петренко и др., 2004. С. 190. Рис. 7, 3, 4; 8, 3, 4), Красное знамя (Петренко, 2006. С. 144. Табл. 73, 230), Нартанский (Батчаев, 1985. С. 31. Табл. 31, 4), и грунтовых могильников – Минераловодский (Егоров, 1955. С. 55. Рис. 18, 1), Комаровский (Абрамова, 1974. С. 200. Рис. 1, 4, 16), Моздокский (Пиотровский, Иессен, 1940. С. 9. Табл. II, 3). Немного большего размера, но с такими же орнаментальными сюжетами, миски присутствуют в погребениях Нестеровского могильника, и случайных находках в районе сел. Верхний Наур (Козенкова, 1982. С. 78).

Литература

- Абрамова М.П. 1974. Погребения скифского времени Центрального Предкавказья // СА. № 2.
- Батчаев В.М. 1985. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Вып. 2. Нальчик
- Егоров Н.М. 1955. Могильники скифского времени близ г. Минеральные Воды // КСИА. Вып. 58.
- Козенкова В.И. 1982. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант. М.
- Козенкова В.И. 1998. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант. М.
- Маслов В.Е. 2006. К вопросу о формировании керамического комплекса раннескифского времени в Центральном Предкавказье // РА. № 1.
- Петренко В.Г. 2006. Краснознаменский могильник. Элитные курганы раннескифской эпохи Северном Кавказе. М.; Берлин; Бордо.
- Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р. 2000. Хронология центральной группы могильников Новозаведенное – II // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э. М.
- Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р. 2004. Погребение знатной скифянки из могильника Новозаведенное-II (предварительная публикация) // Археологические памятники раннего железного века юга России. М.
- Пиотровский Б.Б., Иессен А.А. 1940. Моздокский могильник // Археологические экспедиции Эрмитажа. Вып. I. Л.

НОВЫЙ ПАМЯТНИК КРУГА ДРЕВНОСТЕЙ ЧЕГЕМ-МАНАСКЕНТ В ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ (КОМПЛЕКСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ)

Кривошеев М.В.¹, Малашев В.Ю.², Перерва Е.В.¹, Ахмаров А.У.³, Моисеев В.И.¹

¹Волгоградский государственный университет, г. Волгоград

²Институт археологии РАН, г. Москва

³Академии наук Чеченской Республики, г. Грозный

В 2022 г. экспедицией ООО «Археологическое наследие Кавказа» в Ахматовском районе г. Грозный Чеченской Республики в кургане 1 (диаметр – 32 м, высота – 0,7 м) курганного могильника «Родина-1» были исследованы 24 погребения, относившиеся к разным периодам эпохи бронзы и сарматскому времени (Кривошеев, 2022). Курган был сооружен в первой половине III тысячелетия до н.э., в финале раннебронзового века, и активно использовался в эпоху средней бронзы. К сарматскому времени (II в. до н.э. – I в. н.э.) относятся погребения № 1, 4, 7–11, 14, 15, 17, 18 и 23. Конструкции погребальных сооружений, где это удалось зафиксировать, представлены, преимущественно, ямами, дважды встречены катакомбы II типа. Погребенные были уложены в вытянутом положении на спине, а также на спине с согнутыми и поднятыми вверх коленями; ориентировка – широтная: в секторе СЗ-ЮЗ – 6, в секторе В-ЮВ – 4. Погребальный инвентарь представлен керамическими сосудами (миски, кружки, кувшинчики, кувшины, ритуальные сосуды), стеклянными и каменными бусами, золотой подвеской, гальками, кусками мела и др. Из хронологически показательных предметов отметим, кинжал с прямым перекрестием и кольцевым навершием, определяющим нижнюю хронологическую границу не ранее второй половины II в. до н.э., а также бронзовую фибулу группы 13 варианта 3 по А.К. Амброзу (1966. С. 46), датировка которых в регионе может рассматриваться в рамках I – первой половины III в. н.э. (Габуев, Малашев, 2009. С. 134); с учетом культурно-хронологического контекста данной находки, верхняя граница комплексов сарматского времени не должна выходить за пределы I в. н.э. Данные погребения, по обряду и инвентарю, в первую очередь керамическому комплексу, вписываются в круг древностей типа Чегем-Манаскент (Малашев, Маслов, 2021).

К этому же времени относятся 2 ровика, близкой к кольцевой в плане формы и ограничивающие сакральные пространства под насыпью (рис. 1). Ровик 1, диаметром около 17 м, находился в центральной части кургана; внутри этого пространства были выявлены все погребения сарматского времени. Ровик 2, размерами 9 × 12 м, располагался к северу от ровика 1, примыкая к нему. В ЗСЗ и ЮВ секторах ровика 1, в придонной части, обнаружены находки ритуально-поминального характера в виде нижних челюстей лошадей (сит. 1, 4), развала сосуда и орудий из галек (сит. 3). В северной части ровика 2, на дне, зафиксированы кувшин и зернотерка (сит. 1, 4). Еще одна зернотерка с терочником (сит. 3) обнаружена в ЮВ части ровика, в заполнении, на 0,6 м выше дна. Находки керамических сосудов в придонных частях ровиков позволяют уверенно синхронизировать время их сооружения с погребениями круга древностей типа Чегем-Манаскент, обнаруженными в кургане.

Изучение палеодемографических и патологических особенностей, обнаруженных при анализе антропологических материалов в количестве 12 индивидов из погребений II в. до н.э. – I в. н.э. кургана 1 могильника «Родина-1» показало, что по большей части признаков и критериев исследуемая группа находит аналогии с синхронными кавказскими и степными сериями Подонья и Поволжья (Перерва 2020; Березина 2022). Высокая частота встречаемости детей в курганах кладбищах раннесарматского времени, доминирование мужской части населения над женской являются классическими половозрастными характеристиками исследованных ранее серий этого же исторического периода (Батиева, 2011; Балабанова и др., 2015). Высокая частота встречаемости таких заболеваний зубочелюстной системы как зубной

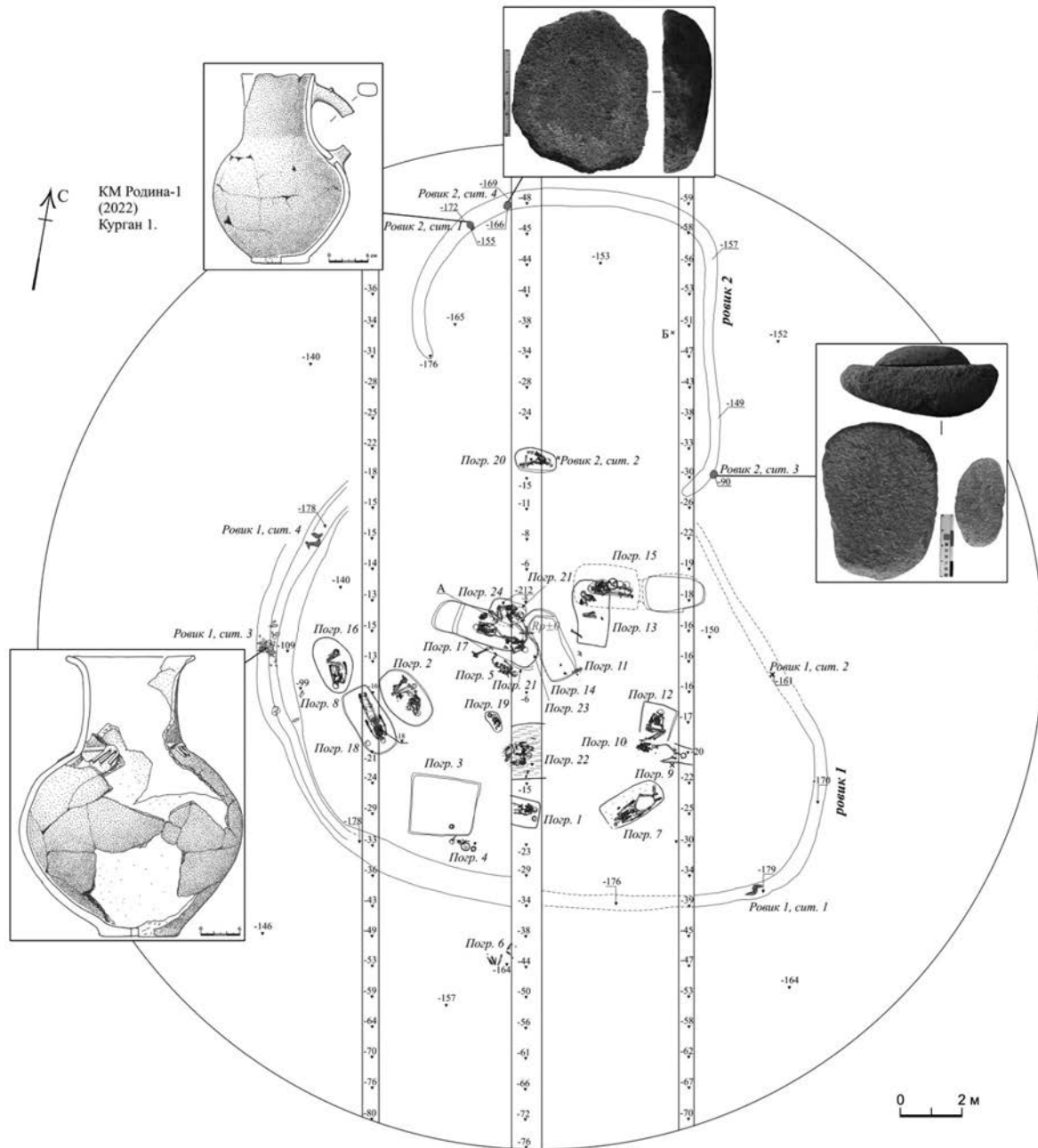

Рис. 1. Общий план кургана 1 курганного могильника «Родина-1»

камень и пародонтоз, распространение маркеров эпизодического стресса, а также индикаторов высокой физической нагрузки также не раз, отмечалось в сериях IV–I вв. до н.э. южно-русских степей (Перерва 2020; Loyer, 2020).

В то же время следует выделить и ряд важных критериев, которые существенным образом выделяют рассматриваемую на фоне ранее исследованных серий IV–I вв. до н.э. Прежде всего, отметим невысокую продолжительность жизни взрослого населения. Показатель среднего возраста смерти здесь находится на уровне 30,6 лет, в то время как в большей части известных в настоящее время сарматских групп этот показатель варьирует в пределах 33,4–36,7 (Батиева 2011; Балабанова и др. 2015). У носителей комплекса типа Чегем-Манаскент из «Родины-1» наблюдаются высокая встречаемость кариеса 12,5%, что существенно выше, чем в ранее исследованных выборках IV–I вв. до н.э. (Перерва 2020; Loyer, 2020). В изучаемой серии выявлены патологии, вызванные воздействием на организм холодной водной

средой (экзостоз наружного слухового прохода), ранее ни разу не фиксируемые в степных сериях. Специфичен и травматизм на костях раннесарматского времени в данном кургане, который в отличие от сарматских групп Подонья, Прикаспия и Поволжья, носит не боевой или насильственного характер, а скорее вызван какими-то бытовыми или несчастными случаями. Таким образом, выявленные специфические особенности в проявлении патологий на исследованных костных останках погребенных в сарматское время из кургана 1 могильника «Родина-1» с одной стороны могут являться следствием статистической погрешности, в связи с малочисленностью группы, а с другой выступать маркерами которые существенным образом выделяют северокавказские серии II–I вв. до н.э. ведущих специфический образ жизни в предгорной экологической среде, от степных выборок Поволжья, Подонья и Прикаспия.

Носители комплекса памятников типа Чегем-Манаскент явились субстратом и основным компонентом, на основе которого формировалась аланская культура Северного Кавказа, генетическая связь которой прослеживается в погребальном обряде и керамическом комплексе; данные древности лежат в основе происхождения памятников типа Подкумок-Хумара, с которыми их связывает использование катакомбного обряда погребения с многоразовым использованием камерных могил и керамический комплекс. Керамический комплекс памятников круга Андрейаульского городища в значительной степени восходит к керамической традиции древностей типа Чегем-Манаскент, что ставит вопрос об участии последних в формировании облика культуры оседлого населения Терско-Сулакского междуречья в первые века н.э. (Малашев, Маслов, 2021. С. 100).

Литература

- Амброз А.К. 1966. Фибулы юга европейской части СССР II в. до н.э. – IV в. н.э. М.
- Балабанова М.А., Клепиков В.М., Коробкова Е.А., Кривошеев М.В., Перерва Е.В., Скрипкин А.С. 2015. Половозрастная структура сарматского населения Нижнего Поволжья: погребальная обрядность и антропология. Волгоград.
- Батиева Е.Ф. 2011. Население Нижнего Дона в IX в до н.э. – IV в н.э. (палеоантропологическое исследование). Ростов-на-Дону.
- Березина Н.Я. 2023. Антропологические материалы из погребальных комплексов сарматского времени (могильник Вонючка-1, Кавказские Минеральные Воды) // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. № 2.
- Габуев Т.А., Малашев В.Ю. 2009. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.
- Кривошеев М.В. 2022. Отчет об охранно-спасательных раскопках курганного могильника «Родина-3» и кургана 1 курганного могильника «Родина-1» в г. Грозном Чеченской Республики в 2022 г. // Архив ИА РАН. Р-1. Б/н.
- Малашев В.Ю., Маслов В.Е. 2021. Курганы-кладбища центральных и восточных районов Северного Кавказа III в. до н.э. – начала (первой половины) II в. н.э. (памятники типа Чегем-Манаскент) // Нижневолжский археологический вестник. Т. 20 (2).
- Перерва Е.В. 2020. Ранние сарматы IV–III вв. до н.э. с территории Нижнего Поволжья по данным палеопатологии // Нижневолжский археологический вестник. Т. 19 (2).
- Loyer J. 2020. Life, Health and Death in the Steppe: A Bioarchaeological Study of Bronze Age and Iron Age Pastoralist Populations of the Volga-Don Region, Russia // BMSAP. No. 32.

ЛУЧКОВЫЕ ПОДВЯЗНЫЕ ФИБУЛЫ ИЗ МОГИЛЬНИКОВ
«ОКтябрьский I» И «БРАТСКИЕ 1-Е КУРГАНЫ»
(ПО МАТЕРИАЛАМ РАБОТ 2018–2019 гг.)

Кропотов В.В.

Институт археологии РАН, г. Москва

Курганные могильники «Октябрьский I» и «Братские 1-е курганы» расположены на правом берегу р. Терек между с. Октябрьское Моздокского района Республики Северная Осетия–Алания и с. Братское Надтеречного района Чеченской Республики. Оба некрополя занимают значительное по площади пространство, густо заполненное древними насыпями, ныне почти полностью распаханными. Естественная граница между ними отсутствует. По сути, памятники являются частями единого курганного поля, условно разделенного на два разных объекта культурного наследия современной административной границей названных республик. Примерные размеры единого могильника: $6,5 \times 2-3,5$ км, общая численность выявленных на нем курганов – не менее нескольких тысяч. Территориально памятник связан с городищем, находящимся на правом берегу р. Терек, в границах с. Братское и полностью скрытым в настоящее время современной жилой застройкой.

Первые исследования в восточной части единого могильного поля (могильник «Братские 1-е курганы») были выполнены Р.М. Мунчаевым в 1963 г., который раскопал здесь пять подкурганных погребальных комплексов-катакомб (Мунчаев, 1965). Западную часть памятника (могильник «Октябрьский I») впервые обследовала М.П. Абрамова в 1971 г., раскрыв на ней шесть аналогичных захоронений (Абрамова, 1975). Все изученные данными авторами сооружения в древности подверглись значительному разграблению и дали лишь самое общее представление о погребальном обряде некрополя и его датировке.

Несоизмеримо большую информацию о памятнике принесли широкомасштабные охранно-спасательные раскопки, проведенные в 2018–2019 гг. Терской комплексной археологической экспедицией НПЦ «Дагестанская археологическая служба», Кавказской экспедицией Института археологии РАН и Чеченской экспедицией Института гуманитарных исследований АН Чеченской Республики как в восточной, так и западной частях курганного поля. Всего было исследовано 284 погребальных сооружения (162 – на могильнике «Братские 1-е курганы» и 122 – на могильнике «Октябрьский I»), представленных в основном катакомбами так называемого I-го типа, длинная ось камеры которых перпендикулярна длинной оси входной ямы. Сооружения других типов – могилы подбойной конструкции и простые грунтовые – единичны. На поверхности могилу обычно окружал ровик округлой или, значительно реже, подквадратной в плане формы с разрывами в северной и южной частях контура. Диаметр некоторых ровиков достигал 40 м, ширина – 1,5 м, глубина – 0,7 м. Курганные насыпи над большинством захоронений визуально не прослеживались, по-видимому, вследствие их полной распашки. По итогам указанных работ некрополь датирован рубежом II–III – первой половиной V вв. н.э. и атрибутирован как памятник раннего этапа аланской культуры (Малашев и др., 2018. С. 196–199; 2020. С. 442–444).

Среди яркого и выразительного инвентаря, собранного в ходе его раскопок – гончарной сероглиняной посуды, предметов вооружения, конской упряжи, деталей костюма, разнообразных личных украшений и проч., особого внимания заслуживают металлические застёжки-фибулы. Последние являются важными хронологическими индикаторами, позволяющими, в совокупности с другими находками, разработать детальную датировку могильника. Всего в 2018–2019 гг. было обнаружено 103 таких изделия и их крупных фрагмента: 71 экз. – на

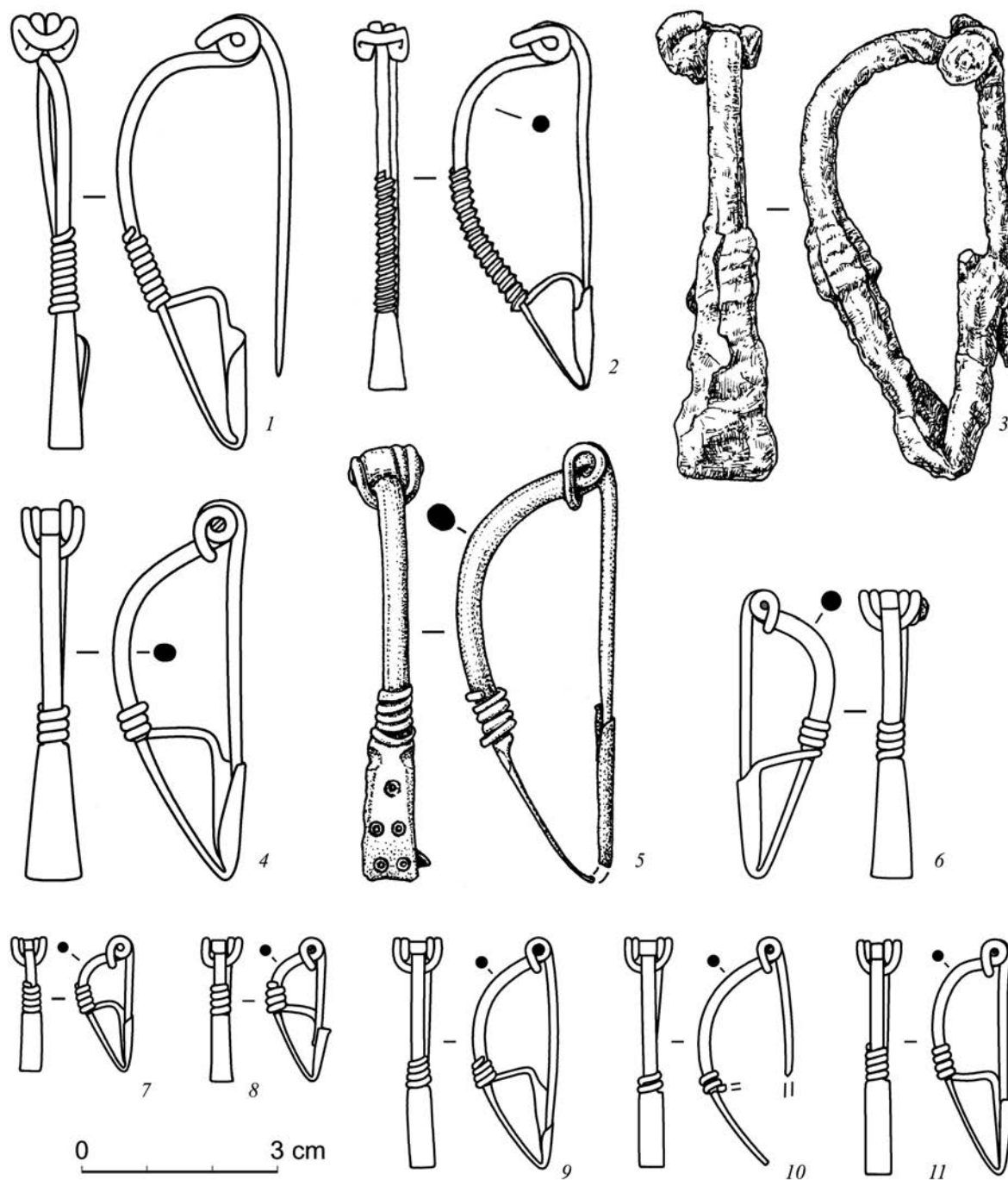

Рис. 1. Лучковые фибулы из могильников «Братские 1-е курганы» (1, 3–6, 8–11) и «Октябрьский I» (2, 7): 1 – курган 1368; 2 – курган 41; 3 – курган 69; 4 – курган 40; 5 – курган 38; 6 – курган 1457; 7 – курган 850; 8–11 – курган 1452

могильнике «Братские 1-е курганы», 32 экз. – на могильнике «Октябрьский I»¹. В типологическом плане самыми многочисленными среди них являются сильно профилированные застежки с бусинами на дужке (44 экз.) и лучковые подвязные фибулы (38 экз.). Значительно меньшим числом образцов представлены гладкие проволочные или узкопластинчатые изделия с завитком/кнопкой на конце сплошного приемника (19 экз.). Лишь в одном экземпляре известна прогнутая подвязная фибула с овально расширенной спинкой, также единична про-

¹ Автор выражает признательность В.Ю. Малашеву за возможность работы с материалом.

винциально-римская шарнирная брошь с рельефно выделенным щитком, украшенная разноцветной эмалью.

Сильно профилированные застёжки из могильников «Братские 1-е курганы» и «Октябрьский I» уже частично введены в научный оборот (Малашев, Кадзаева, 2021). Лучковые же фибулы сколь либо пристального внимания пока не удостоивались, хотя именно их хронология лежит в основе периодизации всего массива фибул юга Восточной Европы первых веков н.э. (Кропотов, 2010. С. 65–165). Данное сообщение призвано восполнить этот пробел.

Лучковые подвязные фибулы – застёжки с плавно изогнутым, дуговидным корпусом, изготовленным из узкой пластины или круглой в сечении проволоки, с короткой, как правило, четырехвитковой пружиной. Обязательный элемент этих изделий – наличие приемника подвязной конструкции. Дополнительный декор – пуансон, фасетирование, проволочный орнамент и пр. – встречается редко. Большинство фибул сугубо утилитарны и скручены из обычной проволоки без каких-либо украшений.

На могильнике «Братские 1-е курганы» встречено 24 таких изделия и их отдельных фрагмента, на могильнике «Октябрьский I» – 14. Все они по своим конструктивным особенностям подразделяются на две серии: одночленные проволочные фибулы с верхней тетивой у пружины (группа 15, серия I по классификации А.К. Амброза (Амброз, 1966. С. 48–51); группа 4, серия I по типологии В.В. Кропотова (Кропотов, 2010. С. 68–80)) и двучленные образцы с граненой или круглопроволочной спинкой и нижней тетивой у пружины (группа 15, серия III по классификации А.К. Амброза (Амброз, 1966. С. 52); группа 4, серия III по типологии В.В. Кропотова (Кропотов, 2010. С. 129–136)).

Фибулы первой серии из рассматриваемой коллекции (12 экз. – могильник «Братские 1-е курганы», 2 экз. – могильник «Октябрьский I») показательны во всех деталях. Это крупные застёжки длиной от 5,7 до 7,4 см с треугольно расширенной ножкой и достаточно резко изогнутой спинкой, частично или полностью укрытой проволочной обмоткой (рис. 1, 1-3). Данные признаки характеризуют изделия как образцы наиболее поздней формы одночленных лучковых подвязных фибул, типичные для последней четверти/конца II – первой половины III вв. н.э. (Кропотов, 2010. С. 77–80).

Застёжки следующей серии (12 экз. – могильник «Братские 1-е курганы», 12 экз. – могильник «Октябрьский I») – столь же выразительны. Это украшения с плавно изогнутым корпусом, один конец которого раскован в пластинчатую ножку, другой – уплощен и скручен в трубочку; в последнюю введена ось с пружиной и иглой, изготовленными из отдельного куска проволоки (рис. 1, 4–11). По своим размерам все изделия делятся на два типа: крупные массивные образцы длиной от 4,3 до 6,7 см (8 экз.) (рис. 1, 4–6) и легкие миниатюрные застёжки длиной от 1,9 до 3,5 см (16 экз.) (рис. 1, 7–11). Первые имеют многочисленные аналогии во всех регионах юга Восточной Европы и датируются в основном второй половиной III в. н.э. (Габуев, Малашев, 2009. С. 135; Кропотов, 2010. С. 150–151. Рис. 44–45; Малашев и др., 2015. С. 88, 117–118). Вторые за пределами восточных районов Северного Кавказа практически не известны и по сопутствующему инвентарю относятся к более позднему времени – IV в. н.э. и, вероятно, к началу следующего столетия (Габуев, Малашев, 2009. С. 135; Кропотов, 2010. С. 151, 154; Малашев и др., 2015. С. 88, 117–118).

К сожалению, на могильниках «Братские 1-е курганы» и «Октябрьский I» лучковые фибулы крайне редко сочетались в одном погребальном сооружении с другими типами застёжек. Так, одночленные лучковые образцы лишь однажды были встречены вместе с пружинной фибулой с кнопкой на конце приемника и также однажды – с сильно профилированной фибулой. Крупные двучленные экземпляры тоже только один раз отмечены в комплексе с сильно профилированной застёжкой. При этом их миниатюрные аналоги с другими типами пружинных украшений не сочетались вовсе.

Несмотря на это, показанная выше последовательность развития лучковых фибул – сперва одночленные образцы, затем крупные двучленные и сменяющие их миниатюрные изделия, – может быть положена в основу хронологии как других типов украшений, так и иных категорий находок.

Литература

- Амброз А.К.* 1966. Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н.э. – IV в. н.э. М.
- Абрамова М.П.* 1975. Катакомбные погребения IV–V вв. н.э. из Северной Осетии // СА. № 1.
- Габуев Т.А., Малашев В.Ю.* 2009. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.
- Кропотов В.В.* 2010. Фибулы сарматской эпохи. Киев.
- Малашев В.Ю., Гаджиев М.С., Ильюков Л.С.* 2015. Страна маскутов в Западном Прикаспии. Курганные могильники Прикаспийского Дагестана III–V вв. н.э. Махачкала.
- Малашев В.Ю., Кадзаева З.П.* 2021. Сильно профилированные фибулы середины III – IV вв. н.э. // РА. № 2.
- Малашев В.Ю., Магомедов Р.Г., Дзуцев Ф.С., Мамаев Х.М., Кривошеев М.В.* 2018. Охранно-спасательные исследования могильника «Братские 1-е курганы» на территории Чеченской Республики в 2018 г. // История, археология и этнография Кавказа. Т. 14 (4).
- Малашев В.Ю., Магомедов Р.Г., Дзуцев Ф.С., Мамаев Х.М., Кадзаева З.П.* 2020. Охранно-спасательные исследования могильников раннего этапа аланской культуры на Среднем Тереке «Октябрьский I» и «Киевский I» в Моздокском районе Республики Северная Осетия–Алания в 2019 г. // История, археология и этнография Кавказа. Т. 16 (2).
- Мунчаев Р.М.* 1965. Новые сарматские памятники Чечено-Ингушетии // СА. № 2.

КИММЕРИЙЦЫ – ОСЕДЛОЕ НАСЕЛЕНИЕ КАВКАЗА И ВОИНЫ-ВСАДНИКИ «КОБАНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ»

Кузнецова Т.М.

Институт археологии РАН, г. Москва

Работа подготовлена в рамках темы НИР ИА РАН «Причерноморская и Центральноазиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций» (№ НИОКТР 122011200269-4).

Свидетельства древневосточных документов и античных авторов показали, что киммерийцы упоминаются в них с VIII в. до н.э. и связаны не со степными, а с горными районами. Отсутствие в источниках дефиниции киммерийцев в качестве кочевого народа/народов и определение их как оседлых жителей гор (Кузнецова, 2007), потребовало установления локализации киммерийцев — страны Гамир/Гамирра.

Местоположение страны Гамир (Киммерии), наметилось по письменным источникам в пределах: от Боспора Киммерийского до области Гуриания, которая упоминается около 715 г. до н. э. как страна, платящая дань царю Урарту и лежащая между его землей и землей Гамирра, предположительно располагаясь на крайнем северо-западе Ванского Царства в верховьях р. Кура, у южного побережья оз. Чалдыр (Diakonoff, Kashkai, 1981. P. 71; Арутюнян, 1985. С. 67). Территория Гамир определилась в границах Кавказского горного массива (рис. 1, 1).

Из двух кавказских археологических культур: «колхидской» и «кобанской» данные позволили отождествить с именем киммерийцев носителей последней¹, занимающей горные области по обе стороны Большого Кавказского хребта, так как в «кобанские древности» VIII–IV вв. до н.э. входят предметы, свидетельствующие о контактах с районами, где упоминаются киммерийцы, а в этих регионах присутствуют «кобанские» вещи (Кузнецова, 2007; 2023).

Высказанная мной гипотеза о недостаточной аргументированности утверждения о киммерийцах-кочевниках была поддержана С.Б. Вальчаком, который разделяет точку зрения В.Р. Эрлиха (Эрлих, 2007. С. 191) об отождествлении с киммерийцами археологических памятников классического «новочеркасского этапа» предскифского периода, отличающегося «своеобразным и массовым комплексом конского снаряжения и вооружения воинов-всадников» (Вальчак, 2021. С. 30–33).

Данное исследование продолжает развитие предположения о киммерийцах как об оседлом населении Кавказа – носителях «кобанской археологической культуры» и воинах-всадниках – носителях «новочеркасских» древностей.

Поскольку специалисты сопоставляют киммерийцев с носителями древностей «новочеркасского» облика, получившими название по «Новочеркасскому кладу 1939 г.», обращается внимание на его состав (рис. 1, 2): топор «кобанского типа», две пары «двуколычатых» удила, два отдельных звена от других «двуколычатых» удила, два «лопастных, трехпестельчатых» псаля, фрагмент стержня, половина бронзовой литейной формы для отливки втульчатых наколочников стрел (Иессен, 1953; 1954; Вальчак, 2018). Основное место в составе «Новочеркасского клада» занимают предметы, характерные для «кобанской археологической культуры»

¹ Поскольку «колхидская» культура локализуется только с южной стороны Большого Кавказа и, исходя из того, что две исторические страны (Кулха и Гамир/Гамирра) упомянуты источниками в одном, незначительном временном интервале, из чего следует вероятность их синхронного существования, она отождествления с киммерийцами не получила.

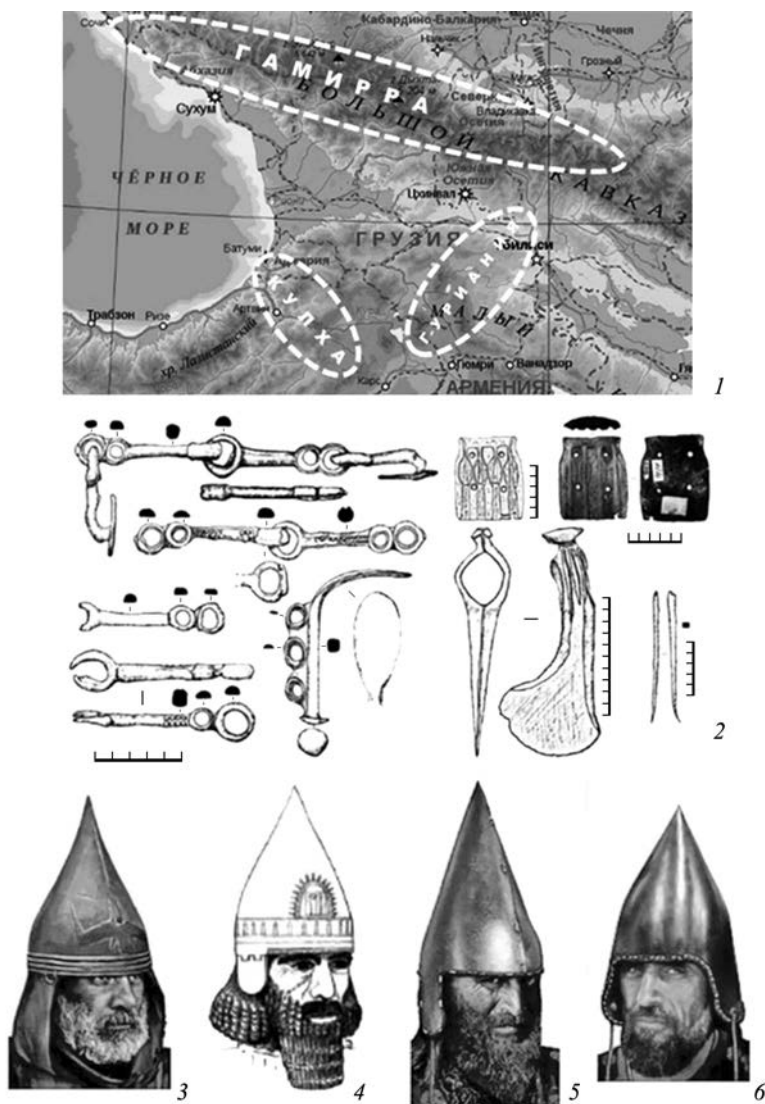

Рис. 1. Киммерийцы – «кобанцы»: 1 – предположительная локализация стран Кулха, Гуриания, Гамирра; 2 – «Новочеркасский клад» (по: Вальчак, 2018. С. 139–140. Рис. 1–2); 3–6 – реконструкции шлемов: 3 – урартских – Кармир-Блур = Кумбулта (по URL: https://warriors.fandom.com/ru/wiki/Файл:Spitzhelm_urartaisch.jpg (дата обращения: 01. 02. 2023)), 4 – ассирийского – Нимруд (по: Ваггон, 2010. Р. 198. Fig. 6.1a: Британский музей, инв. № BM 22496); 5, 6 – кавказских – Клинь-Яр III, Заюково (по: URL: <https://i.pinimg.com/originals/35/69/8f/35698fc04a0c868600f7a44d598f47b7.jpg> (дата обращения: 01. 02. 2023))

(Иессен, 1953. С. 51), за исключением литейной формы, аналогов которой в ее памятниках нет (но таких пока нет вообще). Однако именно подобное сочетание позволяет предположить принадлежность всего комплекса носителю «кобанской археологической культуры».

В этой связи рассматриваются вопросы, относящиеся как к распространению конской узды и стрел «новочеркасского типа», так и к институту «балц», известному по осетинскому «Нартскому эпосу», основное ядро которого было создано на Кавказе, и корни которого уходят в доскифское время (Миллер, 1881/1992. С. 121; Абаев, 1945. С. 117; Крупнов, 1960. С. 373). Оформление основных циклов «Нартского эпоса» ученые относят ко времени обитания на Северном Кавказе носителей «кобанской археологической культуры» (Абаев, 1957. С. 30; Крупнов, 1960. С. 357–377). «Нартский эпос» отражает систему вполне конкретного военного опыта и показывает, что грабительские конные походы и/или вылазки совершались оседлым населением Кавказа и имели определенную тактику (Чочиев, 1996).

С совершением «балц», как уже отмечалось ранее, более всего согласуются походы, проявившего активную деятельность на Ближнем Востоке, Лигдамиса, который дошел во главе своих воинов до Ионии и Лидии, взяв Сарды (Strabo. I. 3. 21), пытался разрушить храм в Эфесе, согласно Каллимаху (Callim. Hymn. III, 249–257), около трех лет удерживал область Батинетиду, а также дважды стремился начать войну с Ассирией и, возможно, был погребен в кургане № 1 Краснознаменского могильника (Кузнецова, 2019).

Предполагается, что предскифский «новочеркасский» этап представляет период проявления активизации «кобанских» социумов в VIII – начале VII в. до н. э., которые вполне могут соответствовать и по хозяйственному укладу, и по проводимым ими конным военным операциям, киммерийцам – оседлому населению, включавшему и воинов-всадников (рис. 1, 3–6).

Литература

- Абаев В.* 1945. Нартовский эпос // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Т. X. Вып. 1. Дзауджикау.
- Абаев В.И.* 1957. Проблема нартского эпоса // Нартский эпос. Материалы совещания 19-20 октября 1956 г. Орджоникидзе.
- Арутюнян Н.В.* 1985. Топонимика Урарту. Ереван.
- Вальчак С.Б.* 2018. Новочеркасский клад 1939 г. – эпонимный памятник предскифского периода // Древности, исследования, проблемы. Сборник статей в честь 70-летия Н.П. Тельнова. Кишинев; Тирасполь.
- Вальчак С.Б.* 2021. Культурно-хозяйственный тип и археологический облик киммерийцев (краткий историографический обзор) // Восток (Oriens). № 6.
- Иессен А.А.* 1953. К вопросу о памятниках VIII–VII вв. до н.э. на юге Европейской части СССР (Новочеркасский клад 1939 г.) // СА. Т. XVIII. Иессен А. А. 1954. Некоторые памятники VIII–VII вв. до н. э. на Северном Кавказе // Вопросы скифо-сарматской археологии (по материалам конференции ИИМК АН СССР 1952 г.). М.
- Крупнов Е.И.* 1960. Древняя история Северного Кавказа. М.
- Кузнецова Т.М.* 2007. Были ли киммерийцы кочевниками? // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. Сборник памяти М. П. Абрамовой. МИАР. № 8. М.
- Кузнецова Т.М.* 2019. Имена и курганы архаического периода // Археологія і давня історія України. Старожитності раннього залізного віку. Київ. Вип. 4 (33).
- Кузнецова Т.М.* 2023. Новочеркасский этап и «кобанский» (киммерийский) балц // «Проблемы археологии горной зоны центральных районов Северного Кавказа в эпоху раннего железного века – раннего средневековья». М. (в печати).
- Миллер В.* 1881/1992. Осетинские этюды. М.; Владикавказ.
- Чочиев А.Р.* 1996. Нарты-арии и арийская идеология. Книга 1. М.
- Эрлих В.Р.* 2007. Северо-Западный Кавказ в начале железного века: протомеотская группа памятников. М.
- Barron A.E.* 2010. Late Assyrian arms and armour: art versus artifact. A thesis submitted in conformity with the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. Toronto: at the University of Toronto.
- Diakonoff I.M., Kashkai S.M.* 1981. Geographical Names according to Urartian Texts // Répertoire Géographique des Textes Cunéiformes IX. Wiesbaden.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОГО И ЮГО-ВОСТОЧНОГО ПОБЕРЕЖЬЯ ПОЛУОСТРОВА АБРАУ В VII–II ВВ. ДО Н.Э.

Малышев А.А.¹, Новичихин А.М.²

¹Институт археологии РАН, г. Москва.

²Анапский археологический музей, г. Анапа

*Работа подготовлена при содействии РНФ,
проект «Население предгорий Северо-Западного Кавказа
в период Великой греческой колонизации» № 22-28-01998.*

При освоении территории, известной как юго-восточная периферия азиатского Боспора, греческие колонисты вступили в контакт с обитателями предгорий Северо-Западного Кавказа. Согласно одной античной морской лоции IV в. до н.э., это синды (Σινδοί), керкеты (Κερκέτοί) и тореты (Τορεῖται) (Ps.-Scyl., Peripl. 72–75).

Впервые с материальной культурой синдов удалось познакомиться благодаря раскопкам могильника у хут. Рассвет (Анапско-Натухаевская долина). Большая часть погребальных сооружений представляла собой каменные ящики из больших плит песчаника, обложенных с внешней стороны для снижения воздействия склоновой деформации крупными необработанными камнями. Над плитовым перекрытием захоронения возводилась кольцевая кладка. Не исключено, что обычай захоронения на уровне дневной поверхности, в неглубокой, обложенной камнями грунтовой яме связан с погребальными традициями населения предгорий эпохи бронзы. Сооружение в виде крупного каменного ящика с боковым входом-дромосом (погр. 127) – «протосклеп», известно на могильниках греко-варварской периферии европейского и азиатского Боспора. Для топографии могильников аборигенного населения характерно плотное, обычно упорядоченное рядами расположение гробниц, которые, как правило, являлись семейными усыпальницами.

Дальнейшие исследования показали, что ареал памятников этого типа связан с западными отрогами главного Кавказского хребта, которые образуют полуостров Абрау. Помимо отрогов главного Кавказского хребта, полуостров образуют Цемесская и, превратившаяся в настоящее время в обширные плавни, Анапская бухта.

Зона греко-варварских контактов полуострова Абрау протяженность черноморского побережья составляет ок. 65 км. Хотя протяженность побережья южной Синдики (обширной Анапско-Натухаевской долины) на п-ве Абрау не более десяти-двенадцати километров, ее значимость очень велика: на протяжении всего античного периода важным фактором в этнокультурной истории и экономическом развитии всей юго-восточной периферии азиатского Боспора был расположенный здесь перекресток морских и сухопутных путей Горгиппия и связанная с ней хозяйственная периферия хора. Исследована серия синдских погребальных памятников в Анапско-Натухаевской долине, разработана периодизация этих древностей, отмечены свидетельства широких контактов синдов с античным, меото-скифским и кобанским миром.

На повестке локализация ареала обитания керкетов и торетов, систематизация древностей обитателей черноморского побережья южной части п-ва Абрау. Представляется перспективным рассмотреть известные археологические материалы в прибрежной зоне п-ва Абрау (картография и хронология, материальная культура) и сопоставить с древностями Южной Синдики и континентальными районами южной части п-ва Абрау.

Известно, что в IV в. до н.э. керкеты живут ближе к Синдской гавани, далее тореты и эллинский город Торик с гаванью (Ps.-Scyl., Peripl. 72–75). В титулатурах боспорских

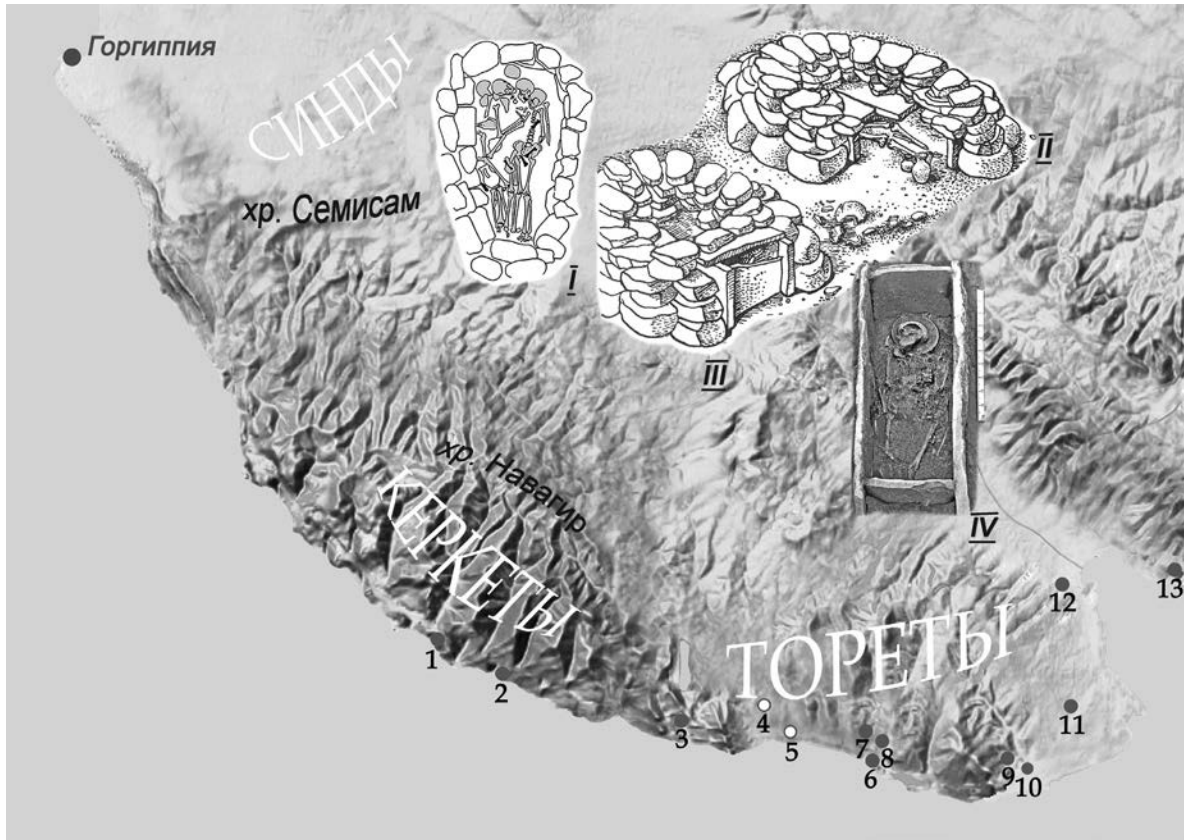

Рис. 1. Керкеты и тореты на п-ве Абрау. Погребальный обряд: *I* – захоронение в обложенной камнем яме; *II* – захоронение в каменном ящике; *III* – захоронение с боковым входом; *IV* – захоронение в каменном ящике по меотскому обычаю (миска под головой).

Древности керкетов и торетов: *1* – м-к Лобанова щель; *2* – м-к Соленое озеро; *3* – м-к у б/о «Спутник»; *4* – с/н Южная Озерейка; *5* – м-к у погранзаставы; *6* – м-к Береговой; *7* – м-к «Холм Динамии»; *8* – м-к у б/о «Ивушка»; *9* – м-к Мысхако-Колдун; *10* – м-к Палагина щель; *11* – м-к «Аэропорт»; *12* – м-к на ул. Астраханская; *13* – м-к Шесхарис

правителей Левкона I (389/8–349/8 гг. до н.э.) и Перисада I (344/3–311/0 гг. до н.э.) сообщается о торетах, как о подвластном Боспору народе (КБН № 6, 6а, 39, 40, 1014, 1037, 1038, 1042). Отсутствие упоминания здесь керкетов объясняет, возможно, сообщение безымянного перипла (перипла Псевдо-Арриана) о том, что керкеты и тореты являлись единой этнической общностью (Аноп., РРЕ, 63, 65), причем своими владениями, на которых расположены Торетский мыс и Торик, и численностью последние занимали главенствующее положение.

В настоящее время ландшафт прибрежной части полуострова Абрау отличают непригодные для обитания и хозяйствования крутые обрывистые склоны. Как показывают исследования, стремительный подъем уровня моря и морская эрозия уничтожила сотни метров суши, поэтому очертания берега и прибрежный ландшафт в эпоху раннего железа был иным. Доступ во внутренние районы полуострова возможен в долинах рек, которые берут начало на Гудзевой горе и ее отрогах (Сукко, Дюрсо, Абрау, Озерейка, Цемес).

Вместе с тем, значительные (до 300 м) по высоте горные массивы в значительной мере затрудняют доступ на побережье, образуя два изолированных от материка микрорегиона. Наиболее крупный (ок. 11000 га) из них Утришский сформирован Навагирским хребтом, протяженность его побережья (между долинами рек Сукко и Дюрсо) составляет треть часть прибрежной зоны полуострова Абрау. Расположенный поблизости от Анапско-Натухаевской долины Утришский регион можно связать с ареалом обитания керкетов. Владения торетов располагались восточнее, в долинах рек Дюрсо, Абрау, Озерейка, Цемес, в том числе и побережье Цемесской бухты. Особо следует отметить намного меньший по размерам, чем

Утришский регион Широкая Балка на юго-востоке полуострова Абрау: он также в значительной мере изолирован горными массивами от внутренних районов.

Значительная часть расположенных в прибрежной зоне, в том числе в Цемесской бухте (наиболее востребованной для поселения и хозяйствования части полуострова Абрау), археологических древностей керкетов и торетов, к сожалению, утрачены. Тем не менее, выявлено и исследовано более десятка погребальных памятников (могильников) (рис. 1, 1–13), на которых обнаружены известные в Синдике погребальные конструкции (рис. 1, I–IV). Хронологически открытые погребальные комплексы можно разделить на три группы: немногочисленную раннюю (VII – нач. VI вв. до н.э.), самую значительную – конца VI – первой половины IV вв. до н.э. и позднюю (кон. IV – II вв. до н.э.). Комплексы двух последних хронологических групп зафиксированы повсеместно, ранние материалы связаны с Широкой Балкой и ее окрестностями.

Судя по данным археологии (могильники в устье рек Дюрсо и Мысхако), хозяйственно-культурный тип побережья южной части п-ва Абрау складывается еще в эпоху бронзы. Погребальная обрядность сохраняет традиции бронзового века (сложные могильные конструкции из камня, коллективные погребения) и практически не несет следов культурных инноваций. В частности, в комплексах захоронений могильника Лобанова Щель прослежено практически полное отсутствие степных влияний (кинжовое оружие, элементы конской упряжи).

Согласно данным письменных источников, в отличие от синдов, керкеты и тореты имеют значительный опыт в мореходстве (Анон., РРЕ, 63, 65). Не исключено, что этноним керкеты происходит от греческого «керкеттς» – «вид кормового весла». Палеоантропологические исследования коллекции из Лобановой щели показали, что основные физические нагрузки у мужчин были связаны с греблей. Дополнительным свидетельством занятия мореходством и рыболовством служат находки в закладах погребений плоских камней с грубо выбитыми желобками для крепления веревок – якорей для небольших лодок и грузил для сетей.

Известные на сегодняшний день археологические и нумизматические материалы указывают на утверждение здесь власти Боспора в IV в. до н.э., когда тореты были включены в титулатуру Спартокидов. Стремление Боспора утвердиться в землях торетов объясняется необходимостью контроля над удобной для торгового мореплавания Цемесской бухтой, а в правление Евмела (309–304 гг. до н.э.), судя по сообщению Диодора (Diod. XX, 25), борьбой с занимающимися пиратством племенами Черноморского побережья Кавказа.

В ранних источниках отсутствуют данные об этнокультурных связях керкетов и торетов с населением Прикубанья. Только у Страбона, который использовал данные источника II в. до н.э., в описании местных племен на границах азиатского Боспора говорится о торетах как о меотском племени (Strabo. XI. 2.11). Археологические материалы подтверждают начало проникновения меотских культурных традиций в эпоху эллинизма. Как правило, оно приводило к вытеснению обычая захоронения в каменных ящиках на дневной поверхности традицией погребения в грунтовых подбойных камерах. Синкретизм – захоронение с миской под головой в каменном ящике – засвидетельствовано на некрополе римского времени в Широкой Балке.

ДЕТСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ В МОГИЛЬНИКЕ ВЕРХНИЙ КУРКУЖИН

Марченко Ю.В.

Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург

С 2016 по 2022 год Северо-Кавказская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа исследовала в селе Верхний Куркужин кобанский могильник VII–IV вв. до н.э. Памятник располагается в Баксанском районе Кабардино-Балкарской республики.

Всего было изучено 104 погребальных конструкции, которые содержали одиночные и коллективные захоронения. Основное количество погребений (96) располагалось в раскопе 2. На раскопе 1 было исследовано только 8 погребальных конструкций. В двух из них были обнаружены кости детей – погребения № 4 и 5, в обоих случаях в парных захоронениях со взрослыми (Марченко, 2019. С. 75–77). На плане раскопа 2 могильника Верхний Куркужин (рис. 1) видно распределение детских захоронений и их соотношение с погребениями взрослых. Кости детей были обнаружены в 29 погребальных конструкциях. 23 из них представляют собой одиночные детские захоронения, в 6 случаях помимо костей ребенка были обнаружены кости второго, а иногда и третьего погребенного. Причем в погребении № 32 были обнаружены кости сразу трех детей: предположительно 15 лет±2 года, 6 лет±2 года и ребенка 2–10 лет. А в погребении № 29 вместе с костями женщины 25–35 лет были обнаружены кости двух детей 12 лет±2 года и ребенка до 5 лет. В погребениях 17 и 80 дети 7 и 8–10 лет были погребены вместе с женщинами старше 55 лет и старше 20 лет соответственно.

Из двадцати трех одиночных погребений в девяти комплексах отсутствовал погребальный инвентарь. В основном это захоронения детей от 6–12 месяцев до 6 лет, исключение составляет только погребение № 39, где был захоронен ребенок 7–10 лет. Как правило, погребальный инвентарь присутствует в захоронениях детей старше 7 лет (11 комплексов). Исключением являются только три погребения детей более младшего возраста (1–5, 2–8 и < 7 лет), где погребальный инвентарь был представлен только бусинами. В захоронениях № 7 и 33 было обнаружено по 1 стеклянной бусине, а в погребении № 21 – 19 стеклянных и 1 янтарная.

Из одиннадцати инвентарных погребений, шесть находились в каменных ящиках, четыре – в грунтовых ямах, одно погребение почти полностью было разрушено, и поэтому тип погребальной конструкции установить не удалось.

Анализируя категории погребального инвентаря в одиночных детских погребениях и их взаимовстречаемость в комплексах, можно сделать выводы о том, что одновременно несколько категорий инвентаря встречается только в погребениях детей старше 7 лет.

Следует сразу отметить, что в отличие от погребений взрослых людей в детских реже встречаются керамические сосуды (в пяти комплексах из одиннадцати), в то время как во взрослых погребения без сосудов являются исключениями. В среднем во взрослое захоронение помещалось несколько сосудов разных типов. Стандартный керамический набор в могильнике Верхний Куркужин включает в себя следующие типы сосудов: корчага, кубок, кружка и миска. Среди сосудов, помещенных в детские захоронения, корчага присутствовала только в погребении № 19, где был похоронен ребенок 8 лет±2 года. Помимо корчаги здесь был найден ещё один сосуд – миска. Два сосуда также были обнаружены в погребении № 4, где была захоронена девочка 8–12 лет. Здесь был найдена чернолощенная курильница с орнаментом в виде заштрихованных треугольников, обращенных вершинами друг к другу, и серолощенная кружка биконической формы с пролощенными косыми каннелюрами на тулове (Марченко, 2019. Ил. 7, 8, 9). Курильница имеет аналогии в могильнике Новозаведенное II

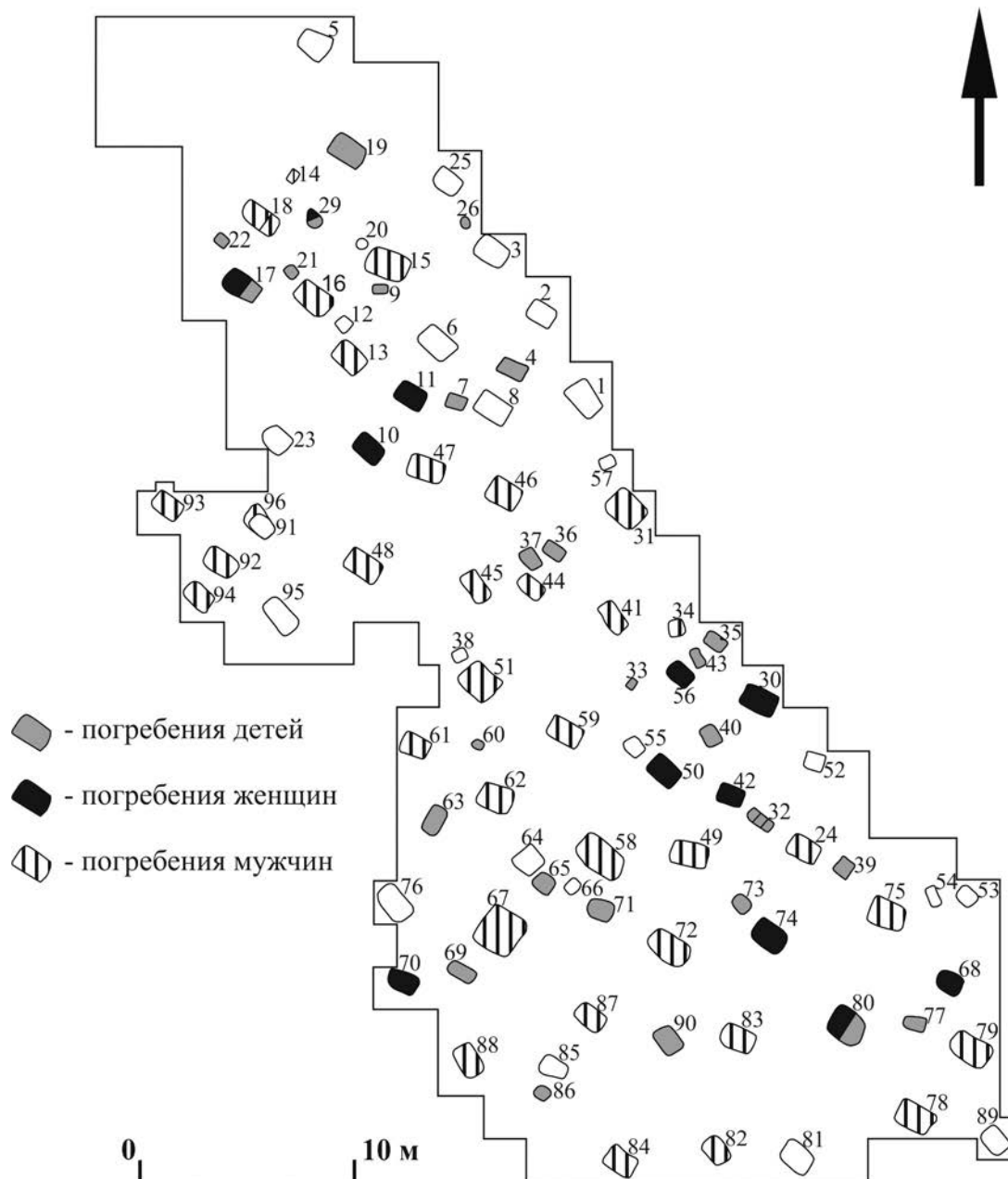

Рис. 1. План раскопа 2 могильника Верхний Куркужин с указанием погребений детей, женщин и мужчин

(Петренко и др., 2004. Рис. 7, 1) и в гробнице III Каррасского могильника (Козенкова, 1998. Табл. XXXIX, 2). Этот тип сосуда встречается редко, но, тем не менее, он был обнаружен ещё в мужском погребении № 58 могильника Верхний Куркужин. Что касается наличия керамических сосудов в детских погребениях Верхнего Куркужина, то следует отметить, что ещё по одному сосуду было обнаружено в погребениях № 40, 60 и 77. Причем в погребении № 40 сосуд находился рядом с черепом, что является исключительным случаем для всех погребений рассматриваемого могильника. Возраст погребенного – 7 лет (± 2 года). Ребенок лежал на правом боку, головой был ориентирован на юго-восток, ноги согнуты в коленных суставах. В районе фрагментов костей черепа находилась миска с тремя астрагалами барана внутри. Астрагалы были уложены в стык друг к другу и подобраны по размеру, от большого к малому. Вероятно, это связано с каким-то ритуалом.

Из особенностей погребального инвентаря следует также отметить, что в погребении № 65, на черепе ребенка 8 лет±2 года, в ряд располагались раковины каури (8 штук). По всей видимости, каури были нашиты на головной убор, который не сохранился. Каури в могильнике Верхний Куркужин были найдены ещё в соседнем погребении № 64 (Марченко, Котин, 2022. С. 165). Этот комплекс может являться детским кенотафом. Косвенно на это указывают такие конструктивные особенности, как обработанные и затем обожженные известняковые стелы конусовидной формы с круглым сечением, а также наличие камней меловых пород, которые на данном могильнике встречаются исключительно в конструкциях детских захоронений. Также можно отметить хорошую сохранность комплекса и при этом полное отсутствие антропологического материала. Следует учитывать и значительные размеры погребальной ямы с закругленными углами – 1,2 × 1,0 м. В захоронениях такого размера не хоронили младенцев, кости которых могли бы полностью истлеть. Судя по параметрам погребальной конструкции, здесь должен был покоиться ребенок более старшего возраста.

В подавляющем большинстве погребений детей 7–12 лет присутствуют булавки, которые крепились бронзовой цепочкой, и бронзовые браслеты. Все булавки были железными, исключение составляет только погребение № 43, где железная булавка сочеталась с орнаментированной бронзовой (Марченко, Котин, 2020. Рис. 1, 5, 7). Здесь был захоронен ребенок 7 лет (±2 года).

Таким образом, по материалам могильника Верхний Куркужин мы можем сделать выводы о том, что в одиночные погребения детей чаще всего помещали сопроводительный инвентарь, если ребенку было около 7 лет и старше. Сам погребальный обряд копировал захоронения взрослых. Погребенных укладывали в могилу в скорченном положении на правом боку (только в погребении № 63 зафиксировано положение умершего на левом боку). Вещевой набор, за исключением каури и астрагалов барана, повторяет сопроводительный инвентарь из погребений взрослых. По сопроводительному инвентарю рассмотренные комплексы можно отнести к концу VII – началу IV вв. до н.э.

Литература

- Козенкова В.И.* 1998. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант. М.
- Марченко Ю.В.* 2019. Работы Северо-Кавказской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 2016 году // Археологический сборник. Вып. 42. СПб.
- Марченко Ю.В., Котин М.А.* 2020. Элементы кобанского погребального костюма по материалам могильника Верхний Куркужин (Кабардино-Балкарская республика) // Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения. XXXI Крупновские чтения. Махачкала.
- Марченко Ю.В., Котин М.А.* 2022. Погребения с каури в могильнике Верхний Куркужин (Кабардино-Балкарская республика) // Древние и средневековые культуры Кавказа: открытия, гипотезы, интерпретации. XXXII Крупновские чтения. Майкоп.
- Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р.* 2004. Погребение знатной скифянки из могильника Новозаведенное-II // Археологические памятники раннего железного века юга России. М.

КОБАНСКИЕ ОРНАМЕНТИРОВАННЫЕ МИСКИ

Мокрушин В.П.¹, Нарожный Е.И.²

¹НАО «Наследие Кубани», г. Краснодар,

²Карачаево-Черкесский госуниверситет им. У.Д. Алиева, г. Карачаевск

На территории современного Ставрополя и прилегающей с юга области предгорий имело место внедрение ранних скифов-кочевников в иноэтничную оседло-земледельческую среду, представленную знаменитой кобанской общностью, которую В. Е. Маслов предлагает рассматривать, как «свиту взаимосвязанных культур». По его мнению, это историческое событие «сопровождалось» сложением своеобразного компонента лепной «чернолощенной» посуды. Она, маркируя «определенный хронологический горизонт», демонстрирует «внутреннее единство», «относительное однообразие орнаментальных сюжетов» и «некоторых технологических приемов их нанесения». На внутренней поверхности отдельных черепков из Нартанского и Новозаведенного II могильников констатированы «следы» работы гончарного круга, возможно, позаимствованного из Закавказья.

По целому ряду своих особенностей характеризуемый комплекс «не имеет аналогий» среди инвентаря «предшествующего этапа». Тем не менее высказано мнение, что генезис определенного круга керамической утвари «очевидно протекал» еще на предскифском этапе. В частности, речь идет о корчагах с «покатым плечом». Фрагменты их многочисленны, в том числе на поселении Кишпек-2, расположенном в равнинной зоне Кабардино-Балкарии. Оно изучено раскопом 30 × 90 м в 2009 г.; основной период функционирования памятника, скорее всего, приходится на первую пол. VII в. до н. э. (Мокрушин, Нарожный, 2018а. Рис. 1).

Здесь неоднократно засвидетельствованы крупные (Ø 31–33 см), т.н. «парадные корчаги», использовавшиеся в ритуальных церемониях (?). Широкую зону их корпуса покрывал богатый декор, выполненной с помощью традиционных для раннескифской эпохи на Кавказе «деревянных (?) многоконечных орнаментов», острые шипы которых (обычно 2–3, иногда – 4) оставляли узкие полосы из соответствующего количества параллельных линии. Присутствуют композиции из вложенных друг в друга острых углов основанием вверх; их дополняли элементы, ориентированные вертикально: зигзаги, «елочки», простые группы полос. Встречаются и другие декоративные приемы, например, широкие прямоугольные полотнища с густым заполнением в виде сетки с ячейками ромбической формы (Мокрушин, Нарожный, 2018б. С. 195–196. Рис. 3, 3, 4). Наверное, в отдельных случаях такие сосуды подвешивались за петельчатое ушко в месте стыка плечика и тулова, сохранившееся на одном из обломков стенки (Мокрушин, Нарожный, 2021. С. 12. Рис. 3, 12, 13).

В захоронениях всех важнейших раннескифских некрополей (Краснознаменском, Комаровском, Моздокском, Нартанском, Новозаведенском) отмечено использование «многоконечных орнаментов», в том числе для украшения мисок «с С-видным» круто загнутым внутрь верхним краем, «оканчивающимся скругленной или уплощенной губой». Подобные сосуды (вариантов Ж или З, по классификации В.И. Козенковой), давно известны на памятниках центральнокобанской культуры – Терекское и Аргуданское городища (Кабардино-Балкария),

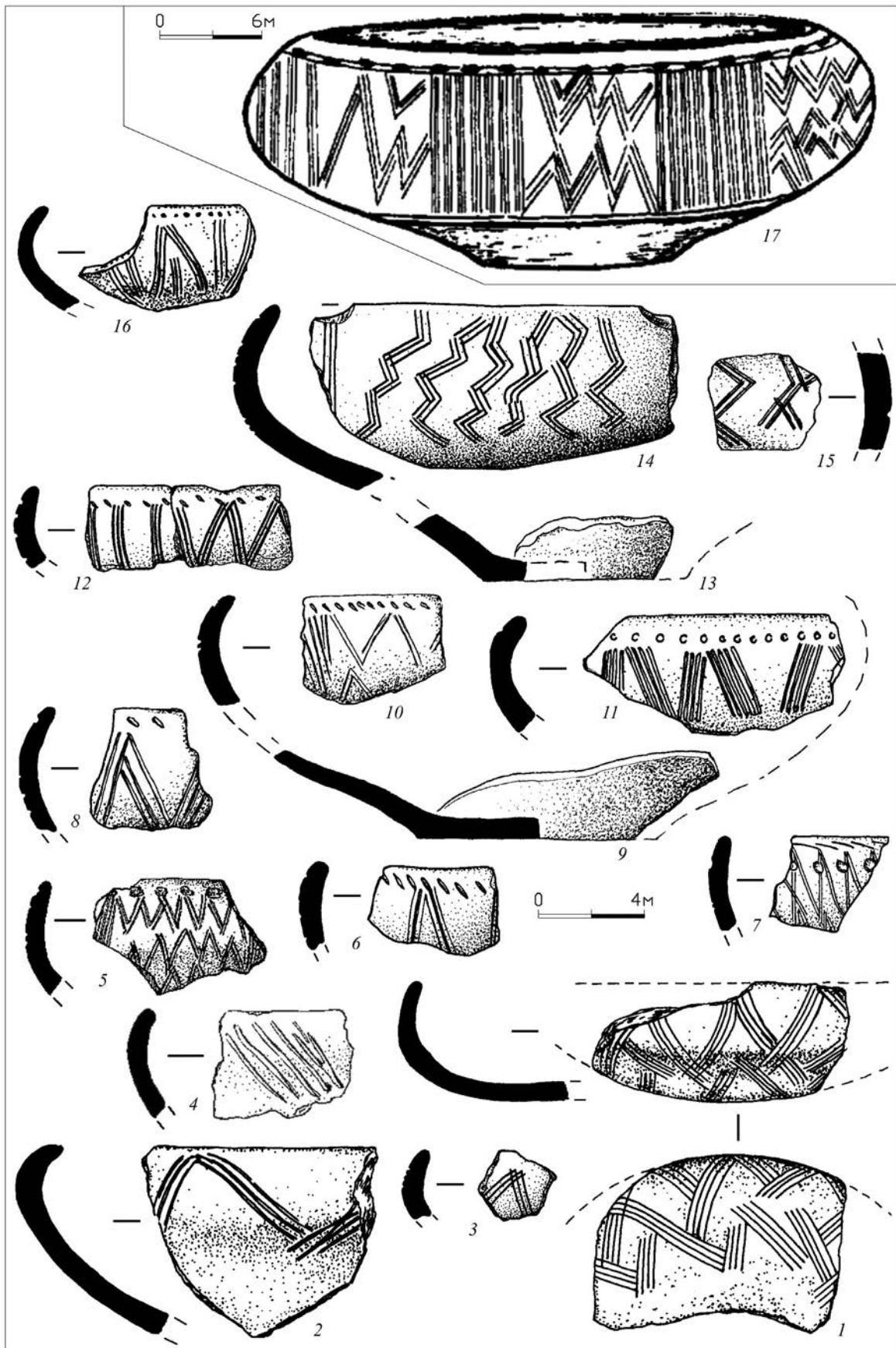
Рис. 1. Кобанские орнаментированные миски. 1–16 – поселение Кишпек-2. Находки из объектов:

1 – № 195; 2 – № 184; 3 – № 109; 4 – № 85; 5 – № 50; 6 – № 114;

11 – № 101; Находки из пластов. Пласт 0: 16 – кв. 11. Пласт 1: 7 – кв. 50; 8 – кв. 69;

9, 13 – кв. 83; 10 – кв. 75; 14 – кв. 39. Пласт 2: 12 – кв. 21; 15 – кв. 11.

17 – Каменноостровский могильник, курган 1 – 1921 г. (по В.И. Козенковой, 1998)

Змейское (Северная Осетия) и Бамутское (Чечня) поселения (Маслов, 2015. С. 253. Рис. 7, 4, 5).

Аналогичные материалы представлены также на поселении Кишпек-2. К сожалению, это преимущественно мелкие осколки, которые не всегда позволяют судить об их орнаментации. Многочисленны донца (рис. 1, 4, 9, 13). Чаще всего полосы, оставленные «многоконечными орнаментами», размещались под углом, реже горизонтально и создавали довольно замысловатый узор. Характерен зигзаг – вертикальный (рис. 1, 14, 15), но обычно, горизонтальный, из отрезков, которые сходились под острым (рис. 1, 1, 3, 5–8, 10–12, 16), а иногда, почти прямым (рис. 1, 2) углами. В состав узора нередко вводились «столбики» из вертикальных отрезков, собранных в группы (рис. 1, 5, 10, 12, 14, 16). Более полное представление об орнаментальных композициях такого типа дает целиком сохранившаяся большая чаша с «узором, нанесенным инструментом» с тремя шипами (рис. 1, 17). Она происходит из кургана 1, изученного «в 1921 г. близ Каменноостского на Малке». «Биметаллический кинжал и другие выразительные предметы» датируют погребение временем перехода от новочеркасской стадии к раннескифской – 1-ая пол. VII в. до н. э. (Козенкова, 1998. С. 97–98. Табл. XXXV, 18).

Немалая часть мисок нашей коллекции никак не орнаментирована, либо украшена очень скромно: один, иногда, два ряда, частых наклоненных вправо некрупных оттисков (насечка, продолговатые углубления, наколы). Иногда использовались более характерные для горшков грубые горизонтальные спаренные бороздки (Мокрушин, Нарожный, 2019, С. 214. Рис. 1, 14). Отмечена косая сетка в рамке и без нее, с ячейками ромбической формы.

Часто рассматриваемые гончарные изделия, как и «парадные корчаги», нарядно декорировались аккуратными одинарными тонкими резными линиями; из них создавались эффектные композиции из плотно заштрихованных изнутри геометрических фигур, в основном – низких и высоких треугольников.

Верхнюю кромку узора нередко завершал ряд близко соприкасавшихся между собой мелких вдавлений. Преимущественно применялись семечковидные оттиски (рис. 1, 6, 8, 10, 12), почти всегда наклоненные верхним концом влево. Их могли заменять округлыми наколами (рис. 1, 11, 16), узкими насечками (рис. 1, 7), овальными ямками (рис. 1, 17).

Очень редко на мисках «с С-видным» верхним краем встречается горизонтальный «ленточный» пояс – часто поставленные короткие тонкие косые насечки, заполнявшие узкую (3–8 мм) «дорожку» между двух процарапанных по сырой глине параллельных линий. Такой орнаментальный прием традиционен для западнокубанской культуры, где часто выявляется на мисках с «округло-ребристым» туловом в сочетании с группами вертикальных отрезков (Мокрушин, Нарожный, 2021. Рис. 1, 11, 12).

Литература

- Козенкова В.И. 1998. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант. // САИ. Вып. В2-5. Т. 5. М.
- Маслов В.Е. 2015. Керамика Центрального Предкавказья в раннескифское время // Современные подходы к изучению древней керамики в археологии. Международный симпозиум (29–31 октября 2013 г., Москва). М.
- Мокрушин В.П., Нарожный Е.И. 2018а. «Кишпек-2» – поселение предскифского времени (Центральное Предкавказье) // МИА Северного Кавказа. Вып. 16. Армавир-Краснодар.
- Мокрушин В.П., Нарожный Е.И. 2018б. Торгово-производственный пункт предскифского времени в окрестностях Нальчика // «Анфимовские чтения». Материалы международной археологической конференции. Вып. VIII. Краснодар.
- Мокрушин В.П., Нарожный Е.И. 2019. Население Центрального Предкавказья VIII–VII вв. до н. э. (по материалам поселения Кишпек-2) // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции). Материалы международной конференции. Т. II. СПб.
- Мокрушин В.П., Нарожный Е.И. 2021. Новые археологические материалы из раскопок поселения Кишпек-2 (Кабардино-Балкария) // МИА Северного Кавказа. Вып. 19. Армавир; Карачаевск.

К ВОПРОСУ ОБ УРБАНИЗАЦИИ АНТИЧНОЙ ГАБАЛЫ

Мустафаев Л.Х.

*Национальный музей истории Азербайджана, г. Баку
Азербайджанский государственный педагогический университет, г. Баку*

Представления о становлении раннего государства и формирование городской культуры на территории Северного Азербайджана напрямую связано с исследованиями античной Габалы, центрального города первого государства на территории Азербайджана. Габала – это настоящее сокровище древней истории Азербайджана, памятник ранней государственности и городской культуры. Археологическое исследование Габалы позволяет изучать эволюцию материальной культуры Кавказской Албании: быт и хозяйственную жизнь населения, архитектуру и технику строительства, экономические, торговые и межкультурные связи, религиозно-философское мировоззрение, развитие различных областей ремесла, военную организацию.

Многолетние исследования, проводимые на месте древнего города, носили комплексный характер. Благодаря научной информации, собранной в ходе историко-археологического анализа города и его окрестностей, уточнены принадлежность и хронология материальных источников, обнаруженных в античной Габале.

Период формирования Габалы как города тесно связан с событиями IV в. до н. э. После падения империи Ахеменидов обращает на себя внимание создание городской инфраструктуры (Древнего города) на поселении Чаггаллы (Babayev, Əhmədov, 1981; Babayev, 1990; Babayev et al., 2017a. S. 194–196). Однако в последнее время вокруг Габалы ведутся дискуссии. Причиной тому являются новые археологические находки и особенности культурных слоев, зафиксированные здесь в последние годы.

Обнаружение в нижних слоях древнего города образцов материальной культуры и культурных слоев, относящихся к железному, а иногда позднебронзовому – раннему железному веку, вызывает споры о происхождении города и его хронологии. Так, наряду с находками эпохи поздней бронзы-раннего железа на IV раскопе были открыты расположенные в ряд хозяйственные ямы (Babayev, Mustafayev, 2017. S. 6–11; Babayev et al., 2015. S. 411; 2017b. S. 49–50; Мустафаев, Гейдарова, 2018. С. 7–16), которые относятся к началу первой четверти I тыс. до н.э. (некоторые находки относятся к эпохе поздней бронзы - раннего железа). Однако на других раскопах города такая ситуация наблюдается редко или вообще отсутствует.

Античный город расположен на равнинной территории и занимает площадь более 50 гектаров. Археологические исследования, полученные артефакты и современные этнографические наблюдения показывают, что на протяжении нескольких тысячелетий население этих территорий занималось скотоводством и земледелием. Об этом свидетельствуют хозяйственные ямы позднего бронзового – раннего железного века, хозяйственный склад на раскопе III, состоящий из останков более 200 тарных кувшинов, расположенных в ряд, датированный IV–III вв. до нашей эры (Babayev et al., 2013. S. 367–374; Мустафаев, Гейдарова, 2018. С. 7–16)

Причина споров связана с анализом и идентификацией археологических находок. Следует отметить, что античный город прекратил свое существование ещё в первые века нашей эры. Нашествие аланов полностью разрушило городскую жизнь. Однако с какого периода найденные артефакты говорят нам о том, что поселение стало классическим городом?

В недавних публикациях приведены сведения, что городской тип проживания на территории Античного города существовал уже в VIII–VII веках до нашей эры (Müseybli, Axundova, 2022. S. 23). Однако хотя на памятнике известны следы проживания и разнообразные хозяйственные остатки как позднего бронзового века, так и раннего железного века, пока не были

обнаружены ни постройки этого периода, ни жилые постройки, относящиеся к IX–VII векам до н.э., не говоря уже о общественных зданиях, характерных для городской инфраструктуры.

Значимые для городской культуры общественные здания мы можем проследить лишь начиная с III в. до н.э. и в I в. н.э. На I и V участках раскопок известны овальные и другие крупные общественные здания. – овальные постройки (III век до н.э.) и винный погреб IV–III века до нашей эры (Səbiyev et al., 2022. S. 31–32). Период его создания указывается как V в. до н.э. Последнее общественное здание овальной формы № 5, построенное в I веке нашей эры, было обнаружено в 2017 г. (Babayev et al., 2018. S. 226–233).

Однако каких-либо серьезных аргументов, в пользу формирования городской культуры в V в. до н.э. не приводится (Kwon Ohyoung et al., 2021. С. 37–38). Теоретическое обоснование и постановка проблемы не соответствуют характеру памятника и исследованиям, проводимым в этой области. На IV раскопе обращает на себя внимание отсутствие в культурных слоях материала ранее IV–III веков до н.э. Этот факт требует осторожности при анализе вопросов, связанных с проблемой возникновения городского центра.

Влияние империи Ахеменидов VI–V вв. до н.э. слабо заметно на левом берегу реки Куры. В ранние периоды правления Ахеменидов Античный город не был классическим городом, поскольку само по себе наличие следов жизни и построек еще не означает существования классического города. Наличие на археологическом памятнике хозяйственных ям и фрагментов керамики, каменных и других орудий труда, относящихся к позднему бронзовому -раннему железному веку, сами по себе не являются признаками функционирования города.

Процесс появления города совпадает с последними периодами правления Ахеменидов. Факты показывают, что классический город сформировался в IV в. до н.э. на территории древнего поселения. Для периода конца V – начала IV вв. до н.э., можно ставить вопрос лишь о зарождении здесь городской жизни. С IV–III вв. до нашей эры до I в. н.э. Кабалака (Античный город) был достаточно крупным и развитым городским центром. В «Естественной истории» Плиния Великого (I век до н.э.) Кабалака представлена как центральный город Албании (*“praevalent oppida Albania Cabalaca”*) (H.N. VI.29) (Латышев, 1949. С. 297).

Литература

- Бабаев И.А. 1990. Города Кавказской Албании в IV в. до н.э.- III в.н.э. Баку.
- Латышев В.В. 1949. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Часть вторая. Латинские писатели (продолжение) // Вестник древней истории. № 2 (28).
- Мустафаев Л.Х., Гейдарова У.Р. 2018. Археологические находки эпохи поздней бронзы и раннего железа из Античного городища Габала // Проблемы истории, филологии, культуры. 4(62), Москва-Магнитогорск-Новосибирск.
- Babayev İ., Ağamalyeva S., Mustafayev L., Heydərova Ü., Hüseynova S. 2018. Qəbələnin Antik şəhər ərazisinin V qazıntı sahəsində aparılan arxeoloji tədqiqatlar // Milli Azərbaycan Tarixi Muzeyi-2018, Bakı.
- Babayev İ.A., Əhmədov Q.M. 1981. Qəbələ. Bakı.
- Babayev İ.A., Mustafayev L.X., İsmayılov R., Alışov N.Ə. 2013. Beynəlxalq Qəbələ arxeoloji ekspedisiyasının Antik Qəbələ dəstəsinin apardığı çöl-tədqiqat işləri (Qəbələ rayonu) // Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar-2012. Bakı.
- Babayev İ., Mustafayev L. 2017. Antik şəhərin IV qazıntı sahəsindən əldə edilən Son Tunc – Erkən Dəmir dövrünə aid maddi mədəniyyət nümunələri // Muzey, arxiv və kitabxanalarda qorunan milli dəyərlərin tədqiqi, təbliği, mühafizəsi və bərpası”. I Respublika elmi konfransının materialları. Bakı.
- Babayev İ.A., Nəcəfova İ., Mustafayev L.X., Alışov N.Ə., Hüseynov S.A. 2015. Qəbələ arxeoloji ekspedisiyası Antik Qəbələ dəstəsinin tədqiqat işləri haqqında // Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar 2013–2014. Bakı.
- Babayev İ., Nəcəfova İ., Məmmədova B., Heydərova Ü., Mustafayev L. 2017a. 2015-ci ildə Qəbələnin Antik ərazisində aparılmış arxeoloji tədqiqatların qısa hesabatı // Qəbələ arxeoloji ekspedisiyası: Hesabatlar, tapıntılar 2015-2016. Bakı.

- Babayev İ.A., Nəcəfova İ.M., Heydərova Ü.M., Mustafayev L.X.* 2017b. Qəbələ arxeoloji ekspedisiyası Antik Qəbələ dəstəsinin çöl tədqiqat işləri haqqında // Azərbaycanca arxeoloji tədqiqatlar – 2015–2016. Bakı.
- Cəbiyev Q., Kwon Ohyoung, Kim Jongil, Nəcəfova İ.M., Abbasova E., Son Jaehyun.* 2022. Azərbaycan–Koreya Qəbələ beynəlxalq arxeoloji ekspedisiyası tədqiqatlarının bəzi nəticələri // Qafqaz Albaniyasının etno-mədəni irsi (məqalələr toplusu), № 3. Bakı.
- Kwon Ohyoung, Cəbiyev Q., Kim Jongil, Nəcəfova İ.M., Sohn Jaehyeon.* 2021. Qafqaz Albaniyasında şəhərsalma elementləri Qəbələnin arxeoloji tədqiqi Kontekstində // Qafqaz Albaniyasının etno-mədəni irsi (məqalələr toplusu), № 2. Bakı.
- Müseibli N., Axundova G.* 2022. Albaniya dövlətinin tarixi kökləri məsələsinə dair // Qafqaz Albaniyasının etno-mədəni irsi (məqalələr toplusu), № 3. Bakı.

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ТОПОРЫ-ТЕСЛА ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ – НАЧАЛА РАННЕГО ЖЕЛЕЗА С ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Пелих А.Л.

Армавирский государственный педагогический университет, г. Армавир

С территории Северного Кавказа известно две группы тесел, которые можно отнести к периоду поздней бронзы – началу раннего железа: тесла трапециевидные и тесла с цапфами.

Трапециевидные тесла известны на всем протяжении рассматриваемого времени. В регионе локализуются 23 тесла и их литейные формы, целые и фрагментированные, этой группы, датируемые позднебронзовым временем (далее – ПБВ). Еще 4 происходят их комплекса явно северокавказского происхождения – Ростовского клада. 3 тесла и обломок литейной формы обнаружены в комплексах к северо-западу от региона. При этом абсолютное большинство трапециевидных тесел в регионе датируется поздними этапами ПБВ. К началу раннежелезного времени относятся лишь 3 подобных предмета, из могильника Сержень-Юрт. Примечательно, что в многочисленных материалах протомеотской группы памятников мы подобных предметов не знаем: тесла (как трапециевидные, так и с цапфами) в начале эпохи раннего железа есть только в комплексах к востоку от верховьев р. Кубань.

При систематизации северокавказских топоров-тесел финала бронзы и начала раннего железа обычно используют их классификацию, предложенную В.И. Козенковой. Описываемые нами предметы по этой схеме относятся к I типу – топоры-тесла с узким обухом, удлиненно-трапециевидные (Козенкова, 1982. С. 7; 1998. С. 12).

Ряд исследователей показал, что самым надежным средством классификации восточно-европейских тесел эпохи бронзы является корреляция их параметров по схеме, предложенной С.Н. Братченко. В основу этой классификации положена корреляция двух индексов: индекс А учитывает пропорциональное соотношение длины орудия к ширине его лезвия ($A = L/S1$); индекс В – соотношение ширины лезвия к ширине обуха ($B = S1/S2$). Первый индекс (А) демонстрирует общие пропорции орудий, а второй (В) – степень скоса их боковых граней (Братченко, 1996. С. 48. Рис. 9; Бочкарев, 2010. С. 197. Рис. 7; Бочкарев и др., 2022. С. 57. Рис. 3; Дергачев, 2011. С. 209–216. Рис. 135).

Исходя из этой корреляции можно выделить особый бекешевский тип тесел, с индексами А 1,9–4,2 и В 1,7–2,6 (Бекешевская, Змейская, Кяфар, Майртуп, Отрадненский музей, Ростов, Светловодское, Упорная, Ессентукская, Замок, Кнышевка, Мындрешти). Этот тип тесел занимает нишу между выделенными В.С. Бочкаревым ульяновским и костромским типами. Тесла бекешевского типа, в сравнении с теслами предшествующего периода с рассматриваемой территории, становятся короче, и скос боковых граней у них уменьшается.

Кроме того, с Северного Кавказа известно 16 тесел с боковыми выступами – цапфами. Самая распространенная среди специалистов по Северному Кавказу схема систематизации топоров-тесел финала бронзы и начала раннего железа – схема В.И. Козенковой (Козенкова, 1998. С. 13). Описываемые нами предметы по ее классификации относятся, с определенными допусками, к II и III типам. II тип – топоры-тесла удлиненно-трапециевидной формы с двумя остроугольными выступами-плечиками и закругленным лезвием (Березовский, Боргустанская, Сержень-Юрт). III тип – топоры-тесла с тупоугольными выступами-плечиками, сильно вогнутыми боковыми гранями и широким закругленным лезвием (Верхний Курп, Грушевское, Индустрия, Константиновская, Краснодарский музей, Нальчик, Терезе, Эшкакон). При этом традиционная датировка XIII–XII вв. до н.э. тесла из т.н. погребения № 3 близ Константиновской представляется сомнительной. Наиболее ранние из северокавказских тесел

с цапфами датируются поздними этапами ПБВ региона, бекешевским и ольгенфельдским. А большая их часть четко относится к позднему предскифскому периоду.

Плоские топоры с боковыми выступами характеризуют бронзолитейное производство колхидской группы памятников, являясь аргументом контактов Северного Кавказа с Закавказьем, что обозначил еще А.А. Иессен (Иессен, 1951. С. 84) и аргументированно показала Т.Н. Нераденко (Нераденко, 1988. С. 11).

Литература

- Бочкарев В.С.* 2010. Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. СПб.
- Бочкарев В.С., Климушина А.И., Кожуховская Ю.В., Полевода В.А.* 2022. Новый клад металлических изделий эпохи бронзы из Северо-Западного Крыма // Археологические вести. Вып. 37.
- Братченко С.Н.* 1996. До проблеми ранньобронзової індустрії Східної Європи // Древние культуры Восточной Украины. Луганск.
- Дергачев В.А.* 2011. Топоры-кельты поздней бронзы Карпато-Подунавья. Вып. 2: Кельты и серпы Нижнего Подунавья. Кишинэу.
- Иессен А.А.* 1951. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. М.; Л.
- Козенкова В.И.* 1982. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант. М.
- Козенкова В.И.* 1998. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант. М.
- Нераденко Т.Н.* 1988. Связи племен Северного Кавказа с населением Центрального Закавказья и цивилизаций Древнего Востока в конце II – начале I тысячелетия до н. э.: автореферат дис. ... канд. ист. наук. Киев.

МОГИЛЬНИК ЗАЮКОВО-3: ВООРУЖЕННЫЕ СТОЛКНОВЕНИЯ И БЫТОВОЙ ТРАВМАТИЗМ У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗЛИЧНЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР¹

Перевозчикова А.А., Березина Н.Я.

НИИ и Музей антропологии МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва

Работа выполнена в рамках плановой темы «Антропология евразийских популяций (биологические аспекты)» № ЦИТИС АААА-А19-119013090163-2.

Травматические повреждения костей являются качественным индикатором степени агрессивности среды как внутри популяций, так и в рамках межпопуляционного взаимодействия. Травматизм косвенно отражает величину стрессовой нагрузки, а также характер и уровень физической активности в группе (Ражев, 2009; Tucker et al., 2017). Детальная работа с упомянутыми признаками позволяет получить дополнительную информацию об образе жизни древнего населения. Повышение частоты встречаемости травм может выступать косвенным подтверждением смены климатогеографических условий, что провоцирует массовые переселения и военные столкновения.

В данной работе оценка травматических повреждений проводилась в контексте обсуждения преемственности хронологически последовательных культур. Оценка частоты и типа травматических повреждений применялась не только в качестве основы для сравнительного анализа групп различных археологических культур, но также в качестве дополнительного индикатора экзогенного стресса наряду с абиотической и биотической компонентами окружающей среды, степени напряженности межличностных отношений внутри и между группами.

Наглядным примером подобной проблематики может служить погребальный комплекс Заюково-3. Раскопки проводятся Кадиевой А.А. и Демиденко С.В. с 2014 года в рамках ОСКАЭ ГИМ, КБГУ и ИА РАН (Кадиева, Демиденко, 2017). Данный могильник функционировал с VIII в. до н.э. по VII в. н.э., что представляет собой исключительную редкость и вызывает огромный интерес с точки зрения возможности применения большого количества современных методов исследований и решения целого пласта антропо-археологических задач. Представленное исследование включает в себя захоронения финального этапа кобанской археологической культуры (VIII–V вв. до н.э.), перехода к сарматскому времени (I–III вв. н.э.) и аланской эпохи (V–VII вв. н.э.). Материалы некрополя позволяют обратиться к проблемам преемственности трех основных археологических культур, а также к проблемам статуса здоровья нативного населения и мигрантов, выявлению их взаимного влияния и контекста их взаимодействий, степени приспособленности к окружающей среде.

На данный момент на предмет травматических повреждений исследовано 95 индивидов: 16 скелетов принадлежат представителям кобанской культуры, 37 костяков соответствуют сарматскому времени, а оставшиеся 28 отнесены к аланской группе. В связи со сложностью проведения археологических работ, а также спецификой устройства и эксплуатации погребального комплекса фиксируется еще 14 скелетов, установить точную датировку для которых

¹ Исследование проводилось с использованием оборудования ЦКП МГУ «Технологии получения новых наноструктурированных материалов и их комплексное исследование», приобретенного МГУ по программе обновления приборной базы в рамках национального проекта «Наука».

Отдельную благодарность выражаем Анне Анатольевне Кадиевой, научному сотруднику Отдела археологических памятников Государственного исторического музея, руководителю экспедиции ОСКАЭ в Кабардино-Балкарии, а также к.и.н. Сергею Викторовичу Демиденко, научному сотруднику отдела скифо-сарматской археологии ИА РАН.

представляется затруднительным. Для последующей дифференциальной диагностики в ходе работы отмечались индивидуальные особенности индивидов (травматические повреждения, воспалительные процессы). Для дифференциальной диагностики патологических состояний проводились дополнительные исследования с использованием микрофокусного рентгеновского аппарата ПРДУ-02 и цифрового микроскопа высокого разрешения HIROX-2000, на базе НИИ и Музея антропологии МГУ. Половозрастные определения осуществлялись по классической методике (Алексеев, Дебец, 1964).

По предварительным итогам работы с данной коллекцией удалось обнаружить травматические повреждения различного характера. Для представителей кобанской культуры у 3 из 16 индивидов обнаружены переломы длинных костей верхнего пояса конечностей (мужчина, 55+; женщина, 40+) и один перелом носовой кости (женщина, 40+). Среди сарматской части выборки обнаружен более широкий спектр травматических повреждений, включающий удары, нанесенные тупыми предметами и рубящим оружием (рис. 1), компрессионные переломы поясничного отдела позвоночного столба, травмы пястных костей, маршевые переломы, переломы носовых костей. Помимо этого, в коллекции встречаются травматические маркеры бытового характера, с большой вероятностью связанные с особенностями ведения хозяйства. Таким образом, травматические повреждения встречаются у одной пятой части сарматской выборки (табл. 1).

Табл.1. Частоты встречаемости травматических повреждений среди представителей различных археологических культур

% травм	Кобанцы	Сарматы	Аланы
от общего числа индивидов	3/16 (18,8%)	7/37 (19%)	5/28 (18%)
от общего числа взрослых индивидов (14+)	3/14 (21%)	7/37 (19%)	4/18 (22%)
% в мужской части серии	1/5 (20%)	5/11 (45,5%)	3/13 (23%)
% в женской части серии	2/7 (28,6%)	2/14 (14%)	1/5 (20%)
% в детской части серии	0/2 (0%)	0/11 (0%)	1/10 (10%)

В одном из погребений аланского времени был обнаружен мужчина с признаками декапитации на шейных позвонках и нижней челюсти, а также травмой, нанесенной оружием рубящего типа в область затылочной кости. На том же костяке отчетливо выражено ромбообразное отверстие в области крестца, предположительно являющееся следом от попадания стрелы. При этом данные повреждения скелета могут свидетельствовать о наличии вооруженных конфликтов как внутри группы, так и между представителями сменяющихся культур. Среди взрослой части выборки также встречаются сложные переломы длинных костей, переломы ребер, переломы шейки бедра, зажившие удары, нанесенные рубящим оружием. У детской части выборки (9–12 лет) отмечены травмы, нанесенные тупыми предметами. Таким образом у 5 индивидов, относящихся к аланской части серии, были зафиксированы травмы (3 мужчины, 1 женщина, 1 ребенок). Характер и частота встречаемости травматических повреждений отражает наличие социальных конфликтов и особенностей быта. Так, внутри кобанской выборки преобладают травмы бытового характера, сарматская общность демонстрирует военизированный комплекс повреждений, а аланская эпоха тяготеет к более ожесточенным конфликциям, которые затрагивают и детскую часть выборки. Данное исследование позволяет выявить различия в степени негативного социального воздействия на представителей различных культур, последовательно существовавших на одной территории.

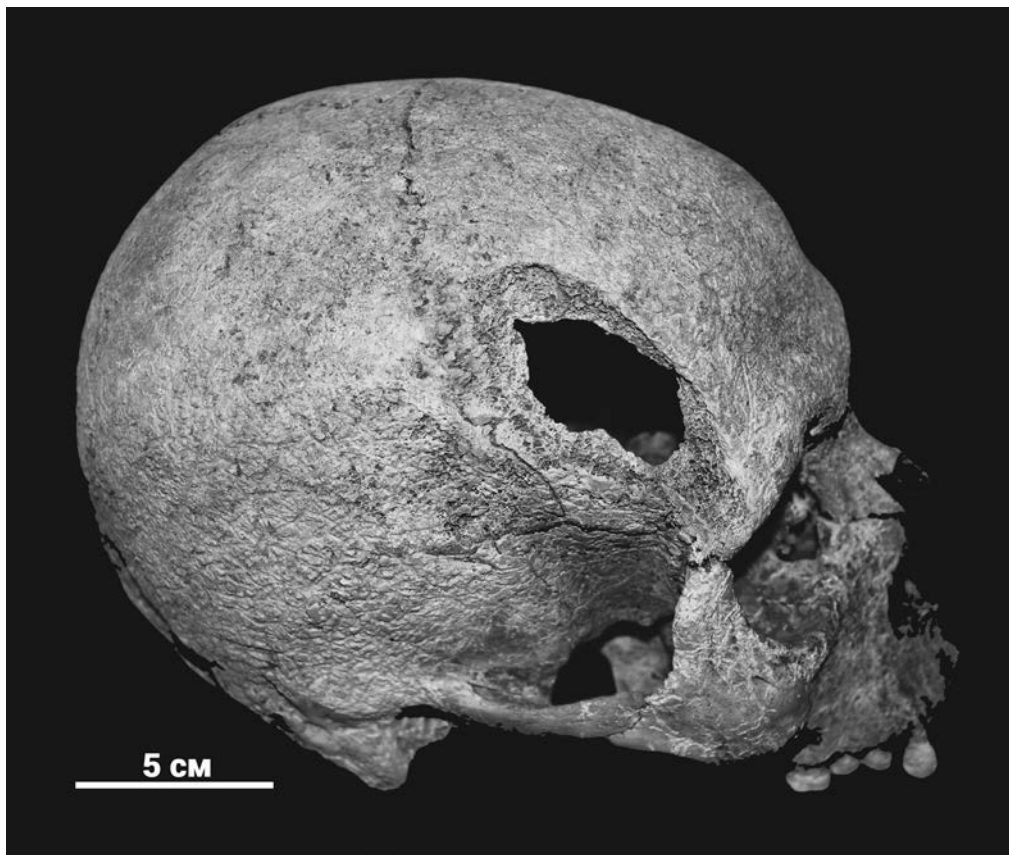

Рис. 1. Череп мужчины (25–35 лет, II–III вв., п. 264 к. 1)

Литература

- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф.* 1964. Краниометрия: Методика антропологических исследований. М.
- Кадиева А.А., Демиденко С.В.* 2017. Раскопки комплекса археологических памятников близ селения Заюково (Кабардино-Балкарская республика) // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. Вып. 2.
- Ражев Д.И.* 2009. Биоантропология населения саргатской общности. Екатеринбург.
- Tucker K., Berezina N., Reinhold S., Kalmykov A., Belinskiy A., Gresky J.* 2017. An accident at work? Traumatic lesions in the skeleton of a 4th millennium BCE “wagon driver” from Sharakhalsun, Russia // *Homo*. 68 (4).

К ВОПРОСУ О КОЛЬЦЕВЫХ СВЯТИЛИЩАХ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ

Прокопенко Ю.А.

Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь

За последние 40 лет накоплен значительный материал о новом типе археологических памятников Центрального Предкавказья – конструкциях, имеющих кольцевую структуру. Известно о более 50 таких сооружениях. Они круглые в плане или имеют овальную форму (Охонько, 1988. С. 254, 257–258; Прокопенко, 2022. С. 121–149). Центр конструкции занимает округлая в плане площадка окруженная рвом и валом. Вал расположен с внешней стороны от рва и насыпан грунтом, выкопанным из рва (рис. 1).

Сходные валообразные кольцевые сооружения – святилища выявлены в степных районах Южного Приуралья – на территории Оренбургской и Челябинской областей Российской Федерации, а также в Западно-Казахстанской и Актюбинской областях Республики Казахстан (Смирнов, Попов, 1969. С. 210–216; Мошкова, 1984. С. 196–201; Гуцалов, 1998. С. 138–151; Малашев, Яблонский, 2008; Моргунова, Купцов, 2017. С. 80–85). Известны подобные сооружения и на территории Украины – в бассейне р. Ингул (Мельник, Стеблина, 2012. С. 170) и в Нижнем Подонье (Беспалый, Лукьяшко, 2008. С. 88; Файферт, 2021).

В Центральном Предкавказье, кроме валов из грунта, в ряде случаев вал сооружения состоял из рваного камня (кург. № 2 могильника № 2 Татарского городища (южные окрестности г. Ставрополя); скл. Каменная могила (окрестности г. Железноводска) (Прокопенко, 2022. С. 130–131. Рис. 1А; 14, 1); святилища на северо-западном подножии г. Верблюды (окрестности г. Железноводска). Выявленные здесь материалы суммарно датируются VI–II вв. до н.э. (Рудницкий, Фоменко, 2005. С. 29–31).

Овальные сооружения обычно вытянуты по линии север-юг, имеют диаметр от 20 до 150 м. Размер площадки внутри рва и вала по линии север-юг от 10 до 80 м. В отдельных случаях конструкции имеют проходы во внешнем вале (сооружение поблизости от скифского кургана (1984 г.) – юго-западный р-он г. Ставрополя – 2 прохода; ст. Воровсколеская – 3 прохода) (Брилева, 2022. С. 235. Рис. 5; Белинский и др., 2012. С. 29).

В ряде случаев на площадках внутри сооружений найдены бронзовые и железные предметы раннего железного века. Предметы конского убранства (бронзовые налобники, железные удила и псалии, фрагменты жреческого жезла и др.) III–II вв. до н.э. выявлены в процессе исследования подобного памятника на правом берегу Большого Зеленчука (окрестности станицы Исправная). Несколько железных предметов конской упряжи (удила и псалии) и бронзовая пряжка III–II вв. до н.э. обнаружены в кольцевом сооружении в окрестностях ст. Суворовской. Фрагменты бронзовых сосудов I–II вв. н.э. найдены на площадке внутри вала у ст. Воровсколеской (Прокопенко, 2022. С. 122–123). В подобных святилищах, кроме предметов конской упряжи, конские налобники и пластинчатые нащечники могут быть в количестве 1–5 – 30 экз. (святилища: Редутка, Тамбукан (около 20 экз.), у ст. Исправная (6 экз.), у ст. Марьинская (около 10 экз.), у ст. Орбельяновская (не менее 10 экз.), к западу от г. Железноводск (фрагменты нескольких экз.), у о. Вшивое (юго-восточные окрестности г. Ставрополя) (фрагменты не менее 10 экз.). Пластинчатые нащечники зафиксированы (в комплексе с налобниками) в святилище у ст. Марьинская, в святилище Редутка (у Черкесского водохранилища) – 16 пар и др.

Таким образом, перечисленные материалы, происходящие из кольцевых сооружений, наглядно свидетельствуют в пользу точки зрения Н.А. Охонько – такие объекты являются

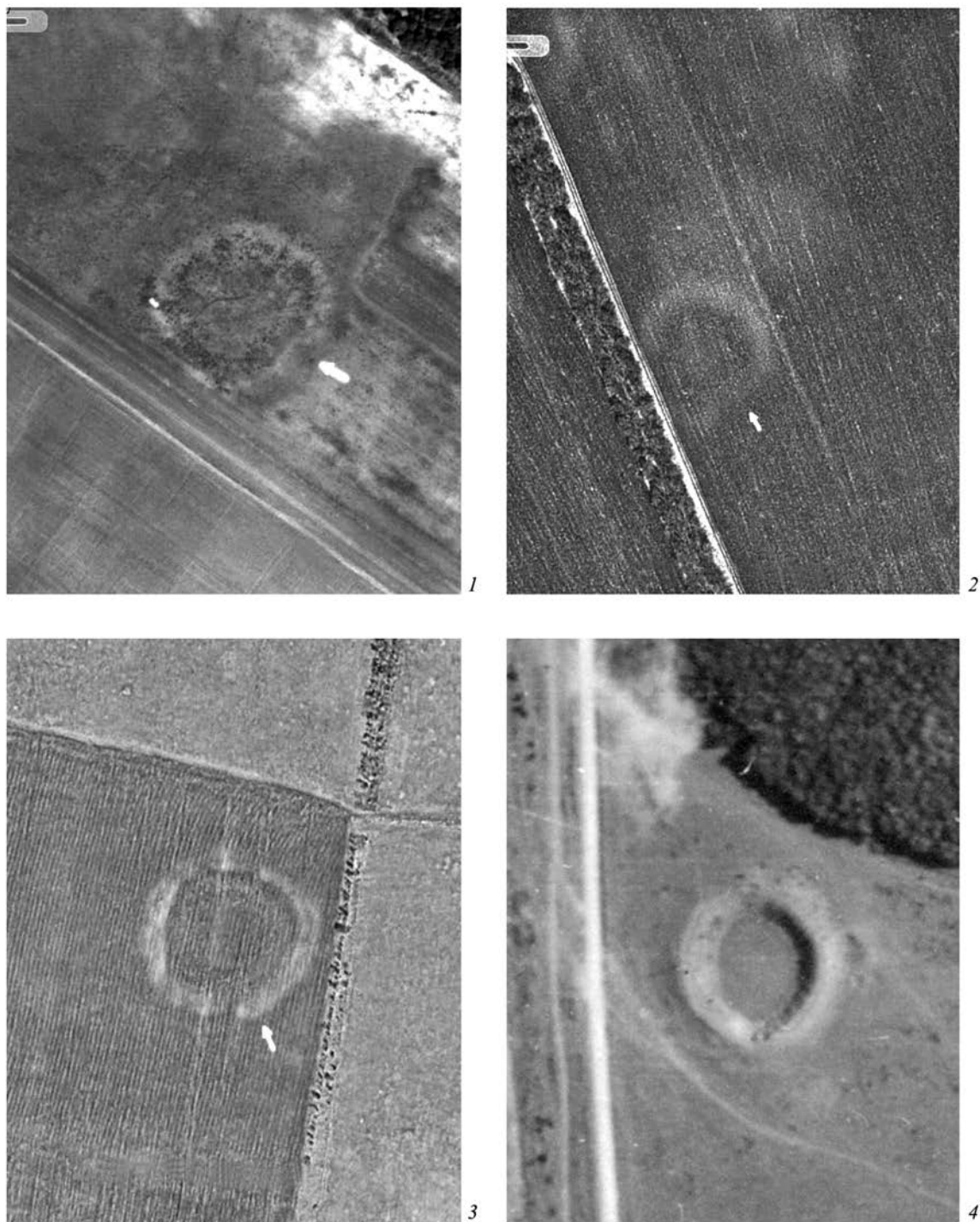

Рис. 1. Кольцевые святилища из памятников Центрального Предкавказья:
1 – у ст. Исправной; 2 – у ст. Суворовской; 3 – у ст. Воровсколесской; 4 – фрагмент дороги от г. Ставрополя к с. Татарка на аэрофотосъемке люфтваффе от 6.08.1942 г. (по: Брилева, 2022)

культовыми памятниками – святилищами периода раннего железного века. Первые культовые кольцевые сооружения возникают в скифский период. Но основная часть подобных сооружений (с рвами внутри кольца вала), судя по материалам, выявленным в святилищах, датируется III–I вв. до н.э.

Литература

- Белинский А.Б., Фассбиндер Й., Райнхольд С.* 2012. Загадочные древние кольцевидные сооружения Северного Кавказа и европейские параллели // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XVII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Махачкала, 23–28 апреля 2012 г. Махачкала.
- Беспалый Е.И., Лукьяшко С.И.* 2008. Древнее население междуречья Дона и Кагальника. Курганный могильник у с. Высочино. Ростов-на-Дону.
- Брилева О.А.* 2022. Некоторые архивные материалы к истории изучения Татарского городища // Древности Северного Кавказа и прилегающих территорий. Научный альманах, посвященный 95-летию юбилею крупнейшего специалиста по аланской археологии и истории, доктора исторических наук В.А. Кузнецова. Из истории культуры народов Северного Кавказа. Вып. 15. Ставрополь.
- Гуцалов С.Ю.* 1998. Культурный комплекс на горе Желантау // Уфимский археологический вестник. Вып. 1. Уфа.
- Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т.* 2008. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время: по материалам могильника Покровка 10. М.
- Мельник О.О., Стеблина Г.О.* 2012. Курганы Криворіжжя. Кривий Ріг.
- Моргунова Н.Л., Купцов Е.А.* 2018. Кольцевое святилище сарматской культуры у поселка Переволоцкий // «Евразийский перекресток». Сборник материалов научно-практических мероприятий. Вып. 9. Оренбург.
- Мошкова М.Г.* 1984. Культурные сооружения Лебедевского могильника // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.
- Охонько Н.А.* 1988. «Археологические памятники Ставропольской возвышенности и вопросы заселения Центрального Предкавказья в древности и средневековье // МИСК. Вып. 15–16. Ставрополь.
- Прокопенко Ю.А.* 2022. Кольцевые святилища раннего железного века Центрального Предкавказья // Древности Северного Кавказа и прилегающих территорий. Научный альманах, посвященный 95-летию юбилею крупнейшего специалиста по аланской археологии и истории, доктора исторических наук В.А. Кузнецова. Из истории культуры народов Северного Кавказа. Вып. 15. Ставрополь.
- Рудницкий Р.Р., Фоменко В.А.* 2005. Археологические памятники у г. Верблюд. Пятигорск.
- Смирнов К.Ф., Попов С.А.* 1969. Сарматское святилище огня // Древности Восточной Европы. М.
- Файферт А.В.* 2021. Кольцевые курганы (хенджи) Нижнего Подонья // Теория и практика археологических исследований. Т. 33 (2).

КОЛЧАННЫЕ (ПОРТУПЕЙНЫЕ) КРЮКИ ИЗ ПАМЯТНИКОВ САРМАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ ДАГЕСТАНА (ПЕРВ. ПОЛ. I ТЫС. Н.Э.)

Саидов В.А.

Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, г. Махачкала

В захоронениях Северо-Восточного Кавказа исследуемого периода среди находок предметов вооружения хорошо представлены колчаные (портупейные) крюки, являвшимися деталями амуниции лучника. В настоящее время мы располагаем выборкой рассматриваемых изделий в количестве 10 экз., составленной по опубликованным материалам раскопок.

Колчаные (портупейные) крюки хорошо представлены как в ранних погребениях II–I вв. до н.э. Зеленоморского кургана-кладбища (погр. 13, 37, 54 и разрушенное погр. 1985 г. – всего 7 экз.), так и в поздних захоронениях могильников II–III вв. н.э.: Избербашского VI (разрушенное погр. 1), Ленинкентского (каменная гробница) и Сумбатлинского (могила № 8) (всего – 3 экз.).

Местоположение крюков удалось проследить только в трех случаях. В двух из них колчаные крюки находились (*in situ*) в области колена (погр. 13 и 54 Зеленоморского кургана-кладбища), в одном случае – в районе кисти руки (погр. 37 Зеленоморского кургана-кладбища). В основном они фиксируются в комплексах с другими предметами вооружения, такими как наконечники стрел, железные мечи и кинжалы (Зеленоморский курган-кладбище, погр. 15, 42; Избербашский VI могильник, разрушенное погр. 1; Сумбатлинский могильник, могила № 8). В нескольких случаях колчаные крюки находились вместе с деталями конской упряжи или рядом с ней (Избербашский VI могильник, разрушенное погр. 1; Сумбатлинский могильник, могила № 8).

Фиксировались колчаные крюки различными способами: посредством одного или двух отверстий в верхней части, а также при помощи прямой поперечной перекладки, расположенной у верхней части закраины стержня.

Все рассматриваемые изделия были откованы из массивного круглого или овального в сечении железного стержня. По форме, их следует отнести к одному типу – колчаные крюки стержневидной формы с загнутым утончающимся концом. Выделяются четыре варианта:

1) железные крюки с уплощенным расширением округлой формы верхней части – 3 экз. (рис. 1, 1). Размеры изделий: длина 5,0–5,7 см, *d* сечения прута ок. 1 см. Выявлены в погр. 13 и в разрушенном погр. 1985 г. Зеленоморского кургана-кладбища (Салихов, 1991. С. 134, 135). На одном экземпляре в середине имеется сквозное отверстие для крепления. Такой же крюк, сохранившийся частично, найден в каменной гробнице возле пос. Ленинкент г. Махачкалы (Салихов, 1991. С. 135).

2) железные крюки из прямого стержня с поперечной перекладкой в верхней части – 2 экз. (рис. 1, 2). Длина крюка составляет около 12 см, длина сохранившейся части перекладки – более 2 см. Выявлен в погр. 37 Зеленоморского кургана-кладбища (Салихов, 1991. С. 135). Фрагмент аналогичного крюка был найден в склепе Сумбатлинского могильника (Давудов, 1977. С. 123).

3) железный крюк удлиненно-треугольной формы, слегка раскован, с округлым расширением у верхней части стержня (рис. 1, 3). На раскованной части крюка имеются два небольших сквозных отверстия. Данный экземпляр происходит из погр. 57 Зеленоморского кургана-кладбища (Салихов, 1991. С. 135). Размеры: длина 9 см, сечение прута 0,3 × 1,7 см.

4) железный крюк с пластинчатым расширением в средней части стержня и загнутым утончающимся концом (рис. 1, 4). Длина крюка – 5,5 см, *d* сечения у загнутого конца – 0,3 см,

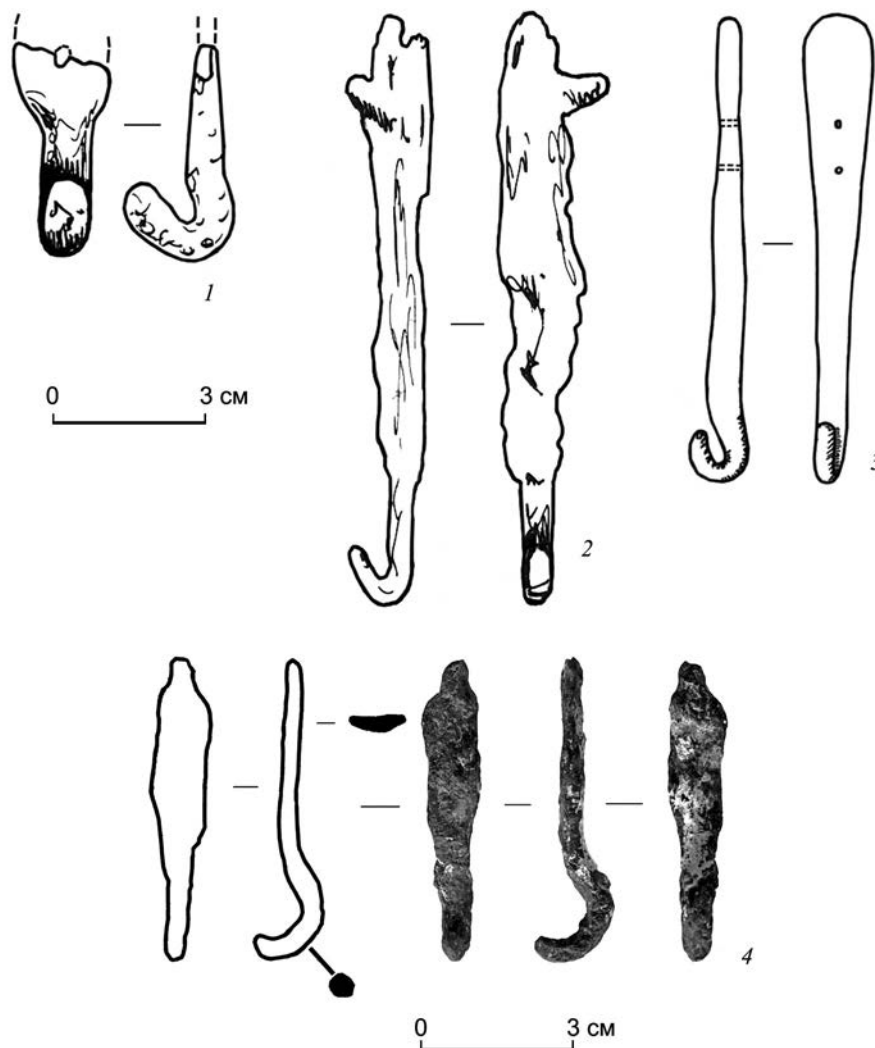

Рис. 1. Колчанные (портупейные) крюки с территории Дагестана:
 1–3 – Зеленоморский курган-кладбище (пп. 13, 37, 54); 4 – Избербашский VI могильник (п. 1)

ширина плоской части – 1 см. Крюк был обнаружен в разрушенном грунтовом погр. 1 Избербашского VI могильника (Магомедов и др., 2006. С. 133).

Стержневидные крюки являются частой находкой, например, как в ранних погребениях Нижне-Джулатского, Ханкальского могильников (IV в. до н.э. – III в. н.э.), так и в поздних комплексах Чегемского и Моздокского могильников (I–III вв. н.э.) (Абрамова, 1993. С. 76, 77, 165).

Подобные по форме и размерам крюки были зафиксированы в грунтовых и подкурганых погребениях II–I вв. до н.э. (могильник Нижний Джулат, погр. 29; могильник Ореховка, курган 2/4; Чегемский курган-кладбище, погр. 54). Известны они и в склеповых гробницах могильников Вербовский и Кабан-гора (Керефов, 1985. С. 196; Прокопенко, 2005. С. 168).

Выявленные на территории Дагестана колчаные крюки уходит корнями в савромато-сарматскую этнокультурную среду, учитывая их широкое распространение в памятниках Приуралья, Поволжья и Волго-Донского междуречья (IV–II вв. до н.э.). При этом отметим, что основная масса найденных на территории Дагестана крюков происходит из Зеленоморского кургана-кладбища, связываемого с пришлыми сарматскими племенами (7 экз.), тогда как в погребениях местного культурного облика обнаружено только 3 экз. крюков, и их распространение, несмотря на пока еще малую выборку, следует связать с влиянием племен сарматского круга.

Литература

- Абрамова М.П.* 1993. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.). М.
- Давудов О.М.* 1977. Сумбатлинский могильник // Древние памятники Северо-Восточного Кавказа. Махачкала.
- Керэфов Б.М.* 1985. Чегемский курган-кладбище сарматского времени // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1979 гг. Т. 2. Нальчик.
- Магомедов Р.Г., Гаджиев М.С., Давудов Ш.О., Бакушев М.А., Саидов В.А.* 2006. Раскопки Избер-башского VI могильника // Вестник ИИАЭ. № 3 (7).
- Прокопенко Ю.А.* 2005. Историко-культурное развитие населения Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н.э. Ставрополь.
- Салихов Б.М.* 1991. Предметы вооружения из погребений албано-сарматского времени Зеленоморского и Манаскентских курганов // Горы и равнины Северо-восточного Кавказа в древности и средние века. Махачкала.

ИТОГИ ОХРАННО-СПАСАТЕЛЬНЫХ РАБОТ
НА ПОСЕЛЕНИИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА
«КРЫМСКОЕ-3» В КРЫМСКОМ РАЙОНЕ
КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

Соков П.В.¹, Павличенко Н.А.², Цинько А.С.²

¹НАО «Наследие Кубани» г. Краснодар

²Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург

Изучаемый памятник располагается вблизи северной окраины г. Крымск, в 1,5 км восточнее хут. Весёлый, на пашне, занимает юго-западный склон слабовыраженного поднятия с высотами 6,04–7,19 м над уровнем моря, вытянут вдоль правого берега пересохшего русла старого водотока, направленного на север-северо-запад, в сторону небольшой низменности левобережной поймы реки Кубань, еще в недавнем прошлом заболоченной. Поселение размерами $\approx 270 \times 140$ м, площадью ≈ 37840 м², условно разделено на две части автомобильной дорогой г. Крымск – г. Славянск-на-Кубани. Памятник открыт ОАО «Наследие Кубани» в 2005–2008 гг. при составлении паспортов ОКН Крымского района. По результатам разведок 2015–2017 гг. М.В. Иванова и В.В. Матаева ООО «Археологическая экспедиция», были определены предварительные границы поселения и его датировка III–II вв. до н.э. Весной 2019 г. сотрудником ООО «ЗКАЭ» Ю.Г. Лунёвой осуществлялись разведки по уточнению юго-восточных границ памятника, где планировалась прокладка новой ветки Троицкого водопровода. Перед началом строительства летом 2020 года экспедицией НАО «Наследие Кубани» под руководством Сокова П.В. были проведены археологические раскопки участка поселения на площади 3315 м².

Раскоп, заложенный нами в 2020 г., неправильной трапециевидной формы размерами 129,12 \times 32,95 м, размечен сеткой квадратов 5 \times 5 м, в связи с особенностью расположения сопутствующих коммуникаций был ориентирован с отклонением к востоку на 13°. Всю изученную площадку сверху перекрывал мощный горизонт пахотной почвы, под которым находился уцелевший серый культурный слой толщиной до 0,24 м, в котором выявлен материал позднеклассического и эллинистического времени, представленный амфорной тарой, лепной керамикой и небольшим количеством столовой сероглиняной и красноглиняной посуды. Транспортные амфоры являлись продукцией основных античных центров-экспортеров на рынках Северного Причерноморья, таких как Хиос, Самос, Фасос, Книд и Гераклея, их время производства укладывается в хронологический интервал от конца V в. до н.э. до третьей четверти IV в. до н.э. Кроме того, вместе с частями столовой сероглиняной керамики первых веков н.э., из верхних слоев происходит незначительное количество узкогорлых светлоглиняных амфор I–III вв. н.э. типа «А», «С» (Шелов, 1978. С. 17–18; Абрамов, 1993. С. 45–46), а также фрагмент горла амфоры типа 104 (Зеест, 1960. С. 121–122. Табл. XLI).

В ходе работ открыто 13 грунтовых ям и один объект, представлявший собой вытянутую в широтном направлении трапециевидную в плане грунтовую яму размерами 8 \times 3,9 м, которая в центральной части была разрушена траншеей действующего водопровода. В обеих частях ямы находились углубления заполненные темным суглинком с прослоями золы, угля и обожженной глины. В восточной части, над одной из двух неглубоких ямок, обнаружена разбитая в древности гераклеяская амфора с клеймом на горле. Амфора относится к коническому типу (вариант II), который датируется С.Ю. Монаховым 370–350 гг. IV в. до н.э. Подобные амфоры обнаружены в комплексах Елизаветовского кургана, поселения у с. Николаевка, Горгииппии (Монахов, 2003. С. 133, 321. Табл. 93.1,2; Монахов и др., 2016. С. 154; 2019. С. 208–209). Клеймо: $\Gamma\acute{\alpha}\kappa\chi\omicron\upsilon \acute{\epsilon}\pi\iota \text{M}\upsilon\rho\acute{\iota}\lambda\lambda\omicron(\upsilon)$. Магистрат $\text{M}\upsilon\rho\acute{\iota}\lambda\lambda\omicron\varsigma$ до сих пор не был засвидетельствован в гераклеяских клеймах, но гончар $\Gamma\acute{\alpha}\kappa\chi\omicron\varsigma$ встречается в клеймах Амфикрата, Архиппа, Крония и Силена 330-х – 320-х гг. до н.э. (Монахов, 1999. С. 370–371; Кац, 2007.

С. 430). Клеймо $\Gamma\acute{\alpha}\kappa\chi\omicron\upsilon\ \acute{\epsilon}\lambda\iota\ \text{A}\rho\chi\acute{\iota}\lambda\lambda\omicron(\upsilon)$ присутствует в К. 8 Пятибратних курганов. С.Ю. Монахов первоначально датировал этот курган сер. 340-х – 1-й пол. 330-х гг. до н.э. (Монахов, 1999. С. 362), а затем 2-й пол. 350-х – рубежом 350-х/340-х гг. (Монахов, 2018. С. 332). Таким образом, находка этой амфоры позволяет еще раз задуматься об уточнении хронологии как самих гераклейских амфор, так и их клейм.

При изучении этого объекта собрана коллекция более чем из 600 предметов конца V – последней трети IV в. до н.э. Сюда входит небольшое количество фрагментов амфорной тары, качественной столовой сероглиняной керамики зачастую с лощеной поверхностью и фрагменты лепной посуды, занимающие в общей массе материала более половины. Фрагменты амфор из Книды и Хиоса, а также небольшое количество ручек средиземноморских амфор в целом можно датировать IV в. до н.э. Наиболее многочисленная группа лепной посуды представлена фрагментами горшков и мисок. Горшки двух типов. В первый входят сосуды без выделенного горла с едва намеченным и слегка отогнутым наружу венцом, часто с орнаментом из пальцевых вдавлений под венчиком. Горшки подобных форм обычно связывают с гончарной традицией северо-западной части Азиатского Боспора, существовавшей в период VI–I вв. до н.э. (Клемешова, 2021. С. 102–104). Второй тип лепных сосудов – горшки с гладким воротничком на венчике относят к VI–IV вв. до н.э., и возводят к традициям населения поздней бронзы Северного Кавказа (Клемешова, 2019. С. 315; 2021. С. 106). Аналогии мискам встречаются в комплексах правобережья Кубани и на сельских поселениях Таманского полуострова V–IV вв. до н.э. (Клемешова, 2019. С. 306).

Хозяйственные ямы в основе своей содержали крайне малочисленный материал, за исключением ям под № 9 и № 11, где обнаружены находки аналогичные объекту. Практически все ямы неглубоки, до 0,4–1 м, овальные и округлые в плане, в сечении – трапециевидные и подпрямоугольные, заполнены светло-серым или темным плотным суглинком с прослойками золы и комочками обожженной глины. Лишь одна яма, близкая в плане четырехугольнику, глубиной более 2 метров могла являться колодцем.

Таким образом, судя по материалам раскопа, изучаемый памятник характеризуется как неукрепленное сельское поселение, территория которого использовалась в раннем железном веке, по крайней мере, дважды: в конце V–IV в. до н.э. и I–III вв. н.э.

Литература

- Абрамов А.П.* 1993. Античные амфоры. Периодизация и хронология // Боспорский сборник. Вып. 3. М.
- Зеест И.Б.* 1960. Керамическая тара Боспора. М.
- Клемешова М.Е.* 2019. Типы лепной посуды поселения и некрополя Вестник-1 // Древности Боспора. Вып. 24. М.
- Клемешова М.Е.* 2021. Предварительные итоги изучения лепной керамики Азиатского Боспора VI в. до н.э. – III в. н.э. // *Nuraniis*. Вып. 3. М.
- Монахов С.Ю.* 1999. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II веков до н. э. Саратов.
- Монахов С.Ю.* 2003. Греческие амфоры в Причерноморье: типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. М.; Саратов.
- Монахов С.Ю.* 2018. Еще раз о датировке «царского» 8-го Пятибратнего кургана // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Вып. 2. Ростов-на-Дону.
- Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В., Федосеев Н.Ф., Чурекова Н.Б.* 2016. Амфоры VI–II вв. до н.э. из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Каталог. Керчь; Саратов.
- Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В., Чистов Д.Е., Чурекова Н.Б.* 2019. Античная амфорная коллекция Государственного Эрмитажа. СПб.
- Шелов Д.Б.* 1978. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология // КСИА. Вып. 156.

НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕОТСКОГО МОГИЛЬНИКА «ДУКМАСОВ-2» В АДЫГЕЕ

Спасская Н.Н.¹, Фризен О.И.², Эрлих В.Р.²

¹МГУ им. М.Ю. Ломоносова, г. Москва

²Государственный музей Востока, г. Москва

*Исследования и публикация выполнены при поддержке гранта РНФ № 22-18-00108
«Северный Кавказ в эпоху поздней бронзы и раннего железа: люди, кони, металл».*

В рамках вышеуказанного проекта РНФ в течение двух полевых сезонов 2022 и 2023 гг. исследовался грунтовый могильник «Дукмасов-2», являющийся частью археологического комплекса Дукмасов.

Могильник соответствует одному из наиболее крупных поселений меотской культуры площадью 53 га. Само поселение располагается в Шовгеновском районе Республики Адыгея (далее – РА) и частично в Белореченском районе Краснодарского края. Поселение хорошо заметно на аэрофотосъемке и космоснимках, на которых четко видны жилые холмы (остатки меотских жилищ), маркирующие древние улицы. Разведочные работы на этом городище были произведены в 2014 г. отрядом Кавказской археологической экспедиции Музея Востока под руководством Г.Л. Годизова. Сборы подъемного материала и шурфовка показали, что поселение относится к V–IV вв. до н.э. (Годизов, 2020. С. 57, 58. Рис. 1).

Во время разведок к северу от городища был открыт соответствующий ему могильник, находящийся на границе Шовгеновского и Красногвардейского районов РА. Могильник систематически подвергался разграблению, и при его обследовании в 2014 г. были обнаружены грабительские ямы.

За два полевых сезона 2022 и 2023 гг. на могильнике было вскрыто 380 кв. м. *Пятна могильных ям, как и у всех меотских могильников данного микрорегиона, нигде не прослеживались.*

Все обнаруженные в могильнике объекты находились на глубине от -50 см до -189 см от нулевого репера раскопа, за который был взят северо-западный угол сети квадратов.

Всего в раскопе 1 могильника Дукмасов-2 было обнаружено 42 погребальных и поминальных комплекса: 14 погребений, 16 ритуальных скоплений, 5 развалов керамики, 6 скоплений костей жертвенных животных и два конских погребения.

Среди 15 погребенных, обнаруженных в 14 открытых погребениях – 12 имели ориентировку в южный сектор, 2 погребенных – северную, один погребенный – западную. Следует отметить, что северную ориентировку имели два детских погребения (погребения 2 и 4). У детских погребений 1Б и 4 прослежено скорченное положение на правом боку.

Из других обрядовых признаков данного могильника следует отметить преднамеренное пробивание отверстий в днищах и стенках сосудов, символизирующее «смерть» предмета (рис. 1, 1), перевернутое положение некоторых сосудов в погребении, погребения с амфорами (погребение № 9), а также в целом большая доля импортной керамики. Все эти черты нехарактерны для расположенного в 10 км к северо-востоку синхронного Уляпского грунтового могильника (Лесков и др., 2005), а скорее сближают данный могильник с меотскими памятниками Средней Кубани – могильниками Прикубанский, Чернолесский, Пшиш-II и др. (Монахов и др., 2021. С. 23, 24; Иванов, Ломовский, 2023; Эрлих и др., 2005. С. 330). Интересной чертой обряда, аналогии которой нам не известны, является положение погребенного непосредственно на лошадь (погребение 8).

Это дает основание предположить, что по реке Гиаге проходила граница между территориями разных меотских племен.

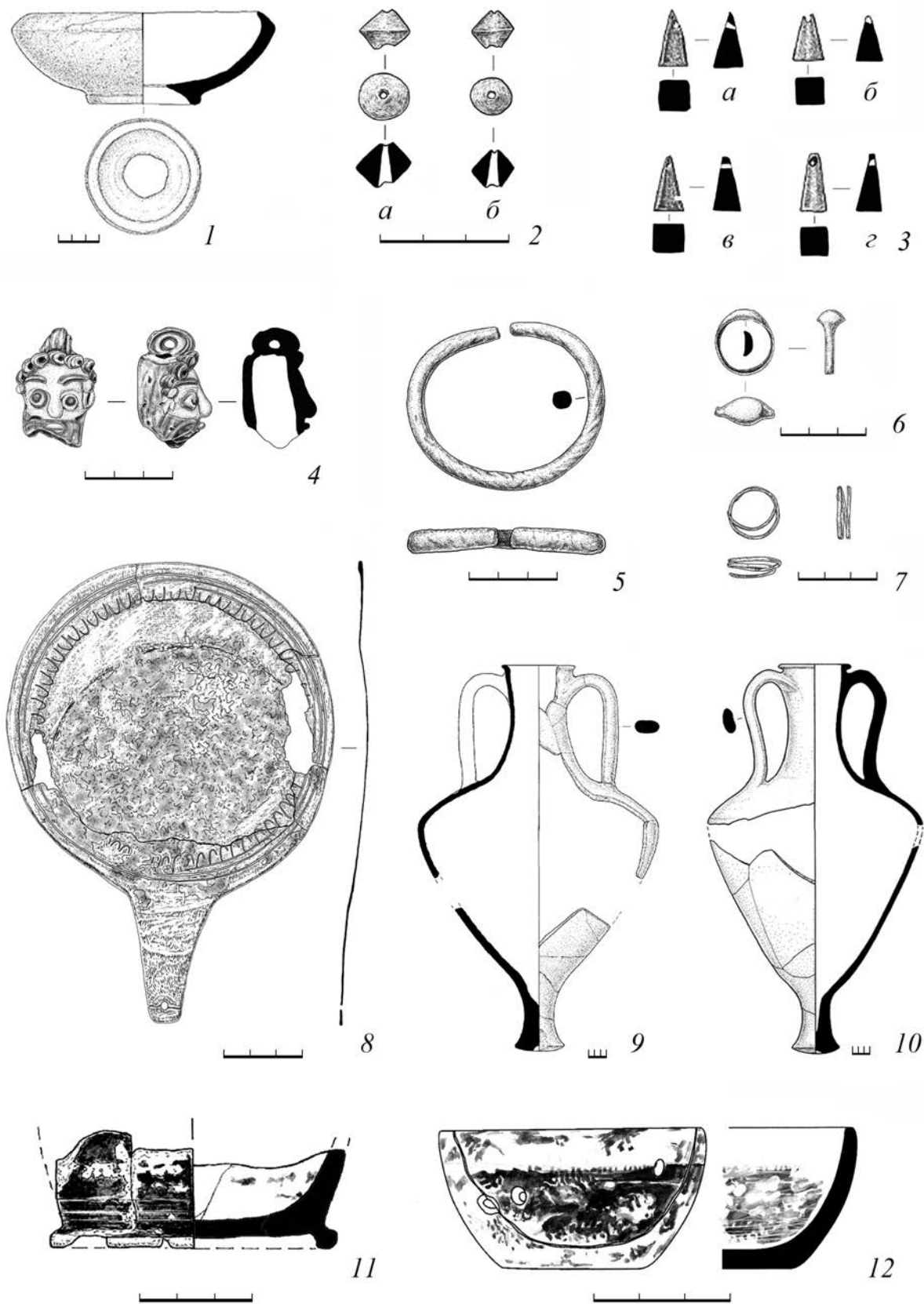

Рис. 1. Грунтовый могильник Дукмасов-2: 1, 3 – погребение № 1; 2 – погребение № 6; 4 – погребение № 13; 5, 12 – погребение № 12; 6, 7 – из слоя заполнения погребений; 8 – погребение № 11; 9 – скопление № 6; 10 – погребение № 9; 11 – скопление № 7. 1, 9, 10, 11, 12 – керамика; 2, 3, 4 – стекло; 5, 8 – бронза; 6 – белый металл; 7 – желтый металл

Большинство ритуальных и погребальных комплексов сопровождалось многочисленными находками. Из последних следует отметить местную лепную и гончарную керамику, предметы вооружения (меотские мечи, наконечники стрел, наконечники копий и дротиков), украшения (стеклянные бусы и подвески, бронзовые браслеты, серебряное и золотое височное кольцо, перстень (рис. 1, 2–7). Весьма необычен меч из погребения № 10, очевидно, являющийся модификацией меотского меча, однако у него лишь «намечено» навершие, а рукоять имеет остатки клепок для деревянных обкладок рукояти.

Основанием для датировки открытых комплексов являются найденные в скоплении № 6 и погребении № 9 мендейские амфоры (типа II-B «портичелло» по С.Ю. Монахову) (рис. 1, 9, 10) (Монахов и др., 2021. С. 137–143), датирующиеся в пределах первой половины IV в. до н.э. С этой же датой согласуется и находка нижней части чернолакового скифоса из скопления № 7 (рис. 1, 11) (Sparkes, Talcott, 1970. P. 260. Fig. 4. Pl. 16, № 349). В пределах первой половины IV в. до н.э. также датируется чернолаковая солонка из погребения № 12, подвергшаяся ремонту (рис. 1, 12) (Sparkes, Talcott, 1970. P. 300. Pl. 34, № 900, 903, 906, 907). Как и в Уляпских святилищах, в могильнике имеется и пунический импорт – стеклянная лицевая бусина с бородастой личиной, переделанная в привеску, которая обнаружена в составе ожерелья в женском погребении № 13 (рис. 1, 4).

Несмотря на то, что основная часть вскрытых комплексов относится к первой половине IV в. до н.э., о возможной более ранней дате могильника может свидетельствовать находка в пахотном слое центральной части железного акинака с бабочковидным перекрестием.

О верхней дате могильника, либо о вторичном использовании исследованного участка можно судить по погребению № 11. Оно залегало несколько выше остальных погребений на глубине ок. 60 см, тогда как остальные погребения находились на глубине более 1 м. В нем обнаружено бронзовое зеркало (рис. 1, 8) с боковой ручкой, украшенное концентрическими кругами и полуовами типа IV, var. 1a (Эрлих, 2015. С. 309, 310. Рис. 5, 6) и двуручный сероглиняный канфар со слабопрофилированной емкостью типа 3 (Беглова, Эрлих, 2018. С. 143. Рис. 169, 5–8). Данное погребение, вероятнее всего, можно датировать в пределах II в. до н.э.

Специальному изучению были подвергнуты остатки лошадей. Часть из них входила в ритуальные комплексы, часть – сопровождала погребения.

Остатки лошадей были обнаружены в 5 погребениях, включая 2 отдельных конских погребения (около 36% открытых погребений), в 7 ритуальных скоплениях и 3 скоплениях костей животных (около 44% и 50% комплексов соответственно).

В погребениях вместе с человеком найдены остатки полных (или почти полных) скелетов 4 лошадей (2 особи возрастной группы 5–10 лет и 2 особи моложе 3 лет). В двух отдельных конских погребениях — 2 особи 6–7 и 9–10 лет. Все 4 взрослых особи использовались в качестве ездовых животных, для двух животных был определен пол — это были жеребцы (один находился в отдельном погребении, второй — вместе с человеком). В ритуальных скоплениях были выявлены остатки 16 лошадей, из которых 8 животных возрастной группы 5–10 лет (из них 4 обездженных, одна особь определена как жеребец), 3 животных – более 3 лет, 5 животных – менее 3 лет. В скоплениях костей животных отмечены остатки 5 особей:

- 2 – возрастной группы 5–10 лет (все обездженные),
- одна особь – более 3 лет,
- 2 особи – менее 3 лет.

Таким образом, бóльшая часть остатков лошадей (66,7%), захороненных в ритуальных целях в могильнике, относилась к возрастной группе 5–10 лет или были старше 3 лет, т.е. животные были в зрелом физическом состоянии. Другая часть остатков, в основном представленная фрагментами посткраниального скелета, принадлежала животным моложе 3 лет.

В лабораторию кафедры археологии исторического факультета МГУ для анализа были переданы изделия из цветного металла.

Раскоп 1 был исследован до материка, комплексы в западной и северной части раскопа и прирезках, уходящие в борта, были законсервированы до следующего сезона. Исследование этого памятника планируется продолжить.

Литература

- Беглова Е.А., Эрлих В.Р.* 2018. Меоты Закубанья в сарматское время (по материалам Тенгинского грунтового могильника). М.; СПб.
- Годизов Г.Л.* 2020. Новые памятники археологии в Адыгее. // Вопросы археологии Адыгеи. Май-коп.
- Иванов А.В., Ломовский К.Н.* 2023. Грунтовый могильник Чернолесский. // Западный Кавказ в контексте контактов культур, народов и цивилизаций. XI «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Сборник статей по материалам научно-практической конференции. Краснодар.
- Лесков А.М., Беглова Е. А., Ксенофонтова И.В., Эрлих В.Р.* 2005. Меоты Закубанья в середине VI – начале IV в до н.э. Некрополи у аула Уляп: погребальные комплексы. М.
- Монахов С.Ю., Марченко И.И., Лимберис Н.Ю., Кузнецова Е.В., Чурекова Н.Б.* 2021. Амфоры Прикубанского некрополя IV – начала III в. до н.э. (из собрания Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е.Д. Фелицына). Саратов.
- Эрлих В.Р.* 2015. Зеркала археологического комплекса Псенафа. // Культурные взаимодействия народов Западного Кавказа в древности и средневековье. V «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Материалы международной археологической конференции. Краснодар.
- Эрлих В.Р., Вальчак С.Б., Джигунова Ф.К., Маслов В.Е., Тов А.А.* 2005. Работы Кавказской экспедиции // Археологические открытия 2004 г. М.
- Sparkes В.А., Talcott L.* 1970. Black and Plain Pottery of the 6th, 5th, and 4th Centuries B.C. (Athenian Agora XII). Princeton.

АНАЛИЗ БРОНЗОВЫХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ РАСКОПОК МАРКУЛЬСКОГО ГОРОДИЩА

Требелева Г.В., Сапрыкина И.А., Луньков В.Ю., Юрков Г.Ю.

Институт археологии РАН, г. Москва.

Работа выполнена при поддержке РНФ, проект № 22-18-00466.

Маркульское городище исследуется с 2014 г. и за это время накопилась небольшая коллекция изделий из цветных металлов. Происходят предметы из трех основных участков: храм IV–XIV вв. (27 предметов); раскоп «Пифосы», датируемый рубежом эр (9 предметов); подъемный материал из вспашки приусадебного участка Апакиа Д.С. (12 предметов), где предположительно расположен могильник цебельдинского времени. В разведывательном шурфе последнего в 2016 г. было вскрыто погребение женщины III в. н.э. (Требелева и др., 2018). Однако не исключено, что на этом участке могут скрываться и слои иных периодов, тем более что в 2023 г. здесь был обнаружен менгир (Требелева и др., 2023). Так как предметы происходят не из слоя, они маркируются как «с неопределенной датой».

Состав металла предметов анализировался методом сканирующей электронной микроскопии в сочетании с энергодисперсионной рентгеновской спектроскопией (СЭМ-ЭДС) (артефакты из раскопок 2015–2021 г.) и методом рентгенфлуоресцентного анализа (РФА) (артефакты из раскопок 2022 г. и подъемного материала). СЭМ-ЭДС проводили в ИОНХ РАН на электронном микроскопе Carl Zeiss NVision 40, оснащенном энергодисперсионным детектором Oxford Instruments X-Max. Измерения проводилось на ускоряющем напряжении 20 кВ. Полученные данные обрабатывались в ПО INCA. РФА проводился в лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН с помощью анализатора X-MET3000TX, разработки фирмы OXFORD Instrumental Analytical по предварительно отобранной стружке (Черных, Луньков, 2009). Для пяти образцов небольших размеров (бусина, булавки, пряжка, монета) из-за невозможности получения достаточного количества стружки, анализ проводился по целым изделиям без удаления окислов. В результате целого ряда сравнительных исследований, выяснено, что в окисленной зоне предметов фиксируется уменьшение количества Cu и увеличение в несколько раз Sn, Sb и As. Доля других определяемых элементов может возрасти, оставаться такой же или уменьшаться (Черных, Луньков, 2009; Анкушев и др., 2023 и др.). Результаты анализа окисленных предметов привлекались в качестве дополнительных.

Все данные, полученные разными методами анализа, были обработаны в рамках единой классификации, где порог искусственного легирования определен в 1.0 %.

На гистограмме (рис. 1, 1) видно, что подавляющее большинство предметов изготовлены из меди и сплавов на ее основе, несколько экземпляров - из золота, свинца, серебра. Обращают на себя внимание представленность всей номенклатуры цинкосодержащих сплавов (CuZn, CuZnSn, CuZnPb, CuZnSnPb) и большая доля бронз – оловянной и тройной (CuSn, CuSnPb).

Исключая предметы без уточненной датировки, рассмотрим выборки двух хронологических периодов (античность – рубеж эр; поздняя античность–средневековье) отдельно, для понимания динамики смены номенклатуры металлов и сплавов. Выборка раннего периода на данный момент невелика (10 пр.), в ней в равных долях представлены предметы из меди, серебра и оловянной бронзы; в единичных случаях отмечены тройная бронза, латунь и многокомпонентные сплавы (рис. 1, 2).

Среди них монета, чеканенная из «желтого» многокомпонентного сплава (Ag+CuSn), перстень (CuAg); из меди изготовлены фибула и монета, причем металл монеты содержит

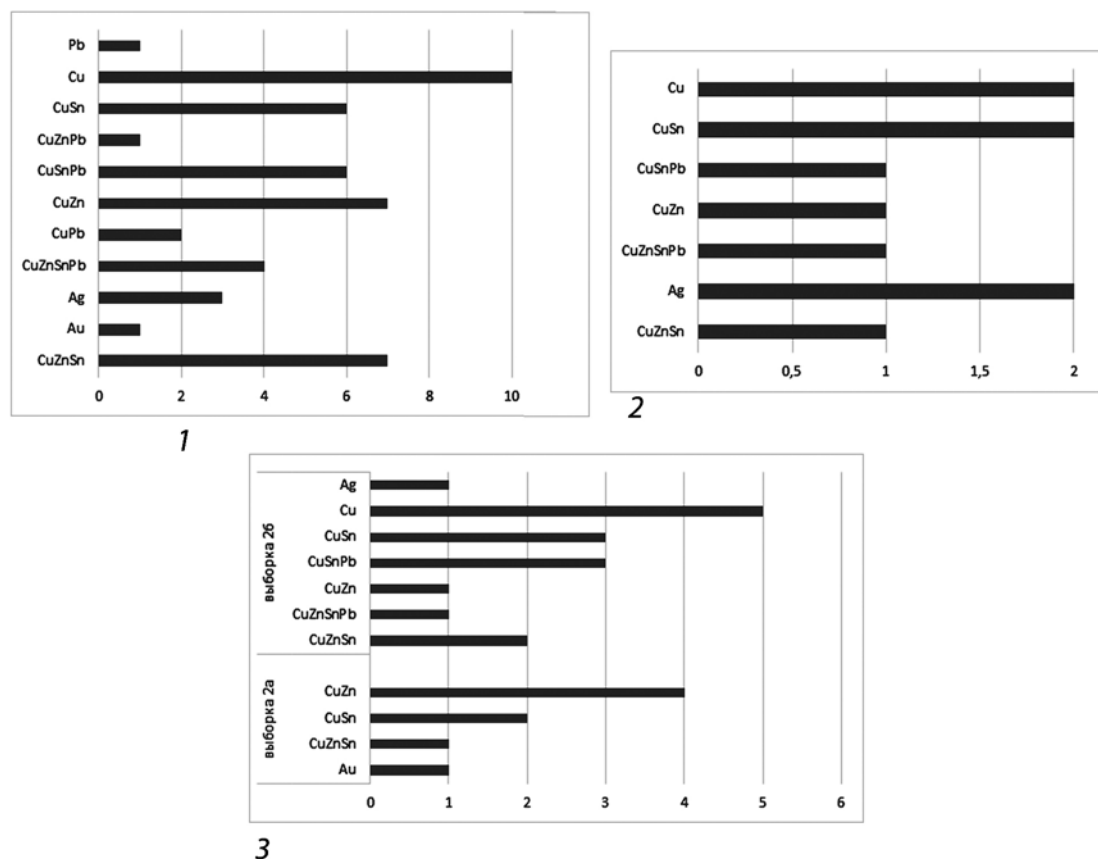

Рис. 1. Распределение образцов разной номенклатуры металлов и сплавов по количеству:
1 – в общей выборке Маркульского городища (VIII–VII вв. до н.э. – XIV–XV вв.);
2 – в выборке раннего периода (античность-рубеж эр); 3 – в выборке второго периода
(выборка 2a – раннее средневековье; выборка 2б – средневековый период)

присадку выше 1% олова и свинца, относительно повышенное содержание мышьяка (по этому показателю выделяется из общей выборки). К «традиционным» для региона типам сплавов мы можем также отнести оловянную бронзу, оловянную латунь, многокомпонентные сплавы (которые, судя по крайне низкому содержанию цинка, были многократно переплавлены), легированные оловом, единично - свинцом (Барцева, 1974. С. 28–29). Двухкомпонентная латунь, использованная для фибулы, отличается относительно высоким % содержанием цинка, что косвенно указывает на римский источник такого сплава (Craddock, 1998).

Выборка второго хронологического периода (поздняя античность-средневековье) насчитывает 24 пр., в ней представлены украшения (в основном, перстни), бубенчики (вероятно, детали кадила – предмета культа), бусина, монета, предметы быта, заготовки или полуфабрикаты; только часть их имеет узкую датировку. В этой выборке доминируют т.н. «чистая» медь, оловянная бронза и двойная латунь; тройная бронза и оловянная латунь, а также многокомпонентный сплав, высокопробные серебро и золото также присутствуют.

Построенная гистограмма (рис. 1, 3), отчетливо демонстрирует процесс «вымывания» двухкомпонентной латуни, составляющей основу выборки раннего средневековья (из этого сплава изготовлены перстни), и доминирование в средневековье т.н. «чистой» меди, оловянной и тройной бронз, тройных латуней, многокомпонентных бронз, с гораздо меньшей долей латуней. Средневековая выборка отличается от более раннего периода еще и невысоким общим содержанием цинка, свинца и олова в латунях и бронзах. Лишь единичные предметы (3 пр.) из всей выборки Маркульского городища характеризуются высоким % содержанием свинца в сплавах, что не очень характерно для северокавказской цветной металлообработки (Барцева, 1974). В целом, по номенклатуре металлов и сплавов исследуемая выборка не

отличается от данных, полученных для предметов из цветного металла из могильников Пашковский (Мастыкова и др., 2016. С. 67–69), Мамисондон (Столярова, 2012) или для Хумаринского городища (Сапрыкина и др., 2020). Однако, наблюдаемое незначительно присутствие сплавов с высоким процентным содержанием свинца может в будущем поколебать этот предварительный вывод.

Литература

- Анкушев М.Н., Артемьев Д.А., Блинов И.А., Рассомахин М.А., Алаева И.П., Виноградов Н.Б., 2023.* Аналитические методы исследования состава медных и бронзовых артефактов: достоинства и недостатки // КСИА. Вып. 271.
- Барцева Т.Б.* 1974. Цветные сплавы на Северном Кавказе в раннем железном веке // СА. № 1. М.
- Мастыкова А.В., Казанский М.М., Сапрыкина И.А.* 2016. Пашковский могильник № 1 / Т. 2: Исследование материалов Пашковского могильника № 1. М.
- Сапрыкина И.А., Пельгунова Л.А., Кочкаров У.Ю.* 2020. Техника изготовления и химический состав цветного металла предметов из раскопок 2013 г. на Хумаринском городище // Хумаринское городище. Итоги междисциплинарных исследований. М.
- Столярова Д.А.* 2012. Технология изготовления украшений могильника Мамисондон (Северная Осетия) // РА. № 3.
- Требелева Г.В., Хондзия З.Г., Шведчикова Т.Ю., Юрков Г.Ю.* 2018. Исследования на юго-западном склоне Маркульского городища // КСИА. Вып. 252. Ч.2.
- Требелева Г.В., Кизилев А.С., Цвинария И.И., Хондзия З.Г., Глазов К.А., Юрков В.Г., Юрков Д.Г.* 2023. Мегалитические памятники в Восточной Абхазии. // XI Анфимовские чтения: Западный Кавказ в контексте контактов культур, народов и цивилизаций. Краснодар.
- Черных Е.Н., Луньков В.Ю.* 2009. Методика рентгено-флуоресцентного анализа меди и бронз в лаборатории Института археологии // Аналитические исследования лаборатории естественных методов. Вып. 1. М.
- Craddock P.T.* 1998. Zinc in Classical Antiquity // 2000 Year of Zinc and Brass. British Museum Occasional Paper. No 50. London.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ РИМСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ РАСКОПОК НА УЧАСТКЕ «ПИФОСЫ» МАРКУЛЬСКОГО ГОРОДИЩА

Требелева Г.В., Яворская Л.В., Шведчикова Т.Ю., Юрков В.Г.
Институт археологии РАН, г. Москва

*Работа в целом выполнена в рамках НИР, № НИОКР 122011200269–4;
определение остеологических останков сделано в рамках НИР, № НИОКТР 122011200269–9.*

Маркульское городище исследуется с 2014 г. Одним из самых интересных открытий стало обнаружение склада пифосов между двумя линиями оборонительных стен и расположенного частично под ним могильника. На раскопе площадью 19 кв. м исследовано четыре погребения, три из них (№ 1–3) римского времени и одно – средневековое (№ 4) (рис. 1).

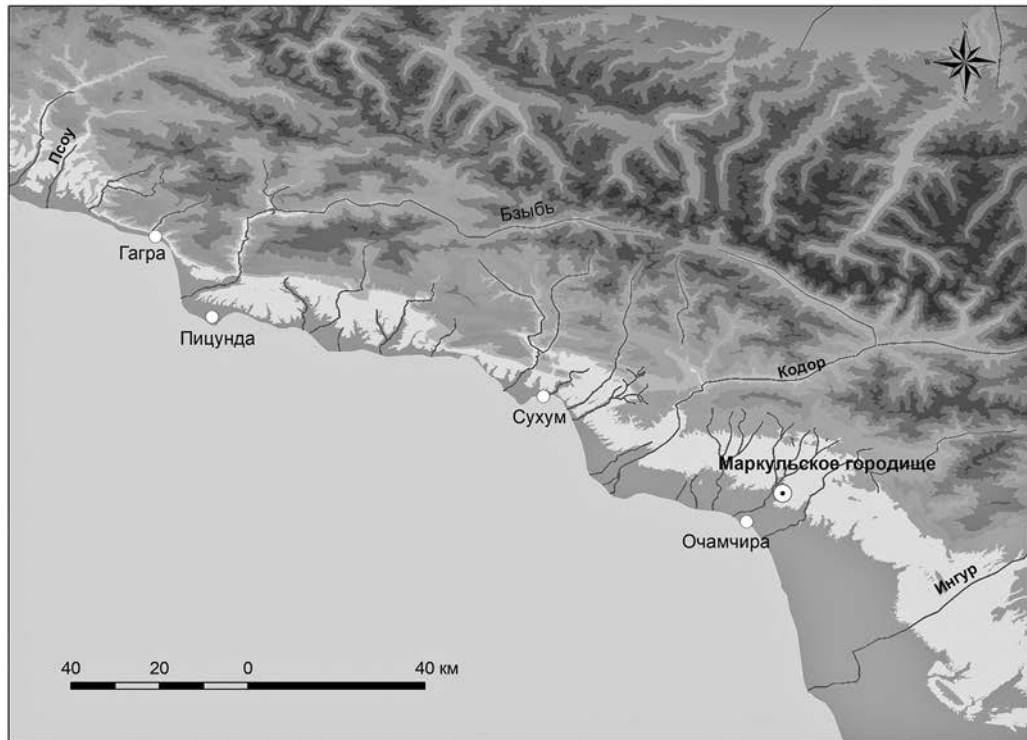
Погребение №1 было обнаружено в сезоне 2021 года и полностью доследовано в 2022 г., когда стало возможным расширить раскоп. Мужчина 20–25 лет лежал вытянуто на спине, ориентирован на север. Дно пифоса № 3 стояло прямо на черепе погребенного. Слева от головы погребенного с небольшим наклоном на бок были установлены 5 сосудов, 4 из которых оказались полностью целыми. Сохранилась верхняя часть скелета до пояса. Нижняя часть, по всей видимости, была разрушена при копании грунта под пифос, дно которого было обнаружено *in situ*, примерно в том месте, где должны были бы располагаться ноги. Под донцем этого пифоса были найдены мелкие фрагменты раздавленного горшка, вероятно поставленного изначально в ногах у погребенного.

Кроме сосудов при погребенном были обнаружены: бронзовые фибула, пряжка, кольцо и булава, наконечник копья. Сохранился фрагмент древка копья, определенного как дубовое, т.е. из достаточно тяжелого дерева. Скорее всего, данное изделие можно интерпретировать как оружие для ближнего боя, а не метания.

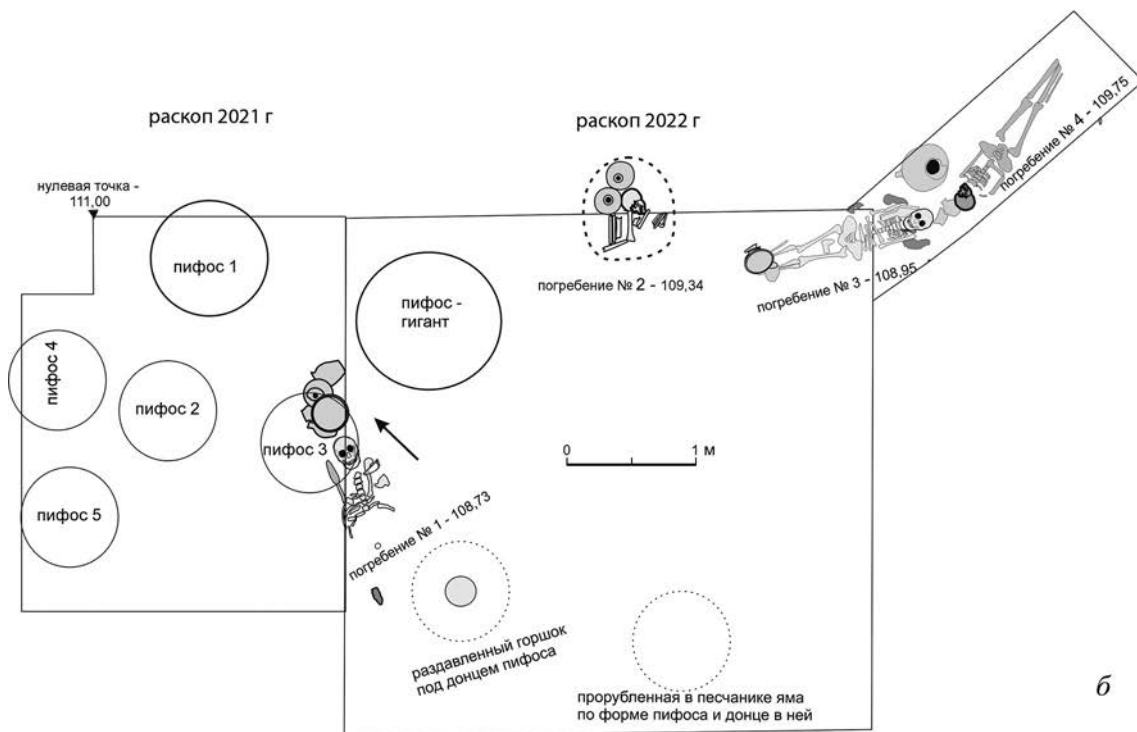
В комплексе погребения 1 присутствуют кости животных. Преимущественно это определяемые и неопределяемые до вида «кухонные» остатки домашних и диких копытных – крупного рогатого скота от взрослых животных, кости молодых свиней, два фрагмента плюсневых костей оленя благородного (*Cervus elaphus*). Интерес представляют кости не крупной собаки без следов «кухонного» дробления. Челюсть этого животного лежала в районе пояса погребенного.

Погребение № 2. Захоронен ребенок примерно 7 лет по обряду вторичного захоронения. В его погребении установлены два сосуда, а среди костей найдены две пастовые бусины. Здесь же обнаружены фрагменты углей и необожженные кости молодой свиньи: нижняя часть черепа, нижняя челюсть, зуб резцовый, фрагмент тазовой кости от левой стороны тела. Все остатки свиньи хорошей сохранности принадлежат одному животному.

Погребение № 3 не нарушено. Захоронен мужчина 20–25 лет, ориентация у данного погребения восточная. На дне захоронения были установлены разнообразные сосуды: возле головы – калпыда, миска и кувшин, в ногах – кубок и горшочек. При погребенном было два железных копья, у одного из них был вток, у второго его не было. Можно предположить, что это копья разного назначения: для ближнего боя и для метания. К сожалению, сохранность дерева в наконечниках и втоке не позволяет определить вид древесины. Кроме указанных предметов в погребении найдены: железные топор, наконечник клинка, остатки ножа, бронзовые наконечники стрелы, перстень, тонкая булава, фибула. Помимо этого, набор бус, а под черепом монета.

а

б

Рис. 1. Месторасположение памятника на карте Абхазии (а) и план могильника на участке «Пифосы» (б)

Кости животных зафиксированы в засыпи погребальной ямы, на уровне, где был уложен погребенный и ниже – под скелетом. Особый интерес представляют специально разложенные остатки двух животных: молодой самки свиньи и очень юного «молочного» поросенка. В пальцах рук погребенного и чуть выше уровня кисти сохранились остатки тушки молодого петуха. Поскольку погребение 3 не потревожено никакими перекопами, можно полагать, что на уровне расположения скелета человека мы имеем дело с ритуальным размещением в захоронении частей животных. Отметим, что с правой и левой сторон от человека лежали фрагменты черепа свиньи этих же сторон тела – справа – правая часть свиного черепа, слева – левая часть, а за головой человека (в районе темени) – теменная часть. Интересно, что аккуратно разложены фрагменты черепа, т.е. части головы животного, вокруг головы человека. Здесь следует отметить, что «образ» головы в архаических представлениях является одним из символов рождения и возрождения (Бунин, 2001. С. 130). Т.е. налицо ритуальная, хтоническая составляющая обряда: свинья – как символ возрождения, перерождения. Интересен и сам образ свиньи (поросенка). В древней абхазской мифологии мы не находим параллелей этому образу, более того, у современных абхазов свинья – нечистое животное. Но в античной мифологии это животное является одним из символов богини плодородия Деметры, который эпизодически переносился и на образ ее дочери Персефоны – воскрешающей и умирающей богини, владычицы подземного царства, жены Аида. На празднике тесмофорий, посвященных нисхождению и возвращению Персефоны из мира мертвых, в «пропасти», т.е. в пещеры и склепы, бросали молодых свиней или поросят, вместе с лепешками и сосновыми ветками, и поднимали останки животных обратно, через три дня (Stengel, 1898. P. 203).

Следует отметить, что исследователи-археологи не часто обращают внимание на наличие костей животных в погребениях античного времени и редко проводят их определения, обычно связывая все кости с «тризной». Потому, подобрать аналогии этой обрядовой специфике пока не представляется возможным. Тем не менее, терракотовые статуэтки свиней встречаются в погребениях на Боспоре, в частности, в детском погребении VI–V вв. до н.э. в Пантикапее (Сударев, 2005. С. 196). Поэтому, можно с большой долей уверенности говорить, что фрагменты черепа и других костей свиньи в погребениях – следы античных верований и античной традиции. Также и монета, скорее всего, является «оболом Харона».

Интересно также, что среди костей рук погребенного, скрещенных на груди, были обнаружены кости молодого петушка, которого, вероятнее всего, вложили ему в руки также в ритуальных целях. Обращаясь к образу петуха в мифологии, мы видим параллель, в первую очередь, с античной традицией. В Древней Греции петух выступал как хтоническая птица: он был посвящен Асклепию как образ целительной смерти-возрождения (Мифы, 1992. С. 309–310).

После анализа набора костей животных из погребения 3 вернемся к разрушенному установкой пифосов набору из погребения № 1. В видовом наборе – остатки молодой свиньи и собаки, что снова возвращает нас к античным традициям. Свинья – как символ Персефоны, и собака – как хтоническое божество. Собака одновременно это и символ стража мира теней (пес Цербер), она является атрибутом бога Гермеса – проводника душ мертвых, и сопровождает бога Асклепия – как символа возрождения. Таким образом, в наборе костных останков животных в погребении № 1 мы встречаем те же символы, посвященные тем же богам: Персефоне, Асклепию.

Детское погребение № 2 – самое бедное, но и в нем также встречены кости свиньи.

Таким образом, можно с большой долей уверенности утверждать: в данных погребениях наблюдаются следы античных традиций и влияния античной культуры на древних апсиллов.

Литература

- Бунин Д.С.* 2001. К вопросу о хтонических элементах в культе Афродиты на Боспоре. // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Материалы международной научной конференции. Ч. 1. СПб.
- Мифы народов мира: Энциклопедия. 1992. 2-е изд. Т. 2. М.
- Сударев Н.И.* 2005. Грунтовые некрополи боспорских городов VI–II вв. до н.э. как исторический источник. Дисс. ... канд. ист. наук. М.
- Stengel P.* 1898. Die Griechischen Kultusaltertümer. München.

ПРОБЛЕМЫ ТРАНСПОРТИРОВКИ ТОВАРОВ ПО РЕКЕ КУБАНИ В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ

Улитин В.В.

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

В научной литературе уже было отмечено существование в Прикубанье в античную эпоху двух способов доставки товаров: речным путем и по суше (Малышев, 2000. С. 116–118). При этом господствующей стала точка зрения об активном использовании речного торгового пути по реке Кубани в античную эпоху как важнейшего, основного для греко-варварской торговли в Прикубанье (Анфимов, 1958. С. 69, 71; Блаватский, 1961. С. 67; Брашинский, 1984. С. 177–178; Кошеленко и др., 2010, С. 267). Из исследователей только А.А. Малышев высказал свои соображения по поводу того, что путь по суше в античную эпоху мог использоваться в большей степени, чем речной, основываясь на данных источников по средневековому периоду. Он также упомянул о существовании проблем доставки товаров речным путем, однако, назвал из них только быстрое течение Кубани (Малышев, 2000. С. 116–118; Malyshev, 2007. P. 959–960).

Однако проблемы технических трудностей, недостатков и преимуществ речного пути доставки товаров в Прикубанье, которые могли бы помочь оценить вероятность его активного использования, специально не обсуждались. Особенности современного гидрологического режима Кубани и характера ее берегов, особенности и характер греко-варварского торгового обмена, а также необходимость перевозки грузов не только по течению реки, но и против, заставляют поставить следующие вопросы. Какие преимущества для транспортировки давала река и чем они были обусловлены? Какие сложности должны были возникать при транспортировке товаров по Кубани, чем они были обусловлены и как могли преодолеваться? Означает ли наличие судоходства по Кубани в древности автоматический значительный объем перевозок товаров по реке? Мог ли быть речной путь более предпочтительным для транспортировки товаров в античную эпоху, чем сухопутный?

Имеющиеся данные источников, даже о судоходстве по реке Кубани в античную эпоху, косвенные. Из данных нарративной традиции это упоминания у Диодора Сицилийского о транспортировке по реке (вероятно, Кубани) в Пантикапей тела погибшего царя Сатира II (Diod., XX, 23) и у Страбона о расчистке старого канала Фарнаком для затопления области дандариев водами Гипаниса (Strab., XI, II, 11). Археологические свидетельства являются либо гораздо более поздними, либо косвенными: найденная в районе Гидростроя в Краснодаре лодка-долбленка эпохи позднего средневековья – начала нового времени; рыболовные грузила с меотских городищ Прикубанья; остатки эмпориев (античный город Лабрис и Елизаветинское городище). Результаты палеогеографических исследований проливают свет на конфигурацию и характер дельты Кубани в древности (Гарбузов и др., 2017), но не дают представления о гидрологическом режиме и характере ее берегов в древности на других участках, что заставляет принимать за ориентир для них данные о современном гидрологическом режиме и характере берегов Кубани.

Для понимания характера греко-варварской торговли по Кубани и особенностей транспортировки грузов следует учитывать, что в торговле по реке должны были принимать участие две стороны – греки и меоты, а торговля имела в основном характер натурального обмена, предполагавшего необходимость для меотов везти свою продукцию грекам и забирать сразу же в обратный путь античные товары.

Рассмотрим два направления транспортировки товаров: по течению и против течения. Путь по течению удобен, поскольку позволяет передвигаться на лодках, используя лишь весла. Таким способом, безусловно, удобно перевозить зерно, полученное от меотов, на Боспор. Однако следует иметь в виду, что для того, кто вез товары по реке, неизбежно возникают сложности на обратном пути, когда приходилось двигаться против течения с уже полученными в обмен товарами. В этом случае одной работы веслами уже недостаточно. Грекам, отправившим меотские товары из эмпория на Боспор по течению Кубани на лодках, необязательно было везти обратно с Боспора на тех же судах товар (товары греки могли доставлять заранее, до начала торговых операций с меотами в эмпории, и складировать в нем). Однако в любом случае было необходимо вернуть хотя бы сами лодки для последующих операций.

Движение против течения реки вынуждает использовать в дополнение к гребцам тягловую силу (людей или животных), которые должны тянуть лодки назад (например, это предполагается применительно к Тибру и его притокам в античную эпоху: Fagg 2014. P. 179). Однако это тоже вызывает проблемы, поскольку кто-то должен этих животных сначала вести с собой в эмпорий. Использование тягловой силы встречало существенные затруднения из-за характера берега Кубани (крутые высокие участки берега и заросли на низких участках). Крутой берег создает проблемы для тянущих, требуется длинная и прочная веревка, координация усилий гребца с веслами и, вероятно, и шестом, и тянущих лодку. На заросших участках берега, чтобы двигаться по нему с веревкой и тянуть лодку, требуется их расчистка. И в том, и в другом случае, эти проблемы требуют усилий какого-то коллектива.

Эти сложности могли возникать, прежде всего, для меотов, отправлявшихся в эмпории за товарами, которые приходилось везти назад, в свое поселение против течения реки. Для греков проблемы движения против течения реки, возможно, долгое время не были актуальными, поскольку на протяжении V и большей части IV в. до н.э. важнейшим эмпорием в греко-меотской торговле должно было быть Семибратнее городище. В то время, как показывают данные палеогеографии, оно находилось как раз на берегу палеолимана, в дельте Кубани, и, вероятно, туда могли заходить суда с низкой осадкой (Гарбузов и др., 2017. С. 64–69, 72–76), что было очень важно для оптовых поступлений товаров в эмпорий. Однако в конце IV в. до н.э. греки стали использовать эмпорий на Елизаветинском городище № 1, оптовые поставки товаров в который крайне неудобно было бы делать против течения, к тому же и в лодках малого водоизмещения. В этом случае, вероятно, использование пути по суше, дороги, идущей вдоль реки Кубани, и повозок было более удобным и рациональным.

Отметим, что поставки по реке были возможны в периоды половодья. Наивысший уровень воды в Кубани чаще всего приходится на вторую половину июля – начало августа, напротив, осенне-зимний период характеризуется довольно устойчивой меженью, то есть очень неудобен для судоходства и перевозок грузов (Нагалецкий, Чистяков, 2003. С. 116).

Следует отметить, что не все категории товаров вообще удобно перевозить на лодках, например, домашний скот.

Учитывая сложности и ограниченность возможностей по перевозке грузов речным путем, следует обратить внимание на возможности транспортировки товаров по суше, по грунтовой дороге, наличие которой предполагается. Этот способ давал преимущества, в первую очередь, меотам, которые могли отправляться в эмпорий со своей продукцией на повозках и их же загружать полученными от греков товарами, избегая всех сложностей транспортировки грузов против течения, а также ограничений сезонного характера, связанных с гидрологическим режимом реки.

Таким образом, использование пути по реке Кубани для транспортировки товаров было сопряжено с проблемами, прежде всего, из-за необходимости везти товары против течения и преодолевать при этом значительные трудности. Наличие судоходства по реке Кубани в античную эпоху само по себе еще не означало значительного объема речной торговли, который сильно зависел от гидрологического режима и характера берегов реки.

Охарактеризованные особенности транспортировки товаров по реке Кубани могут быть учтены для сравнительной оценки предпочтительности сухопутного или речного торговых путей в античную эпоху.

Литература

- Анфимов Н.В.* 1958. Из прошлого Кубани. Краснодар.
- Блаватский В.Д.* 1961. Античная археология Северного Причерноморья. М.
- Брашинский И.Б.* 1984. Торговля // Археология СССР. Античные государства Северного Причерноморья. М.
- Гарбузов Г.П., Поротов А.В., Сударев Н.И.* 2017. К обсуждению результатов палеогеографических исследований в дельте Кубани // Древности Боспора. Т. 21. М.
- Кошеленко Г.А., Малышев А.А., Улитин В.В.* 2010. Торговля // Античное наследие Кубани. Т. 3. М.
- Малышев А.А.* 2000. Боспор и Прикубанье во второй половине V – середине III в. до н.э. // Древности Боспора. Т. 3. М.
- Нагалецкий Ю.Я., Чистяков В.И.* 2003. Физическая география Краснодарского края: учебное пособие. Краснодар.
- Farr J.M.* 2014. Lapis Gabinus: tufo and the economy of urban construction. PhD. diss. Michigan.
- Malyshev A.A.* 2007. Greeks in the North Caucasus // Ancient Greek Colonies in the Black Sea 2. Vol. II. Oxford.

АХКИН-БАРЗОЙСКОЕ ГОРОДИЩЕ РАННЕГО ЭТАПА АЛАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА СРЕДНЕМ ТЕРЕКЕ

Успенский П.С.¹, Ахмаров А.У.², Успенская О.И.¹, Алейников С.В.¹

¹Институт археологии РАН, г. Москва;

²Институт гуманитарных исследований АН ЧР, г. Грозный

Среди памятников раннего этапа аланской культуры выделяются крупные городища с обширными могильниками. Исследование этих памятников является важным звеном в изучении общей системы расселения аланского населения. Одному из новооткрытых памятников раннеаланского периода, расположенном на территории Чеченской республики, посвящена настоящая работа.

Ахкин-Барзойское городище и его могильник, впервые был обнаружен и осмотрен А.У. Ахмаровым, в 2022 г., в 2023 г. авторским коллективом данной статьи были проведены разведочные работы на территории этого комплекса (рис. 1, 1).

Во время исследования памятника, учитывая его большие размеры, а также сжатые сроки работы, был применен комплекс неdestructивных методов, позволяющих получить детальное представление о топографии Ахкин-Барзойского городища и его некрополя. Данная методика хорошо зарекомендовала себя, как инструмент в неdestructивном археологическом обследовании (Коробов и др., 2021. С. 157). Для комплекса была создана трехмерная модель методом фотограмметрии. Основой для создания модели послужила аэрофотосъемка местности, выполненная под руководством С.В. Алейникова, с использованием летательного аппарата БПЛА *Dji Mavic air 2*. Съемка осуществлялась полетными линиями, заданными в меридиональном и широтном направлениях. Расчетное разрешение полученного ортофотоплана – 5,68 см/пиксель, в создании модели задействовано 1890 фотоснимков. Кроме этого, полученные данные были дополнены результатами шурфовочных работ на территории городища.

Городище находится на правом (высоком) берегу р. Терек (рис. 1, 2). Территория городища вытянута вдоль русла реки в широтном направлении и занимает вершины естественных береговых останцев, с характерным «изрезанным» ландшафтом, для которого показательны довольно глубокие естественные распадки, активно использовавшиеся древним населением при строительстве городища. На территории городища можно выделить западную, центральную и восточную части. В каждой части выделяется зона, предположительно имевшая укрепленную цитадель, расположенную ближе к руслу реки Терек, и примыкающая к ней с юга неукрепленную часть. Восточная, западная и центральная части разделяются друг от друга глубокими естественными распадками.

Западная «Цитадель» состоит из двух пологих площадок, с севера ограничена обрывистым берегом р. Терек, с юга отделена от неукрепленной части искусственным рвом, ширина рва 10–15 м, его фиксируемая длина около 180 м. Направление рва – СЗ-ЮВ. За рвом, к югу от цитадели расположена неукрепленная площадка городища, площадка вытянута в меридиональном направлении. В южной части неукрепленной площадки фиксируются дороги, которые предположительно могли являться въездом на территорию западной части городища.

Центральная часть памятника включает в себя укрепленную часть – цитадель – и неукрепленную площадку. Цитадель состоит из двух участков, с севера отграничена обрывистым берегом р. Терек, а с юга искусственным рвом. Ров ориентирован преимущественно в широтном направлении, его фиксируемая длина около 200 м, ширина 10–18 м. Ров отделяет с юга центральную цитадель от неукрепленной площадки городища. Неукрепленная часть подтрапециевидной формы, с распадком в центре. По данному распадку фиксируется дорога,

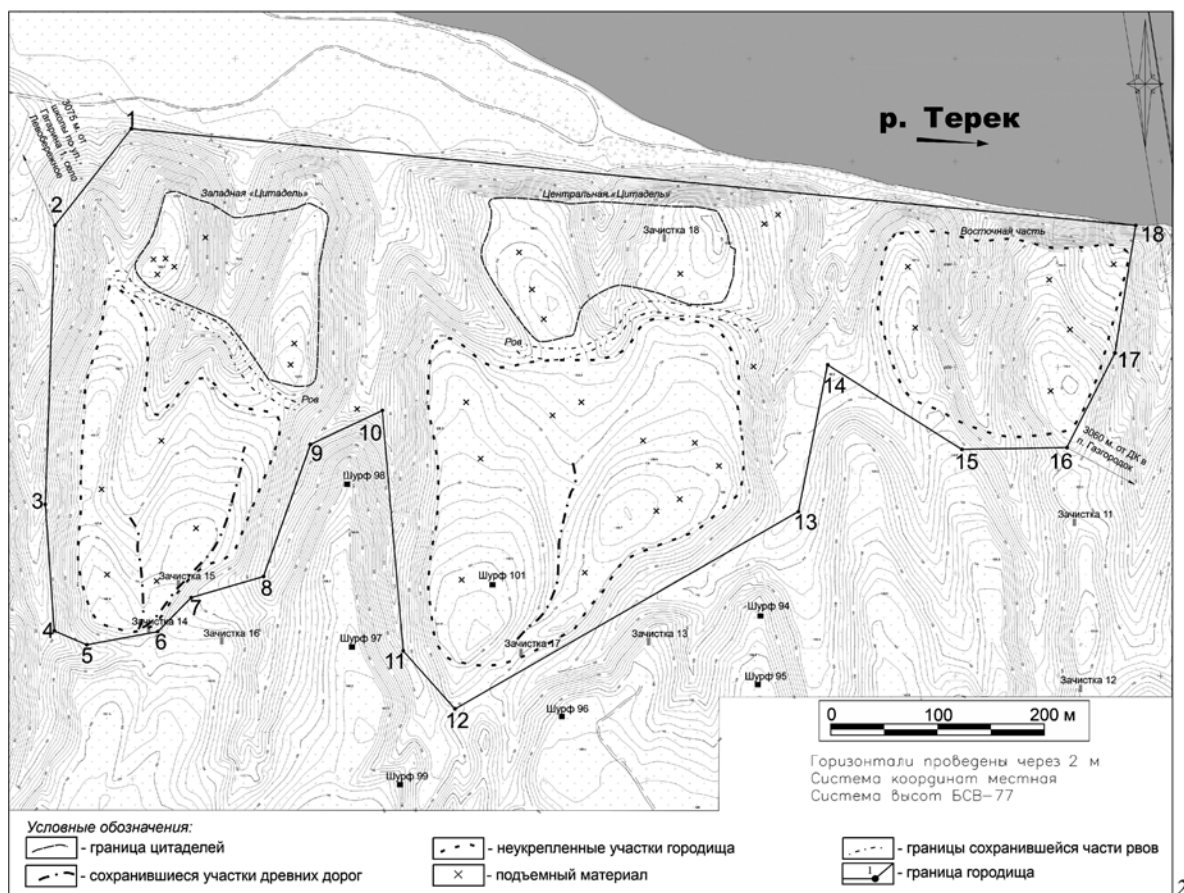
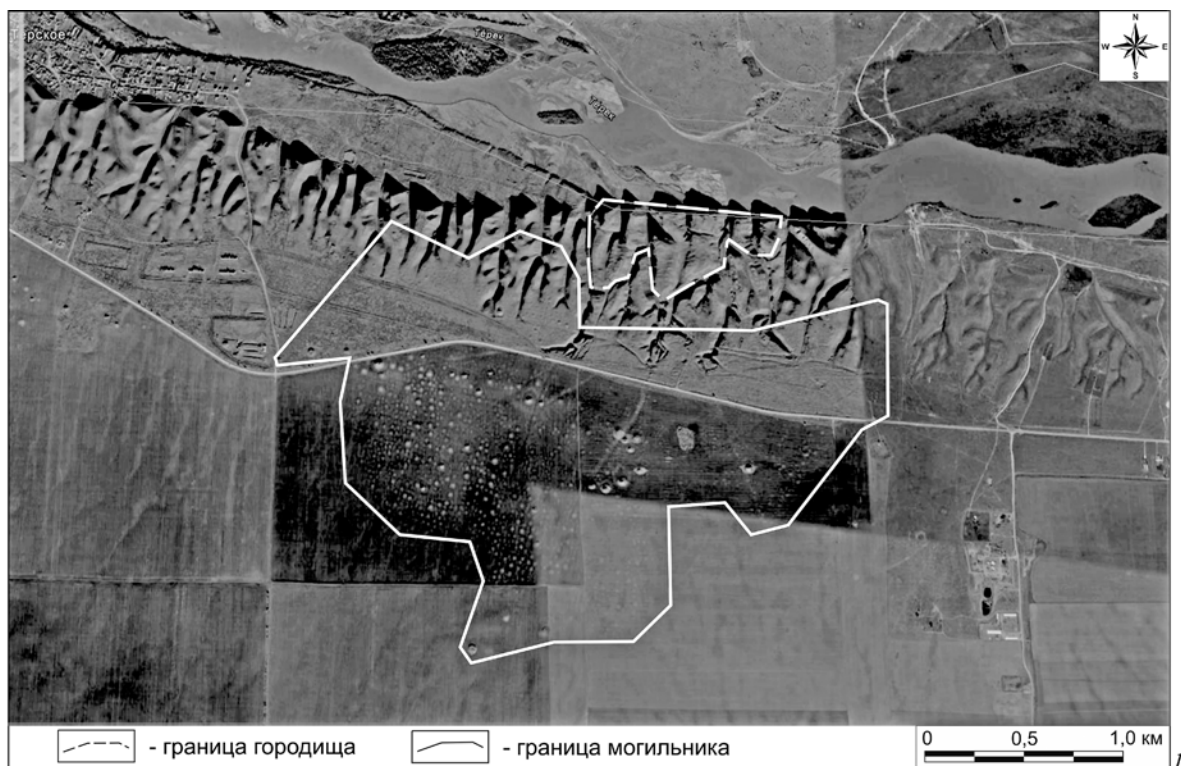

Рис. 1. 1 – Ахкин-Барзойское городище и его могильник на космоснимке;
2 – топографический план Ахкин-Барзойского городища

возможно, используемая как въезд на территорию центральной части городища. Центральная часть памятника отделена от западной и восточной глубокими, естественными распадками, ориентированными в меридиональном направлении. Глубина данных распадков относительно площадок цитаделей достигает 40–45 м.

Восточная часть городища, по-видимому, состояла только из неукрепленного участка; данный участок состоит из двух площадок, вытянутых по линии север-юг, площадки отделены друг от друга довольно глубоким распадком.

Общая длина территории городища (вдоль береговой линии) составляет 1,03 км, а наибольшая ширина – 470 м. Площадь городища – 36,8 га.

Единый комплекс с городищем составляет примыкающий к нему с юга крупный курганный некрополь. Курганы могильника занимают обширную территорию, частично находятся на вершинах естественных береговых останцев, с характерным «изрезанным» ландшафтом, в северной части могильника. Курганы как бы окружают территорию городища, маркируя его границы. Основная часть могильника расположена на пахотных полях. Значительная часть курганных насыпей на сегодняшний день не видна и была идентифицирована только на основании использования данных дистанционного зондирования. Точная нумерация и характеристика могут быть установлены только при проведении археологических раскопок на территории некрополя. На сегодняшний день оценка площади могильника выполнена на основе анализа спутникового снимка и фотограмметрической модели. Она дала следующие результаты: площадь некрополя составляет около 413,5 га, максимальная длина по линии восток-запад составляет 3,2 км, а наибольшая ширина по линии север-юг – 2,2 км.

Курганы располагаются скоплениями с разной плотностью насыпей, их наибольшая плотность фиксируется в ЮЗ части могильника. Для ряда насыпей удалось зафиксировать ровики округлой и подквадратной формы. Нами была предпринята попытка расчета максимального количества насыпей на основании анализа космоснимка и цифровой модели рельефа местности (подобная методика применялась при анализе количества курганов Бесланского могильника) (Коробов и др., 2021. С. 157). На 1 га площади приходится от 9 до 14 насыпей, учитывая общую площадь некрополя около 413 га, мы получаем, что общее количество курганов может варьировать от 3700 до 5800 курганов в их максимальной концентрации.

Курганы, фиксируемые на поверхности, представляют собой земляные насыпи без видимых каменных конструкций, диаметр курганов варьируется от небольших – 15–25 м, при высоте около 1–1,5 м, до крупных насыпей диаметром 40–60 м, при высоте 3–6 м.

Ахкин-Барзойское городище и его некрополь датируются ранним этапом аланской культуры. Безусловно, обозначенная датировка является предварительной, в особенности это касается могильника, среди курганов которого могут быть обнаружены комплексы как более раннего, так и позднего периодов.

Рассматриваемы памятник сопоставим с крупнейшим поселенческим комплексом раннего этапа аланской культуры в Центральном Предкавказье – Зильгинским городищем и его некрополем – Бесланским катакомбным могильником. Данный некрополь на основании современных подсчетов, может содержать 13,5 тыс. захоронений (Коробов и др., 2021. С. 152, 157, 158. Рис. 4). Кроме этого, рассматриваемое городище соотносится по своим размерам с Кременчуг-Константиновским поселением и его могильником на территории Кабардино-Балкарии, а также Алхан-Калинским городищем (Коробов, 2021. Fig. 5).

Подводя итог, следует отметить, что в результате проведенных работ, с использованием неdestructивных методов, нам удалось уточнить ряд характеристик для одного из крупнейших городищ раннего этапа аланской культуры на Среднем Тереке. Этот памятник дополняет общую картину в изучении расселения аланских племен. Безусловно, публикуемые данные являются предварительными и могут быть уточнены только после проведения раскопочных работ на этом интересном археологическом комплексе.

Литература

Коробов Д.С., Малашев В.Ю., Фасбиндер Й. 2021. Работы на Зильгинском городище и Бесланском могильнике: новые методы обследования // Эпоха всадников на Северном Кавказе: к 90-летию Веры Борисовны Ковалевской. М.

Korobov D.S. 2021. The system of habitation of the North Caucasian Alans in the Hunnic era // *Attilas Europe? Structural transformation and strategies of success in the European hun period.* Budapest.

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ПОСЕЛЕНИЙ РУБЕЖА И ПЕРВЫХ ВЕКОВ Н.Э. НА ТЕРРИТОРИИ ПРЕДГОРНО-ПЛОСКОСТНОЙ ЧАСТИ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ

Фоменко В.А.

Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН, г. Нальчик

В работе кратко рассмотрены данные о нескольких памятниках археологии – городищах рубежа и первых вв. н.э., расположенных в предгорьях и на равнинах Кабардино-Балкарии.

Погребальные и бытовые памятники сарматской эпохи были открыты на территории современной Кабардино-Балкарии давно и изучаются местными и столичными археологами длительный период времени. В середине 80-х гг. XX в. итоги изучения древностей сарматского времени в республике были обобщены в монографии, вышедшей в 1988 г. (Керефов, 1988). С того времени дальнейших обобщений материалов памятников сарматской эпохи не проводилось.

Характерно, что в разделе о бытовых памятниках сарматского времени приводятся данные всего о 7 объектах:

1. Заюковское поселение № 2 к востоку от сел. Заюково.
2. Городище «Муртаза» расположено в 1,5 км к юго-востоку от сел. Аргудан.
3. Аргуданское 3-е городище находится в 1,5 км к северо-востоку от городища «Муртаза».
4. Нижне-Джулатское городище расположено в 2,5 км восточнее г. Майского.
5. Терекское городище находится к востоку от одноименного селения.
6. Хамидиевское городище расположено на северо-западной окраине сел. Хамидие.
7. Псыхурейское городище расположено к западу от сел. Псыхурей.

Автор книги также осторожно предполагал, что в сарматское время были обитаемы городища у селений Сармаково, Заюково, Кременчуг-Константиновское, Шордаково («Шордак-гора») и другие (Керефов, 1988. С. 9–15).

Нельзя исключить вероятность того, что малочисленность бытовых памятников сарматского времени на территории Кабардино-Балкарии, отраженная в книге 1988 г., связана с тем, что значительная часть древностей этой эпохи ранее была уверенно, но, к сожалению, ошибочно, датирована эпохой раннего средневековья в своде И.М. Чеченова «Древности Кабардино-Балкарии» (Чеченов, 1969) и в большой статье того же автора, вышедшей в 1987 г. (Чеченов, 1987).

В настоящей работе говорится о нескольких городищах сарматского времени, расположенных на территории республики и осмотренных автором в 2009-2023 гг. Время существования памятников определялось по фрагментам керамики, встречающимся на поверхности земли. Аналогии известны на поселениях соседнего района Пятигорья (Прокопенко, Фоменко, 1996).

Этокское городище находится на мысообразном холме вблизи современного кладбища селения Этоко. На краю мыса имеется усеченно-конусовидная цитадель древнего городища. Данное городище – крупный археологический памятник предскифского (VIII–VII вв. до н.э.) и сарматского (I–IV вв. н.э.) времени. На юго-восточной периферии памятника прослеживаются следы распаханного рва (Фоменко, 2016. С. 9, 12–13).

Шхалишхова гора – крупное конусовидное фортификационное и (или) культовое сооружение. Расположено оно у селения Кишпек. Конус Шхалишховой горы находится на широком, но невысоком основании, и возвышается над окружающей местностью приблизительно на 14 м. Этот археологический объект был осмотрен археологами в 1975 и 2023 гг. Судя по

опубликованным находкам, фортификационные сооружения и поселение Шхалишховой горы следует датировать началом I тыс. н.э. Важно также учесть, что при строительстве этого городища была использована насыпь, находившегося на этом месте, кургана эпохи бронзы (Фоменко, Шаов, 2023).

Большой Кишпекский курган находился не далеко от Шхалишховой горы. Этот памятник был полностью раскопан в 1973-1974 гг. Важно, что насыпь этого кургана создавалась в эпохи ранней и средней бронзы, но в первых вв. н.э. она была превращена в городище с мощными фортификационными сооружениями (конусовидная цитадель около 12 м высотой, ров и вал). К сожалению, материалы, относящиеся к сарматскому времени, из раскопок Большого кишпекского кургана опубликованы не были (Мизиев, 1984. С. 88–89; Фоменко, Шаов, 2023. С. 112).

Городище Гора Озроковых расположено у кладбища селения Исламей. Оно имеет крупную усеченно-коническую цитадель, глубокий ров и вал с сохранившимся проходом. Осмотрено автором в 2022 и 2023 гг.

Городище у селения Чегем II расположено возле дороги к Чегемским водопадам. Его конусовидная цитадель похожа на Гору Озроковых, но значительно меньше в размерах. Осмотрено автором в 2009 и 2023 гг.

Городище на берегу реки Кишпек находится у ее пересечения с трассой Пятигорск-Нальчик. Крупный памятник с несколькими холмами-цитаделями. С южной и восточной стороны к укреплению примыкает селище, где кроме керамики сарматской эпохи, встречаются фрагменты скифского и, возможно, предскифского времени. Осмотрено автором в 2013 г. В 2020 г. частично исследовано археологической экспедицией при реконструкции трассы.

Следует сказать, что наибольшее сосредоточение древних городищ (в том числе и с конусовидными цитаделями) наблюдается в местности Махуэгъэпс между реками Баксан и Кишпек, а также в примыкающем среднем течении Баксана. К сожалению, эти памятники остаются слабо изученными. Большую плотность расположения памятников II–IV вв. в долине р. Кишпек и в ее окрестностях возможно объясняет гидроним Кишпек (каб. Кышбэч, Чышбэч). Этот топоним, вероятно, состоит из двух корней – кЫщ (каб. кузня) и бэч/бек (тюрк. бек, господин). Название реки и прилегающей местности, с корнем КЫщ, скорее всего, указывает на нахождение здесь древнего центра получения и обработки металла. В верховьях Баксана и Малки, а также на некоторых их притоках давно известны месторождения руд железа, меди, свинца и других металлов.

Таким образом, поселения рубежа и первых веков н.э. на территории предгорно-плоскостной части Кабардино-Балкарии являются уникальными и мало изученными памятниками. Вероятно, они имели важное оборонительное и, возможно, культовое значение для местного земледельческо-скотоводческого населения.

Литература

- Керефов Б.М.* 1988. Памятники сарматского времени Кабардино-Балкарии. Нальчик.
- Мизиев И.М.* 1984. Два кургана у селения Кишпек и Кызбурун 3 // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Т.1. Нальчик.
- Прокопенко Ю.А., Фоменко В.А.* 1996. Памятники сарматского времени северо-восточной части Пятигорья (археологическая карта) // Страницы истории России: Межвузовский сборник научных статей. Ставрополь.
- Фоменко В.А.* 2016. О месте первоначального нахождения Этокского изваяния (Дука-бека) // Вестник КБИГИ. № 4 (31).
- Фоменко В.А., Шаов А.Р.* 2023. Городище Шхалишхова гора и некоторые другие памятники рубежа и первой половины I тыс. н.э. на территории Кабардино-Балкарии // Тенденции развития науки и образования. № 98 (7).
- Чеченов И.М.* 1969. Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик.
- Чеченов И.М.* 1987. Новые материалы и исследования по средневековой археологии Центрального Кавказа // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Т. 3. Нальчик.

ГОРНОРУДНОЕ ДЕЛО И МЕТАЛЛУРГИЯ ЖЕЛЕЗА В БАССЕЙНЕ РЕКИ КАРА-КОЙСУ

*Хазамов Д.-А. А.
ООО НПЦ «ДАРС», г. Махачкала*

Е.И. Крупнов отмечал, что на Кавказе на смену цветных полиметаллов железо пришло на рубеже II и I тыс. до н.э. (Крупнов, 1960). Выявленные в Дагестане памятники РЖВ подтвердили этот тезис. В разные годы к теме металлургии железа обращались археологи Д.М. Атаев (1963), В.Г. Котович (1982), М.И. Пикуль (1967), О.М. Давудов (1968; 1974), а также историк А.Е. Криштопа (1980). Тем не менее, история горнорудного дела и металлургии железа в Дагестане остается наименее разработанным направлением. О древней металлургии железа в Дагестане мы имеем представление только по артефактам из раскопок, а сведения о горнорудном деле и выплавке руды очень скудны. Ввиду этого, НПЦ «ДАРС» начал создание базы данных мест рудодобычи и следов железоплавильного дела в Нагорном Дагестане. Наиболее показательны объекты, выявленные в Гунибском районе, где находятся Каракойсунские залежи Центральнодагестанского месторождения в бассейне р. Кара-Койсу (Халиф-Заде, Аббасова, 1963).

В бассейне р. Кара-Койсу выявлено четыре памятника археологии РЖВ: Согратлинское 1-е жертвенное место, Согратлинское 2-е жертвенное место и Гургурраальское поселение РЖВ и Хабадинский могильник. Последний подвергался археологическим раскопкам и хорошо представлен в научной литературе (Пикуль, 1961; 1967; Давудов, 1968), а три других изучены весьма слабо.

В 1967 г. у хут. Гургулраала с. Согратль было открыто поселение РЖВ IX–VII вв. до н.э. (Котович, 1968). В 2021–2022 гг. на этом памятнике нами выявлены артефакты, указывающие на занятия жителей этого поселения металлургией железа (крица, металлургические шлаки и расплавленный флюс из шурфов № 6; 7 и врезки № 1) (Хазамов, 2022; 2023).

Первые данные о т.н. согратлинских жертвенных местах стали известны в 1930-х гг. В 1937 г. в с. Согратль участникам Северокавказской экспедиции ИИМК РАН рассказали о бронзовой статуэтке, найденной жителем этого села на склоне г. Хурци-раал (Артамонов, 1938). А.П. Круглов осмотрел местонахождение статуэтки и описал площадку на вершине этой горы (Круглов, 1946). А культовое место Росдал-меэр выявлено при земляных работах местными жителями в 1934 г. и археологически не было обследовано. В 2021 г. эти культовые вершины исследовал Согратлинский разведочный отряд ДНАЭ НПЦ «ДАРС». Около обеих культовых мест выявлены участки с признаками рудодобычи. Анализы, проведенные специалистами Института геологии ДФИЦ РАН, показали, что рудные образцы с этих культовых мест – окисленные сидеритовые конкреции юрского периода с высоким содержанием железа ($\text{Fe}_2(\text{CO}_3)_3$), а один рудный образец с культовой вершины Хурци-раал – гематит (Fe_2O_3). На одной из двух зон с признаками рудодобычи у культовой вершины Росдал-меэр эти признаки имеют ярко выраженный характер: траншеи-проходки одинаковой ширины (5 м), характерные для добычи руды открытыми выработками (Шевкун, 2015); систематизированное складирование пустой породы; остатки круглоплановых каменных конструкций; вымощенные крупными плитами платформы для складирования руды у мест выемки руды; следы орудий рудокопов на местах выемки руды и т.д.) (Хазамов, 2022). По совокупности этих признаков этот участок культовой горы нами квалифицирован как древний рудник.

Эти вершины являлись культовыми и для населения окрестных сел, куда они до 70-х гг. XX в. поднимались при больших засухах для совершения обрядовых действий. Напрашивается связь этих мест с деятельностью древних горняков. Примеры такой связи известны археологической науке. К примеру, на это указывает К.В. Сальников на примере древних Зауральских рудников, где под каменными плитами найдены «человекообразные медные идола» (Сальников, 1949). В пользу этой гипотезы говорят и признаки рудодобычи на останце известного культового места Кидилашавни (Северо-Западный Дагестан) в виде ям в толще рудного тела. Вокруг этого останца с 1882 г. выявлено более 1000 бронзовых антропоморфных статуэток (Сагитова, 2004). Признаки горнорудного дела в обследуемом нами регионе мы обнаружили и на известном культовом месте Чаазух на гребне г. Азнамеэр (адм. территория с. Чох): остатки рудной жилы под скальными останцами со следами выемки руды; фрагменты еле обозреваемых стен на задернованной поверхности у этих останцев; четырехугольная емкость для сбора воды (1 × 0,6 м; гл. 0,7 м) с подведенными к его углам двумя канавками, а также несколько чашеобразных лунок разных размеров и еще одна незавершенная четырехугольная емкость (0,7 × 0,7 м; гл. 0,03 м) на скальной поверхности; две квадратные ниши на двух вертикальных поверхностях этой же группы останцев; большая прямоугольная ванна с чашеобразной лункой у одного из углов на сползшем валуне к СВ от 1-й группы останцев (1,5 × 1,4 м; гл. 0,5 м). Предположительное функциональное назначение емкости и лунок, а также каменной ванны – обогащение и измельчение руды до выплавки. Неясным остается назначение 2-х четырехугольных ниш на разных высотах и плоскостях вертикальных стенок 1-й группы останцев. К одному из этих ниш (шир. 0,6 м, h = 0,5 м, гл. 0,7 м) имеется доступ, внутренняя поверхность ниши закопчена. Вторая ниша больших размеров и сделана на недоступном скальном останце на высоте более 7 м от поверхности вышеупомянутой скальной площадки с лунками и четырехугольной емкостью. К Ю от скальных останцев святилища Чаазух на большой поляне видна западина с каменной выкладкой по кругу (D = ок. 2,5 м). Еще одно местонахождение искусственных каменных чаш, лунок и одной средних размеров емкости подтреугольной формы (1,2 × 0,9 м; гл. 0,8 м) нами зафиксировано на валунах над скальной грядой у с. Накказух (около 2 км к СЗ от села). В 1974 г. в Накказухе были найдены керамические сопла для сыродутной печи и куски крицы, хранящиеся в Согратлинском филиале Национального музея РД. Следы металлургии железа в этом селении обнаружили и мы – кричные шлаки и крица встречается прямо на улицах села. О следах металлургии железа в этих местах и далее к С и СВ указывается и в специальной литературе (Криштопа, 1980). Как и в с. Накказух, кричные шлаки и крица встречается и на улицах старого квартала Му-крала с. Бацада (авар.: «на шлаках»). Еще одно местонахождение следов металлургии железа имеется к ЮВ от этого села (пещера Гимиширих), где под скальным навесом имеется мощная рудная жила, в которой вырыты копи. Перед навесом – заросшие кустарником разрушенные строения из колотого камня, где встречаются кричные шлаки. На одном участке скальной поверхности встречаются гравированные наскальные изображения в виде концентрических кругов и изображений человека. Такая же ситуация на другом местонахождении у с. Унты (скальный навес *Копил нохо*), где кроме следов выемки руды и каменных конструкций имеется толща кричных шлаков и криц. Отвалы кричных шлаков возле разрушенных каменных конструкций нами зафиксированы еще в трех местонахождениях на землях с. Ругуджа. Особый интерес представляют остатки плавильной печи прямоугольной формы из колотого камня (на верхних камнях – натеки плавленного железа) у заброшенного ругуджинского отселка Ункила.

Многие пещеры, обследованные нами в бассейне р. Кара-Койсу оказались штольнями и скальными навесами с целиками. К примеру, известные писаницы *Чинна-Хитта* (мезолит – эпоха бронзы) у одноименного хутора с. Согратль (Котович, 1976) оказались нанесенными на скальную поверхность на недостижимой высоте. Это явилось следствием выборки рудной жилы под скальным массивом.

По нашим данным, получение железа сыродутным способом в бассейне р. Кара-Койсу практиковалось местными кузнецами до 1-й четв. XX в. К примеру, кузнецы с. Согратль до

революции добывали руду и плавилы железо в ур. *Хордатль* в верховьях р. Бец ор. Расстояние от Согратля до этого урочища – более 30 км пешего пути. Этот факт красноречиво говорит о том, что запасы доступных им местных рудников к этому времени были истощены. Об этом же свидетельствуют и обследованные нами штольни с остатками руды.

Литература

- Артамонов М.И.* 1938. Отчет о работах Северокавказской экспедиции в Дагестане в 1937–1938 гг. Махачкала, 1939 // РФ ИИАЭ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 33.
- Атаев Д.М.* 1963. Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала.
- Давудов О.М.* 1968. К вопросу о материальной культуре и производстве древнего Дагестана (X–IV вв. до н.э.). Махачкала.
- Давудов О.М.* 1974. Культуры Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала.
- Котович В.Г.* 1968. Отчет о работе 1-го горного отряда Дагестанской археологической экспедиции в 1967 г. Махачкала // РФ ИИАЭ. Ф. 27. Оп. 1. Д. 26.
- Котович В.М.* 1976. Древнейшие писаницы горного Дагестана. М.
- Котович В.Г.* 1982. Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана. М.
- Криштопа А.Е.* 1980. Средневековый очаг металлургии в бассейне Каракойсу // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала.
- Круглов А.П.* 1946. Культовые места горного Дагестана // КСИИМК. Вып. XII.
- Крупнов Е.И.* 1960. Древняя история Северного Кавказа. М.
- Пикуль М.И.* 1961. Хабадинский могильник // Материалы по археологии Дагестана. Т. II. Махачкала.
- Пикуль М.И.* 1967. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала.
- Сагитова М.Д.* 2004. Культовая гора Кидилашани // Древний Кавказ: Ретроспекция культур. XXIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. М.
- Сальников К.В.* 1949. К вопросу о древней металлургии в Зауралье // КСИИМК. Вып. XXIX.
- Халиф-Заде Г.М., Аббасова С.М.* 1963. Сидеритовые залежи Дагестана. М.
- Шевкун Е.Б.* 2015. История горного дела: учеб. пособие. Хабаровск.

КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ АРХЕОЗООЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ СЕЛИЩА РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА БАЛКА ДИБРАВИНА I В КРАСНОДАРСКОМ КРАЕ

Шишлина Н.И.¹, Рослякова Н.В.², Бачура О.П.³

¹Государственный исторический музей, г. Москва

²Самарский государственный социальный-педагогический университет, г. Самара

³Институт экологии растений и животных УрО РАН, г. Екатеринбург

Работа подготовлена при содействии РНФ, проект № 21-18-00026

«Ресурсы и человек в эпоху бронзы-средневековья:

динамика использования аридных регионов юга России».

С рубежа эпох бронзы и РЖВ и до конца античности Прикубанье населяли меоты, ираноязычные и автохтонные кавказские племена. Хотя известно более 200 меотских городищ (Лимберис, Марченко, 2010. С. 190), исследования бытовых памятников и хозяйства меотской культуры малочисленны (Эрлих, 2007. С. 67).

Данная работа посвящена поселению Балка Дибравина I, которое расположено в Прикубанской наклонной равнине Западного Предкавказья, в Северском районе Краснодарского края, на левом берегу Кубани. Оно исследовано в 2017 г. АНО «Научно-исследовательским центром по сохранению культурного наследия» (г. Саратов) под руководством А.Г. Шереметьева.

В ходе работ на нем было выявлено 3 культурных горизонта – неолитический, меотский и нового времени (XIX–XIX вв.). Подавляющее большинство объектов и находок относится к раннему железному веку. Они располагались преимущественно на склоне террасы р. Бугай. Объекты представлены хозяйственными ямами, где среди керамики преобладает меотская лепная; найдено небольшое количество античной тарной. Авторы раскопок датируют памятник VI–V вв. до н.э. и характеризуют его как типичное сельскохозяйственное поселение, оставленное оседлым населением.

Радиоуглеродное датирование двух образцов кости *Bos taurus* из наиболее насыщенного меотской керамикой участка раскопа (кв. В9 пл. 4) и из хозяйственной ямы (№ 40) подтвердила хронологию памятника, соотнеся ее с периодизацией В.Р. Эрлиха, согласно которой селище может быть отнесено к меото-скифскому (раннемеотскому) периоду конца VII–IV вв. до н.э. (Эрлих, 2007).

Археозоологические материалы

Остеологическая коллекция включает 428 костей млекопитающих (99,3%), 3 кости рыб и 14 фрагментов раковин двустворчатых моллюсков. Практически все кости являются кухонными остатками.

До видового уровня определено 307 кости (71,2%), все копытные: кости КРС составляют 61,1%, МРС – овцы (*Ovis aries*) или козы (*Capra hircus*) – 18,2%, лошадь (*Equus caballus*) – 10,7%, свинья (*Sus scrofa domesticus*) – 10,0%. В 14 случаях кости МРС определены до вида, все они принадлежат козе.

Таким образом, мясной рацион жителей селища включал мясо домашних копытных. Изучение возраста забитых животных показало, что КРС, МРС и лошадь разводили не только для получения мяса, но использовали их прижизненные продукты (молоко, шерсть, мускульную силу, навоз).

Сезон забоя животных

Исследование основано на изучении ростовых слоев в зубах (цементе и дентине). Сезон определялся по степени сформированности последнего краевого слоя в корневом цементе зубов (Клевезаль, 1988). Из разных мест памятника для анализа отобрано 28 зубов от 14 особей

КРС, 5 особей МРС и 9 особей свиньи. Большая часть животных (63,0%) забита в конце осени и зимой; в три раза меньше весной (22,0%), минимальное количество – летом (15,0%). Таким образом, среди проанализированных образцов найдены особи, забитые во все сезоны года. Это указывает на то, что Балка Дибравина I была стационарным поселением, функционировавшим круглый год.

Стабильные изотопы углерода и азота коллагена костей животных

Для выявления вероятных мест выпаса скота было проведено исследование состава стабильных изотопов углерода и азота коллагена 14 образцов костей животных: 6 – КРС, 4 – МРС, 2 – лошади, 2 – свиньи. В качестве сопоставительного фона использовались общие данные по изотопному составу пастбищ с преобладающей С3 растительностью, смешанные С3/С4, С3/С4 – аридные, С4 и С4-аридные, полученные по разным участкам степной зоны юга Русской равнины (Shishlina et al., 2018).

Сравнительный анализ изотопного состава костей домашних животных позволил предположить, что среди растительных компонентов животных кормов присутствовали пастбищные растения группы С4 аридных регионов и просо, которое наряду с пшеницей было основной сельскохозяйственной культурой меотов (Лебедева, 2009). Высокие величины изотопного состава азота в костях КРС, МРС могут быть связаны с использованием навоза в качестве удобрения полей. Таким образом, жители селища могли практиковать осенний выпас на стерне.

Вариации изотопного состава коллагена костей разных видов животных могут указывать на отдельный выпас КРС, МРС и лошадей, причем МРС преимущественно выпасались на смешанных С3/С4 пастбищах. Кроме этого некоторые особи КРС и МРС могли быть не местными и попасть на территорию поселения в результате обменных или торговых операций, или выпастись на отдаленных от селища пастбищах.

Соотношения изотопов стронция

С целью определения возможного места рождения животных, разводимых и/или забитых на изучаемом селище, примерно в 30 образцах зубов животных в дентине и цементе были определены соотношения изотопов стронция. При отсутствии местных изоскейпов результаты измерений в дентине использовались в качестве фоновых.

Совокупные вариации изотопов стронция в эмали животных значительно выше, чем в дентине. Причем, наибольшие вариации в эмали наблюдают у КРС. Возможно, эти особи могли родиться за пределами ареала, где располагалось селище, затем выпастись на близлежащих пастбищах. Забой скота происходил на самом селище. Приблизительно такая же картина выявлена у свиней и МРС. Был исследован 1 зуб лошади, вариации изотопного состава стронция в ее эмали свидетельствуют, что эта особь была не местная.

Заключение

Таким образом, меотское селище Балка Дибравина I было стационарным, функционировавшим круглый год. Домашних животных разводили для получения как мясных, так и прижизненных продуктов. Скот выпасался на близлежащих пастбищах и, возможно, на пашенных угодьях после уборки урожая. Сельскохозяйственные культуры, вероятно, включали и просо, растение группы С4. Вероятно, практиковался отдельный выпас разных видов животных. Жители селища могли заготавливать корма на зиму, в том числе просяную солому. Часть животных могла поступать на поселение из других регионов в результате торгово-обменных операций. Дальнейшие исследования костного материала позволят уточнить сделанные выводы.

Литература

- Клевезаль Г.А.* 1988. Регистрирующие структуры млекопитающих в зоологических исследованиях. М.
- Лебедева Е.Ю.* 2009. Культурные растения на памятниках античного времени юго-восточной периферии Боспора (сравнительный анализ археоботанических данных) // *ABRAU ANTIQUA*. Результаты комплексных исследований древностей полуострова Абрау. М.
- Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* 2010. Меоты // *Античное наследие Кубани*. Т. 1. М.

Эрлих В.Р. 2007. Северо-Западный Кавказ в начале железного века: протомеотская группа памятников. М.

Shishlina N., Sevastyanov V., Kuznetsova O. 2018. Seasonal practices of prehistoric pastoralists from the south of the Russian plain based on the isotope data of modern and archaeological animal bones and plants // *Journal of Archaeological Science: Reports*. Vol. 21.

НОВЫЕ ПРОТОМЕОТСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ ИЗ ПРЕДГОРНОЙ АДЫГЕИ

Эрлих В.Р.¹, Леонтьева А.С.², Еременко К.Ю.³

¹Государственный музей Востока, г. Москва

²ООО «Культурное наследие», г. Москва

³Северо-Кавказский филиал Государственного музея Востока, г. Майкоп

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 22-18-00108

«Северный Кавказ в эпоху поздней бронзы и раннего железа: люди, кони, металл».

Летом 2023 г. Кавказской археологической экспедицией Государственного музея Востока и ООО «Культурное наследие» (начальник отряда А.С. Леонтьева) исследовались курганы, попавшие в зону хозяйственного освоения, расположенные на Азишском хребте выше станицы Даховской в Майкопском районе Республики Адыгея. В процессе этих работ был обнаружен ряд погребений, относящихся к протомеотским памятникам.

Погребение всадника с лошадью времени «киммерийских походов» в могиле, вырубленной в скальном основании и перекрытой каменными плитами, обнаружено в кургане «Азишский-98». Оно оказалось перекрыто насыпью более позднего времени, относящейся к V в. до н.э. Погребенный лежал головой на северо-северо-запад на спине с завалом на левый бок. Ноги слабо согнуты в коленях. В ногах погребенного стояли две крупные корчаги. За головой справа от черепа обнаружены бронзовый скипетр и оселок. На грудной клетке находилась бронзовая колхидская фибула с симметричной дуговидной ложновитой дужкой. На уровне грудной клетки справа от скелета найдены железный втульчатый наконечник копья и кремневый отщеп. Рядом с сосудами у правой ступни зафиксированы 5 бронзовых крестовидных бляшек, бронзовая лунница, бронзовые удила и псалии. К востоку от погребенного на скальном основании находились кости коня. Туша лошади была поделена на две части, передняя часть лежала на некотором удалении от задней.

Удила имеют двукольчатые окончания и ложновитое рифление. Встреченные в погребении псалии относятся к «классическому» новочеркасскому типу IV, который известен в ряде протомеотских памятников предгорного варианта: в кургане 46 могильника Клады, в могильнике Ясеновая Поляна, в кургане у ст. Махошевской, а также в могильниках центрального варианта – Пшиш, Чишхо, Уашхиту I, к. 2, п. 9 (Эрлих, 2007. С.125). Полной аналогией бляшкам с крестовидным щитком (рис. 1, 2) является бляшка из кургана 46 могильника Фарс/Клады (Лесков, Эрлих 1999. С. 133. Рис. 41, 5). Найденная в азишском погребении сильно изогнутая лунница имеет два спиральных завитка и пять кружков. Центральный кружок украшен солярным знаком в виде ромба (рис. 1, 4). Близкая по форме лунница также встречена в колесничном комплексе кургана 46 могильника Фарс/Клады (Лесков, Эрлих, 1999. С. 133. Рис. 41, 4), однако полная аналогия ей имеется в комплексе разрушенного впускного погребения кургана 8 могильника Яснозорье Черкасской области Украины (Скорый, 1999. С. 124. Рис. 18, 5). В состав этого комплекса входил фрагмент трехпетельчатого псаля и «новочеркасский» наконечник стрелы.

Топорик-скипетр воинского погребения кургана 98 (рис. 1, 1) имеет грибовидный обух и широкое лезвие, закругленное в нижней части, подобно клюву хищной птицы (тип П-1 по В.Р. Эрлиху). Ближайшие аналогии ему происходят из станицы Абадзехской (случайные находки – 2 экз.), из могильника Кочипэ и станицы Шапсугской (Эрлих, 2007. С. 110, 354. Рис. 165, 4–7). У каждого из этих топорилов по-разному орнаментирован проух. Уникален

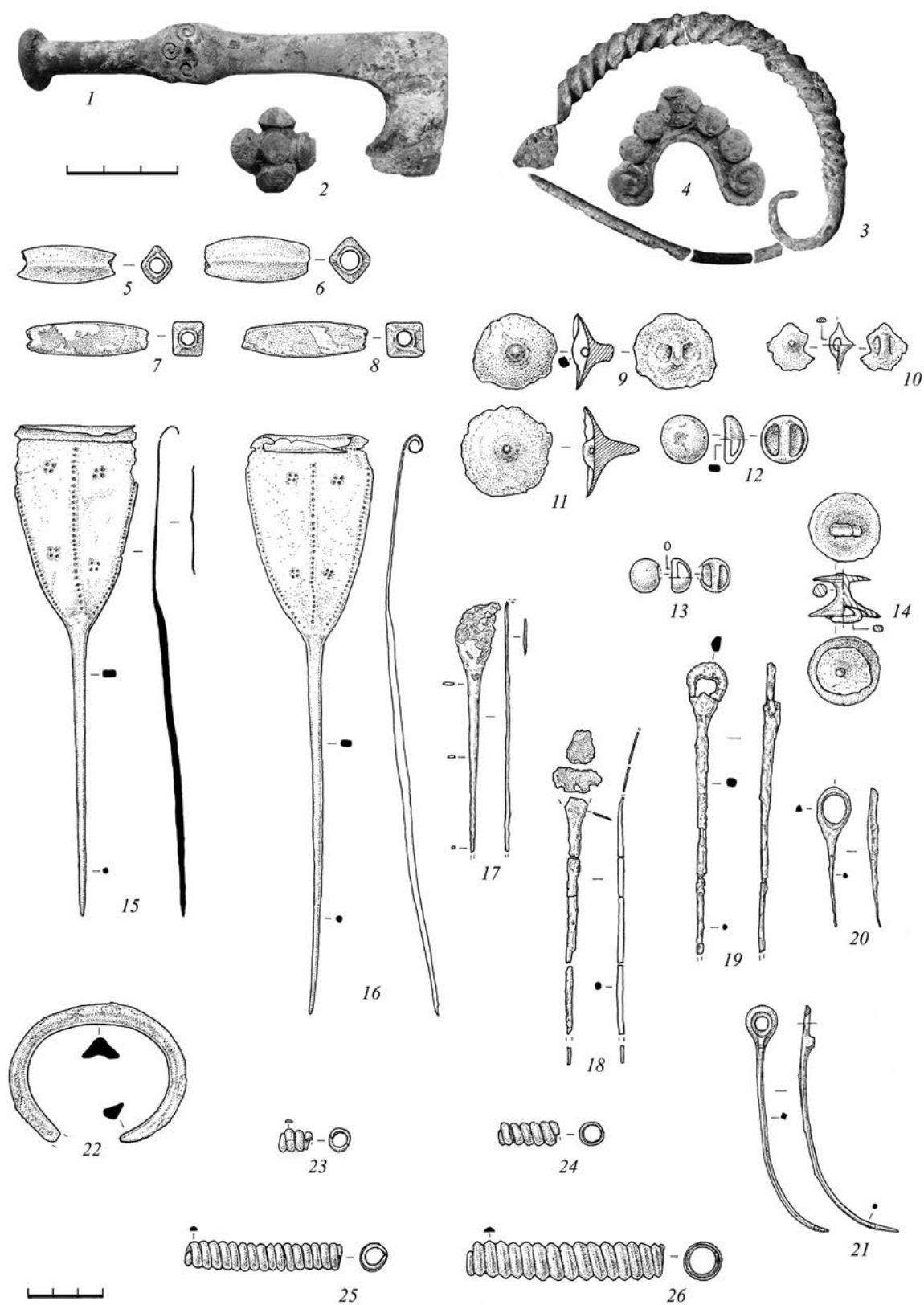

Рис. 1. 1–4 – курган «Азишский 98», п. 1; 5–25 – курган «Азишский 16» (грунтовый могильник «Азишский») (5, 6, 17, 18 – п. 1; 7, 8, 15, 16 – п. 2; 11, 12, 21, 22, 25, 26 – п. 3; 23 – п. 4; 9, 19 – п. 9; 13, 14, 20, 24 – п. 10; 10 – п. 13). Все бронза

орнамент и на проухе азишского топорика: он имеет отверстие и спиральные завитки вокруг него, нанесенные гравировкой. Очевидно, все это должно символизировать «глаз» хищной птицы.

На основании хронологии сопровождающего инвентаря это погребение можно отнести к «классическому» новочеркасскому периоду и датировать концом VIII в. до н.э.

Чрезвычайно интересна находка в этом погребении дуговидной колхидской фибулы (рис. 1, 3) с симметричной ложновитой дужкой без кольцевидных утолщений на дуге (тип I-1 по А.Ю. Скакову) (Скаков, 2008. С. 78). По его данным на территории Колхиды фибулы этого типа появляются не ранее IX в. до н.э. и доживают до первой половины VII в. до н.э. (Скаков, 2008. С. 82). Данный комплекс с фибулой с одной стороны маркирует путь в Закавказье, который проходил по Азишскому хребту, с другой – позволяет уточнить время бытования этих фибул.

Могильник времени перехода к раннему железному веку также был обнаружен при исследовании кургана «Азишский-16», расположенного несколько ниже по Азишскому хребту. Он перекрыл насыпь кургана ранней бронзы – «новосвободненского» этапа майкопской культуры. К этому могильнику сейчас по материалу можно отнести 8 погребений. Все погребенные в них – одиночные в вытянутой позе. Ориентировка погребенных неустойчива и имеет преимущественно СЗ и Ю направление. Материал представлен преимущественно украшениями из бронзы. Это булавки с овальной петлей (тип 4 по В.Р. Эрлиху) (рис. 1, 18–21) (Эрлих, 2007. С. 160. Рис. 219, 19, 20), бляшки-пуговицы с коническим выступом в центре (тип 3) (рис. 1, 9–11) (Эрлих, 2007. С. 132. Рис. 196, 7, 8), полусферические бляшки с петлей в виде прямой пластины (тип 2) (рис. 1, 12, 13) (Эрлих 2007. С. 132; Рис. 196, 1, 5), спиральные пронизи цилиндрической формы (рис. 1, 23–26), несомкнутый литой браслет с треугольным сечением (тип 1, вар. 1) (Эрлих, 2007. С. 157. Рис. 217, 10–13). Все эти предметы в целом характерны для ранней группы протомеотских памятников предгорного варианта. Импорт из Абхазии можно считать коническую бляху с расширением в верхней части (рис. 1, 14). Ближайшими ей аналогиями являются бляхи из могильника Осиарху в Абхазии (Бжания и др., 2004. С. 39. Рис. 4). Весьма необычно для предгорных протомеотских памятников выглядят два погребения (№ 1 и 2) с парными массивными четырехгранными в сечении бронзовыми бусинами (рис. 1, 5–8) и булавками «весловидной» (или «лопатовидной по В.И. Козенковой) формы (рис. 1, 15–18). Бусы не находят полных аналогий среди бус этого времени Северного Кавказа. Весловидные булавки, верх которых закручен в трубочку встречены на Западном Кавказе в памятниках приморско-абинского варианта – Сукко (Атмачева щель) и Геленджикские дольмены (железная) и центрального варианта – могильники Николаевский и Пшиш-I (Эрлих, 2007. С. 159. Рис. 67, 13; 73, 8; 219, 5, 6). Гораздо чаще они встречаются в памятниках кобанской культуры (тип X, вар. 1 по В.И. Козенковой) (Козенкова, 1982. С. 58. Табл. XXXVI, 1–8; 1998. С. 66. Табл. XXII, 1–3). Пара булавок из п.2 Азишского могильника имеет широко раскованные навершия в виде вытянутого треугольника, покрытые пуансонным орнаментом (рис. 1, 15, 16). Ближайшими аналогиями являются три булавки из склепа у селения Бети-Мохк Ножай-Юртовского района Чечни (раскопки Р.М. Мунчаева, 1958 г.) (Мунчаев, 1961. С. 60. Рис. 18, 12; Козенкова, 1982. Табл. XXXVI, 1). По мнению В.И. Козенковой, булавки этого варианта появляются в конце II тыс. до н.э. и типичны для ареала кобанской культуры на протяжении длительного периода, в ареале восточного варианта они доживают до скифского времени (Козенкова, 1998. С. 66, 67).

В целом, опираясь на хронологию могильника Фарс/Клады, материалы, обнаруженные в грунтовом могильнике «Азишский» – булавки с овальной петлей, конические бляшки, цилиндрические пронизи, полусферические бляшки с петлей-перекладиной могут быть отнесены к раннему «предновочеркасскому» периоду и предварительно могут быть датированы в рамках IX – первой половины VIII в. до н.э. (Лесков, Эрлих, 1999. С. 71).

Подводя итоги рассмотрению вновь открытых протомеотских комплексов на Азишском хребте, можно сказать, что в целом их можно отнести к предгорному варианту протомеотской

группы памятников, однако, находясь на пути к перевалам в Закавказье, они отличаются присутствием колхидских и кобанских импортов.

Литература

- Бжания В.В., Бжания Д.С., Хондзия З.Г., Азумаа А.С.* 2004. Погребальный комплекс Осиа-рху в селе Куланнурхва // *Абхазоведение*. Вып. III. Сухум.
- Козенкова В.И.* 1982. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант. М.
- Козенкова В.И.* 1998. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант. М.
- Лесков А.М., Эрлих В.Р.* 1999. Могильник Фарс / Клады. М.
- Мунчаев Р.М.* 1961. Новые данные по археологии Чечено-Ингушетии // *КСИА*. Вып. 84.
- Скаков А.Ю.* 2008. Фибулы древней Колхиды: происхождение, типология, хронология // *Revista Arheologică. Serie noua*. Vol. IV (2).
- Скорый С.А.* 1999. Киммерийцы в Украинской Лесостепи. Киев; Полтава.
- Эрлих В.Р.* 2007. Северо-Западный Кавказ в начале железного века. Протомеотская группа памятников. М.

КУВШИН С ЗООМОРФНОЙ РУЧКОЙ ИЗ МОГИЛЬНИКА ЗАЮКОВО-3 КАК СВИДЕТЕЛЬСТВО ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ТРАДИЦИЙ САРМАТСКОЙ И АЛАНСКОЙ ЭПОХ

Яганова З.Э.

Кабардино-Балкарский научный центр РАН, г. Нальчик

С 2014 г. и по сегодняшний день Объединенная Северокавказская археологическая экспедиция ГИМ, совместно с КБНЦ и ИА РАН исследует могильник Заюково-3. Памятник расположен на высоком скальном мысу близ сел Заюково и Кёнденлен Баксанского района Кабардино-Балкарской республики, и включает в себя погребения кобанской и сарматской эпох, а также эпохи раннего средневековья. Общее время функционирования могильника укладывается в рамки с VIII вв. до н.э. до VIII вв. н.э. с несколькими перерывами (Кадиева, Демиденко 2017. С. 164–165).

Из катакомбного аланского погребения 177 этого могильника происходит необычный кувшин с ручкой в виде кошачьего хищника, обнаруженный на дне камеры у ее западного угла, лежащим на боку. Костяк погребенного, уложенного на правом боку головой на северо-восток, был обнаружен в юго-восточной части камеры. Его деформированный череп был смещен со своего места. Руки погребенного были согнуты в локтях и первоначально подтянуты к голове, кости кистей не сохранились. Погребенного сопровождал инвентарь, состоящий из многочисленных бронзовых, серебряных и железных накладок, пряжек, пластин, бляшек и ножей, были также фибула, бисер, фрагменты кожи и деревянного седла. К сожалению, ввиду плохой сохранности костей определить пол погребенного не удалось, но судя по составу оставшегося инвентаря, который встречается в статусных захоронениях, предположительно, погребение принадлежит мужчине.

Кувшин коричневого цвета с заглаженной поверхностью и яйцевидным туловом (рис. 1, 1). Венчик сосуда отогнут, имеет хорошо выраженный желобчатый слив, горло высокое, расширенное кверху. Дно плоское и устойчивое. Подовальная в сечении ручка выполнена в виде фигуры хищного животного: верхний ее прилеп осуществлен под венчиком к горлу сосуда, а нижний – к плечу сосуда. На ручке у изображения отчетливо видны глаза, пасть, выпуклым рельефом показаны плечи и передние лапы, которые одновременно служат верхним прилепом. У животного изогнутая длинная шея, с головой которая возвышается над устьем сосуда. Далее, линия шеи и плеч плавно переходит в дугообразную спину, которая завершается нижним прилепом. Задние лапы не обозначены, изображение – схематично. Поджарое сухое тело хищника, а также поза фигуры позволяет отнести изображенного к семейству кошачьих.

Кроме того, сосуд украшен тремя сосцевидными выступами, которые располагались на плечиках, чуть выше середины тулова. По линии плечика расположены два пояска из парных семечковидных вдавлений, которые плавно, также двумя рядами, спускаются и обрамляют все три налепа. Вокруг второго налепа линии смыкаются. Фоном выше описанного орнамента служат еле заметные диагональные пролощенные линии по всей верхней части тулова.

Авторы раскопок А.А. Кадиева и С.В. Демиденко по сопровождающему металлическому инвентарю датировали погребение 177 второй половиной V – первой половиной VI в. н.э.

В своей монографии о керамике могильника Мокрая Балка, В.Ю. Малашев данный тип кувшинов включил в I группу (Кв.1) и датирует их тем же периодом. Он отметил, что форма данного типа кувшинов восходит к керамике сарматского времени II–IV вв. Затеречья и Кабарды, а эволюционный ряд этих сосудов прослеживается еще на материалах могильника Клинь-Яр III (Малашев, 2001. С. 36).

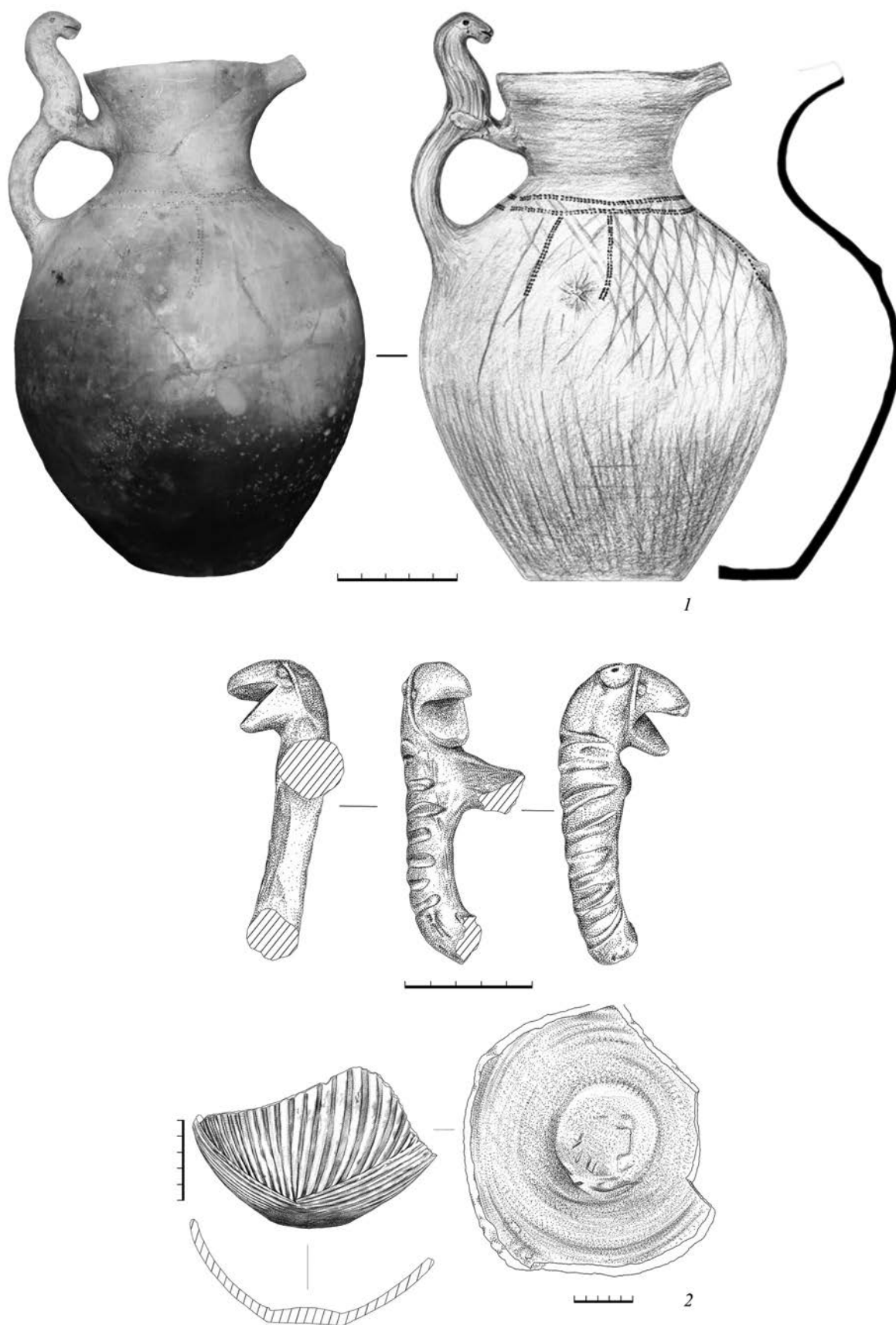

Рис. 1. 1 – могильник Заюково-3. Кувшин. Погребение 177; 2 – могильник Хуламский 1-й могильник. Фрагменты сосуда. Случайная находка. Керамика. Фото А.А. Кадиевой. Рисунки Е.Ю. Бахаревой

Не менее интересным и, скорее всего, наиболее схожим с кувшином из погребения 177 могильника Заюково-3 является фрагменты сосуда из, предположительно, Хуламского 1-го могильника. Сосуд ранее не был опубликован и не вошел в отчет раскопок В.М. Батчаева, Б.М. Керефова и Р.Н. Ступниковой в 1977 г. От сосуда сохранились 3 фрагмента: нижняя часть тулова и дно, ручка и стенка сосуда возле ручки (рис. 1, 2). Сосуд чернолощенный, дно плоское и устойчивое. На поверхности имеется орнамент в виде многорядных диагональных и вертикальных углубленных каннелюр, скорее всего, формировавших сетчатый декор на тулове. Ручка выполнена в виде хищного животного, также вида кошачьих. У изображения животного отчетливо видны глаза, широко разинутая пасть, уши. Лапы одновременно предстают как верхний, так и нижний прилепы. Голова хищника повернута в правую сторону, если смотреть на сосуд со стороны ручки. На спине хищника имеется такой же орнамент, что и на тулове сосуда: слегка скошенные многорядные углубленные каннелюры. К сожалению, отсутствие каких-либо упоминаний о данном сосуде и выявление его при разборе коллекции без сведений о происхождении, не позволяет дать предмету точную датировку. Тем не менее, стилистика изображения на ручке позволяет датировать ее аланским временем.

Стилистическим подобием ручке из Хуламского 1-го могильника является чаша из станицы Мигулинская Ростовской области (Ростовцев, 1917. С. 106–108). Сосуд из золота с раздутым шаровидным туловом и круглым дном. Ручка представлена в виде фигуры хищника семейства кошачьих, которая инкрустирована бирюзовыми и коралловыми вставками. Сосуд является случайной находкой и датирован I в. н.э.

Вероятнее всего, рельефная поверхность ручки из Хуламского могильника имитирует те самые инкрустации на ручке сосуда из станицы Мигулинской. Образ кошачьего хищника из могильника Заюково-3 отличается от ранее описанных ручек, тем не менее, четко прослеживается связь в стоящих ровно позах животных во всех трех случаях.

Таким образом, исходя из вышесказанного, мы имеем дело с традициями среднесарматского времени, которые продолжают существовать в раннеаланском искусстве до IV в. н.э. не только в ювелирном, но и керамическом искусстве. Более того, после длительного перерыва данные традиции возрождаются и прослеживаются А.А. Кадиевой и С.А. Гончаровым в ременных украшениях VIII в. н.э. (могильники Галиат и Песчанка).

Что касается формы сосуда из погребения 177 могильника Заюково-3, то данный тип кувшинов восходит к северокавказской керамике сарматского времени II–IV вв., что позволяет считать данную разновидность кувшинов привнесенной в готовом виде в керамический комплекс данного района. Учитывая малочисленность сосудов с зооморфными ручками в некрополе, можно предположить, что образ хищного животного, изображаемого в форме ручки, не был так популярен в керамическом искусстве населения Баксанского ущелья. Тем не менее, сосуды с зооморфной ручкой, а в нашем случае исключительно в виде фигур кошачьих хищников, носили особый семантический смысл и роль таких ручек выглядит крайне важной.

Литература

- Кадиева А.А., Демиденко С.В.* 2017. Раскопки комплекса археологических памятников близ селения Заюково (Кабардино-Балкарская республика) // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ). Гуманитарные и общественные науки. № 2 (87).
- Малашев В.Ю.* 2001. Керамика раннесредневекового могильника Мокрая Балка. М.
- Ростовцев М.И.* 1917. Надпись на золотом сосуде из ст. Мигулинской // Известия ИАК. Том 63. СПб.

АРХЕОЛОГИЯ
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

ТАРНАЯ КЕРАМИКА И ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА ГОЦАТЛИНСКОГО (ОРТОКОЛИНСКОГО) 1 ПОСЕЛЕНИЯ (РАСКОП 2)

*Албегова (Царикаева) З.Х.
Институт археологии РАН, г. Москва*

*Исследование выполнено в рамках госзадания Института археологии РАН по теме
«Города в культурном пространстве Северной Евразии в Средневековье»
(№ НИОКТР 122011200266-3).*

Гоцатлинское (Ортоколинское) 1 поселение расположено в Хунзахском районе Республики Дагестан, близ с. Б. Гоцатль в местности Орто-коло. Поселение и сопутствующий ему Гоцатлинский (Ортоколинский) 3 могильник были выявлены М.И. Пикуль в 1956 г. Сведения об этих памятниках, попавших в зону строительства Гоцатлинской ГЭС, уточнялись Ш.О. Давудовым в ходе разведки 2010 г. В 2013, 2014 гг. на поселении и могильнике силами экспедиций ДНЦ РАН (А.И. Таймазов, Р.Г. Магомедов) и ИА РАН велись спасательные раскопки. Экспедицией ИА РАН исследовался один из кварталов поселения, расположенный в пределах раскопа 2 (З.Х. Албегова), и могильник (В.Ю. Малашев, А.К. Абиев). Памятники предварительно датируются X – сер. XIII в. Поселение, видимо, было заброшено в первой пол. – сер. XIII в.

Сегодня материалы поселения нуждаются в систематизации и введении в научных оборот. Особенно важно обобщение данных о массовых находках. Поэтому целью данного исследования стал анализ тарной керамики (хумов), выявленной на раскопе 2. Коллекция фрагментов тарных сосудов только из помещений, не считая пространства вокруг них, представлена 2720 ед., что составляет около 37% фрагментов керамики, обнаруженных на раскопе (7313 фрагмента). Этот массив информации – важный источник для изучения не только гончарного производства, основных типов изготовлявшейся керамической продукции нагорного Дагестана конца XII – сер. XIII в., но и понимания планировки и исторической топографии поселения.

Статистический анализ распределения фрагментов тарной керамики по стратиграфическим слоям показал, что 43% фрагментов выявлено в поверхностном слое (слой 1), представленном возвышающимися над дневной поверхностью заветренными камнями разрушенных стен. Часть камней вместе с фрагментами керамики были смещены с исходных мест развалов в позднее (советское) время, когда на территории поселения был разбит абрикосовый сад.

Еще 28% фрагментов обнаружены ниже, в слое более ранних обрушений стен (слой 2). Он представлял собою камни, упавшие на древнюю поверхность (земляной пол сооружений) и затянутые материковым грунтом (светлым желто-коричневым суглинком). 26% фрагментов тарных сосудов зафиксированы на земляном полу построек и в слое пола (слой 3). 3% фрагментов залегали ниже уровня пола в предматериковом слое (слой 4). Фрагменты, обнаруженные в разных слоях, единообразны, что дает возможность говорить об их принадлежности к одному времени.

Таким образом, распределение фрагментов тарной керамики по слоям показывает, что чем ниже слой, тем меньше фрагментов. Это компенсируется наличием *in situ* на полу или в специальных углублениях в полу целых форм хумов, их крупных частей и больших развалов.

Выделяется два типа хумов, использовавшихся синхронно в конце XII – сер. XIII в., до момента прекращения функционирования поселения. Все это сосуды с сильно расширяющимся от донца к плечам туловом, невысоким относительно широким горлом и уплощенной верхней горизонтальной площадкой венчика. Размеры сосудов несколько различались.

Тип 1 (рис. 1, 2, 6–8) – красноглиняные хумы с туловом, покрытым расчесами и несколькими горизонтальными поясками из налипших валиков с защипами, скрывающих места стыков отдельных частей хума. Венчики Г-образные, по краю обычно декорировались ритмичными углублениями. Сосуды изготавливались из плотной хорошо отмученной глины с очень мелкими включениями отошителя. Высота сохранившегося сосуда из постройки 4 (рис. 1, 2) – 91 см.

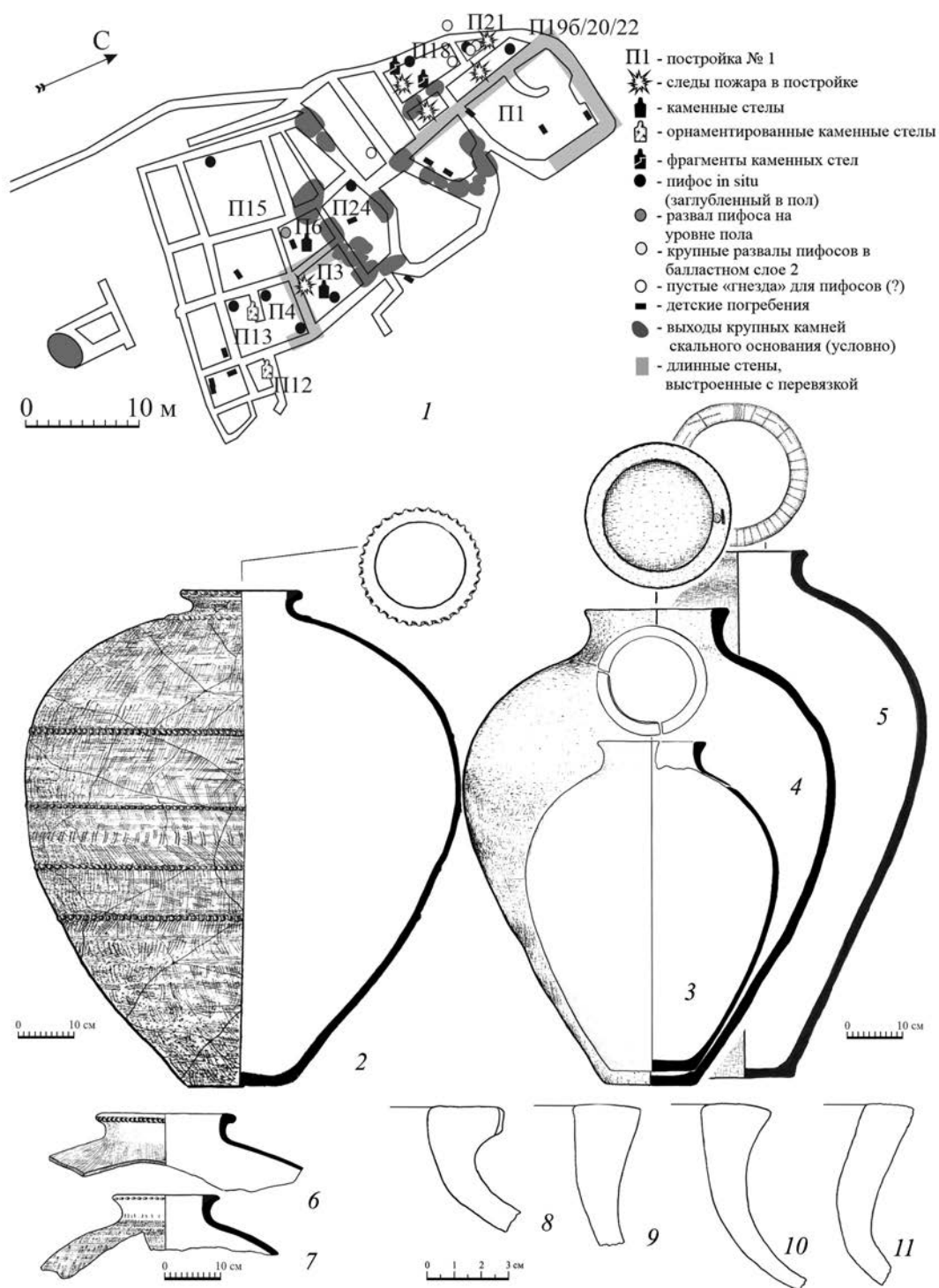

Рис. 1. Гоцатлинское (Ортоколинское) 1-е поселение. 1 – план местонахождения целых хумов и их крупных профильных фрагментов, соотношение с находками каменных стел. 2, 3 – постройка № 4; 4, 7 – постройка № 21; 5 – постройка № 18, 6 – находка к СЗ от постройки № 21; 8–10 – постройка № 1; 11 – находка за ЮВ стеной постройки № 1

Тип 2 (рис. 1, 3-5, 9-11) – красноглиняные гладкостенные хумы. Хотя и в редких случаях, они все же декорировались пояском с крупной ломаной линией, волной, проведенных «гребенкой». Сосуды типа 2 по сравнению с типом 1 имеют несколько более широкое горло. Венчик слегка отклонен наружу, расширяется кверху, его поверхность уплощена. Тесто плотное с примесью большого количества крупных включений. Высота полнопрофильных форм варьирует от 60 до 97 см.

Хумы достаточно качественные и в рамках своих типов морфологически единообразные, что говорит в пользу их серийного производства. Так как следов гончарного производства на поселении не обнаружено, представляется, что округа снабжались тарной керамикой из некоего единого гончарного центра.

Места концентрации тарной керамики на раскопе 2 дают возможность прояснить планировку квартала и помещений, понять динамику застройки. Концентрация находок хумов *in situ* в северо-западной и юго-восточной частях квартала (рис. 1, 1) позволяет локализовать два крупных хранилища продовольствия, включающих несколько примыкающих друг к другу помещений, а также предположить наличие хозяйственных и жилых этажей в постройках. Например, в постройке 3, где находился вкопанный в землю хум, еще в древности был заложен камнем единственный дверной проем. То есть проникнуть в это хранилище было возможно только через верхний этаж. Интересно, что с местами концентрации хумов коррелируют следы пожаров и обрушения деревянных плах. Это может свидетельствовать о наличии элементов деревянной архитектуры над хранилищами, в частности, вторых этажей с деревянными полами, перекрытиями.

В одних помещениях с хумами, как правило, находились каменные антропоморфные орнаментированные стелы, видимо, культового назначения и неорнаментированные стелы (Албегова и др., 2014), использование которых в том числе и в хозяйственных целях нельзя исключать. Соседство стел и хумов подчеркивает важную роль хранилищ. Показательно и оттискивание на венчиках некоторых хумов крестов (рис. 1, 5).

С другой стороны, хумы практически не коррелируют с детскими погребениями, обнаруженными в помещениях данного квартала. У многих кавказских народов маленькие дети погребались не на кладбище, а у дома. Сочетание хума, стелы и детского погребения, которое мы видим в постройке 6 (рис. 1, 1) – единственное исключение на раскопе. Детские погребения в постройке 6 и ряде других помещений могут указывать на застройку придомовых территорий уже после совершения на данных участках погребений детей. В постройке 24 по остаткам хума проходит возникшая в ходе перепланировки пространства стена, и изначальное взаимное расположение хума и погребения не ясно.

Попытки воссоздать последовательность застройки и принципы планировки квартала подводят к выводу, что центром его композиции являлась срединная возвышенная часть речной террасы с выходами скальных останцев и крупных материковых камней, к которым примыкали первые постройки. Изучение перевязки кладок стен показывает, что самыми длинными и самыми ранними участками стен, к которым в дальнейшем пристраивались другие сооружения, являлись примыкавшие с двух сторон к центральному возвышению стены постройки 1 (северная, западная и восточная) и постройки 3 (западная и южная). Южная стена постройки 3 переходила в восточную стену постройки 4 (рис. 1, 1). Последняя возводилась вместе с постройкой 13. То есть изначальными были комплекс построек, примыкавших с запада к постройке 1 (сама постройка 1 представляла собою крытый двор) и комплекс построек 3, 4, 13. Это как раз те сооружения, в которых *in situ* находилась основная масса тарной керамики. Можно предположить, что два комплекса помещений с концентрацией тарной керамики маркируют основные постройки либо двух, либо одной разделившейся большой семьи.

Литература

- Албегова З.Х., Магомедов Р.Г., Таймазов А.И. 2014. Стелы Гоцатлинского (Ортоколинского) 1-го поселения X–XII веков // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Москва, 21–25 апреля 2014 г. М.

К ВОПРОСУ О КОНСТРУКЦИЯХ ВОРОТНЫХ ПРОЕМОВ НА ОБЪЕКТАХ АНАКОПИЙСКОЙ КРЕПОСТИ

Аргун А.В.

*Национальный Новоафонский историко-культурный заповедник «Анакопия»,
г. Новый Афон, Республика Абхазия*

Анакопийский крепостной комплекс формировался с периода поздней Античности до развитого Средневековья, предварительная датировка объектов укладывается в х рамки II–XII вв. н.э., наибольшее число объектов создавалось с конца VI в. до XI в. (Pishchulina et al., 2018. P. 613–617). К наиболее изученным из них можно отнести часть башен и стен второй линии обороны, возведенной в конце VI в. и частично реконструированных в первой пол. X в. Наиболее значительный массив данных был получен в результате археологических работ на воротном узле в 2014–2015 гг. Были изучены главные ворота, предвратная башня, участки стен, прилегающих к ним. В 2018 г. был доисследован воротный проем (калитка № 1) в стене между башнями № 1 и № 2. В ходе реставрационных работ 2022 г. была выяснена его строительная стратиграфия.

Из объектов цитадели наиболее изучены храм и главная восточная башня. В 1960-х гг. на ней проводились частичные реставрационные работы, в результате которых была изменена форма дверного проема, замурованы технологические отверстия.

В задачи данного исследования входит определение конструкций проемов и их заполнений на фортификационных объектах Анакопии.

Проемы имеют значительные утраты: частичное или полное отсутствие перемычек, перемещение или закладка плит порогов, отсутствие облицовки на щеках и откосах проемов, деревянных элементов конструкций. При этом встречаются железные гвозди, фрагменты полос, втулки засовов, каменные детали, позволяющие в определенной мере реконструировать конструкцию воротных проемов.

На объектах Анакопийского комплекса одного периода прослеживаются общие архитектурно-строительные приемы. Для ворот и калитки, устроенных в стене цитадели, можно отметить сходство, что объясняется их синхронностью (рис. 1, 1, 2). Это наличие прямой перемычки с внешней стороны, в которой оформлена прижимная четверть. Изнутри проемы перекрываются арочной перемычкой. Откосы имеют значительный рассвет внутрь, они высоко подняты над землей. Полотна ворот привешивались к неподвижным вертикальным деревянным стоякам, смонтированным сверху и снизу в специальные отверстия округлой формы, вырубленные напротив друг друга в пороге и перемычке. Боковые четверти заглублены и прикрывают стояки, примерно в середине по вертикали устроены ниши для балочных засовов.

Для объектов второй линии обороны (VI в.) характерны параллельные боковые откосы без четвертей; проемы почти всегда завершаются арочными перемычками из плинфы, присутствуют ниши для балочных засовов.

Дверные проемы в предвратной башне первого этапа расположены поэтажно один над другим с северной тыльной стороны (рис. 1, 4). У них отсутствуют прижимные четверти и ниши балочного засова. Оба проема немного сужаются вовнутрь. Проем первого этажа оформлен прямой перемычкой из цельных плит, на которых сверху сформирован порог верхнего проема. Проем второго этажа имеет арочную перемычку из плинфы. На первом этаже, видимо, располагалось складское помещение, запиравшееся снаружи. Главный вход, расположенный на втором этаже, очевидно, также запирался снаружи. Вырубки на стенах у его порога позволяют предположить, что здесь устанавливался деревянный брус, на который крепился трап, без помощи которого невозможно было бы попасть в башню. Вероятно, на ночь трап поднимали и, таким образом, проход в башню пресекался (Аргун, 2016. С. 235–258).

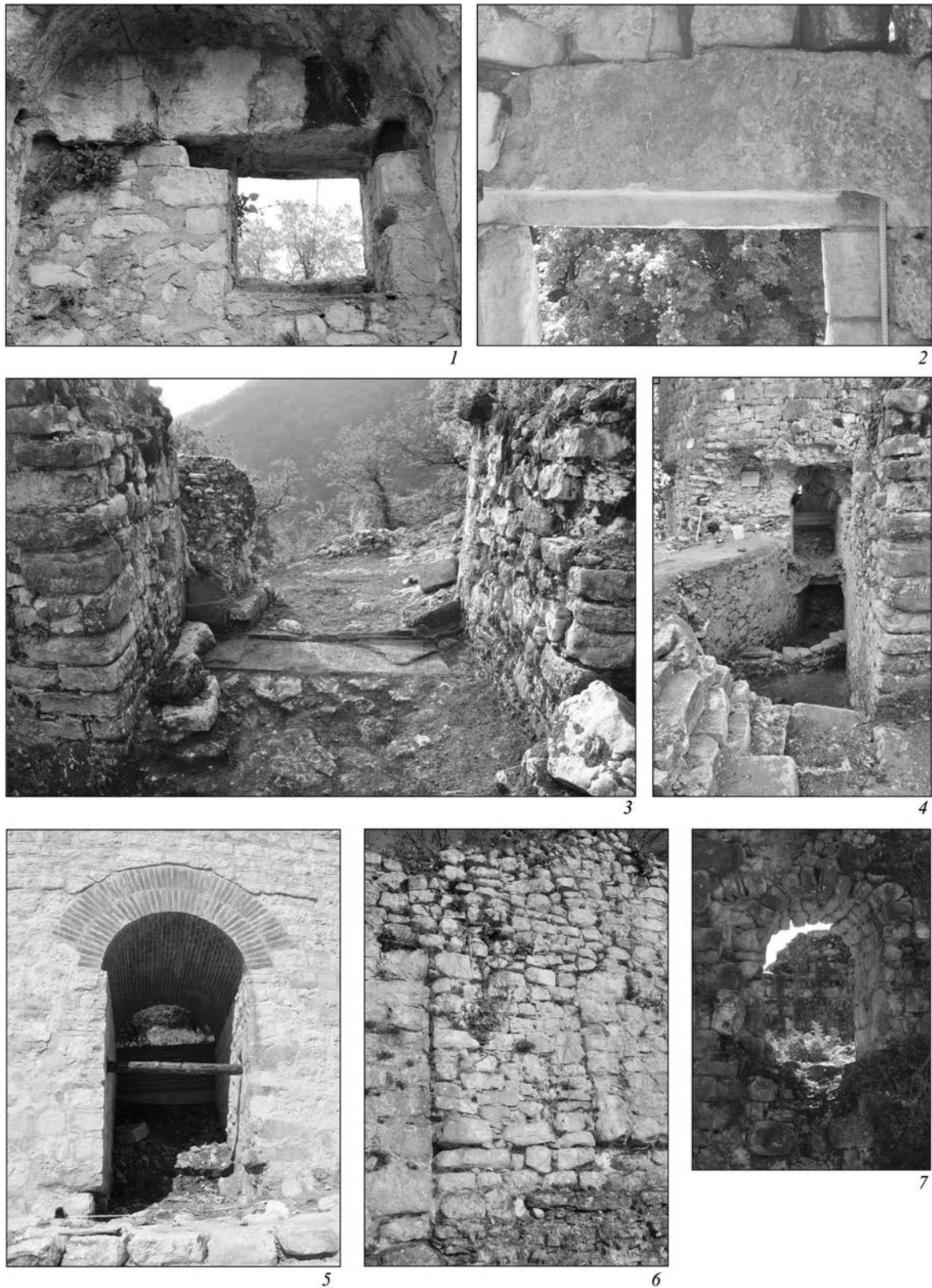

Рис. 1. Проемы объектов Анакопийской крепости: 1 – ворота цитадели, вид изнутри; 2 – калитка цитадели, вид изнутри; 3 – ворота второй линии обороны; 4 – проемы предвратной башни VI в.; 5 – калитка № 1; 6 – калитка № 2 второй линии обороны; 7 – проем предвратной башни X в.; 8 – железные наконечники задвижек; 9 – подпятник

На южном участке второй линии обороны выявлены три калитки. Калитка № 1 (ширина 1,5 м), расположенная у башни № 2, была перекрыта арочным сводом из плинфы (воссоздана в 2023 г.; рис. 1, 5). Наблюдается расширение проема вовнутрь, сохранилась ниша для балочного засова. Здесь также не были предусмотрены четверти для прижима створок калитки. Но строители создали порог из массивного деревянного бруса, прикрытого четвертью из другого бруса. Внутри проема у его откосов на полу устанавливались опорные блоки для фиксации створок калитки в открытом положении. О существовании других прижимных четвертей сложно судить.

Калитка № 2 расположена между башнями 4 и 5 (рис. 1, 6) (ширина 1,2 м, высота до опоры арки 2,2 м). Проем был заложен еще в древности.

Калитка № 3 (ширина 1 м), расположенная между башнями 5 и 6, сохранилась на уровне основания. Четверти в ней не прослеживаются.

В ходе археологических работ 2014–2015 гг. был расчищен главный воротный проем, ведущий в крепость (рис. 1, 3). В результате было выявлено два основных строительных слоя. Первоначально проем имел ширину 3,3 м и высоту почти 3 м, перекрывался арочным сводом из плинфы, по вертикали отсутствовали выступающие четверти, снизу над полом возвышалась четверть порога, сверху напротив нее из трех плит была смонтирована перемычка с незначительным изгибом, над которой выстраивался тимпан. Эта перемычка выполняла функцию прижимной четверти. Ворота состояли из двух створок, навешивались на вертикальные брусья, закрепленные неподвижно. У порога, в плите из песчаника справа и слева сохранились вырубki овальной формы. Также сохранились фрагменты раствора и каменной кладки, которую строители приложили к щекам проемов, чтобы сформировать прижимную четверть и прикрыть вертикальные стояки. Эти переделки не являлись первоначальным замыслом строителей. Стояки, вставленные в вырубki у порога, должны были жестко фиксироваться сверху. Однако в ходе раскопок не были выявлены каменные кронштейны, которые могли быть отнесены к этому узлу. Допустимо, что стояки вставлялись в деревянный брус, который должен был находиться изнутри за каменной перемычкой в горизонтальной плоскости. К конструкции ворот относится металлический наконечник от вертикального засова, фиксировавший створку как ворот, так и двери проема четвертого яруса башни.

Воротный узел перестраивался в X в. (Argun, 2018. P. 597–605). У левой щеки проема была выстроена стена параллельно противоположной крепостной стене так, что образовался коридор длиной ок. 2,5 м, перекрытый сверху каменным сводом. При этом четверти первоначального проема оказались замурованными в кладку с обеих сторон. Это коридорообразное помещение, выстроенное перед воротами, защищалось подъемной решеткой, что определено благодаря каменному блоку с вырезом под вертикальный паз. При реконструкции в X в. в башне были надстроены три яруса, два из которых завершались своеобразными сводами, а первый складской этаж был засыпан.

На четвертом ярусе в башне появляется дверной проем с арочной перемычкой из известняка (рис. 1, 7). Проем бы снабжен нишей для балочного засова, не имел тимпана, дверь открывалась на всю высоту и, скорее всего, состояла из двух створок. Сохранившийся блок-подпятник порога с вырубками позволяет реконструировать способ крепления вертикального стояка.

Литература

- Аргун А.В. 2016. Архитектурный анализ воротного узла Анакопийской крепости (в свете новых данных) // Материалы Международной научной конференции. Сухум, 14–17 мая 2015. Сухум; М.
- Argun A. 2018. The complex analysis of Anakopia fortress gates centre architecture – the capital of the early medieval Abkhazian kingdom // 5th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2018. Conference Proceedings. Vol. 5. Albena.
- Pishchulina V, Kotlyar V, Argun A. 2018. Integrated Cross-disciplinary Approach to Dating the Architectural Heritage Objects Based on Abkhazia and Chechnya Architectural Monuments Dating back from 2nd to 11th Centuries // Proceedings of the 2nd International Conference on Art Studies: Science, Experience, Education (ICASSEE). Advances in Social Science, Education and Humanities Research (ASSEHR). Vol. 284. Dordrecht.

ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЗООГЕННЫХ ОТЛОЖЕНИЙ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

*Бабенко А.Н., Сергеев А.Ю., Коробов Д.С.
Институт археологии РАН, г. Москва*

*Работа подготовлена при содействии РНФ, проект № 24-27-00368
«Реконструкция природной среды и хозяйственной деятельности на Центральном Кавказе
в последние два тысячелетия по результатам археоботанического изучения зоогенных
и болотных отложений».*

Зоогенные отложения могут формироваться под скальными навесами, в гротах или пещерах в результате использования их животными длительный промежуток времени. Состав биологических макро- и микроостатков в отложениях зависит от того, какие именно животные посещают долговременные укрытия: летучие мыши, грызуны, даманы, хищники или копытные. Под скальные навесы могут загоняться пастухами и домашние животные. В последнем случае в укрытиях накапливаются навозные отложения с включениями угля или золы. Они представляют большой интерес, так как при изучении сохранившихся ботанических остатков археоботаническими методами и изотопным анализом можно реконструировать не только природные условия (динамика растительности и увлажненности), питание животных и пастухов, но и получить информацию о сезоне использования долговременных укрытий и особенностях хозяйственной деятельности (например, Бабенко, 2012; 2013; Бабенко и др., 2018).

Первые работы по изучению зоогенных отложений на территории России, обнаруженных в Северной Осетии, были опубликованы более 30 лет назад (Киселева, 1992; Князев, Савинецкий, 1992; Савинецкий, Хрусталеv, 1990). В 2015–2016 гг. в ходе полевых исследований мест содержания скота в восточной части Карачаево-Черкесии и на прилегающей территории Ставропольского края были обнаружены и скальные навесы с зоогенными (навозными) отложениями (Коробов и др., 2018). На протяжении последних лет поиск таких объектов был продолжен. На данный момент обнаружено 8 перспективных для изучения отложений, семь из которых имеют хотя бы по одной радиоуглеродной дате (табл. 1). Наиболее перспективные зоогенные отложения имеют слоистое строение, формирующееся вследствие нерегулярного накопления навоза, и присутствия золы и/или углей.

Изученные навесы обнаружены на разных высотах. В низкогорной зоне (около 900–1000 м н.у.м.) располагаются три отложения: Навесы Митькин кутан (мощность 71 см), Катыхинский и Зеленогорский 1 (1,63 м); два в среднегорной (1150 и 1400 м н.у.м.) – Навесы Кич-Малка (1,8 м), Подкумское 3 (78 см); и два в высокогорной (2100 м н.у.м.) – Грот Гум-Баши (43 см) и Навес Малый Бермамыт (92 см). Последние имеют наиболее ранние радиоуглеродные даты (табл. 1), навоз начал накапливаться в них в VII–IX вв. Согласно этим датировкам и дате из средней части отложения Гум-Баши можно с уверенностью говорить о существовании отгонного скотоводства в регионе в конце первого тысячелетия и в XV–XVII вв. н.э. Навесы в нижнем и среднем горном поясах имеют следующие нижние даты: X–XI вв. (Катыхинский), XII–XIV вв. (Кич-Малка и Митькин Кутан) и XV в. (Зеленогорский 1, Подкумское 3).

Отложения Катыхинский, Кич-Малка и Подкумское 3 расположены в окрестностях более ранних памятников аланской культуры (Коробов, 2017. С. 64, 174, 295, 299, 302), население которых активно занималось земледелием (Борисов, Коробов, 2013. С. 96, 142, 156). В период существования памятников скальные навесы или не использовались, или навоз, накапливающийся в них, мог выноситься на поля в качестве удобрения (см. напр.: Чернышева и др., 2016. С. 116).

Таблица 1. Радиоуглеродный возраст зоогенных отложений

Лабораторный №	Глубина (см)	Возраст ¹⁴ C, лет назад	Калиброванный возраст ¹ , 1σ	Датирующий материал
Митькин кутан				
² ИЭМЭЖ-1482	5–7	145.22±0.56 %	1973–1973; 1962–1973	уголь
² ИЭМЭЖ-1481	21–24	600±85	1300–1410; 1270–1450	уголь
² ИЭМЭЖ-1329	64–65	750±90	1180–1390; 1150–1400	уголь
Гум-Баши				
² ИЭМЭЖ-1490	25–29	380±45	1450–1620; 1440–1640	навоз
³ MAMS-33991	35–40	1210±20	790–830; 770–885	Зерно <i>Panicum miliaceum</i>
Кич-Малка				
³ MAMS-33993	120–125	885±20	1160–1210; 1050–1220	Зерно <i>Setaria italica ssp. italica</i>
Подкумское 3				
⁴ IGAN _{AMS} 7279	31–33	170±20	1670–1945; 1660–1950	уголь
⁴ IGAN _{AMS} 7280	58–57	535±20	1400–1420; 1325–1430	уголь
Катыхинский навес				
⁴ IGAN _{AMS} 7281		1070±20	900–1020; 895–1020	уголь
Малый Бермамыт				
⁴ IGAN _{AMS} 9971	70–80	1300±20	670–770; 660–775	уголь
Зеленогорский навес 1				
⁴ IGAN _{AMS} 9972	140–150	500±20	1415–1435; 1405–1440	уголь

¹ Даты откалиброваны в программе OxCal 4.4, кривая IntCal20 (Reimer et. al., 2020).

² Лаборатория исторической экологии ИПЭЭ РАН.

³ Центра археометрии Курта Энгельхорна (Мангейм, Германия).

⁴ ЦКП «Лаборатория радиоуглеродного датирования и электронной микроскопии» Института географии РАН и Центра прикладных изотопных исследований Университета Джорджии (США).

После разгрома кавказских государств Тамерланом в конце XIV в. основным занятием населения, проживающего на рассматриваемой территории, вероятно, становится скотоводство. В скальных навесах Подкумское 3 и Зеленогорский 1 с XV в. формируются зоогенные (навозные) отложения, содержимое которых уже не вычищается.

Таким образом, при анализе только радиоуглеродных дат зоогенных отложений, накапливающихся на разных высотах, можно получить информацию о хозяйственной деятельности населения в разное время. На данный момент опубликованы только первые результаты комплексных исследований отложения Гум-Баши, которые позволили установить периоды использования навеса в качестве загона, сезон пригона скота для выпаса в высокогорье, пищу, которую пастухи брали с собой, и реконструировать природные условия, существовавшие в период использования грота (Бабенко и др., 2018).

Представленные в работе выводы могут рассматриваться в качестве предварительных из-за небольшого количества данных. Однако дальнейшее изучение известных и поиск новых объектов открывает широкую перспективу для изучения природных условий и хозяйственной деятельности человека на Северном Кавказе.

Литература

- Бабенко А.Н.* 2012. Влияние выпаса скота на динамику растительности пустыни Негев (Израиль) в голоцене по палинологическим и археологическим данным // РА. № 3.
- Бабенко А.Н.* 2013. Изотопный анализ углерода ($^{13}\text{C}/^{12}\text{C}$) и азота ($^{15}\text{N}/^{14}\text{N}$) зоогенного отложения Ацмаут (пустыня Негев, Израиль) // Динамика современных экосистем в голоцене. Материалы третьей Всероссийской научной конференции (с международным участием). Казань.
- Бабенко А.Н., Сергеев А.Ю., Коробов Д.С.* 2018. Зоогенные (пометные) отложения как источник информации для комплексной реконструкции истории экосистем // Археология и естественные науки в изучении культурного слоя объектов археологического наследия. Материалы междисциплинарной научной конференции. М.
- Борисов, А.В., Коробов Д.С.* 2013. Древнее и средневековое земледелие в Кисловодской котловине: итоги почвенно-археологических исследований. М.
- Киселева Н.К.* 1992. Ботанический и фитолитный анализ голоценовых отложений помета млекопитающих в Северной Осетии // Историческая экология диких и домашних копытных. М.
- Князев А.В., Савинецкий А.Б.* 1992. Изучение отложений ископаемого помета копытных в Северной Осетии // Историческая экология диких и домашних копытных. М.
- Коробов Д.С.* 2017. Система расселения алан Центрального Предкавказья в I тыс. н. э. (ландшафтная археология Кисловодской котловины). Том 2. Каталог поселений Кисловодской котловины. М.
- Коробов Д.С., Борисов А.В., Бабенко А.Н., Сергеев А.Ю., Чернышева Е.В.* 2018. Комплексное исследование каменных загонов в окрестностях Кисловодска // РА. № 2.
- Савинецкий А.Б., Хрусталева А.В.* 1990. Использование гельминтологического анализа ископаемых экскрементов животных для палеоэкологических исследований // Экология. № 4.
- Чернышева Е.В., Борисов А.В., Коробов Д.С.* 2016. Биологическая память почв и культурных слоев археологических памятников. М.
- Reimer P., Austin W.E.N. et. al.* 2020. The IntCal20 Northern Hemisphere radiocarbon age calibration curve (0-55 cal kB) // Radiocarbon. Vol. 62.

КОЧЕВНИКИ В МАДЖАРЕ И В ЕГО ОКРУГЕ

Бабенко В.А.

Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь

В последнее время активизировался интерес исследователей к проблеме присутствия кочевников в золотоордынских городах, впервые поставленной Г.А. Федоровым-Давыдовым на немногочисленных материалах из некрополей золотоордынских городов, включая Маджар (Федоров-Давыдов, 1966. С. 204–205).

Выделенные Г.А. Федоровым-Давыдовым позднекочевнические погребения 1 и 18–20 (Городцов, 1911. С. 202, 205; Федоров-Давыдов, 1966. С. 205) были исследованы В.А. Городцовым в 1907 г. у городского артезианского колодца, на левом берегу р. Кумы, в ее пойме, на «острове», ограниченном меандрами реки (Городцов, 1911. С. 162. Рис. 113).

Здесь локализуется и доисследованный Г.Н. Прозрителевым в 1909 г. «курган». Помимо типичного для Маджара склепа в «кургане» были обнаружены четыре захоронения (из них три детских) и скелет лошади. При конском скелете были обнаружены фрагменты стремени, удила и железное кольцо (Прозрителев, 1910. С. 6).

Участок, где в 1907 и 1909 гг. были исследованы кочевнические погребения, расположен на значительном удалении от городского кладбища. Городское кладбище и кочевнический могильник разделяет участок городских кварталов, исследованный на раскопе № 1 в 1990 г.

О присутствии в Маджаре кочевников также свидетельствует роль конины в структуре мясного потребления населения города. В археозоологических материалах с раскопа № 1 кости лошади составляют 8,7% (Яворская, 2016. С. 103. Табл. 5), что выше, чем в коллекции с раскопа № 10 2014 г. на территории торгово-ремесленного квартала – 4,2% (Яворская, Антипина, 2017. С. 247. Табл. 4). В Азаке в районах, связываемых с бывшими кочевниками, доля костей лошади составляет 17–18% (Яворская, 2019. С. 296).

Судя по топографии города и археологическим материалам, в Маджаре кочевники могли проживать компактно на юго-западной окраине города. В Азаке кочевники проживали на восточных окраинах города (Масловский, 2013. С. 127).

По мнению В.А. Иванова, в округе золотоордынских городов Северного Кавказа отсутствуют позднекочевнические курганы, связанные с городской хозяйственной округой (Иванов, 2015. С. 150). Этот вывод нуждается в корректировке с учетом материалов последних исследований в Среднем Прикумье. С жителями маджарской округи можно связать как погребения, оставленные кочевниками, так и населением, испытавшим влияние оседлой культуры.

Границы округи Маджара еще не определены. Предварительно она может быть ограничена долиной Кумы в ее среднем и, частично, в нижнем течении, а также левыми и правыми притоками Кумы. В последнее время были исследованы позднекочевнические захоронения как в окрестностях городища Маджары, так и в его округе.

Территория среднего течения Кумы и долин ее притоков насыщена курганными могильниками. Основные скопления курганов расположены на восточных склонах Ставропольской возвышенности, в долинах рек Сухой Карамык, Мокрый Карамык, Томузловка, Мокрая Буйвола и на террасах левого берега Кумы.

В небольших курганных могильниках, расположенных в долине р. Мокрая Буйвола к СЗ от городища Маджары («Буденновск-5», «Буденновск-12») исследовано 6 позднекочевнических погребений (Бабенко, 2020. С. 206).

На водоразделах Кумы и ее левых притоков со стороны Ставропольской возвышенности на участке между с. Покойное и с. Ливокумское к СВ от городища Маджары расположены

курганные могильники протяженностью до 2 км. Среди них курганный могильник «Покойное-2» является одним из крупнейших и ближайшим к городищу Маджары. В кургане 8 курганного могильника «Покойное-2» было исследовано 6 погребений жителей маджарской округи. В кургане 12 исследовано еще 2 позднекочевнических комплекса (Ляхов, 2018. С. 109).

В окрестностях с. Новозаведенное Георгиевского городского округа исследована серия погребений золотоордынской эпохи. В курганном могильнике «Новозаведенное-II» в кургане 7 (высотой 8 м) были исследованы три золотоордынские погребения (Волков и др., 2001). На вершине кургана 1 (высота 5 м) курганного могильника Новозаведенное III было раскопано два погребения золотоордынской эпохи (Чхаидзе и др., 2021. С. 116–118).

Данные погребения были совершены в высоких курганах, расположенных неподалеку от устья р. Сухой Карамык. Характер погребального обряда и инвентаря позволяют предположительно соотнести данные захоронения либо с жителями поселения, которое могло располагаться в устье р. Сухой Карамык, либо с кочевниками, подвергшимися влиянию оседлой культуры.

Таким образом, археологические материалы свидетельствуют о проживании кочевого населения как в Маджаре, так и в его округе. Отмеченные выше памятники раскопаны в ходе охранных раскопок частично и не дают полной картины освоения среднего течения Кумы и ее притоков позднесредневековым населением.

В Среднем Прикумье, в отличие от Подонья и Нижнего Поволжья, кочевое и оседлое население соседствовали более тесно. Несмотря на континентальный климат, территории, примыкавшие к долинам Кумы и ее притоков, способствовали развитию как кочевого, так и оседлого хозяйства.

Литература

- Бабенко В.А.* 2020. Позднесредневековые погребения из курганного могильника Буденновск-12 в Ставропольском крае // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 18. Саратов.
- Волков И.В., Маслов В.Е., Петренко В.Г.* 2001. Золотоордынские погребения в Центральном Предкавказье // РА. № 2.
- Городцов В.А.* 1911. Результаты археологических исследований на месте развалин г. Маджар в 1907 году // Труды XIV АС. Т. III. М.
- Иванов В.А.* 2015. Кочевники Золотой Орды (история, культура, религия). Уфа.
- Ляхов С.В.* 2018. Погребение со шпорами из Степного Прикумья // Археология Евразийских степей. № 4.
- Масловский А.Н.* 2013. Кочевники в золотоордынском Азаке // Город и степь в контактной евроазиатской зоне. Материалы III Международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения профессора Г.А. Федорова-Давыдова (1931–2000). М.
- Прозрителев Г.Н.* 1910. Раскопки, произведенные близ гор. Св. креста, Ставропольской губернии, Прасковейского уезда, председателем Ставропольской ученой губернской комиссии Г.Н. Прозрителевым 18–19 сентября 1909 года на месте развалин древнего Хозарского г. Мажары // Труды СУАК. Вып. II. Ставрополь.
- Федоров-Давыдов Г.А.* 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.
- Чхаидзе В.Н., Канторович А.Р., Маслов В.Е.* 2021. Погребения средневековых кочевников из курганного могильника Новозаведенное III на юго-востоке Ставропольского края // МИАСК. Вып. 19. Армавир; Карачаевск.
- Яворская Л.В.* 2016. Методические аспекты изучения остеологических материалов из городских поселений, на примере городища Маджары // Материалы Первого Маджарского археологического форума. Пятигорск – Буденновск – 2012 год. Казань.
- Яворская Л.В.* 2019. Продукция скотоводства в золотоордынском Азаке: мясные продукты и ремесленные производства // Азак и мир вокруг него. Материалы Международной научной конференции. Азов, 14–18 октября 2019 г. Азов.
- Яворская Л.В., Антипина Е.Е.* 2017. Золотоордынский город Маджар: первые результаты исследования археозоологической коллекции из ремесленного квартала (раскоп № X (10) – 2014 г.) // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. IV. М.

ХРИСТИАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ КОМПЛЕКСА ЦОЙ-ПЕДЕ

Белецкий Д.В.¹ Исаев С.Х.²

¹Независимый исследователь, г. Москва

²Академия наук Чеченской Республики, Грозный

Комплекс Цой-Педе (Цай-Пхьеда) в историческом обществе Малхиста – один из важнейших памятников средневековой археологии и архитектуры горной Чечни (см., напр.: Даутова, Исаев, 2014. С. 102–103; Исаев, Ахмаров, Дачаев, 2019. С. 392–398). Он представляет собой скопление различных по назначению построек (склепы, боевые башни, святилища, оборонительная стена, домостроения). Функциональная принадлежность некоторых, сильно разрушенных, зданий не определена. Одно из них, находящееся среди «руин каких-то крупных построек» (Марковин, 1963. С. 264), мы склонны соотносить с упомянутым в 1939 г. А.В. Мачинским культовым сооружением Малхи-ерда (Архив ИИМК; фонд ГАИМК, № 35, оп. 1, д. № 165; см. также: Марковин, 1980. С. 233).

Здание в плане близко к квадрату (внутренний размер ок. 560 × 530 см) и довольно точно сориентировано по сторонам света. Стены памятника сложены на известковом растворе, со следами ремонта насухо. Перекрытие (вероятно, деревянно-балочное) утрачено. Входной и световые проемы в настоящее время не прослеживаются.

В кладке, наряду с грубо колотым диким камнем, встречено несколько хорошо обтесанных блоков травертина («водяного туфа», груз. *ширим*). Очевидно, они использованы вторично и являются остатками стоявшего на этом месте средневекового храма «высокой» архитектуры. Вероятно, его стены были сложены преимущественно из рваного камня, *ширим* же применялся на ответственных участках (углы, подпружные арки и т.п.) и частично во внешней облицовке (ср., напр.: Долидзе, 1958. С. 770–771).

Один из блоков *ширим*, использованных вторично в сухой кладке южной стены, явно предназначался для внешнего панциря стены, возведенной в «панцирно-бутовой» технике. У этого блока (размер ок. 37 × 53 × 14 см) гладко обработана лишь лицевая сторона, а два боковых торца имеют скосы, в сечении придающие плите близкую к трапеции форму. Такая обработка блоков, предназначенных для внешнего панциря стен, является распространенным строительным приемом в средневековом грузинском зодчестве.

Исходя из типологии горских церквей, можно предположить, что древний храм Цой-Педе был некрупной, вытянутой по оси запад–восток зальной постройкой с невыраженной снаружи апсидой. Наиболее вероятным временем ее возникновения является период X–XI вв.

Историческая Дзурдзукети, располагавшаяся в верховья рек Чанты-Аргун и Асса, в указанный период являлась эриставством Кахетинского хорепископства (Вахушти, 1976. С. 128; Очерки..., 1973. С. 395–396). С этим следует связывать и возникновение четырех церквей грузинской школы в Таргимской котловине (Белецкий, Казарян, 2009. С. 50–94; Мужухоев, 1979. С. 275–280; Мужухоев, 1980. С. 177–183; Гадиев, 2014. С. 72–73). Указанные памятники необходимо рассматривать вкуче с подобными церквями на территории Пшав-Хевсурети и Тушети, известными археологически (Церетели, 1980. С. 70–78, 195–200; Рамишвили, Гогочури, 1988. С. 449; Церетели, 1999. С. 78–87; Гогочури, 2013, С. 30–83). В целом, это соответствует большой концентрации христианских храмов в прочих горных обществах Восточной Грузии от Хеви и Мтиулети до Двалети, подчинявшихся Мцхетскому католикосату и входивших в состав военно-административных единиц Грузинского царства.

Причина разрушения древней церкви на Цой-Педе неизвестна. Возможно, это было следствием землетрясения. Здание святилища, возникшее на том же месте, возведено в технике

«сплошной» безбутовой кладки, что находит параллели в позднесредневековых горских сооружениях. Выделяет постройку обилие известкового раствора, проложенного по всей толще стены. Близость плана описываемого здания к квадрату, вероятно, объясняется тем, что оно лишь частично оперлось на старые фундаменты: алтарная часть древнего храма могла выступать восточнее и полностью обрушиться.

Возведение указанной позднесредневековой постройки следует связывать с очередным «этапом» христианизации нахоязычных горцев в XVI–XVII вв. и, конкретно, с походом Кахетинского царя Теймураза в Тушети, Пшав-Хевсурети, высокогорную Чечню и Ингушетию (Бараниченко, Виноградов, 1984. С. 117–119). Возведение святилища на месте ранней церкви находит немало аналогий на Кавказе и соответствует периоду так называемого «этнизированного христианства», когда из-за отсутствия образованного духовенства богослужение стало проводиться силами местных «жрецов». Последнее повлекло за собой постепенный отход от «канонических» религиозных правил и возникновение множества «нехристианских» по виду ритуалов. Это необычайно колоритное явление вплоть до нач. XIX в. объединяло практически весь горный Кавказ, представлявший собой неделимую культурную общность. В нашем случае, почитание святилища на Цой-педде продолжалось до исламизации, которая в Малхисте завершилась только к концу XIX в. Возможно, свидетельства «этнизированных» религиозных культов, как и остатки древнего храма, будут выявлены при будущих раскопках.

Литература

- Бараниченко Н.Н., Виноградов В.Б. 1984. Христианизация как фактор социально-политической истории Чечено-Ингушетии в XVI–XVIII вв. // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный.
- Белецкий Д.В., Казарян А.Ю. 2009. Тхаба-Ерды: к вопросу о датировке церкви и ее месте в средневековом зодчестве Кавказа // Вестник Археологического центра. Вып. 3. Назрань.
- Вахушти Багратиони. 1976. История царства Грузинского. Тбилиси.
- Гадиев У.Б. 2014. Е.И. Крупнов и христианские памятники Ингушетии // Кавказоведение: научные традиции и современность. Материалы международной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения Е.И. Крупнова. Магас; Кисловодск.
- Гогочури Г.К. 2013. Вопросы христианства в Пхови // Онлайн-археология. № 5. Тбилиси (на груз. яз.).
- Даутова Р.А., Исаев С.Х. 2014. История изучения «города мертвых» Цой-Пхедде (Итум-Калинский район ЧР) // Дагестан в кавказском историко-культурном пространстве. Материалы международной научной конференции, посвященной 90-летию Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. Махачкала.
- Долидзе В.О. 1958. Архитектурный памятник Тли – новый документ культурных отношений Грузии с Двалетией // Сообщения АН ГССР. Т. XXI. № 6. Тбилиси.
- Исаев С.Х., Ахмаров А.У., Дачаев И.С.-Х. 2019. Новые погребальные и иные памятники на некрополе Цой-Пхедде // Миллионщиков-2019. Молодежь, наука, инновации. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, посвященной 100-летию ФГБОУ ВО «ГГНТУ им. акад. М.Д. Миллионщикова», 30-31 мая 2019 г. Т. II. Грозный.
- Марковин В.И. 1980. Памятники зодчества в горной Чечне (по материалам исследований 1957-1965 гг. // Северный Кавказ в древности и в средние века. М.
- Марковин В.И. 1963. Чеченские средневековые памятники в верховьях р. Чанты-Аргуна // Древности Чечено-Ингушетии. М.
- Мужухоев М.Б. 1980. Таргимский храм // Северный Кавказ в древности и в средние века. М.
- Мужухоев М.Б. 1979. Храм Алби-Ерды // СА. № 1.
- Очерки истории Грузии. 1973. Том. 2. Тбилиси (на груз. яз.).
- Рамшивили Р.М., Гогочури Г.К. и др. 1988. Исследования в горных районах восточной Грузии // Археологические открытия 1986 г. М.
- Цертели К.Б. 1999. Анагорская церковь // «Дзиэбани» («Разыскания»). № 4. Тбилиси (на груз. яз.).
- Цертели К.Б. 1980. Памятники раннесредневековой архитектуры Пшав-Хевсурети // Жинвальская экспедиция (материалы второй научной сессии) Тбилиси (на груз. яз., рус. резюме).

ПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА ИЗ РАСКОПОК В ПРИБРЕЖНОЙ ЧАСТИ ДЕРБЕНТА (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ 2014 ГОДА)¹

Болдырева Е.М.

Государственный исторический музей, г. Москва

В 2014 г. Дербентской приморской археологической экспедицией проводились спасательные археологические исследования на территории выявленного объекта культурного наследия «Средневековый шахристан (город)» в городе Дербенте. В ходе этих работ был обнаружен и исследован комплекс зданий городского квартала с напластованиями X – начала XIII века. Согласно выводам исследователей, эта территория специализировалась на обслуживании портовой части города, здесь же была раскопана небольшая городская мечеть (Зиливинская и др., 2016. С. 220–221; Селезнев, 2019. Том I, С. 3).

Среди находок выделяется комплекс поливной керамики. На уровне пластов 1–3 (смешанные слои) была обнаружена поливная посуда разного времени, однако ее общая датировка находится в пределах X – нач. XIII в.

К самым ранним образцам поливной посуды относится чаша с желто-зелено-коричневой росписью (Селезнев, 2019. Рис. 430), выполненной в технике «buffwares» (рис. 1, 1). В таких сосудах основу декора составлял контур, выполненный коричневым красителем, а пространство вокруг штриховалось сеткой из тонких коричневых линий, дополнительные детали рисунка подчеркивались зеленым и желтым красителем (Wilkinson, 1973. P. 3–7). Наиболее близкие аналогии дербентской чаше были найдены в керамике Нишапура, где она датируется кон. IX – кон. X в. (Wilkinson, 1973. Color plate 1). Еще ряд аналогий этой чаше происходит из коллекции Кувейтского национального музея, опубликованной О. Уотсоном, где данным сосудам также приписывается иранское происхождение (Watson, 2005. Cat C.3, H1-6). На таких типах сосудов были преимущественно распространены сюжетные изображения, включающие животных и людей, но встречается и более простой декор с растительными завитками, широкими полосами и полупальметтами. Образец из Дербента относится ко второму типу.

Во вторую группу ранней импортной поливной посуды входит керамика, получившая в историографии название «изделия Сари». В портовом комплексе было найдено две таких чаши (рис. 1, 2, 3) (Селезнев, 2019. Рис. 429), одна из которых происходит с участка 2, пласта 6. Такая керамика получила свое название по наименованию города Сари в северном Иране (провинция Мазандеран). В керамике Сари обязательным элементом является центральная фигура птицы с пышным хвостом и хохолком, контур ее фигуры подчеркнут точками белого ангоба на фоне остальной менее яркой поверхности. Еще одним важным элементом декора керамики Сари являются круглые медальоны с сердцевинкой в центре, контур которых тоже подчеркнут точками белого ангоба. Чаши с центральной фигурой птицы и медальонами есть в коллекции Кувейтского национального музея (Watson, 2005. P. 243), в опубликованной коллекции Х. Плотника (Pancaroglu, 2007. P. 72–73. Cat. 30–31), частных коллекциях Милана (Persian Ceramics, 2006. P. 65. 173), фонда Марджани (Классическое искусство, 2013. С. 100–101) и в материалах городища Самосделка в Нижнем Поволжье (Болдырева, 2016. С. 105. Рис. 13). Все они датируются исследователями в пределах X–XI вв.

Третью группу импортной поливной керамики составляют сосуды, сделанные из кашина. Они во второй пол. XII в. начинают активно производиться на территории Ирана, Сирии и

¹ Выражаю благодарность Э.Д. Зиливинской, А.Б. Селезневу, М.С. Гаджиеву за предоставленную возможность работы с материалами.

Египта и широко распространяются за пределы этих регионов. Сюда входит обнаруженная при раскопках чаша с «силуэтным декором» (рис. 1, 4) (Селезнев, 2019. Рис. 431в). Мотивы росписи такой керамики довольно разнообразны: от простых геометрических линий до благопожелательных надписей почерком куфи и рельефно выделяющихся животных на фоне из

Рис. 1. Импортная поливная керамика Дербента: 1 – чаша с декором в технике «buffwares»; 2, 3 – чаши с декором в технике «изделия Сари»; 4 – чаша с «силуэтным декором»; 5, 6, 7 – чаши с росписью в технике люстра

растительных побегов. Чаша из Дербента является классическим примером такой посуды: по центру она украшена растительным и геометрическим декором, а по верхнему полю, вдоль бортика проходит надпись или ее имитация, удлинённые буквы занимают большую часть поверхности чаши. В верхнем поясе недекорированная поверхность отделена прочерченной линией. Такие же очертания букв встречены на иранском кувшине конца XII в., они занимают всю поверхность горла кувшина; надпись на этом кувшине переведена, и она содержит благожелательный текст в отношении владельца сосуда (Watson, 2005. Cat. N1). Наиболее близкие аналогии и по морфологии, и по декору чаше из Дербента представлены в коллекции Д. Куратолла (Persian, 2006. P. 134–135), есть они и среди материалов городища Самосделка (Болдырева, 2016. С. 123–124. Рис. 32, 3).

К третьей группе посуды относятся чаши с росписью в технике люстра. В раскопе обнаружено по меньшей мере три таких сосуда (Селезнев, 2019. Рис. 417, а; 431, 1–2). Первый фрагмент чаши был найден в верхнем горизонте и представляет собой крупную тарелку с широким бортиком и медальонами с сюжетными изображениями в них (рис. 1, 5). Такой тип люстра с оформлением нижнего поля и подцветкой крупных деталей синим красителем, с крупными сюжетными изображениями был распространен в люстровой керамике Ирана в последней трети XII в. – нач. XIII в. (Болдырева, 2016. С. 132). К этому же времени относятся еще две люстровых чаши, одна из которых была обнаружена в помещении, пристроенном к мечети в поздний период (рис. 1, 6) (Селезнев, 2019. Рис. 200, 431, 1), а вторая – происходит из хозяйственной ямы (рис. 1, 7). Все три люстровых сосуда относятся к декоративно-прикладному искусству Ирана домонгольского периода.

В комплексе присутствует также большое количество красноглиняной поливной посуды с белым ангобом и с росписью в технике сграффито, с росписью красителями, с сочетанием этих двух техник или же в технике резервирования поверхности. Подобные сосуда характерны для керамического производства Южного Кавказа (в частности, так называемой ширванской керамики), в т.ч. Дербента, который являлся одним из центров их производства, и были далеко распространены за его пределами до монгольского нашествия.

В заключении можно сказать, что дорогая импортная поливная посуда ближневосточного происхождения поступала в прибрежную часть города с самого начала существования этой части памятника и до монгольского вторжения. В керамическом комплексе раскопа отсутствует золотоордынская поливная посуда, что соответствует общей хронологии объектов, выявленных исследователями (Зиливинская и др., 2016. С. 220–221).

Литература

- Болдырева Е.М. 2016. Поливная керамика Нижнего Поволжья в X – 1-й пол. XIV вв. (по материалам Самосдельского городища). Дис. ... канд. ист. наук. М.
- Зиливинская Э.Д., Селезнев А.Б., Таймазов А.И. 2016. Раскопки общественного здания в припортовой части Дербента в 2014 г. // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Грозный, 18–21 апреля 2016 г., Грозный.
- Классическое искусство исламского мира IX–XIX веков. Девяносто девять имен Всевышнего. 2013. М.
- Селезнев А.Б. 2019. Отчет о проведении охранно-спасательных археологических полевых работ (археологических раскопок) на территории выявленного объекта археологического наследия «Средневековый шахристан (город)» на участке строительства здания на территории военной части пограничных войск ФСБ РФ в г. Дербенте (Республика Дагестан) в 2014 году // Архив ИА РАН. Р-1. №№ 63182, 63183.
- Pancaroglu O. 2007. Perpetual Glory: Medieval Islamic Ceramics from the Harvey B. Plotnick Collection. Chicago.
- Persian Ceramics. 2006. From the 9th to the 14th century. Milano.
- Watson O. 2005. Ceramics from Islamic lands. Kuwait national museum. The al-Sabah collection. London.
- Wilkinson C.K. 1973. Nishapur: Pottery of the early Islamic period. New York.

ЦЕРКОВЬ У РОДНИКА КРИОН-НЕРОН (АДЛЕРСКИЙ РАЙОН Г-К. СОЧИ). АНАЛОГИИ И ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

*Василиненко Д.Э.
НАО «Наследие Кубани»*

В настоящее время в качестве архитектурных образцов крестовидных храмов Алании предполагаются планы крестовидных храмов Каппадокии.

Образцом первоначальной постройки Среднего Зеленчукского храма, возведенной ближе к концу 920-х гг. могли служить каппадокийские храмы ранневизантийского времени с удлиненным продольным нефом (Белецкий, Виноградов, 2019. С. 124–128, 248; Restle, 1979. S. 49–73. Pl. 27-44). Храм начали строить абхазские мастера, вероятно, при участии каппадокийских (Виноградов, Белецкий, 2019. С. 129). После возвращения алан к христианству в середине X в. его достроили уже каппадокийские строители (Белецкий, Виноградов, 2019. С. 128, 129, 248).

В качестве возможного архитектурного образца Сентинского храма, построенного в 964–965 гг. приводится церковь Ягдербаш у подножья г. Хасан-Даги. По мнению упомянутых авторов, храм был возведен этими же мастерами (Белецкий, Виноградов, 2019. С. 68, 93, 129).

Небезынтересно, что в соседней Абхазии, в границах некоего религиозного центра близ устья р. Мзымты (Белецкий, Виноградов, 2019. С. 276) расположена единственно известная в «абхазской» архитектурной школе церковь плана свободного креста (Виноградов, Белецкий, 2015. С. 90, 274, 275; Белецкий, Виноградов, 2019. С. 98).

Церковь у родника Крион Нерон – крестовидная с выраженной в наружном плане пятигранной апсидой, коротким трансептом, купольная, с восьмигранным барабаном. В церкви два входа, южный и западный. Она построена в технике облицовки с забутовкой.

Интерьерная часть церкви расписана. Судя по сохранившимся фрагментам это крупное, увеличенное изображение человеческой фигуры. Сохранился участок с изображением кисть одной из рук, простертой в жесте, символизирующем начало речи. Также были найдены участки, заполненные красной и желтой краской, ограниченные линиями темно-красного цвета – вероятно, участки одежд персонажа. Изображение фигуры было выполнено в масштабе близком к 1:1,5. Судя по ее величине, она могла быть размещена только на северной стене трансепта.

План церкви у родника Крион Нерон имеет наибольшее сходство с планами церквей Ягдербаш и расположенной в непосредственной близости от нее Сют Килесе, отнесенных к средне- и поздневизантийскому времени (Restle M. 1979. S. 84–85. Abb. 164–180. Pl. 50–52).

Значительное количество параллелей изображенного жеста, участков одежд можно указать также в регионе Хасан-Даги, в росписях пещерных церквей долины Ихлара, прежде всего – Эгри-Таш, Яланы-Килисе, Кокар-Килисе (Садовская, 2003. С. 180. Рис. 40. С. 184. Рис. 43; Thiery, 2002. Pp. 257, 258).

Таким образом, можно было счесть, что церковь у родника Крион Нерон могла быть также построена каппадокийскими мастерами, однако, этому явно противоречит постулируемая принадлежность его к «абхазской» архитектурной школе.

Следует отметить территориально более близкие церкви крестовидного плана с пятигранными апсидами и короткими трансептами, расположенные в Алазань-Агричайской долине, в области Эрети.

Храм в с. Орта-Зейзит – крестовидный в плане, с пятигранной апсидой, двумя полукруглыми нишами в ней. Барабан был восьмиугольным. Стены храма возведены в технике

облицовки с забутовкой (Керимов, 2008. С. 65, 88, 90, 94, 102. Илл. 1, 3, 7, 15). На северной стене западного рукава были прослежены небольшой фрагмент предметной росписи и буквы мтаврული. Время возведения храма определено в различных хронологических диапазонах, от обоснованных X–XI (XII) вв. (Чубинашвили, 1959. Стр. 436, 437) до чисто умозрительных V–VII вв. (Карахметова, 1986. С. 21. Рис. 19, Керимов, 2008. С. 15–20, 64, 65, 88–102. Илл. 1–15, Plontke-Lüning, 2007. S. 286–287. Taf. 166, 1, 2) и XII–XIV вв. (Маилов, 1985. С. 142, 143. Рис. 4).

Церковь, расположенная к северу от с. Кабиздара также крестовидная в плане, ее апсида пятигранная, с выраженными заплечиками. В восточной стене северного рукава – небольшая сводчатая ниша. Стены возведены в технике *opus mixtum*(?) на выступающем цоколе. Входа два, южный и западный. Переход к подкупольному квадрату обозначен напускным кирпичным карнизом (Карахметова, 1986. С. 26. Рис. 27). Время возведения этой церкви без каких-либо оснований отнесено к V–VI вв. (Керимов, 2008. С. 30).

Строительство церквей этого плана на территории Эрети может быть объяснено приходом сюда группы этнически близкого населения из региона Хасан-Даги (Садовская, 2023. С. 31–43) или строительной артели оттуда же.

В 906 году Константин III в ходе военной экспедиции присоединил к Абхазскому царству Эрети.

Не исключено, что часть мобильного населения могла переселена на территорию Абхазского царства, в качестве федератов на земли к северу от р. Мзымта.

Предполагаемое переселение последует времени перемещения в Матарху Никопсийской кафедры (вторая четверть – вторая половина IX в.) (Чхаидзе, 2013. С. 48) и знаменуется строительством на бывших зихских землях значительного количества храмов, перестройками существующих (Виноградов, Белецкий, 2015. С. 141, 322).

По мнению автора, это свидетельствует в пользу мнения Ю.Н. Воронова о локализации Никопсиса между Адлером и Гагрой (Воронов, 1988/2008. С. 440).

Продвижение границ Абхазского царства на север могло быть осуществлено, в том числе, и в рамках помощи, оказанной Константином III и Георгием II Византии в деле христианизации Алании.

В это время в прибрежном регионе от р. Шахе до устья р. Мзымта наиболее удобной для якорных стоянок была неглубокая бухта, возникшая западнее русла р. Мзымта, позднее – Хостинская бухта.

Отсюда начинался наиболее короткий путь через Псеашхинский либо Аишховский перевалы в долину р. Уруп. В этом регионе находятся Леснянская I базилика и базилика на горе Малый Ахун, возможно, послужившие прототипами аланских базилик №№ 3 и 6 на Ильичевском городище – первом церковном центре Алании (Белецкий, Виноградов, 2019. С. 65, 248). Не исключено, что строители первоначальной постройки Среднего Зеленчукского храма могли прийти в Аланию отсюда же.

Литература

- Белецкий Д.В., Виноградов А.Ю. 2019. История и искусство христианской Алании. М.
- Виноградов А.Ю., Белецкий Д.В. 2015. Церковная архитектура Абхазии в эпоху Абхазского царства. Конец VIII – X в. М.
- Воронов Ю.Н. 2008. К локализации Никопсии. XV Крупновские чтения. Махачкала, 1988. Тезисы // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Выпуск VIII. Крупновские чтения, 1971–2006. М.; Ставрополь.
- Карахметова А.А. 1986. Христианские памятники Кавказской Албании (Алазанская долина). Баку.
- Керимов В.И. 2008. Храм Зейзит Кавказской Албании. Баку.
- Маилов С.А. 1985. Армянские церкви Азербайджана// Архитектурное наследие. № 33.
- Садовская Ю.Н. 2003. Роспись пещерной церкви пресвятой богородицы (Эгри Таш) IX–X веков в долине Ихлара. К вопросу о восточнохристианской традиции в живописи Каппадокии. Дисс. ... канд. иск. СПб.

- Чубанишвили Г.Н.* 1959. Архитектура Кахетии. Тбилиси.
- Чхаидзе В.Н.* 2013. Зихская епархия: письменные и археологические свидетельства // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. Т. 1. Севастополь.
- Restle M.* 1979. Studien zur frühbyzantinischen Architektur Kappadokiens. Wien.
- Plontke-Lüning A.* 2007. Frühchristliche Architektur in Kaukasien. Die Entwicklung der christlichen Sakralbaus in Lazika, Iberien, Armenien, Albanien und den Grenzregionen vom 4. bis zum 7. Jh. Wien.
- Thierry N.* 2002. La Cappadoce de Antiquité au Moyen Âge. Turnhout.

О ПУТЯХ ХРИСТИАНИЗАЦИИ АДЫГСКИХ ПЛЕМЕН СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Виноградов А.Ю.

*Институт востоковедения РАН, г. Москва
НИУ «Высшая школа экономики», г. Москва*

Из археологических и этнографических материалов и описаний путешественников известно, что большинство позднесредневековых адыгских племен Северного Кавказа было христианизировано в разной степени, вплоть до наличия у них церквей и клира. Однако пути этой христианизации остаются и по сей день неясными. С одной стороны, должна была существовать связь между христианизированными адыгами Позднего Средневековья и епископией Зихии, созданной в VI в. в Никопсии (ок. совр. Новомихайловки) и перенесенной к IX в. в Таматарху (совр. Тамань), откуда митрополит Зихии окормлял свою паству вплоть до Сарая на Нижней Волге. С другой стороны, в некоторой степени на христианизацию этих адыгов повлияла соседняя Аланская епархия, на что указывают, среди прочего, лексические заимствования (например, *шоген* – «священник» <ир. *сауджын*, диг. *саугин*>). В пользу каждого из этих вариантов есть свои аргументы, но как реконструировать ход самого процесса христианизации позднесредневековых адыгов?

На наш взгляд, некоторый свет на данный вопрос может пролить изучение грекоязычных надписей из зоны расселения адыгских племен в Позднее Средневековье.

Самая ранняя датированная из них была создана ок. 1392 г. и происходит с Нижней или Средней Кубани надгробие священника Педирико, которое отличает весьма специфическая палеография: трапециевидные эпсилон и сигма, и засечки на вертикальных гостах некоторых букв (Kashtanov et al., 2022. № 1). По палеографии к ней примыкает еще целый ряд надписей, как датированных: (Kashtanov et al., 2022. № 2) из станицы Губской (1435 г.), (Kashtanov et al., 2022. № 3) из Белореченска (1467/8 г.), (Kashtanov et al., 2022. № 4) из Кантышево – 1581 г., (Kashtanov et al., 2022. № 5) из Тамани (1590 г.), (Kashtanov et al., 2022. № 6) с р. Этока (1604 г.), так и недатированных: (Kashtanov et al., 2022. № 7) на колонне с Нижней Кубани и (Kashtanov et al., 2022. № 8) из ст. Курджипская. Эти надписи объединяет также наличие негреческих имен: Πεδιρίκο (1); Πιυτερτι (3); Σολάκ-Τεμύρ (4); Ραθίζ, Τζανμίκου (5); Πέκ (6); Ἰαδανη, Σαταρε, Καταραε (7). Кроме того, в некоторых из них наблюдается особое явление в области вокализма – мена звуков *ο* и *ι*, *ε* и *ι*: δόλο(ς) вм. δοῦλος, ὑερεός вм. ἱερεύς (1); ἐκεμέθε вм. ἐκοπιθήθη, Γοεργέου вм. Γεοργίου, μάρτες вм. μάρτι(ο)ς (6); λέξε вм. ἔληξε (7). Данная мена характерна для адыгских языков и зафиксирована также в «Рукописи Шогенова» с Баксана рубежа XVII–XVIII вв.

Итак, всю эту группу сохранившихся и в основном точно датированных надписей можно связать с христианизированным адыгским населением Северного Кавказа. Однако, если взглянуть на географическо-хронологическое их распределение, то становится хорошо видна его неоднородность: ранние памятники (кон. XIV – сер. XV вв.) происходят из Закубанья (2, 3) и, по всей видимости, с Нижней или Средней Кубани (1), тогда как поздние (кон. XVI – нач. XVII в.) – преимущественно из района Пятигорска (4, 6) и только одна, вероятно, из Таматархи (5). Такое распределение сохранившихся надписей, пусть и немногочисленных, явно отражает не только динамику расселения адыгских племен на Центральном Северном Кавказе, но и распространение христианства на этой территории.

Ранняя группа наших христианских надписей географически близка центру Зихийской митрополии – Таматархе, откуда могла и начаться новая миссия среди адыгских племен (включая строительство храмов) после периода дехристианизации у причерноморских

зиков, которую отмечает в первой половине IX в. Епифаний Монах в своем «Житии апостола Андрея». А вот памятники «адыгской» христианской письменности и архитектуры конца XVI – начала XVIII в. связаны в основном уже с востоком Центрального Северного Кавказа: районами Пятигорска и Баксана, где адыгские племена фиксируются с конца XV в. Однако общность уникальной палеографии и фонетики надписей, как и наличие подобной надписи в регионе Таматархи в 1590 г., указывает на родство и преемство между двумя этими группами памятников и движение письменной культуры христианизированных адыгов из Закубанья в Центральное Предкавказье, где она сохраняется вплоть до конца XVII в.

Литература

Kashtanov D. et al. 2022. Greek letters as scriptura franca: writing in local languages on the northern periphery of the Byzantine world // *Studies in Byzantine Epigraphy*. Vol. 1. Turnhout.

ЛОКАЛИЗАЦИЯ ОБЛАСТИ КРЕМУК НА ОСНОВАНИИ СВЕДЕНИЙ ИБРАХИМА ЭФЕНДИ ПЕЧЕВИ (XVI–XVII ВВ.)

Волков И.В.

Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, г. Казань

Область Кремук неоднократно фиксировалась источниками XV в. Множество попыток локализовать это место и связать с конкретными археологическими памятниками в большинстве своем неудачны. Если кратко сформулировать причины разногласий и заблуждений, то они сведутся к неточностям перевода сочинения Иосафата Барбаро (АБиК, 1974; Скржинская, 1971; Волков, 2005; 2015) и некритической интерпретации карт (Волков, 2018). Вероятность появления новых источников по этой теме невелика. Тем более ценно, что недавно И.В. Зайцев обратил внимание на сведения турецкого автора XVII в. Ибрагима Эфенди Печеви, которые могут иметь отношение к проблеме (Зайцев, 2014. С. 93–97). У Печеви описываются события второй половины XVI в. и упоминается область К-мр-к. Велика вероятность того, что упомянут тот же объект. Однако предложенное И.В. Зайцевым его сопоставление с памятниками у ст. Белореченской совершенно не соответствует данным источника.

В «Истории» речь идет о движении османского войска из Каффы в Демиркапы и 1582 г. и его путь обратно в следующем году. В первый раз упоминается Кемрюк приблизительно в четырех днях по пути из Темрюка в степь (то есть вообще без захода в Закубанье). Во второй раз не упоминаются объекты с названиями ни в Закубанье, ни на правом берегу после переправы приблизительно в четырех днях пути от Темрюка.

Кратко маршрут в Дербент следующий. Каффа – на четвертый день Керченский пролив – переправа – на четвертый день Темрюк – на пятый день (от Керченского пролива) Кубань (в действительности современное русло Курки), переправа – на четвертый день Кемрюк – неопределенное время: степь Хейхат – через 20 дней некая река (Кубань) – через 5 дней Бештепе – на пятом переходе река Терек – через неопределенное время место Каратай – наведение мостов через Терек и Каратай – чрез 3 дня округ Шамхала – прямая дорога до Демиркапы (Печеви, 1988. С. 51–53; Peçevi, 1992. С. 70–71; Peçevî, 1864. С. 77 (VY) ; Peçevî, 1866. С. 77 (VY); Peçevî, 1673-1674. F. 190 (V^ε)г).

Положение средневекового Темрюка западнее современного, на берегу исчезнувшей к настоящему времени протоки из Ахтанизовского лимана в Темрюкский залив, на острове Темрюк установлено достоверно (Воронов, Паромов, 1967, с. 87–99). Если требуется попасть в степь из Темрюка, то переправляться за Кубань (основное в то время Кызылташское русло) нет никакого смысла, поскольку придется переправляться еще раз обратно. Рационально только переправиться через узкую протоку у самого Темрюка и двигаться по острову, на котором находится современный Темрюк (остров Йыланлы [Змеиный] по Эвлии Челеби, остров Кандаур по Дюбуа де Монпере и картам XVIII в.). В любом случае, это самый короткий и надежный путь к степи. После острова требовалось переправиться через протоку Кубани, соответствующую современной Курке, и далее перед степью остается только правобережный участок дельты Кубани. Именно там и должен был находиться Кемрюк (Кремук). Поскольку в степи не упомянуты горы, видимые с правого берега, движение проходило севернее Кубани, но не на много, поскольку тогда следовало бы ожидать указания на мелкие реки, текущие в сторону Азовского моря (в верховьях очень мелкие). Следовательно, Кемрюк должен находится в центральной части этого участка дельты.

Обратный путь Осман-паши описан также кратко и допускает некоторые сомнения в реконструкции маршрута (Печеви, 1988. С. 57–58; Peçevi, 1992. С. 77–79; Peçevî, 1864. С. 85

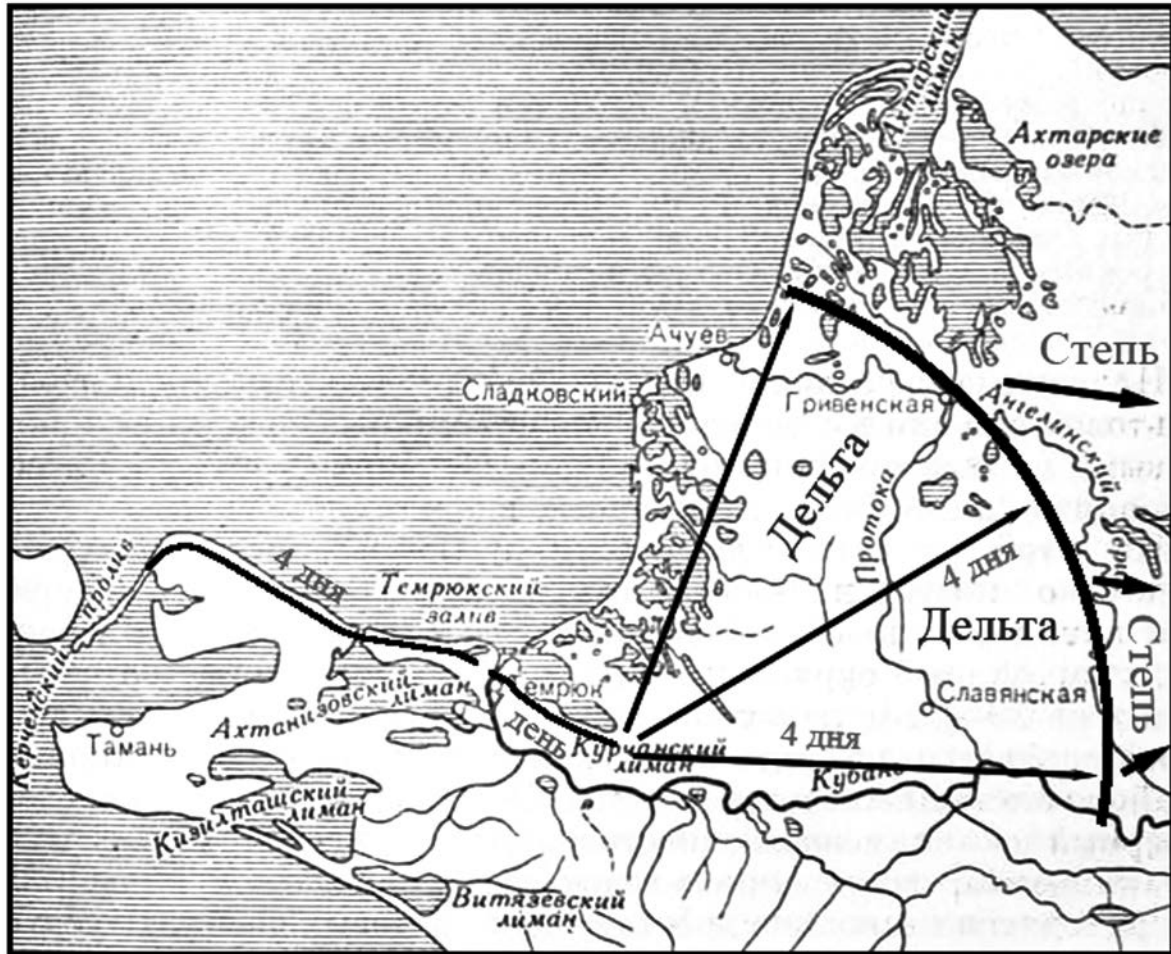

Рис. 1. Схема максимальной возможной протяженности маршрута турецкого войска от Темрюка до степи

(^Δ); Реçевî, 1866. С. 85 (^Δ); Реçевî, 1673-1674. Ф. л.193(^ΔV)г). В этот раз войско на Кубанском участке двигалось по левому берегу, но здесь совершенно не упоминается какое-то адыгское население, тем более, область Кремука, хотя район Белореченска оно однозначно проходило. Вероятно, из-за сильного мороза турки не пошли естественным в этом случае маршрутом – через Кизилташ. По дороге к Тамани они останавливались в Темрюке, а на правый берег Кубани переправились по льду за четыре дня до него, то есть именно на том расстоянии, где по пути в Дербент встретили Кемрюк. Перед переправой находились высокие деревья, что, скорее, свидетельствует о близости горных отрогов. Это наиболее соответствует участку от Крымска до Варениковской. Поскольку на этот раз похожего упоминания Кемрюка нет, скорее, он располагался существенно севернее, дальше от основного русла. В начале русского освоения территории здесь в окружении плавне отмечали довольно обширный Петровский остров, который вполне подходил бы для характеристик и Кемрюка, и области Кремука XV в.

В связи с искажениями топонима обращу внимание на некоторые свидетельства картографических источников. Уже говорилось, что обширная серия европейских карт XVI–XVII вв. с обозначением Кремука в правильной орфографии является результатом неправильного понимания и отображения словесной информации XV в. На весьма точных русских картах конца XVIII в. в плавнях недалеко от Курки обозначался рудут Кара Керменчук. Это может быть отголоском прежнего названия и как-то соотноситься с прежней областью. Кроме того, есть серия компилятивных европейских карт XVII–XVIII вв., где на Нижней Кубани обозначен созвучный пункт (Cervich, Czerwik). К сожалению, они совершенно не пригодны

для локализации пункта, поскольку даже сама Кубань здесь удвоена. Они могут свидетельствовать только о том, что искаженное название сохранилось после XV в., и потенциально возможна находка словесного источника информации для картографов.

Литература

- АБиК. 1974. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик.
- Волков И.В. 2005. Замечания об области Кремук // Четвертая Кубанская археологическая конференция: Тезисы и доклады. Краснодар.
- Волков И.В. 2015. Путешествие Иосафата Барбаро в Персию в 1473–1478 гг. (текст, перевод, комментарий) // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Казань; Симферополь; Кишинев.
- Волков И.В. 2018. Картографические курьезы в связи с адыгскими племенами из списка Иосафата Барбаро // Древности Кубани. Вып. 23. Ростов-на-Дону.
- Воронов А.А., Паромов Я.М. 1987. Локализация средневекового города Темрюка // СА. № 4.
- Зайцев И.В. 2014. Кремук ~ Кермук и «Татарский угол» (к пониманию двух средневековых этнопонимов) // Книга картины Земли. Сборник статей в честь Ирины Геннадиевны Коноваловой. М.
- Печеви И.Э. 1988. История (Извлечения по истории Азербайджана и сопредельных стран и областей периода 1520–1640 гг.). Баку.
- Скржинская Е.Ч. 1971. Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л.
- Peçevi İ.E. 1992. Peçevi tarihi / hazırlayan Bekir Sıtkı Baykal. Cilt 2. Ankara.
- Peçevi I. 1864. Tarih-i Peçevi. Cilt 2. Istanbul.
- Peçevi I. 1866. Tarih-i Peçevi. Cilt 2. Istanbul.
- Peçevi I.P. 1673-1674. Peçevî târihi Histoire de l'empire ottoman, de l'avènement du sultan Soleïman I jusqu'à la mort du sultan Mourad IV (1049 = 1640), par Ibrahim Pacha Peçevi. // Bibliothèque nationale de France. Département des Manuscrits. Turc 72.

К ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОПОГРАФИИ ДЕРБЕНТА В ПОЗДНЕСАСАНИДСКИЙ ПЕРИОД

Гаджиев М.С.¹, Гаджиев Б.Х.²

¹*Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, г. Махачкала*

²*ООО «НПЦ Туризм и краеведение», г. Махачкала*

В 568–569 гг. были возведены цитадель и северная городская оборонительная стена Дербента, имеющие между собой перевязку, что указывает на их одновременное строительство (Гаджиев. 2006. С. 77–94). Затем впритык к цитадели была сооружена южная городская стена. Обе городские стены, отходившие от цитадели (площадью 3,17 га), перекрыли 3,5-километровый проход между морем и горами и архитектурно оформили межстенное пространство города площадью ок. 103,5 га.

На гравюре Олеария 1638 г., планах Дербента 1720-х гг. и нач. XIX в. кроме цитадели, северной и южной стен города обозначены также поперечные стены, соединяющие обе городские стены и разделяющие шахристан на несколько частей.

Прежде отметим, что изображенная на гравюре Олеария и некоторых планах Дербента 1722–1723 гг. стена в приморской части города представляла, видимо, деревянный палисад с прямоугольной башней-воротами в центре (Хан-Магомедов, 2002. С. 75–77). На этих планах (РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Д. 15; РГВИА. Ф. 349. Оп. 1. Д. 1959) она показана в виде мелких кружочков, соединенных тонкими линиями (рис. 1, А), а Олеарий (1906. С. 485–487) в своем описании Дербента ничего не говорит об этой стене и не учитывает ее при делении города поперечными стенами на определенные части. На плане 1723 г. (РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Д. 16) (рис. 1, Б) этой стены уже нет, а на плане Л. Хартунга 1725 г. (РГВИА. Ф. 349. Оп. 1. Д. 1957) в этой части показан возведенный ретраншемент (рис. 1, В).

На гравюре Олеария и планах 1720-х гг. две монументальные поперечные стены делят шахристан на три части. На плане 1722–1723 гг. цитадель обозначена как «замок», верхняя часть шахристана носит название «Персицкий город», средняя часть – «Кизильбашской город», а нижняя – «Греческой город» (РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Д. 15) – перевод с перс. «Шахер Юнан», зафиксированного еще у Олеария (1906. С. 486). Нижняя часть города называлась также Дубара (в пер. с перс. – «Две стены»), а несохранившиеся ворота, ведущие из средней части города в нижнюю, именуется на планах 1810–1824 гг. как «Дубарские ворота» (РГВИА. Ф. 349. Оп. 12. Д. 1976, 2002, 2039, 2043). Это же название Дубара-капы носят до сих пор ворота южной городской стены в нижней части Дербента.

С.О. Хан-Магомедов полагал (2002. С. 77, 203, 204), что поперечные стены были возведены при шахе Аббасе I (1588-1629). Но это мнение является ошибочным.

По военно-топографическому плану Хартунга, верхняя поперечная стена, длиной 320 м, сначала шла в направлении СЗ–ЮВ от башни 30 северной стены на расстояние ок. 150 м (вдоль совр. ул. 7-ой магал). В конце этого участка она составляла восточную стену здания Джума-мечети, построенного, как установлено в 2023 г., одновременно с сооружением города в кон. 560-х – нач. 570-х гг. На этом участке располагались три башни, одна из которых примыкала к восточной стене Джума-мечети, и два прохода: один, имевший стрельчатую арку – у северной городской стены (на совр. ул. Хан кючу), второй – вел во двор Джума-мечети. От угла мечети стена сворачивала на восток и через ок. 50 м поворачивала на ЮВ и спустя ок. 120 м соединялась с южной стеной города в 90 м ниже ворот Орта-капы. На этом участке располагались проход со стрельчатой аркой и две башни.

По чертежам 1720-х гг. это была монументальная стена с парапетом и бойницами. На планах XIX в. она уже не обозначена и, очевидно, была скрыта. Ныне видно только основание

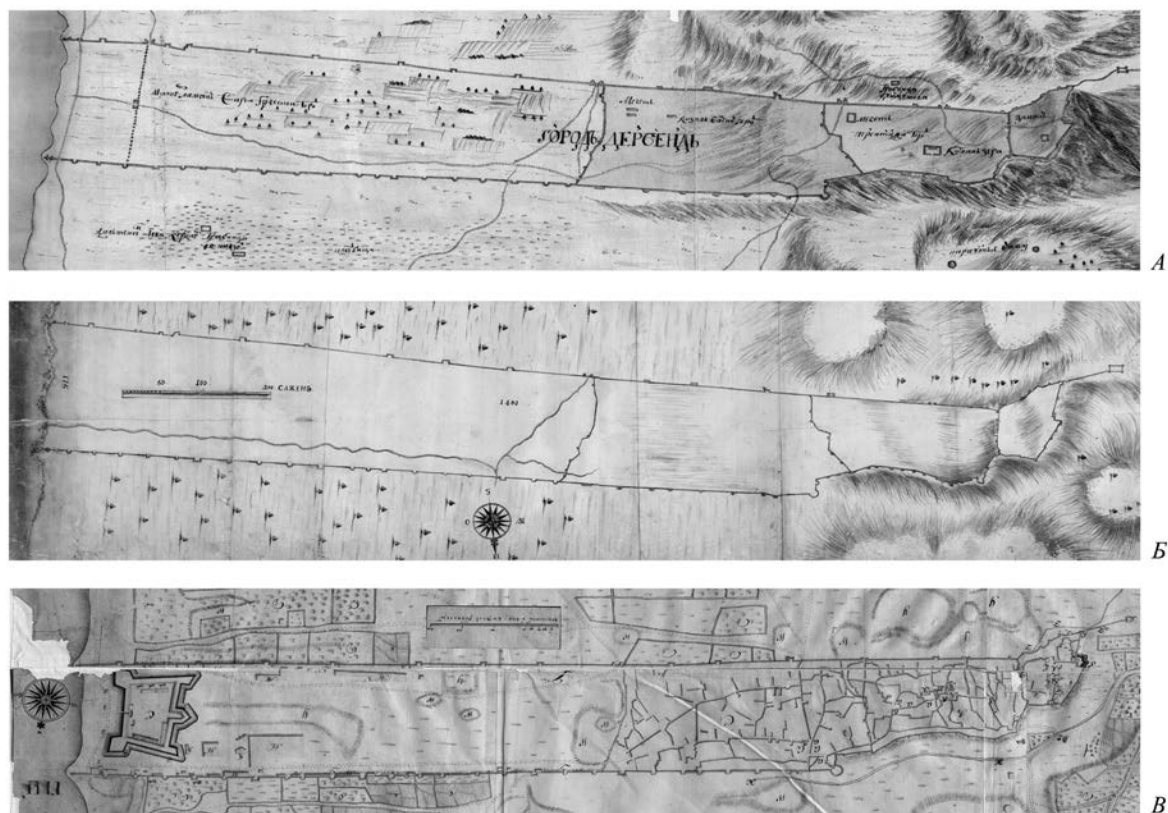

Рис. 1. Фрагменты планов Дербента 1720-х гг.: А – РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Д. 15; Б – РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Д. 16; В – РГВИА. Ф. 349. Оп. 1. Д. 1957

прямоугольной башни, примыкающей к восточной стене Джума-мечети. Башня сложена в характерной сасанидской панцирной кладке тычком и логом из крупных прямоугольных плит с забутовкой на известковом растворе. Этот факт дает основания отнести данную стену ко времени строительства сасанидской каменной фортификации Дербента.

В эту верхнюю, площадью 11,93 га, часть города между восточной стеной цитадели и верхней поперечной стеной вели двое, фланкированных башнями ворот в южной городской стене – Баят-капы и Орта-капы, сооруженных одновременно со стеной.

Средняя поперечная стена, длиной 342 м, начиналась между башнями 42 и 43 северной городской стены и следовала на юг на расстояние ок. 190 м. На этом участке около северной стены (на совр. ул. Айдынбекова) находились фланкированные башнями Дубарские ворота, перекрытые стрельчатой аркой с парапетом и бойницами над ней, и далее – три башни. Затем поперечная стена сворачивала на ЮВ, шла прямо (вдоль совр. ул. Сальмана) и через ок. 150 м соединялась с южной городской стеной чуть выше несохранившихся ворот Куба-капы (перекресток совр. ул. Сальмана и ул. Таги-заде).

Эта средняя, площадью 23,14 га, часть города между верхней и средней поперечными стенами поначалу не имела ворот в северной и южной городских стенах. Ворота Кырхляр-капы (араб. Баб ал-джихад) в северной стене появились в арабский период, видимо, в нач. VIII в. Исследованиями 1961 г. установлено, что здесь проходила глухая стена (Алешковский, 1963. С. 14). Показанные на планах Дербента XVIII–XIX вв. ворота Янги-капы (в пер. с тюрк. – «Новые ворота») в южной стене появились, судя по названию и местоположению, много позже. Попасть в среднюю часть города в позднесасанидский период можно было только через ворота в верхней и средней поперечных стенах. Строительство средней поперечной стены также следует относить к сасанидскому времени: на двух участках (на ул. Айдынбекова и на пересечении ул. Сальмана и ул. 2-й магал) зафиксированы нижние ряды этой стены, сложенной в типичной сасанидской кладке.

Нижняя поперечная стена находилась в приморской части и ограничивала территорию площадью 59,82 га между средней и нижней поперечными стенами, носившую названия Дубара и Шахер Юнан. Стена была выявлена в 1949 г. в море на глубине 1,3–1,5 м и принята за остатки мола или волнолома (Николаева, Хан-Магомедов, 1962), облицовки древней набережной (Леонтьев, Федоров, 1953). Позже было предположено, что она является остатками пристани или поперечной стены, защищавшей город со стороны моря (Кудрявцев, 1982). При исследованиях 1986 г. эта стена была прослежена в зоне прибоя на расстояние ок. 240 м, и было предположено, что она соединяла северную и южную городские стены (Кудрявцев, Гаджиев, 2002). Стена сложена в той же сасанидской технике кладки и примыкает без перевязки к северной стене. Судя по видимой протяженности и направлению, она имела длину ок. 360 м и соединяла северную и южную городские стены.

В эту нижнюю часть города из средней части вели Дубарские ворота в средней поперечной стене. Около башни 50 северной стены располагался небольшой, хорошо защищенный проход, сооруженный вместе со строительством стены и обеспечивавший выход за город к северу (Гаджиев, 2010. С. 20–37). С юга доступ в эту часть Дербента обеспечивался устроенными в южной стене несохранившимися, фланкированными башнями воротами Куба-капы около средней поперечной стены и сохранившимися воротами Дубара-капы с привратными башнями, возведенными в сасанидской технике и находящимися в нижней (восточной) части южной стены.

На ряде планов города в прибрежной зоне показаны еще два прохода, расположенные друг против друга: один – в южной стене, другой – в северной стене. Последние имели фланкирующие башни в четверть круга (РГВИА. Ф. 349. Оп. 12. Д. 1958, 1959) и, очевидно, были сооружены вместе с северной стеной в кон. 560-х гг.

При регрессии Каспия в 2021–2023 гг. нижняя поперечная стена существенно обнажилась, что позволило выявить ее новые элементы (Гаджиев М.С., Гаджиев Б.Х. 2021. С. 397–401), в т.ч. вероятные остатки ворот с полукруглыми башнями. Учитывая уровень Каспия в период строительства Дербентского комплекса на отметке -31,5 – -32,0 м абс. (Кудрявцев, Гаджиев, 2002) и расположение этой поперечной стены на отметке ок. -29,5 м, можно заключить, что от нее до береговой линии было расстояние ок. 150 м и данная приморская часть Дербента занимала площадь ок. 5,5 га. Данная стена – самая нижняя из трех поперечных стен, разделивших межстенное пространство Дербента при его сооружении на четыре части.

Поперечные стены обеспечивали дополнительную защиту Дербентского прохода и возведенного здесь стратегически важного города.

Литература

- Алешковский М.* 1963. Отчет о археологических разведках на территории Дербентской крепости (городские стены и цитадель Нарын-Кала) (май-июнь 1963 г.) // Архив ИА РАН. Р-1. № 2677.
- Гаджиев М.С.* 2006. Определение абсолютной даты строительства цитадели и северной городской стены Дербента и произведенных трудозатрат (интерпретация среднеперсидской надписи № 3) // Вестник ИАЭ. № 1.
- Гаджиев М.С.* 2010. Баб ал-кийама – средневековое мусульманское культовое место в Дербенте // Дагестан и мусульманский Восток. М.
- Гаджиев М.С., Гаджиев Б.Х.* 2021. Новые исследования прибрежной поперечной стены Дербента середины VI века // Морские исследования и образование (MARESEDU-2021). Труды X Международной научно-практич. конференции. Тверь.
- Кудрявцев А.А.* 1982. Древний Дербент. М.
- Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С.* 2002. Подводные археологические исследования в акватории Дербента // ПИФК. Вып. XII.
- Леонтьев О.К., Федоров П.В.* 1953. К истории Каспийского моря в поздне- и послехвалынское время // Изв. АН СССР. Серия геогр. № 4.
- Николаева Р.В., Хан-Магомедов С.О.* 1962. Новые данные об уровне Каспийского моря за историческое время // Тр. ИО АН СССР. Т. 60.
- Хан-Магомедов С.О.* 2002. Дербентская крепость и Даг-бары. М.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ ВДОЛЬ СЕВЕРНОЙ ГОРОДСКОЙ ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ СТЕНЫ ДЕРБЕНТА

*Гаджиев М.С.¹, Шаушев К.Б.², Абдулаев А.М.¹, Будайчиев А.Л.¹,
Таймазов А.И.¹, Леонтьева А.С.³, Бакушев М.А.³*

¹Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, г. Махачкала

²ООО «НПЦ Туризм и краеведение», г. Махачкала

³ООО «Культурное наследие», г. Москва

В 2022 г. Дербентская археологическая экспедиция ИИАЭ ДФИЦ РАН и ООО «НПЦ Туризм и краеведение» провела раскопки и наблюдения в рамках благоустройства ландшафтного парка, расположенного вдоль северной городской оборонительной стены Дербента от ворот Джарчи-капы до ворот Кырхляр-капы за пределами средневекового шахристана. Работы производились на трех раскопах общей площадью 870 кв. м (раскоп XXXVI – 180 кв. м, раскоп XXXVII – 580 кв. м, раскоп XXXVIII – 110 кв. м).

Раскоп XXXVI (рис. 1, а), размерами 18 × 10 м, был заложен около круглого бастиона – башни 34. Был вскрыт культурный слой мощностью до 1,6–1,9 м в основном с материалами сельджукского и предмонгольского времени (XI – нач. XIII в.), включавшими столовую поливную и неполивную, тарную и кухонную керамику, сипаи, светильники, медные монеты сер. XII–XIII в. (Суламиды Дербента, Джучиды (?) и др.), стеклянные и гагатовый браслеты и др.

Слой накрыл четыре водовода протяженностью до 18 м. Два из них составлены из стандартных керамических труб. Два других представляли конструкцию в виде лотка, боковые стенки которого сложены из бутового и подтесанного камня с укладкой в отдельных местах вторично использованных целых и продольно обломанных керамических труб, иногда соединенных меж собой. Канал лотка обмазан водонепроницаемым известковым раствором и накрыт сверху обработанными подпрямоугольной формы плоскими плитками.

В той же стратиграфической позиции открыты две хлебные глинобитные печи-тендиры и печная конструкция, заглубленные в материк. Тендиры имеют традиционную усеченно-коническую форму (диаметры около 80 см и 130 см, при сохранившейся глубине 20–25 см) с боковым каналом. Печная конструкция представляет яму подпрямоугольной формы с закругленными углами (ширина 1,2 м, длина не менее 2,1 м, глубина 0,4–0,42 м), с прокаленными стенками. Из заполнения печи происходят фрагменты белоглиняного кувшина, покрытого густым штампованным орнаментом (мелкие звездочки) и темно-серой и голубой глухой глазурью, нанесенной на выпуклые элементы штампованного декора, плечика белесого кувшина со штампованным орнаментом, красноглиняной чаши с белыми ангобными пятнами под светло-зеленой поливой и др.

Учитывая датировку накрывающего слоя, выявленные хозяйственные объекты и водоводы, характеризующие систему водоснабжения ближайшей сельхозокруги города, можно датировать X–XII вв.

Раскоп XXXVII (рис. 1, б) протяженностью 95 м и шириной 4–11 м был заложен вплотную к оборонительной стене между башнями 30–33. Раскопками были выявлены 16 разновременных водоводов различной сохранности (иногда обрывающихся), из которых четыре относятся к сер. 1930-х гг., остальные – к X – нач. XIII в.

Последние представляют водоводы из керамических труб, иногда уложенных в тесанные каменные лотки, перекрытые подпрямоугольными плитами и в одном случае – обожженными кирпичами (20 × 20 × 5 см). Все водоводы, за исключением одного (водовод 11, представлявший часть канализационной системы для стока из обживаемой территории города), были проложены вдоль северной городской стены. Протяженность водоводов от 0,85 м (сохранившийся обрывок) до 71 м (прослеженная длина). Вода, поступающая с горных родников в данные водоводы, характеризуется высоким содержанием минералов, что приводило к их

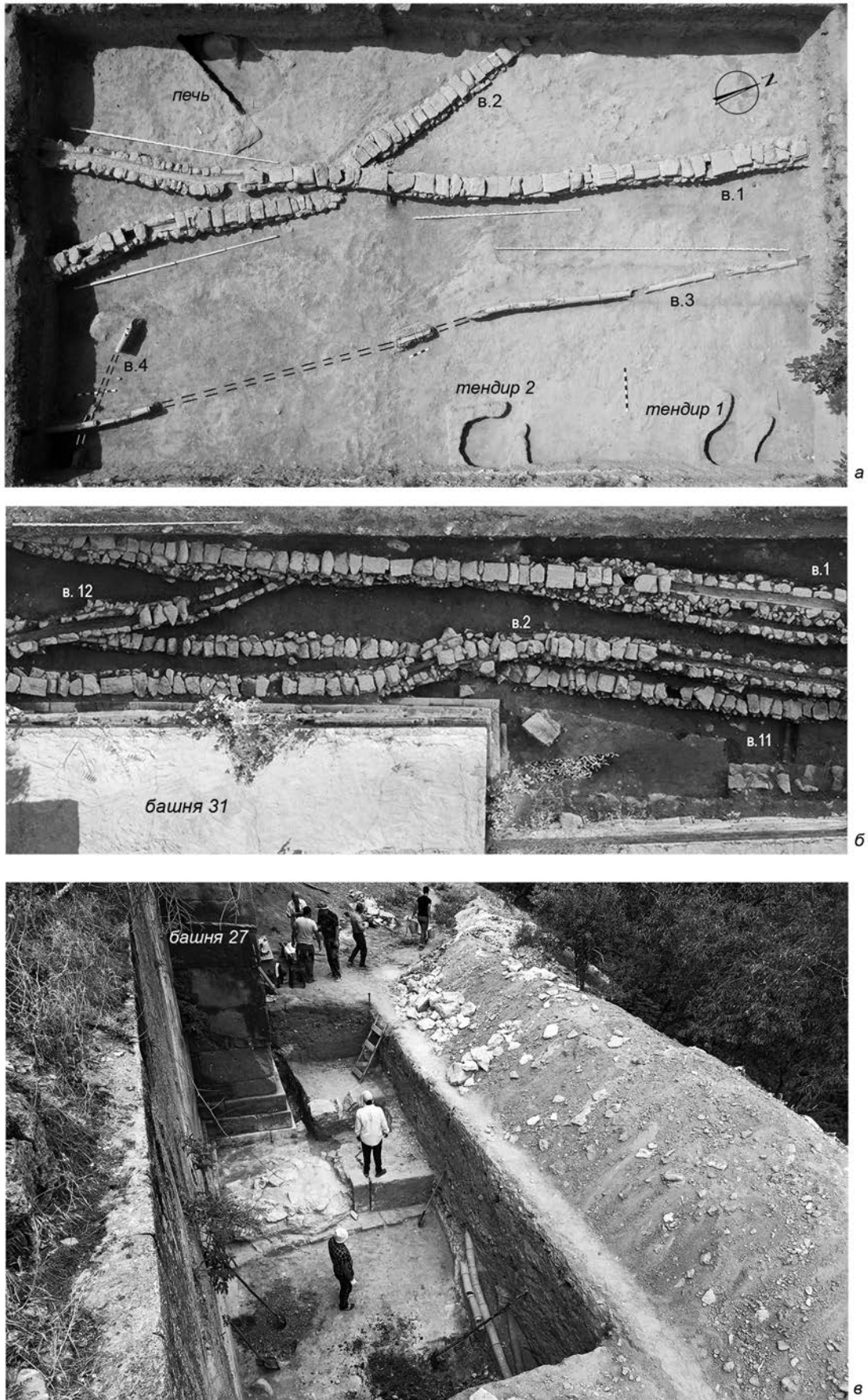

Рис. 1. Дербент. Раскоп XXXVI (а), XXXVII (б, часть), XXXVIII (в, часть)

отложениям в трубах и частой их замене. На это указывают находки обломков труб, забитых минеральными отложениями. Причем, в срезах наблюдаются послойные отложения, что обусловлено, видимо, сезонным характером их накоплений. Водопроводные линии шли из расположенного к западу от цитадели Нарын-кала ущелья Мегейлян-дереси, где встречаются выходы водоводов, находки фрагментов труб и расположено несколько функционирующих родников с высоким содержанием минералов и песка. Водоводы, возникновение и функционирование которых относится к VIII – первой трети XIII в., судя по их направлению, обеспечивали водой не город, а сельхозугодья, находившиеся за пределами шахристана в равнинной части близ северной городской стены. Заметим, что возникшие некогда водоводы могли использоваться на протяжении столетий с постоянным их обновлением (заменой труб).

Водоводы перекрыты слоями сельджукского и предмонгольского времени, в которых обнаружены показательные фрагменты столовой поливной и неполивной посуды, тарной, кухонной и специальной керамики, стеклянных и гагатого браслетов, иранской кашинной керамики (в т.ч. с надписями), китайского (Лунцюань) селадонного кубка, медный поднос с фигурным краем бортика и др.

Весьма важным было открытие каменной прямоугольной конструкции, возведенной в типичной сасанидской технике из крупных блоков, положенных ложком и тычком, датирующейся концом 560-х гг. и, очевидно, обводившей башню 32 и обеспечивавшей ее устойчивость и прилегающих участков куртин в условиях крутого рельефа и незначительного фундамента. Фасадная часть конструкции покоилась на плотном глинобитном основании, который, видимо, представляет собой остатки сырцового оборонительной стены Дербента, возведенной в конце 440-х гг.

Раскоп XXXVIII (рис. 1, в) длиной 34 м при ширине 2-4 м был заложен вплотную к северной городской стене между башнями 27 и 28. Раскопками были вскрыты культурные напластования V – первой трети XIII в. и накрывающие их слои XIX – нач. XX в. (давшие, в частности, образцы местной кустарной поливной керамики, часть бронзовой гарды палаша с врезным изображением вензеля Екатерины II, чашечек т.н. турецких курительных трубок и др.). В раскопе выявлены три водовода из керамических труб, датируемые VIII–XII вв. и водовод Нового времени. Прекращение функционирования средневековых водоводов во всех трех раскопах относится к 1220-м – 1230-х гг. – времени монгольских походов и вторжения хорезмшаха Джелал ад-Дина, приведших к упадку города, значительному сокращению его шахристана и сельхозокруги (Гамзатов, 1982. С. 72–73), численности горожан, к прекращению функционирования многих кварталов и объектов Дербента (Гаджиев, 2010. С. 20–37; Гаджиев и др., 2015. С. 183–195; Гаджиев и др., 2017. С. 177–201; Гаджиев и др., 2019. С. 10–19).

Хорошо датируемые средневековые слои содержат большое количество фрагментов столовой поливной и неполивной, тарной, кухонной, специальной керамики, стеклянной посуды, индивидуальных находок. Выделим находки фрагментов поливных чаш XI–XII вв. с арабскими и персидскими надписями, со сценой охоты собак на леопарда, кашинной посуды, в т.ч. с росписью люстром, ранней исламской керамики, медных дирхемов Суламидов Дербента (XII в.) и Пишкинидов Ахара (XIII в.), аббасидского серебряного дирхема VIII в., двух бронзовых поясных щитковых литых пряжек IX – нач. X в. Особо отметим обнаружение в слое, связанном с возведением оборонительной стены (конец 560-х гг.), сасанидской геммы из сердолика с изображением двух человеческих фигур, обращенных друг к другу.

Касаясь стратиграфии раскопа, заметим, что выделены слои сасанидского времени, датируемые в диапазоне кон. 440-х – 568–569 гг., т.е. временем между строительством сырцового фортификации и сооружением каменной фортификации Дербента. Обратим внимание, что в раскопе выявлена подпорная стена башни 27 времени ее строительства, видимо также, как и на раскопе XXXVII, обводившая башню.

В заключении отметим, что в ходе исследований на оборонительных стенах на раскопах и на территории ландшафтного парка выявлены знаки строителей, врезные изображения животных, среднеперсидская (№ 35) (Гаджиев, Дунцов, 2023. С. 173–187. Рис. 5, 7) и арабские надписи.

Литература

- Гаджиев М.С.* 2010. Баб ал-кийама – средневековое мусульманское культовое место в Дербенте // Дагестан и мусульманский Восток. Сб. статей в честь профессора А.Р. Шихсаидова. М.
- Гаджиев М.С., Абиев А.К., Будайчиев А.Л., Абдулаев А.М., Шаушев К.Б.* 2015. Открытие и исследование мусульманского культового комплекса X – нач. XIII в. в Дербенте (предварительное сообщение) // Вестник ИИАЭ. № 3.
- Гаджиев М.С., Дунцов А.Н.* 2023. Новооткрытые среднеперсидские надписи *амаргара* Дариуша в Дербенте // История, археология и этнография Кавказа. Т. 19 (1).
- Гаджиев М.С., Таймазов А.И., Будайчиев А.Л., Абдуллаев А.М., Абиев А.К.* 2017. Спасательные археологические исследования в Дербенте в 2015 году: раскоп XXXIII // Вестник ИИАЭ. № 1.
- Гаджиев М.С., Таймазов А.И., Будайчиев А.Л., Абиев А.К., Абдуллаев А.М., Магомедов Ю.А.* 2019. Разведочные археологические работы у северной оборонительной стены в приморской части Дербента // Вестник Кемеровского государственного университета. № 1.
- Гамзатов Г.Г.* 1982. Историческая топография позднесредневекового Дербента (XIII–XVII вв.) // СА. № 1.

ОХРАННО-СПАСАТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ШАХРИСТАНЕ ДЕРБЕНТА

*Гаджиев М.С.¹, Шаушев К.Б.², Таймазов А.И.¹,
Абдулаев А.М.¹, Будаичиев А.Л.¹, Сайпудинов М.Ш.¹*

¹Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, г. Махачкала

²ООО «НПЦ Туризм и краеведение», г. Махачкала

В 2022 г. Дербентская археологическая экспедиция ИИАЭ ДФИЦ РАН и ООО «НПЦ Туризм и краеведение» провели раскопки и наблюдения в г. Дербенте рамках благоустройства парков Боевой славы им. С. Стальского, расположенных на территории средневекового шахристана. Работы производились соответственно на раскопах XXXIX и XL.

Раскоп XXXIX (10 × 5 м) был заложен в центральной части шахристана на расстоянии ок. 140 м к ССЗ от некогда проходившей в этой зоне южной городской стены. Раскоп был доведен до проектной строительной отметки. В итоге было выявлено два этапа активного использования данной территории: поздний этап приходится на XIX – нач. XX вв., ранний – на XI – первую треть XIII в.

Материалы Нового времени представлены тремя специализированными очагами-печами 1–4 и крупной хозяйственной ямой 1, впущенной в слой XI – первой трети XIII в. Очаги представляют собой узкие длинные ямы прямоугольной формы с закругленными углами: очаг 1 имел размеры 198 × 45 см при сохранившейся глубине 16 см (рис. 1, 1); очаг 2 – 170 × 42 см с расширением ко дну до 182 × 62 см и глубиной 1,0–1,06 м (рис. 1, 1); очаг 3 – 300 × 94 см с сужающимися ко дну торцевыми стенками с обкладкой продольных бортов бутовым камнем на глиняном растворе при глубине до 80 см; очаг 4 – 140 × 78 см, глубиной ок. 60 см, возможно, имевший полуциркульный свод и загрузочную камеру. Хозяйственная яма имела, очевидно, квадратную форму (в площади раскопа оказалась ее часть размером 186 × 128 см) и глубину ок. 1,9 м. Из данных объектов происходит многочисленный и выразительный материал: фрагменты местной ремесленной поливной и неполивной керамики, русского фабричного фаянса, иранской фаянсовой пиалы, железные изделия, чугунное ядро (d = 8 см), медный наперсник и др. В слое, связанном с данным горизонтом, найдены фрагменты местной керамики, русского фаянса, российские монеты XIX – нач. XX в., чашечки курительной, т.н. турецкой трубки, красноглиняная свистулька в форме птички (рис. 1, 3), а также разнообразная керамика сельджукского и предмонгольского времени, несколько медных монет, в т.ч. Суламидов Дербента XI – нач. XIII в., бронзовая литая фигурная поясная пряжка с овальной рамкой, прорезными щитком и уступами под язычок IX–X вв., оказавшиеся в этом слое, очевидно, в результате поздних перекопов (например, при рытье ямы 1).

Выявленные остатки стен, хозяйственные ямы 2 и 3, обогревательные печи-корси 1–4 связаны с функционированием на этой территории жилищно-бытового комплекса XI – первой трети XIII в. Обнаруженная стена представляла собой комбинированную кладку из тесанного и бутового камня и обожженных кирпичей формата 24–25 × 24–25 × 5 см. Печь-корси 4 (рис. 1, 2), представлявшая, как и другие печи, установленный в грунт вровень с полом керамический сферический сосуд без дна, выделяется тем, что к ней был подведен воздухопровод, состоявший из обожженных кирпичей и керамической трубы. Из заполнения печи-корси 1 происходят медная шестиугольная монета (Аксункуриды Мараги, нач. XIII в.?) и коричневоглиняный кувшинчик, покрытый снаружи и внутри зеленой поливой по белому ангобу и с гравированным орнаментом из спиралей и кружков на плечиках. Значительное количество находок происходит из хозяйственной ямы 2 (d устья = 68–70 см, d дна = 83–94 см, глубина 1,1–1,3 м). В яме, помимо большого количества фрагментов поливной и неполивной столовой посуды, кухонных котлов, глазурованного и нескольких неполивных

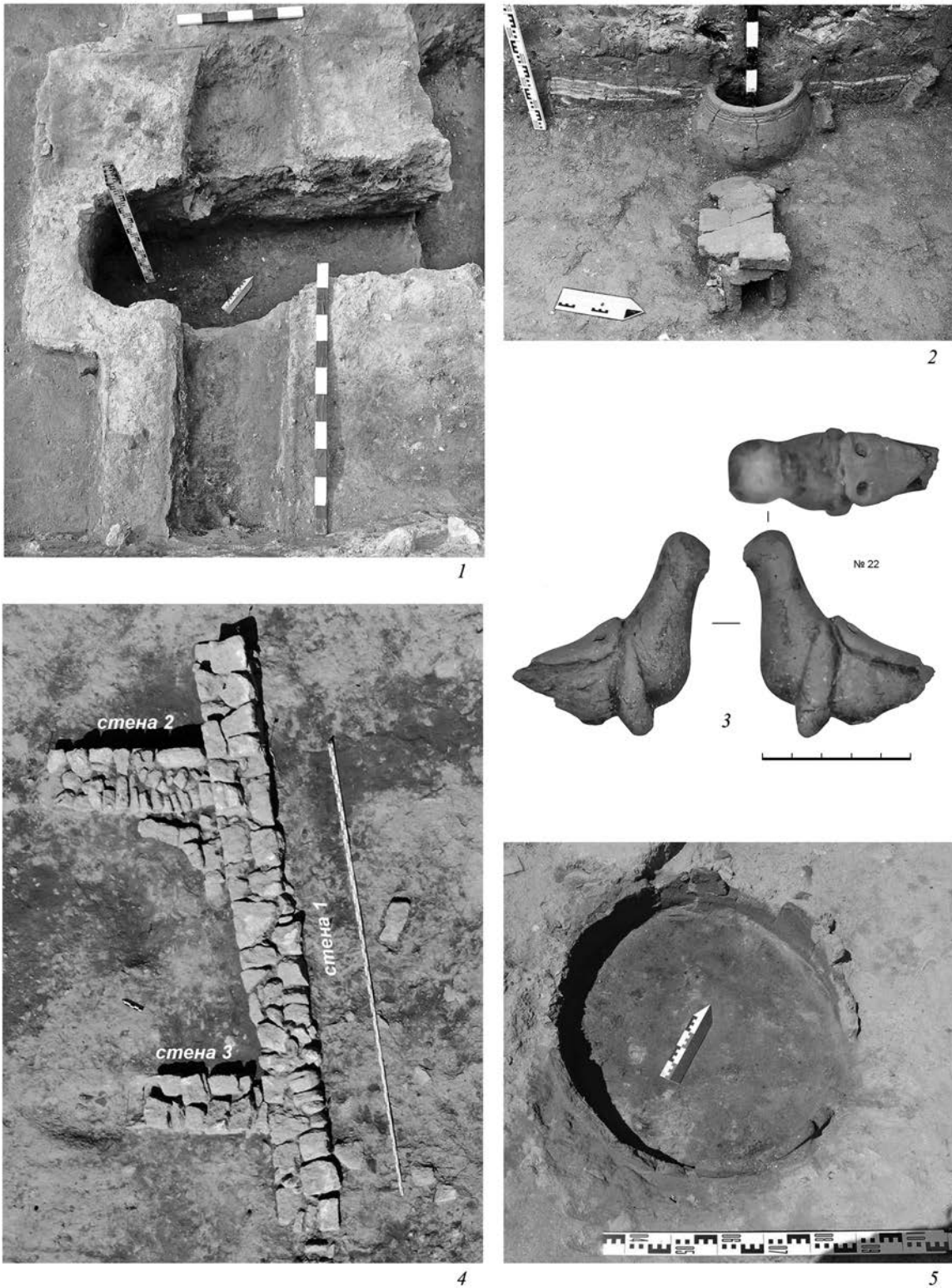

Рис. 1. Дербент. Раскоп XXXIX: очаги 1, 2 (1), печь-курси 4 (2) и керамическая свистулька (3); раскоп XL: остатки строения (4), печь-тендир (5)

светильников-*чирагов*, фрагментов белокашинной пиалы с глухой кобальтовой поливой, найдены бронзовое кольцо, игральная кость-астрагал, фрагменты черного стеклянного браслета и подставки-*сипая*, восемь медных монет, в т.ч. чекана Суламидов Дербента сер. XII – нач. XIII в. и Аксункуридов Мараги (?), фрагменты штукowego архитектурного декора, в т.ч. с куфическими буквами и половинкой небольшой арочной конструкции – колонки с наклонными каннелюрами на кубической базе и подковообразной аркой с угловым и боковым декоративным обрамлением.

Из слоя, связанного с функционированием открытого комплекса, происходят фрагменты поливной и неполивной столовой посуды, кухонной, тарной и специальной керамики (крышки, сфероконус) сельджукского и предмонгольского времени, а также серия индивидуальных находок, в т.ч. бронзовая ременная накладка, круглая ($d = 6$ см) пластинчатая медная бляха с умбоном и отверстием в центре и др. Уникальна находка фрагментов двух угловых керамических красноглиняных изразцовых плиток, изготовленных в форме, покрытых изумрудно-зеленой поливой по белому ангобу и соединенных угловой декоративной колонкой. Поле лицевой плитки обрамлено рельефными треугольниками, разделено такими же треугольниками и выпуклыми точками на четыре прямоугольных рамки; в нижних двух рамках и верхней рамке – рельефные арабские куфические надписи, в третьей рамке помещен рельефный орнаментальный выюнок с повернутыми в обратную сторону изогнутыми побегам, завершающимися трилистниками и полупальметтами.

Раскоп XL (14×14 м) был заложен на расстоянии ок. 25 м к ЮЮВ от северной городской стены на месте планируемого фонтана. Раскоп был доведен до проектной строительной отметки (-1,5 м), а на двух участках (по 4 кв. м) в противоположных частях раскопа – до материкового грунта с целью выяснения стратиграфии данной части средневекового шахристана Дербента, мощности, характера и хронологии культурных напластований. В итоге была определена мощность культурных напластований, достигающая толщины 3,3–3,6 м. Представленный археологический материал, происходящий из культурных напластований, датируется в рамках X – первой трети XIII в., т.е. временем существования Дербентского эмирата, сельджукским и предмонгольским периодами. Такая же хронологическая картина ранее наблюдалась и на других раскопах, заложенных в Дербенте в средней и нижней (приморской) частях города, и отражает время наивысшего расцвета средневекового города, когда активно обживалось и была застроено все межстенное пространство шахристана.

Первый (верхний) строительный горизонт, отнесенный к концу XII – первой трети XIII в., представлял остатки хозяйственно-бытового комплекса с взаимосвязанными стенами 1–4 (рис. 1, 4) и хлебной печью-*тендиром* ($d = 80$ см) (рис. 1, 5). Второй (нижний) горизонт, датированный X–XII вв., включал стены 5–9, выявленные в заложенных стратиграфических шурфах.

В слое первого горизонта обнаружены фрагменты моно- и полихромной поливной керамической посуды, столовой, кухонной, тарной и специальной керамики, датируемые сельджукским и предмонгольским периодом, т.е. XI – нач. XIII в. Выделим хронологически показательные образцы глазурованной посуды, покрытой зеленой, желтой и голубой (кобальтовой) поливой, в т.ч. с подглазурной гравировкой по белому ангобу, и поливные чаши с полихромной росписью, совпадающей с гравированным рисунком. Керамический комплекс второго горизонта в целом идентичен таковому первого горизонта, но в нем уже встречены образцы более ранней глазурованной керамики с полихромной росписью (марганцевый и зеленый цвета) и прозрачной поливой по непокрытому черепку.

Среди индивидуальных находок раскопа XL – ситечко от кувшина, обломок сипая, стеклянная бусина, фрагменты стеклянных сосудов, коррозированные медные монеты, фрагмент керамического сосуда с врезным орнаментом, имитирующим резьбу по дереву.

Как и на других раскопах, заложенных ранее в черте средневекового шахристана Дербента, прекращение бытования выявленных комплексов сельджукского и предмонгольского времени приходится на бурные военно-политические события 1220-х – 1230-х гг. – монгольские походы и вторжение хорезмшаха Джелал ад-Дина. Это привело к упадку города (Гамзатов,

1982. С. 72–73; Гаджиев, 2010. С. 20–37; Гаджиев и др., 2015. С. 183–195; Гаджиев и др., 2017. С. 177–201; Гаджиев и др., 2019. С. 10–19), возрождение которого началось только спустя 600 лет – в XIX в.

Литература

- Гаджиев М.С.* 2010. Баб ал-кийама – средневековое мусульманское культовое место в Дербенте // Дагестан и мусульманский Восток. Сб. статей в честь профессора А.Р. Шихсаидова. М.
- Гаджиев М.С., Абиев А.К., Будайчиев А.Л., Абдуллаев А.М., Шаушев К.Б.* 2015. Открытие и исследование мусульманского культового комплекса X – нач. XIII в. в Дербенте (предварительное сообщение) // Вестник ИИАЭ. № 3.
- Гаджиев М.С., Таймазов А.И., Будайчиев А.Л., Абдуллаев А.М., Абиев А.К.* 2017. Спасательные археологические исследования в Дербенте в 2015 году: раскоп XXXIII // Вестник ИИАЭ. № 1.
- Гаджиев М.С., Таймазов А.И., Будайчиев А.Л., Абиев А.К., Абдуллаев А.М., Магомедов Ю.А.* 2019. Разведочные археологические работы у северной оборонительной стены в приморской части Дербента // Вестник Кемеровского государственного университета. № 1.
- Гамзатов Г.Г.* 1982. Историческая топография позднесредневекового Дербента (XIII–XVII вв.) // СА. № 1.

ИТОГИ ДЕСЯТИЛЕТНЕГО ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ АРХИТЕКТУРЫ ГОРНОЙ ИНГУШЕТИИ МЕТОДАМИ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ ДИСЦИПЛИН

Гадиев У.Б.

ГКУ «Археологический центр им. Е.И. Крупнова», г. Назрань

С 2014 г. под руководством автора в горной Ингушетии осуществлялся научный проект по комплексному изучению памятников традиционной архитектуры методами естественно-научных дисциплин. Исследования проводились ГКУ «Археологический им. Е.И. Крупнова» и Институтом географии РАН. В задачи проекта входили поиск архитектурных памятников, содержащих древесные элементы, датировка этих объектов методом дендрохронологии и радиоуглеродного анализа, определение пород деревьев, из которых изготавливались деревянные конструкции зданий и сооружений данной зоны. В результате в течение четырех полевых сезонов были изучены следующие архитектурные поселения и объекты:

в 2014 г. – Джейрах, Бялган, Эрзи, Гу, Салги, Эгикал, Оздиче, Вовнушки, Пялинг, Ний, святилище с. Ког, храмы Тхаба-Ерды и Алби-Ерды;

в 2015 г. – Нижний Кяхк, Хамхи, Морч, Харпе, Бейни, Фалхан, святилище Тумгой-Ерды;

в 2018 г. – Мужган, Верхний Мешт, Мереджи;

в 2020 г. – Таргим, Эгикал, Бархане, Магоге, Эги-Чож, храм Маго-Ерды, святилища Дялите и Тушоли.

Всего было собрано 166 образцов древесины с 30 архитектурных комплексов и отдельных памятников. Их анализ показал, что в средневековую эпоху ингушские зодчие при устройстве деревянных перемычек окон и дверей, балок-распорок в сводчатых перекрытиях, иных конструкций архитектурных сооружений активно применяли, прежде всего, сосну, липу и дуб (50, 37 и 35 образцов соответственно). Далее по убыванию следуют береза (14 образцов), тис (2 образца), ильм или вяз (1 образец). Остальные образцы пока не определены.

В рамках выполнения проекта была предпринята попытка календарной датировки памятников с помощью методов дендрохронологии. Однако привязки к существующим дендрохронологическим шкалам Западного Кавказа и по некоторым породам живых хвойных деревьев, растущих в горной части Северной Осетии, не дали приемлемых результатов. Это говорит о том, что в разных районах Кавказа существуют локальные экологические ниши, в которых условия произрастания деревьев из-за особенностей местного микроклимата различны.

Примененный в исследованиях радиоуглеродный метод оказался более эффективным. В результате удалось датировать достаточно разнообразную группу памятников, причем два из них – храмы Тхаба-Ерды и Алби-Ерды, в т.ч. и на основании изучения карбонатов раствора и штукатурки (Гадиев, Мацковский, 2016. С. 269–270; 2018. С. 429–431; 2020. С. 318–319; Matskovsky, Gadiev et al. 2019. P. 777–797). К настоящему времени в рамках реализации проекта датированы 6 храмов и святилищ, 3 склепа, 1 жилая башня, 11 боевых и 2 полубоевые башни.

Полученные датировки в целом хорошо согласуются с выводами ученых относительно хронологического положения средневековых памятников архитектуры горной Ингушетии. Так, проведенные исследования позволили подтвердить тезис о более раннем возрасте боевых башен с плоской крышей (XIV – первая пол. XVII в.) и относительно молодом возрасте башен с пирамидально-ступенчатым завершением (XVII–XVIII вв.). Также удалось установить, что храмы-святилища синкретического облика, на которых отмечены следы язычества и христианства (Маги-Ерды, Тумгой-Ерды, Дялите), датируются в достаточно близком временном интервале, что говорит об их появлении и функционировании в один строительный период.

Литература

- Гадиев У.Б., Мацковский В.В.* 2016. Дендрохронологические исследования в Ингушетии 2014–2015 гг. // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Грозный, 18–21 апреля 2016 г. Грозный.
- Гадиев У.Б., Мацковский В.В.* 2018. Датировки памятников архитектуры Горной Ингушетии методом радиоуглеродного анализа // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Материалы Международной научной конференции. Карачаевск, 22–29 апреля 2018 г. Карачаевск.
- Гадиев У.Б., Мацковский В.В.* 2020. Новые результаты радиоуглеродных исследований памятников архитектуры Горной Ингушетии // Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения. XXXI Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции, посвященной 50-летию Крупновских чтений и 50-летию Дербентской археологической экспедиции. Махачкала, 20–25 апреля 2020 г. Махачкала.
- Matskovsky V., Gadiev U., Dolgikh A., Cherkinsky A., Polumieva P., Panov V., Kudikov A., Lomakin N., Dolgova E.* 2019. Radiocarbon dating of medieval buildings in the mountainous part of Ingushetia (Northern Caucasus, Russia // Radiocarbon. Vol. 61 (3).

КРЕМАЦИОННЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ КУРГАННОЙ ГРУППЫ «ГОСТАГАЕВСКАЯ-1»

Голубев Л.Э.

*Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева,
г. Майкоп*

В ноябре – декабре 2014 г. отрядом ООО «РАЭ» производились охранно-спасательные раскопки на территории города-курорта Анапа Краснодарского края на части курганной группы «Гостагаевская-1» XII–XIII вв., попавшей в полосу отвода строительства газопровода «Южный поток». В процессе работ на памятнике было исследовано 26 курганных насыпей, под которыми находились от одного до нескольких погребений. Все исследованные погребения преимущественно были осуществлены по обряду ингумации, под тремя курганными насыпями были выявлены погребения, совершенные по обряду кремации приблизительно в одно время с труположениями.

Погребение 1 кургана № 53 (средняя высота 0,5 м, $d = 12$ м) (рис. 1А, 1), располагалось в 1,35 м к Ю от R3 (вероятно, под первоначальным центром насыпи – до того, как она оплыла по склону). В кургане выявлено одно погребение. Красноглиняная урна была помещена на небольшой глубине от поверхности (-0,95 м от R0). Урна (рис. 1А, 2) высотой 27,6 см, на плоском поддоне ($d = 11$ см), с раструбовидным венчиком ($d = 13,8$ см), с двумя боковыми вертикальными, овальными в сечении ручками. Вокруг урны лежали плоские камни размерами ок. $20 \times 20 \times 7$ см, которые первоначально, вероятно, образовывали «каменный ящик». В урне среди пепла и кальцинированных костей был найден следующий инвентарь: витое бронзовое кольцо размером, $d = 1,6$ см (рис. 1А, 6); железная булава с кольцевидной головкой, общей длиной 13,3 см, с круглой в сечении иглой и кольцом, $d = 4,4$ см (рис. 1А, 4); железный нож размером $9,4 \times 1,1 \times 0,3$ см (рис. 1А, 3); бронзовое проволочное колечко (рис. 1А, 7); две бронзовые квадратные нашивные бляшки размером $1,2 \times 1,2$ см; бронзовое зеркало ($d = 7,3$ см) с центральной петлей, со следами термической деформации (рис. 1А, 5); фрагмент крупной ромбовидной пастовой бусины черного цвета, украшенной белыми ромбами и глазками (рис. 1А, 8); бронзовая полусфера, вероятно, часть подвески, с обломанной петелькой.

Погребение 1 кургана № 58 (высота оплывшей насыпи ок. 1 м, $d = 14$ м). В насыпи было исследовано два погребения: кремационное и ингумационное. Погребение 1 (рис. 1Б, 1) – кремационное, центральное, находилось в центре насыпи в 1,45 м к ЮВ от R0 на глубине -1,19 м, посередине угольного пятна, смешанного с грунтом. Погребение было совершено в урне, представляющей красноглиняный сосуд высотой ок. 33 см, с двумя небольшими боковыми овальными в сечении ручками, на плоском поддоне ($d = 13,8$ см), в раструбовидном венчиком диаметром 11 см (рис. 1Б, 2). Сосуд, вероятно, сверху был накрыт плоским камнем. Урна лежала внутри «кольца», образованного ритуальной согнутой, со следами пребывания в огне саблей (рис. 1Б, 3). Общая длина сабли 111 см, ширина и клинка у рукояти 3,5 см, толщина 0,8 см, ширина у наконечника ножен 3,1 см, толщина 0,5 см. Вероятно, клинок имел обоюдоострое острие. Сабля снабжена перекрестием размером $9,8 \times 1,7 \times 1,2$ см с шаровидными окончаниями (рис. 1Б, 4). У перекрестия на клинке имеется уплотнительная накладка, расширяющаяся к режущей части с внешней стороны. Рукоять размером $11,3 \times 1,6 \times 0,3$ см была согнута посередине. Для жёсткости, черенок имеет дол и снабжен тремя круглыми в сечении ($d = 0,3$ см) с круглыми шляпками ($d = 0,8$ см) заклепками длиной 2,2 см. Ножны скреплялись двумя обоймами с петлями для портупейных ремней. У рукояти обойма лучшей сохранности – немного неровная шириной в среднем 0,8 см, концами на торце сжимает торцевую манжету в виде двух железных «лепестков», края которой украшены косой насечкой

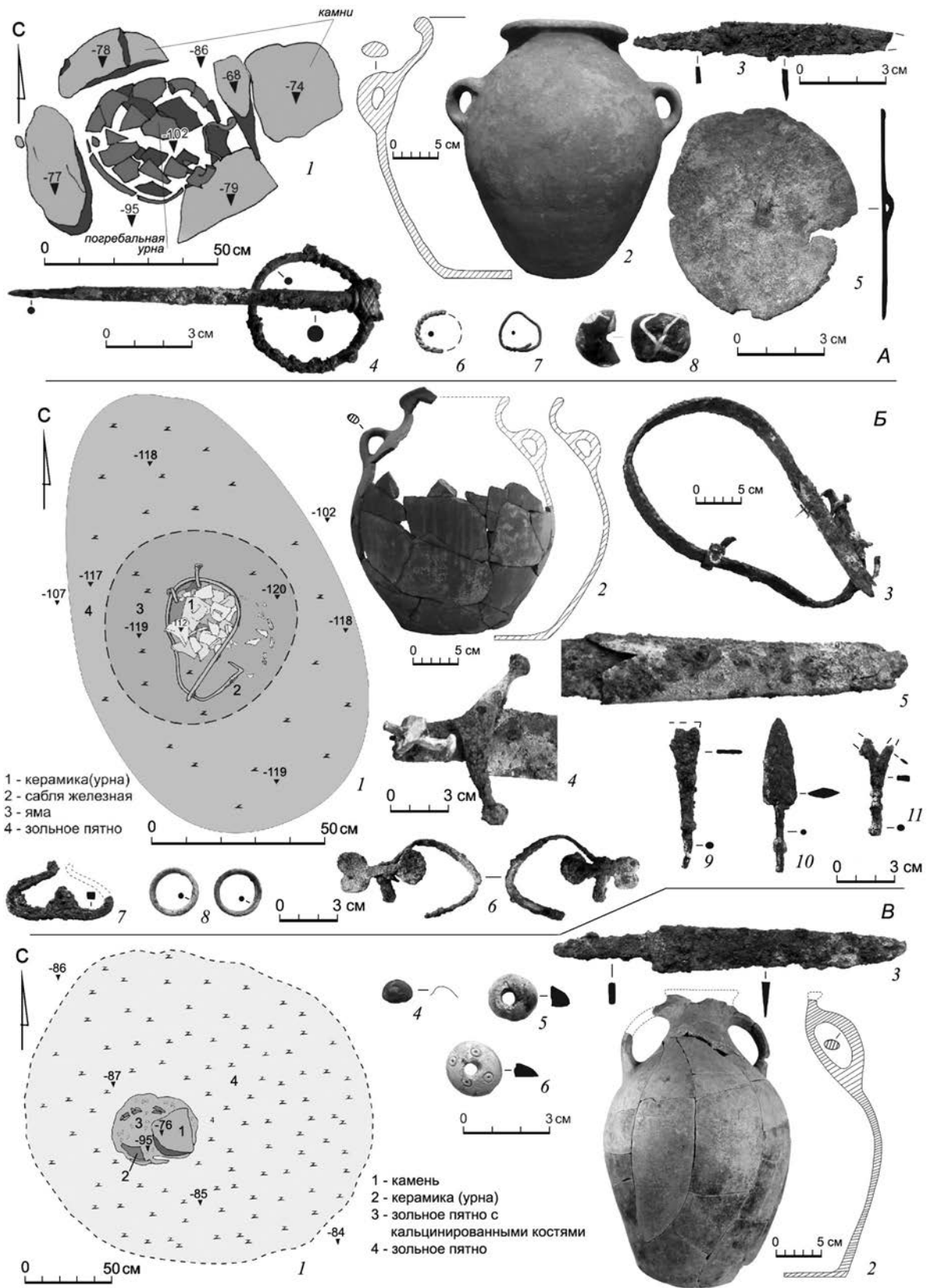

Рис. 1. Кремационные захоронения курганной группы «Гостагаевская - 1»:
 А – погр. 1 кургана № 53; Б – погр. 1 кургана № 58; В – погр. 1 кургана № 67

и скреплены с другой стороны (рис. 1Б, 6). Вторая аналогичная петля крепилась посередине ножен. Наконечник ножен длиной 16,5 см, овальный в сечении, торцевой край не сохранился. Устье ножен с внешней и внутренней сторон имело треугольные вырезы (рис. 1Б, 5).

Внутри урны, среди пепла и кальцинированных костей были найдены: кресало калачевидное, квадратное в сечении, размером 5,1 × 2,7 × 0,5 см (рис. 1Б, 7), надетое на черешковый наконечник стрелы-срезня (общая длина 7,6 см, круглый в сечении черешок, длиной 2,5 см, у перехода снабжён «порожком», плоское в сечении перо расширяется к острию (рис. 1Б, 9); два наконечника стрел – листовидный, ромбовидный в сечении, общей длиной 8,1 см, черешок длиной 3,4 см, перо длиной 3,7 см, толщиной 0,4 см (рис. 1Б, 10), и наконечник-срезень, общей длиной 5 см, круглый в сечении черешок у перехода в плоское перо снабжён порожком (рис. 1Б, 11); два бронзовых круглых в сечении кольца (d = 2,6 см) (рис. 1Б, 8).

Погребение 1 кургана № 67 (высота 0,5 м, d = 8 м). В насыпи было открыто 4 погребения, центральным было погребение 3, принадлежавшее ребенку. Погребение 1 (рис. 1Б, 1) – кремационное, располагалось на расстоянии 1,7 м к С от R2 на глубине -0,95 м от R0. В центре округлого угольного пятна (d = 1,7 м) была вкопана керамическая урна накрытая плоской подквадратной плиткой размерами 20 × 19 × 5 см. Урна (рис. 1Б, 2) представляла красноглиняный кувшин высотой 37 см на плоском поддоне (d = 14 см), с двумя вертикальными овальными в сечении ручками, с отбитым в древности венчиком. В урне среди пепла и кальцинированных углей были найдены: железный нож длиной 12,7 см, с клинком шириной ок. 1,4 и толщиной 0,4 см, с прямоугольным в сечении черенком (3,5 × 0,8 × 0,3 см) (рис. 1Б, 3); бронзовая полусфера от подвески-бубенчика (1,1 × 0,8 × 0,01 см) (рис. 1Б, 4); сильно обожженная костяная пуговица-пронизь (1,8 × 0,9 × 0,5 см) (рис. 1Б, 5); костяная уплощенно-полусферическая пуговица-пронизь с циркульным орнаментом (1,9 × 0,5 × 0,8 см) (рис. 1Б, 6).

Интересной особенностью погребального обряда представленных захоронений являются угольные пятна на погребенной почве, в которые по центру устанавливались погребальные урны. Установка урны в «каменный ящик» как под ингумацию, как это наблюдалось в кургане № 53, уже фиксировались в погребениях Северо-Восточного Причерноморья. В данном случае «каменный ящик» был небольшой, размером под урну, составленный из необработанных, но подобранных плитчатых камней. Необходимо отметить, что собственно ингумационные захоронения в каменных ящиках в исследованных курганах не были открыты. Но погребальные каменные ящики представлены в расположенном поблизости синхронном курганном могильнике Макитра.

Найденный инвентарь исследованных кремационных погребений относится к XII–XIII вв. Подобные вещевые комплексы были найдены и в ингумационных погребениях курганной группы «Гостагаевская-1». Вероятно, данный могильник принадлежит одному из протоадыгских племен Северо-Восточного Причерноморья, и присутствующая на нем погребальная обрядность в виде ингумационных и кремационных захоронений, отражающих различные религиозно-идеологические представления, вероятно, могут свидетельствовать о том, что процесс этнической миксации племен «косожского» круга и зихов еще не был завершен.

КРАСНО-РОЗОВЫЙ БИСЕР ПО МАТЕРИАЛАМ ЗМЕЙСКОГО МОГИЛЬНИКА

Доброва О.П.¹, Леонтьева А.С.²

¹Центр палеоэтнологических исследований, г. Москва;

²ООО «Культурное наследие», г. Москва

При систематизации коллекции Змейского могильника из раскопок М.А. Бакушева был выявлен довольно многочисленный тип бус – красно-розовый полупрозрачный бисер (рис. 1) (Доброва, Леонтьева, 2020. С. 342). Среди известных и опубликованных памятников этого хронологического периода аналогии ему на момент публикации найти не удалось. В тоже время многочисленность бисера и широкое распространение среди погребальных комплексов могильника побудило нас к более интенсивной работе по поиску аналогий и разработке его хронологии.

Рис. 1. Красно-розовый полупрозрачный бисер. Змейский могильник. Кат. 32/1982 г.
Раскопки Р.Ф. Фидарова

Морфология. Бусы изготовлены из красно-розового полупрозрачного стекла. Размеры: $D - 0,2-0,7$ см, $H - 0,1-0,4$ см, $d - 0,1-0,2$ см. На части бус фиксируется процесс разрушения стекла, небольшая часть покрыта пленкой иризации. Как правило один край у бус ровный, с другой стороны выпуклый по краям и вогнутый в сторону отверстия. Отверстие воронковидное. Бисер изготовлен из тянутой трубочки. При этом стоит отметить, что их морфология отличается от широко известного «рубленого» бисера из древнерусских памятников, прежде всего цветом стекла и формой канала.

Количество и нахождение в могильнике. За последние годы помимо коллекции, полученной в ходе раскопок М.А. Бакушева нами были обработаны коллекции бус из раскопок Р.Ф. Фидарова, Э.Ю. Шестопаловой, Н.И. Гиджрати. Бисер обнаружен в 57 катакомбах и 6 индивидуальных погребениях в грунтовых ямах. По материалам раскопок М.А. Бакушева бисер встречается в погребениях различного половозрастного состава, но наиболее часто он известен в погребениях детей возрастом 1–7 лет. Общая численность коллекции бус Змейского могильника проработанной нами насчитывают 15716 экземпляров. В исследованной части коллекции бус Змейского могильника красно-розовый полупрозрачный бисер составляет – 2289 экз. (15% от общего числа стеклянных бус). Среди известных авторам памятников такое количество красно-розового полупрозрачного бисера нигде ни фиксировалось. Ожерелья из этого бисера могли сочетаться как с другими типами бус, изготовленными из стекла, поделочных камней, янтаря, гагата, жемчуга так и состоять исключительно из красно-розового бисера. Наиболее часто красно-розовый полупрозрачный бисер по материалам раскопок М.А. Бакушева сочетался с рубленным бисером различных цветов, лимонками с металлической фольгой, навитыми бусами из которых чаще всего встречается с черными непрозрачного стекла бусами плохого качества (Доброва, Леонтьева, 2014. Рис. 18, 2). Проработанная коллекция

бус из раскопок М.А. Бакушева позволяет датировать этот тип бус, в основном, в пределах X – середины XI в. В погребениях более позднего времени он встречается редко.

Аналогии. В настоящее время аналогии бисеру Змейского могильника обнаружены в единичных экземплярах среди древнерусских памятников. Так в материалах селища в пойме Днепра Гнездовского археологического комплекса бисер известен в количестве 5 экземпляров, где датируется второй половиной X – началом XI в. (Френкель, 2007. С. 80, 108, 115–116) Небольшая серия из трех бисерин обнаружена нами среди материалов Троицкого (2 экз.) и Михайловского (1 экз.) раскопов Великого Новгорода¹. Бисер Троицкого раскопа происходит из слоев рубежа X/XI в. – первой половины XI в., михайловский экземпляр принадлежит ярусам 7/8 датированного 1352–1369 гг. Экземпляр бисера из Михайловского раскопа Новгорода Великого можно рассматривать как случайную находку значительно пережившую время своего основного бытования.

Выводы:

- по имеющимся на сегодняшний день данным красно-розовый полупрозрачный бисер может быть датирован серединой X – серединой XI в.
- этот тип бисера, помимо Змейского могильника, редок в памятниках Кавказа и, вероятно, мало характерен для древнерусских памятников;
- красно-розовый полупрозрачный бисер принадлежит иному производственному центру/мастерской, чем выделенные З.А. Львовой для Старой Ладogi (Львова, 1970. С. 96–97). Основанием для такого утверждения служит цвет стекла, не характерный для бус последней четверти I тыс. н.э. и специфическая форма канала на фоне остального рубленого бисера.

Литература

Доброва О.П., Леонтьева А.С. 2020. Бусы Змейского катакомбного могильника из раскопок 2013–2014 гг. // Бакушев М.А., Леонтьева А.С. Змейский катакомбный могильник. Материалы раскопок 2013–2014 гг. Т. I. М.

Львова З.А. 1970. Стекланные бусы Старой Ладogi. Ч. 2 // АСГЭ. Вып. 12. Л.

Френкель Я.В. 2007. Опыт датирования пойменной части Гнездовского поселения на основании анализа стекланных и каменных бус (по материалам раскопок 1999–2003 гг.) // Гнездово. Результаты комплексных исследований памятника. М.

¹ НГОМЗ КП 25295 инв. № 637; КП 43677 А197-204; КП 26517 А42-147. Благодарим В.К. Сингха за помощь в датировке бисера.

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ХРАМОВЫЙ КОМПЛЕКС БЖИЛЮА В СЕЛЕ АНХУА: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК 2022–2023 гг.

*Архимандрит Дорофей (Дбар), Сангулия Г.А.
Абхазский институт гуманитарных исследований АН Абхазии,
г. Сухум, Республика Абхазия*

Руины храмового комплекса Бжилюа расположены в пос. Бжилюа (в советский период – пос. Веселовка) с. Анхуа Гудаутского района, на высоте 360 м над у. м., в 10 км к СЗ от г. Новый Афон. Исторически территория Анхуа являлась частью средневековой столицы Абхазии – Анакопии (совр. г. Новый Афон). Натурное обследование руин храмового комплекса позволяет предположить, что он включает в себя церковь, колокольню либо еще одну церковь (исследования не проводились) и ограду.

Каких-либо исторических сведений о храмовом комплексе Бжилюа не выявлено. Памятник был зафиксирован в 1962 г. В.П. Пачулиа, который датировал его XI–XII вв. (Пачулиа, 1962. Ад. 80; Пачулиа, 1964. С. 37; 1968. С. 68). По его сообщению, монахи Ново-Афонского монастыря в конце XIX в. вывезли из храма в Бжилюа все архитектурные детали с надписями. Речь идет о различных фрагментах алтарной преграды, предалтарного креста и иных архитектурных деталях с надписями на греческом и асомтавури из Анхуа, одна часть которых экспонируется в Абхазском государственном музее, а другая – хранится в фондах названного музея. Они датированы рубежом X–XI вв. (Шервашидзе, 1974. С. 176–185; Ендольцева, 2020. С. 205–211).

В ходе археологических раскопок церкви Бжилюа были обнаружены фрагменты архитектурных деталей, сходных с вышеуказанными из АГМ, включая основание постамента для предалтарного креста. Следовательно, версия В.П. Пачулиа о происхождении церковных архитектурных деталей коллекции АГМ из руин храмового комплекса Бжилюа нашла подтверждение. Таким образом, речь идет о важнейшем датирующем материале всего комплекса.

Археологические раскопки храмового комплекса Бжилюа в с. Анхуа проводились в 2022–2023 гг. Работы были начаты с основной церкви. Общая площадь раскопа составила 340 кв. м. В результате были исследованы алтарная часть, основной зал, притвор и западный фасад церкви. Максимальная глубина раскопа составила 120 см (до уровня napольного покрытия).

Культурный слой. По всей площади раскопа наблюдался культурный слой, включавший: 1) фрагменты черепичной и каменной кровли; 2) элементы конька кровли – уголков, закрывающих стык скатов кровли, выполненных из тесаного камня; 3) известняковые блоки с фрагментами росписи; 4) блоки из ракушечника/ноздреватого травертина с фрагментами фресок; 5) фрагменты штукатурного раствора и каменные блоки с росписью; 6) фрагменты различной керамической посуды, в т.ч. поливной, среди которой большинство принадлежит обломкам чаш с подглазурной гравировкой по белому ангобу под зеленой поливой; 7) фрагменты чеканной иконы; 8) металлические кресты; 9) наконечники стрел; 9) гвозди и другие предметы из железа.

Фрески. На стенах алтаря были открыты фрески (рис. 1, 1). Живопись достаточно выразительна, занимает всю сохранившуюся часть стены апсиды. Установлено, что на обнаруженных фресках изображены святые (судя по одеянию, иерархи Церкви). В северной литургической нише также было открыто изображение еще одной небольшой фигуры. К сожалению, сохранились только нижние части этих изображений (от пояса и ниже), поэтому идентифицировать изображенных святых невозможно.

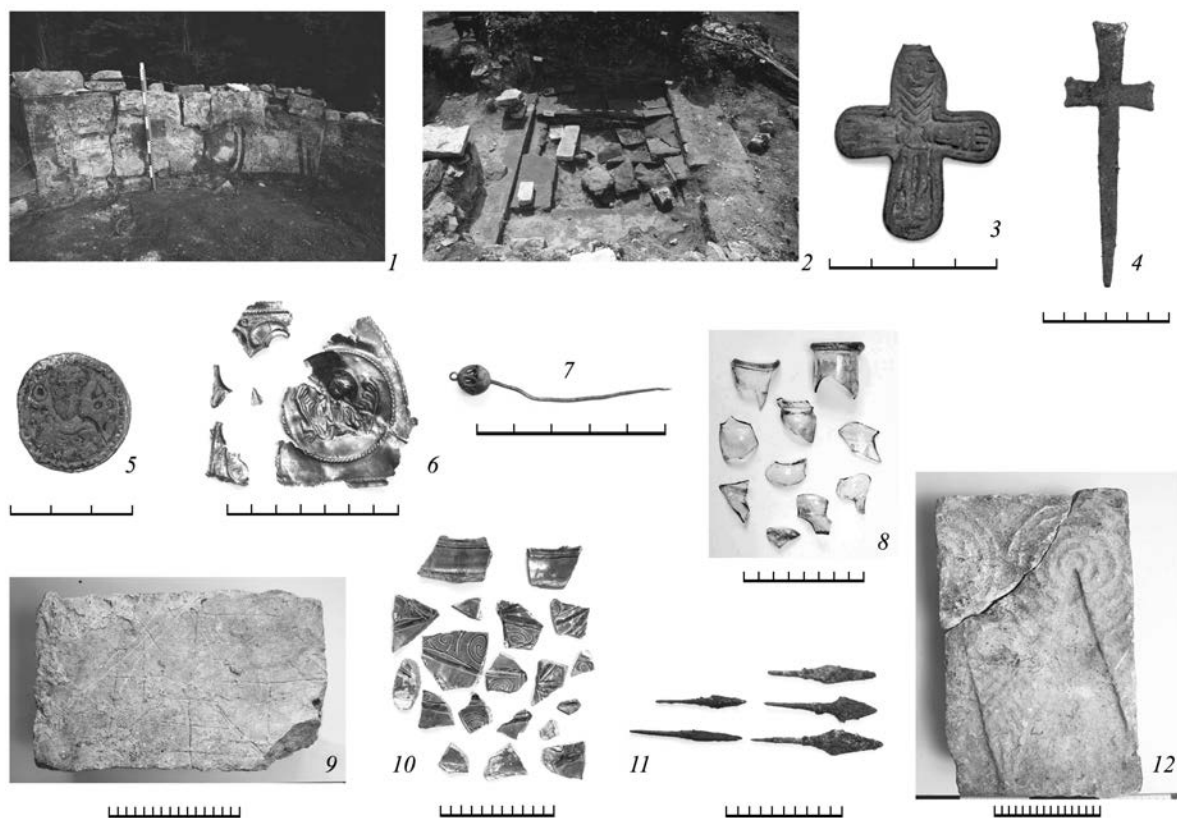

Рис. 1. Церковь Бжилюа в с. Анхуа. 1 – фрески; 2 – притвор с гробницами; 3 – нательный крест с Распятием; 4 – металлический крест; 5 – медальон св. Феодора с греческой надписью; 6 – фрагмент чеканной иконы с изображением ангела; 7 – булавка; 8 – фрагменты бальзамария; 9 – строительный блок с рисунком; 10 – глазурованная керамика с орнаментом; 11 – наконечники стрел; 12 – орнаментированный блок с орнаментом

Особые находки.

- 1) медный нательный крест с Распятием (46 × 38 мм, рис. 1, 3);
- 2) медальон св. Феодора с греческой надписью (D = 29 мм, рис. 1, 5);
- 3) фрагмент позолоченной чеканной иконы с изображением ангела (55 × 70 мм, рис. 1, 6);
- 4) строительный блок с рисунком (26,5 × 16,5 × 9 см, рис. 1, 9);
- 5) блоки с орнаментами (рис. 1, 12);
- 6) булавка с шаровидной головкой (длина 60 мм, рис. 1, 7);
- 7) серебряная монета (акче), овальная (D = ок. 11 мм), на обеих сторонах сохранились надписи;
- 8) фрагменты двух стеклянных сосудов (бальзамарии) (рис. 1, 8).

Погребения. В притворе храма раскопаны три гробницы, ориентированные по оси восток – запад, разделенные опорными блоками перекрытия пола (рис. 1, 2). Из гробницы № 1 были извлечены костные останки, лежавшие на дне вместе с инвентарем. Остальные гробницы в настоящее время сохранены для доследования. К сожалению, все гробницы были ранее подвергнуты несанкционированному проникновению и разграблению.

Архитектурные элементы. Археологические раскопки показали, что церковь Бжилюа представляет собой каменную постройку, возведенную по в панцирной технике из облицовки блоками правильной формы с забутовкой, со сводчатым перекрытием из ракушечных блоков и с черепичной (изначально) и каменной (при перестройке) кровлей. Алтарная часть (ширина 3,1 м, диаметр 1,9 м) с вписанной полукруглой апсидой и двумя литургическими нишами (диаметр 79 см). Наличие полукруглой снаружи апсиды выяснится в ходе последующих исследований. Ширина заплечиков продольной линии, переходящих в апсиду, равна 23 см.

Основной зал церкви (ширина 3,55 м, длина 4,7 м) – с напольным каменным покрытием и пристенными каменными стасидиями (сидениями, высота 35 см). По центральной оси храма, перед алтарной преградой, стоял большой каменный крест, основание которого также было обнаружено в ходе раскопок. Основной зал церкви отделен от притвора стеной (толщина 74 см) с проемом без двери. Мы можем судить об этом по наличию следов фресок на торцевых частях стены проема. В притворе (ширина 3,19 м, длина 2,19 м) под напольным покрытием из тесаных каменных плит размещены гробницы. Западный фасад с парадным входом был декорирован. Расстояние от внутренней стены центра алтарной апсиды до наружной стены западного фасада составляет 10,4 м. Церковь имела два придела с северной и южной сторон, которые планируется исследовать во время последующих раскопок.

Предварительные выводы. Полевые работы на руинах храмового комплекса Бжилуа в с. Анхуа и камеральная обработка полученного материала показали, что церковь комплекса претерпела две фазы строительства. Изначально (предположительно в X в.) она имела черепичное кровельное покрытие и, вероятно, первый слой росписей. В ходе перестройки (предположительно в XI–XIV вв.) в церкви была переустроена алтарная часть, появилась каменная кровля, второй слой фресок и, очевидно, приделы. В процессе исследования этого объекта будут получены важные сведения по средневековой архитектуре Абхазии.

Литература

- Ендольцева Е.Ю.* 2020. Архитектурная пластика Абхазии в период Абхазского царства (VIII–XI вв.). М.
- Җачулиа В.П.* 1962. Анхуа акыҗантәи абаҗакәа // Алашара. № 6. Аҗәа.
- Пачулиа В.П.* 1968. Исторические памятники Абхазии, их значение и охрана. М.
- Пачулиа В.П.* 1964. Новый Афон. Путеводитель. Тбилиси.
- Шервашидзе Л.А.* 1974. Столб из села Анухва // Труды Абхазского гос. музея. Вып. 4. Сухум.

МАМЛЮКИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В XIV–XVI ВВ.: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Дружинина И.А.

Институт востоковедения РАН, г. Москва

Исследование выполнено за счет гранта РФФИ, проект № 23-18-00869.

Изучение мамлюкского периода в истории черкесов традиционно ограничивалось его рассмотрением как части истории Ближнего Востока. Долгое время считалось, что, покидая родные земли и племена и становясь мамлюками, черкесы навсегда разрывали связи с родственниками, своей культурой и верой предков, принимали новые имена и обращались в новую религию – ислам. Однако, как показали последние исследования, связи с родной землей не только не прекращались (Broadbridge, 2011; Koby, 2012; Barker, 2015), но и являлись важным фактором внутривосточной борьбы в мамлюкской корпорации (Дружинина и др., 2023).

Изучение многосторонних взаимоотношений Султаната с черкесами Северного Кавказа, которые в XIV–XV вв. являлись основным контингентом для пополнения корпуса мамлюков, является одной из главных задач нового направления как для отечественного кавказоведения и востоковедения, так и для зарубежного мамлюковедения. Его основой является комплексный анализ письменных источников, прежде всего, арабских средневековых текстов (ал-‘Айни (ум. в 1451 г.), Ибн Тагри Бирди (ум. в 1469 г.), ас-Сахави (ум. в 1497 г.), ал-Малати (ум. в 1514 г.), Ибн Ийас (ум. в 1524 г.) и др.) и археологических материалов раскопок элитарных погребений черкесов Северо-Западного Кавказа XIV–XV вв., находящих прямые аналогии в материальной и духовной культуре Мамлюкского султаната.

Эти материалы выявлены, главным образом, в группе могильников, локализующихся в бассейне р. Белая (территория Республики Адыгея и Краснодарского края) и представлены предметами роскоши и инсигниями (элитарное вооружение, пиршественная эмалированная стеклянная посуда – декантеры, бутылки, в т.ч. обнаруженная в Белореченском кургане 53 (раскопки Н.И. Веселовского 1896 г.) ваза с изображениями гербов султана Бейбарса (1260–1277) и другие категории находок), элементами костюма (мужские головные уборы, поясные наборы) и предметами, характерными для быта средневековых арабских городов (решетки-машрабия, деревянные шкатулки с резьбой и др.), серией находок, связанных с исламской религиозной традицией (тумары; перстни, поясные накладки и наконечники с именем Всевышнего и изречениями из Корана) (Дружинина, 2022).

Одной из самых выразительных находок, которую ранее соотносили с продукцией золотоордынских (Федоров-Давыдов, 1976. С. 184. Илл. 135–138) или иранских мастеров конца XIII – начала XIV вв. (The Legacy, 2003. P. 18, 276. Fig. 12. Cat. 153) является серебряный кубок из Белореченского кургана 3 (1906 г.). По своей форме, конструкции (снабжен смесителем и характерным ажурным прорезным фильтром, увенчанным фигуркой птички) и деталям орнамента (Рис. 1, 1) кубок находит аналогии в изделиях торовтов и гончаров Мамлюкского султаната первой трети XIV в. (‘Abd Al-Rāziq, 1967. P. 24–26. Pl. I, A; II, B; III, B; 1989. P. 6–12. Pl. IV, VI; Крамаровский, 2019. С. 172–173) (Рис. 1, 2–7), а также в изображениях чаш на ранках эмиров (Maueg, 1933). Также и сам сюжет – птица над чашей – является традиционным в мамлюкской геральдике: мы находим его, например, на египетской керамике-сграфитто (‘Abd Al-Rāziq, 1989. P. 12. Pl. IV.C) (рис. 1, 8), на стеклянной лампе, датированной 1340 г., изготовленной для эмира Тукзтимура, чашника султана ан-Насира Мухаммада

(Yeomans, 2006. P. 173) (рис. 1, 9). Кубок из Белореченского к. 3 (1906) не просто статусная, но, по-видимому, характерно мамлюкская вещь, изготовленная на заказ для высокопоставленного представителя корпорации мамлюков.

Подобные предметы попадали в Закубанье не столько в качестве товаров, но как дары родственникам, жалование торговым агентам и другим представителям Султаната на землях черкесов, личные вещи мамлюков, прибывавших в родные земли с различными миссиями,

Рис. 1. Серебряный кубок из Белореченского кургана 3 (раскопки Н.И. Веселовского, 1906) и его аналогии

чему находятся прямые подтверждения в письменных источниках. Так, в труде ас-Сахави (ум. в 1497 г.) содержатся сведения о том, что Кансух ал-Алфи, входивший в число гвардейцев султана Каитбая, в начале 1479 г. отправился в *страну черкесов*, взяв большое количество подарков, редких вещиц, подношений и денег. Многие из числа джубан (мамлюков султана) воспользовались этим случаем, чтобы передать подарки в *страну черкесов* (Дружинина и др., 2023).

Важнейший корпус археологической информации отражает изменения, происходившие в погребальном обряде черкесов XIV–XVI в. и находящие аналогии в погребальных практиках мусульманского Востока, прежде всего, появление первых мусульманских погребений на территории Закубанья, что указывает на далеко превосходящую только торговые связи картину взаимодействия черкесов Северо-Западного Кавказа и их родственников – мамлюков Египта и Сирии (Дружинина, 2022). А это, в свою очередь, позволяет ставить вопрос о влиянии Султаната Бурджи на распространение среди адыгов и абазин ислама (Кабардов, 2023), которое ранее в историографии традиционно увязывалось только с последствиями завоевания Османами Крыма и Северо-Восточного Причерноморья.

Отметим также и то, что оседание египетского и сирийского импорта в памятниках круга Белореченских курганов, локализующихся вдали от портов и основных торговых путей, специфические особенности этих погребений, не находящие аналогий в соседних синхронных могильниках, свидетельствуют о том, что Белореченские курганы были оставлены населением, непосредственно связанным с организацией и отправкой невольников и рекрутов в мамлюкский Египет (Дружинина, 2022).

Новый «мамлюкский ракурс» в изучении средневековой истории Северного Кавказа позволяет более объемно рассматривать ключевые исторические процессы, события и явления, имевшие место в Причерноморье, в Малой Азии, на Ближнем Востоке в XIII–XVI вв., а также многостороннее культурное и политическое влияние Султаната на черкесов, во многом определившее особый выбор исторического пути адыгов и абазин.

Литература

- Дружинина И.А. 2022. Мамлюки на Северном Кавказе в XIV – начале XVI в. в свете материалов археологии // *ByzantinoCaucasica*. Вып. 2. М.
- Дружинина И.А., Илюшина М.Ю., Кабардов И.Б. 2023. «Жизнь и место обитания зихов, именуемых черкесами. Достопримечательное повествование» Джорджи Интериано: Комментарии к тексту источника // *История, археология и этнография Кавказа*. № 21 (4).
- Кабардов И.Б. 2023. Ислам у средневековых адыгов: мамлюкский фактор // *ByzantinoCaucasica*. Вып. 3. М.
- Крамаровский М.Г. 2019. Кубок // *Золотая Орда и Причерноморье. Уроки Чингисидской империи*. Каталог выставки в центре «Эрмитаж-Казань». М.
- ‘Abd Al-Rāziq Aḥmad. 1967. Documents sur la poterie d’époque mamelouke, Sharaf al Abawāni // *Annales Islamologiques*. Iss. 7.
- ‘Abd Al-Rāziq Aḥmad. 1989. Le sgraffito de l’Égypte mamluke dans la collection d’al-Ṣabāḥ // *Annales Islamologiques*. Iss. 24.
- Barker H. 2015. Reconnecting with the Homeland: Black Sea Slaves in Mamluk Biographical Dictionaries // *Medieval Prosopography*. Vol. 30.
- Broadbridge A.F. 2011. Sending Home for Mom and Dad: The Extended Family Impulse in Mamluk Politics // *Mamluk Studies Review*. Vol. XV.
- Koby Y. 2012. Mamluks and Their Relatives in the Period of the Mamluk Sultanate (1250–1517) // *Mamluk Studies Review*. Vol. XVI.
- Mayer L.A. 1933. *Saracenic Heraldry*. Oxford.
- The Legacy of Genghis Khan, 2003. *Courtly Art and Culture in Western Asia, 1256–1353*. New York.
- Yeomans R. 2006. *Art and Architecture of Islamic Cairo*. Cornell.

АЛТАРНАЯ ПРЕГРАДА ЦЕРКВИ УСПЕНИЯ В СЕЛЕ ДРАНДА
(РЕСПУБЛИКА АБХАЗИЯ):
ОПЫТ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

*Ендольцева Е.Ю.¹, Быстрицкий Н.И.¹, Дрыга Д.О.²,
Карнаушенко А.Д.³, Карнаушенко Э.Н.³, Казеннова Л.К.³*

¹*Институт востоковедения РАН, г. Москва*

²*Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва*

³*Севастопольский государственный университет, г. Севастополь*

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 23-28-00648.

С церковью Успения в селе Дранда (Республика Абхазия) (Ендольцева, 2020. С. 211–215, 256–270) связана группа рельефных изображений, которые в настоящее время рассредоточены по трем локациям (фонды Абхазского государственного музея в г. Сухум, нартекс этой церкви, фонды Церковно-археологического музея Священной Митрополии Абхазии). Еще две плиты, также происходившие из этой церкви, ныне утеряны (Ендольцева, 2020. С. 258–260). Подробное изучение сведений по истории исследования этого памятника (Dubois de Monpéroux, 1839. Р. 318; Саблин, 1846. С. 32; Уварова, 1894. С. 30; Цинцадзе, 1979. С. 35–43; Хрушкова, 2002. С. 259–273; Виноградов, 2007. С. 129–131; Ендольцева, Дбар, 2018. С. 196–210), а также проведенные летом 2023 г. масштабные работы по созданию его виртуальной реконструкции позволили сформулировать предположение о характере архитектурной декорации западного фасада и о форме алтарной преграды.

Состав научных работ по реконструкции изучаемого памятника состоял из следующих этапов¹:

- исследование и оцифровка интерьера церкви Успения в селе Дранда и фрагментов архитектурной декорации, хранящихся в ее нартексе;
- создание 3D-моделей, анализ и атрибуция фрагментов (камней), хранящихся в фондах Церковно-археологического музея Священной Митрополии Абхазии²;
- создание и верификация 3D-модели алтарной преграды и здания.

На первом этапе для получения трехмерной метрической модели храма на объекте была выполнена наземная фотограмметрическая съемка. С целью точного сохранения масштаба были получены контрольные промеры основных элементов конструкции, длина, ширина сооружения, в особенности его алтарной части. В процессе съемки использовались маркированные планшеты, которые позволяли автоматизировать процесс масштабирования трехмерной модели.

На втором этапе работы над проектом полученные группы фотограмметрических 3D-моделей были разделены на отдельные камни. Каждый камень был проанализирован и классифицирован по своему назначению: украшение западного фасада, фрагменты алтарной преграды. Таким образом, был составлен полный каталог всех декорированных камней, и выдвинут ряд гипотез об их местоположении в реконструируемой алтарной преграде и на западном фасаде здания церкви.

При реконструкции алтарной преграды (рис. 1) учитывались следующие наблюдения и соображения:

Среди фрагментов рельефов, обследованных в нартексе церкви Успения, был обнаружен один (Ендольцева, 2020. С. 268. № 8), который может быть идентифицирован как фрагмент крыла ангела из сцены Деисус (Ендольцева, 2020. С. 258. № 1), что дало возможность реконструировать размер этой плиты (не указан в описании П.С. Уваровой).

¹ Благодарим за содействие начальника Государственного Управления охраны историко-культурного наследия Республики Абхазия Г.А. Сангулия.

² Горячо благодарим о. Дорофея Дбара за всемерную помощь и содействие в наших исследованиях.

Рис. 1. Виртуальная реконструкция алтарной преграды церкви в села Дранда
(Э.Н. Карнаушенко, О.Е. Климов, Е.Ю. Ендольцева)

Обнаруженные *in situ* при археологическом исследовании внутри церкви фрагменты (Хрушкова, 2002. Табл. LXII, 1) (линия алтарной преграды, нижний декоративный пояс, основания пилястр, разделяющих плиты нижнего ряда) имеют многочисленные аналогии среди сохранившихся (Ендольцева, 2020. С. 213–214. № 17–19; С. 260, 261. № 3, 4; С. 262. № 6; С. 268–269. № 9–10). Таким образом, их место в ансамбле реконструируемой алтарной преграды может быть с высокой долей вероятности определено.

Часть фрагментов складываются в полукруги определенного диаметра, что, вместе с характером декора плиты с Богородицей и Христом (Ендольцева, 2020. С. 259. № 2) (арочный декор), дает возможность предположить, что верхняя часть преграды была оформлена в виде аркады. Это решение обусловлено и конструктивной необходимостью: если плита с Богородицей и Христом была частью ансамбля алтарной преграды (что очень вероятно, поскольку характер и детали ее декора перекликаются с найденными фрагментами, отличаясь лишь размерами), то, исходя из формы ее завершения, она могла быть только венчающим элементом композиции. В этом случае устойчивость конструкции можно было бы обеспечить только за счет системы арок³.

Ровный прямоугольный паз, сделанный за счет укорачивания пилястры в левом нижнем углу плиты с Христом и Богородицей, заставляет предположить, что он нужен был для закрепления ее на тыбле. Это предположение косвенно подтверждает и характер декора в нижнем декоративном ряду этой плиты (поясок арочек, идентичный тому, что проходит по нижнему ряду преграды).

Предложенный вариант реконструкции алтарной преграды, обладая рядом своеобразных черт и признаков, имеет, тем не менее, в деталях, как и в общих композиционных решениях (аркада), ряд аналогий среди памятников X – первой половины XI вв., происходящих с

³ Благодарим за помощь и консультации архитектора О.Е. Климова.

близлежащих территорий (к примеру, плиты из Ольгинского, алтарная преграда из Шиомгвиме, Дзвели Шуамта и др.) и из более отдаленных регионов Византийской империи (предполагаемая византийская алтарная преграда из монастыря Монте Кассино и др.).

Литература

- Виноградов А.Ю.* 2007. Дранда // Православная энциклопедия. Т. 16. М.
- Ендольцева Е.Ю.* 2020. Архитектурная пластика Абхазии в период Абхазского царства (VIII–XI вв.). М.
- Ендольцева Е.Ю., архимандрит Дорофей Дбар.* 2018. Архитектурная декорация и малые формы в церкви в Дранде: новые данные // Вестник Волгоградского государственного университета. Т. 23 (5).
- Саблин С.* 1846. Древний генуэзский храм в укреплении Дранды // Кавказ. Вып. 8.
- Уварова П.С.* 1894. Христианские памятники Кавказа. М.
- Хрушкова Л.Г.* 2002. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV–VII вв.). М.
- Цинцадзе В.* 1979. Дранда // Грузинское общество охраны памятников культуры. Дзеглис Мегобари (Друзья памятников культуры). Сб. 50.
- Dubois de Monpéroux F.* 1839. Voyage autour du Caucase chez les Tcherkesses et les Abkhases en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée. Paris.

СТРУКТУРА МОГИЛЬНИКА XVII–XVIII вв. «СОЛЕННЫЙ 2» НА ТАМАНИ

Зиливинская Э.Д.

Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва

В 2015–2016 гг. в Темрюкском районе Краснодарского края отрядом ООО «Инженерно-технический центр специальных работ и экспертиз» проводились широкомасштабные раскопки у пос. Соленый. О том, что здесь находится памятник археологии было известно с первой пол. XX в., он был обозначен на картах С.Ф. Войцеховского и А.А. Миллера, как античный (Паромов, 1992. Рис. 4). В 1960-е и 1980-е гг. здесь проводили обследования экспедиции ИА АН СССР. Площадь памятника была определена в 23 га. По подъемному материалу он был датирован IV в. до н.э. – IV в. н.э., VIII–XI и XIV вв. и охарактеризован как сельское поселение античного и средневекового времени (Паромов, 1992. С. 336–338).

В дальнейшем эта территория неоднократно обследовалась. При проектировании автодороги, ведущей к строящемуся Крымскому мосту, трасса ее была проложена по территории поселения «Соленый 2», и здесь были проведены охранные раскопки, площадь которых составила 33395 кв. м. Исследования показали, что данная территория была заселена, начиная от эпохи бронзы и с небольшими перерывами продолжала использоваться вплоть до современности (Зиливинская и др., 2018).

Наиболее многочисленные и яркие материалы из раскопок относятся к XVII–XVIII вв. Скорее всего, в это время здесь существовало поселение, обозначенное на «Военной топографической карте полуострова Крым» 1817 г. как Бюок Обла. К этому поселению, очевидно, относится могильник, попавший в зону раскопок.

Погребения эпохи Крымского ханства были обнаружены на трех раскопах. Всего было вскрыто 163 погребения, из них 63 мужских, 46 женских и 54 детских (антропологические определения проведены Е.Г. Зубаревой). Могилы представляли собой неглубокие грунтовые ямы подпрямоугольной формы. Покойники были уложены в них вытянуто на спине, головой на запад. Череп лежит либо на теменных костях, либо повернут лицом на юг. Некоторые захоронения совершались в гробах, о чем свидетельствуют находки древесного тлена и железных гвоздей. Часть погребений безынвентарная, то же время во многих могилах обнаружены различные вещи. Погребальный инвентарь находился примерно в 35% мужских погребений, 40% женских и 30% детских.

В мужских погребениях в качестве сопроводительного инвентаря встречаются ножи, железные кресала и кремни, ножницы, железные пряжки, возможно, от узды. В трех случаях в ногах стояли широкогорлые кувшины. Умерших хоронили в одежде, о чем свидетельствуют находки латунных пуговиц и бляшек, также у нескольких покойников на пальцы были надеты медные перстни.

В женских погребениях инвентарь более разнообразен. Они содержат такие хозяйственные предметы, как железные ножи в ножнах и без ножен, ножницы, глиняные пряслица. В большинстве инвентарных погребений присутствуют латунные наперстки. К элементам костюма относятся медные пуговицы и бляшки, а также застежки в виде крючков и петелек. В женских погребениях найдено много бусин из стекла разных цветов, из сердолика и гагата. Некоторые бусы были собраны в ожерелья, другими – были обшиты элементы костюма, например, обшлаги рукавов. В качестве украшений женщины использовали серьги, браслеты, цепочки, подвески и перстни из меди и серебра. Частой находкой являются серебряные височные подвески в виде дисков с отверстием в центре. К некоторым крепилась подвеска

из трех полых металлических бусин. В части женских погребений также найдены сосуды – кувшины, чайники, миски. Они клались либо у ног, либо за головой с левой стороны. При детских погребениях находились бусы и иногда перстеньки.

Антропологические исследования показали, что уровень жизни жителей поселка был достаточно высоким. Смертность мужчин и женщин до 40 лет примерно одинакова (табл. 1). Значительный процент мужчин, умерших в возрасте 40–50 лет. Мужчины и отдельные женщины доживали до 50–65 лет. Ранняя смерть женщин, скорее всего, связана с деторождением. В двух погребениях лежали женщины с младенцами, в одном – мать и ребенок 3,5–4 лет. Высокая детская смертность характерна как для средневековья, так и для Нового времени и связана, вероятно, не с плохим питанием, а с низким уровнем медицинской помощи.

Таблица 1.

	Всего определенных	До 20 лет	20–30 лет	30–40 лет	40–50 лет	50–65 лет
Мужчины	61	3	18	15	17	8
Женщины	45	8	14	15	6	2

Погребения располагались не единым массивом, а в нескольких зонах. В центральной части могильника было вскрыто 126 погребений. Среди них – 50 мужских, 45 детских и 29 женских (табл. 2). Несколько костяков не были определены из-за плохого состояния костей. Могильные ямы ориентированы по оси запад-восток с небольшими отклонениями. В этой части могильника большинство погребений – безынвентарные. Покойники лежат в них вытянуто, головой на запад, лицом на юг. Ноги сведены вместе. Скорее всего, это погребения, совершенные по мусульманскому обряду. Примерно 1/3 могил содержала инвентарь.

Скопление из 14 погребений было обнаружено примерно в 200 м к северу от центральной части могильника. Среди определенных – 6 мужских, (4 – с инвентарем), 4 – женских (2 – с инвентарем) и 3 детских (1 – с инвентарем) (табл. 2). В этой части богатый погребальный инвентарь находился только в двух женских погребениях, в остальных – это детали костюма одежды (бляшки, пряжки) или отдельные бытовые предметы (ножи, кресала, наперстки).

В 25 м и 50 м к югу от центральной части некрополя было обнаружено еще два скопления из 8 и 13 погребений, из которых 4 мужских, 12 женских и 8 детских, один ребенок был погребен с матерью. В этой части могильника преобладают погребения с богатым и разнообразным инвентарем. Без вещей было только одно мужское погребение и три могилы маленьких детей (до 3-х лет) (табл.2).

Таблица 2.

	Мужчины	Женщины	Дети
Северный участок	6 (4 инв.)	4 (2 инв.)	3 (1 инв.)
Центральный участок	50 (1 инв.)	29 (8 инв.)	45 (12 инв.)
Южный участок	4 (3 инв.)	12 (12 инв.)	8 (5 инв.)

Среди могил с сопровождающим инвентарем самым богатым является погр. 9, расположенное в южной части некрополя. Оно принадлежало молодой женщине в возрасте 20-25 лет. Погребальный инвентарь состоял из двух медных перстней, медного наперстка, серебряных височных подвесок, стеклянных бус, раковины каури, ножниц, перстня-печатки и стеклянного зеркальца. На шее погребенной найден амулет из челюсти лисы в медной обойме с крышечкой и петелькой (Зиливинская, Антипина, 2022).

Анализ погребального инвентаря позволяет связать население, оставившее этот могильник с какой-то оседлой группой адыгов (Дружинина, 2020).

Литература

- Зиливинская Э.Д., Петров П.А., Соколов П.М.* 2018. Поселение и могильник Солёный II на Тамани: предварительные итоги // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Материалы Международной научной конференции. Карачаевск, 22–29 апреля 2018 г. Карачаевск.
- Зиливинская Э.Д., Антипина Е.Е.* 2022. Загадочный амулет из могильника Солёный 2 на Тамани // *Stratum plus*. № 5.
- Паромов Я.М.* 1992. Археологическая карта Таманского полуострова. М.
- Дружинина И.А.* 2020. К датировке погребальных памятников адыгов XVI–XVIII вв. // Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения. XXXI Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции, посвященной 50-летию Крупновских чтений и 50-летию Дербентской археологической экспедиции. Махачкала, 20–25 апреля 2020 г. Махачкала.

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПРЯЖКИ ТИПОВ D9 И D10¹ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Кадзаева З.П.

Институт истории и археологии РСО – Алания, г. Владикавказ

На Северном Кавказе наибольшая концентрация пряжек, которые соотносятся с типами D9 и D10 по классификации М. Шульце-Дёррлам (Schulze-Dörrlam, 2002. S. 164–169) фиксируется в центральных районах региона. Рассмотрим эти пряжки.

С типом D9 соотносятся цельнолитые орнаментированные пряжки с овальной рамкой, округлым прорезным щитком, который украшен трилистником. На обратной стороне щитка имеются петли для крепления к ремню (рис. 1, 1).

В.Б. Ковалевская отнесла пряжки к подтипу 5 типа 8 «овальнорамчатых пряжек с геральдическим щитком» и отметила одну пряжку из могильника Чми (Ковалевская, 1979. С. 22–23. Табл. VII, 11–13. Табл. 2, № 272). На могильнике Чми по одному экземпляру происходит из катакомбы Д (коллекция Ф. Хегера) и катакомбы 1 (раскопки Д.Я. Самоквасова) (Хайнрих, 1995. С. 190; Самоквасов, 1892. С. 48. № 2220–2230). Графические изображения этих пряжек (в публикации А. Хайнрих рисунок пряжки из катакомбы Д не представлен) приводит И.О. Гавритухин в таблице периодизации материалов могильника Чми (Гавритухин, Обломский, 1996. Рис. 83, 1, Д). На Садонском могильнике пряжка типа D9 с орнаментированным щитком находилась в катакомбе 2 (рис. 1, 1). Реплика пряжек типа D9 с двумя петлями на обратной стороне найдена в катакомбе 62 Садонского могильника (рис. 1, 2).

С типом D10 по М. Шульце-Дёррлам соотносятся цельнолитые пряжки с овальной рамкой, округлым прорезным щитком. Трилистник соединен с помощью узкой полоски с задней частью щитка (рис. 1, 3–15). На обратной стороне щитка имеются петли для крепления к ремню. К этому типу относятся также пряжки, крепящиеся с помощью штифтов.

В.Б. Ковалевская отнесла подобные изделия к подтипу 6 типа 8 «овальнорамчатых пряжек с геральдическим щитком» и учла 12 экземпляров, происходящих с центральных районов Северного Кавказа (Нальчик, Песчанка, Чми, Камунта, Гоуст, Джейрахское ущелье) (Ковалевская, 1979. С. 22–23. Табл. VIII, 1–3. Табл. 2, 273–284). П.С. Уварова приводит изображение одной бронзовой пряжки типа D10 из Камунты (рис. 1, 13; Уварова, 1900. С. 290. Рис. 222). Пряжки типа D10 находились в катакомбах А, Б, Г (2 экземпляра), Д, Е могильника Чми (рис. 1, 9, 11; Хайнрих, 1995. Табл. III, 4; VI, 6; XVI, 2, 3; XXIII, 6). Графическое изображение пряжки из катакомбы Д приводит И.О. Гавритухин (в публикации А. Хайнрих рисунок не представлен) (Гавритухин, Обломский, 1996. Рис. 83, F). Изображения пряжек из катакомбы 9 могильника Гоуст (раскопки В.И. Долбежева) представлены в работах В.Б. Ковалевской и С.А. Гончарова (рис. 1, 14, 15; Ковалевская, 2005. Рис. 40, 5; Гончаров, 2023. Рис. 2, 6, 7). Пряжка типа D10 происходит из катакомбы 3 могильника Клинь-Яр III из раскопок В.С. Флёрова (рис. 1, 10; Флёров, 2000. Рис. 30, 1). На Кисловодском могильнике находилась одна пряжка типа D10 (Рунич, 1968. Рис. 3, 14). Рисунок пряжки из раскопок А.П. Рунича могильника Лермонтовская Скала 2 (катакомба 12) приводит в своей работе С.А. Гончаров (Гончаров, 2023. Рис. 6, 1). На Садонском могильнике пряжки типа D10 встречены в катакомбах 2, 18, 53, 67 (рис. 1, 3–5, 7). Одна пряжка без указания обстоятельства

¹ Типы приводятся по М. Шульце-Дёррлам (Schulze-Dörrlam, 2002).

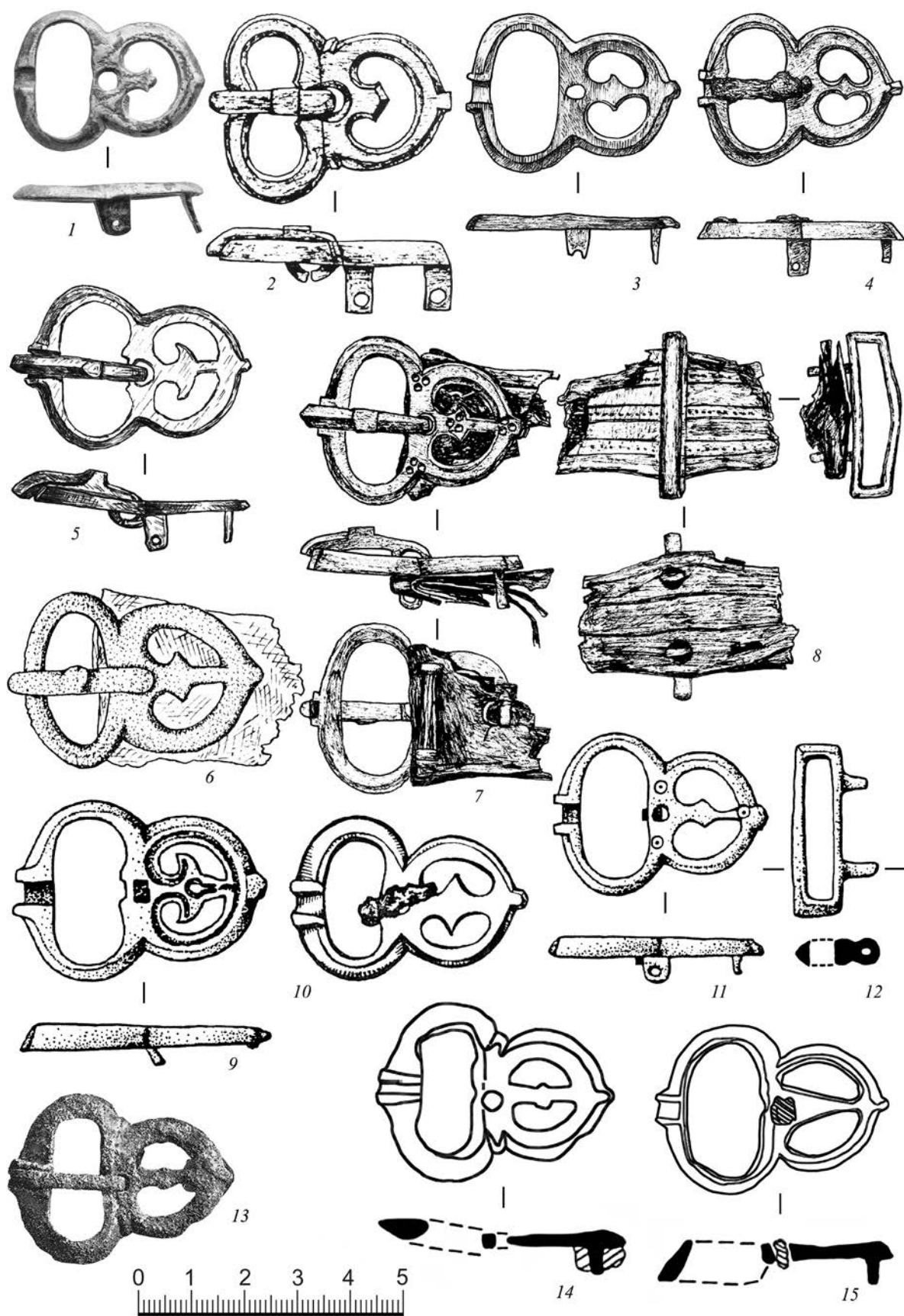

Рис. 1. Пряжки с могильников Северного Кавказа. 1–8 – Садонский могильник; 9, 11, 12 – Могильник Чми (по: А.Хайнрих, 1995); 10 – Могильник Клин-Яр III (по: В.С. Флёров, 2000); 13 – Камунта (без масштаба) (по: МАК. 1900); 14, 15 – Могильник Гоуст (по: С.А. Гончаров, 2023)

находки происходит из раскопок Т.Б. Тургиева Садонского могильника в 1978 г. (рис. 1, б). Возможно, к типу D10 относится пряжка с двумя «заклепками» на обратной стороне щитка из катакомбы 110 Мокрой Балки (Афанасьев, Рунич, 2001. Рис. 121, 7).

У пряжек типа D10 из Чми (катакомбы А, Б, Г) и Садона на обратной стороне щитков имеются по три петли для крепления к ремню (рис. 1, 3–7, 11; Хайнрих, 1995. Табл. VI, 6; XVI, 3). Пряжки из Гоуста, Чми (катакомбы Г, Е) крепились к ремню с помощью штифтов (рис. 1, 9, 14, 15; Хайнрих, 1995. Табл. VI, 2). На экземплярах из Садонского могильника петли для крепления отлиты вместе с пряжкой, а отверстие просверливалось после отливки. На пряжках из Клинь-Яра, Садона, Гоуста, Камунты имеются круглые вырезы для язычка. На пряжках из Чми (катакомбы Г, Е) вырез имеет прямоугольную форму (рис. 1, 9; Хайнрих, 1995. Табл. XVI, 2, 3). На пряжках из Гоуста и Камунты щиток с боковыми выступами переходит в рамку через невысокий уступ (рис. 1, 13, 14). Такими же признаками обладает реплика пряжек типа D9 (рис. 1, 2). На Садонском могильнике в катакомбе 53 пряжка D10 была найдена вместе с обоймой (рис. 1, 7, 8). Пряжка и обойма крепятся к ремню с помощью петель. Аналогичная обойма вместе с пряжкой типа D10 находилась в катакомбе А могильника Чми (рис. 1, 12; Хайнрих, 1995. Табл. III, 4, 6). Пряжка из катакомбы 53 Садона крепится к ремню следующим образом: крепления продеты сквозь ремень, а с обратной стороны две петли перевязаны кожаным шнурком (рис. 1, 7).

Все северокавказские пряжки D10 имеют выступы в передней части рамки, которых нет на образцах этого типа, происходящих с других территорий. На данный признак обратила внимание М. Шульце-Дёррлам и предположила, что пряжки могли происходить не из византийских, а из кавказских мастерских (Schulze-Dörrlamm, 2002. S. 168).

Функциональное назначение рассматриваемых северокавказских пряжек типов D9 и D10 пока до конца не ясно. На Садонском могильнике лишь одна пряжка может быть отнесена к поясу (рис. 1, 4). В трех случаях пряжки лежали в области левого бедра или рядом с рукой и, возможно, являлись застежками сумок. На могильнике Мокрая Балка пряжка типа D10 (в соответствии с приведенным в публикации планом погребения) лежала у правой руки (на бедренной кости) погребенного (Афанасьев, Рунич, 2001. Рис. 121, 1).

Литература

- Афанасьев Г.Е., Рунич А.П. 2001. Мокрая Балка. Вып. 1. Дневник раскопок. М.
- Гавритухин И.О., Обломский А.М. и др. 1996. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.
- Гончаров С.А. 2023. Поясные наборы могильника Гоуст из собрания Государственного исторического музея // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Вып. 16. Ставрополь; М.
- Ковалевская В.Б. 1979. Поясные наборы Евразии IV–IX вв. Пряжки. М.
- Ковалевская В.Б. 2000. (при участии Р.А. Бахтадзе, В.А. Галибина, З.А. Львовой). Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. М.
- Уварова П.С. 1900. Могильники Северного Кавказа. М.
- Рунич А.П. 1968. Катакомбный могильник VII–VIII вв. около г. Кисловодска // СА. № 3.
- Самоковасов Д.Я. 1892. Основания хронологической коллекции и каталог коллекции древностей. Варшава.
- Флёров В.С. 2000. Аланы Центрального Предкавказья V–VIII веков: обряд обезвреживания погребенных. М.
- Хайнрих А. 1995. Раннесредневековые катакомбные могильники у селений Чми и Кобан (по материалам Венского Естественно-Исторического музея) // Аланы: история и культура. Владикавказ.
- Schulze-Dörrlamm M. 2002. Byzantinische Gürtelschnallen und Gürtelbeschläge im Römisch-Germanischen Zentralmuseum Teil I: Die Schnallen ohne Beschläg, mit Laschenbeschlag und mit festem Beschlag des 5. bis 7. Jhs. Römisch-Germanisches Zentralmuseum, Kataloge vor- und frühgeschichtlicher Altertümer 30. Mainz.

ЭВОЛЮЦИЯ СИСТЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ АЛАН СЕВЕРНОГО КАВКАЗА II–XII ВВ.

Коробов Д.С.

Институт археологии РАН, г. Москва

*Статья подготовлена в рамках выполнения темы НИР ИА РАН
«Междисциплинарный подход в изучении становления и развития древних
и средневековых антропогенных экосистем» (№ НИОКТР 122011200264-9).*

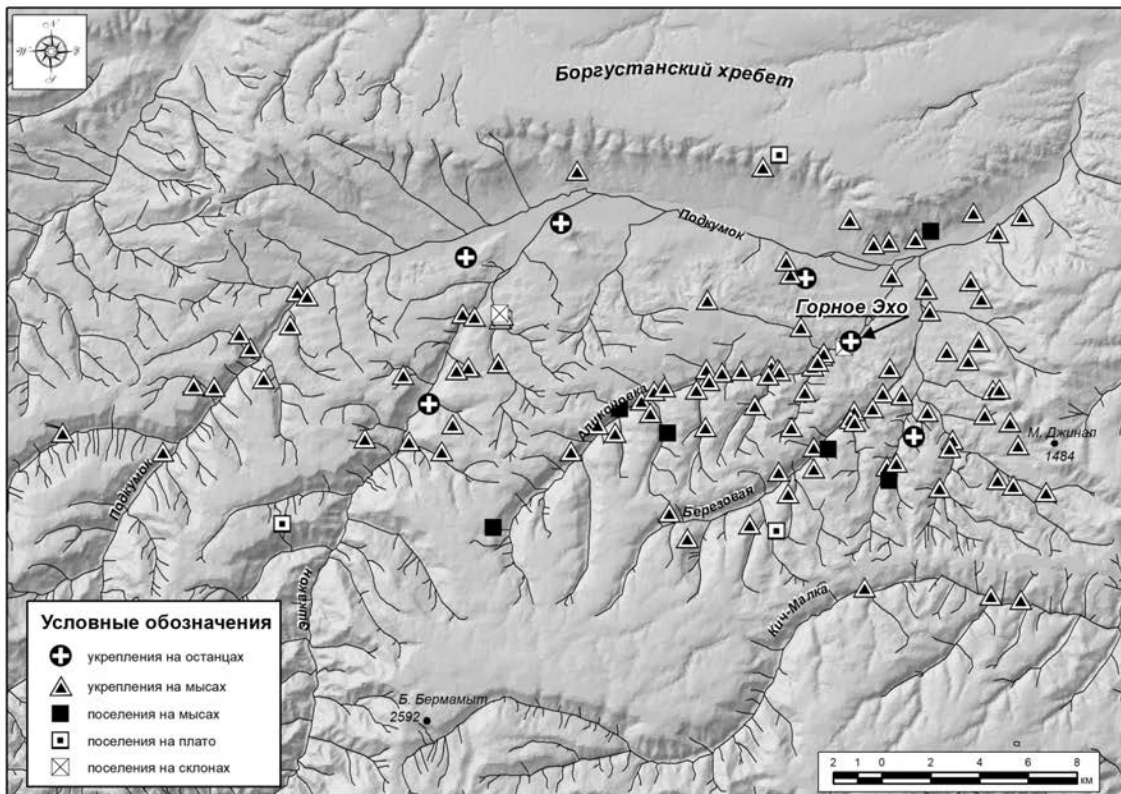
В современной теории полигенеза значительная роль отводится процессу урбанизации как фактору развития государственности. Считается, что корреляция между наличием городов и присутствием раннегосударственной системы очень высокая, хотя и не стопроцентная (Гринин, 2011. С. 226–227). Существенное значение в качестве отражения степени развитости политических структур в обществе играют формы поселений и их иерархия. Представляется перспективным рассмотреть эволюцию поселенческих структур у аланского населения Северного Кавказа. Процесс этот занял не менее тысячи лет и имел на своем пути взлеты и падения, которые отразились, в том числе, на специфике поселенческих памятников. Определенная логика эволюции поселенческих структур прослеживается при выделении крупных хронологических этапов на этом пути: 1) II–IV вв. н.э.; 2) V–VIII вв.; 3) VIII–IX вв.; 4) X–XII вв.

На общем фоне недостаточного количества информации о поселениях северокавказских алан выделяется территория Кисловодской котловины, где в ходе длительных полевых работ поселенческие памятники стали предметом специального анализа, в том числе автора этих строк (Коробов, 2017). Представляется, что основные направления эволюции поселенческих структур, прослеженные на памятниках в окрестностях современного Кисловодска, могут отражать общие процессы формирования государственности северокавказских алан.

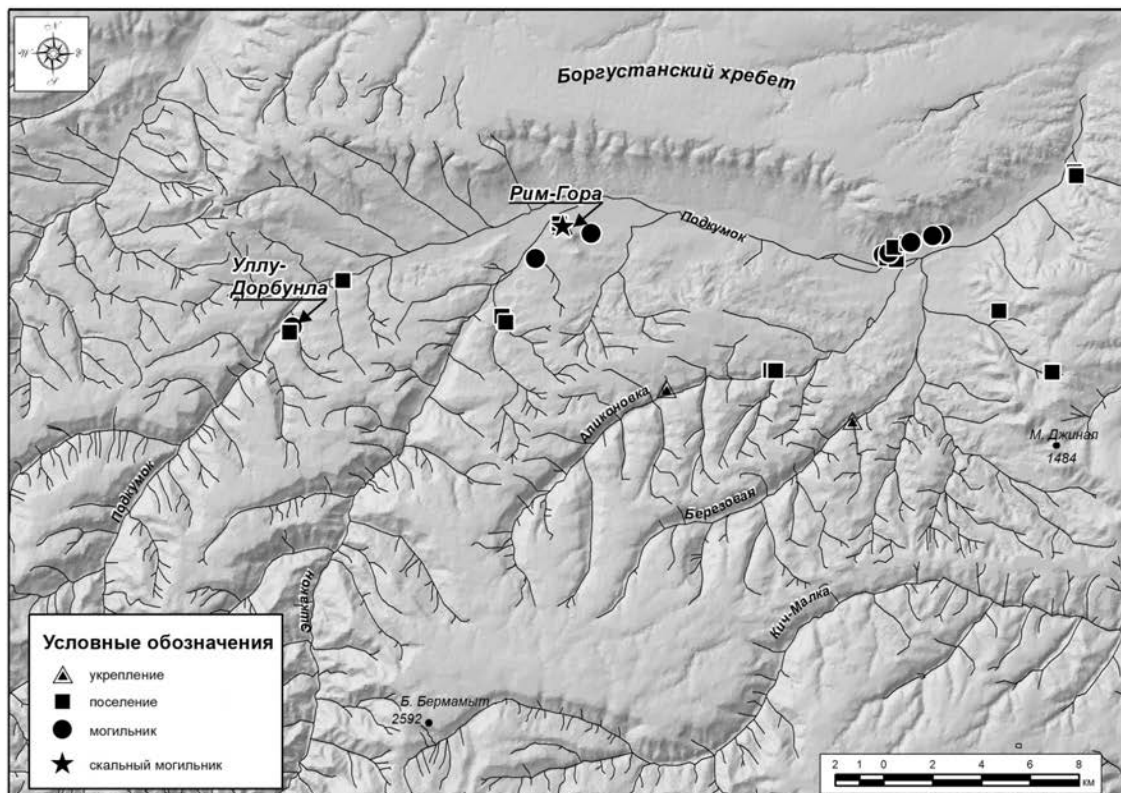
1) Поселения II–IV вв. Существующие представления об археологических признаках присутствия аланского населения в Центральном Предкавказье во II–IV вв. н.э. связываются с памятниками раннего этапа аланской археологической культуры, наиболее яркими чертами которой являются крупные земляные городища, сопровождающиеся обширными курганными катакомбными могильниками. В настоящий момент известно не менее полутора сотен подобных городищ, расположенных на северокавказской равнине, на границе степи и предгорий.

Даже при имеющихся самых общих представлениях о поселенческих памятниках II–IV вв., оставленных носителями аланской археологической культуры в Центральном Предкавказье, становится очевидным высокий уровень концентрации населения на некоторых из них, что позволило исследователям употреблять термин «протогорода» при характеристике данных крупных укрепленных поселений (Arzhantseva et al., 2000. P. 217–219).

2) Поселения V–VIII вв. Ситуация в системе расселения носителей аланской культуры кардинально меняется в эпоху Великого переселения народов. Наиболее детально данный феномен изучен на территории Кисловодской котловины. Здесь в ходе многолетних полевых работ открыто и изучено 110 каменных крепостей на останцах и скальных мысах, а также 13 открытых поселений на мысах, плато и склонах (Коробов, 2017. С. 148–159) (рис. 1, 1). В итоге проведенного компьютерного ГИС-моделирования представляется возможным проследить равномерное освоение всей изучаемой территории в виде рассеянной (дисперсной) системы небольших укрепленных поселений V–VIII вв. Очевидны три основные особенности в системе расселения у алан Кисловодской котловины в эпоху раннего Средневековья (Коробов, 2017. С. 285–289):

1

2

Рис. 1. Карта распространения поселений в Кисловодской котловине: 1 – V–VIII вв.; 2 – X–XII вв.

1) основным местом обитания является небольшое укрепленное (гораздо реже — неукрепленное) поселение со следами существования 1–5 домохозяйств;

2) данные поселения в большинстве своем обладают необходимыми ресурсами для успешного ведения сельского хозяйства (пашенного земледелия и скотоводства альпийского типа);

3) подавляющее большинство рассматриваемых поселений, по всей очевидности, использовало в качестве пахотных угодий близлежащие ровные пространства, расположенные на расстоянии не более 500 м от места обитания.

Исходя из разных способов расчета приблизительного количества населения Кисловодской котловины в V–VIII вв., мы вправе предположить, что оно составляло от 350 до 600 малых семей и равнялось примерно 1,6–3,6 тыс. человек. Многие выявленные черты и особенности данной системы расселения сближают аланский раннесредневековый социум с синхронными «племенными королевствами» Северной Европы (Коробов, 2017. С. 299–300).

3) Поселения VIII–IX вв. Очевидно, что поступательное развитие аланского социума на протяжении второй половины I тыс. н.э. было направлено в сторону усложнения социальной структуры, что отразилось в ряде погребальных и поселенческих памятников. К сожалению, сведений об аланских поселениях VIII–IX вв. очевидно недостаточно. Однако, имеются яркие следы присутствия Хазарского каганата на территории расселения северокавказских алан, отразившиеся в виде устройства крупной крепости, контролировавшей магистральные торговые пути к горным перевалам – Хумаринского городища. Рассчитанные трудозатраты на сооружение крепостных стен и башен Хумаринского городища (Жуковский, Кочкаров, 2020. С. 48–55) демонстрируют высокую организующую роль государственных структур, оказавших безусловно глубокое влияние на жителей Северного Кавказа в рассматриваемый период.

4) Поселения X–XII вв. Несомненно, вовлечение аланских племенных образований в жизнь одного из крупнейших государств Восточной Европы VIII–X вв. – Хазарского каганата – сыграло роль катализатора социальных процессов, происходивших в аланском обществе. Степень социального развития северокавказских алан X–XII вв. выглядит гораздо более высокой по сравнению с предшествующим временем. Поселенческие памятники данного периода представляют собой крупные городские центры, неплохо исследованные на разных территориях средневековой Алании. Значительные размеры, монументальные архитектурные сооружения, большая концентрация населения, яркие следы присутствия элит, многочисленные свидетельства существования развитых ремесленных производств – вот характерные черты поселенческих памятников этого времени, резко контрастирующие с более ранними небольшими поселками.

Весьма выразительно этот контраст виден на поселенческих памятниках Кисловодской котловины (Коробов, 2017. С. 300–311), где к X–XII вв. относится четыре крупных укрепленных и 16 неукрепленных поселений (рис. 1, 2). Налицо существование в Кисловодской котловине и за ее пределами крупных поселенческих центров X–XII вв., напоминающих по своим размерам и функциональным особенностям средневековые города. Сам факт существования крупных городов с памятниками христианской архитектуры, сопоставимых по размерам с княжескими центрами Киевской Руси, при наличии более мелких поселений, которые в свою очередь, в десятки раз превосходят по размерам поселенческие памятники предшествующего времени, является ярким свидетельством существования раннегосударственных структур у северокавказского населения в эпоху Аланского царства.

Таким образом, через призму поселенческой археологии мы видим длительный процесс складывания государственного образования – средневековой Алании. Этот процесс не был равномерным – на пути аланского политогенеза встречались свои взлеты и падения. Однако очевидно, что тысячелетняя история северокавказских алан следовала общим европейским закономерностям, пиком наивысшего развития которой стало принятие христианства и обретение государственности 1100 лет назад.

Литература

- Гринин Л.Е.* 2011. Государство и исторический процесс. М.
- Жуковский М.О., Кочкаров У.Ю.* 2020. Хумаринское городище – новый взгляд на старую крепость // Хумаринское городище. Итоги междисциплинарных исследований. М.
- Коробов Д.С.* 2017. Система расселения алан Центрального Предкавказья в I тыс. н.э. (ландшафтная археология Кисловодской котловины). Т. 1. М.
- Arzhanseva I.A., Deopik D.V., Malashev V.Y.* 2000. Zilgi – Early Alan Proto-City of the First Millenium AD on the boundary between Steppe and Hill Country // Les Sites archéologiques en Crimée et au Caucase durant l'Antiquité tardive et le haut Moyen-Age. Leiden; Boston; Köln.

ИССЛЕДОВАНИЯ ЖИЛИЩНО-БЫТОВОГО КОМПЛЕКСА XI – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIII В. В ШАХРИСТАНЕ ДЕРБЕНТА

*Кривошеев М.В.¹, Гаджиев М.С.², Шаушев К.Б.³,
Абдулаев А.М.², Будайчиев А.Л.², Мусеев В.И.¹*

¹Волгоградский государственный университет, г. Волгоград

²Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, г. Махачкала

³ООО «НПЦ Туризм и краеведение», г. Махачкала

В 2021–2022 гг. Дербентская новостроечная археологическая экспедиция ООО «НПЦ Туризм и краеведение» и ИИАЭ ДФИЦ РАН провела охранно-спасательные раскопки в рамках благоустройства площади Свободы в г. Дербенте на заложенном раскопе XXXV площадью 156 кв. м.

В результате раскопок был открыт средневековый жилищно-хозяйственный комплекс (рис. 1), включавший несколько помещений, хлебные печи-*тендиры*, обогревательные печи-*корси*, водоводы из керамических труб, водопроводные коллекторы, банные помещения. Раскоп был доведен до глубин -1,6-1,9 м с целью сохранения открытого комплекса для консервации и покрытия триплексом для последующей демонстрации, что и было осуществлено в 2023 г.

Помещение 1 имело подпрямоугольную форму с внутренними размерами ок. 2,2–2,4 × 3,7 м. С двух сторон оно было ограничено стенами, возведенными из обожженного кирпича (20–22 × 20–22 × 4–5 см) на каменном основании, с остатками алебастровой штукатурки поверх глинобитной обмазки. В структуру одной из стен на уровне пола была вставлена керамическая водоводная труба, служившая для слива воды из помещения.

Внутреннее пространство пом. 1 было выложено рядами обожженных кирпичей (20–22 × 20–22 × 4-5 см) и хорошо отесанными, плотно пригнанными друг к другу каменными плитами (88–145 × 31–80 см). В углу каменной вымостки была установлена вторично использованная виноградодавильня – каменная плита (90 × 69 × 10–12 см) с бортиками высотой 10 см и сливом (8 × 12 × 10 см) в центре одной из сторон.

Кладка из кирпичей в южной части вымостки частично перекрывала печь-*тендир*, связанную с предшествующим периодом функционирования помещения – до устройства в его площади кирпично-каменной вымостки. Рядом с ним была выявлена печь-*корси*, служившая также для подогрева пищи и представляющая собой керамический бочонковидный сосуд (d = 33 см, гл. = 33 см), заглубленный в пол.

С восточной и южной сторон пом. 1 было ограничено водоводом из керамических труб (дл. 36-37 см, d = 13-18 см), в т.ч. уложенных в крупные каменные лотки с бортами (длиной 155 см, 187 см, 219 см, шириной 39 см). Прослеженная протяженность водовода с учетом каменного водоотстойника (размером 75 × 75 см, глубиной 30 см) составляет ок. 9 м. Рядом с водоводом располагалась еще одна печь-*корси* (d = 40 см, гл. = 40 см), которая имела воздуховод (9 × 10 см, длина 55 см), сложенный из обломков обожженных кирпичей и подводящий к округлому отверстию диаметром 10 см в основании печи.

Помещение 2, подпрямоугольное в плане, с внутренними размерами ок. 3,45 × 4,2 м сообщалось с пом. 1 через дверной проем (шир. 95 см) в центре смежной стены. Стены пом. 2, сложенные из обожженного кирпича на каменном основании, были покрыты глинобитной и алебастровой штукатуркой, местами имевшей роспись красной краской и оформление резным алебастром. В помещении зафиксировано несколько разновременных печей (*тендиры* и *корси*), функционировавших в одном хронологическом диапазоне. Особый интерес представляет пристроенная к стене помещения платформа подпрямоугольной формы (135 × 100 см), сформированная из кирпичного боя и глинобита с обмазанной алебастром поверхностью и приподнятая над полом на 25–28 см. В центре платформы располагалась встроенная в нее

сложены из обожженного кирпича на основании из тесанных камней и покрыты водонепроницаемой известковой штукатуркой.

Представительный археологический материал – столовая поливная и неполивная керамика, тарная и кухонная посуда, керамика специального назначения, многочисленные индивидуальные и нумизматические находки – датирует открытый комплекс XI – первой пол. XIII в. Прекращение функционирования комплекса связывается с монгольскими завоеваниями 1220-х – 1230-х гг. и вторжением хорезмшаха Джелал ад-Дина в 1225–1226 гг., что привело к значительному сокращению численности населения, обживаемой территории шахристана и сельхозокруги (Гамзатов, 1982. С. 72–73), прекращению бытования многих кварталов и объектов Дербента (Гаджиев, 2010. С. 20–37; Гаджиев и др., 2015. С. 183–195; 2017. С. 177–201; 2019. С. 10–19).

Литература

- Гаджиев М.С.* 2010. Баб ал-кийама – средневековое мусульманское культовое место в Дербенте // Дагестан и мусульманский Восток. Сб. статей в честь профессора А.Р. Шихсаидова. М.
- Гаджиев М.С., Абиев А.К., Будайчиев А.Л., Абдуллаев А.М., Шаушев К.Б.* 2015. Открытие и исследование мусульманского культового комплекса X – нач. XIII в. в Дербенте (предварительное сообщение) // Вестник ИИАЭ. № 3.
- Гаджиев М.С., Таймазов А.И., Будайчиев А.Л., Абдуллаев А.М., Абиев А.К.* 2017. Спасательные археологические исследования в Дербенте в 2015 году: раскоп XXXIII // Вестник ИИАЭ. № 1.
- Гаджиев М.С., Таймазов А.И., Будайчиев А.Л., Абиев А.К., Абдуллаев А.М., Магомедов Ю.А.* 2019. Разведочные археологические работы у северной оборонительной стены в приморской части Дербента // Вестник Кемеровского государственного университета. № 1.
- Гамзатов Г.Г.* 1982. Историческая топография позднесредневекового Дербента (XIII–XVII вв.) // СА. № 1.

ПЛАНИГРАФИЯ ЗМЕЙСКОГО МОГИЛЬНИКА (ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ)

Леонтьева А.С.

ООО «Культурное наследие», г. Москва

Змейский могильник находится на северном склоне Сунженского хребта у ст. Змейской в Кировском районе РСО – Алании. В 1953–2005 гг. исследовались разные сооружения на первой и второй надпойменных террасах, представляющих собой слои, состоящие из желтой глины. До активной антропогенной деятельности были выражены всхолмления на этих террасах, образовавших сложный микрорельеф. Участки 2013–2014 гг. заложены на склоне между первой и второй террасами и в пойме Терека. В пойме под желтой глиной на краю первой террасы и поймы реки залегает слой коричневого суглинка, под ним слой зелено-серой глины. Еще ниже был слой терской гальки, под которым слой зелено-серой глины. Еще ниже залегали устойчивые терские галечные отложения. В середине I тыс. до н.э. здесь начался процесс почвообразования, прослеживающийся на всем протяжении склона хребта (Бакушев и др., 2020. Т. I. С. 8).

Дополнив таблицу по количеству погребальных сооружений Р.Ф. Фидарова (Фидаров и др., 2019. С. 174) мною определено, что на Змейском могильнике раскопано 610 катакомб, 724 некатакомбных погребения и 41 конское захоронение.

На раскопах 1981–2005 гг. выделяется один хронологический период: X–XI вв. Не ранее середины XII в. в 18 катакомбах совершены подзахоронения с кашинными изделиями. Четыре катакомбы (142–145) и 3 каменно-кирпичные гробницы (погр. 7–9) (Фидаров, 2004. С. 16) относятся к домонгольскому/золотоордынскому периоду.

На раскопах 1953–1957 гг. выявлены комплексы X–XI вв. и в меньшей степени XII в.

На раскопах 2013–2014 годов выделяются два хронологических периода: X – середины XI в. и середины XII – начала XIII в.; не исключено, что здесь есть и комплексы, заходящие и в конец XIII – XIV в.

Большинство катакомб на раскопах с 1981 по 2005 гг. ориентированы по оси ССЗ-ЮЮВ или СЗ-ЮВ, но среди этого массива катакомб есть зоны, где группы катакомб имеют ориентировку по оси ЮВ-СЗ, СВ-ЮЗ, З-В с отклонениями. Неустойчивость ориентации подтверждает изрезанность древнего рельефа на уровне первой и второй надпойменных террас.

Рельеф на участках раскопок С.С. Куссаевой и В.А. Кузнецова относительно ровный. Ориентировка конструкций выдержанная: СЗ-ЮВ/ССЗ-ЮЮВ также, как и на участке раскопок М.А. Бакушева (Раскопы I–III). Расстояние между катакомбами уже чуть больше, чем на участках выше по склону. Взаимные перерезания катакомб практически отсутствуют.

Участок раскопок М.А. Бакушева представляет собой покатый к северу склон, переходящий в пойму Терека. Катакомбы на раскопе III находятся примерно на равном расстоянии друг от друга, иногда образуя группы. На раскопе I – позднем участке всего могильника, расстояние между катакомбами значительное. Группы они не образуют. Ориентировка устойчивая – ССЗ-ЮЮВ.

Близко расположенные друг к другу катакомбы могут относиться к одному роду. Иным проявлением значимости семейных связей являются погребения в стенках, заполнении или полу дромосов катакомб (Бакушев и др., 2020. Т. I. С. 255–257).

Возможно, алгоритм расположения катакомб построен на основе гнездового метода. Профессиональные мастера-могильщики выбирали по заказу родового коллектива сначала наиболее удобные площадки на разных участках склона хребта. По истечении времени

заполнялись свободные места. Так, отдаленные синхронные участки росли навстречу друг другу. В целом, за весь период своего существования могильник рос с верха склона Сунженского хребта, спускаясь в пойму Терека с ЮЗ на СВ. Вышеупомянутые поздние катакомбы и каменно-кирпичные гробницы, раскопанные Р.Ф. Фидаровым, а также 6 безынварных погребений, головой на ЮЗ и одно детское погребение с красноглиняным сосудом, исследованных В.Б. Ковалевской (Деопик, 1961. С. 50. Рис. 2) синхронны по времени друг другу и катакомбам и некатакомбным сооружениям раскопок I–II 2013–2014 гг. Погребальный обряд и набор инвентаря в этих объектах тождественен. Каменно-кирпичные гробницы по строительной технике схожи с каменно-кирпичными склепами Татартупского городища (Фидаров, 2004. Рис. 10–12). Некатакомбные погребения в X–XI веках и христианские и мусульманские в XII–XIII вв., размещены среди катакомб бессистемно, за исключением мусульманского кладбища на раскопе II, с захоронениями, видимо, членов уже сформировавшейся тогда мусульманской общины Верхнего Джулата. Следов перерезания катакомбами синхронных им некатакомбных погребений нет, как и наоборот. Вероятно, дромосы, все-таки, имели наземные опознавательные признаки. Хотя раскопками зафиксирован лишь один такой предмет – каменный надмогильный крест (Малахов и др., 2016. Рис. 1, 2). Конские погребения не имеют четкой топографической привязки к катакомбе.

Масштаб, сочетание и близкое расположение различных типов погребальных сооружений и конфессиональных разновидностей обрядности, высокая плотность заполненности участков могильного поля, группирование, теснота и многоуровневость, перекрывание и перерезание погребальных комплексов, взаимное перекрывание погребальных объектов характеризует Змейский могильник как городской некрополь (Савенко, 2018. С. 289).

Четыре типа погребальных сооружений (катакомбы, подбои, каменно-кирпичные гробницы и погребения в ямах) сосуществовали начиная с X в. (катакомбы и ямы), на что еще указывал В.А. Кузнецов (Кузнецов, 1995. С. 359). На рубеже XII–XIII вв. начинается постепенный отказ от катакомбного обряда и переход к традиции захоронения в подбоях, ямах и каменно-кирпичных гробницах (Фидаров, 2004. С. 25). Здесь надо отметить, что погребения в уже существующих катакомбах не прерываются одномоментно: появляются дромосы, не имеющие камер с подбойными погребениями в стенках, что является переходным этапом от катакомбы к подбою и яме. Смена погребальной обрядности, в этом случае, скорее всего, связана с конфессиональными факторами, принятием ислама и более широким распространением христианства среди рядового населения. Время замены одной традиции погребения другой, предположительно, укладывается в рамки одного столетия.

Литература

- Бакушев М.А., Леонтьева А.С. 2020. Змейский катакомбный могильник. Материалы раскопок 2013–2014 гг. Т. I. М.
- Деопик В.Б. 1961. Змейское средневековое селище // Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии: Труды археологической экспедиции 1953–1957 гг. Орджоникидзе.
- Кузнецов В.А. 1995. Раскопки Змейского катакомбного могильника в 1959 г. // Аланы: история и культура. Владикавказ.
- Малахов С.Н., Фидаров Р.Ф. 2016. Змейский каменный крест XI–XII вв. в контексте аланского православия // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 12 (74). Ч. 3. Тамбов.
- Савенко С.Н. 2018. К вопросу о признаках, особенностях и характерных чертах городских некрополей Центрального Предкавказья X–XIV вв. // Средневековая археология. Материалы VIII Международной научной конференции «Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве», посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова. Казань.
- Фидаров Р.Ф. 2004. Мусульманские погребения алан в XIII–XIV веках с могильников Верхнего Джулата // Историко-филологический архив. Вып. 1. Владикавказ.
- Фидаров Р.Ф., Тотаева Д.Э. 2019. Материалы раскопок Змейского катакомбного могильника в 2001 г. // Археологические наследие: материалы и интерпретации. Владикавказ.

ИЗВАЯНИЕ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ
АРМАВИРСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ
(К ВОПРОСУ АТРИБУЦИИ ПАМЯТНИКОВ
МОНУМЕНТАЛЬНОГО ИСКУССТВА)

Лопатин А.П.¹, Лопатина Т.Е.², Лопатина Н.А.², Васильева О.А.³

¹*Армавирский краеведческий музей, г. Армавир*

²*Городской дворец культуры, г. Армавир*

³*Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма,
г. Краснодар*

«Каждая находка и любая публикация о монументальных памятниках культуры – каменных изваяниях, оставленных в степях исчезнувшим, народом, представляют несомненную научную ценность. Тем более это относится к Армавирской (довольно значительной) коллекции статуй, спасенных от неизбежной гибели и увековеченных публикацией в Армавирском альманахе» (Плетнева, 1995. С. 165).

На карте восточного Прикубанья половецкие изваяния большей частью притягиваются к Новокубанскому району, причем основное «место притяжения» – это хутор Горькая Балка. Согласно Н.И. Навротскому, изваяния, найденные в станицах Прочноокопской и Бесскорбной, привезены были казаками в дореволюционный период (Навротский, 1995. С. 157–164). Первое каменное изваяние под № 300 в Армавирском музее было поставлено на первичный учет в 1949 г. (Акт от 06.09.1949), в фондовой документации есть запись о том, что оно доставлено из ст. Прочноокопской Новокубанского района, однако, сведения, кем и когда было доставлено изваяние в документах фондохранилища отсутствуют.

Несмотря на то, что на археологической карте Кубани, изданной в 1882 г. Е.Д. Фелициным, отмечено значительное количество районов, где в конце XIX в. еще сохранялись каменные половецкие изваяния, одним из самых насыщенных этими памятниками районов были все-таки окрестности хутора Горькая Балка. Там, к югу от хутора, на карту было нанесено 12 каменных статуй.

Горькая Балка – хутор, расположенный на речке Горькой (22 км от г. Армавира), где в 1964 г. трактористы 4-го отделения зерносовхоза «Армавирский» в 1,5 км севернее хутора во время пахотных работ обнаружили половецкое изваяние, находившееся в курганной насыпи и до начала распашки визуально не фиксировавшееся. В дальнейшем изваяние было доставлено Н.И. Навротским (на тот момент руководителем археологического кружка Армавирского Дворца пионеров и школьников) в музей. Именно с того времени кружок археологии по просьбе Армавирского краеведческого музея вел постоянные охраняемые наблюдения за распашкой полей вокруг хуторов Горькая Балка и Камышеваха. В результате таких поисковых «кружковых» экспедиций всего за 1965–70 гг. были фактически спасены – то есть, обнаружены и перевезены в Армавирский музей – 13 каменных изваяний. Некоторые из них имели удовлетворительную сохранность, часть повреждены, фрагментированы. Кроме вышеназванных изваяний были доставлены еще 4 половецкие статуи, уже из станицы Прочноокопской. Местные жители в устном опросе показали, что изваяния свезены казаками из окрестностей все тех же хуторов Горькая Балка и Камышеваха. В 1994 г. заместителем начальника Армавирской археолого-этнографической экспедицией Т.Е. Лопатиной во время работы на территории станицы Прочноокопской было обнаружено еще одно изваяние, предположительно привезенное из Горькой Балки (Лопатин, Лопатина, 2001. С. 110–111).

Не менее интересная, практически «детективная» история по спасению каменных изваяний, длиною в двенадцать долгих лет также связана с окрестностями хутора Горькая Балка и поселка Прикубанский Новокубанского района. В 2009 г. по звонку учителя истории поселковой школы № 8 им. А.Я. Тимова А. Гордеева в ответ на просьбу посмотреть некую «древнюю разбитую статую» выехал зав. отделом археологии Армавирского краеведческого

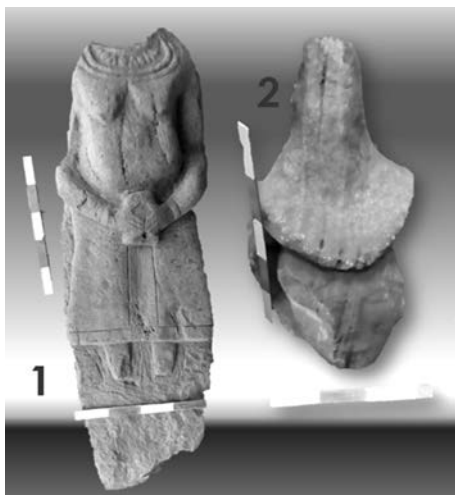

Рис. 1. Половецкое женское изваяние (кон. XII – перв. десят. XIII в.). Поселок Прикубанский Новокубанского района, 2009 г. 1 – туловище; 2 – голова

музея А.П. Лопатин. Во дворе школы находилась доставленная с поля рабочими фермерского хозяйства статуя – ростовое половецкое изваяние (рис. 1), в стоящем положении, головной убор с остроконечной тульей, под которым прорисованы роговые накосницы; на лбу – украшения в виде подвесок, на груди – бусы-подвески и двойная гривна. В ушах кольцевидные серьги. Выделена женская грудь. Руки изображены барельефно в районе пояса, прикрыты рукавом с подворотами до кистей, пальцы сходятся на сосуде подтрапециевидной

формы и соединением больших и указательных пальцев образуют ромбовидный знак. Платье ниже колен запахом (халат), по подолу проходит средних размеров горизонтальная кайма, ноги изображены барельефно в виде усеченных конусов, ступни не прорисованы. При обнаружении фермером в окрестностях хутора Горькая Балка данного изваяния, было зафиксировано, что голова статуи уже находилась отдельно (вероятнее всего отсечена еще в средневековье), правая сторона лица сильно пострадала от плуга, скол свежий, но собрать осколки не удалось. Сразу перевезти статую целиком не получилось, в музей увезли крупный и важный фрагмент – голову изваяния (рис. 1, 2), «тело изваяния» (рис. 1, 1) осталось во дворе школы, на охраняемой сторожем территории до утра, но когда приехала машина с грузчиками, оказалось, что нашу статую без головы выкрали. Школьный сторож дал показания, что не слышал ничего. И, поскольку изваяние еще не было поставлено на учет в музейные фонды, органами правопорядка в возбуждении дела было отказано. Но, спустя более чем десятилетие, «тело» изваяния наконец-то возвращено в музей в 2021 г. и в настоящее время размещено в лапидарии Армавирского краеведческого музея. Предварительная датировка: кон. XII – перв. десят. XIII в. Дальнейшая атрибуция этого изваяния проходила по стандартной процедуре – после составления карточки научного описания, изваяние было внесено в книги первичного и вторичного учета в музее. Кроме того, изваяние было включено в государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации.

«Большое (преобладающее) количество стеловидных, полустеловидных и «стандартизированных» статуй в коллекции из района Горькой речки свидетельствуют о том, что, в целом, она может быть отнесена к числу наиболее поздних коллекций и датирована концом XII – первым десятилетием XIII в. Этой дате не противоречат и изображения разных деталей костюма и экипировки армавирских статуй, имеющие многочисленные аналогии на типологически близких статуях из других регионов половецкой степи» (Плетнева, 1995. С. 166).

Литература

- Лопатин А.П., Лопатина Т.Е. 2001. Каменное половецкое изваяние из станицы Прочноокопской // Историко-археологический альманах. Вып. 7. Армавир; М.
- Навротский Н.И. 1995. Половецкие каменные изваяния Армавирского краеведческого музея // Историко-археологический альманах. Вып. 1. Армавир; Краснодар.
- Плетнева С.А. 1995. Об Армавирской коллекции каменных половецких изваяний // Историко-археологический альманах. Вып. 1. Армавир; Краснодар.

«ОБЛАСТЬ ДЖУЛАТ» И ОДНОИМЕННЫЕ ГОРОДИЩА НА ТЕРЕКЕ (ПРОБЛЕМА ЛОКАЛИЗАЦИИ – СОВРЕМЕННЫЕ ЗАБЛУЖДЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ)

Нарожный Е.И.

Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева, г. Карачаевск

Данная проблема восходит к сведениям Шами и Йезди, освещавших историю похода эмира Тимура в 1395 г. в пределы владений Золотой Орды на Северном Кавказе с дополнением из данных И. Шильтбергера (XV в.).

На карте С. Вонявина 1768 г. на левобережье Терека, выше его слияния с Малкой обозначено «место старинного жилища Джулата», как подчеркивает Х.М. Мамаев, «выше впадения в Терек р. Урюф» (у Эльхотовских ворот)), обозначен и «Татартуп». «Местность Джулат» в 1773 г. на правой стороне Терека», откуда «происходят татарские надписи», знал и Гильденштедт. Предложенное В.А. Кузнецовым тождество «Джулата» с городом «Sucat» карты Г. Трайтеля 1774 г. маловероятно; сам он считает «неясным – это Верхний или Нижний Джулат?».

Определение семантики названия «Джулат» А.Дз. Цагаевой с позиций северокавказских и, особенно, тюркских, как Л.И. Лаврова, с арабского языков, проблему не решило, но дает импульс интереса к наблюдениям Г.А. Кокиева на основе кабардинских исторических преданий о «Татартупе и Дзилате (Жулате, Джулате)», почти никогда в них не совмещавшихся. Как и Ш. Ногмов, исследователь полагал, что в преданиях «Жулатом» называли не конкретный бытовой памятник, а некоторые «башни и минареты» с «берега Терека» выше его слияния с «р. Малкой». Проработанный им пласт исторического наследия позволил ему именно эти объекты связывать с местом «для очищения и принесения жертв» после случившихся «между союзниками или друзьями» ссор и «нарушений слова». У этого «Жулата» совершали одноименный «обряд примирения» и совсем «неясно: сам ли обряд клятвы назвался Жулат» или же так обозначались только объекты, у которых данный обряд и совершался».

В 1807 г. «Джулат» и место сражения Тимура с Тохтамышем Г.Ю. Клапрот локализовал «в 5-ти верстах к северу от ручья Коян», у «западного конца холмистой гряды Малой Кабарды». Почти буквально версию принял И. Бларамберг. Х.М. Френ предложил искать город и монетный двор «Джюллад» легенды монеты 692 г.х./1296 г. или 696 г.х./1297 г. «в Малой Кабарде на правом берегу Терека, от коего остались еще незначительные развалины», что «другу своему» мог подсказать Клапрот.

Ф.К. Брун в сведениях Шильтбергера, отметил «гористую страну Джулад», В.А. Кузнецовым, В.Б. Виноградовым и С.А. Головановой отождествленную с «Верхним Джулатом». В.А. Бабенко видит ее на «Нижнем Джулате», попутно приписав это и мне. Ф.К. Брун указал и «Джулад» как «главный город страны Бештамак (bestan)» (Пятигорье по Бруну). В.А. Бабенко и М.Е. Колесникова эту «страну» отмечают в окрестностях ст. Екатериноградской, но источник сведений Шильтбергера нуждается в дополнительном исследовании: есть основание полагать, что путь его возвращения в Европу после плена и службы у османского султана лежал вне Северного Кавказа.

Итог интереса к проблеме в 1888 г. подвел Е. Вейденбаум, отметив: «Татартуп назывался иногда у нас Верхним Джуладом в отличие от городища напротив ст. Котляревской».

Сформировавшаяся версия о местонахождении «области Джулат» вместе с двумя золотоордынскими городами, с присвоенными им искусственными названиями «Верхний Джулат» и «Нижний Джулат», реально отражавших лишь их расположение по течению Терека относительно друг друга, вскоре стала доминирующей, безоговорочно принятой и в XX в.; в особенности ее использовали при изучении событий 1395 г. Не изменили ее и археологические

исследования И.М. Чеченова на Нижнем Джулате, наоборот, дав новый повод убежденности в том, что именно Клапрот, «опиравшийся на сведения Шами и Йезди», локализовал сражение Тимура с Тохтамышем в 1397 г. (дата ошибочна, т.к. речь идет о 1395 г. – Е.Н.) здесь, в «местности Джулад».

Исследователи до сих пор используют версию Х.М. Френа о монете «Джулат», хотя Э.В. Ртвеладзе, Ц.М. Гваберидзе и В.А. Кузнецов, ссылаясь друг на друга, ошибочно указывают не одну а, якобы, две такие его монетные находки; А.В. Пачкалов однажды включил этот «Джулат» в список «мифических», затем вновь вернулся к «старой» версии. В.П. Лебедев и В.Г. Ситник привели и «давно исправленное» С.А. Яниной определение той же монеты, считавшей ее «дирхемом г. Биляра 692 г.х. (с зеркально вырезанной цифрой сотен в дате)».

В.А. Бабенко и М.Е. Колесникова идентифицируют интересующий нас «Джулат» XIV в. с «Елатом» источников XVII в., на картах 1744 и 1783 гг. обозначенного уже как «Запустелая горд. Елать», но более реалистична версия Х.М. Мамаева сопоставившего «Елат» с «Елецким городищем» того же времени; оба названия связаны не с историческим «Джулатом», а с динамикой сложных русско-северокавказских отношений XVII в.; название «Елат» отсутствует и в «Росписях реки Терека» Книги Большого чертежа, в т.ч. и в ее списке 1744 г. С. Счелкова.

Еще одно название в источниках – «Юлат», названный В.А. Бабенко «городом» (?) (хотя в источнике речь идет только о «чертеже Юлата» с церковью и книгами духовного содержания в ней), также не имеет отношения к «Нижнему Джулату»: в источниках эта церковь с городищем никогда не связывалась. Тот же источник к тому же отмечает, что «Юлат» не только находится «в горах», но и «выше» Татартупа, что предположение Х.М. Мамаева, указавшего на нахождение «Юлата» в балкарском сел. Улу-Эльт, делает предпочтительнее.

В.А. Бабенко, не заметив версии исследователей (1979 и 1990 гг.) о возможном нахождении «области Джулат» нижнем течении Терека, «оспаривание» традиционного подхода к ее локализации отводит нам. А среди «главных аргументов» нашей, нижнетерской локализации «области Джулат», коллега указывает лишь на сборы керамики «у валов «Трехстенного городка», почему-то отнеся ее только к «эпохе позднего средневековья». При этом В.А. Бабенко вновь цитирует Йезди, который кроме констатации факта расположения искомой «области» на Тереке, данных о ее конкретном нахождении не приводит.

Более информативным представляется описание тех же событий, проигнорированных В.А. Бабенко. Сообщая о переправе Тимура через Терек (у места слияния с Сунжей?), Шами позволяет предполагать, что войска Тимура направились вниз по Тереку, дойдя до Старогладовского поселений XIII–XIV вв., сразу после которого, если буквально следовать Шами, Тимур «во второй раз спускается» по течению Терека к «области Джулат», в границах которой впоследствии оказался «Трехстенный городок». Несмотря на игнорирование его истории В.А. Бабенко, она весьма важна. Обследованный еще в 1930-х гг. Е.И. Крупновым, давшим памятнику это название, «Трехстенный городок» с земляными валами оказался остатками русского Терки, в конце XVI в. восстановленного на месте одноименного деревянного острога 1588 г. Источники называли этот объект и «Тюменским новым городом», поскольку Терки 1588 г. возникли в границах уже пришедшей в упадок «Кавказской Тюмени», которая, как полагал Л.И. Лавров, сформировалась в пределах кочевий Золотой Орды или даже хазар.

В.А. Бабенко умалчивает и о рассмотренной мной версии Л.Н. Гумилева, вопреки Е.И. Крупнову, который иначе воспринял «Трехстенный городок». В этом укреплении исследователь видел недостроенную и заброшенную после сильного затопления золотоордынскую крепость, с чем согласиться трудно, важно другое – Л.Н. Гумилев отмечал обилие створок раковин морских моллюсков и коллекцию керамики, аналогичной керамике золотоордынских городов Нижнего Поволжья, собранной им «на валах» укрепления. Это обстоятельство объясняется тем, что створки и керамика могли попасть сюда при насыпке валов вместе с переотложенным грунтом, включавшим в себя и остатки подстилающего его культурного слоя золотоордынского времени, что подтвердили и сборы 1991 г. в которых, помимо керамики «позднего средневековья» (Терки находились на этом месте до 1668 г.), имелись но и фрагменты керамики XIII–XV вв., оказавшейся вновь неизвестной (?) нашему оппоненту. Наряду со сведениями Шами эти материалы вполне документируют местонахождение искомой «области Джулат».

ОБЪЕКТ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ «СОЛДАТСКИЙ ФОРШТАДТ» В Г. РОСТОВ-НА-ДОНУ

Нечипорук А.А.

ООО «Дельта-Л», г. Ростов-на-Дону

Ранняя история города Ростова-на-Дону непосредственно связана со строительством крепости святого Дм. Ростовского, торжественная закладка которой состоялась 23 сентября 1761 г. Строительство велось под руководством военного инженера А.И. Ригельмана и было полностью закончено лишь в 1770-х гг. (Аваков, 2010. С. 359). Рядом с крепостью возникли форштадты (слободы): Доломановский, Солдатский и Полуденный (Полуденка). Доломановский и Солдатский располагались к западу от крепости и впоследствии стали историческим ядром г. Ростова-на-Дону. Точная дата их возникновения пока под вопросом, но совершенно очевидно, что это было непосредственно связано с началом строительства крепости, т.е. началом 1760-х гг.

Ранняя застройка форштадтов практически сразу же была упорядочена, поскольку велась под руководством военных инженеров. Она имела регулярную планировку вдоль берега Дона, которая со временем превратилась в систему городских улиц и кварталов, существующих и по сей день.

В 1797 г. крепость стала центром новообразованного Ростовского уезда Новороссийской губернии (ПСЗРИ, 1830. С. 706–708). Поскольку официальная статистика относилась к городам административные центры губерний и уездов, то и крепость со своими форштадтами попала в эту категорию. И хотя отдельный официальный документ относительно получения ею такого статуса нам не известен, тем не менее на плане 1798 г. Купеческий (бывш. Солдатский) и Доломановский форштадты уже подписаны как «город Ростов». Впервые в законодательных актах Ростов упоминается как город в указе Александра I от 17 августа 1806 г. В 1811 г. была получена «городовая» грамота и герб, в результате чего был окончательно образован уездный город Ростов-на-Дону Екатеринославской губернии. Эти события можно считать завершающими в истории Солдатского форштадта. К этому времени крепость Дм. Ростовского окончательно потеряла свое стратегическое значение и в 1835 г. была упразднена.

Согласно плану А.И. Ригельмана 1768 г. Солдатский форштадт имел подпрямоугольную в плане форму и был сформирован системой кварталов, имевших свой центр в виде площади. Улицы были проложены в широтном направлении, а переулки в меридиональном. Кроме того, территория форштадта была разделена на четыре части, внутри которых был свой локальный центр с деревянной церковью посередине. Каждая из этих частей была заселена одним из батальонов гарнизона крепости, к которым и были приписаны располагавшиеся там церкви. Вся застройка была преимущественно деревянная.

В современной сетке кварталов границы форштадта выглядят следующим образом: западная граница – пр. Буденновский; южная – ул. Береговая; северная – ул. Б. Садовая; восточная – пр. Ворошиловский (рис. 1). На данный момент эта территория занята городской застройкой второй пол. XIX – нач. XXI в. Таким образом, объекты, связанные с периодом существования форштадта, полностью археологизированы. При этом основная застройка форштадта была перекрыта более поздними сооружениями, располагавшимися на тех же местах, поэтому для исследования доступны лишь небольшие участки внутренних дворов, а также тротуары и проезжие части улиц.

Поскольку колыбелью города была крепость св. Дмитрия Ростовского, то основное внимание в качестве объекта изучения привлекали ее фортификационные и внутрикрепостные

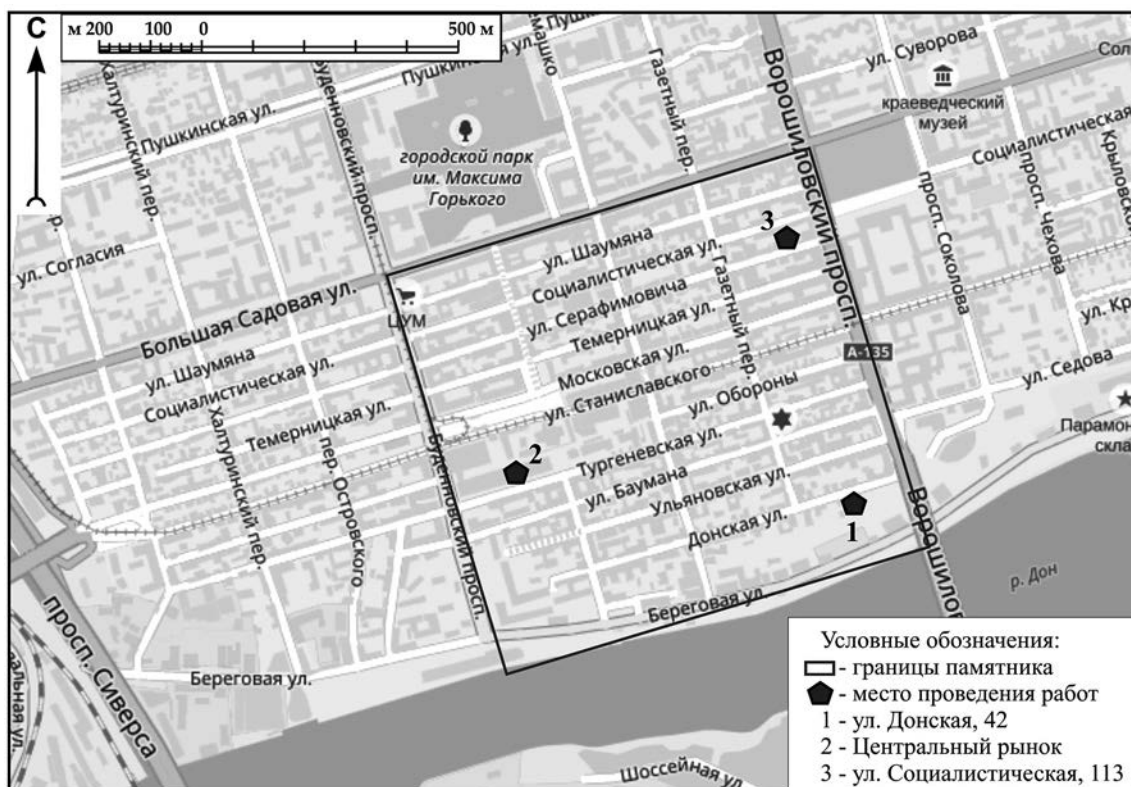

Рис. 1. Ситуационный план центральной части г. Ростова-на-Дону с обозначением территории ОАН «Солдатский форштадт»

сооружения. Сам памятник был поставлен на охрану в 1994 г. как «Комплекс наземных и подземных сооружений крепости святого Дмитрия Ростовского». При этом, форштадты крепости не были внесены в перечень охраняемых объектов. И если Доломановская слобода благодаря тому, что оказалась в границах Темерницкого городища и его некрополя, точно, но все же исследовалась, то с Солдатским (позже Купеческим) форштадтом картина иная. Его территория изучалась лишь эпизодически, в процессе обследования землеотводов под хозяйственное освоение. Если не брать в расчет визуальные обследования, в виду их исключительной формальности, то можно отметить, что все эти работы, за редким исключением, не фиксировали культурного слоя или каких-либо археологических объектов, связанных с временем существования форштадта. Однако, эти работы позволили зафиксировать комплексы, связанные с городской застройкой XIX – нач. XX в., также представляющей определенный исследовательский интерес.

Среди проводившихся работ стоит отметить обследование Е.В. Коротоякской в зоне реконструкции мостового перехода через р. Дон в створе пр. Ворошиловского в 2011 г. (Раздел, 2011. С. 3). В шурфе 1, заложенном по ул. Донской, 42, был выявлен культурный слой XIX–XX вв. и две хозяйственные ямы XIX в., в заполнении которых выявлен бытовой мусор и фрагменты керамики.

В 2014 г. НП «Южархеология» под руководством П.А. Ларенка проводило археологический надзор на территории Центрального рынка, ранее называвшегося «Старый базар». Во время надзора было выполнено 6 разрезов, в которых была зафиксирована часть погребенной почвы и культурного слоя кон. XVIII – первой пол. XIX в., а также участки вымостки 1840-х гг. и культурного слоя второй пол. XIX в. (Жирун, Ларенок, 2020. С. 11–12).

В 2018 г. при обследовании земельного участка по ул. Социалистической, 113 в границах Солдатской слободы был зафиксирован культурный слой второй пол. XVIII – кон. XIX в., в результате чего памятник получил статус выявленного объекта археологического наследия (Ларенок, 2020. С. 12–14). Однако, на государственную охрану был поставлен лишь небольшой

участок форштадта в границах обследованного земельного участка, а не сам памятник в его исторических границах. В 2019 г. П.А. Ларенком были проведены археологические исследования этого участка. В заложенном раскопе (5 × 10 м) найдено большое количество материала, представленного преимущественно фрагментами поливной и неполивной керамики, фаянсовой посуды, костями животных, а также различными изделиями из стекла и металла (Фурсова, 2020. С. 227).

Литература

- Аваков П.А.* 2010. Труды и дни Александра Ивановича Ригельмана (1714–1789) // В тени великих: образы и судьбы. Сборник научных статей. Серия «Человек второго плана в истории». СПб.
- Жирун М.Ю., Ларенок П.А.* 2014. Акт № 11/14 о присутствии специалиста-археолога на период производства земляных работ на земельном участке, выделенном под проект: «Здание крытого рынка с подземной парковкой» в г. Ростове-на-Дону. Ростов-на-Дону.
- Ларенок П.А.* 2020. Отчет: археологические полевые работы на территории выявленного объекта археологического наследия «Солдатский форштадт» на участке с кадастровым номером 61:44:0040902:9 по улице Социалистической, 113 в г. Ростове на Дону. Ростов-на-Дону. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. 1830. Т. 13. СПб.
- Раздел «Обеспечение сохранности объектов культурного наследия»: Ростовского городища, Грунтового некрополя Ростовского городища, расположенных в зоне планируемого производства строительных работ по проекту: «Реконструкция мостового перехода через р. Дон в створе Ворошиловского проспекта в г. Ростове-на-Дону». 2011. Ростов-на-Дону.
- Фурсова И.М.* 2020. Керамический комплекс XVIII–XIX вв. с объекта археологического наследия «Солдатская слобода» по материалам раскопок 2019 года // Материалы LX Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых с международным участием. Иркутск.

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ КУЛЬТОВЫЕ КОМПЛЕКСЫ И ОБЪЕКТЫ КИСЛОВОДСКОЙ КОТЛОВИНЫ: ВОПРОСЫ АНАЛИЗА И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Савенко С.Н.

Пятигорский краеведческий музей, г. Пятигорск

Культурные объекты и комплексы относятся к третьей после бытовых и погребальных, особой категории археологических памятников древности, средневековья и нового времени. Выделение их в археологической практике часто затруднено и поэтому условно. Это объясняется тем, что дифференцирующим показателем для таких комплексов должно быть полное или преимущественное их использование для культурных целей. Но это сложно обосновать в связи с синкретизмом мышления древних людей, для которых любое или почти любое действие и используемый предмет, помимо утилитарного назначения несли и определенную культурную нагрузку. Похоронные действия всегда связаны со сложным погребально-поминальным культом. Возведение и использование жилых сооружений также не ограничивались чисто бытовыми задачами и обычным явлением были закладные жертвы, святые углы, почитаемые очаги и т.п. Необходимы четкие критерии выделения культурных комплексов и особенно объектов, к совокупности которых может относиться:

- 1) территориальная оторванность от бытовых и погребальных памятников;
- 2) автономность или структурная выделенность в рамках поселений и могильников;
- 3) отсутствие признаков человеческих погребений (не считая жертвоприношений);
- 4) невозможность или ограниченность использования объекта для жилья;
- 5) аналогии с объектами установленного культурного назначения иных территорий и эпох;
- 6) устная традиция или письменная информация о связи объектов со святилищами, храмами и т.п.

Ритуальные комплексы поминального характера в структуре погребальных сооружений во всех вариантах, а также отдельные захоронения полных особей коней, определяемые как атрибуты погребальных памятников, здесь не рассматриваются. Если же конкретная связь с погребениями не устанавливается, такие комплексы могут относиться уже не только к поминальным процедурам, но и к культу предков, а значит, их связь с собственно культурными объектами допускается.

Число выявленных памятников всех эпох в Кисловодской котловине и прилегающих к ней верховья реки Подкумок приближается к 1000, и только единичные из них учтены как культурные. До конца 1970-х гг. были известны лишь упоминания церкви на Рим-Горе, и городище Уллу-Дорбунла, трех т.н. «капищ», в том числе дочищенное членом Кисловодской археологической секции Н.Н. Михайлова В.А. Лученковым на Эшкаконском наскальном могильнике № 1 в 1969 г. Одно из сооружений VIII в. н.э., открытых и исследованных подопечными Н.Н. Михайлова в 1964 г. на ЮВ склоне под скалой Замок коварства и любви, В.А. Кузнецовым было сначала трактовано как «зороастрийское святилище огня» (КЧ, 1976 г.), затем как «жилище воина – отшельника» (КЧ, 1978 г.) и, наконец – как «поминальный комплекс» (Кузнецов, 1985. С. 206–213).

Пополнение материалов в этой области произошло в 1980–1982 гг., когда были открыты и исследовались раннесредневековые: постройка с очагом и 7-ю жертвенниками на поселении Острый Мыс (Савенко, 1981. С. 116), ритуальный комплекс в жженом слое из поломанных и деформированных предметов, включая детали вооружения и конской сбруи на Кугульском катакомбном могильнике № 2 (Савенко, 1982. С. 47–48. Рис. 84).

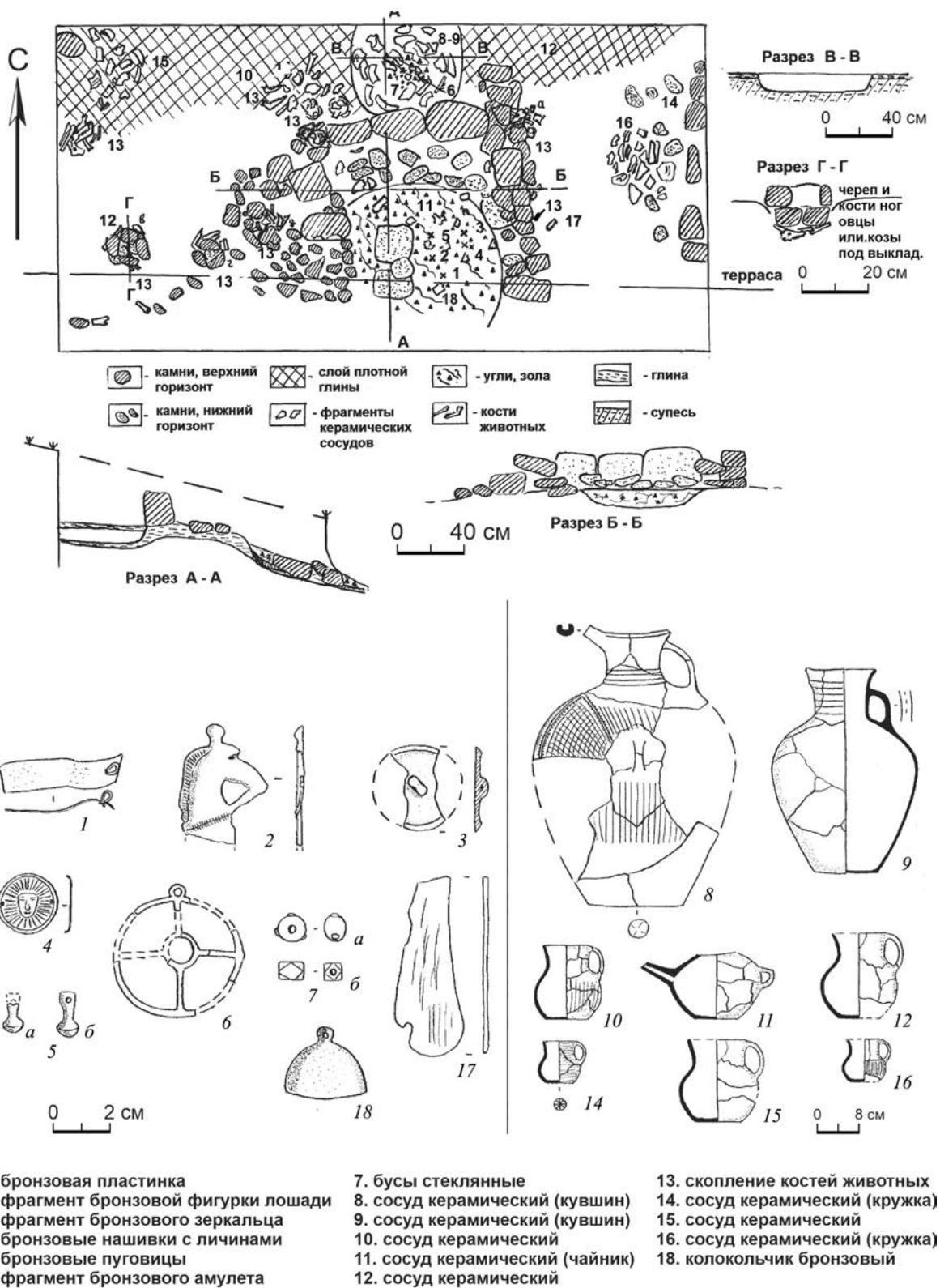

Рис. 1. Культурный объект на поселении Острый Мыс. Раскопки С.Н. Савенко. 1980 г.

В 1991–1996 гг. В.А. Фоменко, С.Н. Савенко, А.Б. Белинским и Г. Харке были зафиксированы ритуальные комплексы со «шкурами» на могильном поле Мачты некрополя Луначарка № 1 и могильника Клин-Яр № 3, часть из которых была в самостоятельных ямах и не увязывалась с конкретными погребениями (Савенко, 2023. С. 189–216). В 1993 г. сооружение культового характера на катакомбном могильнике Горное Эхо № 1 выявлено и исследовано Ю.И. Енченко. Раздел отчета об этих работах оформлен не был, но находки и часть полевой документации, были переданы в Кисловодский краеведческий музей.

После 1996 г. имели место только случайные находки частных лиц и редкие факты осмотров и исследований разрушенных объектов культового характера краеведами. Последними во время проведения разведок 2021 г. ко мне от частного лица поступили случайные находки железных удил и стремян, происходящие из разрушенной ямы с золой из района Белоглинской балки в окрестностях пос. Подкумок.

Возможно, что часть из перечисленных комплексов имела отношение к погребениям, и наоборот, некоторые из ранее атрибутированных не как культовые комплексы в действительности являлись таковыми. К примеру, к ним могла принадлежать «землянка» с жженым слогом и поясным набором у Аланской крепости (Афанасьев, 1975. С. 60. Рис. 5). В том же районе встречались и другие подобные «землянки», сведения о которых отложились в архивных папках полевых материалов Н.Н. Михайлова.

Краткие данные о рассматриваемых комплексах и объектах уже приводились мной в ряде докладов (XVIII КЧ и др.) и публикаций, но назрела необходимость проанализировать их более обстоятельно. Их можно разделить на разновидности:

1) гроты – «святые места» вне пределов поселений и могильников (правый берег р. Мокрой у скалы Замок);

2) автономные ритуальные прямоугольные каменные постройки и выкладки в черте поселений (Замок, Директорская Горка, Острый Мыс) или могильников (Горное Эхо, Эшаконский могильник № 1);

3) отдельные ямы с костями, животных, остатками «шкур», предметами инвентаря и их фрагментами (Мачты, Кугуль, Клин-Яр № 3).

В рассматриваемых комплексах и объектах присутствуют повторяющиеся элементы и предметы: следы горения (зола, древесные угли), приспособления для возжигания огня (очаги, углубления), кости животных и части их туш («шкуры»), сознательно деформированные и поломанные предметы, включая керамические сосуды, в том числе редких форм (котлы с внутренними ручками, чайники, горшки с парными ручками на тулове); частое присутствие стремян и удил, реж – деталей пояса и предметов вооружения.

Большинство предметов из рассматриваемых комплексов могут датироваться в пределах середины VII–VIII вв. н.э. Только в гроте – «святые места» Замок, помимо раннесредневековой керамики, присутствовали и фрагменты кобанского времени, но выявленные вместе с черепками коз (определение А.К. Швыревой), удила и стремяна также обладали признаками VII–VIII вв. Единственным из известных структурным прототипом данных культовых объектов могло быть Кабан-Горское каменное сооружение с двухкамерным очагом позднесарматского времени (С.Л. Дударев). Т.е., данная культовая практика оформилась на определенном этапе раннего средневековья, вероятно, в период образования Хазарского каганата и усиления его воздействия на местные предкавказские сообщества алан. В это время возросло присутствие в рассматриваемом районе представителей этнических групп тюрко-болгарского и угорского круга, которые могли выступать как носителями и распространителями данной обрядовой традиции, так и повлиять на аланский катакомбный обряд погребения. Период завершения или преобразования данного культового явления определить трудно, но объектов, четко относимых к IX–X вв. пока не отмечено.

Проведенный анализ не является исчерпывающим и для более обстоятельных выводов необходимо расширение доброкачественной источниковой базы.

Литература

- Афанасьев Г.Е.* 1973. Поселения VI–IX вв. н.э. района Кисловодска // СА. № 4.
- Кузнецов В.А.* 1985. Поминальный комплекс VIII в. в окрестностях Кисловодска // СА. № 3.
- Савенко С.Н.* 1981. Работы на раннесредневековых памятниках // Археологические открытия 1980 г. М.
- Савенко С.Н.* 1982. Отчет о работах объединенного отряда Предгорно-плоскостной экспедиции ЧИГУ и СГОКСМ в районе г. Кисловодска и в долине р. Подкумок // Архив ИА РАН. Р-1. № 9361.
- Савенко С.Н.* 2023. Раннесредневековые захоронения с остатками «конских шкур» из окрестностей Кисловодска. Вопросы интерпретации // МИАСК. Вып. 21. Армавир; Карачаевск.

ДРАНДСКИЙ ХРАМ И ЕГО ОСОБЕННОСТИ

Саканиа С.М.¹, Требелева Г.В.²

¹*Институт гуманитарных исследований АН Абхазии, г. Сухум, Республика Абхазия*

²*Институт археологии РАН, г. Москва*

Работа выполнена при поддержке РНФ, проект № 22-18-00466.

Храм расположен в 20 км к ЮВ от г. Сухум в населенном пункте Дранда на живописном возвышенном плато, на берегу древнего русла р. Кодор. Источники не сохранили нам оригинального исторического названия храма. Уникальность Драндского храма обусловлена тем, что он не подвергался более поздним перестройкам, сохранив изначальный свой вид, а также тем, что не находит аналогов на территории всего Закавказья.

Интересна сама конфигурация храма (рис. 1). Центральная часть – это ротонда, к которой примыкают рукава креста. Ротонда перекрыта куполом, базирующемся на низком 16-гранном барабане, на каждой грани которого расположены широкие окна, что характерно для ранних храмов византийской архитектуры (Колпакова, 2004). Между оконными пространствами выделяется плоский гурт, или ребра, которые смыкаются к куполу, что придает ему жесткую форму. Возможно, эта особенность конструкции и способствовала сохранности купола в его первоначальном виде.

По сторонам рукавов креста на востоке имеются одинаковые помещения с полукруглой частью на восточной стене, соединенные с южным и северным рукавом креста дверными проемами, а также с центральной апсидой: проходы расположены в местах расположения вимы. Таким образом, можно отметить наличие развитой формы пастофория. В этих помещениях хорошо представлены с восточной стороны широкие окна, что можно отметить, как элемент константинопольской школы (Колпакова, 2004). Восточные помещения пастофория имеют своеобразную специфическую форму перекрытия: они перекрыты куполом впарушенного типа. Вспарушенный тип – редкое явление в христианской архитектуре. Такой купол создает ощущение бесконечности бытия до уровня небес. Классическую форму круглого купола имеют помещения, расположенные в межукавном пространстве в западной части. Сами помещения в плане круглые: словно повторяют круглую форму центральной подкупольной части храма. От большого купола Драндского храма они отличаются гладкостью поверхности этих куполов, не имеющих оконных проемов на уровне барабана, и снаружи не выделяются, они вписаны в общий свод храма, что тоже является особенностью. Интересной деталью является наличие в этих круглых западных помещениях крестообразно расположенных ниш полукруглой формы. Они расположены диагонально по отношению к входам этих помещений. Ниша, которая должна выводить в центральную часть подкупольного пространства – заложена.

Апсида выступающая, пятигранная. На трех центральных гранях сохранились широкие алтарные окна в нетронутном состоянии. По бокам главной апсиды в алтарной части имеются трехгранные выступы от помещений пастофория.

Следует отметить, что выступающие апсиды для Абхазии характерны для раннего периода. Трехгранность можно связать с константинопольской школой архитектуры, а пятигранность больше характерна для сирийско-антиохийской школы.

В храме с западной стороны на всю ширину наличествует нартекс, в южной части которого Л.Г. Хрушковой (Хрушкова, 2002. С. 259–273) был обнаружен баптистерий, напоминающий своей конфигурацией форму храма: крестовидная форма в круге. Наличие купели в

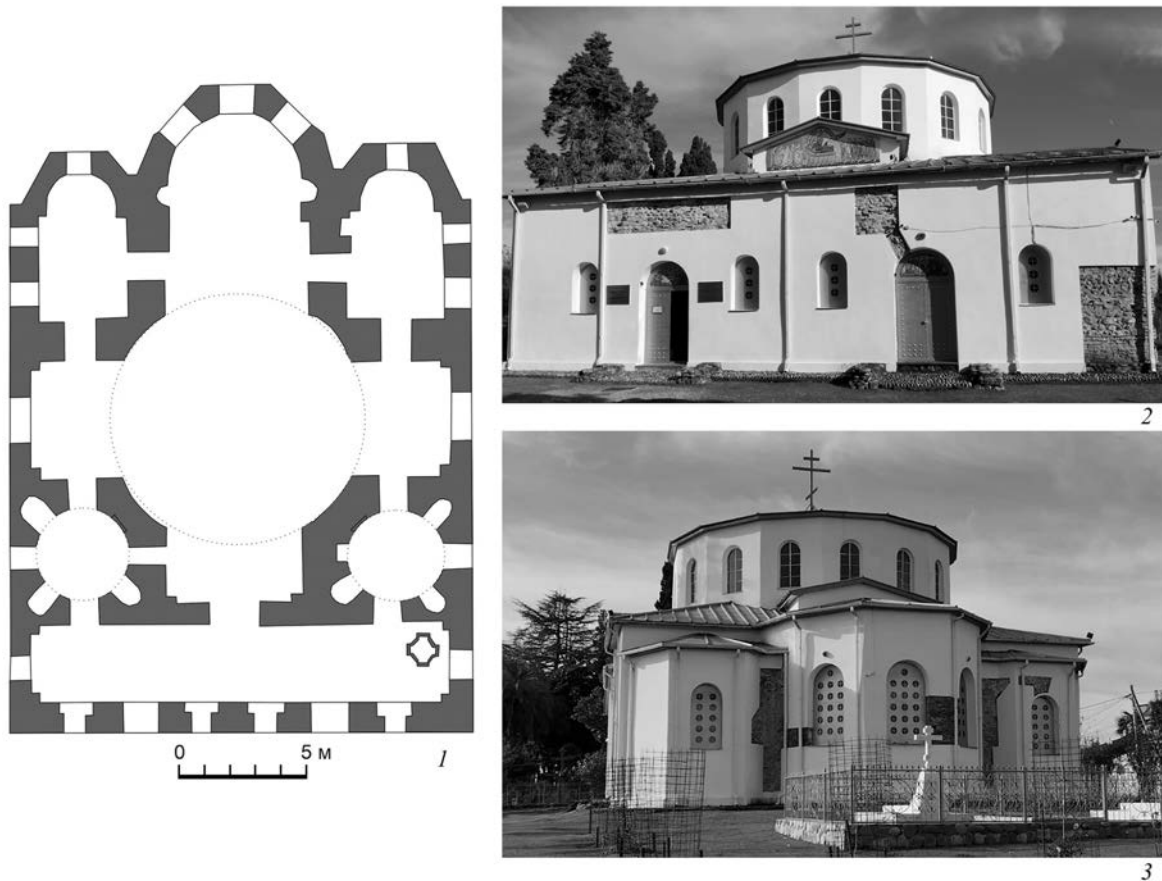

Рис. 1. Драндский храм: 1 – план; 2 – фото, вид с запада; 3 – фото, вид с востока

раннюю эпоху фиксируется в Абхазии в Пицундском храме № 2, где он также расположен в южной части нартекса, а также между двух церквей в крепости Цибилеум, в Цандрипшском храме в северо-восточной части нефа.

Еще одной особенностью храма является то, что он на 80–85% возведен из плинфы. В кладке преобладают узкие и длинные кирпичи, но единого стандарта не наблюдается. Толщина варьируется от 3 до 4,5 см, длина от 29 до 39 см, ширина от 13 до 20 см. В Абхазии встречается применение плинфы в храмовом зодчестве, но в основном это кладка *opus mixtum*: чередование рядов камней и плинф. Практически полностью возведенные из кирпича храмы отсутствуют для ранневизантического периода.

Драндский храм построен в эпоху Юстиниана (527–565), и думается, что храм мог быть возведен теми людьми, которые видели, а может и участвовали в возведении храма Святой Софии в Константинополе. На эту мысль наталкивают его конструктивные особенности. На территории Кавказа не встречается применение в конструкции ребер жесткости или гуртов, которые мы наблюдаем в Святой Софии и в Драндском храме. С некоторыми допущениями Драндский храм можно даже считать некой репликой храма Святой Софии. Да, конечно, Драндский храм меньше Святой Софии в 3 раза. Храм Святой Софии – это соединение базиликальности с доминирующим элементом купола, а Драндский храм – это ротонда с крестом, но и обоих храмах внутреннее подкупольное пространство подавляет все остальное пространство храма. Это концептуально сближает данные храмы.

Храм был построен в середине или западной части большой крепости римско-византийского времени: два года назад во время земляных работ было обнаружено наличие на западной стороне поляны, где расположен храм, мощной крепостной стены. К сожалению, археологи пока не смогли полноценно изучить данный объект. Толщина выявленной стены

составляет 3,0–3,1 м, визуально раствор стены и храма идентичны. Не исключено, что крепость может относиться к более раннему времени и быть недостающим звеном Понтийского лимеса в районе р. Кодор: холм, на котором возведено городище с храмом заперло выход в Кодорское ущелье, что соответствует основным принципам расположения крепостей (Требелева, Кизилов, 2021).

Под храмом известно наличие многоярусных запутанных ходов и помещений: во время опасности служители храма со своими послушниками уходили в подземелье и там, в подземных церквях и часовнях могли много времени проводить в службе и покаянии. Еще в 1940-х гг. на обрывистом берегу древнего русла р. Кодор были видны окошки этих подземных помещений. На сегодняшний день ходы завалены в ходе ряда оползней, и окошки снаружи не видны. Думается, нас ждет еще много открытий, связанных с этим храмом.

Литература

Колтакова Г.С. 2004. Искусство Византии. Ранний и средний периоды. СПб.

Требелева Г.В., Кизилов А.С. 2021. Еще раз к вопросу о «Понтийском лимесе», или о географических и геополитических принципах расположения древних фортификационных сооружений черноморского побережья в античное время // Древние и традиционные культуры во взаимодействии со средой обитания: проблемы исторической реконструкции. Материалы I Международной междисциплинарной конференции. Челябинск.

Хрушкова Л.Г. 2002. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья. М.

АРХЕОБОТАНИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ НУЗАЛЬСКОГО МОГИЛЬНИКА (РСО – АЛАНИЯ)

Сергеев А.Ю.¹, Бабенко А.Н.¹, Крутоголовенко К.А.², Кулаков А.А.³

¹Институт археологии РАН, г. Москва

²Краснодарское краевое отделение ВООПИиК, г. Краснодар

³ООО «Археос», г. Ставрополь

Исследования проводились в рамках выполнения темы
НИР ИА РАН (№ НИОКТР № 122011200264-9).

В 2020 г. экспедицией ООО «Археос» были проведены раскопки на Нузальском средневековом грунтовом могильнике, расположенном в п. Нузал Алагирского р-на РСО – Алания на левобережье р. Ардон¹. Образцы для исследования были получены из 12 погребений. Захоронения располагались в каменных ящиках, вытянуто на спине, головой ориентированы на ЗСЗ. Все они находились в западной половине раскопа. Предварительная датировка этих комплексов – XVI–XVII вв. Лишь погр. 107 направлено черепом на ЮЗ и датируется XIV–XV вв. (Крутоголовенко, 2022. С. 254–257).

Археоботаническими методами проанализировано содержимое мешочков, подушечек и деревянного кубка. Макроостатки культурных злаков обнаружены в девяти образцах: в детском погр. 79 (в ткани на черепе) обнаружена одна зерновка ячменя *Hordeum vulgare*, в остальных случаях – зерновки и/или чешуи проса обыкновенного *Panicum miliaceum* найденного в погребениях:

13 – мужское, в подушке у черепа;

17 – возмужалого возраста, в подушке и деревянном кубке, расположенными у черепа;

20 – детское, заполнение подушки, у черепа;

30 – взрослый мужчина, на груди;

107 – женщина 35–45 лет, в шелковом мешочке, на груди;

16 – возмужалого возраста, в шелковом мешочке, на груди;

205 – детское, в мешочке, на груди.

В погр. 20 были помещены неочищенные от чешуи целые зерновки. В погр. 30 также обнаружена одна зерновка проса в чешуях и, кроме того, одно семя малины *Rubus idaeus*. В других образцах (погр. 13, 17, 107 и 205) просо представлено практически исключительно отдельными чешуями и их фрагментами. Поскольку в пределах одного участка могильника тафономические условия в погребениях вряд ли сильно колебались, то здесь можно предполагать именно незначительные вариации в погребальном обряде. То есть наряду с использованием неочищенного зерна в мешочки и подушки могли помещать и отходы от очистки – чешуи.

Спорово-пыльцевые спектры образцов, содержащие скопления чешуи *Panicum miliaceum* (погр. 13, 20, 17, 205), можно считать монодоминантными: 85–99% составляют злаки, среди которых к типу культурных злаков (*Cerealialia* t.) можно отнести лишь 0,9–6,9%. Размер пыльцевых зерен проса не превышает 40 мкм (Behre, 2007). В данном случае лишь на основании состава растительных макроостатков можно предположить принадлежность пыльцы просу. В трех из рассмотренных образцов, присутствуют остатки (хелицеры), вероятно, амбарных (хлебных) клещей (*Acaroidea*), которые являются вредителями многих продуктов, в т.ч. зерна. Следует отметить присутствие комков пыльцы и даже фрагмента пыльника семейства

¹ Работы проведены согласно Государственного контракта №1705/12-20 Министерства культуры РФ и ООО «СКИФОС-РСК».

Asteraceae (*Cichorioideae*) в образце из детского погр. 205. Это свидетельствует, вероятнее всего, о том, что помимо проса в мешочек были положены цветы.

В пяти образцах из четырех погребений обнаружены соплодия хмеля обыкновенного (*Humulus lupulus*) (в погребениях:

21 – пол не определен, старше 55 лет, кожаная подушка под головой;

30 (см. выше);

79 (см. выше) и 167 – детское, у шеи справа).

Как и в случае с просом, наблюдаются небольшие вариации в расположении мешочков и подушечек с соплодиями хмеля. Спорово-пыльцевые спектры рассматриваемых образцов практически не связаны с их содержимым. В спектрах преобладает пыльца злаков (*Poaceae*), полыни (*Artemisia*), капустных (*Brassicaceae*). Пыльца хмеля присутствует лишь единично, что можно объяснить двудомностью растения. В кожаной подушке из погр. 21 кроме «шишек» хмеля находился один плод *Rosaceae*, возможно, от дикой яблони или груши.

Образец из погр. 146 (подростковое, на груди, заполнение подушки) содержал несколько десятков фрагментов оболочек семян (плодов) конопли *Cannabis sativa*. Однако многие из них имели следы погрызов, что наводит на мысль о более позднем заносе семян землероями. Для спорово-пыльцевого анализа материал из рассматриваемого образца отбирался аккуратно, без примеси помета грызунов. В спорово-пыльцевом спектре доминирует пыльца ветроопыляемых злаков и маревых, отражая, вероятно, естественный пыльцевой фон, тогда как значительное присутствие пыльцы бобовых (*Fabaceae*) и мальвовых (*Malvaceae*), в т.ч. и в комках, видимо, связано с использованием цветов этих семейств в качестве наполнения подушки. Пыльца конопли (*Cannabis sativa*) присутствует в спектре единично.

Все изученные образцы (кроме погребений 79 и 167) содержали дикорастущие травянистые растения. Многие из них являются сорными: *Setaria viridis*, *Chenopodium album*, *Digitaria sp.*, *Stachys annua*, *Fallopia convolvulus*, *Thlaspi arvense*, *Lithospermum arvense* и *Gypsophilla elegans*. В погр. 16 (возраст и пол неопределим, платок с вышивкой на груди) определен один плод *Caucalis lappula*.

Проба из женского погр. 143 (старше 55 лет, подушка под головой) представлена исключительно скоплением семян сорных растений. Основой образца являются семена дурмана обыкновенного (*Datura stramonium*). Кроме того, обнаружены семена еще нескольких таксонов, но в небольших количествах. В спорово-пыльцевом спектре образца доминирует пыльца семейства *Polygonaceae*. Пыльца остальных таксонов, определенных по макроостаткам, присутствует единично, даже *Datura*. Исключение составляет лишь горец вьюнковый (*Fallopia convolvulus*, *Polygonaceae*). Пыльца этого таксона доминирует в спектре, а значит можно предположить, что горец был собран в цветущем виде, а присутствие небольшого количества семян в таком случае объясняется началом их созревания на материнском растении. В спектре образца в значительном количестве присутствует пыльца насекомоопыляемых растений: *Campanulaceae*, *Lamiaceae* и *Malvaceae*. Пыльца последних присутствует как в виде отдельных пыльцевых зерен, так и в виде комков. Очевидно, представители перечисленных таксонов были помещены в погребение в виде цветов.

Наиболее трудным для интерпретации спорово-пыльцевого спектра является образец из погр. 205 (мешочек с кресалом, слева у таза). Вероятно, спектры в большей степени отражают естественный пыльцевой фон – доминируют злаки (*Poaceae*), полынь (*Artemisia*) и сосна (*Pinus*). Макроостатков образец не содержал. Учитывая нахождение кресала в мешочке, наиболее вероятным содержимым является не содержащий спор части гриба трутовика, которые могли использовать в качестве трута (Осмаев, 2016. С. 100).

Комплексные исследования ботанических остатков из погребений грунтового могильника Нузал позволили установить наличие заупокойной пищи (просо в миске) и других ритуальных даров (плоды, семена и цветы дикорастущих растений). Преобладание образцов, содержащих просо и хмель, может указывать на важную роль этих культур для жителей, проживавших в Алагирском ущелье. Наличие семян дурмана в подушечке под головой в женском погребении, вероятнее всего, свидетельствует о непростом статусе погребенной.

Литература

- Крутоголовенко К.А.* 2022. Раскопки средневекового могильника в поселке Нузал // Археологические открытия 2020 г. М.
- Осмаев М.К.* 2016. Чеченцы: обычаи, традиции, обряды (историко-культурные аспекты проблемы). Грозный.
- Behre K.E.* 2007. Evidence for Mesolithic agriculture in and around central Europe? // *Vegetation History and Archaeobotany*. Vol. 16.

ПЕЩЕРНЫЙ МОНАСТЫРЬ БЕТЛЕМ (ВИФЛЕЕМ) НА Г. КАЗБЕК – МИФ И РЕАЛЬНОСТЬ (К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ)

А.А. Сланов

Институт истории и археологии РСО – Алания, Владикавказ

Среди культовых центров, в частности православного мира, свое особое место занимает г. Казбек. Здесь следует отметить, что это название появилось сравнительно недавно, в начале XIX в. А среди народов, живущих у ее подножия, она известна под различными названиями: у осетин – *Сæна / Сана-хох* («Гора Сана / Гора санов»), *Урс-хох* («Белая гора») и *Чырыстийы цъупп* («Вершина Христа»), у грузин – *Мкинвари / Мткинвари / Мкинвари-мта* («Ледяная гора») и *Мкинварцвер* (букв. «Вершина ледников»), у ингушей – *Беи-лоам* («Тающая гора») / *Беишам-корт*. В ингушском названии Казбека – *Беишам* нетрудно уловить созвучие с осетинским *Бетлем* и грузинским *Бетлеми* – названия монастырской обители, о которой и пойдет речь.

По народному поверью, вершина Казбека – место святое, которого никто не может достигнуть, на ней пребывает сам Бог. Первые сообщения о пещере на Казбеке мы находим у Вахушти Багратиони (пер. пол. XVIII в.): «В скале Мкинвари (г. Казбек – С.А.), весьма высокой, высечены пещеры, и называют их Бетлеми; подъем туда труден: ибо с пещеры спущена железная цепь и по ней взбираются. Говорят, что там находится колыбель Господа и шатер Авраама, стоящий без столбов, без веревок, и (сказывают) и о других чудесах, но я умалчиваю о них. Под ними имеется монастырь, высеченный в скале; (эта) пустынь ныне в пусте». В дальнейшем практически все путешественники XVIII–XIX вв. упоминают о ней, сообщая легенды о существовании здесь древнего монастыря Бетлем, что считают измененным названием города *Вифлеем* (*Бетлехем*) места в Палестине, где родился Христос. В Бетлеме, согласно легенде, хранилась люлька Христа и шатер Авраама.

Все эти сообщения были настолько фантастическими, а пещера Бетлем столь труднодоступной, что до середины XX в. монастырь считался просто красивой легендой. Впервые научное исследование памятника было проведено в 1948 г. экспедицией альпинистов во главе с Александрой Джапаридзе. Пещера расположена на крутом склоне скалистого хребта, спускающегося с вершины Казбека в юго-восточном направлении (между ледниками Абано и Гергетским), на высоте около 4000–4100 м над уровнем моря. Она была высечена в скале, углы ее закруглены, а свод имел куполообразную форму. Стены и потолок, сохранили следы побелки, пол пещеры устлан плотно пригнанными четырехугольными плитками из кровельного сланца, а в северо-восточной части пещеры находился сложенный из камня, оштукатуренный и побеленный престол верхняя часть которого представляла собой плоский тесаный андезитовый камень.

В лежавшей посредине престола маленькой деревянной коробке, типа пенала с двумя отделениями, находилось десять старинных серебряных монет: две грузинские монеты относятся ко времени Ираклия II (втор. пол. XVIII в.), одна грузинская монета датируется второй половиной XV в. и семь иранских монет – XVII–XVIII столетиями. По обе стороны престола поднимаются два тонких четырехугольных столбика, упирающихся в пол и свод пещеры. Между столбиками протянута полоска ткани и на ней, в северной части престола, укреплен как занавес, белая ткань. К занавесу прислонено иконописное знамя – хоругвь с округленным нижним краем, обитым серебряной пластинкой с штампованным рельефными изображениями и надписями, исполненными древнегрузинским шрифтом «асомтаврული» (относящимися к XIII в.). В северной части престола у самой стены лежит большой четырехгранный тесаный

андезитовый камень. На двух сторонах его высечены кресты – на одной стороне простой с прямоугольными рукавами, на другой – короткий, массивный, у основания «процветающий», с изображением головы Адама, внизу древний тип голгофского креста. Исследования пещеры Бетлем показали, что она являлась пещерной церковью при монастыре, сооруженной приблизительно в X–XIII вв.

В заключении нельзя не вспомнить, что основные вершины расположенного ниже Скалистого хребта считаются местом обитания святых осетинского пантеона: *г. Хъæриу хох – Уастырджы* (св. Георгий), *г. Тбау хох – Уацилла* (св. Илья), *г. Мады хох – Мады Майрæм* (Мать Мария – Богородица), *г. Чызджыты хох* (досл. «Гора девушек», «Девичья гора») – *Ног дзуар / Аларды* (осет. досл. «Новый святой» / св. Варвара), *г. Уаза хох – Никкола* (св. Николай). В сопредельных районах Осетии существовали высокогорные монастыри Саниба (над с. Суатис) в обществе Тырсыгом, Ломисы Уастырджы и Алеуы Саниба в Чысангом и др. Пещерные монастыри в Осетии известны также в ущелье Гуркумта (Туалгом), Цей-с.Абайтыхъæу и Нузал (Уæлладжыр), Тутыры дзуар в с. Беит (Чысангом), монастырь св. Саввы (с. Хеит, окр. г. Цхинвала) и т.д.

ДЕТАЛИ КОЖАНЫХ ПРЕДМЕТОВ ИЗ МОГИЛЬНИКА КАМУНТА
(СОБРАНИЕ К.И. ОЛЬШЕВСКОГО, ВОШЕДШЕЕ В
СОБРАНИЕ П.С. УВАРОВОЙ)

Соломатина Н.В., Мамонова А.А.

Государственный исторический музей, г. Москва

Из Отдела археологических памятников ГИМ в Отдел реставрации фондов поступили шесть предметов из могильника Камунта: три кожаные пластины с антропоморфными изображениями, кожаный мешочек, круглый кожаный предмет (пластина) и фрагмент кожаного пояса. Предметы поступили для консервации, изучения природы материалов, сохранившихся остатков текстильных нитей и для изучения технологии изготовления.

В публикации П.С. Уваровой о находках из могильника Камунта упоминаются «мешки кожаные <...> круглые <...> и другие, более остроконечной формы» (Уварова, 1900. С. 317. Рис. 248, 249. Табл. СХХV, 15, 16). Рисунки соответствуют предметам 1709/339 и 1709/341 из коллекции ГИМ (рис. 1, 1, 3).

1. Мешочек (оп. Б.1709/337) (рис. 1, 4). Мешочек сшит из тонкой кожи коричневого цвета. Кожа гладкая хорошей выделки. Внешняя поверхность мешочка не декорирована. Изделие выкроено из одного цельного куска кожи, дно цельнокроеное, три боковые стенки ромбовидной формы сужаются к устью. Одна из стенок сильно деформирована и находится между двумя другими стенками внутри мешочка. Кожа сухая с заломами и обрывами, утрачен фрагмент в нижней части. На одной из поверхностей видны продукты коррозии металла, читается след от предмета округлой формы. Края стенок сложены встык, по краю сохранились следы проколов от швов и следы нитей. По краю устья следы проколов от шва «назад иголку».

2. Пластина (оп. Б. 1709/338) (рис. 1, 5). Кожаный предмет округлой формы из кожи. Рядом находился фрагмент пористой субстанции с губчатой структурой. Предмет сшит из двух кожаных пластин, сложенных изнаночной стороной кожи внутрь. Лицевая поверхность гладкая, темно-коричневого цвета. Сшивной шов, «назад иголку», проходит по внешнему краю изделия. Часть края не была зашита, предположительно с целью использования предмета в качестве вместилища. В проколах шва, на некоторых участках сохранились остатки нитей. Вся внешняя поверхность изделия декорирована геометрическим орнаментом. На одной стороне крест вписан в круг, на другой три круга вписаны один в другой, от малого к большому. Орнамент создан срезанием поверхностного лицевого слоя кожи. Кожа предмета сухая, с деформациями, короблениями разрывами и утратами.

3. Пластина ромбовидной формы из кожи (оп. Б 1709/339) (рис. 1, 1). Кожа гладкая, растительного дубления. По краю пластины сохранились проколы сшивного шва. Проколы парные, по оставленным на коже следам, можно предположить, что использовался шов «назад иголку». Фрагмент декорирован антропоморфным изображением, состоящим из геометрических фигур, линии которых сформированы сквозными проколами от вышивки. Голова фигуры в виде ромба, туловище – равнобедренный треугольник, расположенный вершиной вниз, нижняя часть туловища в виде прямоугольника с нижним краем с четырьмя зубцами, в центре прямоугольника помещен круг. Руки фигуры изображены прямыми линиями, опущены вниз, кисти развернуты наружу. Большая часть линий из четырех параллельных рядов проколов, голова из пяти рядов, нижняя часть туловища и вписанный круг – из двух рядов. В проколах швов сохранились остатки нитей. Кожа пластины сухая с незначительными поверхностными загрязнениями.

4. Пластина ромбовидной формы из кожи (оп. Б. 1709/340) (рис. 1, 2). Пластина аналогична предмету 1709/339. По краю следы пришивного шва с парными проколами. Вся

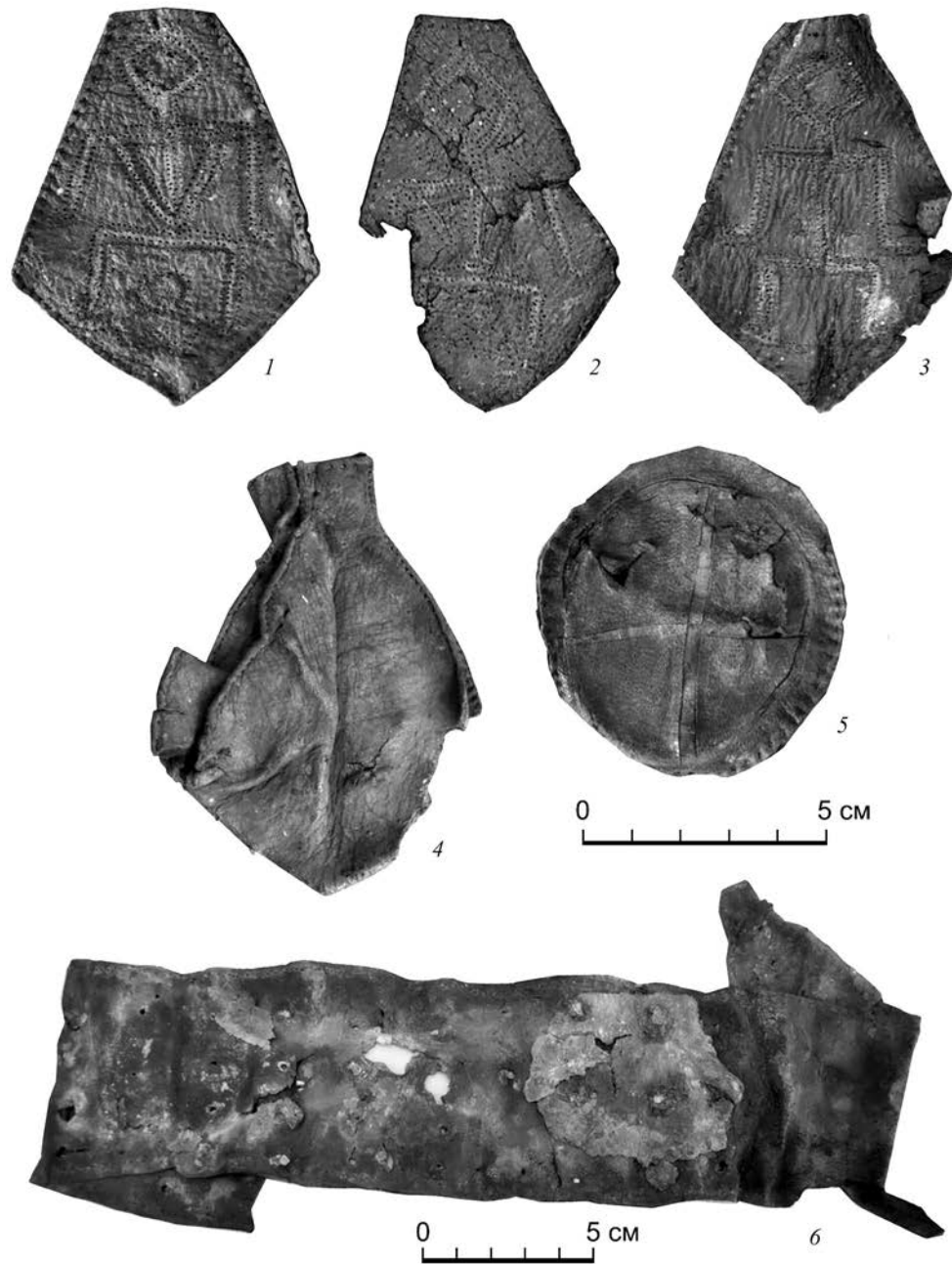

Рис. 1. Детали кожаных предметов из могильника Камунта: 1–3 – пластины с антропоморфным изображением, 4 – мешочек, 5 – пластина, 6 – ремень

поверхность декорирована антропоморфным изображением из линий проколов от вышивки. Фигура состоит из таких же геометрических фигур. Отличие в количестве линий вышивки на голове – четыре линии, пространство над плечами заполнено проколами в виде кругов. Эта пластина хуже сохранилась. Кожа сухая с деформациями и короблениями. По всей поверхности растрескивания, расслоения, срывы лицевого слоя. Утрачен фрагмент слева, разрыв кожи справа.

5. Пластина ромбовидной формы из кожи (оп. Б. 1709/341) (рис. 1, 3). Пластина аналогична рассмотренным предметам 1709/339, 340. По краю пластины также расположены следы пришивного шва с парными проколами. Антропоморфное изображение, заполняющее всю поверхность пластины, сохранилось в виде проколов от вышивки, которая так же, как на рассмотренных пластинах, не сохранилась. На голове количество линий вышивки – четыре,

как на пластине 1709/340. Отличается способ изображения туловища: на данной пластине это линия, продолжающая линию шеи, в нижней части туловища отсутствует круг, вписанный в прямоугольник. Отсутствуют также зубцы на нижней линии прямоугольника, на этой пластине нижняя часть выполнена двумя рядами проколов. Кожа пластины сухая с деформациями и короблениями. По всей внешней поверхности растрескивания, расслоения, срывы лицевого слоя. Справа разрывы с утратами.

В публикации П.С. Уваровой приведено описание пояса, «добытого в Камунте К.И. Ольшевским» (Уварова, 1900. С. 307). Пояс шириной до 9 см в виде кожаной подкладки, на которой, вероятно, располагались бронзовые бляхи, уложенные на древесной коре, следы которой сохранились вместе с бронзовыми гвоздями (Уварова, 1900. С. 307). Описанный пояс соответствует поясу 1709/229 из фондов ГИМ. В описании также упоминаются «нашитые мешки, в которых хранились зеркала», «одиннадцать кусков ремня от пояса с нашитыми на них бронзовыми круглыми бляшками и надетою на конце одного ремня пряжкой» (Уварова, 1900. С. 307) – эти детали отсутствуют на поясе из ГИМ.

6. Ремень (пояс) широкий с бронзовыми заклепками (оп. Б 1709/229) (рис. 1, б). На одной его стороне сохранились следы неизвестного материала, пропитанного продуктами коррозии металлов: меди и железа, предположительно масса для закрепления металлических накладок, которые полностью утрачены. Кожа сильно пересушена, по всей поверхности расслоения и срывы лицевого слоя. По краям заломы, создающие складки, а в центральной части пояса – утраты и разрывы. В местах предположительных креплений накладок, сохранились сильно корродированные столбики из бронзового сплава с железными прямоугольными шайбочками. По краю пояса наблюдаются следы прошивки, по длинным краям и одному короткому – шов «назад иголку», по другому короткому краю – шов «через край». Можно предположить, что к коже был подшита подкладка из другого материала, которая не сохранилась. На некоторых участках швов сохранились остатки нитей. Вдоль трех краев, на которых присутствуют следы данного шва, читается темная полоса вдоль края шириной около 7 мм. В центральной части фрагмента сохранился шов, скрепляющий края отверстия в коже. Темные полосы вдоль длинных сторон и одной из коротких, вероятно, остались от материала, перекрывавшего торцы с подворотом на изнанку изделия, образуя кант по периметру. К сожалению, материал этой обшивки края не сохранился. Между металлом и кожей подкладки, вероятно, находился слой материала, придававший плотность и прочность изделию. Возле законченного края отверстие в кожаной полосе. Его расположение позволяет предположить, что в этом месте крепилась застежка.

Ввиду утраты контекста и уникальности предметов точная датировка их не представляется возможной, однако способ изготовления позволяет отнести их к эпохе средневековья. В данный момент работа по изучению и консервации описанных объектов продолжается.

Литература

Уварова П.С. 1900. Могильники Северного Кавказа. М.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ГОНЧАРСТВЕ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Суханов Е.В.

Институт археологии РАН, г. Москва

*Исследование выполнено по гранту Российского научного фонда № 22-78-00025
«Гончарство населения Северного Кавказа в эпоху раннего средневековья».*

В научной литературе периодически обсуждается вопрос об исходных местах проживания населения, которое около середины VIII века мигрировало с территории Северного Кавказа в Подонье и стало «создателями» салтово-маяцкой археологической культуры. На эту тему высказаны разные точки зрения. Г.Е. Афанасьев считает, что переселенцами были преимущественно выходцы из Кисловодской котловины. Именно в этом микрорегионе в середине VIII века прекратилось функционирование большинства раннесредневековых поселений, что могло быть связано с массовым исходом населения (Афанасьев, Рунич, 2001. С. 22, 23). По мнению В.Ю. Малашева, этой версии противоречит внешний облик салтово-маяцкой посуды, поскольку она имеет гораздо больше сходств с керамикой из восточных районов Северного Кавказа (Габуев, Малашев, 2009. С. 161). Д.С. Коробовым выявлена территориальная особенность погребального обряда северокавказских алан – это расположение покойных головой влево или вправо от входа в камеру. В катакомбных могильниках Среднего Дона встречаются оба варианта, и потому эта информация может использоваться для определения исходных районов проживания донских алан (Коробов, 1999. С. 121). В.С. Аксенов и А.В. Мастыкова отмечают в салтово-маяцких материалах некоторые типы украшений и предметов туалета, маркирующие культуру раннесредневекового населения Западного и Восточного Предкавказья (Аксенов, 2012. С. 183; Мастыкова, 2016. С. 252).

Представленный выше краткий обзор демонстрирует отсутствие единства мнений среди исследователей по этому вопросу. Вполне вероятно, что для обсуждения вопроса о происхождении салтово-маяцкой культуры необходимо опираться на результаты сравнительного изучения тех компонентов культурных традиций, которые массово представлены как в памятниках VIII–IX вв. Подонья, так и в раннесредневековых древностях Северного Кавказа. Перспективной группой источников, претендующей на такую роль, является керамика.

В этой работе представляются новые данные о гончарных традициях раннесредневекового населения Северного Кавказа. Рассматриваются результаты изучения технологии изготовления керамики поселения и городища Верхний Чирюрт – опорного археологического комплекса для изучения культуры населения Приморского Дагестана в хазарскую эпоху. Исследовано 94 керамических образца по методике, разработанной А.А. Бобринским (1978), среди которых 49 экз. представляют собой обломки от кухонных сосудов (горшки), 45 экз. – обломки от столовых сосудов (в основном кувшины).

Результаты исследования показали, что технология изготовления кухонной и столовой посуды из Верхнего Чирюрта существенно различается. Для кухонной керамики характерны использование слабозапесоченных, относительно более «чистых» по составу естественных примесей глин, добавление в формовочную массу дресвы и органических примесей, использование лент при конструировании сосуда. Обжиг сосудов проводился в разной газовой среде: окислительной, полувосстановительной, восстановительной. Для столовой посуды массово зафиксировано использование среднезапесоченных, более «засоренных» глин, добавление в формовочную массу только органической примеси, использование при конструировании

сосуда жгутов, применение восстановительного обжига и чернения, а также иногда лощение внешней поверхности сосудов.

Полученные результаты позволяют сделать несколько самых предварительных выводов о гончарстве раннесредневекового населения Верхнего Чирюрта, в том числе в связи с вопросом о генезисе салтово-маяцких гончарных традиций.

Во-первых, достаточно существенные различия технологии изготовления кухонной и столовой посуды могут свидетельствовать о специализации производства, существовавшей среди местных гончаров. Это явление характерно для достаточно развитых, ремесленных гончарных производств. Ремесленный характер керамического производства на Верхнем Чирюрте подтверждается следами массового использования гончарного круга, зафиксированными в этой работе, и наличием в Приморском Дагестане горнов для обжига посуды (Магомедов, 1983. С. 107–108). Важно при этом подчеркнуть отсутствие веских оснований для того, чтобы считать изготовителей кухонной и столовой посуды Верхнего Чирюрта представителями принципиально разных (например, в этническом отношении) групп населения. По способам изготовления начинов, т.е. по самой устойчивой ступени гончарной технологии, эти две группы керамики однородны.

Во-вторых, технологические различия кухонной и столовой посуды Верхнего Чирюрта в перспективе могут оказаться ценными для исследования происхождения гончарных традиций салтово-маяцкой культуры. В научной литературе популярен тезис о возможности рассматривать разные функциональные категории керамики VIII–X вв. в качестве этнического маркера (подробный обзор: Афанасьев, 2013). Такой подход во многом основан на концепции С.А. Плетневой, в соответствии с которой кухонная и столовая посуда маркируют традиции разных этнических компонентов салтово-маяцкой культуры (Плетнева, 1967. С. 103–134). Результаты изучения верхнечирюртовской керамики свидетельствуют о том, что технологические различия кухонной и столовой керамики вполне могли быть принесены в Подонье в уже «готовом» виде. В пользу этого предположения свидетельствуют результаты изучения керамики из другого раннесредневекового памятника с территории Северного Кавказа – Хумаринского городища. В этом памятнике технологические различия между кухонной и столовой посудой не такие существенные, как в Верхнем Чирюрте, однако они присутствуют и проявляются на уровне навыков составления формовочных масс: массовое использование песка для кухонной керамики, и дресвы – для столовой посуды (Суханов, 2020. С. 185–186).

Литература

- Аксенов В.С. 2012. Ранняя группа личных украшений салтовского населения Подонцовья (по материалам погребений с фибулами Нетайловского могильника) // Древности. Том 11.
- Афанасьев Г.Е., Рунич А.П. 2001. Мокрая Балка. Вып. 1: Дневник раскопок. М.
- Афанасьев Г.Е. 2013. Кухонная посуда салтово-маяцкой культуры – этномаркирующий признак? // РА. № 3.
- Бобринский А.А. 1978. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.
- Габуев Т.А., Малашев В.Ю. 2009. Памятники ранних алан Центральных районов Северного Кавказа. М.
- Коробов Д.С. 1999. Социальная организация алан Северного Кавказа IV–IX вв. н.э. Дисс. канд. ист. наук. М.
- Магомедов М.Г. 1983. Образование Хазарского каганата (по материалам археологических исследований и письменным данным). М.
- Мастыкова А.В. 2016. Зеркала типа Карповка: к вопросу о формировании салтово-маяцкой культуры Среднего Дона // Дивногорский сборник: труды музея-заповедника Дивногорье. Вып. 6. Воронеж.
- Плетнева С.А. 1967. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М.
- Суханов Е.В. 2020. Керамика Хумаринского городища (материалы раскопок 2007–2017 годов) // Хумаринское городище. Итоги междисциплинарных исследований. М.

ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЙ ВНУТРЕННЕГО ПРОСТРАНСТВА СРЕДНЕГО ЗЕЛЕНЧУКСКОГО ХРАМА НА ГОРОДИЩЕ НИЖНИЙ АРХЫЗ

Чхаидзе В.Н.¹, Виноградов А.Ю.², Белецкий Д.В.³

¹*Институт археологии РАН, г. Москва*

²*Институт востоковедения РАН, НИУ «Высшая школа экономики», г. Москва*

³*Независимый исследователь, г. Москва*

Изучение городища Нижний Архыз продолжается более 150 лет. Традиционно большая часть изысканий на памятнике была обусловлена наличием на нем трех полностью сохранных купольных церквей X–XIII вв. и велась историками архитектуры (Белецкий, Виноградов, 2011. С. 67–178, 353–365, 388–391; 2021. С. 94–155, 170–182).

Северный Зеленчукский храм и прилегающий к нему некрополь был полностью исследован в 1960–1964 и 1968–1969 гг. Северо-Кавказской экспедицией Института археологии АН СССР (Кузнецов, 1993. С. 87–89, 159–180. Рис. 57–58, 118; 2017. С. 110–115, 209–240). Южный Зеленчукский храм археологически не изучен и его исследование предстоит в дальнейшем. Средний Зеленчукский храм (рис. 1) полностью исследован в 2018–2023 гг. совместной Нижне-Архызской экспедицией Института археологии РАН, Института востоковедения РАН и НИУ Высшая школа экономики. Основной задачей работ являлось установление хронологии строительства храма, выявление его функциональной структуры, изучение погребений внутри храма, а также прихрамового некрополя, раскопки которого продолжаются по настоящее время (Чхаидзе и др., 2019. С. 161; 2020. С. 323–324; 2021. С. 299; 2022а. С. 293–295. Рис. 1; Чхаидзе, Виноградов, 2020. С. 165–166. Рис. 2–4).

Средний Зеленчукский храм построен в X в. Первоначально это купольный храм типа полусвободного латинского креста с восточными пастофориями и тремя апсидами; после перестройки кон. XIX в. – купольный храм типа вписанного креста простого извода без свободно стоящих опор, с тремя апсидами. Длина храма без центральной апсиды и притвора – 14,86–14,9 м, с апсидой – ок. 17,55 м, ширина – ок. 15,55 м (Кузнецов, 1993. С. 89–91. Рис. 59; 2017. С. 115–119; Белецкий, Виноградов, 2021. С. 94–131. Рис. 55–91).

В результате раскопок в юго-восточном приделе и южном рукаве (шурф 2) выяснено, что древний пол практически полностью разрушен в ходе монашеской реставрации XIX в.: обнаружены фрагменты двух последовательных древних полов, известкового и цемянкового.

В западном рукаве на уровне пилястров открыт ленточный фундамент из камня (опора каменных хор) (шурф 1, раскоп I). Основание для предполагавшихся опор, которое, однако, не было использовано, в южной части было пробито для устройства трех грунтовых христианских погребений. Центральное, женское погребение – в плитовом ящике. Два женских грунтовых погребения к югу совершены в гробах, на что указывают находки гвоздей. Одно из погребений, безынвентарное, другое – детское, содержало ожерелье из 10 бусин и бронзовое зеркало в кожаном чехле. Помимо этого, в северо-западном углу открыты еще два плитовых ящика, в которых совершены два безынвентарных погребения. Погребения вторичны, так как кости первоначально захороненных в обоих ящиках двух человек были вынуты и сложены с внешней стороны северной гробницы. В юго-западном углу раскопа открыт хорошо сохранившийся фрагмент древнего цемянкового пола со следом ножки деревянной лавки, стоявшей у стены. Обнаружены фрагменты осыпавшихся оригинальных фресок и слой обрушения монашеской штукатурки.

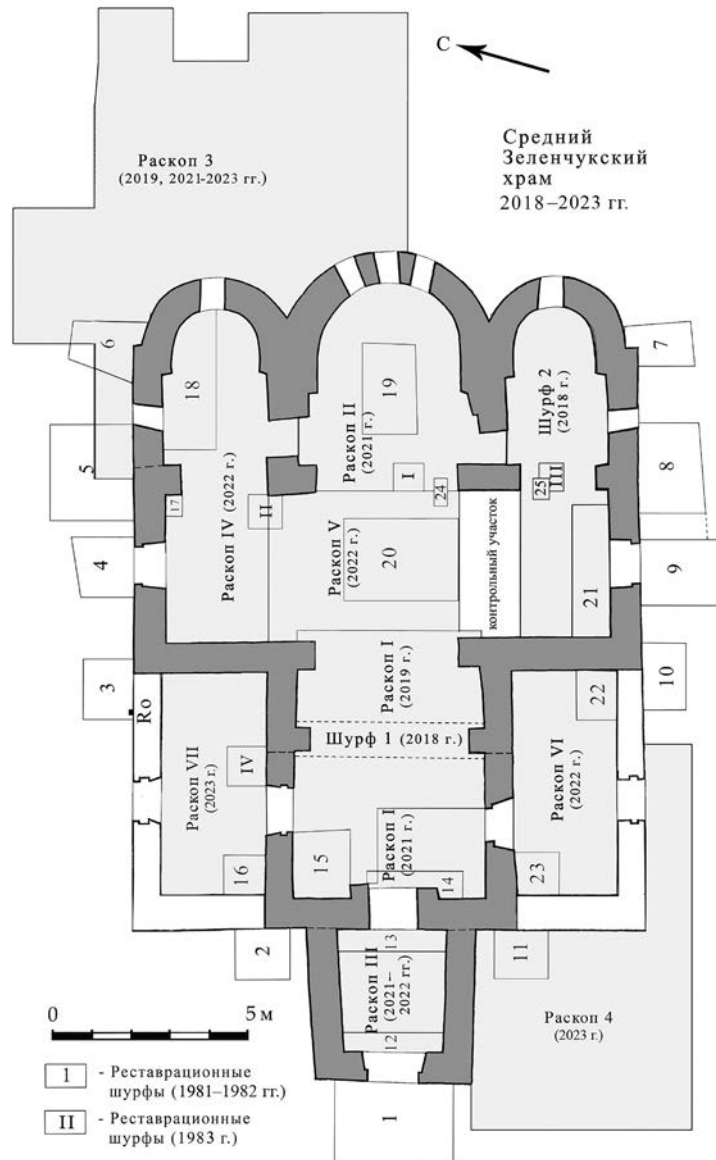

Рис. 1. Средний Зеленчукский храм.
План расположения шурфов и раскопов (2018–2023 гг.)

Раскоп III был заложен в западном притворе. Здесь открыты шесть безынвентарных погребений в чеиырех каменных ящиках (в двух – по два погребения), расположенных по два вдоль северной и южной стен, а также 12 погребений, уложенных одно на другое и располагавшихся по центру притвора, который использовался как семейный склеп.

По результатам работ на двух этих раскопах проведены комплексные антропологические исследования, в т.ч. выполнены реконструкции лиц по черепу (Чхаидзе и др., 2022б. С. 296–297; 2023. С. 250–254. Рис. 2–5).

Раскоп II занял всю центральную апсиду. Здесь исследован трехступенчатый цоколь и фрагменты двух последовательных полов – известкового и цемянкового. Можно полагать, что центральная апсида полностью перекопана братьями Нарышкиными в 1867 г. (Нарышкины, 1877. Стб. 363–366).

Раскоп IV был заложен в северной апсиде храма. В его западной части выявлена каменная выкладка, прослеженная на раскопе V, прирезанным с юга. Каменная выкладка являлась основой под древний пол. В виме северного придела открыт каменный фундамент, скрепленный известковым раствором (уложен по линии север-юг). Поверх него находилась каменная

кладка, впоследствии разобранный (могла служить для укрепления северной пилястры). Еще одна каменная выкладка (север-юг с поворотом вдоль северной стены на запад-восток), частично разрушенная, открыта в апсиде и могла предназначаться для укрепления ее фундаментов.

С внешней стороны храма у северной апсиды заложен раскоп 3, где вскрыты 25 плитовых ящиков и гробниц. Плитовые ящики расположены в три слоя. Выявлено 15 погребений, частью фрагментированных. Погребения совершались по христианскому обряду; все они безынвентарные (за исключением одного – содержавшего серебряное зеркало, находившееся в кожаном чехле) (Чхаидзе и др., 2022б. С. 297–298).

Одной из задач экспедиции являлось изучение хронологии строительства и изменения планировки Среднего Зеленчукского храма, в частности – исследование южной и северной пристроек храма. В ходе работ было полностью раскопано внутреннее пространство южной пристройки храма, а также обследованы ее стены снаружи (раскопы VI и 4). В 1896–1897 гг. храм был «реконструирован» и видоизменен монахами Зеленчукского Александро-Афонского монастыря (существовал до 1920-х гг.), соорудившими здесь боковые пристройки (Кузнецов, 2017. С. 115).

Внутри южной пристройки, в границах всей ее площади, были выявлены 13 плитовых ящиков. В центральной части раскопа они располагались в два уровня. Здесь находились гробницы в рост человека и небольшие по размерам костницы. При последующих работах вдоль внешних сторон южной и западной стен пристройки было установлено, что западный и южный фундаменты пристройки, сложенные из крупного булыжника и плитняка с плотной забутовкой из более мелких камней, перекрывают плиты средневековых гробниц (здесь открыто 15 плитовых ящиков).

Немногочисленный керамический материал, обнаруженный при проведении работ, позволяет датировать время функционирования храма X–XIII вв.

Литература

- Белецкий Д.В., Виноградов А.Ю.* 2011. Нижний Архыз и Сенты – древнейшие храмы России. Проблемы христианского искусства Алании и Северо-Западного Кавказа. М.
- Белецкий Д.В., Виноградов А.Ю.* 2021. История и искусство христианской Алании. 2-е изд., испр. М.
- Кузнецов В.А.* 1993. Нижний Архыз в X–XII веках. К истории средневековых городов Северного Кавказа. Ставрополь.
- Кузнецов В.А.* 2017. Нижний Архыз и раннее православие. Аланская епархия в X–XII веках. Пятигорск.
- Нарышкины, 1877: Отчет гг. Нарышкиных, совершивших путешествие на Кавказ (Сванетию) с археологической целью, в 1867 году // Известия РАО. Т. VIII. Вып. 4. СПб.
- Чхаидзе В.Н., Виноградов А.Ю.* 2020. Средний Зеленчукский храм на Нижне-Архызском городище. Раскопки 2018–2019 гг. // Христианство в археологических и письменных источниках. Материалы IX международной научной конференции по церковной археологии. Симферополь.
- Чхаидзе В.Н., Виноградов А.Ю., Белецкий Д.В., Дружинина И.А.* 2019. Новые находки в Среднем Зеленчукском храме в 2018 году // Кавказоведение: опыт, проблемы, перспективы. Материалы Всероссийской научной конференции. Карачаевск.
- Чхаидзе В.Н., Виноградов А.Ю., Белецкий Д.В., Дружинина И.А.* 2020. Исследования Сентинского и Среднего Зеленчукского храмов в Карачаево-Черкесии // АО 2018 г. М.
- Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А., Виноградов А.Ю., Белецкий Д.В.* 2021. Исследования в Карачаево-Черкесии: Сентинский храм, Средний Зеленчукский храм, Нижне-Архызское городище // АО 2019 г. М.
- Чхаидзе В.Н., Виноградов А.Ю., Белецкий Д.В.* 2022а. Новейшие исследования Среднего Зеленчукского храма на городище Нижний Архыз // Древние и средневековые культуры Кавказа: открытия, гипотезы, интерпретации. XXXII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции по археологии Северного Кавказа, посвященной 125-летию раскопок Майкопского кургана. Майкоп, 18–23 апреля 2022 г. Майкоп, 2022.

- Чхаидзе В.Н., Бабенко А.Н., Гольева А.А., Дружинина И.А., Медникова М.Б.* 2022б. Некрополь Среднего Зеленчукского храма: результаты комплексных исследований материалов раскопок 2019 г. // Древние и средневековые культуры Кавказа: открытия, гипотезы, интерпретации. XXXII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции по археологии Северного Кавказа, посвященной 125-летию раскопок Майкопского кургана. Майкоп, 18–23 апреля 2022 г. Майкоп, 2022.
- Чхаидзе В.Н., Виноградов А.Ю., Дружинина И.А., Рассказова А.В.* 2023. Грозою будь еретиков, опорой православных: погребение воина из Среднего Зеленчукского храма // Востоковедные полевые исследования. Материалы Всероссийской научной конференции 2021–2022 гг. Том 2. М.

НОВЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ КАВКАЗА – СРЕДНЕВЕКОВЫЙ МОГИЛЬНИК В МАМИСОНСКОМ УЩЕЛЬЕ РСО – АЛАНИЯ

Чишиев В.Т.

Институт истории и археологии РСО – Алания, г. Владикавказ

В 2022 г. в процессе подготовительных работ по созданию Всесезонного туристического комплекса «Мамисон» нами были произведены охранно-спасательные раскопки на территории средневекового некрополя «Могильник у святылища Дамбадели / Мады Майрам». Памятник находится в высокогорье Алагирского района РСО – Алания, на левом берегу р. Мамисондон в с. Камсхо, на пути транскавказской Военно-Осетинской дороги, относительно недалеко от трех перевалов – Кударского, Козского и Мамисонского, ведущих в Закавказье.

Обряд захоронения могильника представляет собой, за небольшим исключением, вытянутые на спине погребения, ориентированные головой на юго-запад. В нескольких случаях зафиксированы захоронения со слегка подогнутыми ногами. Руки погребенных вытянуты вдоль тела или сложены кистями вместе в области паха. Как правило, захоронения взрослых людей произведены в прямоугольных «ящиках», сооруженных из широких и толстых деревянных плах с распорками в середине и на торцах. Во многих случаях погребения обложены валунами, в нескольких случаях зафиксировано перекрытие погребений уплощенными сланцевыми плитами и устройство из сланцевых плит «каменных ящиков». Многие захоронения потревожены или разрушены вследствие позднейших перекопов.

В ряде случаев в верхней части засыпки погребальной ямы обнаружены древесные угольки, поверхность деревянных плах гробовины обуглена. На наш взгляд, это является частью погребального обряда, огневой ритуал – разведение небольшого костра на крышке ящика или, в некоторых случаях, на каменном перекрытии погребения перед засыпкой погребальной ямы.

Еще один необычный элемент погребальной обрядности был выявлен в погребении № 95. Здесь в обложенной камнями прямоугольной яме находился ориентированный, как и другие захоронения, головой на юго-запад костяк взрослого человека. Погребенный был уложен в вытянутом положении лицом вниз, на животе, руки, судя по их положению, были связаны, а непосредственно на шею был помещен большой камень.

Наконец, как минимум в двух погребениях могильника была зафиксирована такая необычная черта обрядности как вложение крупного камня в рот покойного. Аналогий этому обряду в литературе нам пока обнаружить не удалось.

Достаточно много в комплексах могильника бронзовых перстней со щитками, в том числе подпрямоугольной (рис. 1, 20) и овальной формы, без вставок или с имитацией круглой вставки, как в катакомбе «Д» Чми, катакомбе 10 Дагомского могильника, катакомбах Даргавса (Хайнрих, 1995. С. 225. Табл. 23, 2; Шестопалова, 2019. С. 285. Рис. 39, 23/2; Успенский, Албегова, 2021. С. 223. Рис. 84, 4). Обращает на себя внимание полное отсутствие перстней со стеклянными вставками. В комплексах Даргавского могильника, расположенного в одном из соседних ущелий, они исчезают около середины X в. (Успенский, Албегова, 2021. С. 105. Рис. 86).

В погребениях «Могильника у святылища Дамбадели / Мады Майрам» найдены также бронзовые Т-образные шарнирные фибулы со слабым смещенным к ножке прогибом спинки,

завитком на ножке, высоким приемником и железной иглой (рис. 1, 13–14). Близкие по типу, форме и, в ряде случаев, даже орнаментике на дужках фибулы известны в ближайших катакомбных могильниках Чми, Кобан, Даргавс. Относительно крупный размер мамисонских фибул позволяет соотнести их с находками из катакомб Даргавса 36, датируемой временем не ранее IX в., и 1 (не ранее рубежа IX–X вв.) (Дзаттиаты, 2014. Табл. IV, 21; LXXVI, 51; Успенский, Албегова, 2021. С. 115, 182. Рис. 38).

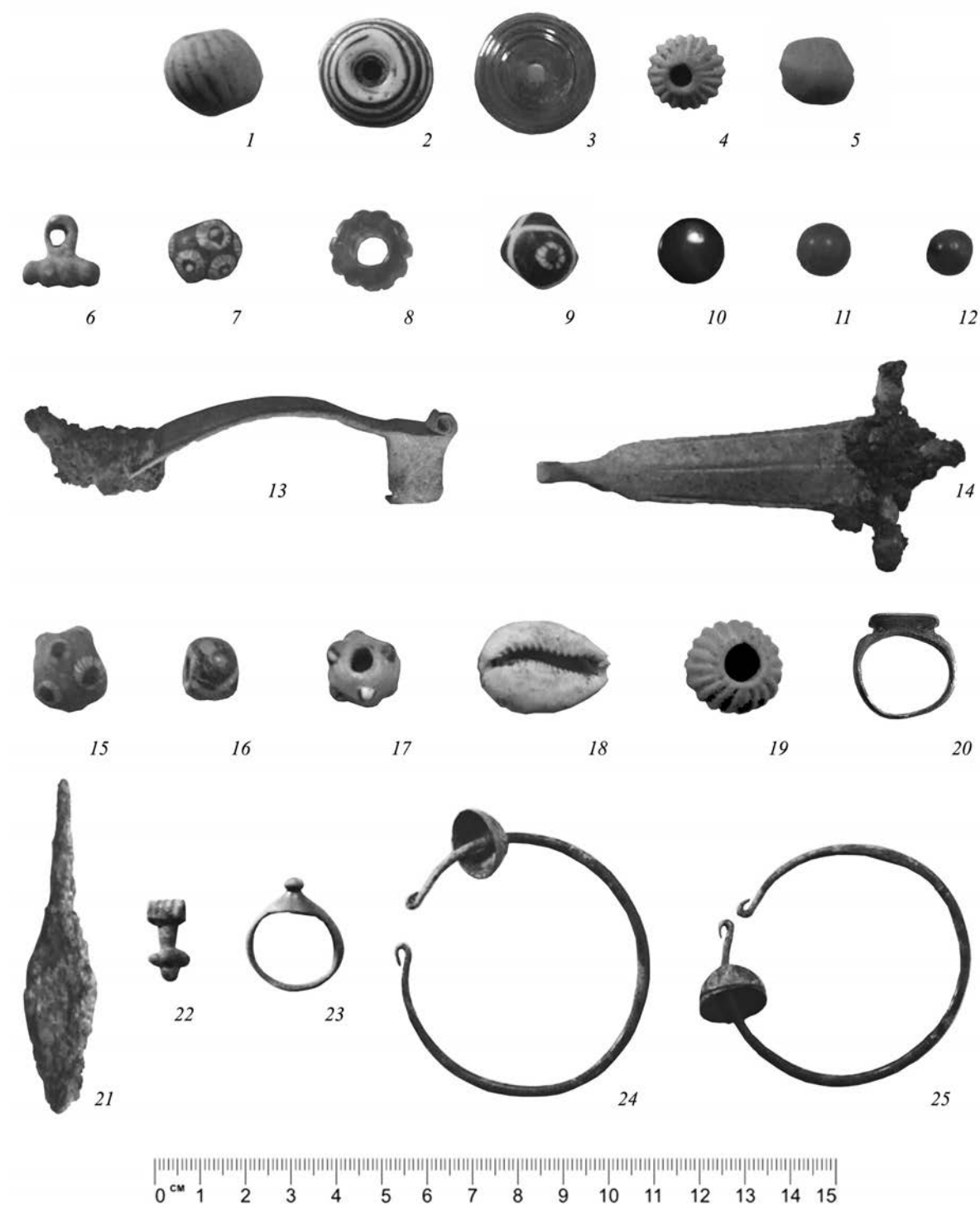

Рис. 1. Материалы «Могильника у святилища «Дамбадели/Мады Майрам (Северная Осетия – Ала-ния). 1–5 – погребение 101; 6–12, 15–19 – погребение 50; 13–14 – погребение 30; 20 – погребение 125; 21 – погребение 26; 22–25 – погребение 165

Разнообразны найденные в захоронениях бусы: стеклянные глазчатые нескольких цветов, стеклянные шаровидные ребристые, сердоликовые шаровидные и колесовидные, стеклянные дисковидные украшенные спиральным узором синего цвета, стеклянные биконической формы, стеклянные цилиндрические с рифлением, круглые рифленые фаянсовые и др. (рис. 1, 1–5, 7–12, 15–17, 19). Аналогии этих бус известны не только на Кавказе, но и далеко за его пределами. Ближайшие из них мы находим в Змейском могильнике (Доброва, Леонтьева, 2020).

Интересны стеклянные дисковидные (или усечено-конические) бусы с рифлением и без (рис. 1, 2–3). Разновременные аналогии им найдены на Южном Кавказе и Сирии (Гаглоев, 1984. С. 36; Аракелян, 1957. С. 82. Рис. 58 б; Асланов, 1955. С. 68, 70. Рис. 29, 16). Однако, ближайшие происходят из катакомбы 1 Даргавса (Дзаттиаты, 2014. С. 61. Табл. V, 53), датирующейся временем не ранее рубежа IX–X вв.

Нередки в рассматриваемом могильнике пуговицы в виде круглых полых бронзовых бубенчиков и литые пуговицы грушевидной формы с петлей, аналогии которым многочисленны в средневековых комплексах Даргавса, Кобана, Чми.

Отметим и наличие в ряде женских погребений памятника раковин каури, височных колец (рис. 1, 18, 24, 25), в одном из мужских погребений – компактного скопления 24 альчиков ягненка в ногах.

Вещевой инвентарь могильника, как отмечалось выше, находит аналогии в многочисленных памятниках эпохи средневековья. Но, вероятно, наиболее близкие и территориально, и хронологически аналогии пока можно отметить среди материалов Даргавса. На начальном этапе исследования, можно предварительно датировать основную массу погребений могильника рубежом IX–X – началом XII вв., не исключая погребения IX в. Уточнение верхней даты могильника нуждается в дополнительных исследованиях ряда находок, аналогий которым пока найти не удалось.

Почти весь инвентарь погребений «Могильника у святылища Дамбадели / Мады Майрам» представлен украшениями и атрибутами одежды. Импортные аксессуары одежды населения, оставившего могильник, связано с контролем этим населением участка оживленной караванной трассы, непосредственно примыкающего к удобному и популярному транскавказскому переходу, ведущему в Закавказье, Малую Азию, к Черному морю и т.д. – Мамисонский перевал. Отсутствие оружия (за единичными исключениями – рис. 1, 21), заупокойной пищи, жертвенных животных, типичных в эту эпоху для северокавказского населения, в том числе для аланских памятников региона, позволяет предполагать, что население, оставившее этот могильник, в той или иной степени было христианизировано.

В тоже время, следы огневого ритуала, помещение в ряде случаев в погребения игральные астрагалы – альчиков, раковин каури, может свидетельствовать о сохранении в этом обществе части традиционных дохристианских ритуалов, представлений.

Литература

- Аракелян Б.Н.* 1957. Гарни II // Археологические раскопки в Армении. № 7. Ереван.
- Асланов Г.М.* 1955. К изучению раннесредневековых памятников Мингечаура // КСИИМК. Вып. 60.
- Гаглоев Р.Х.* 1984. Стырфазский могильник (I–V вв. н.э.). Цхинвали.
- Дзаттиаты Р.Г.* 2014. Аланские древности Даргавса. Владикавказ.
- Успенский П.С., Албегова (Царикаева) З.Х.-М.* 2021. Древности Центрального Кавказа VIII–XIII вв. (по материалам Даргавского могильника). М.
- Шестопалова Э.Ю.* 2019. Древний Дагом. По материалам археологических раскопок Дагомского катакомбного могильника VI–VIII вв. н.э. Владикавказ.
- Хайрих А.* 1995. Раннесредневековые катакомбные могильники у селений Чми и Кобан (по материалам Венского Естественно-Исторического музея // Аланы: История и культура. Вып. 3. Владикавказ.
- Доброва О.П., Леонтьева А.С.* 2020. Бусы Змейского катакомбного могильника из раскопок 2013–2014 гг. // Бакушев М.А., Леонтьева А.С. Змейский катакомбный могильник. Материалы раскопок 2013–2014 гг. Т. I. М.

ГРУНТОВЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В ГОРНЫХ РАЙОНАХ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ

Шестопалова Э.Ю.

Институт истории и археологии РСО – Алания, г. Владикавказ

Представленные в статье грунтовые погребения были обнаружены в 1996–2002 гг. в ходе раскопок автора Архонского катакомбного могильника VII–IX вв. Впервые 13 грунтовых погребений в окрестностях с. Архон были исследованы П.С. Уваровой (Уварова, 1900. С. 332–335).

Погребения имеют ряд общих признаков: индивидуальность усыпальниц; ямы ориентированы по линии З-В; положение погребенных вытянутое на спине головой на запад; руки вытянуты вдоль тела, кисти в области тазовых костей; ритуальное использование угля. Однако, отмечается типовое разнообразие сооружений, характерное для определенных хронологических периодов позднего средневековья.

Тип 1. Ямы вытянуто-овальной формы с перекрытиями из уплощенных массивных камней (рис. 1, 1). К этому типу отнесены пять мужских, одно женское и пять детских погребений (погребения 1–11). Погребальные сооружения для всех возрастных категорий выполнялись по одним правилам. Ямы по размерам соответствовали росту погребенного, но отличались узостью. Длина ям взрослых индивидов 165–187 см, ширина 35–50 см, глубина 9–47 см. Исключение – мужское погребение 5, в котором длина ямы до 230 см. Длина ям детских погребений 50–130 см, ширина 20–34 см, глубина 20–24 см.

Для перекрытия ям отбирались массивные плиты (4–6 плит), по размеру уменьшающиеся к ногам или приблизительно равного размера. Отмечены следы их обработки. Плиты перекрывали яму поперек и превышали ее размеры, иногда значительно. Фиксируются с уровня древней дневной поверхности. Как дополнительные элементы в кладке использовались камни меньшего размера, которыми закрывали пространство между плитами, или укладывали компактно в ногах, использовалась также забутовка из мелких камней и щебня с применением прочного глинистого раствора. Перекрытия детских погребений состояли из 2–3 плит с забутовкой.

Костные останки взрослых в основном сохранились в анатомическом порядке, гендерных и возрастных отличий в расположении погребенных нет. Отмечены случаи использования угля на полу ям в виде густой угольной подсыпки, толщиной 7–8 см, в виде отдельных россыпей и единичных угольков в области черепа, тазовых костей и рук, а также заполнение ямы тщательно просеянным грунтом.

Погребальный инвентарь малочислен. В основном это бронзовые пуговицы в области шеи, груди и таза, бубенчики, раковина каури, железные ножи, кресало, ременные кольца, вильчатый наконечник стрелы. В детских погребениях найдены бусины, раковина каури, кусочки горного хрусталя, железный нож и колечко, фрагмент стеклянного сосуда, бронзовые серьги, фрагмент челюсти барана.

Тип 2. Погребальное сооружение в виде каменной гробницы с перекрытием из сланцевых плит.

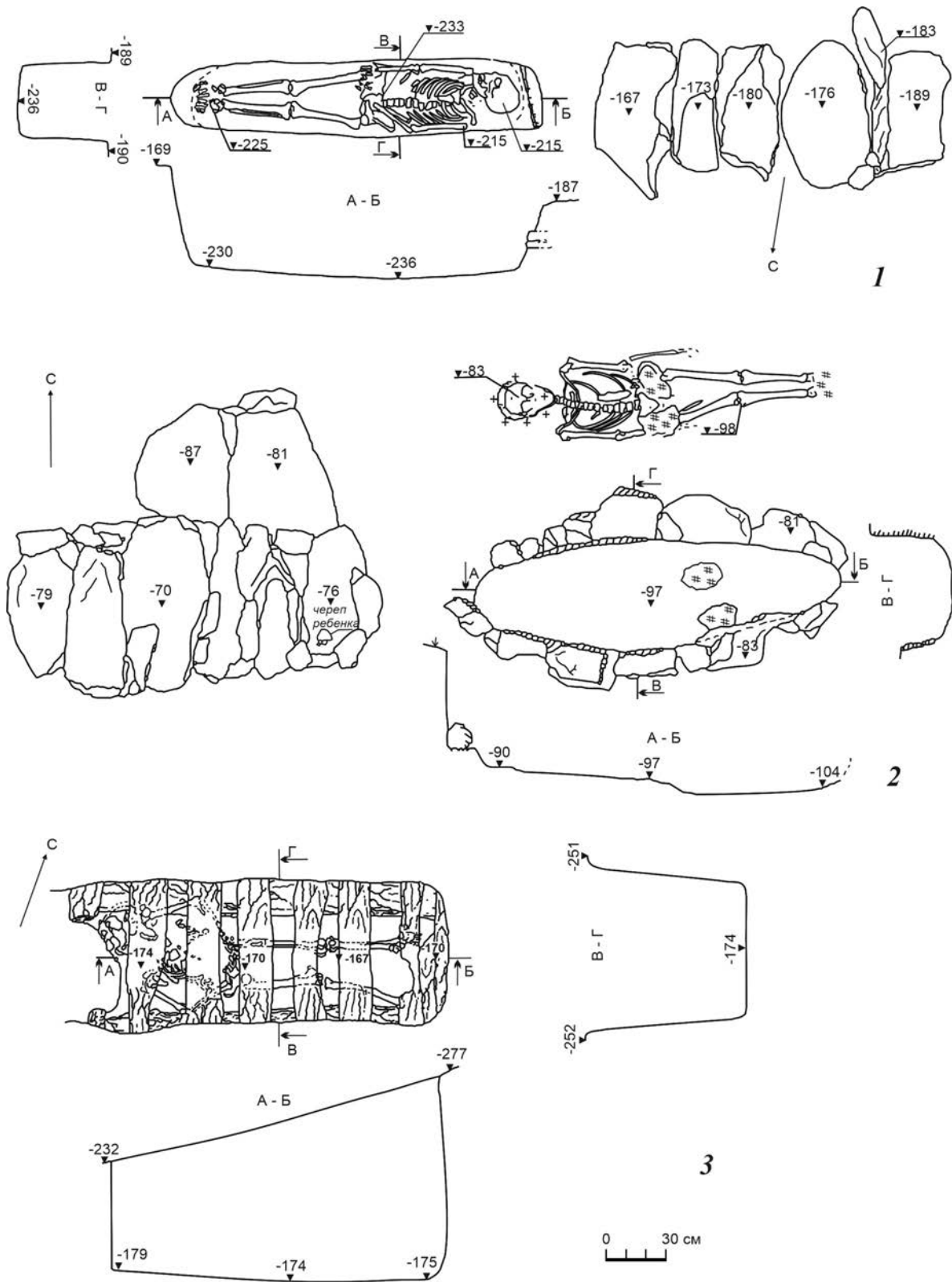

Рис. 1. Позднесредневековые погребения: 1 – тип 1, погребение 2; 2 – тип 2, погребение 12; 3 – тип 3, погребение 13

Погребение 12 мужское (рис. 1, 2). Яма эллипсоидной формы, ее дно фиксируется на уровне 150 см от современной дневной поверхности (далее СДП), была заполнена просеянной землей. Длина ямы 187 см, ширина 59 см, глубина 20–35 см.

Стены ямы по периметру были обложены камнями и сланцем в виде каменной гробницы, повторяющей форму ямы. Камни были уложены на дно в два ряда вертикально и скреплены раствором из мелкого щебня, замешанного на глине. Высота каменной обкладки до 50 см; кладка возвышалась над верхним уровнем ямы на 20–25 см. Перекрытие состояло из семи массивных сланцевых плит, уложенных поперечно на верхний ряд камней гробницы с тщательной забутовкой мелкими камнями и обломками сланца на глинистом растворе. Костные останки сохранились в анатомическом порядке. Под черепом и тазовыми костями зафиксирована угольная подсыпка. Под черепом раковина каури, справа железное кольцо; у бедра правой ноги нож. На плитах перекрытия (в ногах) зафиксированы фрагментированные останки младенца. Определить положение и время погребения невозможно.

Тип 3. Погребения в прямоугольных ямах с деревянными конструкциями. Все погребальные сооружения отличаются друг от друга.

Погребение 13 мужское (рис. 1, 3). Дно ямы зафиксировано на уровне 90 см от СДП, длина ямы 170 см, ширина 65–74 см, глубина ямы 55–93 см (яма впущена в склон с дневной поверхности, ориентирована по склону З-В). Пол ямы покрыт сплошным деревянным настилом из тщательно подогнанных поперечных плах, стены были обложены плахами неравномерно (сохранность дерева плохая). Перекрытие состояло из семи поперечных плах, расположенных на расстоянии 10–15 см друг от друга, плахи опирались на торцы деревянного обклада стен. Костные останки погребенного сохранились в анатомическом порядке, отсутствуют кости правой стопы. В области локтя левой руки обнаружены два наконечника стрел, в области черепа – бубенчик, в области грудной клетки – бубенчики, пуговицы.

Погребение 14 мужское. Дно ямы зафиксировано на уровне до 190 см от СДП, длина ямы 220 см, ширина 84 см, глубина до 45 см. Стены западной половины камеры были обложены деревянными плахами, уложенными горизонтально вдоль стен, прослеживаются в стенах ямы на высоту 10–15 см. Перекрытия ямы не зафиксировано. Костные останки сохранились в анатомическом порядке. Под черепом и плечами отмечен угольный слой: отдельные россыпи в области тазовых костей и правой руки. Справа от погребенного находился лук, на уровне бедра – железный наконечник стрелы и нож; в области шеи, груди и таза – пуговицы.

Погребение 15 ребенка женского пола 6–7 лет. Дно ямы фиксируется на уровне 200–240 см от СДП, длина ямы 95 см, ширина 52 см, глубина до 22 см. Деревянная конструкция сооружена из бревен, распиленных пополам и широких плах. Обкладка стен прослеживается по всему периметру ямы, ее высота от пола 18–21 см, толщина 10–12 см. Перекрытие ямы состояло из деревянных плах, уложенных поперечно на торцы обклада стен. Положение ребенка скорчено на правом боку, лицом на юг, ноги сильно согнуты. В области груди найден фрагмент пуговицы.

Заключение. Нами проанализированы данные 15 грунтовых погребений, представленных тремя типами.

Погребения *1 типа* заложены приблизительно в одном слое, на глубину до 70 см от СДП, размеры ям аскетичны. Об одном хронологическом периоде и синхронности погребений говорит идентичность бронзовых бубенчиков и пуговиц, а также почти полная идентичность двух железных ножей из мужского погребения 2 и детского погребения 7. Анализ материала позволил датировать эти захоронения XIII–XIV вв. Этот тип погребальных сооружений имеет многочисленные аналогии в горных районах и на низменности. С некоторыми отличиями он просуществовал вплоть до XVII в.

Единственное погребение *2 типа* отличается сложностью и тщательностью выполнения конструкции из сланцевых плит. Его также можно отнести к одному периоду с погребениями *1 типа*.

Погребения *3 типа* более ранние, они заложены на глубину до 240 см от СДП. Выделяются прямоугольной формой и более просторными размерами ям, а также деревянными

конструкциями. Погребение 15 ребенка в позе характерной для женских погребений катакомбных захоронений, возможно, относится к начальному этапу смены погребального обряда, когда еще сохранялась память о ритуальной практике предшествующего времени. Материал (наконечники стрел, костяные накладки лука, пуговицы) позволяет датировать погребения *3 тина* предположительно X–XII вв.

Многовековое могильное поле в Архоне функционировало, вероятно, без длительных временных перерывов, с VII в. до позднего средневековья, что дает возможность проследить изменение и преемственность погребальной обрядности, материальной культуры, религиозных представлений и возможную генетическую связь народа, населявшего эти места с древнейших времен.

Литература

Уварова П.С. 1900. Могильники Северного Кавказа. М.

ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЗООЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ НА ГОРОДИЩЕ
ВЕРХНИЙ ДЖУЛАТ (ТАТАРТУП) В 2018–2021 гг.

Яворская Л.В.¹, Леонтьева А.С.²

¹Институт археологии РАН, г. Москва

²ООО «Культурное наследие», г. Москва

*Анализ археозоологических коллекций выполнен по теме государственного задания
№ НИОКТР 122011200264-9.*

Верхнеджулатское городище расположено на левом берегу р. Терек в Эльхотовских воротах в Кировском районе РСО – Алании. Археологические работы на памятнике проводились с 1958 по 1962 гг. (Козенкова и др., 1963; Милорадович и др., 1960; Полн. науч. отчет, 1959; 1962), возобновлялись по разным поводам в 1978 (Кузнецов, 1978), в 2005 (Царикаева (Албегова), 2006), в 2017 (Шестопалова, 2018) и в 2018 гг. (Кесати, 2019). Уже первыми исследованиями были получены данные о функционировании городища с X по конец XIV в.

В 2018 г. по периметру городища А.С. Леонтьевой исследовано 8 шурфов (Леонтьева, 2021. С. 183–203) с целью уточнения мощности и характера культурного слоя. В 2021 г. исследовательницей заложен раскоп для поиска ненарушенного культурного слоя и закрытых комплексов двух периодов истории памятника – X–XII вв. и XIII–XIV вв. Раскоп 2021 г. расположен в 122 м к ЮЮЗ от Татартупского минарета. На площади 57,77 м² зафиксированы объекты середины – конца XII – XIII–XIV вв.: 3 постройки, 2 печи/очага, 14 хозяйственных ям и 9 погребений. В результате работ 2018 и 2021 гг., проведенных А.С. Леонтьевой, получен богатейший массовый материал, представленный преимущественно фрагментами керамической посуды, насыщенный костными остатками животных.

Определения остеологических коллекций для городища Верхний Джулат уже проводились. Преимущественно это были работы В.И. Цалкина, результаты которых приложены к археологическим отчетам о раскопках городища в 1958–1959, 1961–1962 гг. (Козенкова и др., 1963. С. 6; Милорадович и др., 1960. С. 47–50, 57; Полн. науч. отчет, 1959. С. 94, 98–101; 1962. С. 23). Получены сведения о видовом наборе костных остатков. Основное место в нем принадлежит остаткам домашних копытных, есть кости домашних помощников и диких млекопитающих, также присутствуют кости птиц и рыб.

В 2022 г. были проведены исследования костных остатков животных, полученных из работ А.С. Леонтьевой – шурфовок 2018 г. и раскопа 2021 г. Работа проводилась по методической схеме, разработанной в ИА РАН специально для палеоэкономических реконструкций (Антипина, 2004). Эта схема уже свыше 30 лет используется для большинства памятников Кавказа и сопредельных территорий от эпохи бронзы до позднего средневековья, что дает возможность сравнивать коллекции между собой, выявлять специфику.

Коллекция из шурфовок 2018 г. составила 353 костных фрагмента. Видовой набор полностью соответствует тому, который выявлен исследованиями В.И. Цалкина.

Остеологическая коллекция костных остатков животных из раскопок 2021 г. составляет 2315 фрагментов. Сохранность костных фрагментов хорошая, фиксируются всевозможные следы искусственного воздействия. В хозяйственной постройке 17 фиксируется свыше 30% костей со следами воздействия огня, то есть, выявлен локальный пожар. Наиболее

многочисленные следы связаны с «кухонным» характером накопления костных остатков: все объекты заполнены костями со следами порубов (42,5%), «кухонного» дробления (33%), лезвия ножа (1,4%), погрызов (3,1% – преимущественно это следы зубов собак). Эти следы равномерно распределены по выборкам из культурного слоя и объектов данного раскопа.

Индекс раздробленности невысокий – в среднем 20 фр. в 1 куб. дм, что обычно для золотоордынского города. Отметим, что кухонная разделка стандартизирована, это, как правило, связано с функционированием в городе лавок мясников.

Основное место в коллекции принадлежит определяемым и неопределяемым до вида остаткам млекопитающих – 98,6%. Костей других классов животных – птиц (0,4%) и рыб (1%), оказалось немного. Домашние «помощники» представлены остатками собак (0,3% от всех определяемых до вида костей млекопитающих) и кошек (0,2%). Удалось зафиксировать кости трех видов диких животных – благородного оленя, дикого кабана и барсука (0,5% в совокупности от всех определяемых остатков млекопитающих), основными из которых являются кости оленя (0,4%).

Основную часть – 94,5% составляют среди определяемых остатков млекопитающих кости домашних «мясных» копытных. Превалируют кости крупного рогатого скота – 48,3%, второе место у мелкого рогатого скота – 31,1%, третья позиция у остатков свиньи – 9,2% и четвертая – у лошади – 5,8%. Анатомически в культурных напластованиях представлены все части скелетов этих животных и по этому принципу и следам разделки можно говорить, что все они были съедены на данном памятнике. Объемы мясного потребления следующие: на первом «месте» с большим «отрывом» от других мясных продуктов – говядина (82,8%), на втором – баранина/козлятина (8,9%), конина – на третьем (7,1%), завершает иерархию свинина (1,2%). Такое распределение мясных продуктов, рассчитанное на небольшой выборке из данного раскопа, может оказаться характерным лишь для данного участка города и недостоверным для всего памятника. Тем не менее, получается, что даже для одного участка мясные продукты поставлялись из окружающих данный город селений, здесь не практиковали разведение домашней птицы, добычу диких животных и птиц, рыбную ловлю. По археозоологическим материалам данного раскопа выявляется, что доля КРС в мясном потреблении очень высока, разделка мясных туш стандартизирована для продажи, индекс раздробленности низок. Все эти данные почти идентичны сведениям, полученным при исследованиях по той же методике коллекций других южных городов Золотой Орды, таких как Азак и Маджар (Яворская, 2021. С. 218. Табл. 1), в которых были хорошо отлажены поставки мясных продуктов из округи, а горожане занимались исключительно своими торговыми и ремесленными делами, а не выращиванием животных для мяса.

Литература

- Антипина Е.Е.* 2004. Археозоологические материалы // Каргалы. Т. III. Селище Горный: археологические материалы, технология горно-металлургического производства, археобиологические исследования. М.
- Кесати З.М.* 2019. Дурсаттан – каменоломни Верхнего Джулата // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. Владикавказ. № 4.
- Козенкова В.И., Крупнов Е.И., Кузнецов В.А., Марковин В.И., Мунчаев Р.М.* 1963. Полный научный отчет Северо-Кавказской археологической экспедиции о полевых исследованиях 1962 года. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2459.
- Кузнецов В.А.* 1978. Отчет о раскопках на городище Верхний Джулат в Северо-Осетинской АССР в 1977 г. Орджоникидзе. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6552.
- Леонтьева А.С.* 2021. Археологические разведки 2018 г. на городище Татартуп // Археологическое наследие: материалы и интерпретации. Вып. 2. Владикавказ.
- Милорадович О.В., Кузнецов В.А., Крупнов Е.И.* 1960. Полный научный отчет Северо-Кавказской археологической экспедиции о работах, произведенных в Северной Осетии в 1959 году. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1994.
- Полный научный отчет о работах объединенной Северо-Кавказской археологической экспедиции (СКАЭ), проведенной летом 1961 года. М., 1962. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2320.

- Полный научный отчет Северо-Кавказской археологической экспедиции 1958 года. М., 1959. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1818.
- Царикаева (Албегова) З.Х.* 2006. Отчет об археологической разведке в Северной Осетии в 2005 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 26240.
- Шестопалова Э.Ю.* 2018. Отчет об археологических разведках в Кировском районе Республики Северная Осетия-Алания в 2017 г. в зоне строительства автомобильной дороги М-4 «Дон»-Владикавказ-Грозный-Махачкала – граница с Азербайджанской республикой на участке км 507+000-км 517+000. Владикавказ.
- Яворская Л.В.* 2021. Археозоологические исследования городов Золотой Орды: современные интерпретации // Аналитические исследования Лаборатории естественнонаучных методов. Вып. V. М.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН	– Академия наук
АНО	– автономная некоммерческая организация
АН СССР	– Академия наук СССР
АО	– Археологические открытия
АР	– автономная республика
АС	– Археологический съезд
АСГЭ	– Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВДИ	– Вестник древней истории
ВММК	– Восточноманычская катакомбная культура
ВООПИиК	– Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
ГАИМК	– Государственная академия истории материальной культуры
ГАУК РО	– Государственное автономное учреждение культуры Ростовской области
ГИМ	– Государственный исторический музей
ДНАЭ	– Дагестанская новостроечная археологическая экспедиция
ДФИЦ	– Дагестанский федеральный исследовательский центр
ЗКАЭ	– Западно-Кавказская археологическая экспедиция
ИА	– Институт археологии
ИАК	– Императорская археологическая комиссия
ИИАЭ	– Институт истории, археологии и этнографии
ИИМК	– Институт истории материальной культуры Российской академии наук
ИО	– Институт океанологии
КБИГИ	– Кабардино-Балкарский Институт гуманитарных исследований
КБНЦ	– Кабардино-Балкарский научный центр
КИКМ	– Кисловодский историко-краеведческий музей
КМК	– культура многоваликовой керамики
КИО	– культурно-историческая общность
КРС	– крупный рогатый скот
КСИИМК	– Краткие сообщения ИИМК
КСИА	– Краткие сообщения ИА
МАД	– Материалы по археологии Дагестана
МАИАСП	– Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья
МГУ	– Московский государственный университет
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
МИАСК	– Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа
МИСК	– Материалы по изучению Ставропольского края

МО ГАИМК	– Московское отделение Государственной академии истории материальной культуры
МРС	– мелкий рогатый скот
НАН	– Национальная академия наук
НГОМЗ	– Новгородский государственный объединенный музей-заповедник
НИМЗ	– Новороссийский исторический музей-заповедник
НИУ	– Национальный исследовательский университет
НПЦ	– Научно-производственный центр
ПИФК	– Проблемы истории, филологии, культуры
ППАЭ	– Предгорно-плоскостная археологическая экспедиция
РА	– Российская археология
РАН	– Российская академия наук
РА	– Республика Адыгея
РГО	– Русское географическое общество
РД	– Республика Дагестан
РЖВ	– ранний железный век
РО НА	– Рукописный отдел Научного архива
РНФ	– Российский научный фонд
РСО	– Республика Северная Осетия
РФ	– Рукописный фонд
РФА	– рентгенофлуоресцентный анализ
СА	– Советская археология
СГСПУ	– Самарский государственный социально-педагогический университет
СевГУ	– Севастопольский государственный университет
СПбГУ	– Санкт-Петербургский государственный университет
СКАЭ	– Северо-Кавказская археологическая экспедиция
СУАК	– Ставропольская ученая архивная комиссия
СЭ	– Советская этнография
УрО	– Уральское отделение
ФО НА	– Фотоотдел Научного архива
ЧИГУ	– Чечено-Ингушский государственный университет
ЧР	– Чеченская Республика
АМЕА	– Azərbaycan Milli Elmlər Akademiyası
BMSAP	– Bulletins et mémoires de la Société d'anthropologie de Paris
РСА	– principal component analysis

СПИСОК АВТОРОВ
СТАТЕЙ И ДОКЛАДОВ

- Абдулаев Абдула Магомедович** – науч. сотрудник Института истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, г. Махачкала.
E-mail: realhigh87@mail.ru
- Абдуллаева Арзу Гахраман кызы** – науч. сотрудник Института археологии и антропологии НАН Азербайджана, г. Баку (Азербайджан).
E-mail: arzu.81@inbox.ru
- Абрамова Александра Николаевна** – канд. ист. наук, зав. отделом археологических фондов Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д.Фелицына, г. Краснодар.
E-mail: abramovasacha0902@gmail.com
- Агаларзаде Анар Мирсамид оглы** – канд. ист. наук, доцент, вед. науч. сотрудник Института археологии и антропологии НАН Азербайджана, г. Баку (Азербайджан).
E-mail: anararxeoloq@mail.ru
- Албегова Зарина Хаджи-Муратовна** – канд. ист. наук, науч. сотрудник Института археологии РАН, г. Москва.
E-mail: albegova_zarina@rambler.ru
- Алейников Сергей Владимирович** – специалист Отдела сохранения археологического наследия Института археологии РАН, г. Москва.
E-mail: arf3y@yandex.ru
- Алексеев Алексей Николаевич** – стажер-исследователь Кабардино-Балкарского научного центра РАН, г. Нальчик.
E-mail: pagantorir9@gmail.com
- Алиева Фидан Азад кызы** – ст. науч. сотрудник Института археологии и антропологии НАН Азербайджана, г. Баку (Азербайджан).
E-mail: fidanalilyeva80@mail.ru
- Амиров Шахмардан Назимович** – доктор ист. наук, вед. науч. сотрудник Института археологии РАН, г. Москва.
E-mail: shahmardan@mail.ru
- Амирханов Хизри Амирханович** – доктор ист. наук, профессор, зав. отделом археологии каменного века Института археологии РАН, г. Москва.
E-mail: amirkhanov@rambler.ru
- Аникеева Ольга Викторовна** – канд. геол.-мин. наук, вед. науч. сотрудник Государственного научно-исследовательского института реставрации, г. Москва.
E-mail: olganikeeva@yandex.ru
- Аргун Алхас Валикович** – канд. ист. наук, директор Национального Новоафонского историко-культурного заповедника «Анакопия», г. Новый Афон (Республика Абхазия).
E-mail: hasafon@mail.ru
- Армарчук Екатерина Александровна** – канд. ист. наук, ст. науч. сотрудник Института археологии РАН, г. Москва.
E-mail: katherine-arm@yandex.ru
- Ахба Диана Владимировна** – зав. отделом древней истории и средних веков Абхазского государственного музея, г. Сухум (Республика Абхазия).
E-mail: arkadi 100@rambler.ru

- Ахмаров Азамат Усманович** – мл. науч. сотрудник Центра археологических исследований АН Чеченской Республики, г. Грозный.
E-mail: acztec@mail.ru
- Бабенко Анна Николаевна** – канд. биол. наук, науч. сотрудник Института археологии РАН, г. Москва.
E-mail: mnetosina_a@mail.ru
- Бабенко Виталий Александрович** – ст. преподаватель Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь.
E-mail: vit-babenko@yandex.ru
- Багаев Муса Харонович** – доктор ист. наук, профессор, г. Грозный.
E-mail: isiewa.roz@yandex.ru
- Бакушев Марат Артурович** – канд. ист. наук, археолог-специалист ООО «Археологическое общество Кубани», г. Ростов-на-Дону. *E-mail: bakart@mail.ru*
- Балахванцев Арчил Савелич** – доктор ист. наук, зав. Центром археологии доисламского Востока Института востоковедения РАН, г. Москва.
E-mail: balakhvantsev@gmail.com
- Баранюк Андрей Владимирович** – эксперт по археологии Краснодарского краевого отделения ВООПИиК, г. Краснодар.
E-mail: dropp@ya.ru
- Бачура Ольга Петровна** – канд. биол. наук, ст. науч. сотрудник Института экологии растений и животных УрО РАН, г. Екатеринбург.
E-mail: olga@ipae.uran.ru
- Белецкий Денис Викторович** – независимый исследователь, г. Москва.
E-mail: gaodenis@yandex.ru
- Березина Наталия Яковлевна** – канд. биол. наук, ст. науч. сотрудник НИИ и Музея антропологии МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва.
E-mail: berezina.natalia@gmail.com
- Болдырева Екатерина Михайловна** – канд. ист. наук, ст. науч. сотрудник Государственного исторического музея, г. Москва.
E-mail: embold@mail.ru
- Будайчиев Арсен Лахманович** – науч. сотрудник Института истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, г. Махачкала.
E-mail: arseneihae@yandex.ru
- Булыгина Евгения Станиславовна** – канд. биол. наук, вед. науч. сотрудник НИЦ “Курчатовский институт”, г. Москва.
E-mail: bulygina_es@nrcki.ru
- Бурков Сергей Борисович** – ст. науч. сотрудник Института истории и археологии РСО –Алания, г. Владикавказ.
E-mail: sergeyburkov59@yandex.ru
- Быстрицкий Николай Игоревич** – зав. лабораторией комплексных цифровых технологий Института востоковедения РАН.
E-mail: nbystritskiy@yandex.ru

Василиненко Дмитрий Эдуардович – гл. специалист отдела археологии НАО «Наследие Кубани», г. Краснодар.
E-mail: heritage@bk.ru

Васильева Ольга Александровна – специалист по учебно-методической работе кафедры философии, культуроведения и социальных коммуникаций Кубанского гос. университета физической культуры, спорта и туризма, г. Краснодар.
E-mail: levberdon@mail.ru

Вдовченко Евгений Викторович – канд. ист. наук, доцент, зав. кафедрой археологии и истории Древнего мира Института истории и международных отношений Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону.
E-mail: vdovchenkov@yandex.ru

Виноградов Андрей Юрьевич – доктор ист. наук, вед. науч. сотрудник Института востоковедения РАН; НИУ Высшая школа экономики, г. Москва.
E-mail: ampelios@gmail.com

Волков Игорь Викторович – канд. ист. наук, ст. науч. сотрудник Института археологии им. А.Х. Халикова АН Республики Татарстан, г. Казань.
E-mail: plany_2010@mail.ru

Волков Максим Андреевич – преподаватель Воронежского гос. университета.
E-mail: 1994vomaan@mail.ru

Володин Семен Алексеевич – мл. науч. сотрудник Института археологии РАН, г. Москва.
E-mail: volodinsaimon@gmail.com

Габелия Алик Николаевич – канд. ист. наук, доцент, преподаватель Абхазского государственного университета, г. Сухум (Республика Абхазия).
E-mail: agabelia@mail.ru

Гаджиев Багавдиншайих Хакимович – канд. пед. наук, рук. департамента археологии и спецпроектов ООО «НПЦ Туризм и краеведение», г. Махачкала.
E-mail: fondtour1@mail.ru

Гаджиев Муртазали Серажутдинович – доктор ист. наук, профессор, зав. отделом археологии, глав. науч. сотрудник Института истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, г. Махачкала.
E-mail: murgadj@rambler.ru

Гадиев Умалат Бесланович – зам. директора Археологического центра им. Е.И. Крупнова, г. Назрань.
E-mail: umalat06@list.ru

Геворкова Диана Артемовна – студентка 1-го курса магистратуры Государственного академического университета гуманитарных наук, г. Москва.
E-mail: gevorkova.99@mail.ru

Глебов Вячеслав Петрович – канд. ист. наук, науч. сотрудник Археологического научно-исследовательского бюро, г. Ростов-на-Дону.
E-mail: glebov-63@mail.ru

Голованова Любовь Витальевна – канд. ист. наук, глав. науч. сотрудник АНО в области гуманитарных и естественно-научных исследований «Лаборатория доистории», г. С.-Петербург.
E-mail: mezmay57@mail.ru

Голубев Лазарь Эрвандович – канд. ист. наук, вед. науч. сотрудник Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева, г. Майкоп.
E-mail: lasar68@mail.ru

Григорьева Ольга Владимировна – науч. сотрудник Института истории материальной культуры РАН, г. С.-Петербург.
E-mail: sigrid@yandex.ru

Гугуев Юрий Константинович – вед. специалист ООО «Археос», г. Ставрополь.
E-mail: yuri.guguev@gmail.com

Данильченко Алексей Юрьевич – директор Каменского музея декоративно-прикладного искусства и народного творчества, г. Каменск-Шахтинский.
E-mail: adanil4enko@yandex.ru

Демиденко Сергей Викторович – канд. ист. наук, науч. сотрудник Института археологии РАН, г. Москва.
E-mail: sergey.demidenko2015@yandex.ru

Дмитриев Александр Васильевич – независимый исследователь, г. Новороссийск.
E-mail: al.misxako@yandex.ru

Доброва Ольга Павловна – ст. науч. сотрудник Центра палеоэтнологических исследований, г. Москва.
E-mail: russa-dolya@mail.ru

Дороницев Владимир Борисович – канд. ист. наук, директор АНО в области гуманитарных и естественно-научных исследований «Лаборатория доистории», г. С.-Петербург.
E-mail: labprehistory@yandex.ru

Дороницева Екатерина Владимировна – канд. ист. наук, ст. науч. сотрудник АНО в области гуманитарных и естественно-научных исследований «Лаборатория доистории», г. С.-Петербург.
E-mail: edoronicheva87@yandex.ru

Дорофей, архимандрит (Дбар Дмитрий Заурович) – доктор теологии, доцент, вед. науч. сотрудник Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. Гулиа АН Абхазии, г. Сухум (Республика Абхазия).
E-mail: dbardorotheos@gmail.com

Дружинина Инга Александровна – канд. ист. наук, ст. науч. сотрудник Института востоковедения РАН, науч. сотрудник Института археологии РАН, г. Москва.
E-mail: inga_druzh@mail.ru

Дрыга Даниил Олегович – канд. техн. наук, доцент кафедры механики и процессов управления инженерной академии Российского университета дружбы народов.
E-mail: hopkuh@gmail.com

Дударев Сергей Леонидович – доктор ист. наук, профессор, консультант Русского географического общества, г. Армавира.
E-mail: didarev51@mail.ru

Ендольцева Екатерина Юрьевна – доктор искусствоведения, вед. науч. сотрудник Института востоковедения РАН, г. Москва.
E-mail: kat345@yandex.ru

Еременко Кирилл Юрьевич – зав. отделом научно-исследовательской и экспозиционно-выставочной работы Северокавказского филиала Государственного музея Востока, г. Майкоп.
E-mail: k.erehenko2012@yandex.ru

Зиливинская Эмма Давидовна – доктор ист. наук, вед. науч. сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва.
E-mail: eziliv@mail.ru

Иванов Алексей Владимирович – археолог ООО «КубаньАрхСпас», г. Краснодар.
E-mail: ivanov_arx@mail.ru

Ильюков Леонид Сергеевич – канд. ист. наук, ст. науч. сотрудник Южного научного центра РАН, г. Ростов-на-Дону.
E-mail: ilyukov@ssc-ras.ru

Исаев Султан Хусенович – руководитель Центра археологических открытий АН Чеченской Республики, г. Грозный.
E-mail: Sultan.isaev.80@mail.ru

Кадзаева Залина Петровна – науч. сотрудник Института истории и археологии РСО – Алаания, г. Владикавказ.
E-mail: zalina.kad@mail.ru

Кадиева Анна Анатольевна – науч. сотрудник Государственного исторического музея, г. Москва.
E-mail: adelgeida85@mail.ru

Казеннова Любовь Константиновна – лаборант-исследователь Центра историко-археологических исследований Крыма и Средиземноморья Института востоковедения РАН, специалист науч.-иссл. лаб. «Цифровые технологии в историко-археологических исследованиях» СевГУ.
E-mail: kazennova.lyubov@mail.ru

Калинин Павел Иванович – канд. геол.-мин. наук, ст. науч. сотрудник Института физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, г. Пушкино.
E-mail: kalinin331@rambler.ru

Канторович Анатолий Робертович – доктор ист. наук, зав. кафедрой археологии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва.
E-mail: kantorovich@mail.ru

Каримов Самир Карим оглы – канд. ист. наук, доцент, вед. науч. сотрудник Ленкоранского регионального научного Центра НАН Азербайджана, г. Ленкоран (Азербайджан).
E-mail: samir-cayrud@mail.ru

Карнаушенко Александр Дмитриевич – лаборант-исследователь Центра историко-археологических исследований Крыма и Средиземноморья Института востоковедения РАН, специалист 1-й категории науч.-иссл. лаб. «Цифровые технологии в историко-археологических исследованиях» СевГУ.
E-mail: scad.luncher@gmail.com

Карнаушенко Элла Николаевна – специалист науч.-иссл. лаб. «Цифровые технологии в историко-археологических исследованиях» СевГУ.
E-mail: yellika@gmail.com

- Карпова Евгения Владимировна** – канд. геол.-минер. наук, доцент, и.о. зав. кафедрой нефтегазовой седиментологии и морской геологии геологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва.
E-mail: karpoff_2002@mail.ru
- Керцева (Вольная) Галина Николаевна** – канд. ист. наук, доцент, ст. науч. сотрудник Института истории и археологии РСО – Алания, г. Владикавказ.
E-mail: gal.volnaya@yandex.ru
- Кияшко Алексей Владимирович** – доктор ист. наук, доцент, профессор Южного федерального университета, вед. науч. сотрудник Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН, г. Ростов-на-Дону.
E-mail: volgodon5@mail.ru
- Клещенко Александр Александрович** – канд. ист. наук, науч. сотрудник Института археологии РАН, г. Москва.
E-mail: sansanych@bk.ru
- Климушина Александра Игоревна** – мл. науч. сотрудник Института истории материальной культуры РАН, г. С.-Петербург.
E-mail: elizavetaklim21@mail.ru
- Ковалев Алексей Анатольевич** – науч. сотрудник Института археологии РАН, г. Москва.
E-mail: chemurchek@mail.ru
- Колпакова Алиса Вадимовна** – ст. науч. сотрудник Новороссийского исторического музея-заповедника, г. Новороссийск.
E-mail: alice_k@list.ru
- Кондряков Никита Владимирович** – внешт. сотрудник Краснодарского краевого отделения ВООПИиК, г. Краснодар.
E-mail: dropp@ya.ru
- Корневский Сергей Николаевич** – доктор ист. наук, вед. науч. сотрудник Института археологии РАН, г. Москва.
E-mail: skorenevskiy@yandex.ru
- Коробов Дмитрий Сергеевич** – доктор ист. наук, профессор РАН, зав. отделом теории и методики Института археологии РАН, г. Москва.
E-mail: dkorobov@mail.ru
- Кочкаров Умар Юсуфович** – канд. ист. наук, зав. научно-отраслевым архивом Института археологии РАН, г. Москва.
E-mail: umar_k@mail.ru
- Котин Марк Андреевич** – мл. науч. сотрудник отдела Востока Государственного Эрмитажа, г. С.-Петербург.
E-mail: kotinmar.k@gmail.com
- Кривошеев Михаил Васильевич** – канд. ист. наук, зав. лабораторией археологических исследований им. А.С. Скрипкина Волгоградского гос. университета, г. Волгоград.
E-mail: krivosheev.azi@volsu.ru
- Кропотов Виктор Валерьевич** – канд. ист. наук, докторант Отдела скифо-сарматской археологии Института археологии РАН, г. Москва.
E-mail: v-kropotov@bk.ru

- Крутоголовенко Константин Александрович** – эксперт по археологии Краснодарского краевого отделения ВООПИиК, г. Краснодар.
E-mail: cost-85@mail.ru
- Кудрявцев Андрей Алексеевич** – науч. сотрудник Института археологии РАН, г. Москва.
E-mail: a-kudravtsev@yandex.ru
- Кузина Инна Николаевна** – науч. сотрудник Института археологии РАН, г. Москва.
E-mail: kuzina.i65@mail.ru
- Кузнецова Татьяна Михайловна** – канд. ист. наук, ст. науч. сотрудник Института археологии РАН, г. Москва.
E-mail: tamulya-kuznecova@yandex.ru
- Кулаков Александр Александрович** – ген. директор ООО «Археос», г. Ставрополь.
E-mail: arheos26@mail.ru
- Левин Егор Сергеевич** – ст. специалист ООО «Западно-Кавказская Археологическая Экспедиция», г. Краснодар.
E-mail: menyailsberg@mail.ru
- Леонова Надежда Викторовна** – науч. сотрудник Государственного исторического музея, г. Москва.
E-mail: vleonova@mail.ru
- Леонтьева Анна Станиславовна** – специалист-археолог ООО «Культурное наследие», г. Москва.
E-mail: i@anleotyeva.ru
- Лопатин Александр Петрович** – зав. отделом археологии и палеонтологии Армавирского краеведческого музея, г. Армавира.
E-mail: levberdon@mail.ru
- Лопатина Надежда Александровна** – филолог-лингвист, переводчик, магистр пед. образования, действительный член РГО, рук. Арт-студии «Ассель» Городского дворца культуры, г. Армавир.
E-mail: levberdon@mail.ru
- Лопатина Татьяна Евгеньевна** – гид-экскурсовод туристического оператора ООО «Манго», преподаватель-исследователь, действительный член РГО, рук. Театра народного танца «Тахтиб» Городского дворца культуры, г. Армавир.
E-mail: levberdon@mail.ru
- Магомедов Рабадан Гаджиевич** – канд. ист. наук, зав. Великентской археологической базой Института истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, г. Махачкала.
E-mail: mag-rabadan@yandex.ru
- Малашев Владимир Юрьевич** – канд. ист. наук, ст. науч. сотрудник Института археологии РАН, г. Москва.
E-mail: malashev@yandex.ru
- Мальшев Алексей Александрович** – канд. ист. наук, зав. отделом скифо-сарматской археологии Института археологии РАН, г. Москва.
E-mail: maa64@mail.ru
- Мамонтова Анна Андреевна** – зав. мастерской отдела реставрации фондов Государственного исторического музея, г. Москва.
E-mail: mctmice@yandex.ru

- Марченко Юлия Владимировна** – помощник ген. директора по развитию музейных связей Государственного Эрмитажа, г. С.-Петербург.
E-mail: marchenko@hermitage.ru
- Маслов Владимир Евгеньевич** – канд. ист. наук, науч. сотрудник Института археологии РАН, г. Москва.
E-mail: maslovlad@mail.ru
- Мастыкова Анна Владимировна** – доктор ист. наук, вед. науч. сотрудник Института археологии РАН, г. Москва.
E-mail: amastykova@mail.ru
- Махмудова Вафа Азбар кызы** – доктор ист. наук, доцент, вед. науч. сотрудник НАН Азербайджана, г. Баку (Азербайджан).
E-mail: vafa-mahmudova@mail.ru
- Медведева Мария Владимировна** – канд. ист. наук, ст. науч. сотрудник Института истории материальной культуры РАН, г. С.-Петербург.
E-mail: marriyam@mail.ru
- Мимоход Роман Алексеевич** – доктор ист. наук, ст. науч. сотрудник Института археологии РАН, г. Москва.
E-mail: mimokhod@gmail.com
- Моисеев Владимир Иванович** – хранитель фондов лаборатории археологических исследований им. А.С. Скрипкина Волгоградского гос. университета, г. Волгоград.
E-mail: moiseev.v.i@mail.ru
- Мокрушин Владимир Павлович** – гл. специалист отдела археологии НАО «Наследие Кубани», г. Краснодар.
E-mail: vlmokrushin@yandex.ru
- Муσειбли Наджаф Алескер оглу** – доктор ист. наук, профессор, зав. отделом Института археологии и антропологии НАН Азербайджана, г. Баку (Азербайджан).
E-mail: necef_museibli@mail.ru
- Мустафаев Лачин Халид оглы** – доктор философии по истории, ст. науч. сотрудник Национального музея истории Азербайджана, г. Баку (Азербайджан).
E-mail: qafqaz8310@rambler.ru
- Мустафаева Нигяр Вугар кызы** – науч. сотрудник Института археологии и антропологии НАН Азербайджана, г. Баку (Азербайджан).
E-mail: nnigarmustafa@gmail.com
- Недолужко Артем Валерьевич** – канд. биол. наук, руководитель Лаборатории палеогеномики Европейского университета в Санкт-Петербурге, г. С.-Петербург.
E-mail: nedoluzhko@gmail.com
- Нарожный Евгений Иванович** – доктор ист. наук, профессор кафедры всеобщей истории, гл. специалист археологической лаборатории Карачаево-Черкесского гос. университета им. У.Д. Алиева, г. Карачаевск.
E-mail: zai_ein@mail.ru
- Нехметова Илаха Адил кызы** – науч. сотрудник Института археологии и антропологии НАН Азербайджана, г. Баку (Азербайджан).
E-mail: ilahenehmetova@gmail.com

Нечипорук Александр Александрович – ст. археолог ООО «Дельта-Л», г. Ростов-на-Дону.
E-mail: nechip25@mail.ru

Новичихин Андрей Михайлович – канд. ист. наук, ст. науч. сотрудник Анапского археологического музея, г. Анапа.
E-mail: yazamat10@yandex.ru

Осипова Екатерина Владиславовна – аспирант Института востоковедения РАН, сотрудник Центра палеоэтнологических исследований, г. Москва.
E-mail: oskate4@mail.ru

Павличенко Наталья Андреевна (совместно с **Соковым П.В., Цинько А.С.**) – ст. науч. сотрудник Института истории материальной культуры РАН, г. С.-Петербург.
E-mail: nat.pavlichenko@gmail.com

Панасюк Наталья Викторовна – канд. ист. наук, старший преподаватель Российского университета дружбы народов, г. Москва.
E-mail: oranatka@yandex.ru

Пелих Алексей Леонидович – доктор ист. наук, профессор Армавирского гос. педагогического университета, г. Армавира.
E-mail: pelich1976@mail.ru

Перевозчикова Алла Александровна – студентка 2-ого курса магистратуры МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва.
E-mail: allarevik@gmail.com

Перерва Евгений Владимирович – канд. ист. наук, доцент кафедры истории и международных отношений Волгоградского гос. университета, г. Волгоград.
E-mail: evgeniy.pererva@volsu.ru

Перцева Марина Александровна – независимый исследователь, г. С.-Петербург.
E-mail: marina_pertseva@bk.ru

Петрова Наталья Юрьевна – канд. ист. наук, науч. сотрудник Института археологии РАН, г. Москва.
E-mail: petrovanatalya7@mail.ru

Поплевко Галина Николаевна – канд. ист. наук, ст. науч. сотрудник Института истории материальной культуры РАН, г. С.-Петербург.
E-mail: poplevko@yandex.ru

Прокопенко Юрий Анатольевич – доктор ист. наук, доцент, профессор кафедры социальной философии и этнологии Гуманитарного института Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь.
E-mail: z_proko_15@mail.ru

Ревина Елена Игоревна – вед. хранитель Ростовского областного музея краеведения, г. Ростов-на-Дону.
E-mail: elena.revina@bk.ru

Резепкин Алексей Дмитриевич – канд. ист. наук, ст. науч. сотрудник Института истории материальной культуры РАН, г. С.-Петербург.
E-mail: rezepkin@mail.ru

Розудеев Василий Васильевич – зав. сектором Государственного автономного учреждения культуры Ростовской области “Донское наследие”, г. Ростов-на-Дону.
E-mail: don-romaro@yandex.ru

- Рослякова Наталья Валерьевна** – канд. ист. наук, ст. науч. сотрудник Самарского гос. социально-педагогического университета г. Самара.
E-mail: roslyakova_n@mail.ru
- Румянцева Ольга Сергеевна** – канд. ист. наук, ст. науч. сотрудник Института археологии РАН, г. Москва.
E-mail: o.roumiantseva@mail.ru
- Рябкова Татьяна Владимировна** – канд. ист. наук, ст. науч. сотрудник отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа, г. С.-Петербург.
E-mail: Ryabkova-tatyana@mail.ru
- Савенко Сергей Николаевич** – канд. ист. наук, зав. сектором природы и археологии Пятигорского краеведческого музея, г. Пятигорск.
E-mail: sovos57@mail.ru
- Саидов Вадим Атемович** – науч. сотрудник Института истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, г. Махачкала.
E-mail: vsaidov1973@mail.ru
- Сайпудинов Мурад Шахбанович** – мл. науч. сотрудник Института истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, г. Махачкала.
E-mail: Naosta@mail.ru
- Сакания Сурам Михайлович** – ст. науч. сотрудник Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. Гулиа АН Абхазии, г. Сухум (Республика Абхазия).
E-mail: suram_sakania@mail.ru
- Сангулия Гарик Анатольевич** – канд. ист. наук, доцент, преподаватель Абхазского государственного университета, г. Сухум (Республика Абхазия).
E-mail: ajsanyg.garick@yandex.ru
- Сапрыкина Ирина Анатольевна** – канд. ист. наук, ст. науч. сотрудник Института археологии РАН, г. Москва.
E-mail: dolmen200@mail.ru
- Сергеев Алексей Юрьевич** – мл. науч. сотрудник Института археологии РАН, г. Москва.
E-mail: alexarchbot@yandex.ru
- Сланов Алан Акимович** – доктор ист. наук, зав. отделом археологии Института истории и археологии РСО – Алания, г. Владикавказ.
- Слободова Наталья Валерьевна** – канд. биол. наук, вед. науч. сотрудник Факультета биологии и биотехнологии НИУ «Высшая школа экономики», г. Москва.
E-mail: Slobodova_NV@nrcki.ru
- Соболев Владислав Юрьевич** – ст. науч. сотрудник Института истории СПбГУ, г. С.-Петербург.
E-mail: vlad.sobolev@mail.ru
- Соков Павел Вадимович** – канд. ист. наук, гл. специалист отдела археологии НАО «Наследие Кубани», г. Краснодар.
E-mail: pvs_arm@mail.ru
- Соломатина Наталья Владимировна** – зав. мастерской отдела реставрации фондов Государственного исторического музея, г. Москва.
E-mail: solomatina.68@mail.ru

Спасская Наталья Николаевна – канд. биол. наук, ученый секретарь Зоологического музея МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва.
E-mail: equusnns@mail.ru

Стеганцева Вероника Яковлевна – редактор Института истории материальной культуры РАН, г. С.-Петербург.
E-mail: veronika_s@mail.ru

Суханов Евгений Владимирович – канд. ист. наук, науч. сотрудник Института археологии РАН, г. Москва.
E-mail: sukhanov_ev@mail.ru

Таймазов Артур Исраилович – канд. ист. наук, ст. науч. сотрудник Института истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, г. Махачкала.
E-mail: taymazov_artur@mail.ru

Требелева Галина Викторовна – канд. ист. наук, науч. сотрудник Института археологии РАН, г. Москва.
E-mail: trgv@mail.ru

Трегуб Тамара Федоровна – канд. геогр. наук, ст. науч. сотрудник Воронежского гос. университета.
E-mail: tregub108@yandex.ru

Тутаева Индира Жанатовна – науч. сотрудник Государственного Эрмитажа, г. С.-Петербург.
E-mail: stavridas.win56@yandex.ru

Улитин Владислав Всеволодович – канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Кубанского гос. университета, г. Краснодар.
E-mail: ulitin_vladislav@yahoo.com

Успенская Олеся Игоревна – канд. ист. наук, науч. сотрудник Института археологии РАН, г. Москва.
E-mail: adamena@mail.ru

Успенский Павел Сергеевич – канд. ист. наук, науч. сотрудник Института археологии РАН, г. Москва.
E-mail: uspenskiy07@mail.ru

Федоренко Наталья Валентиновна – ст. науч. сотрудник Новороссийского исторического музея-заповедника, г. Новороссийск.
E-mail: nfed@yandex.ru

Фоменко Владимир Александрович – канд. ист. наук, доцент, зав. сектором древней истории и археологии Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН, г. Нальчик.
E-mail: fva2005@gmail.com

Фризен Ольга Ивановна – младший научный сотрудник Государственного музея Востока, г. Москва.
E-mail: olgarha@yandex.ru

Хазамов Дибир-Али Алиевич – ст. науч. сотрудник ООО НПЦ «ДАРС», г. Махачкала.
E-mail: hazamov.dali@gmail.com

Цинько Анна Сергеевна – ст. лаборант-исследователь Института истории материальной культуры РАН, г. С.-Петербург.
E-mail: a.tsinko-arheo@yandex.ru

Чечушкова Дарья Игоревна – ст. лаборант Института археологии РАН, г. Москва.
E-mail: dstulova@list.ru

Чхаидзе Виктор Николаевич – канд. ист. наук, науч. сотрудник Института археологии РАН, ст. науч. сотрудник, зав. Центром Института востоковедения РАН, г. Москва.
E-mail: chkhaidze.v@yandex.ru

Чишев Владимир Таймуразович – канд. ист. наук, ст. науч. сотрудник Владикавказского научного центра РАН, г. Владикавказ.
E-mail: hacht@mail.ru

Шарко Федор Сергеевич – канд. биол. наук, науч. сотрудник НИЦ “Курчатовский институт”, г. Москва.
E-mail: fedosic@gmail.com

Шаушев Кыдыр Али Байрамгазыевич – науч. сотрудник ООО «НПЦ Туризм и краеведение», г. Махачкала.
E-mail: kadyrali@mail.ru

Шведчикова Татьяна Юрьевна – канд. ист. наук, ст. науч. сотрудник Института археологии РАН, г. Москва.
E-mail: tashved@gmail.com

Шестопалова Эвелина Юрьевна – Института истории и археологии РСО – Алания, г. Владикавказ.
E-mail: evelina-shestopalova@mail.ru

Шишлина Наталья Ивановна – доктор ист. наук, глав. науч. сотрудник Государственного исторического музея, г. Москва.
E-mail: nshishlina@mail.ru

Шишлов Александр Владимирович – зав. отделом археологии Новороссийского исторического музея-заповедника, г. Новороссийск.
E-mail: ashishloff2017@yandex.ru

Щипанова Анастасия Геннадьевна – директор ООО «Ростовское археологическое научно-исследовательское общество», г. Ростов-на-Дону.
E-mail: schipanova.nastia@yandex.ru

Эрлих Владимир Роальдович – доктор ист. наук, глав. науч. сотрудник Государственного музея Востока, г. Москва.
E-mail: verlikh@bk

Юрков Владлен Глебович – лаборант Института археологии РАН, г. Москва.
E-mail: vladlen.yurkov.v@mail.ru

Юрков Глеб Юрьевич – доктор тех. наук, профессор РАН, ст. науч. сотрудник Института археологии РАН, г. Москва.
E-mail: gy_yurkov@mail.ru

Яворская Лилия Вячеславовна – канд. ист. наук, доцент, ст. науч. сотрудник Института археологии РАН, г. Москва.
E-mail: lv.yavorskaya@gmail.com

Яганова Зарема Эдуардовна – мл. науч. сотрудник Кабардино-Балкарского научного центра РАН, г. Нальчик.
E-mail: zaremay9@gmail.com

Научное издание

**Достижения и перспективы изучения археологии Северного Кавказа
в XX – первой четверти XXI века.**

Материалы Международной научной конференции по археологии Северного Кавказа
«XXXIII Крупновские чтения», посвященной 120-летию со дня рождения
Евгения Игнатьевича Крупнова

Редактор: *Д.С. Коробов*

Дизайн и верстка: *С.В. Кожушков*

Подписано в печать 28.03.2024. Формат 60×90/8

Уч.-изд.л. 33,1 Тираж 200 экз.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт археологии Российской академии наук
117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

ISBN 978-5-94375-432-6

9 785943 754326